

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

1 / 2023

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

THE HISTORICAL EXPERTISE

№ 1 (34) / 2023

- Ответственный редактор** ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н. (Кишинев, Молдова)
- Ответственный секретарь** КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург, Россия)
- Редакционная коллегия**
- ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург, Россия)
- ЕФРЕМЕНКО Дмитрий Валерьевич, д.полит.н., заместитель директора ИНИОН РАН (Москва)
- КОНОПЛЯНКО Константин Сергеевич, независимый исследователь (Москва)
- КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
- ПОДОСОКОРСКИЙ Николай Николаевич — канд. филолог. наук. Старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН (Великий Новгород)
- РАБИНОВИЧ Роман Аронович, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник университета Высшая антропологическая школа (Молдова)
- СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
- ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)
- ТЕСЛЯ Андрей Александрович — канд. философ. наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград)
- ТИХОНОВ Виталий Витальевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., старший научный сотрудник Лаборатории древнерусской культуры ШАГИ РАНХиГС (Москва)
- Редакционный совет**
- ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (Associate Professor) Хьюстонского университета (США)
- КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)
- НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к. филос.н., доцент. Школа исследований окружающей среды и общества *Антропошкола), Тюменский государственный университет (Тюмень, Москва) -
- ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.и.н., руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)

ПОЛЯН Павел Маркович, д.г.н., профессор, почетный профессор
СКГУ/СКФУ, директор Мандельштамовского центра ЕИУ ВШЭ
(Москва)

СМИТ Кэтлин Е., PhD, проф., Школа дипломатической службы
им. Э. Уолша, Джорджтаунский университет (США)

СПИВАК Моника Львовна, д.ф.н., заведующая филиалом ГМП «Мемо-
риальная квартира Андрея Белого» (Москва)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, директор Института
русского языка РАН (Москва)

УШАКИН Сергей Александрович, PhD, проф. антропологии и слависти-
ки Принстонского университета (США)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.и.н., проф. кафедры литературной
критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.и.н., зам. директора Института
славяноведения РАН (Москва)

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович, д.и.н., главный научный
сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник
ИВИ РАН, профессор РГГУ (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного
разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год

E-ISSN 2410-1419

DOI 10.31754/2410-1419-2023-1

Издатель Издатель «HISTORICAL EXPERTISE» S.R.L.
MD-2043, bd. Dacia, 12 ap. 9, mun. Chişinău, Republica Moldova.
e-mail: istorexorg@gmail.com, website www.istorex.org
Tel.: 373 22 773 955

В НОМЕРЕ:

УЕХАТЬ ИЛИ ОСТАТЬСЯ? РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ ПЕРЕД ДИЛЕММОЙ

- 11 **Д. Я. ТРАВИН** *Почему мне важна Россия*
- 15 **Д. В. ДУБРОВСКИЙ** *Почему я уехал, или «заметки постороннего»*
- 20 **Н. Э. КУЛЬБАКА** *«Уехать нельзя остаться», где поставить запятую*
- 23 **М. Ю. НЕМЦЕВ** *О понятии «эмиграция» — сейчас (заметка)*
-

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ

- 29 **К. Н. МОРОЗОВ** *Бюрократическая централизованная модель управления исторической наукой полностью себя исчерпала...*
-

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Глобальная память

- 36 *«Рост культуры памяти и ее институтов приводит к усилению влияния отрицателей Холокоста». Интервью с В. Пизанти*

Национальная память

- 51 *«Исторический процесс переварил их всех...» Беседа с А. В. Шубиным*
- 58 **С. Е. ЭРЛИХ** *Exegi monumentum...: места памяти в эпоху перемен. Рец.: Mihai Stelian Rusu, Alin Croitoru, P-olitics ale memoriei în România postsocialistă. Atitudini sociale față de redenumirea străzilor și înlăturarea statuiilor [Политика памяти в постсоциалистической Румынии. Отношение общества к переименованию улиц и демонтажу памятников]. Iași: Institutul European, 2022. 230 p.*
- 69 **Н. Н. МОРОЗОВ** *Как румыны «превращали омлет в яйца» или О реконструкции капитализма в Румынии после 1989 г.*

Писатели и историческая память

- 82 «Твоя речь, переводимая в текст, — более исповедь перед самим собой, нежели проповедь». Интервью с Ч. Г. Гусейновым
- 104 «После того, как перешли Днестр, у нас в семье была первая смерть — умер братик, потому что у мамы кончилось молоко». Интервью с А. И. Гельманом
- 123 «Я поняла, что память — генератор человеческого в человеке». Интервью с Е. С. Твердисловой
- 155 «Какой урон Путин может нанести русской культуре? Нулевой». Интервью с Л. М. Гиришвицем

Беседы с украинскими историками

- 163 «В России есть люди, которые протестуют, которые получают штрафы, а потом и сроки». Интервью с Г. В. Касьяновым
- 181 «До Булгакова никому дела по-настоящему нет. Как и до Екатерины в Одессе». Интервью с А. В. Красножоном
- 203 «Булгаков — это наш писатель, киевлянин, часть нашей культуры». Интервью с С. В. Машкевичем

К 90-летию прихода к власти нацистов в Германии

- 219 «В начале 1933 года в мировых столицах еще не поняли, что столкнулись с совершенно новым типом политического режима — лживого, беспринципного, не отягощенного никакими моральными нормами и правовыми обязательствами». Интервью с Б. Л. Хавкиным
- 234 Два юбилея начала 2023 года: Взгляд из Германии. Беседа с Д. В. Стратиевским

Корпоративная память

- 242 Л. Р. ХУТ Память о (поздне)советском: практики академической жизни в закрытом обществе (по материалам биографического интервью Л. Л. Бельцер–Лисюткиной)

Концепты исторической мысли

- 256 *Насколько уместна критика «новой этики» в современной России? Интервью Т.В. Левиной с М.Ю. Немцевым*
- 266 **А.А. КОЧЕКОВСКИЙ** *Диалектика немоты: историзм И. Киреевского между социальной и трансцендентальной философией*
- 282 **К.В. ДУШЕНКО** *Понятие 'Джингоизм' в англоязычной печати XIX в.*

Историческая память в художественной культуре

- 302 **М.А. АРТЕМЬЕВ** *К написанию фамилии Лафатер в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»*
- 305 **Д.Я. СТАХОВ** *Кино больших идей. Рец.: «На Западном фронте без перемен», фильм режиссёра Эдварда Бергера*

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ**Методология науки**

- 309 **А.А. ТЕСЛЯ** *Конгениальные. Рец.: Якобсон Р., Леви-Стросс К. Переписка. 1942–1982 / Предисл., подгот. к изд. и прим. Э. Луайе и П. Манилье; пер. с фр. О. Волчек под науч. ред. С. Фокина. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. — 424 с.*

Мир

- 313 **А.С. СТЫКАЛИН** *Рец.: Kevin McDermott, Matthew Stibbe (Ed.). Eastern Europe in 1968. Responses to the Prague Spring and Warsaw Pact Invasion. London: Palgrave Macmillan, 2018. 311 p.*

Русское средневековье

- 336 **Д.В. ГЛУХОВ** *Брат великого князя. Рец.: Шокарев С.Ю. Андрей Большой Углицкий. Судьба и эпоха. Углич: Угличе Поле, 2022. 424 с.*
- 344 **А.А. РОМАНЧУК** *Миф Чарльза Гальперина: несколько слов в связи с выходом книги «The Rise and Demise of the Myth of the Rus' Land». Рец.: Halperin Ch.J. 2022. The Rise and Demise of the Myth of the Rus' Land. ARC, Amsterdam University Press*

Российская империя

- 357 **Н. Н. ПОДОСОКОРСКИЙ** *Об «Императорской России»* Е. В. Анисимова. Рец.: Анисимов Е. В. *Императорская Россия*. СПб.: Питер, 2022. 640 с.
- 364 **М. В. БАТШЕВ** *Чаадаевские контексты*. Рец.: Велижев М. Б. *Чаадаевское дело: риторика, идеология и государственная власть в николаевской России*. М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 392 с. (Серия «Интеллектуальная история»)
- 371 **М. Е. СОРОКА** *Плоды просвещения. Воспитание кайзера Вильгельма II и некоторые параллели с воспитанием Романовых*
- 391 **А. В. ГРИНЁВ** *Краткий обзор монографии Д. Н. Копелева о русских кругосветных экспедициях в первой трети XIX в.*

СССР

- 397 **А. А. КУЛИНСКИЙ** *Рец.: Хаминов Д. В. Историческое образование, наука и историки сибирской периферии в годы сталинизма*. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 221 с.
- 404 **Н. Д. ГИЛЕВИЧ** *Советская гуманитаристика в 1920–1950-е гг. — время для экспериментального поиска в науке*. Рец.: *Советская гуманитаристика: мечты и прагматика в 1920–1950-е гг.: сборник статей*. М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2020. 255 с.
- 416 **А. В. ШАДРИНА** *«Деликатно намекнул на недооценку его научных заслуг советской Академией наук...»: так жили советские «франковеды» (по книге В. А. Погосяна «Историки Французской революции»)*

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

- 426 *«Двум богам служить нельзя...»*.
Интервью с А. С. Усачевым
- 436 *«Могла ли Россия не стать самодержавной?»*
Интервью с С. Ю. Шокаревым
- 448 *«Мне помог счастливый случай...» /*
Интервью с О. Е. Кошелевой
- 459 *Требования к публикации статей и материалов*

IN THE ISSUE:

TO LEAVE THE COUNTRY OR TO STAY IN RUSSIA? RUSSIAN SCIENTISTS FACING A DILEMMA

- 11 **D. Ya. TRAVIN** *Why is Russia important to me*
- 15 **D. V. DUBROVSKIY** *Why I left, or «notes of an outsider»*
- 20 **N. E. KULBAKA** *“You can’t stay away”, where to put a comma*
- 23 **M. Yu. NEMTSEV** *Concerning the concept of “emigration” — now (an essay)*
-

SOCIAL PROBLEMS OF HUMANITIES

- 29 **K. N. MOROZOV** *The bureaucratic centralized model of management of historical science has completely exhausted itself...*
-

COLLECTIVE MEMORY

Global memory

- 36 *“The more Memory Culture grew and the more institutionalized it be-came, the more the deniers gained visibility”. Interview with V. Pisanti*

National memory

- 51 *«The historical process digested them all...» Conversation with A. V. Shubin*
- 58 **S. E. EHRLICH** *Exegi Monumentum...: Sights of Memory during Times of Change. Rev.: Mihai Stelian Rusu, Alin Croitoru, Politici ale memoriei în România postsocialistă. Atitudini sociale față de redenumirea străzilor și înlăturarea statuilor (Politics of memory in post-socialist Romania. Social attitudes towards renaming the streets and removing the monuments). Iași: Institutul European, 2022. 230 p.*
- 69 **N. N. MOROZOV** *How Romanians “turned omelette into eggs” or About the reconstruction of capitalism in Romania after 1989*

Writers and historical memory

- 82 “Your speech translated into text is more a confession to yourself than a sermon”. Interview with Chingiz Huseynov
- 104 “After we crossed the Dniester, we had the first death in our family — my small brother died because my mother ran out of milk”. Interview with A. I. Gelman
- 123 “I realized that memory is the generator of the human in a person”. Interview with E. S. Tverdislova
- 155 “What damage can Putin inflict on Russian culture? Null”. Interview with L. M. Girshovich

Conversations with Ukrainian historians

- 163 “There are people in Russia who protest, who receive fines and then jail terms”. Interview with G. V. Kasianov
- 181 “Nobody really cares about Bulgakov. As well as about Catherine in Odessa”. Interview with A. V. Krasnozhan
- 203 “Bulgakov is our writer, a citizen of Kiev, a part of our culture”. Interview with S. V. Mashkevich

On the occasion of the 90th anniversary of the coming to power of the Nazis in Germany

- 219 “At the beginning of 1933, the world capitals did not yet realize that they were faced with a new type of political regime — deceitful, unprincipled, not burdened by any moral norms and legal obligations”. On the 90th anniversary of the Nazis rise to power in Germany. Interview with B. L. Khavkin
- 234 Two anniversaries at the start of 2023: A view from Germany. Conversation with D. V. Stratievsky

Corporative memory

- 242 L. R. KHUT *Memory of the (Late) Soviet: Practices of Academic Life in a Closed Society (Based on Biographical Interview with L. L. Belzer-Lisyutkina)*

Concepts of historical thought

- 256 Does criticism of the “new ethics” work in contemporary Russia? Interview of M. Yu. Nemtsev by T. V. Levina

- 266 **A. A. KOCHÉKOVSKY** *Dialectics of dumbness: Ivan Kireevsky's Historicism Between Social and Transcendental Philosophy*
- 282 **K. V. DUSHENKO** *The concept of 'Jingoism' in the English-language press of the 19th century*

Historical memory and art

- 302 **M. A. ARTEMYEV** *To the spelling of the name Lavater in the novel by Lev Tolstoy "War and Peace"*
- 305 **D. Ya. STAKHOV** *Cinema of big ideas. Review: "On the Western Front without Change", film directed by Edward Berger*

REVIEWS

Methodology of Science

- 309 **A. A. TESLYA** *Congenial. Rev.: Yakobson R., Levi-Stross K. Perepiska. 1942 – 1982 / Predisl., podgot. k izd. i prim. EH. Luajë i P. Manil'e; per. s fr. O. Volchek pod nauch. red. S. Fokina. – M.: Izdatel'skij dom «Delo» RANKhIGS, 2022. – 424 s.*

The world

- 313 **A. S. STYKALIN** *Rev.: Kevin McDermott, Matthew Stibbe (Ed.). Eastern Europe in 1968. Responses to the Prague Spring and Warsaw Pact Invasion. London: Palgrave Macmillan, 2018. 311 p.*

Russian Middle Ages

- 336 **D. V. GLUKHOV** *Grand Duke's Brother. Rev.: Shokarev S. Yu. Andrey Bolshoy Uglitskiy. Sudba i epokha. Uglich: Ugleche Pole, 2022. 424 p.*

- 344 **A. A. ROMANCHUK** *The Myth of Charles Halperin: a few words in connection with the release of the book "The Rise and Demise of the Myth of the Rus' Land". Rev.: Halperin Ch. J. 2022. The Rise and Demise of the Myth of the Rus' Land. ARC, Amsterdam University Press*

The Russian Empire

- 357 **N. N. PODOSOKORSKY** *About «Imperial Russia» by E. V. Anisimov. Rev.: Anisimov E. V. Imperatorskaya Rossiya. SPb.: Piter, 2022. 640 s.*

- 364 **M. V. BATSHEV** *Chaadaev contexts. Rev.: Velezhev M. B. Chaadaevskoe delo: ritorika, ideologiya i gosudarstvennaya vlast v nikolaevskoy Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie», 2022. — 392 s. (Seriya «Intellektualnaya istoriya»)*
- 371 **M. E. SOROKA** *The Fruits of Enlightenment. The Upbringing of Kaiser Wilhelm II and a Few Parallels with the Romanovs*
- 391 **A. V. GRINĚV** *Brief review of the monograph by D. N. Kopelev about Russian round-the-world expeditions in the first third of the 19th century*

USSR

- 397 **A. A. KULINSKY** *Rev.: Khaminov D. V. Historical Education, Science and Historians of the Siberian Periphery in the Years of Stalinism. Moscow: Political Encyclopedia, 2021. 221 c.*
- 404 **N. D. GILEVICH** *Soviet Humanities in the 1920s–1950s — time for experimental search in science. Rev.: Soviet Humanities: Dreams and Pragmatics in the 1920s–1950s: Collection of Articles. Moscow: Publishing Center of the Russian State University for the Humanities, 2020. 255 p.*
- 416 **A. V. SHADRINA** *“Delicately hinted at the underestimation of his scientific merits by the Soviet Academy of Sciences...”: so lived the Soviet “Frankologists” (according to the book “Historians of the French Revolution” by V. A. Pogosyan)*

HISTORIAN'S TIME

- 426 *«It is impossible to serve two masters...» Interview with A. S. Usachev*
- 436 *«Could Russia not become autocratic?» Interview with S. Yu. Shokarev*
- 448 *«A lucky chance helped me...» Interview with O. E. Kosheleva*
- 459 *Requirements for publication of articles and documents*

Д. Я. Травин

ПОЧЕМУ МНЕ ВАЖНА РОССИЯ

Известный ученый, экономист, специалист по экономической истории России Д. Я. Травин рассуждает о причинах, почему ему важна Россия

Ключевые слова: Россия, Запад, Петербург, эмиграция, просвещение, наука

Сведения об авторе: Травин Дмитрий Яковлевич — кандидат экономических наук, научный руководитель Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Контактная информация: dtravin61@mail.ru

D. Ya. Travin

WHY IS RUSSIA IMPORTANT TO ME

A well-known scientist, economist, specialist in the economic history of Russia D.Ya. Travin talks about the reasons why Russia is important to him

Key words: Russia, West, Petersburg, emigration, education, science

About the author: Travin Dmitry Yakovlevich — Ph.D. in Economics, Scientific Supervisor of the Center for Modernization Studies at the European University at St. Petersburg.

Contact information: dtravin61@mail.ru

Скоро уже год, как я постоянно слышу, что Россия нам больше неважна. Неважно, что с ней будет. Важны жизнь в эмиграции, судьба Украины и способность Запада защититься от России. В общем, важно лишь будущее тех, кто может не жить на просторстве, где мы родились. Я с фев-

раля понимал, что это все не мои чувства.

Понимать-то понимал, но долго не мог сформулировать, почему мне важна Россия. Дело, конечно, здесь не в патриотизме, при котором смешиваются «отечество» и «ваше пре-

восходительство». И не в абстрактной любви к березкам: мои родные «березки» (точнее, сосенки) вообще находятся в Эстонии, где в детстве я проводил каждое лето. «Березок» меня лишили навсегда, а разнообразные «наши превосходительства» давно воспринимаются как раковая опухоль на теле страны.

И вот постепенно, разбираясь в самом себе, я выделил три реальных причины, почему для меня важна Россия. Сейчас я о них скажу, отметив лишь заранее, что это вовсе не размышления об эмиграции. В эмиграцию сейчас уезжает много людей, для которых очень важна Россия, но они не могут оставаться на родине, опасаясь за свою жизнь или свободу. При этом в России живут миллионы людей, абсолютно к нашей стране безразличных. Они с радостью сбежали бы туда, где сытнее, если бы обладали востребованной и хорошо оплачиваемой на Западе профессией. В общем, эмиграция — как правило, следствие текущих обстоятельств, а интерес к России — следствие более сложных причин, которые часто определяются всей нашей жизнью. Вот о тех причинах, которые определяются моей жизнью, я и говорю.

ПЕТЕРБУРГ

Для меня важен Петербург, мой родной город. Я совершенно не представляю свою жизнь без прогулок по нему. В равной степени не представляю ее ни в Москве, ни в Тбилиси. Моя жизнь сложилась так, что в ней нет почти ничего за пределами работы, за пределами книг, текстов,

выступлений. Я не выращиваю помидоры, не играю в гольф, не собираю марки и даже не вожу машину. Любой перерыв между книгами, текстами и выступлениями заполняется Петербургом. Не в том смысле, что я большой его знаток: есть много людей, знающих город лучше меня. А в том — что я, устав от книг, текстов и выступлений, постоянно тычусь в какие-то его уголки. Брожу то в центре, то на окраине. Порой рассматриваю, пытаюсь найти новое. Но чаще погружаюсь в размышления о книгах, текстах и выступлениях, понимая, что дельные мысли могут родиться у меня лишь в этой петербургской атмосфере.

Это моя личная реальность. У других она иная, а потому многие меня не поймут. Что же касается иных причин важности России, то о них я постараюсь рассказать подробнее.

ПРОСВЕЩЕНИЕ

Вторая причина, по которой мне важна Россия, связана с моей собственной судьбой. Тридцать лет я посвятил публицистике. Сначала пытался рассказывать читателям об экономических реформах, о том, что происходило с нами в девяностых. Затем писал в основном на политические темы, стремясь убедить в необходимости демократии. Рассказывал в газетах и журналах о зарубежном опыте, делился в коротких статьях знаниями, которые собирал из десятков толстых книг. Какое-то время верил, что в наших силах сделать российское общество грамотнее и добрее. Затем надеялся оказать хоть какое-то воздействие на уже достаточно гра-

мотного для восприятия сложных вещей читателя. Нынешний год показал, что я, как и многие мои коллеги, оказался в этом деле неуспешен. Россия движется к катастрофе, несмотря на все многолетние попытки ее предотвратить. То, что мы делали, возможно, повлияло позитивно на некоторую часть общества, но силы, находившиеся на другой стороне (вооруженные политической властью, огромными деньгами и мощной машиной по промыванию мозгов) оказались гораздо успешнее.

Разочарование в возможностях просвещения — это, наверное, самое большое разочарование в моей жизни. Сглаживает его и не дает отчаяться лишь то, что я с каждым годом, наряду с публицистикой, все больше занимался наукой, ориентируясь не на сиюминутные политические результаты, а на решение фундаментальных задач, не зависящих от тех «мозгов», которые промывает пропаганда. Последние пятнадцать лет научные задачи значили для меня гораздо больше просветительских. И все же мне никогда не отделаться от воспоминаний о том, сколько сил я посвятил безнадежным российским делам в те годы, когда мои друзья зарабатывали большие деньги, делали быструю карьеру или обрели имя в мировой науке.

Я жестко привязан к России всем своим прошлым. Я не могу плюнуть на Россию, как не могу плюнуть на самого себя, на свою прошедшую жизнь. Я сегодня уже не способен помочь родине стать грамотнее и добрее: после драки кулаками не машут. Но я надеюсь, что наше поражение в битве, это еще не поражение в войне.

НАУКА

А третья причина того, что Россия для меня по-прежнему важна, будет (в отличие от первых двух) абсолютно рациональной. Та научная работа в сфере исторической социологии, которая последние 15 лет все больше заменяла мне публицистику, привела к выводам, настраивающим на оптимистический лад в долгосрочной перспективе, хотя в краткосрочной я уже ничего хорошего не жду.

Вообще-то социальные науки не так уж много могут. Они не могут изменить грустное настоящее, предложив какое-нибудь чудодейственное средство смены правителей или «перенастройки» их мозгов. Они не могут предсказать будущее, поскольку на него влияет множество разных обстоятельств: не только объективных, но и субъективных. Соответственно, науки не способны утешить тех, кто хочет получить хорошую Россию при жизни, и даже тех, кто желает иметь после смерти твердую веру в рай на нашей земле. Некоторые социальные науки могут давать разумные советы вождям или оппозиции, хотя те им обычно не следуют. А моя любимая историческая социология даже советов давать не может. Эта наука не о том, что надо сделать, а о том, какие мы и почему делаем все именно так, как делаем.

Если кратко, моя наука — о том, в чем наш исторический путь отличался от путей других стран, а в чем походил на них. И самое главное: моя наука — о том, есть ли в нашей культуре какая-то червоточинка, не позволяющая России стать успешной, цивилизованной страной. Мои

исследования показывают, что у нас нет культурной ущербности, а те проблемы, которые часто объясняют убожество русского народа (крепостное право, деспотизм, революции), имеют иное, вполне рациональное объяснение. В каждом случае настолько сложное, что требует книги или, по крайней мере, специальной главы. Я очень хочу дописать эти главы и книги.

Можно, наверное, дописать их чисто механически. Без личного отношения к России. «Без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви». «Во мраке заточенья» многие книги так пишутся. Но мне бы хотелось завершить свой путь в науке иначе.

Д. В. Дубровский

ПОЧЕМУ Я УЕХАЛ, ИЛИ «ЗАМЕТКИ ПОСТОРОННЕГО»

Дебаты между «уехавшими» и «оставшимися» россиянами предсказуемо включают в себя острые дебаты между различными представителями российской науки по обе стороны от границы. Основываясь на представлении о разности представлений об академической свободе, на известной формуле Альберта Хиршмана, автор обосновывает ложность дихотомии «уехал» — «остался» и предлагает рассматривать это в рамках общей стратегии выживания российской науки в разных средах, включая авторитарную.

Ключевые слова: Академическая свобода, Россия, война

Сведения об авторе: Дмитрий Викторович Дубровский, к.и.н., до марта 2022 — доцент НИУ-ВШЭ (Москва, СПб). Историк, выпускник Европейского университета в СПб. Основатель и преподаватель программы по правам человека Смольного факультета свободных искусств и наук (2004–2015). Преподавал в Бард-колледже (2014), Колумбийском университете (2015–2017). Стипендиат программы Галины Старовойтовой в Институте Кеннана (2007), Стипендии Фонда Конне (2011, 2020). В настоящее время — сотрудник факультета социальных наук, Карлов университет, профессор Свободного университета (Briva Universitate, Latvia), научный сотрудник Центра независимых социологических исследований. Сфера научных интересов — свобода слова и права меньшинств, академические права и свободы, специальная судебная экспертиза. В России объявлен «иностранным агентом».

Контактная информация: dmitry.dubrovsky@gmail.com

D. V. Dubrovskiy

WHY I LEFT, OR "NOTES OF AN OUTSIDER"

The debate between "defected" and "remaining" Russians predictably includes heated debates between various representatives of Russian science on both sides of the border. Based on the notion of the difference in ideas about academic freedom in Russia, and on the well-known formula of Albert Hirschman, the author substantiates the falsity of the dichotomy "left" — "stayed" and suggests considering this as part of the general strategy for the survival of Russian science in different context, including authoritarian one.

Key words: Academic freedom, Russia, war

About the author: Dmitry V. Dubrovskiy — PhD (History). Till March 2022 — Associate Professor, NRU-HSE (Moscow, Saint Petersburg). Historian, alumni of the European University at St. Petersburg. Founder and lecturer at the Human rights program, Smolny department of liberal arts and science (2004–2015). Teach at Bard College (2014), Columbia University (2015–2017). Galina Starovoitowa Fellow, Kennan Institute of Advanced Russian Studies (2007/2008). Kone fellow (2011, 2020). Now — Research fellow, Department of Social Science, Charles University (Prague), Professor, Free University (Briva Universitate, Latvia), Research Fellow, Center for Independent Social Research. Academic interests — freedom of speech and minority rights, academic rights and freedoms, special expertise in Russia. Declared in Russia “foreign agent”.

Contact information: dmitry.dubrovsky@gmail.com

В продолжающейся дискуссии между «оставшимися» и «уехавшими» мне, по случаю, досталась позиция «уехавшего». Собственно, я отношусь к тем, кто не уехал бы, не будь реалистическими те угрозы, с которыми я столкнулся уже в конце 2021 г. и которые стали совершенно отчетливыми после начала войны (в апреле меня объявили «иноагентом»). Тем не менее, я вижу условность этого разделения и уверен, что разница лежит не в том, где географически находится сейчас тот или иной российский исследователь или преподаватель, а в том, как именно он представляет себе личное пространство академической свободы.

Принято считать, что наука наиболее полно и спокойно развивается там, где защищается свобода. Другими словами, предположительно существует прямая связь между эффективностью научного процесса и степенью свободы, которой обладает исследователь, другими словами, между научной работой и степенью демократичности режима. Эта связь, впрочем, является активно обсуждаемой примерно так же, как обсуждается связь между эффективностью экономики в целом и демократией. Одни утверждают, что

по-настоящему наука и высшее образование развиваются при либеральной демократии, другие кивают на Китай или на Сингапур, уверяя, что наука вполне возможна и во вполне недемократических странах.

Как кажется, применительно к гуманитарному и социальному знанию имеет смысл обратиться к классической для либеральной философии концепции «рынка идей» (marketplace of ideas), включая научные, свободное функционирование которого включает в себя обсуждение, публикацию и критику как процесса их валидации. Очевидно, что в этом случае недемократические режимы ограничивают или вовсе уничтожают саму возможность для свободного обмена идеями, и это особенно касается гуманитарного и социального знания. Таким образом, полноценное функционирование, прежде всего, гуманитарного и социального знания в недемократической среде становится невозможным.

Как раз главным вопросом продолжающейся в настоящее время дискуссии между «уехавшими» и «оставшимися» я вижу именно то, как различные российские ученые видят пространство научной свободы (которую не следует напрямую

смешивать с политической свободой, в частности, со свободой слова).

Действительно, недавнее наше исследование показывает, что в представлении российских ученых есть два образа научной свободы: первая определяется лишь самим исследователем и включает его публичную активность, участие в обмене идеями в публичном пространстве, а вторая, классическая, определяется пространством научных институций и исходит из того, что ученый должен быть сосредоточен только на сугубо научных вещах, любая публичность ему противопоказана, а дискуссии должны происходить в учебных аудиториях и научных журналах.

В этой разнице, как мне представляется, и лежит объяснение тому, как по-разному реагируют сегодняшние российские ученые на резкое изменение политического климата: по сути, большая часть из них не считала публичность важной частью научного процесса, даже иногда называя тех, кто в ней активно участвует, «халзящиками» и «ненастоящими учеными» (поскольку, в логике меритократии, только «настоящие ученые» имеют право критиковать существующее положение вещей). В силу этого обстоятельства даже фактически исчезновение публичного пространства, вызванного законами военного времени, для таких ученых не является серьезной проблемой: они и раньше не рассматривали публичное пространство как составную часть своего научного. Более того — авторитарный режим, хотя и планомерно уничтожает островки, которые связывались с академической свободой — например, Шанинку, Смоль-

ный факультет свободных искусств и наук, или НИУ-ВШЭ, которая на наших глазах превращается, скорее, в университет китайского типа (госменеджмент плюс госидеология) — тем не менее, сохраняет (пока?) некоторые другие места, в которых возможен свободный научный поиск, и относительная свобода внутри научной институции.

В этой ситуации, конечно, наиболее радикально настроенные из «уехавших» полагают, что «оставшиеся» не могут заниматься наукой, особенно социальной ее частью — что, действительно, по-видимому, весьма нелегко, учитывая очевидную цензуру и репрессии против инакомыслящих, особенно в системе высшего образования. Любопытно, что и тут сторонники «классической модели» вполне оправдывают возможную самоцензуру своих выступлений уже внутри Академии тем, что ни темы их исследований, ни преподаваемые лекции не касаются вопросов войны и кризиса, и поэтому предполагаемые проблемы их и тут не касаются.

Таким образом, как будто можно сказать, что какая-то наука, которая не касается чувствительных вопросов и тем, не общается с международными институциями и публично не протестует — становится вполне возможной даже в таких, чудовищных по сути условиях.

Мне представляется, что тут возникает как раз вопрос уже не столько границ научного пространства для ученого и преподавателя, сколько его содержания — то есть, как, собственно, конкретный ученый или преподаватель представляет себе

свою научную деятельность. Вполне возможно, что его научные интересы лежат, например, как в случае с Дмитрием Травиным¹, за пределами актуальной для власти повестки, или, во всяком случае, их не раздражают — особенно когда не публикуются для публичного обсуждения. Напротив, когда основным содержанием исследований или преподавания являются именно вопросы современной российской жизни — тогда для социального исследователя встает вопрос самоцензуры или цензуры в том или ином виде. Разумеется, российские ученые — особенно старшее поколение — вполне умеет пользоваться Эзоповым языком и держать, что называется, фигу в кармане, однако отказ обсуждать или исследовать те или иные вопросы, которые касаются нынешней трагедии, как представляется, даже представителям классической академической свободы должны казаться серьезными ее ограничениями, не говоря уже о фактическом конце международного сотрудничества, по крайней мере, институционального. Показательно, в связи с этим, что как раз успешные случаи отъезда и нахождения хотя бы временной научной или преподавательской позиции как раз связана была с международными сетями сотрудничества.

Кроме того, для многих российских ученых отъезд — это еще и крах многолетних научных проектов, разрыв с архивами (особенно заметный в случае с Россией, где архивы оцифрованы очень плохо или никак), живым научным общением, потеря работы и серьезные трудности с ее поиском за рубежом.

¹ См. статью Д. Травина в этом номере журнала

Наконец, многие из преподавателей или студентов являются еще и антивоенными активистами — и в ситуации резкого противостояния с теми, кто войну поддерживает, молчаливое большинство, которое «занимается своим делом», вполне может восприниматься как поддержка, а не как глухое неодобрение.

Таким образом, разные ученые и преподаватели имеют разную стоимость, если использовать известную работу Альберта Хиршмана, стоимость *exit* и *voice*. Очевидно, что в стоимость *voice* сейчас входит широкий спектр санкций, от увольнения до уголовного преследования, объявление «иностранным агентом», а *exit*'а — потеря работы, существенные и иногда непреодолимые трудности с переездом (включающие, например, овладение иностранным языком). В этой ситуации, конечно, то, что для кого-то может быть вполне обычной сферой повседневных штудий, для других становится убежищем: уход от опасных тем, переключение на «безопасные темы», уход «под линию радаров» (например, закрытие социальных сетей) — становится вполне нормальным для выживания в нынешних условиях.

Таким образом, например, мое решение уехать — точно никак не делает меня лучше или хуже оставшихся — это вопрос оценки своих привилегий (*check your privileges!*) и рисков. Моя работа вполне может продолжаться за пределами России, хотя с некоторыми ее видами пришлось предсказуемо расстаться. По сути, рядом решений власть сделала мой личный

exit более дешевым, чем voice: с работы в НИУ-ВШЭ меня уволили, и объявили меня «иноагентом». Это сделала мою преподавательскую работу невозможной (иноагенты не имеют права преподавать в российских госучреждениях), тот же статус заставляет меня сомневаться в том, что мои научные публикации смогут появляться в России в ближайшем будущем. Наконец, сами темы моих исследований — от злоупотреблений в специальной судебной экспертизе до академических прав и свобод в России — вряд ли можно назвать безопасными. В то же время, мой опыт преподавания и исследований оказался вполне адекватен позиции в Карловом университете, где я сейчас и преподаю.

Суммируя, можно сказать следующее — для российской науки насту-

пили тяжелые времена, возможно, наиболее тяжелые со времен революционного кризиса. Особенно тяжело становится разделять «своих» и «чужих», потому что, на мой взгляд, ни желание уехать, ни желание продолжать работу не делает ученого ни героем, ни страдальцем: каждый выбирает свою оценку рисков и возможностей, исходя из того, как он видит смысл своего научного существования. Я полагаю, за пределами прямой поддержки войны все остальное в нынешних условиях — это формы выживания российского гуманитарного и социального знания как внутри страны, так и за рубежом; задачей это выживания является именно сохраниться как часть мировой науки, хотя очевидно, что ужасающие потери уже произошли и произойдут в будущем.

Н. Э. Кульбака

«УЕХАТЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАТЬСЯ», ГДЕ ПОСТАВИТЬ ЗАПЯТУЮ

Статья посвящена проблеме отъезда из России и тем причинам, по которым этот отъезд невозможен. Делается вывод, что в любом случае большинство людей остается жить там, где они родились и выросли. И не всегда это решение зависит от самого человека.

Ключевые слова: Миграция, Россия, релокация

Сведения об авторе: Николай Элиарович Кульбака — кандидат экономических наук. Автор книг и статей по региональной экономике, экономической истории, транспортной логистике и истории транспорта.

Контактная информация: nkulbaka@yandex.ru

N. E. Kulbaka

"YOU CAN'T STAY AWAY", WHERE TO PUT A COMMA

The article is devoted to the problem of leaving Russia and the reasons why this departure is impossible. It is concluded that in any case, most people remain to live where they were born and raised. And this decision does not always depend on the person himself.

Keywords: Migration, Russia, relocation

About the author: Nikolay E. Kulbaka — Candidate of Economic Sciences. Author of books and articles on regional economics, economic history, transport logistics and transport history.

Contact information: nkulbaka@yandex.ru

Вопрос о том, уезжать или нет, к сожалению, не так прост. Ответ на него зависит от огромного количества обстоятельств, которые складываются вокруг человека. Как экономист могу сказать, что это сочетание огромного числа выгод и издержек, которые

причудливо тасуются реальными обстоятельствами жизни человека и его возможностями.

Многие из нас переезжали за свою жизнь не один раз. Кто-то переезжает из периферии в Москву, кто-то

наоборот. Я же за свою жизнь совершил сначала центробежное движение из средней полосы к северным окраинам страны, а затем — центростремительное, которое постепенно привело меня в Москву. Каждый раз фактически мне приходилось начинать жизнь заново. Конечно, в родной стране, с родным языком адаптация проходит намного легче, но тебе всегда приходится менять круг общения, дом, а нередко и профессию.

Естественно, что переезд в другую страну и другую культуру намного сложнее в силу большей разницы в образе жизни и неизбежного языкового барьера. Поэтому каждый раз необходимо оценивать, стоит ли идти на такие издержки и какие выгоды смена страны может дать. Легче всего переезд получится у того, кому нечего терять. Люди рабочих профессий нужны в любой стране. Парикмахеры и плотники, механики и сантехники скорее всего найдут себе работу. Мало того, зачастую они даже выиграют от такого переезда, попав в страну с высокими социальными гарантиями и уровнем жизни. Сравнительно быстро смогут адаптироваться программисты и те, кто связан с computer science. Как много лет назад сказал мне один российский программист: «а какая разница, где в экран монитора пялиться, у нас или в Америке». Более или менее спокойно могут найти себе работу ученые высокого уровня, особенно те из них, кто стажировался на Западе и имеет там контакты, знание среды и статус. Именно последние две категории (программисты и серьезные ученые) наиболее часто упоминаются, когда речь идет об уехавших. Правда, обе эти категории не слишком многочисленны.

В принципе, если посмотреть на специалистов рабочих профессий, то получится, что огромное число наших граждан может уехать за границу. В конце концов, какая разница, уехал муж на заработки в Москву или в Дюссельдорф. Если семья живет за Уралом, то большой разницы, пожалуй, нет. Другое дело, что подавляющее число рабочих не готово рисковать той «синицей», которую они получают, ремонтируя, например, квартиры москвичей, чтобы надеяться на немецкого «журавля». Страшно, непонятно, неизвестно. Впрочем, уезжают и рабочие. Кто на год, кто на несколько лет, а кто-то и навсегда.

Но я хочу поговорить о тех, кто не уехал и, скорее всего, не уедет. Причины такого решения вполне понятны. Это якоря. Такими якорями выступают больные родственники, преклонный возраст, риск потерять профессию, которая худо-бедно кормит, невозможность перенести свой опыт и знание на другую территорию, да и плохое знание языков я бы тоже не сбрасывал со счета. И эти причины стоят того, чтобы их обсудить.

Если у вас есть родственники преклонного возраста, то весьма велика вероятность, что они либо нетранспортабельны, либо категорически отказываются куда-то переезжать. А оставить их вы тоже не можете, поскольку помогать из-за границы сейчас становится практически невозможно. Кроме того, без постоянного личного ухода многие из пожилых людей просто не справятся. Конечно, эта причина будет якорем не для всех, но чем старше мы становимся, тем более вероятно, что мы с этим столкнемся. Мало того, существу-

ет растущий риск внезапного ухудшения ситуации, когда вполне себе ходящий и обслуживающий себя пожилой родственник может в один момент стать человеком, нуждающимся в круглосуточном уходе.

Риск потери профессии тоже зачастую связан с возрастом, когда смена рода деятельности является серьезной проблемой. Конечно, есть множество примеров успешного карьерного развития за пределами своей профессии, но это исключения, подтверждающие правило. Конечно, можно и в 50 лет пойти в водители или землекопы, причем, в Европе еще и сравнительно терпимо зарабатывать, но сам факт перехода из белых воротничков в синие для многих людей является неприемлемым. Другая часть этого якоря состоит в том, что у многих людей профессия, так или иначе, связана с Россией. Это филологи и лингвисты, журналисты и историки. Часть из них имеет профессию, завязанную на русскоязычной среде, часть — привязана к территории России, ее архивам, полевым исследованиям, культуре и населению. Большинство из них, будучи оторванными от своей исследовательской среды, немедленно потеряют свой экспертный статус. И снова необходимо подчеркнуть, что это болезненнее всего для исследователей в возрасте, с большими наработками и незавершенными проектами. Времени на которые остается все меньше.

К этому примыкает еще один якорь — плохое знание языков. Можно писать статьи для иностранных журналов и даже периодически общаться с иностранными коллегами, но для полноценной жизни в чужой стра-

не этого недостаточно. По данным 2021 года, в России английский язык знают хуже, чем в Индии и Китае. И это самый распространенный в нашей стране иностранный язык. Но англоязычных стран всего две. Еще в нескольких можно сравнительно легко найти англоговорящих, но дальше придется учить родной язык новой страны. И это далеко не такая простая задача, которая усложняется с возрастом.

Россия вообще страна с крайне низкой мобильностью. Даже российская научная система выстроена таким образом, что ученый может всю жизнь после университета проработать в одном и том же институте. Это только кажется, что все мы откуда-то и куда-то переехали, но на самом деле, это, скорее всего, были наши дедушки-бабушки, а многие из нас продолжают жить в тех квартирах, где выросли их родители, и не представляют себе иного образа жизни. Это ведь тоже якорь. И очень сильный.

Так что переезжает сравнительно небольшая часть людей. Остальные, кто вынужденно, кто осознанно, будут продолжать жить на территории России, как это было всегда. Генетические исследования подтверждают, что подавляющее число людей на любой территории продолжают жить там, где жили их предки много столетий назад. И никакие катаклизмы это не изменят. По образному выражению генетиков, гены пришлых людей в большинстве регионов выглядят как глазурь на пироге. И этот наш российский пирог будет находиться на этом месте и сейчас, и через сто лет. И никакие миграции изменить это не смогут.

М. Ю. Немцев

О ПОНЯТИИ «ЭМИГРАЦИЯ» — СЕЙЧАС (ЗАМЕТКА)

В статье рассматривается применимость понятия «эмиграция» к тем, кто уехал из России в 2022 году. Основной тезис статьи состоит в том, что в современных условиях новая волна «эмиграции», начавшаяся в 2012 году, происходит в существенно иных обстоятельствах, чем предыдущие волны эмиграции из России, поэтому объективно требуется новое понятие. Поэтому сами новые российские «эмигранты» часто отказываются так себя именовать. Эмиграция подразумевает слом повседневности. Рассмотрены две возникающие при этом проблемы. Это разрыв ближайших социальных связей, что переживается как неисполнение долга. И это физическая невозможность присутствия в родном ландшафте (на родине), что переживается как разлука. Однако в современном мире существуют частные решения, позволяющие справиться с этими проблемами. И это тоже фактор переосмысления понятия «эмиграция».

Ключевые слова: 24 февраля 2022, волны эмиграции, «путинский исход», релокация, российская эмиграция, эмиграция из России, Родина, экспаты

Об авторе: Михаил Юрьевич Немцев — кандидат философских наук, магистр гендерных исследований. Преподавал философию и другие гуманитарные науки в ВУЗах России. В данный момент — сотрудник Российско-армянского (Славянского) университета в Ереване (Армения).

Contact information: nemtsev.m@gmail.com

M. Yu. Nemtsev

CONCERNING THE CONCEPT OF "EMIGRATION" — NOW (AN ESSAY)

The article's main question is whether those who have left Russia in 2022 due to political reasons might be called 'emigrants'. Many of them oppose this notion, using other words, such as 'relocants' etc. Russia has a unique story of several waves of emigration since the last part of the 19th Century. The ongoing wave is observable since 2012, although since 24.02.2022 we witnessed an obvious surge. My main stance is that the ongoing situation essentially differs from situations of previous waves, thus there is a need for a new term instead of 'emigration'. This better term has not emerged yet. Leaving one's country implies destruction of

one's everydayness. I concentrate on two problems: breaks in the closest social connections, that is being perceived as violation of the duty, and leaving one's native land (the Homeland), which is being perceived as separation. These problems among others influence decisions concerning leaving the country. Nonetheless, the world communities of people who have left their countries have experience of dealing with these problems.

Key words: February 24 in Russia, Expatriates, Homeland, "Putin's exodus", relocation, Russian Emigration, Waves of Emigration from Russia

About the author: Mikhail Nemtsev. He has Ph.D. (*kandidatskaya*) in Philosophy and MA in Gender Studies. He taught Philosophy and Humanities in various Universities in Russia. Currently he teaches Post-colonial Theory at Russian-Armenian University in Yerevan, Armenia.

Contact information: nemtsev.m@gmail.com

Примем, что «эмигрантами» можно считать тех, кто не может вернуться в страну происхождения. Тех, кто либо покинули её собственным решением, либо вынуждены были так поступить под давлением внешних сил: угроз, арестов, угроза арестом, необходимость продолжения работы, более невозможной на Родине, и т. п. Там, куда они уехали, эмигранты предоставлены сами себе. Это отличает их от *беженцев*, нуждающихся в убежище и непосредственной помощи. Впрочем, разделительная линия между теми и теми неотчётлива.

Оказавшись в другой стране, эмигранты свободны отрешиться от своей прошлой истории, перезагрузив её. Либо они могут её неопределённо долго «длить». Они оказываются в своеобразной второй реальности: их воображение и рассудок захвачены процессами и событиями, в которых они непосредственного участия уже не принимают. Опыт послереволюционной эмиграции показал, что так можно жить годы и годы. «Эмиграция» требует самоопределения по отношению к этой захваченности, которая для кого-то остаётся самым сильным фактором связи с прошлой жизнью.

Почему мы, те, кто покинул Россию после 24 февраля и из-за 24 февраля, часто избегаем называть себя «эмигрантами»? И как им(нам) теперь себя называть? Распространились новые слова — «релоканты», «уехавшие». Но одних «релокантов» в гостинице встречает присланный их компанией менеджер по релокации, а других вообще никто не встречает, вообще никто. *Вероятно, самое подходящее слово для тех, кто перестал жить в России в 2022 году, ещё появится.*

Под «*перестали жить в России*» я имею в виду самые разные решения относительно своей жизни. И решительный отъезд навсегда в другую страну, вплоть до обретения другого гражданства (у кого есть такая возможность). И временное, по самоощущению, перемещение в соседнюю страну, чтобы там «переждать и осмотреться». И такое же перемещение, — но затягивающееся на неопределённый срок; и мерцательную жизнь между двумя, тремя, большим числом стран, включая в их число и Россию. И другие возможные варианты. Полной типологии жизненных ситуаций этого года ещё только предстоит появиться.

В разных странах — в Армении, Германии, Грузии, Израиле, Казахстане, Монголии, Эстонии, те, кто туда уехал, оказались в разных культурно-политических ситуациях и должны адаптироваться к разным ожиданиям относительно приезжих из РФ. Языковой и расовый фактор по-разному влияет на жизнь в разных местах. Скажем, не все до того даже подозревали, что когда-либо где-либо могут оказаться не просто этническим, но расовым меньшинством, и что к ним будут хорошо, доверительно относиться, но по лицу сразу распознавать в них чужих, как сами они там, дома, у себя, привыкли узнавать приезжих

Слова «эмиграция» и «эмигрант» в российской культуре слишком нагружены массой коннотаций. Тот, кто использует его сейчас, вольно или невольно соотносит текущую ситуацию с ситуациями наиболее известных волн эмиграции — послереволюционной и эмиграции 1970-х. На мой взгляд, современная ситуация принципиально отлична. Именно поэтому возникают трудности с именованиями. Вероятно, сейчас ещё пока невозможно найти универсальное слово, чтобы назвать им всех случаи проживания в чужой стране, потому что это по какой-либо причине предпочтительнее нахождения в родной.

Но когда началась эта «современная ситуация»? Начало полномасштабной войны против Украины 24 фев-

раля 2022 стало неожиданностью даже и для тех, кто вроде бы её заранее ждал. Это было настоящее Событие, а к такому не подготовиться. Оно побудило к бегству из России до полу-миллиона человек, преимущественно жителей крупных городов. Однако эта волна — лишь пиковое продолжение очередной волны отъездов из России, начавшейся в 2012 году (причём статистика имеет тенденцию уменьшать отток россиян за рубеж¹). В одном из исследований «предковидного» 2019 года² эта волна прямо названа «путинским исходом». Он начался как раз около десяти лет назад. Далеко не все покидали Россию в это десятилетие по политическим причинам (даже если сейчас годы спустя, эти люди стали намного непримиримее). И далеко не все, кто это сделал в 2022 году, являлись или ощущали себя политическими активистами.

Этот «путинский исход» вызван сочетанием нескольких факторов. Вообще решение о безвозвратном отъезде (собственно об эмиграции) принимается под действием множества факторов, и не все они подконтрольны субъекту решения³. Это решение должно взломать личную повседневность. И вот тут-то она являет свои скрытые пружины. Необходимость разрушения устоявшейся повседневности — это вызов, перед которым для кого-то меркнут политические соображения. Можно выделить два в особенности важных измерения этого вызова.

¹ Иной русский мир. Исследование о том, сколько россиян уезжают из страны // Проект [16.01.2019]. URL: <https://www.proekt.media/research/statistika-emigration/>

² https://issuu.com/atlanticcouncil/docs/the_putin_exodus

³ См. статью Кульбака Николай «Уехать нельзя остаться», где поставить запятую» в этом номере журнала «Историческая экспертиза»

Во-первых, в нашу повседневность встроены другие люди и обязательства перед ними. То есть частью повседневности многих из нас является исполнение долга. Того неисполнимого приказа перед другими, который не позволяет однако, помышлять о том, чтобы ему изменить, потому что это недостойно и вообще неприемлемо. Этими другими людьми являются прежде всего близкие. И тогда физическое отдаление от них, кроме неисполнения родовых и семейных обязательств, представляется чем-то вроде *настоящего* предательства. Но это ещё и все те, перед кем у нас есть обязательства, часто взятые на себя нами самими, и *чья повседневность страдает из-за нашего отъезда*. Легче тем, у кого такие человеческие связи и так ослаблены либо пространственно растяжимы, скажем, чьи родители не нуждаются в постоянном уходе и присутствии, и так далее.

Во-вторых, имеет значение аффективная связь с родными местами (буквально: с родиной), которую самим этим пространственным перемещением придётся разорвать. Под «родиной» (с маленькой буквы) я понимаю «родные места» — географически локализованную конкретную *местность*, вместе с теми, кто в ней живёт или безотносительно них, с которым мы чувствуем особую связь. «Особую» значит уникальную, неповторимую, если угодно — сердечную связь, которую можно называть сильной привязанностью, можно — любовью. Мы сами знаем те местности, где мы *укоренены*. Чаще всего это местность, в которой мы выросли и которая воплощает/персо-

нифицирует для нас Родину (с большой буквы) — либо местность, уже сознательно избранную для жизни *и укоренения*. Кто-то такое чувство отношений с конкретной местностью (её стоило бы называть «землёй» — тогда речь идёт об *отношениях со своей землёй*) может вовсе не находить в себе. Однако стоит признать: такое чувство *бывает*. И удаление от родины — это настоящая разлука. На неё тоже нужно решиться. Мы разлучаемся не только с людьми, но и с местами — с этим конкретным ландшафтом, с этим сочетанием красок и так далее (Lorimer 2014:583–604; Тимофеева 2020).

Лично я пережил такое удаление, переехав однажды со своей родины — с юга Западной Сибири в Москву (и после этого отъезда мне уже не так важно стало, где именно жить, если не на родине: техники укоренения везде принципиально одни и те же). Но тот переезд, подготовив к будущим переездам в другие страны, мне и дал возможность присмотреться к этому переживанию родины.

Важнейшая роль принадлежит самому простому факту невозможности физически оказаться «там» при сохранении чувства субъективной важности нахождения «там». «...Мой родной город. Я совершенно не представляю свою жизнь без прогулок по нему. Не в том смысле, что я большой его знаток (...) А в том — что я, устав от книг, текстов и выступлений, постоянно тычусь в какие-то его уголки. Брожу то в центре, то на окраине» — пишет Дмитрий Травин о своём Санкт-Петербурге в статье «Почему мне важна Россия»⁴.

⁴ Травин Дмитрий. Статья «Почему мне важна Россия» в этом номере журнала «Историческая экспертиза»

И это серьёзный момент жизни. Как вообще можно хорошо думать без родного места?

Эти два измерения вопроса об отъезде из России имеют дело с *верностью*. В социальных сетях или выступлениях некоторых энтузиастов политической эмиграции встречаются требования попросту пренебречь этим. Они антропологически и психологически ошибочны. Они не учитывают, что человеческая повседневность создаётся аффектами уже не в меньшей степени чем убеждениями.

Однако эта проблема верности многими (хотя, на признаться, не всеми) в конце концов решается, — не концептуально, но практически, то есть деятельностно. Это всегда индивидуальные варианты решений, созданные каждый раз в уникальном сплетении социальных, профессиональных, политических, семейных и прочих обстоятельств. В том, что такие решения возможны, обнадёживают два всемирно-исторических обстоятельства.

С одной стороны, благодаря развитию технологий, впервые в истории мы все соприсутствуем в единой информационной и коммуникативной среде. Те, кто читает этот или любой подобный текст, могут читать его в любой точке планеты одновременно. Если они решат созвониться, чтобы обсудить его (или последнюю новость о выходках какого-нибудь высокопоставленного сумасшедшего, о чём мы, к сожалению, слишком часто говорим в эти смутные дни), они сделают это, не придавая значения географической локализации

друг друга. Люди прошлых «волн» эмиграции уезжали *навсегда*. Они прощались навсегда — и готовились к рассинхронизации жизней с теми, кто оставался.

Впервые в истории человечества жизни тех, кто разделён географией, синхронизированы (Немцев 2017).

С другой стороны, многие из тех, кто уехал в рядах «путинского исхода», в действительности сформировали распределённый образ жизни, посещая Родину регулярно или время от времени, организуя для детей посещение зимних школ и летних лагерей и т.д. Они таким образом присоединились к транснациональному сообществу «экспатов», людей, живущих в стране другого гражданства краткий или долгий срок, — и способных, в отличие от беженцев, выбирать место и срок жительства. Переживающих трудности сохранения связей с родной культурой, эффекты отчуждения, и т.д. (Mao & Shen 2015: 1533–1556). Так живут, скажем, миллионы трудовых мигрантов по всему миру. То есть глобальный мир всё в большей мере становится приспособлен для такой растянутой в пространстве жизни. Да, для неё нужны разнообразные ресурсы. Но они вообще нужны для жизни.

После 24 февраля такой «экспатский» образ жизни, сочетающий преимущества различных локализаций, с посещениями дорогих мест, родни и с проектами в России, становится для многих невозможным. Субъективное чувство опасности даже кратковременного приезда в Россию для многих становится слишком интенсивным (в изменчивой

ситуации оценить его «объективно» невозможно). К этому можно добавить стыд, переживание причастности к совершенному преступлению. Это переживание для многих также стало совершенно новым и исторически уникальным опытом. Стыд вызывает стремление избавиться от источников самой этой причастности. Пересоздать её для себя. А к нему можно добавить интенсивную политизацию принадлежности — самого опыта жизни в России и различных форм (не)участия в российской жизни. *Прямо сейчас происходит изобретение новых способов самоидентификации с Россией и с «российским»*. Причём обсуждение этих (само)идентификаций происходит в единой виртуальной среде. Она не уничтожает физические дистанции и расстояния, как предполагали ранние теоретики виртуальной реальности, но заставляет их работать иначе.

Россияне, которые уехали из России после 24 февраля и из-за 24 февраля, сливаются теперь с международным сообществом тех, кто сделал это раньше. Они не оказываются заброшенными в пространство чужих и равнодушных к ним народов, как было со многими в послереволюционной «волне». А этот глобальный мир русскоязычных «переехавших» — лишь часть глобального мира куда-то откуда-то уехавших, и их будет только больше.

Я думаю, многие из тех, кто в ужасе покидал Россию в этом году с мыслями о возвращении, как только изменятся обстоятельства, — пересмотрят эти свои прошлые мысли,

когда они действительно изменятся. Допустим — всё-таки изменятся! Кто-то не сможет вернуться, даже если двери обратно по-настоящему откроются, — тогда для них-то и начнётся действительная эмиграция. А в настоящий момент это слово обозначает нехватку понятий, чтобы говорить о ситуации, где мы оказались, что означает необходимость настоящей гуманитарной работы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Немцев 2017 — Немцев Михаил Эмиграции не существует // ГЕФТЕР. РУ [18.09.2017] URL: <http://gefter.ru/archive/22714>.

Тимофеева 2020 — Тимофеева Оксана. Родина. М.: Сигма, 2020. (<https://syg.ma/rodina.pdf>)

Lorimer 2014 — Lorimer, Hayden Homeland // cultural geographies. 2014, Vol. 21(4) 583–604.

Mao & Shen 2015 — Mao, J., & Shen, Y. (2015). Cultural identity change in expatriates: A social network perspective. Human Relations, 2015, Vol. 68(10), pp. 1533–1556. doi:10.1177/0018726714561699

REFERENCES

Nemcev Mikhail Emigracii ne sushchestvuet // GEFTER.RU [18.09.2017] URL: <http://gefter.ru/archive/22714>.

Lorimer, Hayden Homeland // cultural geographies. 2014, Vol. 21(4) 583–604;

Mao, J., & Shen, Y. (2015). Cultural identity change in expatriates: A social network perspective. Human Relations, 2015, Vol. 68(10), pp. 1533–1556. doi:10.1177/0018726714561699

Timofeeva Oksana. Rodina. M.: Sigma, 2020. (<https://syg.ma/rodina.pdf>)

К. Н. Морозов

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКОЙ ПОЛНОСТЬЮ СЕБЯ ИСЧЕРПАЛА...

Поводом для появления статьи стала стенограмма встречи В. В. Путина с "историками и представителями традиционных религий России" 4 ноября — в «День национального единства». В статье поднимается вопрос о пагубности всей сложившейся системы государственно-бюрократического устройства науки. Показано, что дискредитирована сама модель раболепного служения государству, которую до сих пор оправдывают многие учёные и преподаватели. То, что мы увидели и услышали 4 ноября, складывалось десятилетиями и отнюдь не только в годы путинского правления. Бюрократическая централизованная модель управления исторической наукой (как, впрочем, и другими) полностью себя исчерпала. Проводится мысль о том, что без свободы слова и права на свободу мнения не добиться процветающей науки, особенно гуманитарной.

Ключевые слова: Россия, Путин, историки, историческая наука, репутация ученого, репутация университетов, система государственно-бюрократического устройства науки, РИО и РВИО

Сведения об авторе: Морозов Константин Николаевич, доктор исторических наук, приглашенный исследователь EHESS/CERCEC (Париж).

Контактная информация: morozov.socialist.memo@gmail.com

K. N. Morozov

THE BUREAUCRATIC CENTRALIZED MODEL OF MANAGEMENT OF HISTORICAL SCIENCE HAS COMPLETELY EXHAUSTED ITSELF...

The reason for the appearance of the article was the transcript of the meeting of V. V. Putin with "historians and representatives of traditional religions of Russia" on November 4 — the "Day of National Unity". The article raises the question of the perniciousness of the entire existing system of the state-bureaucratic structure of science. It is shown that the very model of servile service to the state, which is still justified by many scientists and teachers, has been discredited. What we saw and heard on November 4 took shape over decades, and by no means only during the years of Putin's rule. The bureaucratic centralized model of managing historical science (as well as others, by the way) has completely exhausted itself. The idea is being held that without freedom of speech and the right to freedom of opinion one cannot achieve a flourishing science, especially the humanities.

Key words: Russia, Putin, historians, historical science, reputation of a scientist, reputation of universities, system of state-bureaucratic organization of science, Russian Historical Society and Russian Military Historical Society

About the author: Morozov Konstantin N., Doctor of historical sciences, visiting researcher EHESS/CERCEC (Paris).

Contact information: morozov.socialist.memo@gmail.com

Заставил себя прочитать стенограмму т.н. встречи В.В.Путина с "историками и представителями традиционных религий России" 4 ноября — в «День национального единства». Историки в заголовке стенограммы, опубликованной на kremlin.ru, еще не причислены к представителям религии, но уже перечисляются в одном ряду с ними... Не менее любопытно, как Путин поздоровался с присутствующими — «Добрый день, уважаемые коллеги, Ваше Святейшество, уважаемые представители религиозных организаций России!» Историки названы бывшим подполковником КГБ, а ныне президентом РФ (в легитимности нахождения которого у власти сомневаются весьма многие и в России и за ее пределами) — «уважаемыми коллегами»...

Вроде бы пустяк, обычный оборот речи и дань вежливости, но мог бы он и историков назвать по профес-

сиональной принадлежности, как и представителей религий...

На первый взгляд, все то, что происходило в зале, и перечисление историков в одном ряду с представителями традиционных религий — для истории как науки и ученых-историков выглядело как приговор. Но почему только на первый взгляд? Потому что истории как науки в зале не было... То, что академик А. О. Чубарьян присвоил себе право говорить и благодарить "вождя" от имени всех историков, не должно вводить в заблуждение.

Читать славословие и словоблудие ряда «коллег» было стыдно и неприятно. Впрочем, окончательное уничтожение репутаций многих из них было давно ожидаемо.

Но, увы, дело не сводится лишь к их самокомпрометации. После февраль-

ского письма, подписанного несколькими сотнями ректоров, совершивших ради сохранения своего кресла фактическое предательство в отношении своих университетов и коллективов, это, пусть и значительно меньшее по значению, событие, которое заставило историков задуматься, а действительно ли они делегировали право начальникам «исторического ведомства» говорить от своего имени, ставя под удар и свой авторитет, и авторитет истории как науки. Наверное, не стоит и упрощать мотивы части руководителей, которые считают, что они спасают свои университеты и академические институты от разгона и безденежья. С одной стороны, путем компромиссов и уступок власти — спасают, но с другой стороны, когда вдруг оказывается перейдена красная черта, репутация многих университетов уничтожается в глазах их зарубежных и отечественных коллег, хотя их сотрудники и продолжают ходить на работу и получать зарплату. Дialeктика, в общем, печальная и даже трагическая... Да и как люди многие из этих руководителей довольно сильно отличаются друг от друга. Некоторые из них, такие, как, например, Ю. А. Петров, хороший историк, к которому я всегда относился с уважением, конечно, стал заложником выбранного пути... Но я и камень в него не буду бросать и в один ряд с А. Безбородовым не поставлю.

Меньше всего хотелось бы свести серьезные проблемы лишь к критике отдельных начальников, игнорируя пагубность всей системы государственно-бюрократического устройства науки и не замечая массы морально-этических проблем и парадоксов.

Сначала сотни ректоров, подписавших обращение Союза ректоров России, бесславно завершили свою эволюцию и погубили не только свою репутацию — впрочем, плевать на неё и на то, что от неё осталось. Что, например, оставалось к февралю 2022 г. от репутации того же ректора РГГУ А. Безбородова, который ещё в июле-августе 2019 г. «побежал впереди паровоза», заявляя о необходимости отчислений задержанных в ходе протестов студентов? Эти ректоры погубили и репутации своих вузов, в том числе тех, в которых сотни и тысячи студентов, преподавателей и выпускников протестовали против «военной спецоперации». И это настоящая подлость с их стороны и предательство своих (уже не своих) университетов и коллег (тоже бывших). Репутации десятков и сотен университетов, среди которых МГУ, РГГУ, Бауманка, Вышка и другие, убиты безвозвратно, научное сообщество Европы будет их теперь бойкотировать.

Впрочем, получилось по старой русской поговорке: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». С одной стороны, сегодня сотни ректоров, академиков и член-корроров, докторов и кандидатов наук явили всему миру свою истинную сущность, предав и науку, и свои университеты и факультеты, и своих студентов и коллег, и настолько испортили свою репутацию, что их уход с позором уже предрешен и является только вопросом времени. Но дело даже не в уходе, ведь вполне возможно, что агония режима займет годы и многие из них уйдут в мир иной. Важнее, что они поступили с собой так, как сказал историк А. А. Кизеветтер век тому

назад об А.В. Пешехонове: «Испортил человек себе некролог...». Эти тысячи людей, сохраняя свои места, комфорт и высокие доходы, «плюнули в вечность» и навсегда «испортили себе некрологи». Будем надеяться, что скоро этот «плевок в вечность» станет очевидным для многих.

И напротив, те, кто подвергается сегодня гонениям и вынужден покинуть свои университеты, письменные столы или страну, как и те, кто остается в России и пытается противостоять или, по крайней мере, не участвовать в творящейся вакханалии, имеют шанс сохранить свои репутации учёных и преподавателей. В то же время нельзя от людей, которым пообещали, что их проглотят, как мошку и выплунут на панель, требовать, чтобы они «бросались на амбразуру».

Те из инакомыслящих, кто решил остаться в России и не молчат, вызывают у меня чувство большого уважения.

Ещё важнее, что дискредитированы не только и не столько конкретные люди. Дискредитирована сама модель раболопного служения государству, которую до сих пор оправдывают многие учёные и преподаватели. То, что мы увидели и услышали 4 ноября, складывалось десятилетиями и отнюдь не только в годы путинского правления. Позволю себе использовать те свои мысли о том, что бюрократическая централизованная модель управления исторической наукой (как, впрочем, и другими) полностью себя исчерпала, которые я сформулировал в мае этого года для электронного портала «Рефорум».

Сегодня уже очень многим стало ясно, как опасно, когда недобросовестная и неадекватная власть использует историю как «служанку политики» (если не сказать резче), как инструмент для оправдания реакции, для скатывания к архаике, для усиления имперскости и национализма, для оправдания агрессии вовне и внутри (прямо по слогану царских ещё времен — искоренять «врага внешнего и внутреннего»). Пора бы уже всем нам осознать, что слишком дорого и народам России, и её соседям обходятся завышенные самооценки её случайно дорвавшихся до власти правителей, то мнящих себя великими марксистами и специалистами в вопросах языкознания, то использующих историю для оправдания архаичной имперско-советской политики доминирования, грозящей большими бедами и самой России, и её народам и всему миру.

Перефразируя Ш.-М.Талейрана, писавшего «Война — слишком серьёзное дело, чтобы доверять её военным», можно сказать, что не только история, не только наука, но вся наша жизнь слишком серьёзное дело, чтобы доверять его бюрократам и правителям. Конечно, это тема отдельного и большого разговора, но всё же отмечу, что без свободы как системы защиты прав человека и без демократии и соответствующих выборных и самоуправляющихся институтов процветающего общества не достичь. Как без свободы слова и права на свободу мнения не добиться процветающей науки, особенно гуманитарной. Не случайно авторитарная и тоталитарная власть — царская, советская, постсоветская — трижды вступала

в конфликт с интеллигенцией, для значительной части которой профессиональная и творческая самореализация невозможна без свободы слова и свободы мнения. И не случайно инструментарий у этой авторитарной бюрократии одинаков: цензура, репрессии и натравливание «простого/глубинного народа» на чуждую и «непатриотичную» интеллигенцию да «инородцев». Хотя есть и некоторая надежда, что и часть элит, и часть общества трансформируют свое понимание грозящей катастрофы в верные решения, чтобы никогда больше авторитарная «российская историческая колея» не воспроизвела себя вновь, всем нам на окончательную гибель. Нам остаётся надеяться на это и изо всех сил приближать (и максимально использовать) реальный шанс повлиять на неизбежную в более или менее отдалённой перспективе серьёзную перестройку скомпрометировавшей себя отстроенной за последние десятилетия государственной системы.

В России будущего должны быть созданы политические условия и общественная атмосфера, делающие немислимой ситуацию, когда политик или государственный чиновник, вдруг возомнивший себя новым «отцом народов» или «лидером нации», вдруг занялся бы или продвижением некоего подобия «Краткого курса Истории ВКП(б)», увлёкся «вопросами языкознания» или псевдонаучными экскурсами в историю СССР.

Однажды я спросил у немецкой коллеги, пытаются ли власти в её стране высказываться об истории и навязывать историкам свою позицию. Она ответила, что они, может быть, и хо-

тели бы этого, но это невозможно. Именно так и должно быть. Чтобы президент, премьер-министр или лидер парламентской фракции не мог себе позволить роскоши навязывать стране и учёным свои псевдоисторические измышления. Чтобы подобные действия любого чиновника или политика наносили серьёзный урон его репутации и за них (как и за многое другое) он рисковал бы импичментом, провалом на выборах или увольнением. И конечно, над историками не должен висеть дамоклов меч угроз и уголовных статей, мешающих им дать свои экспертные оценки подобным «откровениям» политиков и чиновников — зачастую далеко не безобидным и представляющим серьёзную угрозу самому обществу. Никто не должен нарушать Конституцию и попираť ногами свободу слова. И те, кто инициировал и поддерживал «исторический» «закон Яровой» (и не только его), бог даст, ещё будут отвечать по закону за нарушение Конституции. И, конечно, все любители угрожать и сажать должны будут ответить за это. Этот зримый пример того, что авторитарные и антиконституционные деяния не остаются безнаказанными, станет хорошим уроком истории для всех будущих руководителей страны, депутатов, чиновников, сотрудников правоохранительных органов.

Кроме того, уже остро встаёт вопрос и о том, что же это такое Российское историческое общество, горящее тем, что ведёт свою родословную с 1862 года от Российского императорского исторического общества (во главе которого стояли великие князья). И случайно ли то, что во главе его стоит силовик, руководитель

Службы внешней разведки, не имеющей исторического образования, но зато возглавлявший в свое время администрацию президента, председательствовавший в Госдуме и т. п.

Особенно симптоматично выглядит тот факт, что он пересел в кресло патрона Российского исторического общества в 2012 г. сразу из кресла председателя комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России (которую возглавлял все три года её бесславного существования). И это отнюдь не случайность: значительно более благопристойное по своему внешнему виду РИО, по мнению стратегов по исторической политике из администрации президента, должно было заменить весьма одиозную межведомственную комиссию.

Впрочем, покойная комиссия была оживлена девять лет спустя и под руководством доктора исторических наук, спасённого властями от лишения этой степени решением экспертной комиссии ВАКа, продолжила с новой силой параллельно с РИО свою одиозную деятельность.

И конечно, дело не в том, что у председателя РИО нет исторического образования, и он хоть и доктор, но экономических наук. Власть есть из кого выбирать и с докторскими степенями историков, которые и похуже нынешнего окажутся. Впрочем, при желании власти вполне могут подобрать и кандидатуры из лояльных и гибких историков-академиков, но только это вовсе не закроет главный вопрос — о сущности и функциях РИО.

Ещё острее стоит вопрос о подлинной сущности и о вреде, наносимом исторической памяти общества и репутации исторической науки, деятельности конкурирующего с РИО Российского военно-исторического общества. Нужны ли историкам, исторической науке и самому российскому обществу такие «исторические общества»? Являются ли они обществами историков, учёных-экспертов, или симулякрами, придающими с помощью историков-руководителей и некоторых других историков «приличный вид» современной «исторической политике» власти, её репрессивным действиям, «историческим законам» и угрозам в адрес историков?

Иногда даже приходится слышать, что благодаря присутствующим в составе РИО историкам удаётся смягчить решения властей. Наверное, так и есть, но это опять знаменитая логика выбора «меньшего зла». Опять же с похвалой говорят, что РИО финансирует исторические исследования и издания. Но вообще-то это обязанность государства — финансировать историческую науку. И нам ещё предстоят общественные дискуссии, не полезнее ли было бы для общества и исторической науки, если бы эти средства выигрывались историками в честной конкурентной борьбе за исследовательские гранты (в том числе и практически уже недоступные для большинства исследователей индивидуальные).

Как представляется, в будущем альтернативой таким «историческим обществам», как РИО и РВИО, станут добровольные объединения историков-учёных, которые станут играть важную экспертную, научную и исто-

рико-просветительскую роль. На мой взгляд, в будущем встанет необходимость отказа от государственно-бюрократической организации высшего образования и науки. Полагаю, что-то новое будет строиться на новых частных или коллективных инициативах и личных/коллективных репутациях сначала ученых, а потом и структур.

Что должна сделать интеллигенция? Удастся ли интеллигенции повлиять на старо-новые элиты и бюрократии и на «глубинный народ», задурманенный, развращённый преступной пропагандой? Увы, совсем не факт.

Но и упускать этот хоть и не очень большой шанс (возможно, последний) никак нельзя. По крайней мере мы должны продолжать делать то, что делали многие представители российской интеллигенции: с одной стороны, искать пути осуществления более справедливого и лучшего будущего для общества и народа; с другой — заниматься образованием и научным просвещением, в том числе и историко-просветительской направленности.

Ведь очевидна их важность для формирования у людей критического мышления, которое просто необходимо для выживания народов России. Привычному методу пропагандистского оболванивания народа нужно противопоставить рост его общей и политической культуры. Без него будет крайне затруднительно и выстроить разрушенные или не сложившиеся институты гражданского общества, и взять под контроль потерявшие всякий стыд «элиты» и бюрократию на короткий поводок. Без всего этого страна так и будет идти в «российской исторической колее», явно ведущей к гибели. Без всего этого так и не претворится в жизнь необходимость извлечения уроков из истории, чтобы не наступать на старые грабли.

А сегодня всем настоящим историкам, многих из которых я знаю, уважаю и ценю как профессионалов своего дела и порядочных людей от всей души желаю — держитесь, друзья! Сил вам! Надеюсь, мы доживём до рассвета и до разгребания этих авгиевых конюшен.

«РОСТ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТИ И ЕЕ ИНСТИТУТОВ ПРИВОДИТ К УСИЛЕНИЮ ВЛИЯНИЯ ОТРИЦАТЕЛЕЙ ХОЛОКОСТА». Интервью с В. Пизанти

Известная итальянская исследовательница в интервью, данном журналу «Историческая экспертиза», рассказывает об особенностях исторической памяти в Италии; раскрывает особенности восприятия фашизма и Холокоста современными итальянцами. Исследовательница раскрывает главные причины того, почему проекты глобальной идентичности на основе памяти о Холокосте имеют все меньше и меньше шансов на успех в современном мире. По ее мнению, рост культуры памяти и ее институтов приводит к усилению влияния отрицателей Холокоста, других антисемитов и крайне правых расистов

Ключевые слова: Италия, фашизм, Холокост, глобальная память, глобальная идентичность, отрицание Холокоста.

Сведения об авторе: Валентина Пизанти, профессор семиотики Университета Бергамо (Италия). Публикации ученого посвящены следующим проблемам: отрицание Холокоста, расизм, анализ политического дискурса, нарратология, юмор, интерпретирующая семиотика, риторика, семиотика свидетельств.

Автор книг: *Guardiani della memoria e il ritorno delle destre xenofobe* (Bompiani, 2020; English translation *The Guardians of Memory and the Return of the Xenophobic Right*, Primo Levi Editions, 2021); *Abusi di memoria: negare, banalizzare, sacralizzare la Shoah* (Bruno Mondadori, 2012); *La Difesa della Razza: antologia 1938–1942* (Bompiani, 2006); *L'irritante questione delle camere a gas: logica del negazionismo* (Bompiani 1998, new edition 2014).

“THE MORE MEMORY CULTURE GREW AND THE MORE INSTITUTIONALIZED IT BE-CAME, THE MORE THE DENIERS GAINED VISIBILITY”. INTERVIEW WITH V. PISANTI

A well-known Italian researcher in an interview given to the journal Historical Expertise talks about the peculiarities of historical memory in Italy; reveals the peculiarities of the perception of fascism and the Holocaust by contemporary Italians. The researcher reveals the main reasons why global identity projects based on the memory of the Holocaust are less and less likely to succeed in the modern world. In her opinion, the growth of the culture of memory and its institutions leads to an increase in the influence of Holocaust deniers, other anti-Semites and far-right racists.

Key words: Italy, fascism, Holocaust, global memory, global identity, Holocaust denial.

About the author: Valentina Pisanty teaches Semiotics at the University of Bergamo. She has published articles and essays on Holocaust denial, racism, political discourse analysis, narratology, humour, interpretive semiotics, the rhetoric of memory-making and the semiotics of testimony.

ИЭ: Дорогая профессор Пизанти, первый вопрос обусловлен тем, что наш журнал специализируется на исследованиях памяти. Ян Ассманн считает, что семейная память современных людей охватывает не более трех поколений (промежуток 80–100 лет). Эта гипотеза хорошо соотносится с советской реальностью, где люди боялись рассказывать о предках из «эксплуататорских классов», а также о родственниках, попавших под каток сталинских репрессий. Из советской мнемонической перспективы Италия смотрится как другая планета с ненарушенной преемственностью, где люди живут в старинных домах в средневековом антураже. Приложима ли гипотеза Ассманна к Италии? Как глубоко ваша семейная память?

В.П.: Ваше представление об Италии как о планете ненарушенной преемственности должно быть пересмотрено. В Италии также присутствовали разрывы по генеалогическим линиям. С девятнадцатого

века страна пережила массовую эмиграцию, не говоря о постоянной внутренней миграции (прежде всего с юга на север) между различными частями страны, объединившейся только в 1861. Считаю, что гипотеза Ассманна достаточно убедительна независимо от того, к каким географическим, культурным или историческим обстоятельствам она применяется. Если под семейной памятью мы подразумеваем набор историй, анекдотов, «мифов основания» и т. д., передаваемых от одного поколения к другому, то резонно предположить, что все эти нарративы явственно сохраняются лишь в живой памяти тех, кто нам их рассказывает, но не тех, кто их слушает. Мы храним лишь смутные воспоминания о том, что наши деды рассказывали нам о своем детстве и, может, об их родителях, но я сомневаюсь, что наши внуки запомнят наши рассказы о лично незнакомых им далеких предках и смогут передать их своим потомкам. Возможно, мы способны цепляться только за память о тех людях с кем

мы взаимодействовали, а всё, относящееся к более раннему времени, увядает в забвении или хранится в виде того, что Юрий Лотман назвал «семиосферой»: коллекций фотографий, видео или аудиозаписей, писем, дневников и т.д. Разумеется, это не относится к тем, кто принадлежит к знатым или к знаменитым семьям, оставившим заметный след в истории. Если бы моя фамилия была Борджиа или Гарибальди моя семейная память покрывала бы больший промежуток времени, но в таком случае она бы, используя терминологию того же Яна Ассманна, превратилась бы в культурную память, доступную представителям всего человечества.

ИЭ: Советская пропаганда рассказывала нам о массовом итальянском Сопротивлении под руководством коммунистической партии в годы Второй мировой войны. Мы обожали партизанскую песню Белла Чао. Поэтому я был поражен, когда обнаружил в древнем городе Вероне только один памятник партизанам-антифашистам и скромный мемориал жертвам Холокоста. В то же время там насчитывается с десяток памятников, прославляющих «наших» танкистов, летчиков, моряков, военных водителей и т.д. с неявными, но ощутимыми отсылками к эпохе Муссолини. Два из этих памятников особенно красноречивы:

1) Вот надпись на установленном в 1971 памятнике Девятому батальону саперов, где в числе их подвигов перечисляется форсирование Днепра и Дона (фото 1)

2) На средневековой городской стене Вероны установлена мемориаль-

ная табличка: «Многочисленным сынам [города], принесшим себя в жертву в войне в пустыне, павшим в эпической битве под Эль-Аламейном (23/X — 6/XI 1942), которые представили новым поколениям пример героической преданности и верности долгу». (фото 2)

Является ли это скрытое прославление фашистского прошлого спецификой Вероны или это общетальянское «место памяти»? Могли бы вы рассказать, как память о Второй мировой войне передается в вашей семье?

В.П.: Верона — это город, тяготеющий к правым. Здесь был идеологический центр Республики Сало, ее принципы были сформулированы и провозглашены в Вероне в ноябре 1943, а сегодня, если говорить о преобладающих в городе политических симпатиях, тут пользуется популярностью крайне правая Лига Севера (Lega Nord). Поэтому меня не удивляет малочисленность памятников, посвященных левому крылу партизан-антифашистов. При этом в приведенных вами примерах речь идет не об открытом воспевании фашизма, а, скорее, о растворении фашистской памяти в более широких националистических и колониальных чувствах. Другие итальянские города и регионы, такие как Пьемонт, Лигурия, Эмилия-Романа и Тоскана, более предрасположены к сохранению своей партизанской памяти. И эта память, замечу попутно, связана не только с коммунистической партией. Хотя большинство партизан, действительно, были коммунистами, представители других политических сил также участвовали

в Сопротивлении. Это явление, скорее, не было столь массовым, как оно представлялось в советской пропаганде и в итальянском публичном дискурсе, начиная с 1960-х и до тех пор, пока на рубеже 1980-х и 1990-х Сопротивление не было отодвинуто на второй план культурной памятью о Холокосте. Хотя в количественном измерении *partigiani* были не особенно многочисленны (большинство итальянцев *не* присоединились к Сопротивлению), тем не менее, это основополагающая глава современной итальянской истории. Само по себе Сопротивление было не в состоянии одолеть нацистов и фашистов, тем не менее, Германия была вынуждена держать здесь в заключительный период войны несколько дивизий, так нужных на других участках фронта. Впоследствии этот факт позволил обосновать почтенный контр-нарратив тому моральному и политическому банкротству, к которому Италия пришла при фашистском режиме. После войны Сопротивление стало краеугольным камнем итальянской демократии, конституция страны носит открыто антифашистский характер. Не все итальянцы чистосердечно отождествили себя с этими ценностями. Кроме ностальгирующих фашистов, негодующих во имя своих политических верований, от которых они и не думали отказываться, по поводу прославления Сопротивления, молчаливое большинство предпочло забыть о своем прежнем сочувствии фашистскому режиму. Для них важным было не прославление фашистского прошлого, а стремление уклониться от обсуждения этого прошлого. Расхожее выражение “*Italiani brava gente*” (Итальянцы — славные люди) формулирует самонадеян-

ный стереотип, с помощью которого итальянцы десятилетиями снимали с себя ответственность, избегая упоминаний о своей вовлеченности в колониальные и антисемитские преступления фашистского режима.

До 1990-х мало кто, кроме историков, знал о том, какую роль итальянский фашизм сыграл в подготовке нацистских депортаций 1943. Мало кому было известно о расовых законах 1938 или о роли фашистской пропаганды и предшествовавшей ей католической пропаганды в распространении агрессивной антисемитской риторики, которая в не столь откровенных формах сохранялась в итальянском культурном ландшафте и в послевоенный период. Не было исследований, посвященных фашистскому журналу «Дифеза делла рацца» (*Difesa della razza*, защита расы), который издавался в 1938–1943 с целью разрабатывать и распространять «научную» доктрину расы для оправдания колониальной политики и государственного антисемитизма. Первая итальянская выставка, посвященная фашистскому изводу расизма, состоялась в 1994 и, несмотря на то, что на ней экспонировался душераздирающий набор антисемитских и злобных расистских стереотипов «домашнего изготовления», она не смогла существенно изменить общее представление итальянцев о себе как чрезвычайно доброжелательном сообществе, которое никогда не было одержимо враждебными чувствами к своим меньшинствам.

1990-е были временем, когда дрейф к мягким формам исторического ревизионизма был составной частью господствующего либерального дис-

курса, выражением чего, еще задолго до завершения «спора историков» (Historikerstreit), была широкая популярность Эрнста Нольте на страницах влиятельной «Корьере делла Сера» (*Corriere della Sera*, Вечерний курьер). После падения советской империи потребовалось принять якобы пост-идеологическую позицию, фактически уравнивающую нацизм и коммунизм и провозглашающую пришествие золотого века либеральной демократии, эпохи не только в равной степени осуждающей все тоталитарные режимы, но и оставляющей в прошлом монструозное наследие двадцатого столетия.

В этом контексте я вспоминаю свое участие в 1998 в телевизионных дебатах на третьем национальном канале, в финале которых ведущая безуспешно попыталась организовать сцену публичных объятий писательницы Хельги Шнайдер (Helga Schneider), дочери члена СС, служившей в охране Аушвица, и узницы той же фабрики смерти Лилианы Сегре (Liliana Segre), символизируя тем самым, что все раны уже исцелены и теперь мы можем вместе двигаться вперед к лучшему будущему без расизма и дискриминации.

Таков был преобладающий настрой, которому попытался бросить вызов депутат парламента Фурио Коломбо, когда в середине 1990-х начал крестовый поход с целью учредить Национальный день поминовения, подразумевая критику активной роли, сыгранной муссолиниевским фашизмом в годы преследований итальянского и европейского еврейства. Законопроект имел целью не исцелить, но погрузить палец губ-

же в собственную рану и держать его там по меньшей мере до тех пор, пока итальянская культура не отнесется серьезно к своему собственному расистскому и антисемитскому прошлому. Таким образом впервые был официально сформулирован вопрос: «А как обстоят дела в нашем доме?». Шоа не была, как итальянцы долгое время внушали себе, несчастливим историческим происшествием, возникшим в результате неосознанной ошибки, но итогом намеренных и широко пропагандируемых намерений совершить убийства, т.е. дело не в каких-то напрямую не относящихся к итальянской нации нюансах, а в специфическом итальянском преступлении, которое итальянцы десятилетиями заматали под ковер.

Коломбо изначально предлагал установить в качестве Национального дня поминовения не 27 января (день освобождения Аушвица в 1945), но 16 октября — день облавы в римском гетто в 1943, подчеркивая тем самым соучастие итальянцев в нацистских депортациях. Но Туллия Зеви (Tullia Zevi), возглавлявшая в то время Союз еврейских общин Италии, убедила его выбрать 27 января, с целью поместить итальянское поминовение Шоа в общий европейский контекст (ср. резолюцию Европейского парламента 1995). Это решение породило серьезное недопонимание смысла данного закона. Многие глубоко укорененные неверные представления итальянской национальной памяти только укрепились в общественном сознании. А именно:

1) Тот факт, что Шоа не является специфическим итальянским преступлением и лагеря смерти находились

за пределами Италии, понимается таким образом, что итальянцы не несут реальной ответственности за истребление евреев.

2) День поминовения 27 января скорее является днем торжества по поводу окончания кошмара и начала созидания на руинах двадцатого века послевоенной общеевропейской идентичности и, возможно, еврейской идентичности, чем возможностью критически подойти к осмыслению темных страниц нашей национальной истории.

Закон вызвал усиление требований ультра-националистических партий, жаждущих реабилитировать «положительные стороны» итальянского фашизма. Возникла полемика по поводу якобы существующей необходимости расширить понятие жертв, включив «все жертвы» Второй мировой войны, в том числе тех (в большинстве своем фашистов и их сторонников), кто был убит югославскими партизанами в Истрии и Далмации. Я не хочу входить в детали болезненной истории массовых убийств в Истрийских пещерах (Istrian Foibe), но ограничусь тем, что память об этих преступлениях стала *pièce de resistance* (главным блюдом) крайне правой риторики, направленной на то, чтобы «уравновесить» одно преступление при помощи другого.

Другой более тонкий способ, с помощью которого крайне правые партии эксплуатируют риторику и политику памяти, порожден итальянским законом о поминовении. Возможность отдать дань памяти, соблюдая стандартизированные ритуалы помино-

вения Холокоста, позволила широкому кругу политиков сомнительных взглядов пройти своего рода обряд очищения, необходимый для того, чтобы претендовать на ответственные политические позиции. Наконец, с годами ксенофобские правые партии научились удалять из принятых способов поминовения Холокоста их историческое содержание, чтобы обходными путями приписать себе роль преследуемых жертв. Это не только итальянский феномен, но, на мой взгляд, это самый тревожный побочный эффект трех десятилетий космополитической культуры памяти на всем глобальном Севере.

В заключительной части этого вопроса вы спрашивали о моей семейной памяти о Второй мировой войне.

Мой отец происходит из семьи евреев, не соблюдавших иудейские обряды и переселившихся в Милан, где он родился, из Болгарии. Во время войны он был семилетним ребенком, когда его родители сумели бежать в Швейцарию (другие члены их большой семьи не были столь счастливы). Я встречала моего деда по отцовской линии и была впечатлена им, хотя он не особенно хотел распространяться о своем опыте Первой (он был тогда солдатом) и Второй мировых войн. Мой отец удивительным образом сохранил хорошие воспоминания о Швейцарии, особенно о времени, когда родители смогли соединиться после месяцев, проведенных в разных лагерях беженцев. Он любил вспоминать свое детство в Невшателе. Моя мать родилась в католической семье, и ее отец, как многие итальянцы в эпоху Муссолини, был фашистом (я никогда не

видела его, но, судя по семейным воспоминаниям, он не был антисемитом), в то время как ее мать была аполитичной и главным образом занималась вопросами питания, обихода и воспитания детей в тяжелые годы потрясений. Во время войны они прошли через все тогдашние трудности, включая счастливое избавление от бомбежек союзников в ходе освобождения Милана, но рассказы об этом были полностью очищены от политического анализа.

В результате воздействия этих несовместимых семейных памятей мы с братом почти ничего не знали о Второй мировой войне до тех пор, пока наши родители не решили, что мы уже достаточно взрослые, чтобы знать «как оно было на самом деле». В основном это были официальные культурные каналы, такие как знаменитый минисериал «Холокост» (1978) и поездка в Дахау, о которой я до сих пор вспоминаю как о кошмаре. Вечером после поездки в Дахау — мне было девять или десять лет — мы ужинали в печально знаменитой мюнхенской пивной «Хофбраухаус» (*Hofbräuhaus*), где я узнала детали путча 1923 года, и там к нам подошел плаксивый баварский пьяница, которого я приняла за одержимого чувством вины старого нациста. Ночью меня начал бить озноб, который я тогда объяснила впечатлениями предыдущего дня. Согласно категориям современных исследований травмы, я стала тогда свидетелем второй руки, свидетельствующим о свидетельстве, через которого травма может передаваться следующим поколениям.

ИЭ: Ряд специалистов были вовлечены в исследования памяти под

влиянием своей семейной памяти. Что привело вас к изучению коллективной памяти?

В. П.: В моем случае нет прямой связи, хотя, рассуждая задним числом, возможно, сказалось отсутствие ясности с семейной памятью в отношении Холокоста, что подстегивало мой интерес к исследованию этой темы. Я приступила к ее изучению еще в середине 1990-х, когда писала докторскую диссертацию по семиотике в Болонском университете, где моим научным руководителем был Умберто Эко. Будучи студенткой, я с большим интересом занималась интерпретацией нарративных текстов, тем, как одна и та же история может быть по-разному прочитана в зависимости от целей и стилей мышления читателей. Меня особенно привлекали параноидальные стили осмысления (моя дипломная работа была посвящена эзотерическим интерпретациям Красной шапочки). Умберто Эко предложил применить те же методы к анализу работ отрицателей Холокоста, при этом он не знал, что я наполовину еврейка. Его главный совет был не тратить силы на доказательство того, что отрицатели Холокоста являются отвратительными лжецами. Это и так понятно. Необходимо выяснить, как они мыслят и стоит ли за их безумными рассуждениями общий метод? Поэтому я старалась понять, каким образом отрицатели читают те же самые документы, что и историки (дневники Анны Франк, письменные свидетельства Рудольфа Гесса и Курта Герштейна и т. д.) и при этом используют их как доказательства того, что, согласно их утверждениям, Холокост является выдумкой сионистской пропаганды

и т. п. Как они осмысливают эти документы, как сводят концы с концами, какого рода выводы делают, как преодолевают возникающие противоречия? Какой контр-нарратив они предлагают с учетом того, что множество независимых источников однозначно подтверждают факт геноцида? Я использовала «текстоцентричный» метод медленного чтения текстов отрицателей, чтобы уловить механизмы их параноидальной логики, которые я сверяла с интерпретацией тех же текстов историками, что позволило избежать прямого общения с отрицателями и обойтись как без интервью с ними, так и включенного наблюдения.

Моя диссертация была опубликована в 1998, и с тех пор я занимаюсь ритуалами и практиками культуры памяти, прежде всего связанными с днями поминовения Холокоста. Это были годы, когда политика памяти достигла пика: Яд Вашем, многочисленные фильмы о Холокосте, в том числе «Список Шиндлера» Спилберга и «Жизнь прекрасна» Бенини, Мемориальный музей Холокоста в Вашингтоне, проект строительства общеевропейской идентичности на основе нарратива о жертвах Холокоста... Все это привело меня к осмыслению парадокса: рост культуры памяти и ее институтов приводит к усилению влияния отрицателей Холокоста, других антисемитов и крайне правых расистов. Их цель не столько доказать, что Холокоста на самом деле не было, сколько получить общественное признание: раз с ними ведут дебаты, то их точка зрения имеет право на существование. Они долго добивались этого. Отрицатели Холокоста появились уже

в 1940-х, но никто не обращал на них внимания до 1978, когда Дело Робера Фориссона (Robert Faurisson) разразилось сперва во Франции, а потом отозвалось эхом по всей Европе и в США. Что же привело к тому, что в 1978 отрицатели оказались в центре внимания? А в том году на экранах США и Европы демонстрировался минисериал «Холокост». Питер Новик в своей книге «Холокост в американской жизни» (*The Holocaust in American Life*) отмечает, что воздействие сериала было не только масштабным, но и противоречивым. На волне шумихи вокруг «Холокоста» французские газеты решили, что пришло время опубликовать провокационные письма Фориссона, в которых он утверждал, что нацисты не использовали газовые камеры, что в свою очередь породило напряженную дискуссию о пределах свободы высказываний, участники спорили, что является более скандальным: утверждать, что Холокоста не было, или запрещать кому-либо высказывать свои взгляды пусть даже ложные и отвратительные? В результате возрос интерес к дебатам о Холокосте, после чего возникли прочувствованные дискуссии о том, кто имеет право говорить от имени жертв, что в свою очередь привело к новому витку дебатов... В 2021 я опубликовала книгу «Злоупотребления памятью» (*Abusi di memoria*), в которой сфокусировалась на том, как отрицание, тривиализация и сакрализация памяти о Холокосте (и возможно любой травматической памяти) работают совместно подобно винтикам одного слаженного механизма. Каждое из этих трех риторических «устройств» произвольно приводит в действие два других. Отрицатели и тривиали-

заторы пробуждают защитные реакции у тех, кто именуют себя «хранителями памяти» и порой требуют монопольного права на легитимное использование памяти. Отрицатели, с одной стороны, обвиняют хранителей сакрализованной памяти в ее искажении ради достижения своих целей (порой такое случается на самом деле), с другой — используют упрощенные построения тривилизаторов, доказывающих, что ничего из ряда вон выходящего не происходило. Тривилизаторы в свою очередь играют на противоречиях отрицателей и хранителей и используют их, чтобы производить и продавать свой «массовый» продукт памяти, и т. д.

ИЭ: Ваша недавняя провокативная и плодотворная книга «Хранители памяти и возвращение ксенофобских правых» посвящена чувствительному вопросу памяти о Холокосте. В Предисловии к ней Майкл Ротберг так формулирует ее главную тему: «Действительно ли так восхваляемая память о Холокосте с ее взаимосвязанными лозунгами: “Никогда не забудем!” и “Никогда снова!”, — не просто не сумела предотвратить подъем правых сил, но, что гораздо печальней, даже поспособствовала этому политическому повороту?» (р. 7). На мой взгляд возможны три спекулятивных причины того, почему «хранители памяти» так и не смогли учредить память о Холокосте в качестве основы космополитической (глобальной) памяти и идентичности: 1) Концепт глобальной памяти и идентичности является чистой утопией, так как нация-государство в прошлом, настоящем и будущем выступает

наиболее обширной из возможных форм эффективно функционирующего сообщества; 2) Не Холокост, а другое историческое событие (события) должно было стать стартовой точкой строительства глобальной памяти и идентичности; 3) Менеджеры памяти о Холокосте допустили непростительные ошибки в процессе глобального «масштабирования». Какая из этих трех причин представляется вам ведущей или может быть есть четвертая причина?

В.П.: Первая, хотя две другие тоже сказались. Я не уверена, что нация государство является наиболее обширной из возможных форм эффективно функционирующего сообщества. Но я точно знаю, что спущенный в 1990-е «сверху» проект «сломать контейнер» национальных памятней, чтобы разработать единую антитоталитарную сфокусированную на жертвах память и собрать на ее основе европейскую идентичность оказался в лучшем случае весьма нереалистичным.

Первая причина сказалась потому, что память, в отличие от истории, по определению носит субъективный, односторонний и пристрастный характер. Те, кто внедряют представления о прошлом исключительно с точки зрения памяти, в какой-то мере всегда отрицают беспристрастную природу исторической науки. Ведомо это им или нет, «хранители» в любом случае внедряют «частно-собственнический» принцип в менеджмент конфликтов памяти. Они не считают необходимым выяснить, «как это было на самом деле», их даже не интересует, какими разными

способами могут представляться воспоминания об одних и тех же событиях, их цель — объявить единственно правильной «нашу» точку зрения на события, которая автоматически отвергает все другие версии. Наследие сохраняется в виде неотчуждаемой памяти (опыта), которую ни одна историческая реконструкция не в состоянии освободить от ее субъективного содержания. Таким образом, наследие передается через односторонний рассказ об этом опыте, принятие которого дает право обозначать себя как «мы». Совладельцы памяти и члены группы делегируют право управлять ею. И это обстоятельство, как можно догадаться, поднимает ряд важных вопросов, которые все как один связаны с расплывчатостью местоимения «мы». Кто имеет право устанавливать «правильные» коммеморативные форматы, разрушающие другие возможные версии? Что происходит с памятью, которые не могут передаваться в согласии с господствующей парадигмой (например, память сторонников Республики Сало в годы гегемонии памяти о Сопротивлении), и как они воскресают в периоды политической нестабильности, когда властные отношения между господствующими памятью, конкурирующими контр-нарративами и безмолвующим большинством подвергаются реорганизации? Как объяснял Морис Хальбвакс, память служит интересам, чувствам и проектам тех, кто ею управляет, в то же время культурные фильтры, через которые отбираются эпизоды, достойные быть увековеченными, зависят от господствующих интересов и мыслей сообщества, к которому принадлежат менеджеры.

Именно по тому, что она основана на «частнособственническом» восприятии истории, память постоянно порождает конфликты среди сторонников различных способов присвоения прошлого, как это демонстрируется обличительными речами, которые десятилетиями вспыхивают вокруг менеджмента коммеморативных ресурсов (не только относящихся к Шоа). Постоянные диспуты заставляют думать, что борьба за контроль над памятью не продукт недоразумений, но мощный внутренний источник ее существования.

Добавлю, что нарратив жертв, неоспоримой парадигмой которого является память о Холокосте, стремится к акцентированию пассивной роли своих протагонистов, что делает такие нарративы особенно неподходящими для использования в рамках прогрессивной политической повестки (см. новаторскую работу Даниеле Глиголи «Критика жертвы» (*Daniele Giglioli Critica della vittima*, 2014)). Давайте не забывать о заявленной цели культуры памяти продвигать этическое мышление. Если «Никогда больше» что-нибудь да значит, то эта максима подразумевает усилия с целью осуществить изменения. Всякий раз, сталкиваясь с первыми признаками дискриминации любого меньшинства (не обязательно своего собственного), люди, разделяющие это торжественное обещание, обязаны активизировать свою деятельность. Им необходимо анализировать системные причины конфликтов, которые ведут к этой несправедливости, понимать лежащие в их основе механизмы, рассматривать альтернативные сценарии и осуществлять коллективные действия, посредством которых эти сценарии

могут стать реальностью. Но ведь жертвы это по определению те, кто лишены возможности что-либо изменить. Как всеобщая идентификация с жертвами величайшей из исторических травм может способствовать принятию на себя коллективной ответственности в отношении насилия в прошлом и настоящем? Поэтому, отвечая на второй пункт вашего вопроса, следует отметить, что продвижение ответственного гражданского поведения, не важно — локального, национального, либо глобального — не может полностью основываться на нарративе Холокоста. Без того, чтобы детально не рассматривать механизмы вовлечения (в том смысле, который предложил Майкл Ротберг), включая целый набор макро- и микро- решений, сделанных под давлением множества причин, которые вели к одной или другой исторической катастрофе, нет смысла заявлять «Никогда больше!». Но это означает отказ от перспективы жертв, которые по определению не виноваты, и подразумевает отождествление себя с тем, что Primo Levi определил как «серую зону», в которой большинство из нас действует большую часть своей жизни.

И в заключение, относительно пункта 3, ошибки хранителей памяти слишком многочисленны, чтобы перечислять их задним числом. Главная ошибка, на мой взгляд, состоит в превращении памяти в ценность, вместо того, чтобы использовать ее как средство для ориентации в настоящем и концентрации на достижении будущих целей.

ИЭ: На мой взгляд, вы сделали настоящее открытие, указав на про-

тиворечие между глобальной рамкой и попытками внедрить в общественное сознание представление об «уникальном в своей уникальности» (А. Рой Экхардт, A. Roy Eckhardt) Холокосте, который «качественно отличается от всех массовых убийств в мировой истории» (р. 97). Следуя этой концепции, Мемориальный музей Холокоста в Вашингтоне выпустил в 2019 «Заявление по поводу позиции Музея в отношении аналогий с Холокостом», в котором «однозначно отвергает любые попытки провести аналогии между Холокостом и другими историческими и современными событиями» (<https://www.jewishexponent.com/2019/07/10/academics-holocaust-museum-statement/>). Я считаю, что узко националистическая концепция «несравнимости» является главной причиной того, что проект глобальной идентичности на основе памяти о Холокосте провалился. Каково ваше мнение по этому вопросу?

В. П.: Отказ от аналогий равносильен запрету думать. Чтобы понять сложную динамику любого события, необходимо сравнивать его с другими событиями, отмечая общие черты и различия. Это ни в коем случае не ведет к отождествлению разных событий, сколь схожи и сколь предосудительны они бы не были.

Подчеркивая аргумент «уникальности в своей уникальности», сторонники запрета сравнивать что-либо с Холокостом демонстрируют, что они на самом деле не заинтересованы в более глубоком исследовании исторических фактов и, следовательно, в лучшем их понимании, чтобы

предотвратить повторение подобных преступлений, вопреки тому, что они неустанно твердят по этому поводу, прибегая к стандартной риторике Холокоста. Похоже, что они больше заинтересованы в установлении монополии на право интерпретировать геноцид евреев. Придавая сакральный статус Холокосту, они сворачивают тем самым дальнейшие исследования и публичные дебаты, путем обвинения любого, кто подходит к историческим фактам с других точек зрения (например, усматривая преемственность между антисемитскими и колониальными преступлениями), как играющего на стороне антисемитов. Такой подход не имеет ничего общего с углублением понимания событий Шоа и условий, благодаря которым Катастрофа стала возможной, но, скорее, является стремлением политического использования памяти об этой трагедии.

Вы отмечаете, что утверждения о «несравнимости» сосуществуют с учреждением памяти о Холокосте как парадигмы для других коллективных памятей. В современном публичном дискурсе Холокост предстает в качестве одновременно исключения и правила, как парадоксальный прототип, который не предусматривает уподоблений себе. Но каким образом Холокост может быть в одно и то же время и всеобщей парадигмой и «уникальным в своей уникальности» событием? В этом и состоит суть проблемы. Все апории «космополитической памяти» скрываются в противоречии между предполагаемой универсальностью базового нарратива и неизбежной специфики его практического использования. Прилагаемый к широкому спектру

исторических контекстов, приспособленный для «универсального» использования нарратив Холокоста формировал политическое воображение последнего тридцатилетия, сводя каждый конфликт к противостоянию *преследуемых и преследователей*. В результате конкуренции жертв обвинения в оскорблении их памяти переносилась на представителей соперничающих групп. Хранители памяти, включая представителей Мемориального музея в Вашингтоне, стремятся свести эти диспуты к тому, кто из соперничающих сторон имеет больше прав, чтобы высказывать свои практические требования с помощью словаря Холокоста. Когда они находят какое-либо сравнение неприемлемым, они выдвигают аргумент несравнимости. С другой стороны, они поддерживают те сравнения универсалистского характера, которые помогают укрепить легитимность хранителей.

ИЭ: Вы пишете, что огромная популярность сериалов «Клан Сопрано» (The Sopranos), «Декстер» (Dexter), «Во все тяжкие» (Breaking Bad), «Ходячие мертвецы» (The Walking Dead), «Игра престолов» (Game of Thrones), «Острые козырьки» (Peaky Blinders) и других отражает «тенденцию к социальному дарвинизму» (р. 217), эгоистический поворот общественного сознания. Я считаю, что это важное наблюдение демонстрирует, что в ситуации нынешних глобальных вызовов люди неадекватно реагируют, используя в качестве образцов поведения нарративы волшебной сказки, где герои стремятся заполучить добычу не для всего человечества, не для всей нации, а ис-

ключительно для своей семьи или банды. Могли бы вы рассказать подробнее об этом опасном этическом повороте нашего времени?

В. П.: Работая в 2015–2020 над книгой «Хранители памяти», я потратила множество часов на просмотр сериалов 2010-х годов. Все они ставят своих героев в ситуацию гипер-конкуренции, где не действуют никакие социальные договоры, и кратчайший путь к поражению лежит через следование общепринятым социальным нормам. Это скроенный по лекалам социал-дарвинизма мир дистопии, которая является метафорой неоллиберализма, где категории добра и зла заменены дихотомией победителей и проигравших. Нас приглашают идентифицироваться с безжалостными и аморальными (анти)героями, успешными социопатами, одаренными исключительными навыками выживания, которым присущи оппортунизм, односторонность, умение лгать и манипулировать другими (неслучайно все эти ценности играют важную роль в бизнесе). Судя по успеху, эти сериалы привлекли внимание людей самых разных идеологических ориентаций, отсюда можно заключить, что в данных нарративах закодирована реальность, которая в известной степени отражает представления людей о собственном жизненном пути.

Отталкиваясь от этих соображений, я начала размышлять о фигуре «Выжившего» как герое нашего времени. Возможно из-за американизации памяти фигура «Свидетеля» за последние десятилетия претерпела драматические изменения и в результате «Жертву» заместил «Вы-

живший». Чем вызван этот сдвиг? Сразу после войны выжившие узники лагерей чувствовали стыд за то, что они были жертвами, так как их подозревали в неблагоприятных поступках, с помощью которых они сумели выжить. С 1960-х позиция жертвы была пересмотрена. Вопрос ставился следующим образом: «Что они делали с тобой?», что означало общую ответственность граждан за то, чтобы травмированный выживший смог интегрироваться в общественную жизнь. С недавних пор, по моему впечатлению, вопрос: «Что они делали с тобой?» заменился на: «Как ты это сделал?», — т.е. как ты умудрился выжить, какую гибкость ты проявил и как нашел силы, чтобы выжить в аду лагерей? Заметна склонность видеть в факте выживания, прежде всего, личную заслугу, а не превратность судьбы, и смотреть на бывших узников как модель для подражания, чтобы самим лучше справляться с «ударами судьбы».

За последние десятилетия мы наблюдаем смену «паролей»: «эмпатия» (1990-е), «меритократия» (2000-е), «гибкость» (2010-е). Если мы их свяжем, то получим нарративную арку (сюжет) претензий и провалов политики либеральной демократии. От деполитизации (*эмпатия* в данном случае выступает как отрицание социальных и экономических конфликтов), через признание законным (во имя *меритократии*) сокращения социальных расходов, к неприкрытому социальному дарвинизму (*гибкость*), т.е. происходит обоснование сомнительных политических амальгам вроде «сочувственного консерватизма» (эмпатия плюс меритократия) Джорджа В. Буша

или недавние призывы к чрезвычайной политике в китайском стиле (меритократия плюс гибкость), чтобы оправдать отказ от демократических процедур во имя бесконечного глобального кризиса.

ИЭ: Ваши творческие планы?

В. П.: Последние годы я занимаюсь несколькими взаимосвязанными проблемами, одна из которых — анализ фашистского юмора. Кто были его жертвы, и кто составлял целевую аудиторию? Каковы были специфические черты этого злобного и беспричинного (с нашей точки зрения) смеха? Есть ли преемственность между фашистскими шутками 1920-х и 1930-х и юмором современных ультра-правых? Обычно фашистские насмешки связывают с карательными мерами против социалистов в период, когда Муссолини захватывал власть, или с расистскими карикатурами в ведущих итальянских СМИ 1920-х и 1930-х, которые стали гораздо более откровенными после принятия в 1938 расовых законов. Но это только самые очевидные проявления более широкого соучастия, с помощью которого в течение двадцати лет режима Муссолини и возможно значительно ранее ковалась национальная идентичность, которая нуждалась в создании образа врага, чтобы его наказать и уничтожить без особых сомнений и беспокойства. Это точная противоположность подрывному импульсу развитых форм юмора, который насмехается над принятыми социальными правилами, демонстрирует их нелогичность, разрушает существующие союзы и вызывает смех, одновременно включающий и исключаящий. Фа-

шистский смех это совсем другое: его цель сомкнуть ряды, укрепить порядок, вселить уверенность, и подвергнуть критике отклонения от установленных норм. Моя цель понять, на каком интимном соучастии основывался этот юмор, какие чувства он питал, какие противоречия создавал. Все это для того, чтобы лучше понять различные оттенки (не только репрессивные) фашистского консенсуса. Возможно, что это направление станет моим долговременным проектом. «Планы на будущее» это обычно этикетка для того, чтобы задним числом назвать те вещи, которые мы уже начали делать.

Спасибо за интервью!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Assmann, Jan, "Collective Memory and Cultural Memory," *New German Critique*, 65, Cultural History / Cultural Studies, 1995.
- Focardi, Filippo, *Il cattivo tedesco e il bravo italiano. La rimozione delle colpe della seconda guerra mondiale*, Laterza, 2013.
- Giglioli, Daniele, *Critica della vittima*, Nottetempo, 2014.
- Halbwachs, Maurice, *Les cadres sociaux de la mémoire*, Félix Alcan, 1925.
- Halbwachs, Maurice, *La mémoire collective*, PUF, 1950.
- Levi, Primo, *I sommersi e i salvati*, Einaudi, 1986 (English translation by Raymond Rosenthal, *The Drowned and the Saved*, Simon & Schuster, 1988).
- Novick, Peter, *The Holocaust in American Life*, Houghton-Mifflin, 1999.
- Rothberg, Michael, *The Implicated Subject: Beyond Victims and Perpetrators*, Stanford University Press, 2019.

«ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ПЕРЕВАРИЛ ИХ ВСЕХ...» Беседа с А. В. Шубиным

Грядущее 70-летие со дня смерти Сталина дало повод поговорить с известным историком и левым политическим мыслителем Александром Шубиным о событиях 1953 г., ставших одной из исторических развилок в развитии СССР.

Ключевые слова: И. Сталин, Л. Берия, Н. Хрущев, В. Молотов, Г. Маленков, 1953 год в истории СССР, начало десталинизации, борьба за власть в СССР.

Информация об авторе: Шубин Александр Владленович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва), профессор РГГУ и ГАУГН.

Контактный адрес: historian905@gmail.com

«THE HISTORICAL PROCESS DIGESTED THEM ALL...» Conversation with A. V. Shubin

The upcoming 70th anniversary of Stalin's death gave an occasion to talk with the well-known historian and leftist political thinker Aleksandr Shubin about the events of 1953, which became one of the historical crossroads in the development of the USSR.

Keywords: I. Stalin, L. Beria, N. Khrushchev, V. Molotov, G. Malenkov, 1953 in the history of the USSR, the beginning of de-Stalinization, the struggle for power in the USSR.

About the author: Shubin Aleksandr V., doctor of historical science, professor, chief researcher of the Institute of General history, RAS (Moscow), the professor of the Russian State University of Humanities and of the State Academic University of Humanities.

Contact information: historian905@gmail.com.

Беседовал А. С. Стыкалин

А.С.: В литературе получила хождение версия о том, что Сталин в последние годы жизни готовил новую волну большого террора. Наиболее явным его предвестником стало «дело врачей». Однако можно вспомнить и другие фабриковавшиеся как в центре, так и на периферии (в частности, в Грузии) дела. Аресты начала 1950-х годов коснулись высокопоставленных чинов МГБ, включая В. Абакумова. Одним из симптомов грядущей волны можно считать и то, что оказались в опале деятели из близкого окружения Сталина — В. Молотов и А. Микоян, что отчетливо проявилось на XIX съезде партии в октябре 1952 г. Как, по Вашему мнению, страну действительно ждал большой террор?

А.Ш.: Большой террор как явление — это быстрое уничтожение нескольких сотен тысяч человек в 1937–1938 годах. Такую акцию в 50-е годы Сталин не планировал. Но очередной этап массовых репрессий, аналогичный «Ленинградскому делу», конечно, готовился. МГБ по заданию Сталина увязывало «Дело врачей» с опальными Молотовым и Микояном. А их разоблачение могло потянуть за собой несколько сот или тысяч людей, как это было с «Ленинградским делом».

А.С.: Насколько всеобщим в первые месяцы после смерти Сталина было в руководстве страны (и шире — партийной элите) осознание того, что управлять прежними методами невозможно и надо что-то менять? Мы помним о том, что не был дан ход «делу врачей», затем происходит некоторое смещение

акцентов в экономической политике в пользу сельского хозяйства и производства предметов потребления. Во внешней политике СССР с первых месяцев происходит снижение конфронтационности — при том, что к руководству МИДом вернулся Молотов, человек с репутацией наиболее последовательного охранителя устоев. Так, уже 30 мая Москва официально заявила об отказе от своих претензий к Турции, дезавуировав собственный меморандум 1946 г. с требованиями о пересмотре конвенции Монтрё и совместной обороне черноморских проливов. Благодаря более гибкой позиции СССР (повлиявшего на КНДР и КНР) в конце июля удалось достичь соглашения о перемирии в Корее. Принимается решение о нормализации межгосударственных отношений с наиболее заклятым и принципиальным сталинским врагом — титовской Югославией, пусть пока еще как с «буржуазным» государством. И уже в 1953 г. стороны обменялись послами. Осознание того, что надо что-то радикально менять в стране, включая ее внешнюю политику, было с первых недель доминирующим в постсталинском советском руководстве и не вызывало ни с чьей стороны возражений? Было ли среди части аппарата видимое сопротивление этой линии на перемены? И как проявлялись разногласия относительно характера и темпов перемен?

А.Ш.: Разногласий о необходимости некоторых перемен не было, а вот по поводу их масштаба и направления — имелись, но тоже не могли сразу проявиться. Во-первых, некоторые перемены были уже за-

программированы при Сталине, такие как отказ от претензий к Турции, поиск возможности заключить перемирие в Корее. Уход из жизни Сталина позволил «распаковать» старые заготовки. Тот же Молотов в последние годы жизни Сталина был скорее голубем, чем ястребом — слишком быстро игры в неуступчивость привели СССР и США на грань атомной войны. Во-вторых, отход от тоталитарной модели шел очень медленно, под знаком продолжения политики Сталина. Соответственно и различия во взглядах могли касаться только нюансов. В-третьих, основная масса бюрократии привыкла к безропотному подчинению и не могла пока принять участие в выработке курса. В-четвертых, разногласия между членами Президиума ЦК носили во многом личный характер. Все боялись Берия и, решив расправиться с ним, обличали его за те самые предложения, которые затем сами в значительной степени осуществляли. Дальнейшие расхождения 1954–1955 годов — по поводу групп А и Б, отношения к селу, освоения целины и т. п., также носили не столь принципиальный характер, как это трактовалось в горячке последующих обличений. Молотов не отрицал необходимость освоения целины, но предлагал делать это скромнее, Маленков не отрицал необходимость развития тяжелой индустрии. Для того, чтобы эти альтернативы стали решительнее расходиться, необходимы были более решительные и последовательные преобразования, чем даже хрущевские. Если соотношение групп А и Б зависит от решения чиновников, то оно неустойчиво, является результатом произвола и чревато диспропорциями. А появление

проблем быстро приводит к отказу от «нового курса», что тоже происходит волевым решением. Последовательная, долгосрочная альтернатива в таких условиях не возникает.

А.С.: Насколько далеко идущими были реформаторские планы Л. Берия, который провел широкую амнистию, ставил своих людей на ответственные посты на местах? Верны ли утверждения, что он хотел вопреки сложившейся большевистской практике перенести главный акцент в принятии решений с партийных органов на государственные? А не произошел ли фактически такой перенос еще при Сталине, который отменил пост генерального секретаря ЦК ВКП(б) и управлял страной с 1941 г. прежде всего в качестве председателя Совета министров СССР?

А.Ш.: Советская система всегда была не чисто партийной, а партийно-государственной. Напомню, что и Ленин был не генеральным секретарем, а председателем правительства. Решения принимались примерно одними и теми же людьми то в ЦК, то в Совнарком. В 30-е годы, когда Сталин уже подписывался просто как секретарь, Политбюро состояло в большинстве из руководителей государственных структур. Так что его нельзя считать чисто партийным, внегосударственным центром. В любой государственной структуре есть свое «политбюро» — ближнее окружение лидера или коллективное руководство. Роль чисто партийной структуры была не всеобъемлющей, а отраслевой: учет кадров, агитация, мобилизация на решение задач, поставленных Политбюро... Сталин

был арбитром в партийно-государственной системе независимо от того, занимал ли он пост секретаря ЦК или председателя правительства. Не место красило человека. На это рассчитывал и Берия, который полагал, что сможет лидировать в коллективном руководстве благодаря своим личным качествам, занимая относительно скромный пост. Впрочем, мероприятия, которые теперь приписываются исключительно его инициативе, поддерживались и другими членами коллективного руководства. Если бы он потом решил иначе и победил бы в борьбе за власть, то конечно не остался бы главой МВД (забавно читать, как его обвиняли в намерении поставить МВД на место партии). Берия был достаточно опытным человеком в этой системе, чтобы понимать полезность партийных структур. Просто лидер государства должен был держать их под контролем.

Берия был сначала демонизирован, а полвека спустя державные публицисты стали делать из него идеал своего представления об оптимальном государственном деятеле, прагматичном антикоммунистическом державнике. Это было модно во времена раннего Путина. Но отличия курса реального Берия от курса Хрущева были тактическими — не случайно Хрущев потом продолжал реабилитацию и разрядку международной напряженности. И Маленков бы на его месте вел бы примерно такую же политику — это было веление времени.

А. С.: Отстранение жесткими методами Л. Берии было связано с тем, что он задумал слишком далеко

идущие реформы, которые не могли принять его соратники по руководству страной, или они реально опасались за свою судьбу и предпочли нанести превентивный удар? Насколько велик был, по Вашему мнению, шанс, что все они, включая Г. Маленкова, станут жертвами большой зачистки, устроенной Берией?

А. Ш.: Берия пал жертвой паранойи, но и у параноиков тоже есть враги. Члены коллективного руководства привыкли жить в ситуации, когда тебя завтра могут снять с должности и вскоре арестовать. Это был сильнейший стресс, который провоцировал устойчивые фобии. Им казалось, что пока «органы» подчинены одному из них, претенденту на лидерство, их жизнь под угрозой. Для преодоления этой фобии достаточно было просто снять Берия с должности, но им казалось, что он уже расставил везде своих людей и, продолжая оставаться на свободе, может взять реванш. А этого реванша они тоже смертельно боялись. В итоге они продлили тоталитарную эпоху, сохраняя правило, при котором проигравший уничтожается. К тому же возник соблазн свалить на Берия все грехи сталинской эпохи от террора до разрыва с Югославией, к которому он вообще имел мало отношения. Думаю, они искренне считали, что наносят превентивный удар, но доступные нам источники свидетельствуют в пользу того, что Берия как раз не собирался репрессировать своих коллег, по крайней мере на этом этапе. Они были нужны ему для управления страной, у него пока не было им замены. Берия надеялся, что и к нему также относятся. В дальнейшем процессы реабилита-

ции бросили бы тень на всех членов руководства, причастных к репрессиям, но ведь и у Берии было рыло в пуху. Так что в случае выдвижения Берии на ту роль, которую затем играл Хрущев, устранение оппонентов могло вестись политическими, а не репрессивными методами, как это и было после 1954 года. И в этом «альтернатива Берии» является тактической, а не принципиальной.

А.С.: Какой Вам видится роль Маленкова, который уже в марте 1953 г. заговорил о коллективном руководстве и необходимости недопущения нового культа личности? Насколько велик был реальный реформаторский потенциал этого деятеля? И почему Маленков так легко сдался, уступив Хрущеву в борьбе за власть фактически задолго до своего ухода с должности председателя Совета министров СССР в начале 1955 г.? Это не был слишком амбициозный политик с претензией на первую роль?

А.Ш.: Если с лупой анализировать выступления вождей того времени, как это делали советологи, можно найти различия между ними там, где их не было. Коллективное руководство и недопущение нового культа личности было в 1953–1956 годах общим местом в рассуждениях членов Президиума ЦК. Когда 10 марта Маленков об этом заговорил, он ссылался на ЦК. То есть на мнение своих коллег по Президиуму. Большинство его членов относились к коллективности руководства серьезно, были в целом довольны своей нишей, а Хрущев вел борьбу за власть, используя сталинскую тактику салями. Маленков не уступал Хрущеву

в борьбе за власть в 1954 году, он ее не вел. Да и его отставка с поста председателя правительства была связана не столько с интригами Хрущева, сколько с реальными проблемами в проведении его курса, которые в рамках советской модели экономики вряд ли могли иметь успех. «Выращивание» тяжелой промышленности на почве успехов сельского хозяйства и легкой промышленности закончилось неудачей еще в период НЭПа, это члены Президиума ЦК помнили. И когда в 1954–1955 годах после уступок селу наметились сбои в снабжении городов, это напомнило 1927 год. Маленкову было нечем крыть. Конечно, если бы Маленков имел характер Сталина или Хрущева, он бы не признал ошибки, стал бы выдавать неудачи за преддверие будущих побед, заменять аргументы кадровыми перестановками. Но это было не в его характере. Ну не получилось быть на первой роли — ведь он привык быть на второй. Из Маленкова в 90-е годы тоже стало модно лепить стратега нового НЭПа, вот если бы дать ему пару десятилетий, тогда бы да... В 1966 году, добиваясь своей реабилитации, он послал в Президиум ЦК, уже брежневский, обширную записку с политическими советами. Это предмет долгих раздумий человека, которому еще по возрасту далеко до маразма. И что мы там видим? Он обличает Хрущева за «безоговорочное» сближение с США (это Хрущева!), пишет об огромных заслугах Сталина перед народом, обличает югославский ревизионизм и предлагает заключить военный союз с Китаем. Это во время «культурной революции» Мао Цзэдуна-го. Вообще похоже на старческие рассуждения Молотова того времени, но еще чуднее.

А. С.: Поговорим и о роли Хрущева в тех событиях и в том числе в устранении Берии. Можно ли говорить о том, что важнейшей вехой в борьбе за власть между наследниками Сталина стало избрание Хрущева в сентябре 1953 на пост первого секретаря ЦК КПСС, давшее ему контроль над партаппаратом? А если подойти к вопросу в более широком плане: какие возможные альтернативы в развитии СССР перекрыло усиление позиций Хрущева, наглядно проявившееся сначала в оттеснении Маленкова, а затем и в критике Молотова на июльском пленуме ЦК 1955 г.?

А. Ш.: Напомню, что Хрущев уже во время мартовского распределения обязанностей должен был сосредоточиться на партаппарате, во время ареста Берии он первым секретарем еще не был, а все равно преуспел. Так что в сентябре 1953 года было закреплено то положение, которое сложилось раньше. И пост был назван скромно, чтобы прямо не отождествлять его с могуществом Сталина. Тут тоже сыграл роль принцип «не место красит человека». Конечно, Хрущев активно пользовался аппаратными возможностями, мог дополнительно дискредитировать Молотова с помощью парторганизации МИД. Но сами по себе аппаратные методы были недостаточны для победы над оппонентами — это еще опыт Сталина 20-х годов показал. Нужно было выдвинуть позицию, которая будет поддержана — сначала большинством Президиума ЦК, а затем и более широкими слоями руководителей уровня членов ЦК. На июньском пленуме 1957 года они поддерживали Хрущева не потому, что он был их партий-

ным начальником, а как лидера десталинизации. Тот же Г. Жуков мог ведь и большинство Президиума ЦК поддержать, пост Хрущева тут ничего не решал. Но и он, и большинство членов ЦК, по государственной линии подчиненных не Хрущеву, а зачастую его оппонентам, предпочли поддержать именно Никиту Сергеевича, может быть даже как меньшее зло. Они боялись возвращения 30-х годов. Лицами этой эпохи помимо Сталина были Молотов, Каганович и Ворошилов. От них веяло могильным холодком той страшной эпохи, от которой хотелось уйти навсегда.

Молотов представлял определенную альтернативу Хрущеву, даже большую, чем Маленков. Он выступал против возврата к сталинской системе, но за еще более осторожный отход от нее, чем даже имело место при Хрущеве. Молотову не были свойственны хрущевские креативные метания по перестройке хозяйственного управления и международных отношений. Но в случае падения Хрущева уже в 1957 году СССР пошел бы не по альтернативному пути развития, а сразу же политически перешел бы в 1964 год. Коллективное руководство было бы сохранено, что похоже на ситуацию 1964–1965 годов. Последовал бы новый раунд борьбы за власть, и если бы и в нем победил Молотов, то он занял бы место Брежнева с той поправкой, что Вячеслав Михайлович был более идейным коммунистом. Все-таки для Молотова строительство нерыночного коммунистического общества было делом жизни. Для Хрущева тоже — в этом было их сходство при всем различии политических стилей. Но на смену их поколению шла но-

менклатура, для которой коммунистические идеи были просто оберткой «нормальной жизни» и мещанских ценностей. Этот социальный процесс переварил бы и Молотова, как переварил Хрущева.

В принципе я склонен придавать большое значение роли личности в истории, которая влияет на цену исторических достижений и раскраску инерционных процессов. Особенно

роль личности важна на развилках истории, в революционные эпохи. 50-е годы революционной эпохой не были. Поэтому те различия, которые были между членами Президиума ЦК 1953 года, заносились песками истории, и процесс шел своей дорогой с незначительными зигзагами из-за расстрела Берии, неудачи Маленкова, провала «антипартийной группы» и позднее — самого Хрущева. Исторический процесс переварил их всех.

С. Е. Эрлих

EXEGI MONUMENTUM...: МЕСТА ПАМЯТИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Рец.: Mihai Stelian Rusu, Alin Croitoru, Politici ale memoriei în România postsocialistă. Atitudini sociale față de redenumirea străzilor și înlăturarea statuilor [Политика памяти в постсоциалистической Румынии. Отношение общества к переименованию улиц и демонтажу памятников]. Iași: Institutul European, 2022. 230 p.

Рецензент критикует концепцию Пьера Нора о «нематериальных местах памяти», которую Русу и Кроитору используют как теоретическую базу своей книги. Вместе с тем, он отмечает, что неосновательные теоретические предпосылки не являются препятствием для солидного исследования, в ходе которого румынские социологи сочетают детальное изучение процесса переименования улиц и демонтажа памятников после Революции 1989 г. с полноценным опросом общественного мнения, дающим представление о том, как граждане Румынии относятся к политике памяти очередных победителей, переписывающих «городской текст».

Ключевые слова: Пьер Нора, места памяти, политика памяти, переименование улиц, демонтаж памятников, антифашистское законодательство, Чаушеску, Антонеску, Кодряну.

Сведения об авторе: Сергей Эрлих, доктор исторических наук, главный редактор «Исторической экспертизы» (<https://www.istorex.org/>)

Контактная информация: nestorhistoria2017@gmail.com.

S. E. Ehrlich

EXEGI MONUMENTUM...: SIGHTS OF MEMORY DURING TIMES OF CHANGE

Rev.: Mihai Stelian Rusu, Alin Croitoru, Politici ale memoriei în România postsocialistă. Atitudini sociale față de redenumirea străzilor și înlăturarea statuilor (Politics of memory in post-socialist Romania. Social attitudes towards renaming the streets and removing the monuments). Iași: Institutul European, 2022. 230 p.

The reviewer criticizes the concept of Pierre Nora regarding “immaterial sights of memory”, which Rusu and Croitoru use as a theoretical base in their book.

© С. Е. Эрлих, 2023

DOI 10.31754/2410-1419-2023-1-58-68

Meanwhile he notices that the inconvenient theoretical prerequisites do not create an insurmountable obstacle for the scrupulous study, where the Romanian sociologists combine a detailed search of renaming the streets and removing the monuments after Revolution of 1989 with the full-fledged public opinion poll studying the attitude of Romanian citizens towards politics of memory of new winners rewriting “the city text.”

Keywords: Pierre Nora, sights of memory, politics of memory renaming the streets, removing the monuments, antifascist legislation, Ceausescu, Antonescu, Codreanu.

About the author: Serguey Ehrlich, PhD, the main editor of The Historical Expertise (<https://www.istorex.org/>),

Contact information: nestorhistoria2017@gmail.com.

Социологи Михай Стелиан Русу и Алин Кроитору исследуют ход переименования улиц и демонтажа монументов после падения режима Чаушеску в 1989 году.

Теоретической основой исследования является тезис Пьера Нора, согласно которому наряду с материальными «местами памяти» существуют также нематериальные «места» вроде гимна, флага, легенды о Жанне Д'Арк и т.д. Авторы рецензируемой книги вносят вклад в концепцию Нора и подразделяют его нематериальные сущности на четыре группы: «номинальные места» — прежде всего топонимы; «текстуальные места» — исторические исследования, учебники и т.д.; «символические места» — гимн, флаг и т.д.; «ритуальные места» — «перформансы», связанные с коммеморацией.

На мой взгляд, концепция нематериальных «мест памяти» представляет необоснованную попытку дисциплинарной экспансии, мотивированную не столько научными, сколько «цеховыми» интересами упрочения символического капитала «школы Нора». Русу и Кроитору пишут со ссылкой на Ричарда Шейна (Richard Schein),

что материальные «места памяти» представляют собой «материализованный дискурс». И это справедливо, так как за каждым таким «местом» стоит *имя*, которое подразумевает нарратив. Места памяти без развернутого во времени нарратива не существует. Время первично по отношению к пространству. В этом смысле концепция «мест памяти» представляет своего рода «дериватив», т.е. производный от нарратива, а значит вторичный по своей природе вспомогательный инструмент для исследования ритуалов коммеморации. Если концепция материальных «мест памяти» имеет смысл, так как позволяет локализовать опорные точки, где нарратив-время «материализуется» в движении перформанса, то попытки применить ее к нарративам, как к «отжатым» до имен и символов, так и развернутым в тексты, напоминают неуклюжую систему эпициклов для расчета траекторий планет солнечной системы, которая использовалась в геоцентрической системе Птолемея.

Прилагая к своему исследованию концепцию Нора, авторы рецензируемой книги отрывают имена улиц от самих улиц и рассматривают

номенклатуру их названий как «нематериальные места памяти», монументы рассматриваются как «материальные места памяти», а мемориальные доски относятся к «гибридным местам памяти», сочетающим именную природу названий улиц и материальность монументов.

На мой взгляд, такое различие не соответствует действительности, так как имя улицы запечатлено на материальном носителе — табличке. Мемориальные доски отличаются от уличных табличек не своей материальностью, а типом текста, так как на них имя дополняется нарративом. Я бы не стал также жестко противопоставлять «бесплотным» уличным табличкам и «гибридным» мемориальным доскам «материальность» монументов, так как для значительной части публики они во многих случаях становятся местами памяти не благодаря своим «иконическим» свойствам, а посредством сопровождающих их надписей (достаточно вспомнить как «неорганизованные» туристы, желая узнать, кто же тут запечатлен в виде памятника, прежде всего, читают табличку на постаменте). Некритически следуя по стопам Нора, авторы невольно демонстрируют уязвимость его концепции материальных и нематериальных мест памяти.

Не вызывает возражений другой теоретический посыл Русу и Кроитору, согласно которому вся топонимика пронизана отношениями власти. При этом они оговариваются, что номенклатура улиц не сводится к навязыванию идеологически окрашенной картины мира, но также выполняет важную практическую функцию ориентации в пространстве. И в этом

смысле перемены названий согласно идеологическим представлениям очередных победителей вступают в противоречие с навигационной функцией, по природе своей требующей топонимического постоянства. Но, вопреки практическим нуждам горожан, номенклатура «городского текста», постоянно переписывается, исходя из потребностей политики памяти, и в результате представляет в прямом смысле *палимпсест*.

Авторы приводят примеры того, как потребность в навигации сопротивляется идеологическому диктату. В период социализма одна из площадей Бухареста, где находится популярный рынок, носила имя коммунистического лидера Александру Могиороша (Alexandru Moghioroş). После 1989 площадь была переименована, но большинство горожан продолжают ее называть «коммунистическим» именем, причем мало кто из них знает, кем был Могиорош. В Тимишоаре, откуда началось восстание против режима Чаушеску, переименовали более пятидесяти улиц в честь местных жителей, павших в декабре 1989 от рук полиции и армии. Опросы показывают, что жители недовольны тотальным переписыванием «городского текста», так как в результате им стало сложно ориентироваться в городском пространстве. Показателен также социологический опрос, проведенный Русу и Кроитору. Отвечая на вопрос о характере названий новых улиц, 73,19% респондентов предпочли нейтральные названия без какой-либо идеологической нагрузки, тем самым выступая за то, чтобы очередной политический поворот не привел к топонимической катастрофе.

Топонимика — это не только ресурс власти, но инструмент борьбы за власть. Так в последние десятилетия в европейских городах развернулась борьба феминисток с топонимическим «патриархатом», поскольку редко где женские имена составляют более 10% от числа улиц, названных в честь мужчин. В Бухаресте женские имена носят 6,06% улиц, а в среднем по Румынии «женская доля» падает до почти невидимых 0,56%.

Исследование Русу и Кроитору представляет богатый сравнительный материал для всех, кто изучает политику памяти т.н. «переходного периода» в странах Центральной и Восточной Европы.

Авторы указывают, что в 1990-х эксперты скептически оценивали шансы посткоммунистической Румынии на успешный демократический транзит. Десятилетия диктатуры не предвещали скорых позитивных перемен, да и приход к власти в 1989 коммунистов из второго эшелона не настраивал на оптимистический лад, особенно в сочетании с болезненными и прекрасно знакомыми гражданам экс-СССР процессами грабительской приватизации, деиндустриализации, галопирующей инфляции, повсеместной коррупции и т.д. Но Румыния каким-то чудом сумела переиграть судьбу, войти в НАТО (2004) и в ЕС (2007) и стать реальной демократией, показывающей, добавлю от себя, неплохие, по сравнению с РФ экономические результаты (в 2022 Румыния по показателю ВВП по ППС на душу населения занимает 48 место в мире, а Россия с полным набором таблицы Менделеева в своих недрах — 53).

Юридическими предпосылками новой политики памяти стали законы о реституции и праве граждан ознакомиться со своими досье из архивов госбезопасности. С люстрацией, правда, не задалось. Соответствующий закон был принят только в 2006, а в 2012 Конституционный суд его отменил. Также были созданы «комиссии правды» по исследованию преступлений коммунизма с развитой медийной и музейной инфраструктурой. В 2006 коммунистический режим был официально осужден президентом Румынии. Все это произошло позднее, чем в других странах «восточного блока». Тем не менее, разница с «Днем сурка» на просторах ельцинско-путинской РФ ощутима.

В таком политическом контексте Русу и Кроитору анализируют «топо-мемориальную» революцию 1990-х и последующие трансформации в этой сфере. Они предлагают следующую типологию судьбы монументов в эпоху перемен: 1) разрушение; 2) сохранение; 3) модификация с целью ресемантизации (напомню, как статуя Колумба работы Церетели, которая предназначалась в подарок городу Нью-Йорку, превратилась в московский памятник Петру, бороздящему просторы Яузы); 4) перемещение с городских площадей в менее престижные места: парки коммунистического периода, музеи, кладбища и т.д.

Точкой отсчета является тематическая структура памятников коммунистического периода. В фондах бывшего Института истории партии (ныне Институт исторических и социально-политических исследований) авторы нашли фотографии

самых важных с точки зрения коммунистической власти 116 памятников:

16,38% из них относились к национальной истории (прежде всего крестьянским восстаниям);

68,97%, т.е. более 2/3 (!) — к военной истории в основном к периоду после 23 августа 1944, когда Румыния повернула оружие против бывшей союзницы — нацистской Германии, при этом ровно 50% памятников увековечивали подвиги румынской армии и 18,97% — советской;

И, удивительным образом, всего 14,66% — к рабочему движению и Коммунистической партии Румынии.

Ситуация с публичными монументами пережила три стадии. В 1990–91 шла «чистка». Вначале памятники коммунистического периода сносили по своей инициативе активные граждане, пока 21 марта 1990 не был принят закон о демонтаже монументов и переименовании улиц. В 1991 аналог московского кладбища партийных лидеров на Красной площади — т.н. «Памятник социалистическим героям за свободу народа и родины» в Бухаресте был переоборудован. Останки коммунистических бонз были перезахоронены на городских кладбищах, а сам «мавзолей» был превращен в захоронение Неизвестного героя [борьбы с коммунистической диктатурой]. В 1992–1999 настал второй период — «заброшенности». Уцелевшие коммунистические памятники сносились редко, но ветшали без ухода. Третий период — «европеизации»

начался с 2000 года, когда власти стали уделять внимание организации публичного пространства. В 2005 в Бухаресте на площади Революции [1989 года] был установлен Мемориал возрождения. В 2006 площадь, которая в ходе неоднократных переименований носила, в том числе, имена Гитлера и Сталина, получила имя Шарля де Голля и была украшена его статуей. В 2007 появился Памятник отцам-основателям Евросоюза, который постоянно оскверняется вандалами. В 2009 открылся такой важный атрибут европеизации как Мемориал Холокоста.

Наряду с мемориальным включением Румынии в контекст европейских ценностей происходит реставрация докоммунистического наследия. Так в 2007 была восстановлена конная статуя Кароля I (Carol I), уничтоженная в начале коммунистического правления.

Русу и Кроитору приводят примеры ресемантизации коммунистических мест памяти. Так в городе Дева мемориальный музей коммунистического лидера Петра Грозы (Petru Groza) не только не был, как в других местах, ликвидирован, но в 2008 его отреставрировали и снабдили новой мемориальной доской, где указаны только годы, когда Гроза занимал высшие государственные должности. Нет намека на коммунистический характер тогдашнего государства. Зато отмечено, что Гроза был делегатом собрания Великого объединения Трансильвании с Румынией 1 декабря 1918, а также тот факт, что он был ктитором нескольких православных церквей (в Румынии не было столь яростной антицерковной кампании как

в СССР, священники даже получали зарплату от государства). Тем самым память о Грозе переводится из коммунистического наследия в национальный и религиозный контексты. В Бырладе сохранились мемориальные дома первого господаря объединенных Дунайских княжеств Александру Иоанна Кузы (Alexandru Ioan Cuza) и коммунистического правителя Георге Георгиу-Дежа (Gheorghe Gheorghiu-Dej). Вопреки протестам краеведов, городские власти в 2016 предпочли восстановить мемориальный дом коммуниста, придав ему «для конспирации» антикоммунистическое название «Центр документации тоталитарных режимов в Румынии».

Удивительным образом борьба с некоторыми коммунистическими символами была начата еще румынским коммунистом №1 Николае Чаушеску. Так после 1948 молодой рабочий Василе Ройатэ (Vasile Roaită), убитый в 1933 полицией в ходе забастовки рабочих железнодорожных мастерских в Гривице, был причислен к пантеону коммунистических героев. Его именем были названы улицы, ему были поставлены памятники. Но Чаушеску ревновал к памяти о забастовке в Гривице, одним из руководителей которой был его предшественник Георгиу-Деж. Поэтому в 1960-е многие улицы Василе Ройатэ были переименованы, а памятники перемещены в менее престижные места.

Незавидна судьба памятников, связанных с Советской армией. Хотя после августа 1944 Румыния переменила сторону и вошла в состав антигитлеровской коалиции, румыны по понятным причинам не испытывают

теплых чувств к «освободителям». Бронзовый памятник Советскому солдату в Яссах был установлен в 1956. В 1991 его перевезли на участок захоронения советских солдат на одном из городских кладбищ. Дефицитную бронзу солдата по решению тогдашнего мэра Ясс тайком пустили на памятник господарю Михаю Храброму (Mihai Viteazul), установленному на месте, где стоял Советский солдат в эпоху социализма. Русу и Кроитору назвали этот процесс «ресайклингом». В 2007 Российское посольство в Румынии решило возложить венок и обнаружило «наличие отсутствия». Возник дипломатический скандал. В Бухаресте памятник Советскому солдату-освободителю (Ostaşul Sovietic Eliberator) был установлен в 1946 в самом центре на площади Виктории. В начале 1980-х было принято решение передвинуть памятник на шоссе Киселева (П.Д. Киселев принял активное участие в учреждении конституционного правления в Дунайских княжествах в 1829–1834) под предлогом перепланировки площади. Так как шоссе Киселева, расположенное в самом центре города, также является престижным местом, в данном случае, видимо, был важен сам «понижающий» жест перемещения, подчеркивающий охлаждение отношений с СССР. После 1989 памятник был перенесен на кладбище на участок захоронения советских воинов. В 2009 вандалы облили его краской. Возник еще один дипломатический скандал. В 2017 была попытка переименовать городской парк Ф.И. Толбухина в Бухаресте. Вице-примар района, где расположен парк, аргументировал это тем, что «советская армия не ограничилась

освобождением Румынии от фашизма, а принесла специфические элементы оккупационной армии». При этом он уточнил, что такое переименование «не является выпадом против русского народа, русской культуры и Российской Федерации». В ходе онлайн-опроса горожане уже начали подбирать новое имя парку, но под давлением посольства РФ это переименование не состоялось.

Обращаясь к переименованию улиц, Русу и Кройтору отмечают, что всего в Румынии после 1989 переменили названия 12,35% городских магистралей, что сопоставимо с переименованиями в Берлине и Москве и, добавлю от себя, в шесть с лишним раз меньше чем в соседнем Кишиневе, где по моим подсчетам после 1991 было переименовано порядка 80% улиц. При этом авторы рецензируемой книги отмечают, что после установления в 1948 режима «народной демократии» переименования в Румынии носили гораздо более масштабный характер. Так в Сибиу они достигли 62,2%, а в Брашове (в 1950–1960 сам город носил имя Сталина) — 42,9%. Доля названий, прославляющих СССР, в 1950-е годы составляла порядка 10%. Но после начала хрущевской кампании по «десталинизации» в Румынии начали избавляться не только от памятников и улиц Сталина, но и большинства «советских», многих «интернациональных» и, даже, некоторых национальных «коммунистических» названий. Своеобразный «национал-коммунизм» Чаушеску привел к тому, что до 1980 примерно четвертая часть улиц в румынских городах вернула либо приобрела «национальные» наименования.

После 1989 процесс «декоммунизации», начатый коммунистом Чаушеску, продолжился. Улицы, названные в честь исторических дат: 7 ноября (большевистская революция 1917), 16 февраля (забастовка 1933 в железнодорожных мастерских Гривицы), 6 марта (учреждение в 1945 первого коммунистического правительства), 30 декабря (учреждение Румынской народной республики в 1947), — стали первыми жертвами (переименовано 63,12% таких улиц). Вторая по уязвимости группа — названия географических пунктов с политическими коннотациями: среди них улицы, названные в честь когда-то советских (Москва, Киев) и социалистических (Прага) городов (переименовано 30,77% улиц этой категории). Удивительным образом эпонимы (личные имена) были затронуты переименованиями незначительно: с уличных табличек пропали имена деятелей румынского, советского и международного рабочего движения (переименовано 11,49% «персональных» улиц, что свидетельствует о незначительной доле имен коммунистических деятелей в топонимической структуре эпохи Чаушеску).

Обращает внимание стирание по всей стране улиц 23 августа (переход в 1944 Румынии на сторону антигитлеровской коалиции) и Республики. В таких символических жестах угадывается не только ностальгия по монархии (во втором случае), но и по «сильной руке» диктатора Антонеску (в первом случае). Примечательно, что улицы 23 августа обычно переименовывали в 1 декабря (объединение с Трансильванией, т.е. создание Великой Румынии в 1918). Можно предполагать, что нацио-

нальный тренд в румынском обществе носит в существенной степени антидемократическую окраску.

Русу и Кроитору отмечают региональные различия в переименованиях. К западу от Карпат они были намного масштабней (Тимишоара — 26,37%), чем в Молдове (Яссы — 11,09%) и в Мунтении (Бухарест — 6,36%). Авторы не объясняют, случилось ли в первом случае культурное наследие дуальной австро-венгерской монархии и наличие значительных этнических меньшинств венгров и немцев. И совершенно непонятно, почему в Бухаресте (обычно столичные города задают культурные тренды) доля переименованных улиц была минимальной.

Динамика переименований свидетельствует, что более половины случаев смены уличных названий в большинстве городов пришлось на период 1990–1994. Исключение — город Клуж-Напока (36,46%), где тогдашний мэр тормозил процесс отказа от коммунистического наследия.

Авторы рецензируемой книги также провели масштабный социологический опрос. Поскольку средств для проведения опроса традиционными методами не было, Русу и Кроитору обращались к участникам локальных групп всех 319 городов Румынии в соцсетях Фэйсбук и Линкедин и предлагали им заполнить опросник на сайте <http://namescape.questionpro.eu>. Также, через «ключевых акторов», опросник предлагался к заполнению студентам и сотрудникам ряда университетов и других публичных институтов. Авторы признают, что их выборка не совсем

корректна, так как ограничена пользователями интернета, имеющими навык работы с технологическими платформами. Не случайно из 5117 пользователей, открывших опросник, лишь 3198 начали отвечать и на все вопросы ответили только 1238. По мнению Русу и Кроитору среди их респондентов преобладают те, кому не безразличны проблемы городской топонимики. Выборка была приведена в соответствие со структурой городского населения Румынии по полу, возрасту, этнической принадлежности, роду занятий.

В рецензии невозможно перечислить все небанальные результаты, полученные в результате данного опроса, поэтому остановлюсь только на сюжете отношения к коммунистическому «вчера» и фашистскому «позавчера», предоставляющему «информацию к размышлению» относительно вероятности того, могут ли эти призраки прошлого претендовать на то, чтобы стать завтрашним днем румынского народа.

В 2002 в Румынии было принято чрезвычайное постановление правительства «О запрете организаций и символов фашистского, расистского и ксенофобского характера, а также пропаганды культа лиц, виновных в совершении преступлений против мира и человечества», в 2015 оно было уточнено и приобрело статус закона (См.: *Мачь* 2015). Согласно этому закону под запрет попадают оправдание и прославление как Легиона Михаила Архангела под руководством Зели Кодряну, так и правительства маршала Антонеску. В то же время инициатива парламентской группы «Союз спасения

Румынии» о запрете коммунистической символики была провалена. В 2019 румынский Сенат отклонил проект данного закона.

Руссу и Кроитору спрашивали у респондентов, как они относятся к законодательному запрету «фашистских и легионерских символов». 70% участников опроса согласились с «антилегионерским» (на самом деле оно шире) законодательством, 15% были против, 15% воздержались. С необходимостью законодательного запрета коммунистических символов согласилось меньшее число респондентов — 56%, 22% против, 22% воздержались.

Русу и Кроитору задавали также косвенный вопрос на ту же тему, они спрашивали у респондентов, как бы они отнеслись к тому, чтобы улицы в их населенном пункте были названы именами:

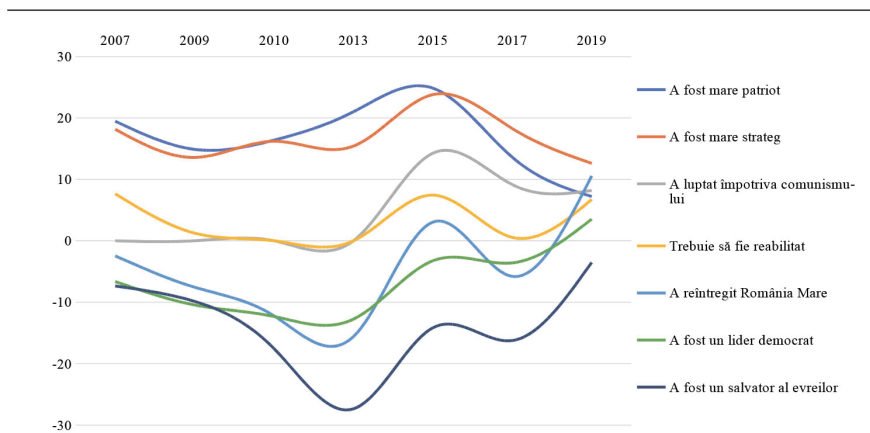
- 1) Николая Чаушеску (63% против, 20% за, 17% воздержались);
- 2) Иона Антонеску (47% против, 32% за, 21% воздержались);
- 3) Корнелиу Зели Кодряну (63% против, 17% за, 20% воздержались).

Мы видим, что отношение к Чаушеску коррелирует с отношением к коммунистическим символам. Также существует корреляция между отношением к Кодряну и к легионерским символам. При этом к коммунистическому диктатору респонденты относятся хуже, чем к коммунизму: доля противников улицы Чаушеску 63%, а сторонников запрета коммунистической символики 56%.

А к вождю легионеров относятся лучше, чем к возглавлявшемуся им движению (доля противников улицы Кодряну 63%, а сторонников запрета легионерской символики 70%).

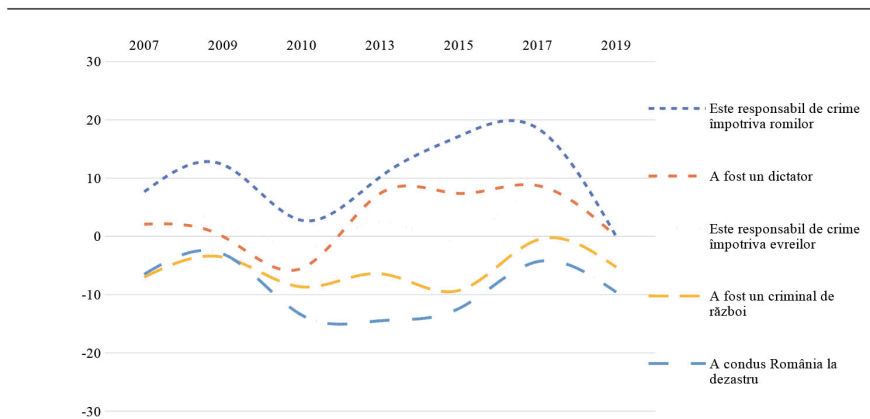
К сожалению, прямой вопрос об отношении к Антонеску не был задан. Тем не менее, ответы на косвенный вопрос не могут не вызывать беспокойства: почти треть готова назвать улицу в своем городе в честь диктатора, который в союзе с Гитлером отвоевывал Бессарабию и завоевывал Транснистрию (провинцию между Днестром и Южным Бугом), и с такой прытью решал «еврейский вопрос» в Бессарабии (уже к 1 января 1942 эта провинция была Judenfrei), что германские союзники обращались к нему с увещаниями не торопиться, чтобы не спровоцировать экономический коллапс. Выше уже упоминалось, что сразу после 1989 почти все улицы 24 августа (дата свержения режима Антонеску и перехода Румынии на сторону антигитлеровской коалиции в 1944) были переименованы. К сожалению, Русу и Кроитору не сообщают, были ли какие-то улицы с таким названием переименованы в честь маршала Антонеску, но указывают, что, избавившись от коммунистического диктатора, румыны начали активно называть улицы «многочисленных населенных пунктов» именем «кондукэтора» («вождя» — официальный титул Антонеску). В 2000-х такая политика памяти вступила в противоречие со стремлением Румынии вступить в ЕС. Начался процесс обратного переименования. Но еще в 2021 по меньшей мере в одном крупном румынском городе — Констанце такая улица существовала (Strada Ion Antonescu din Constanța,

Figura 5. Evoluția indicelui opiniei dominante (IOD) referitor la imaginea lui Ion Antonescu (2007–2019) – aspecte pozitive

Sursa: date prelucrate de autori pe baza sondajelor realizate de către Institutul Național pentru Studierea Holocaustului din România „Elie Wiesel” (INSHR-EW)

Figura 6. Evoluția indicelui opiniei dominante (IOD) referitor la imaginea lui Ion Antonescu (2007–2019) – aspecte negative

Sursa: date prelucrate de autori pe baza sondajelor realizate de către Institutul Național pentru Studierea Holocaustului din România „Elie Wiesel” (INSHR-EW)

mărul discordiei între Vergil Chițac și Institutul Elie Wiesel. Primarul, deschis inițiativei de redenumire a străzii. <https://adevarul.ro/stiri-locale/constantina/strada-ion-antonescu-din-constantina-marul-2077420.html>.

Популярность Антонеску подтверждается и голосованием телезрителей. В ходе шоу 2007 года «Великие румыны» он занял шестое место, опередив Чаушеску (11 место) и Кодряну (22 место).

Многолетние опросы (2007–2019) Национального института исследования Холокоста, носящего имя нобелевского лауреата Эли Визеля (Elie Wiesel), показывают (0 на графике означает, что мнения разделились 50 на 50), что большая часть опрошенных считает Антонеску великим патриотом, выдающимся стратегом и борцом с коммунизмом. Правда, после принятия в 2015 закона об уголовной ответственности за восхваление преступлений против человечности число поддерживающих три упомянутых тезиса снизилось с 70–80% до 50–60%.

Но в любом случае это очень много. При этом за последние годы растет число тех, кто считает маршала демократическим лидером и спасителем евреев. Возможно, в таком повороте подразумевается лукавство: теперь мы будем хвалить его не как военного преступника и антисемита, а как демократа и борца за права этнических меньшинств. В рамках этого же многолетнего исследования выявлялось отношение и к негативным сторонам деятельности Антонеску. Среди опрошенных доля тех, кто считает, что он совершал преступления против цыган, примерно на 10% выше в сравнении с теми, кто признает, что маршал совершал преступления против евреев. Меньше половины опрошенных считают, что Антонеску был военным преступником и что он привел Румынию к катастрофе.

Эти данные предостерегают от эйфорического восприятия демократического транзита. Крайне-правый тренд, который нарастает во многих странах ЕС, может охватить и Румынию. Но будущее не predetermined. Выборы президентом страны этнического немца свидетельствуют, что этнический национализм не преобладает в румынском обществе.

Важнейшие выводы, изложенные в заключительном разделе этой насыщенной важным материалом книги, состоят в том, что большинство румын не заиклено на ностальгии по «золотой эпохе Чаушеску» (устойчивое выражение пропаганды того времени) и что граждане хотят активно участвовать в формировании «топо-мемориальной» среды обитания, что вселяет осторожный оптимизм.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Мачь 2015 — *Мачь* М. В лабиринте памяти. Проработка прошлого в посткоммунистической Румынии. // Историческая экспертиза. 2015. № 4(5). С. 4–41. https://ac1e3a6f-914c-4de9-ab23-1dac1208aaf7.usrfiles.com/ugd/2fab34_0bc577f409ba4dc6a207b7e49a04b2e4.pdf

REFERENCES

Mach' M. V labirinte pamyati. Prorabotka proshlogo v postkommunisticheskoy Rumynii. // *Istoricheskaya ehkspertiza*. 2015. № 4(5). S. 4–41. https://ac1e3a6f-914c-4de9-ab23-1dac1208aaf7.usrfiles.com/ugd/2fab34_0bc577f409ba4dc6a207b7e49a04b2e4.pdf

Н. Н. Морозов

КАК РУМЫНЫ «ПРЕВРАЩАЛИ ОМЛЕТ В ЯЙЦА» ИЛИ О РЕКОНСТРУКЦИИ КАПИТАЛИЗМА В РУМЫНИИ ПОСЛЕ 1989 г.

Тема заметок ведущего российского эксперта-румыниста — довольно болезненный переход румынского общества к рыночной экономике и западным политическим моделям после падения в декабре 1989 г. национал-коммунистического режима Чаушеску. Результат 30-летней эволюции системы по-разному воспринимается в румынском обществе. Ясно лишь то, что нынешний режим совсем не похож на межвоенную Великую Румынию, которая до пор ностальгически переживается в общественном сознании и воспринимается как румынская *belle époque*.

Ключевые слова: Румыния, эволюция коммунистических режимов Восточной Европы после 1989 г., переход к рыночной экономике, европейская интеграция.

Сведения об авторе: Морозов Николай Николаевич, кандидат филологических наук, политический аналитик, публицист, переводчик. Автор многих работ по проблемам Румынии, румынской истории и культуры.

Контактная информация: morozovv1952@mail.ru

N. N. Morozov

HOW ROMANIANS “TURNED OMELETTE INTO EGGS” OR ABOUT THE RECONSTRUCTION OF CAPITALISM IN ROMANIA AFTER 1989

The topic of the notes of the leading Russian expert in the problems of Romania is the painful transition of Romanian society to a market economy and Western political models after the fall in December 1989 of the national communist regime of Ceaușescu. The result of 30 years of evolution of the system is perceived differently in Romanian society. What is clear is that the regime in Romania today is not similar to the interwar Great Romania, which until now is nostalgically experienced in the public mind and is perceived as the Romanian *belle époque*.

Key words: Romania, evolution of Communist regimes in Eastern Europe after 1989, transition to a market economy, European integration.

About the author: Morozov Nikolai Nikolaevich — cand. of philology, political analyst, publicist, translator. Author of many works on the problems of Romania, Romanian history and culture.

Contact information: morozovvv1952@mail.ru

Румынскому франкоязычному писателю Панайту Истрати (1884–1935), который после поездки в СССР в 1928 году опубликовал резко критический в адрес сталинского режима памфлет "Исповедь для побежденных", приписывается фраза: «Да, нельзя сделать омлета, не разбив яиц. Я вижу разбитые яйца, но где же омлет?» Понятно, речь шла о строительстве социализма на осколках капиталистического строя.

В 1990 году один из лидеров созданного после краха диктатуры Чаушеску Фронта национального спасения (ФНС) Силвиу Брукан (1916–2006) заявил, что естественное развитие Румынии в 1945–1947 годах было насильственно прервано, в национальной истории возникла «черная дыра», а теперь (после свержения коммунистического режима) пришло время связать концы разорванной нити, то есть, — вернуться в сообщество западных стран и продолжить путь вместе с ними, вероятно, с того самого места, где этот путь был прерван в 1945–1947 годы.

Тогда же в ходе разгоревшейся полемики о пути дальнейшего развития Румынии один публицист сравнил предпринимаемые в стране усилия по строительству (восстановлению) капитализма из обломков рухнувшего вместе с диктатурой Чаушеску социалистического

уклада с попыткой обращения омлета назад в яйца (в другом варианте речь шла о преобразовании ухи обратно в аквариум).

СООБЩЕНИЕ К СТРАНЕ

Первым шагом к прояснению вопроса о дальнейшей судьбе страны, значение которого трудно переоценить, стало так называемое «Сообщение к стране Совета Фронта национального спасения» (Comunicatul către țară al Consiliului Frontului Salvării Naționale) от 22 декабря 1989 года. «С этого момента распускаются все структуры власти клана Чаушеску, — указывалось в нем. — Правительство уходит в отставку, Госсовет и его учреждения прекращают деятельность, вся власть в государстве переходит к Совету ФНС».

Программой СФНС предусматривался отказ от руководящей роли одной партии, организация свободных выборов, устранение административно-бюрократических методов централизованного управления экономикой, отказ от идеологических догм, устранение лжи и самозванства, переход прессы в руки народа.

«Внешняя политика страны должна служить добрососедству, дружбе и миру на планете, вписавшись в процесс строительства единой Европы, общего дома всех народов

континента, — указывалось в документе. — Мы будем уважать международные обязательства Румынии, в первую очередь, в отношении Варшавского договора».

Очевидным образом документ страдал определенной наивностью, которую легко объяснить эмоциональным накалом момента, когда он был составлен. Международная часть, также очевидно, отдавала дань горбачевской перестройке, которая тогда была на злобе дня, а реверанс в сторону ОВД объяснялся, конечно же, естественным инстинктом самосохранения.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Газета «Ромыния либерэ» поместила 31 декабря 1989 года статью Брукана «Без -"измов" и без партии». «По крайней мере, на некоторое время мы должны отказаться от таких понятий, как социализм, капитализм, коммунизм, фашизм, — писал он. — В настоящей ситуации они не имеют никакого смысла и, во всяком случае, — никакой связи с социальной реальностью. Вся историческая схема так называемой неизбежной последовательной смены общественных формаций, разработанная Марксом, явно и безвозвратно устарела. В настоящее время мы не располагаем современной теорией, не знаем, в каком мире живем и в каком направлении движется этот мир. Народная революция породила Фронт национального спасения, который не нуждается ни в какой партии, ни в каком -"изме"».

Путь в будущее, с одной стороны, открывал, как будто, огромные воз-

можности, но, с другой, пугал многочисленными рисками. По сути, это был путь в неизведанное, так как никто не представлял себе, какие конкретные шаги следует предпринять для перехода к либеральной демократии и рыночной экономике. Очевидна была острая необходимость в концепции этого пути «назад к капитализму».

«В 1989 году Румыния была в наихудшем положении из всех стран Восточной и Центральной Европы в отношении старта перемен, разрыва с коммунизмом, — писал политолог Василе Секэреш, который в 1990 году возглавил группу советников при президенте Илиеску. — Не было никаких общественных или партийных дискуссий о необходимых реформах, никакой подготовки или некоего "преперехода". Хуже того, с политической точки зрения, мы не фигурировали ни в одной повестке дня, и Румыния рисковала упасть в пучоту».

Задача подготовки этой концепции выпала, главным образом, на относительно молодое поколение специалистов, экспертов, ученых, которые работали в Институте мировой экономики, Институте национальной экономики, Институте политических наук, Центре исследований военной истории и теории, Бухарестском университете. Некоторые из них проходили стажировки на Западе, участвовали в международных конференциях.

Костяк этого молодого поколения руководителей составила так называемая «группа ADIRI». В 1987–1988 гг. в Ассоциации

международных отношений и права (ADIRI) представители молодой румынской элиты в неформальной обстановке обсуждали острые проблемы современности, в частности, в СССР и в странах Восточной Европы, принимали иностранных гостей. Поэтому впоследствии их стали называть «группой ADIRI» или «группой Троядеро» (по названию одного из бухарестских ресторанов, в котором они, согласно городской легенде, собирались). «Может быть, это было немного, но это был шаг, — пишет Секэреш. — Мы думали о моменте, когда обветшавшая конструкция обрушится». «Думал ли кто-нибудь действительно, о падении Берлинской стены? Предвидел ли кто-то революции на Востоке? — спрашивает он риторически. — Нет».

В 1990 году Секэреш направил от лица этой группы письмо председателю Совета ФНС Илиеску, в котором утверждалось, что в Румынии «не сказаны и не сделаны многочисленные вещи», что будущая программа правления должна ясно отражать «разрыв со старой системой и с идеологией, которая лежала в ее основе». «Неожиданным образом Илиеску согласился с тем, что мы писали там, и <...> пригласил нас работать с ним», — пишет он. В этом же году молодые лидеры образовали группу политического анализа при президенте Румынии; позднее одни из них стали парламентариями и министрами, а другие вошли в президентскую администрацию. После раскола ФНС в 1992 году ряд членов группы образовали фонд «Будущее для Румынии».

Это были Адриан Нэстасе, Мугур Исэреску, Адриан Северин, Василе

Секэреш, Эуджен Дижмэреску, Владимир Пасти, Мирча Иоан Пашку и другие, которых судьба затем развела в разные стороны. Так, Нэстасе побывал лидером правящей партии и спикером парламента, министром иностранных дел и премьер-министром, Исэреску в 1990 году уехал в посольство Румынии в Вашингтоне, чтобы восстановить отношения Румынии с Международным валютным фондом и Всемирным банком, а затем занял должность управляющего Национальным банком Румынии, которую занимает и поныне, Северин был вице-премьером, отвечавшим за реформу и приватизацию, а также министром иностранных дел, Пашку — министром обороны и т. п. Некоторые из них сейчас покинули большую политику и делятся воспоминаниями, которые позволяют составить мнение о том, как все тогда происходило.

НАЗАД НА ЗАПАД

Курс Румынии, как и других бывших социалистических стран, на Запад не вызывал сомнений, так как был предрешен всем послевоенным настроением если не большинства, то, по крайней мере, элиты румынского общества. Он определялся как историей страны, так и привлекательным имиджем западных стран.

Это хорошо понимали и российские эксперты. «Румынский народ, измученный тоталитарным режимом, разочаровавшийся в социалистических ценностях, традиционно воспитывавшийся в духе общности с романским миром, может с радостью принять прозападный поворот

в политике, выходящий за рамки обновления социализма, — указывалось, например, в записке Института экономики мировой социалистической системы АН СССР секретарю ЦК КПСС А.Н.Яковлеву (13 марта 1989 года). — Причем та финансовая помощь Запада, которую может в таком случае получить свободная от долгов, доказавшая свою платежеспособность Румыния, позволит убедительно продемонстрировать преимущества такого выбора».

Кроме того, процветающий Запад выглядел победителем в «холодной войне», и уже одно это притягивало бывшие социалистические страны, которые, в свою очередь, выглядели или хотели выглядеть получившими наконец-то долгожданную свободу пленниками тоталитарного Советского Союза.

«Еще в декабре 1989 года нам было ясно, что европейское измерение румынской внешней политики станет приоритетным, — писал Адриан Нэстасе в книге "Румыния после Мальты" (România după Malta). — Был внутренний консенсус как политический, так и на уровне общества в отношении необходимости вырваться из сферы влияния Советского Союза путем выхода из Варшавского Договора, и в той или иной форме возвратиться к традициям румынской внешней политики в период между двумя мировыми войнами, целью которой было закрепить Румынию в западном европейском блоке».

Социал-демократ Адриан Нэстасе возглавлял МИД в 1990–1992 годы

и занимал пост премьер-министра в 2000–2004 годы. Он не забывал о национальных интересах и, признавая приоритет евроатлантической ориентации Румынии, отстаивал необходимость развития внешнеполитических отношений «по всем азимутам», в том числе с Россией. В 2012 году Нэстасе был осужден по обвинению в коррупции на 2 года тюремного заключения, прошел через попытку самоубийства и был условно освобожден через 8 месяцев. В 2014 году был вновь осужден на 4,5 года по обвинению в коррупции и условно освобожден примерно через полгода. Позднее в различных выступлениях (главным образом, в качестве президента Европейского фонда имени Н.Титулеску) Нэстасе подчеркивал, что у Румынии «сложная идентичность». «Румыния обрела определенную идентичность, вступив в ЕС и НАТО, — утверждал он, — однако это не значит, что она должна двигаться по одной оси».

Таким образом, Нэстасе оказался в неблагоприятном положении, будучи вынужден объясняться в связи как с уравновешенным отношением к России, так и с окончательным выбором в пользу ЕС и НАТО. Румыния подписала договор с Советским Союзом (речь идет о подписанном М. Горбачевым и И. Илиеску в Москве 5 апреля 1991 года Договоре о сотрудничестве, добрососедстве и дружбе, который не вступил в силу из-за распада СССР), потому что была изолирована и не хотела оставаться буферной зоной, утверждал, например, он. «Договор с Советским Союзом понимался тогда, понимается и теперь лишь через

одну-единственную призму — русофобии, — сетовал Нэстасе в упомянутой книге. — Нас все время упрекают в том, что мы его подготовили и подписали, что было не время, что СССР в любом случае доживал последние дни. Это мы знаем сейчас. Тогда же никому не было ясно, что произойдет. Поэтому мы искали любые формулы, которые обеспечили бы нам безопасность в чрезвычайно зыбкой и непредсказуемой среде».

ХОТИТЕ ИНТЕГРАЦИЮ, ОТДАЙТЕ ЭКОНОМИКУ

«Нередко решения, которые мы имели в виду, вытекали из советов, полученных от международных учреждений в Вашингтоне, — писал Секэреш. — И тогда, и позже у нас было достаточно сомнений в отношении некоторых из полученных "из-за границы" решений. Некоторые из них оказались катастрофическими. Идея, однако, заключалась в том, что "они знают", что нужно делать. Значительно позднее, например, Джеффри Сакс в клубе Национального банка Румынии (НБР) сказал нам, что в реальности они "не очень хорошо знали", а некоторые подходы были просто ошибочными. Тогда на повестке дня был, как будто, другой ориентир <...>: проблема перехода была политической, а не экономической; нужно было "перейти Рубикон", чтобы больше не было пути назад».

«Таким образом, — подтверждает Северин, — те, кто находился на передовой линии реформы, смогли очень быстро (в 1990 году) узнать, что Запад понятия не имел, что нуж-

но делать, чтобы приватизировать государственную собственность, невзирая на отсутствие рынка капитала и частных капиталистов».

Бывший премьер-министр (1991–1992) Теодор Столожан рассказывает в своей книге «Решения, споры, мифы в экономике и политике 1961–2020» (Decizii, controverse, mituri în economie și politica 1961–2020) о дискуссии, которая состоялась в 1990 году между румынской делегацией в США и бывшим министром труда, министром финансов и государственным секретарем США Джорджем Шульцем. «После того, как мы завершили обсуждение стратегии ("Стратегии по внедрению рыночной экономики в Румынии"), Шульц пристально посмотрел на нас и спросил: "А что вы будете делать теперь, когда в Румынии началась новая жизнь?" Мы посмотрели друг на друга и сказали, что продолжим работать в госадминистрации. Шульц продолжал: "Я дам вам бесплатный совет. Найдите тех, кто занимался сделками на черном рынке при социализме. Объединитесь с ними, потому что у них есть предпринимательская жилка". Ни один из нас не последовал этому совету. Позднее, время от времени, когда я был разочарован различными решениями госадминистрации, я вспоминал совет, который нам дал Джордж Шульц».

В свою очередь, Адриан Северин, принимавший участие в этой встрече, утверждает, что высказывание принадлежит не Джорджу Шульцу, а Милтону Фридману, и приводит его по памяти в следующей форме: «Румынам некуда поместить свои деньги, особенно если они были

добыты на черном рынке, и они не доверяют государству, чтобы предоставить ему заботиться о своих сбережениях, у румын много черных денег, спрятанных под матрацами. Поскольку официальный рынок был монополизирован государством, единственный свободный рынок, который у вас есть, это — черный рынок. Его нельзя уничтожить. Выведите его на поверхность и начинайте с него. Иначе будет намного труднее создать рыночную экономику из ничего».

Северин вспоминает об этом в пространном отклике на монографию «Капитализм и капиталисты без капитала в Румынии» (*Capitalism și capitaliști fără capital în România*) одного из крупнейших экономистов страны, бывшего министра финансов, ныне первого заместителя управляющего НБР Флорина Джорджеску. Два маститых автора исповедовали и исповедуют противоположные взгляды на экономическую реформу в посткоммунистической Румынии (Северин — либерал, Джорджеску — социал-демократ или ордолиберал), они находились в политической и идеологической оппозиции друг к другу (Северин входил в правое правительство Демократической конвенции Румынии, пришедшее к власти в 1996 году, Джорджеску — в предыдущее левоцентристское правительство Партии социальной демократии Румынии, 1992–1996).

Согласно выводам Джорджеску, применение шоковой терапии в Румынии означало, по сути, серию «пирровых побед», и в результате румынская экономика оказалась под контролем иностранных корпора-

ций. «Ни одна капиталистическая страна не смогла избежать фазы примитивного накопления капитала, — возражает Северин. — <...> Главное знать, когда сказать: "Стоп!" и перейти к правилам».

Суть этой интересной полемики Северин резюмирует следующим образом: «Огромная заслуга профессора Флорина Джорджеску состоит в раскрытии конфликта в период перехода Румынии от коммунизма к капитализму между концепцией либерально-демократической реформы, начатой в 1990 году в благоприятном контексте революционных событий в декабре 1989 года, и ордолиберальной концепцией тех, кто должен был реализовать эту реформу. <...> Так мы объясняем, почему переход не был завершен, а румынское посткоммунистическое государство потерпело неудачу: движущие силы перехода тянули [страну] в разные стороны».

Еще в 1990-е годы стало ясно, констатирует Северин, что цели интеграции в европейские структуры и цели развития противоречат друг другу. «Румыния не могла надеяться на развитие или даже на сохранение того, что было жизнеспособным в ее унаследованной от коммунистического режима экономике, если хотела стать членом ЕС, смысл существования которого все больше сводился к поддержке германского экспорта, — пишет он. — С этой точки зрения роль внешнего фактора в декапитализации Румынии, или ее превращении в капиталистическую страну с острой нехваткой местного капитала и местных капиталистов невозможно переоценить». «Так, приватизация стратегических активов (нефтяная

компания "Петром", крупные банки) или так называемых естественных монополий нередко была, по сути, замаскированной взяткой, которую от Румынии требовали в обмен на европейскую и евроатлантическую интеграцию», — добавляет автор.

Северин вспоминает, как в 1992 году Еврокомиссия «щедро» предоставила Румынии безвозмездный кредит для оплаты услуг консультантов по выработке методологии приватизации, уточняя, что эксперты «были предложены (в реальности навязаны) донором». «Главной заботой этих экспертов было сделать так, чтобы при помощи предложенной методологии с самого начала исключить участие румынских капиталистов в приватизации активов и акций румынского государства, — пишет он. — Другими словами, — воспрепятствовать формированию румынского частного капитала и появлению румынских капиталистов». «Несмотря на политическое давление и угрозы ответных мер со стороны Еврокомиссии, я лично заверил западных экспертов, что подпишу их счета, чтобы они получили свои гонорары, но требую, чтобы они немедленно уехали домой, так как в их услугах больше нет нужды».

«После 1998 года и особенно после 2000 года, достигнув апогея примерно в 2009 году, румынская экономическая политика (которая больше не имела никакой связи с реформой) следовала директивам международных финансовых учреждений, ЕС или евроатлантических партнеров Румынии, согласно интересам каждого из них, иногда противоречивым, — заключает Северин. — Это

превратило Румынию в капиталистическую страну с ограниченным суверенитетом (если использовать эвфемизм) без местных капиталистов и без местного капитала (частного или государственного)».

Неудивительно, что такое в общем-то необычное поведение Северина, который затем сделал блестящую международную карьеру (председатель и почетный председатель Парламентской Ассамблеи ОБСЕ, специальный докладчик ООН о положении прав человека в Белоруссии, глава делегации Европарламента по отношениям с Украиной, постоянный докладчик Европарламента по отношениям с Россией), привело в итоге к конфликту с европейской номенклатурой, который для него кончился плохо.

В 2010 году два репортера британской газеты "The Sunday Times", проводившие журналистское расследование под видом представителей некоей компании, предложили европарламентария Северину за определенное вознаграждение содействовать принятию Европарламентом ряда поправок к европейскому законодательству, соответствующих интересам этой компании. Согласие Северина было зафиксировано скрытой аудио- и видеоаппаратурой. После публикации "The Sunday Times" против Северина в Румынии было выдвинуто обвинение в получении взятки и злоупотреблении служебным положением, и в 2016 году он был приговорен к 4 годам тюрьмы, из которых отсидел 1 год и 3 месяца.

В свою очередь, Северин утверждает, что речь идет не о журналистском

расследовании, а о «политической инсценировке», целью которой было скомпрометировать и устранить его из большой политики. В одном из интервью он рассказал, что был предупрежден о том, что против него готовится провокация (спецслужбами была записана беседа, в которой представители некоего государства говорили, что «Северина нужно скомпрометировать, так как его невозможно остановить, он слишком силен, слишком влиятелен и путает нам всю игру»). Несмотря на это, он не принял мер предосторожности, так как, проанализировав свою деятельность, не нашел в ней ничего предосудительного. По версии Северина, реальной причиной этой операции были его усилия по урегулированию ситуации на Украине и его противодействие превращению Румынии в члена ЕС второго сорта. «Я считаю себя политзаключенным», — утверждает он.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ИЛИ ИНТЕГРАЦИЯ?

На роли «внешнего фактора» в переходе Румынии от командной к рыночной экономике подробно останавливается в своих работах другой видный экономист (также с правого фланга политического спектра), бывший министр реформы (1997–1998) Илие Щербэнеску, который называет этот переход периодом колонизации Румынии развитыми странами Западной Европы.

«Годы, прошедшие после падения коммунизма, — немногие в историческом масштабе — означали для Румынии период самого ужасного экономического порабощения колониального типа, неизведанно-

го когда-либо по ширине, глубине и скорости», пишет он в книге «Румыния — колония на периферии Европы» (România, o colonie la periferia Europei). Операция по экономическому порабощению Румынии, считает он, «была начата и проведена по хорошо продуманному плану, без возможности выбора [для Румынии], будучи условием принятия страны в НАТО и ЕС». «Согласно концепции лидеров ЕС, Румыния должна была стучать в двери организации, будучи лишена всего того, что могло бы составить конкуренцию для стран-членов», — пишет автор, формулируя лозунг, под которым развертывалась эта операция: «Хотите интеграцию, отдайте экономику!»

«В этой ситуации политический класс Румынии мог противостоять, если бы состоял из героев, — замечает Щербэнеску. — Однако он состоял не из героев, а из вассалов и слуг, которые довольствуются объедками вместо контроля над своей страной и ее ресурсами». «Румыния, — подводит черту экономист, — перестала быть суверенной страной, потеряв национальный контроль над экономикой, — процесс, начатый давно и завершившийся в деталях уже в условиях принадлежности к ЕС, когда Румыния стала потребительским придатком на периферии западноевропейского центра, принимающего решения».

«Лично у меня нет претензий к этим странам, — добавляет он. — Они давно практикуют колониализм и обязаны своим вековым процветанием колониальной эксплуатации других народов. Что можно ждать от этих стран?»

«Одно из двух: либо мы соглашаемся, что переход от коммунизма к капитализму проходил в духе капиталистических правил, согласно которым побеждает сильнейший, независимо от того, пришлось ли шагать по трупам, но тогда уже не говорим о грабежах и кражах, — делает автор окончательный вывод в "Румыния либерэ". — Либо, если мы согласимся, что переход был совершен, по крайней мере, в значительной степени на основе грабежа, на первое место здесь должно быть выдвинуто участие в этом грабеже иностранного капитала».

Вопрос о целесообразности принадлежности к ЕС и НАТО в Румынии вроде бы решен, тем не менее он постоянно поднимается как в опросах общественного мнения, так и в прессе. Например, недавно на лояльном по отношению к властям сайте hotnews.ro была размещена статья «Румыния, 15 лет в Евросоюзе. Мы присоединились, но интегрировались ли? Плюсы и минусы марьяжа Румыния-ЕС». В ней, в частности, приводились следующие данные: «за 15 лет принадлежности к ЕС Румыния получила европейских фондов 70,72 млрд евро и выплатила в бюджет организации 24 млрд евро, оставшись, таким образом, в выигрыше в размере 46,72 млрд евро в период 1 января 2007 года — 31 декабря 2021 года».

С другой стороны, Щербэнеску утверждает, что «иностраннный капитал вывозит в свои страны прибыль до ее обложения налогом в размере по крайней мере 35–40 млрд евро в год. Ни копейки из них, отправленных за границу, больше не крутится в экономике». «Не то, чтобы грабеж

иностранцев хуже, чем воровство румын, — замечает он. — Но, объективно, деньги, украденные румынами, остаются в экономике, тогда как деньги, похищенные иностранцами, исчезают за границей бесследно».

Еще в далеком 1991 году многоопытный Брукан пророчески утверждал в интервью британской «Гардиан», что обещание Запада оказать восточноевропейским странам поддержку в осуществлении перехода к рыночной экономике является «большим обманом». «Результатом этой помощи станет превращение Восточной Европы в подобие Латинской Америки для Западной Европы, со всей гаммой политических потрясений, характерных для отношений такого типа, — прогнозировал он. — Помощь будет оказываться, но гораздо больше на уровне обещаний, чем фактических вкладов. Поэтому, не получая достаточных ресурсов с Запада, жители Восточной Европы подадутся сами на Запад, и тогда в центре Европы возникнет нечто, напоминающее мексиканскую границу». В настоящее время, по имеющимся данным, за границей на заработках находится 4–5 миллионов румын.

«Румыния не входила, не входит и совсем не похоже, что войдет в западную экономическую систему, несмотря на юридическую и официальную принадлежность к ЕС», — констатировал Щербэнеску. Западу выгодно, чтобы Румыния была «формально внутри, а реально снаружи», резюмировал политическую сторону дела Северин.

Эти выводы рифмуются с выкладками российского экономиста Ми-

хаила Делягина, который в разделе о странах Восточной Европы своего труда «Конец эпохи: осторожно, двери открываются!» также называет эти страны «колониями», а их руководителей — «региональными топ-менеджерами глобального спекулятивного бизнеса». «Именно в Восточной Европе США смогли реализовать отработанный еще англичанами колониальный принцип управления через компрадорскую не только буржуазию, но и интеллигенцию, и в целом созданную на небольшие гранты политическую и пропагандистскую элиту», — пишет он. «Сделавшие такой выбор элиты стремятся превратить себя в региональных менеджеров Запада, организующих эксплуатацию соответствующих территорий (бывших еще недавно их странами)».

БЕЗ ПЛАЩА И КИНЖАЛА

Другой интересной областью, где интеграция Румынии в евроатлантические структуры увязывалась с жесткими условиями, была разведка. Об этом в интервью газете «Evenimentul zilei» рассказал бывший глава внешней разведки Румынии Иоан Талпеш.

«Никто не желал обсуждать, в особенности США, какой-либо элемент сотрудничества с Румынией, пока не будет решен вопрос о разведчиках-нелегалах на территории США», — утверждает он.

По словам Талпеша, списки польских, чешских, словацких и венгерских разведчиков были переданы США из Праги, где находилось об-

щее командование, координировавшее действия спецслужб социалистических стран, тогда как Румыния с 1972 года не входила в это командование и не раскрывала своих агентов. «Это была своего рода сделка между НАТО и Варшавским Договором, только мы не были включены в эти договоренности в рамках ОВД, — говорит он. — Поэтому мы и опоздали к обсуждению, в том числе в этом плане, отношений с Западом».

«Уже в ходе первой встречи, которая у меня была в Америке в 1993 году, в ходе первой беседы с директором ФБР я понял, что это был ключевой элемент [раскрытие румынских разведчиков-нелегалов], — рассказывает Талпеш. — Таковую же позицию занимало и руководство ЦРУ. Нам ясно говорили: вы не можете просить нас об укреплении отношений сотрудничества, не отозвав своих людей. <...> Конечно, поскольку в таких ситуациях ведется торг, я сказал, что и я мог бы потребовать списки их людей. И тогда мне сказали прямо: “Вы кто такой, господин Талпеш? Кто вы такой, чтобы требовать у нас — США, Германии, Франции, Канады списки агентов?”»

Как вытекает из слов бывшего главы внешней разведки, в результате была достигнута предварительная договоренность, что Румыния отзовет своих нелегалов, и последовала встреча с президентом Илиеску, который тогда также находился в Вашингтоне. «Глава ФБР пришел на следующий день на завтрак в отель, где был Илиеску. <...> В этом разговоре ему сказали, о чем мы договорились. Илиеску понял, по сути, не мог не понять. <...> Поскольку мы больше не находились во враждебных отношениях

с США, хотели получить от США статус будущего союзника, не было выбора».

Более того, по словам Талпеша, в конечном итоге были ликвидированы сети румынских агентов в западных странах в целом. «Единственная сеть, которую мы сохранили на Западе, осталась в Венгрии», — уточнил он.

Комментируя договоренность, согласно которой Румыния больше не могла иметь разведчиков в США, однако США могли иметь разведчиков в Румынии, Талпеш сказал: «Мы и сейчас не понимаем, что проиграли войну. В 1989 году была проиграна война. Мы говорим о холодной войне, а она стоила Румынии больше, чем все другие войны. Если мы не поймем этого, то будем продолжать расплачиваться».

Бывший глава внешней разведки дает понять, что если бы Румыния не пошла на уступки Западу, то потеряла бы, по его мнению, Трансильванию. «После 1990 года нужно было обязательно найти форму сотрудничества с Западом, — утверждает он. — Нельзя было позволить уничтожить страну». По его словам, «повсюду циркулировали планы расчленения Румынии», «Венгрия от всех получала поддержку в вопросе о пересмотре Трианона» (Трианонский договор был заключен 4 июня 1920 года между государствами-победителями в Первой мировой войне и потерпевшей поражение Венгрией. Согласно этому документу, в частности, Трансильвания и восточная часть Баната были переданы Румынии — прим.авт.), «внешний фактор решал все».

В других интервью (в частности, сайту realitatea.net) Талпеш рисовал бедственную ситуацию, в которой Румыния оказалась после краха режима Чаушеску. «Румыния была единственной социалистической страной вне ОВД, без контактов, Секуритате была изолирована», — утверждал он. «Спецслужбы других стран общались с США открыто, мы же были как в тюрьме». «Те, кто пришли к власти 22 декабря 1989 года, понятия не имели, какая ситуация в стране, кто за кого, кто с кем». «Румыния была как ягненок на заклании».

«Я могу гарантировать, что Румыния не могла ни в какой форме найти другое решение, кроме НАТО, — утверждает Талпеш. — <...> Не было другого [решения], потому что Россия не могла предложить тогда никакого варианта поддержки целостности румынского государства, особенно потому, что у нее тогда были большие проблемы с собственной целостностью».

ЗВЕРИНЫЙ ОСКАЛ КАПИТАЛИЗМА

Худо-бедно, возвращение Румынии в Европу состоялось. Одни румыны довольны, другие — нет. Всем, однако, ясно: получилось не то, что ждали, и уж совсем не похоже на довоенную Румынию, которую здесь считают «старыми добрыми временами» и называют румынской *belle époque*.

Ожидания (главным образом, потребительского характера) большинства румын, как выяснилось, были пре-краснодушными иллюзиями. Соригентироваться и преуспеть в личном

плане удалось лишь тем, кто обладал, так сказать, обостренным чувством реальности.

В реальности для Румынии речь шла вовсе не о том, как воссоединиться с сообществом западных стран, а о том, как бы половчее сдать, что называется, «на милость победителя».

Что касается Запада-«победителя», то иногда создается впечатление, что там никогда не упускали из виду возможности и попросту искали более эффективный способ посильнее обобрать бывшие социалистические страны, прежде чем пустить их в Европу. Словом, одни выступали в роли просителей, другие — благодетелей...

Весь этот процесс сопровождался громогласной риторикой о воцарившемся единстве принципов и ценностей всех — старых и новых — членов западного сообщества, так что бывшим социалистическим странам пришлось быстро усвоить, что основной нормой поведения в клубе избранных, куда они так стремились, является лицемерие.

Остается вопрос: была ли альтернатива? Учитывая, что полностью самодостаточных стран, способных существовать вне какой-либо системы союзов или международных связей, практически нет, ответ, вероятно, должен быть отрицательным.

В климате, возникшем после распада социалистической системы, а затем

и Советского Союза, восточноевропейские страны «всеми фибрами души» устремились в ЕС и НАТО. Вариант призрачного «третьего мира», обещавший лишь прозябание на периферии истории, не устраивал никого.

С другой стороны, с тех пор прошло уже три десятилетия. Мир меняется все более стремительно, появились новые полюсы силы, и сегодня нужны новые стратегии. Обращение за ответами к прошлому становится все более непродуктивным, политологи и политтехнологи должны работать с живой жизнью.

Мы видим, например, что бывшие социалистические страны сегодня ведут себя по-разному: Будапешт и Варшава, например, в отношениях с Брюсселем гораздо более строптивы, чем Бухарест. В чем объяснение: в экономическом потенциале, в национальном характере, в исторической традиции?

Таким образом, превратить омлет в яйца, естественно, не получилось: вместо яиц вышло некое кушанье, которое далеко не всем по вкусу, но, тем не менее, компульсивно потребляется клиентами, у которых просто нет выбора. Впрочем, чтобы избежать вульгарных сравнений с яйцами и рыбами, можно вспомнить высказывание Гераклита о том, что в одну реку нельзя войти дважды.

«ТВОЯ РЕЧЬ, ПЕРЕВОДИМАЯ В ТЕКСТ, — БОЛЕЕ ИСПОВЕДЬ ПЕРЕД САМИМ СОБОЙ, НЕЖЕЛИ ПРОПОВЕДЬ».

Интервью с Ч. Г. Гусейновым

Известный писатель и литературовед Ч. Г. Гусейнов делится своими воспоминаниями о детстве и юности, о сталинских репрессиях, анализирует национальное строительство и межэтнические отношения на Кавказе и природу конфликта в Нагорном Карабахе, судьбы советской литературы и нынешнее положение русского языка в мире.

Ключевые слова: семейная память, сталинские репрессии, Кавказ, Азербайджан, Армения, Нагорный Карабах, межэтнические отношения.

Сведения об авторе: Чингиз Гасанович Гусейнов. Заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР. Доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ (1996–2012). Писатель, литературовед, переводчик. Пишет на азербайджанском и русском языках. С 2013-го года живёт в Израиле.

Контактная информация: zigni4@gmail.com

Основные книги на русском языке: Антология азербайджанской поэзии. В 3 томах. Под редакцией П. Антокольского и Ч. Гусейнова. Вступительная статья: Ч. Гусейнов в соавторстве с Г. Араслы и Р. Алиевым). М., ГИХЛ., 1960; Ветер над городом. Повести и рассказы. Перевод с азербайджанского Марины Гусейновой и Игоря Печенева. М., Советский писатель, 1965. 252 с.; Проблема двуязычного художественного творчества в советской литературе. М., АН СССР. 1972. 50 с.; Магомед, Мамед, Мамиш. Роман со сновидениями, их разгадкой, с наивными символами, сказочным гротеском, сентиментальными отступлениями, с эпилогом, похожим на пролог, — в собственном переводе автора с родного азербайджанского на родной русский. М.: СП, 1977, 224 с.; Формы общности советской многонациональной литературы. Научное исследование. М., «Мысль», 1978. 278 с.; Этот живой феномен. Советская многонациональная литература вчера и сегодня. М. СП, 1988, 432 с.; Фатальный Фатали. Документальная фантазия о жизни, уже однажды прожитой. М.: СП, 1980, 464 с.; Семейные тайны. И ветхие страницы романа треплет ветер. М.: СП, 1986, 300 с.; Директория Igra. Компьютерный роман с греховными страстями и всякими иными эротическими переживаниями в заданной программе Дело-

вых игр, которую в порядке эксперимента составил господин Зигнич. М., «Издательский Дом Русанова». 1996. 272 с.; Доктор Н. Ненаписанные страницы романа, существующего в воображении. М., Московский рабочий. 1998. 1 и 2 книги, 245 и 280 с.; Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина. Кораническое повествование о пророке Мухаммеде. М., «Вагриус», 2003. 512 с.; По следам коранических айатов, или Глас вопиющего в пустыне. Коран в контексте Торы и Евангелий. На русском, иврите и арабском языках. Иерусалим, 2005, 112 с.; Минувшее — навстречу». Мемуарное повествование. М., «Флинта», 2009, 712 с.; Освобожденный подтекст. Триптих романов. М., Изд-тво Б. С. Г.-ПРЕСС. 2010. 736 с.; Мухаммед. Художественное исследование. М. «Молодая Гвардия», серия ЖЗЛ. 2017, 386 с.; Подковать скакуна. Нечто романное с этно-конфликтными несуразностями, поиском добра в пространствах зла. М., «Маска», 2022, 576 с.

“YOUR SPEECH TRANSLATED INTO TEXT IS MORE A CONFESSION TO YOURSELF THAN A SERMON”. Interview with Chingiz Huseynov

A well-known writer and literary critic Chingiz G. Huseynov shares his memories of childhood and youth, Stalinist repressions, analyzes the problems of the creation of nations and of interethnic relations in the Caucasus region, the nature of the conflict in Nagorno-Karabakh, the fate of Soviet literature and the current position of the Russian language in the world.

Key words: family memory, Stalinist repressions, Caucasus, Azerbaijan, Armenia, Nagorno-Karabakh, interethnic relations.

About the author: Chingiz Gasanovich Huseynov — Honored Master of Art of the Azerbaijan SSR (1989), Doctor of Philology, Professor of the Faculty of Philology of Moscow State University (1996–2012). Writer, literary critic, translator. Writes in Azerbaijani and Russian. Since 2013 he has been living in Israel.

Contact information: zigni4@gmail.com

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э.: Дорогой Чингиз Гасанович, я бы хотел задать вам несколько вопросов. Первый вопрос — традиционный для нашего журнала, занимающегося памятью: расскажите, пожалуйста, о своей семейной памяти и её глубине. Следующие вопросы: память о репрессиях (хотя вы были ребёнком, но должны помнить) и о войне. Вы не только писатель и переводчик, но вы ещё и доктор филологических наук. Расскажите, пожалуйста, как идёт переключение с одного регистра на дру-

гой, когда вы пишете художественные работы и когда пишете научные статьи. Ещё один важный вопрос относится к советской цензуре и самоцензуре, особенно интересно как писатель осуществлял самоцензуру. И если вы не возражаете, могли бы мы затронуть также вопрос армяно-азербайджанских отношений?

Ч.Г.: Вы затронули темы, так или иначе касающиеся многих сторон моей жизни и, добавлю с автоматизмом, творчества. Некогда Родина

была единая, СССР, а в нём малый отчий край Азербайджан, но в одночасье я оказался живущим в новой стране, стремительно русифицирующейся РФ, как бы психологически «своим», но эмигрантом, или иностранцем, причисляюсь к «лнк», новая аббревиатура: «лица кавказской национальности», в Азербайджане, не имея там прописки, рассматриваюсь как «азербайджанский писатель за рубежом».

В моём формировании велика роль большого многонационального бакинского дома-крепости с коридорной системой, закрытым двором, железными воротами и отдельно — парадным входом. Угловой дом этот, двухэтажный, с бельэтажами, широким просторным подвалом, пригодным для жилья тоже, был построен в самом начале нового 20-го века и принадлежал известному бакинскому нефтепромышленнику (и просветителю, меценату) Исабеку Ашурбекову... — я его, кстати, хорошо помню, ходил он по ставшему общим коридору, где ещё оставались кадки с пальмами, быстрым шагом, чуть согнувшись, и острый, слегка удивлённый взгляд... Жили в этом доме истинно по-соседски, мирно, бесконфликтно, дружно, без ссор, помимо азербайджанцев, также семьи русские, две, еврейские, тоже две, армянская, татарская, даже немецкая, Киндсфатеры... Их в первые же дни войны выслали в Сибирь, помню, коридор наш заставлен немецкими книгами на выброс, поразили, впервые видел такое, толстые высокие с твердым переплётом, как пойму позже, энциклопедии с цветными картинками внутри, прикрытыми папиросной бумагой.

С. Э.: Ещё немцы, немцы Поволжья.

Ч. Г.: Да, казалось, куда их, и без того далёкие уральские пределы, и не только сослали, а на карте России исчезло связанное с ними географическое название «автономной республики», перестало существовать и такое понятие, как «советская художественная литература немцев Поволжья». Они, как и мои бакинские соседи-немцы, появились в России при Екатерине Великой. А вообще-то высылки целых народов — явление привычное для России как имперской (переселение, в частности, непокорных горцев в Оттоманскую империю), так и советской (большой список высланных народов в Сибирь и Среднюю Азию, Казахстан в годы войны, — позднее их реабилитировали и большинство вернулось на свои исконные земли — за исключением месхетинских турок и крымских татар, их попросту лишили де-факто этого права.

... Я слышал в детстве, узелок семейной памяти, что в пору советизации Азербайджана в 1920-м хозяин дома Ашурбеков по совету тогдашнего Ревкома Наримана Нариманова, с кем они были хорошо знакомы с молодости, решил добровольно уплотниться самому, было такое понятие в системе тотальной советской экспроприации, попросту — грабеж чужого, и так Иса-бек мудро распорядился впустить в свой дом хорошо знакомых ему людей, близких по духу. В их число попали, получив квартиру впритык к хозяйскому отсеку, мой дядя Ага-Али с семьёй и младшим братом — моим молодым тогда отцом (после женитьбы отца тот, оставив квартиру молодожёнам,

покинул это шумное пространство и переселился в тихую квартиру поблизости, в нагорной части).

С.Э.: А хозяина дома не репрессировали потом?

Ч.Г.: Репрессировали, разумеется, как иначе? Буржуй! Уже при Кирове, «Миرونъче», главе советского Азербайджана. А перед войной арестовали и младшего сына Исабека Давуда Ашурбейли (фамилия на азербайджанский лад), инженера на нефтеперегонном, кажется, заводе, он недавно женился и покинул отчий дом, а на работе вскоре случился большой пожар, Давуда обвинили во вредительстве, и он сгинул... Хорошо его помню, быстрого, энергичного, взрывного в отличие от старшего сына Исабека Сулеймана, степенного и спокойного, покладистого (характеристики поздние), он учил меня азам шахматной игры, как матовать королём и ладьёй чужого короля, тоже был инженером, сменил фамилию, став просто Ашурли, — его не тронули, он даже участвовал, почти сорокалетний, в войне, в его записях той поры сохранилось моё письмо ему на фронт со смешным обращением к нему: «Здравствуйте, *тётя* Сулейман!»... Женился ближе к пятидесяти, его сыну Рамизу, с которым общаемся по сей день, уже за 70, и он для меня — по-прежнему Ромик, а ко мне обращается как «дядя Чингиз», есть у него взрослый сын, который носит имя деда... Кстати, года два назад или уже три по ТВ в Израиле выступал попечитель Православного подворья в Иерусалиме москвич Игорь Рауфович... Ашурбейли, и в это время мне позвонил приятель, я сказал ему про «везение: «Слушаю по 9-му каналу

ТВ интервью с человеком, чьего прадеда и деда я знал! Может, единственный, в мире, воочию, живьём видел!» Тот немедленно позвонил на ТВ и завертелось-закрутилось: за мной вскоре прислали машину, состоялась наша встреча с Игорем Ашурбейли, он проявил огромный интерес ко мне, я погрузил его рассказами о его роде в немыслимые дали истории, получив удовольствие от общения со своим прошлым... Пандемия, карантин... — больше не встречались.

В младенчестве-детстве я постоянно пребывал в стихии двух языков: за пределами нашей квартиры — русского, а у себя — азербайджанского, погружаясь в свой национальный мир, рос как истинный «бакинец» — не только двуязычным, но не делающим различий между своим и чужим, это жило во мне в органичном согласии. Кстати, «бакинец» как этнопонятие широко применяется в среде еврейской алии из Азербайджана в Израиле, диаспорском сообществе «АзИз».

В моём «интернационализме» (слово ныне, как и «дружба народов», — чуть ли не бранное!) велика роль и русских многонациональных школ, в частности, 160-й, где царил равенство учеников вне этнического происхождения. Не удивляло, к примеру, что золотую медаль получил русский Пётр Гришин, а две серебряные — евреи Павел Шатайло и Виталий Вульф (да, знаменитый впоследствии телеведущий в Москве). Не вызывало удивления и то, что азербайджанский язык в нашей школе преподавала карабахская армянка, прекрасный знаток языка, — часто освобождала меня от уроков,

де, «отлично знаешь, будешь мешать подсказками».

Ко времени отъезда на учёбу в Москву я, наивное дитя советской пропаганды, не ведал о существовании таких агрессивных проявлений невежества, как шовинизм или антисемитизм. Годы 1949–1953 и далее были в Москве лично для меня, бакинца, периодом отрезвляющих реалий, агонии сталинского режима, жаждущего новых кровопусканий: это «борьба с космополитизмом, низкопоклонством перед Западом» (родилась меткая формула: «СССР — родина слонов»), «дело врачей» с готовящейся депортацией советских евреев... МГУ «очистили» от евреев, уволили на нашем филологическом факультете великолепного преподавателя Абрама Александровича Белкина, его лекции были для меня озарениями, открытием, истинными уроками литературного мастерства, однажды он посвятил две лекции детальному, слово за словом, анализу текстов двух рассказов Чехова: «Попрыгунья» и «Дом с мезонином». А в Институте Востоковедения уволили видного востоковеда, с которым наша аспирантская группа не раз общалась — Иосифа Самойловича Брагинского... Узнаю потом — в Литературном институте освободили от работы Павла Григорьевича Антокольского, с которым впоследствии мы общались, подготовив и издав в Москве (1960 г.) три тома «Антологии азербайджанской поэзии».

Сталинским ударам подверглись также все национально-освободительные движения против царского колониализма, и это началось с пересмотра отношения к движению Ша-

миля на Кавказе, которое сотрясало царскую империю два с лишним десятилетия: все эти войны были объявлены враждебными, антирусскими, инспирированными Западом, что ударило по многим учёным-историкам, были случаи самоубийств среди них, в частности, крупнейшего азербайджанского историка-филолога в ранге президента АН Азербайджана (тогда — «филиала АН СССР», АзФАН), моего однофамильца Гейдара Гусейнова, за чьими успехами я пристально следил.

Я, впрочем, многое тогда понимал, — мне пошла на пользу антисталинская прививка, полученная еще в отрочестве, в канун и годы войны в Баку, о чём я понял многие годы спустя.

С. Э.: И это связано с вашей семейной памятью?

Ч. Г.: Да, именно так, Вы угадали. Семья воспитывала не только заданно-самоцельно, а как бы и косвенно, своим поведением, образом жизни, отношением к окружающему миру, реакцией на те или иные события, явления, это, кстати, частично отражено в довольно-таки объёмистом моём «мемуарном повествовании», вышедшем в Москве в 2009 году, — «Минувшее — навстречу». Нам кажется, что прошлое осталось где-то позади, но оно постоянно шагает навстречу нам, присутствует в нашем настоящем.

Я слышал разговоры взрослых, понимал, что важно и надо запомнить, был наблюдателем... В 1937 году меня, восьмилетнего, потряс арест, как «врага народа», Гусейна Рахманова, двоюродного брата моей мамы (их

отцы были родными братьями), ему было 35 лет, и он уже два года занимал высокий пост, будучи Председателем Совнаркома Азербайджана. Однажды в киоске бабушка купила мне его портрет, часто листал полученный мамой альбом в честь окончания ею акушерского училища, где на первой странице было фото слипшейся навечно профилями мировой четвёрки М.-Э.-Л.-С., а на второй — тройка вождей местных, помельче: Берия, Багиров, наш родич Рахманов... — мать должна была в 37-м заклеить в приказном порядке третьего, но ослушалась (пришлось бы, останься она жива, закрыть лики и первого в 53-м, и второго и 57-м). Мы как-то были с мамой у Гусейна Рахманова, в новой его должности, подъезд был с лифтом, нас долго проверяли... Он с лёгкостью обхватил и поднял меня высоко над головой. Жена его, полугрузинка-полуармянка, нас радушно встретила, угостив вкусным медовым печеньем (на доме с конца 50-х висела мраморная памятная доска в честь Гусейна Рахманова, снятая в начале 70-х новой «ревнивой» к прежним лидерам властью, якобы в связи с «ремонтom здания», но так и не вернувшись на своё место).

Запомнил и приход «на минутку» к нам домой на Старой Почтовой улице и Гусейна Рахманова, наказывал чуть старше него нашему отцу бережно относиться к «амикызы», к «сестре двоюродной», то есть к нашей маме.

В одночасье большая семья Рахмановых рухнула, развалилась: услышав об аресте сына, мама его от волнения опрокинула на себя казан с ки-

пятком и вскоре умерла от ожогов... «Враг народа» Гусейн Рахманов был расстрелян, бездетную его жену Тамару Ломизе арестовали на десять лет, отсидев весь срок, она не стала жить в Баку, и, постаревшая, увядшая, тощая и дряхлая, она вернулась в Тбилиси, откуда была родом. Старшего брата Гусейна — Гасана Рахманова, а также их дядю Али-Ага (младшего брата отца, который был ровесником племянников) арестовали, и они умерли в тюрьме, жену Гасана Хавву-ханым с двумя дочерьями, Азой (её, тогда пятилетнюю, прочили мне в невесты!) и Томой-Тамиллой, с престарелым отцом Рахмановых Паша-ами с его младшим сыном Аждаром выслали в Семипалатинск... А семью Али-Ага — жену Хадиджи-ханым с дочерью Рахилей, двумя сыновьями — Талетом и... забыл имя второго! — хотя и отняли у них просторную квартиру, но не послали, следуя закону, принятому по предложению Крупской, в отношении семей имеющих трёх и более детей... Увы, никого уже нет в живых!..

По сей день помню сказанное тогда моей бабушкой, потрясённой трагедией: «Что ж, — сказала она, указав рукой вверх и имея в виду то ли Аллаха, Которому всё виднее, то ли властные структуры, — идёт жестокая кровавая борьба за кресло («стул давасы»). И не поймёшь, кто есть кто: сегодня ты палач, а завтра — уже жертва»... Я чисто механически запомнил услышанное и никак не мог ни тогда, ни потом приложить бабушкины слова к Рахмановым, внутренне противлюсь обобщению, имея в виду всех репрессированных, среди которых были и палачи, и множество невинных.

К нам часто приходил друг нашей семьи уроженец Апшеронской деревни Шаган Бебир-даи, «дядя Бебир», врач-хирург, излечивший, кстати, меня от бесконечной малярии. Однажды при полном молчании за столом я вдруг услышал его шепот: «Всем ведь известно, что Кирова убил Сталин!». И отец, и мать на него зашикали: «Что ты говоришь?! Прекрати немедленно!»

А ещё к нам зачастил, особенно в первые годы войны, старший брат моего отца Ага-Али, навестить «сирот», как говорил о нас с братом Аликрамом (наш отец умер молодым в 40 лет в 1939 году от заражения крови); приходил и тут же приказным тоном: «Чем угостите своего родного дядю?» А угощение — лишь чай, запиваемый изюмом... Он вспоминал «славное николаевское время», когда почитался купцом и успешно торговал коврами, ездил в Турцию, по российским провинциям, «мне, — сокрушался, — предлагали за мои товары золотые монеты, я отказывался от них, мол, тяжело таскать их, требовал лёгкие бумажные ассигнации», — при нас однажды медленно считал потрепанные рубли, сто штук, это была его зарплата, полученная в какой-то конторе, и при этом во всю ругал советскую власть, называл Кобу-Сталина «разбойником, бандитом», который «грабил нас, богатых, в Баку и навязал нам сегодня войну...». Я воспринимал эти его обвинения молча, чего спорить, думал, со старым человеком? Отсталый тип!.. Но критические слова западали в душу, нет-нет вспоминались и в Москве, своеобразным были противоядием от всякого рода иллюзий, рабология.

Я вообще-то я многим обязан родным, родственникам по постижению

языка, его тонкостей, восточной культуры, обрядов, праздников... У матери моей Махфират (она, как и отец, умерла 1946-м в свои 40 лет) была напечатанная латинским шрифтом книжечка (это особая тема — замена многовекового бытования азербайджанского языка на арабской графике. Де, неудобная и трудная для изучения, и — распространяет мракобесие и невежество. А латиницу после десяти лет внедрения директивно заменили кириллицей, чтобы спустя шестьдесят (!) лет вернуться снова к латинице). Книжечка народных четверостиший «Баяты» на латинице была изящная, содержала мамины фразы, тоже на латинице, мама часто нас с братом погружала в виртуозную их стилистику, оригинальные рифмы, неожиданные повороты сюжета... Я премного также благодарен бабушке по материнской линии Наргиз-ханым, убеждённой мусульманке-шиитке, но без воинственности и фанатизма ислама, часто и много рассказывала нам с братом народные сказки, притчи, любила играть словами, мы отмечали, не афишируя это, мусульманские праздники, в частности, моллуд, или день рождения пророка Мухаммеда, знали отдельные эпизоды из его полные чудес встреч с пророками... От бабушки (она умерла, когда мне было 27 лет, в 1956-м в возрасте 74-х лет) я знал, что существует священное Перо, которым написан учениками текст Корана, услышанный ими от Бога... Частые слова в её устах, наряду с Аллахом, — это «адалет», или справедливость, «дюоз адам», или «надёжный человек», которому можно довериться, «намус» — честь.

... В Москве, как уже отмечал, я столкнулся с проблемами, о ко-

торых не ведал в Баку. Это, прежде всего, межнациональные отношения, и отсюда — мой интерес к этносам, их обрядам, культурам (в общежитии МГУ на Стромынке в одной комнате со мной на разных курсах оказались и осетины, и литовцы, эстонец, естественно, русские из Воронежа и, если память не изменяет, из Калуги, татары из Казани, башкиры из Уфы. Возникла у меня тяга к изучению как своей национальной (азербайджанцев было много, даже создали нечто вроде «землячества», общины, но ее запретили, разрешив это лишь студентам из стран «народной демократии»), так и мало-помалу других национальных литератур, слушал факультативные лекции по украинской и белорусской литературам, оба преподавателя были, кстати, заместителями декана — М. Зозуля и С. Василёнок, и на пятом курсе после успешной дипломной защиты по «национальной» литературе был рекомендован в аспирантуру на кафедру «Литература народов СССР», которую планировали открыть в новом учебном году. Но дело затянулось, и рекомендация помогла поступить в аспирантуру ИВАНА («Института востоковедения Академии наук»), где на секторе Советского Востока продолжил исследование национальных литератур в этно-социальном контексте, и так сложилась судьба, что ко времени защиты кандидатской диссертации я уже работал штатным консультантом Комиссии по национальным литературам при Правлении Союза писателей СССР. Это совпало с оттепелью, которая имела своим продолжением не логически ожидаемый весенне-летний, условно говоря, расцвет, а новые морозы, которые породили затем долгий из-

нурительный застой, и он завершился так называемой «пятилетней почётных похорон» генсеков, которую вскорости сменила т.н. перестройка, полная новых надежд — тоже обманчивых, увы, и кратковременных, как это видно сегодня, точно все мы попали в ловушку, капкан и никак не можем вырваться из западни... — но поостерегусь, исходя из современных реалий, делать какие-то прогнозы о будущем, тем более апокалипсического характера, хотя многие боли прошлого и нынешнего нашли отражение в моём новом романе 2022 года издания в Москве — «Подковать скакуна», в котором я как бы с вершин Иерусалима, а здесь, сказывают, самый близкий путь к Всевышнему, пытаюсь постичь две свои прежние Родины, поражаясь, как они зеркально отражаются друг в друге — старшая сестра и младший брат.

Сегодняшние катаклизмы в тамошних верхах, удачное Ваше слово, лучше не скажешь, поистине травматические...

С. Э.: Это не моя терминология, так принято в исследованиях памяти.

Ч. Г.: Увы, трудно представить, как скоро мы излечимся от тяжких ран, вызванных циничной вседозволенностью кучки властных авантюристов, мнящих себя вершителями народных судеб, и как много времени потребуется, чтобы жизнь вошла в нормальное русло, перестать, это, в частности, относится к РФ, рассматривать многие ведущие страны мира, прежде всего, соседей, своими врагами и грозить им ядерным оружием... — объяснения всему и вся лежат вне пределов разума и логики, их

надо искать в областях медико-клинических.

... Разбираться с памятью, «семейной» тоже, — дело сложное, это трудно управляемый процесс в недрах подсознания, более глубоких и богатых, чем нам представляется, даже генетически многожизневый, вбирающий не только тебя, но и предков. Недра эти неожиданно выдают из прошлого основательно забытое, кажется, этого даже и не было, но оно такое чёткое, что сомневаться в истинности не приходится.

Попытаюсь конкретизировать вышеизложенное на примере занимающей меня по сей день проблемы, затронуть которую Вы деликатно просили в адресованном мне вопроснике: «если Вы не возражаете», и я обрадовался, что можно избежать подробностей.

С. Э. Догадываюсь, о чём Вы: армяно-азербайджанских отношениях!

Ч. Г.: Да, Вы правы... Но выявились и другое, чего я, по правде говоря, никак не ожидал: предпринятое Вами превращение устной нашей беседы в печатный вид с тем, чтобы я на его основе составил письменный текст моих ответов на Ваше интервью, он оказался трудным, затянулся невероятно. Причина — не только композиционно-стилевая: несколько раз из недр семейной памяти прорывались новые сигналы-импульсы, будоража сознание, уточняли, по-иному освещали те или иные события, требуя более основательного осмысления вопросов, тем более, если они напрямую касаются будущего моего народа, отечества, — знак лично-

го качества моего мироощущения. А вообще-то ура-патриотов презираю и даже признание себя просто патриотом считаю признаком или синонимом раболепия.

Память почти все годы постоянно фиксировала в моём мировосприятии, начиная, не помню, с какого времени, всё не только моё этническое, но и армянское, наряду с такими же, отмечу, приоритетными и близкими лично мне, бакинцу, еврейским и русским, и всегда при этом доминировали в их ауре светлые, радужные тона, но слышалось порой и про недоброе в наших отношениях с армянами через «царский» мир, что в Баку случались «армяно-татарские», по терминологии тех лет, погромы, затеваемые колонизаторами, но резко осуждаемые лучшими представителями этих народов; что в 1918 году в стычке с армянским воинством чудом уцелел, получив пулевое ранение рядом с сердцем, наш близкий родственник; в 1943 голодном году, проезжая с мамой на лошадях через Шушу в составе медбригады по обслуживанию чабанов и их семей на высокогорных летних пастбищах, сам видел в Шуше разрушенные в ходе войны того же 1918 года между «дашнакской», по советской терминологии, Арменией и «мусаватским» Азербайджаном целую длинную улицу с разрушенными каменными домами. Но всё это, верилось твёрдо, творилось чуждыми нам сторонами, давно осуждёнными и сошедшими с исторической сцены, никак не влияло на нынешние добрососедские отношения между народами, чему был я свидетелем и в 1950 году, когда на летние каникулы приезжал из Москвы в Баку,

а оттуда — в изменившуюся донельзя Шушу, — никаких трений!.. куда получил назначение, став директором Музучилища, и переехал жить мой старший брат Али-Икрам с бабушкой и новой женой... В «сталинские» годы, очевидно, не без ведома властей, возникали выступления советских армян против Турции с требованием вернуть захваченные некогда армянские земли, и вся эта шумиха завершалась, как правило, Заявлением ТАСС, что СССР не имеет никаких территориальных претензий к Турции. Вскоре они получили новое наполнение, всплыло обвинение Оттоманской империи в пору Первой мировой войны, в апреле 1915 г., в жесточайшей резне армян, заменённой в перестройку новым популярным, даже модным словом «геноцид», — сразу в кипяще-бурлящей этно-конфликтами стране появилось множество «геноцидов», хотя как организованная государством политика и практика поголовного физического уничтожения всего без исключения этноса, был один — еврейский Холокост... И «турецкое» (отнятая армянская территория + «геноцид» армян) расширилось, включив в себя и «тюркское», «азербайджанское» — Нагорный Карабах. Этому способствовало и то, что эти два народа имеют общее название на армянском: турки-«туркес» (звук «ю» в обоих языках отсутствует).

С.Э.: Подождите, но Азербайджанская республика была уже в 1922 году. А называют их всё равно тюрками? Я знаю, что до Революции называли вообще татарами.

Ч.Г.: Но в царское время лишь русские для удобства называли татара-

ми тюркские народы, не принимая во внимание их самоназвания, различая по месту проживания: крымские, казанские, тобольские, кавказские («балкары»), дагестанские (кумыки), закавказские («тюрки» в паспортах до 1934, а после — «азербайджанцы».

... Логика изложения требует исторических отступлений, пока одного, а дальше будет видно.

С.Э.: Ваше право!

Ч.Г.: Хочу отметить, понимая дискуссионность моих размышлений, что «ненавистная» Революция (аббревиатура тут, «Великая...» и т.д., ВОСР) почти смертельно ударила по хребту русских, или великоруссов, но эта же самая Революция (парадоксальная реальность!) сыграла колоссальную положительную роль в судьбе всех других — без исключения — народов Российской империи в их возрождении и всестороннем культурно-экономическом, политическом развитии, особенно в первые советские годы. Даже финны и поляки зажили в конечном итоге своей самостоятельной жизнью!.. Может, по причине такого исключительного внимания к прежде бесправным народам «рабоче-крестьянские вожди», большинство которых было к тому же нерусскими, в качестве государствообразующего фактора издало этнический принцип, демонстрируя равенство в правах всех и каждого народа? Но он оказался непригодным для страны разноукладной, многостадийной, с пережитками феодально-байских отношений, следами рабовладения, даже каменного века. Структура государства, как показало

время, породила, условно говоря, «четыре сорта» этносов в стране, равноправных лишь формально. Первый «сорт» — титульный этнос в т.н. «союзных» республиках, квазигосударствах, имеющих даже право на выход из содружества СССР. Остальные — вторые и далее «сорта», входят в состав союзных республик на правах автономии и различаются по «сортности»-рангу: автономии «республиканские» (как в РСФСР, к примеру, Дагестанская, Татарская, в Грузии — Абхазия и Южная Осетия), «областные (скажем, в РФ «Еврейская автономная область», ЕАО, в Азербайджане — НКАО, «Нагорно-Карабахская автономная область»), ну и сорт четвёртый — национальные районы, населённые малыми народностями, они располагаются в РСФСР, где есть также области и края русские, названные именами городов.

Казалось бы, ажур, но при таком устройстве государства, как ни странно, нарушается самоценность этноса, он и властен на своей чётко очерченной территории, но и зависим от другого этноса, наделённого рангом иерархическим повыше и часто более проситель, может быть ущемлён в каких-то правах, чего-то недополучает, из-за чего возникают обиды, трения, накапливаются противоречия, рано или поздно приводящие к конфликтам, порой — кровавым столкновениям, даже, как показывает опыт, к войнам.

На моей памяти, как в годы оттепели клеймили задним числом сталинскую политику «автономизации», объявляя мудрой ленинскую, так сказать, «четырёхсортную», которая

и была реализована и оказалась не менее пагубной для судеб страны: идея «автономизации» подчиняла все национально обозначенные субъекты единому московско-российскому центру... — именно её реализация соответствовала бы складывающемуся тогда в России имперскому духу русского государства и ничто бы не разрушило «пирамидальную» целостность страны. А в сущности, и ленинский план, как и сталинский, не афишируя, скрытно, де-факто утверждал зависимость (неслучайно бытовала метафора-ребус: «Россия — первая среди равных») всех от Московско-Российского русского единого центра, она была реальна, но замалчивалась. Не афишировали, что руководство союзных республик, а тем более автономных, подчинилось централизованному русскому началу в Москве, кадровые вопросы в союзных республиках контролировались и решались через т.н. «вторых секретарей», которые были «рукой Кремля».

Кстати, применяемый к России нынешний термин, как страны «независимой», что отмечается как общегосударственный праздник, — чисто формальный, придуманный, самообман, иллюзия, даже смехотворный: от кого же Россия освободилась, став независимой? Ответ очевиден: от самой себя (нонсенс, но и такое случается)! СССР был, в сущности, Россией!.. В отношении других неогосударств ясно, что они независимы и ясно, от кого — СССР, РСФСР, от русского государства.

Но применительно к России и в объёме русского СССР стало вскоре ясно и то, что, очевидно, не

возникало в эйфорических головах русских — они неожиданно испытали сильнейший стресс, впали в шоковое состояние: в них возмутилась генетическая память, или глубоко в их подсознании угнездившееся представление, такая вот ментальность, что на всём этом пространстве, по мере того, как оно создавалось, ширясь, как империя, с русским воинством активно проникал в захваченные чужие земли русский этнос, заполняя их собой, они были хозяевами положения, а тут — вдруг стали чужими, эмигрантами, зависимым от нового титульного этноса, чуть ли не национальным меньшинством, уничижительное сокращение «нацмены».

Перед скукожившимся в одиночестве государством РФ возник вопрос о защите, как сформулировано было, «русского мира». Сложилась забавная ситуация, пахнущая кровью, связанная с... орфографией, противоречивостью понятия «русский», по-разному окрашивающая словосочетание «русский мир».

«Русский» может пониматься и как существительное, и как прилагательное (в других языках нет, хотя могут ошибаться, подобной двойственности, к примеру, «француз» и «французский»). «Русский» в формуле «русский мир», ныне ставшей актуальной, даже злободневной, имеет в виду этнос или выступает синонимом россиянина, а то и, может, «русскоязычного», или он же в сокращении «русский», как принято называть выходцев из СССР, России, за последние десятилетия рассеявшихся по всему миру, в частности, более всего живущие в Израиле, Германии, США, Канаде, даже в Австралии до

недавнего времени функционировало «Русское литературное сообщество»... Одно дело, если речь о защите русского как русскоязычного, то есть акция культурно-образовательная, а другое — защита русских как этноса, которые жили в СССР, а ныне вдруг оказались, помимо своей воли, за его пределами в других государствах и защита их — такое в истории наблюдалось не раз — используется как повод для вмешательства во внутренние дела суверенных, независимых государств — сначала дипломатического, а потом и военного... — этот импульс по сходству, что ли, точнее, по аналогии, очевидно, не явной, а глубоко запрятанной, вернул меня к чуть ранее заявленной теме.

Думаю, что многим неведомо, что вопрос о Нагорном Карабахе странным образом возник в оттепельные годы — в письме армянской общины в США к Хрущёву в канун 1960 г. с просьбой подвигнуть Азербайджан на *дружескую акцию* — подарить Нагорный Карабах Армении в связи с 20-летней годовщиной установления там советской власти, повторить *Ваш опыт* с Крымом, подаренным Украине в честь 300-летия воссоединения с Россией... — Хрущёв сказал на Политбюро: «Начнём перекраивать границы — развалим страну!».

И вдруг после четверти века тишины — как гром в ясный день: за год до т.н. перестройки в 1984-м в Москве поступает в продажу изданная в Армении на русском языке книга корреспондента «Литературной газеты» по Армении Зория Балаяна «Очаг», и в ней... — небывалый случай: грубо оскорбляются дикие

тюрки-«варвары», которые разлучили армян с их исконными землями, что на родном языке общаются со своей родной рекой Аракс... — никто не отреагировал!.. А на моё недоумение, как могло случиться такое, руководитель СП СССР Георгий Марков заметил мне: «Не обращайте внимания! Всем известно, что армяне — националисты, а вы — интернационалисты!»

Вскоре — полная наивности феерическо-эйфорическая перестройка, и были продемонстрированы как светлые вершины свободного духа человека, так и немыслимые бездны его падения — жестокость, жажда убивать, нагнетать ненависть к соседу, разнузданность... В этих условиях, если иметь в виду нагорно-карабахский конфликт, важно было, не ругать одних, или лишь азербайджанскую сторону, и рьяно защищать армян (и те, и другие не уступали друг другу ни в одном из проявлений жестокости), как это неизменно и активно проделывало большинство, особенно в России, а принудить стороны найти мирные способы разрешения возникших противоречий. И тут значимыми для меня оказались два предложения: одно — российское, участвовать в беседе двух закавказцев-переделкинцев, меня азербайджанца, и Булата Окуджавы, по отцу грузина, по матери — армянина (Боль о Кавказе. Булат Окуджава — Чингиз Гусейнов: «Обстоятельства и нас постепенно приведут к объединению...» Беседу записала Е. Твердислова. «Вечерняя Москва», 23.08.1993), а за год до «беседы» я получил приглашение из Вашингтона выступить с докладом в Институте мира на тему: Карабахский кон-

фликт: взгляд изнутри и извне, поиск путей разрешения. Мне предстояло, как предупредили, выступить перед приглашёнными в Институт депутатами (по два) Верховных советов пяти республик, которые так или иначе задействованы в этом конфликте: Российская Федерация во главе с Галиной Старовойтовой, защитницей армян в этом противостоянии, ибо Армения — единственный её союзник в Закавказье, там размещена российская военная база... Короче, я разобрал позицию каждой стороны, чтобы понять её правду, её интересы в этом конфликте: Иран поддерживает армян, а не родственных ему шиитов, ибо Азербайджан ратует за создание с иранскими тюрками-азербайджанцами «единого большого Азербайджанского государства»; Турция поддерживает Азербайджан как бы в пику армянам и по этно-языковому родству с азербайджанцами. Получилось так, что все выступали с репликами, и лишь двое — основательно: я и Галина Старовойтова, которая полемизировала с моими доводами, в частности, защищала право Армении на «мононационализацию» своей страны (мононационализацию страны, процент армян в которой вырос менее чем за десять лет с 65-ти до 98), и я ответил, что да, согласен, если процесс этот складывается естественно, а не вызван политикой насильственного изгнания из страны тюрков-азербайджанцев... (о поездке в Вашингтон: Правд много, истина одна. Беседу вела Елена Твердислова. «Литературная газета», 16.09.92).

Потом узнал, что армянские депутаты заявили, мол, чего ждать от докладчика-тюрка, одна его фраза выдаёт его намерения: «Азербайджан

ни при каких обстоятельствах не согласится с потерей Шуши, колыбели азербайджанской музыки». А депутаты из Азербайджана по возвращении на родину заявили: «Наш земляк нас предал!»

Институт мира определённо, думаю, обслуживает Госдеп, и я не исключаю, что США, поняв лишний раз, какой запутанный узел этот Нагорный Карабах, заметно сбавили свой пыл в безоговорочной защите Армении.

А сегодня... — относительно недавняя победа Азербайджана над Арменией оказалась половинчатой, но она помогла Президенту сохранить собственную власть, чего могло не случиться, если бы он послушался Путина и не остановился по его предписанию на полпути от окончательной победы: лишний раз доказывается, что интересы личной власти превыше интересов государства, или иначе, о чём я не раз говорил: государство служит личной власти, а не интересам народа, власти, а не народу.

... Мне снова, вторично попало слово «варвары» применительно к азербайджанцам, но на сей раз в оболочке религиозной, когда армяне привычно обратились в Центр, Политбюро, для защиты своих интересов: мол, «спасите нас, христиан (коль скоро центр русский, то и «христианский»?), от «варваров-мусульман»» ... Я вскипел, возмущился — будто мою набожную бабушку оскорбили!.. Посметь приплести сюда веру! Уничтожительно отозваться о религии, которая есть общечеловеческая цивилизация!.. Тотчас родилось, не мог

стерпеть, такое у меня часто, решение написать повествование о Мухаммеде!..

Как бы вернулся к семейной памяти, к памяти детства. Решил показать, как формируется феномен пророчества. Работа с перерывами длилась много лет... Но не стану отвлекаться, дождусь повода, он непременно будет.

Да, проблема Нагорного Карабаха — это наша общая боль, породившая три войны. Первая, в 1918-м, была прервана в 1920-м вторжением и захватом Закавказья русской 11-й армией большевиков. Вторая — в годы перестройки, ускорившая крах СССР, — Армения победила с помощью российских «добровольцев», Азербайджан лишился пятой части своей территории, капитулировал, а двадцать с лишним лет спустя с помощью Турции вернул часть своих земель. Но Россия остановила полный разгром Армении, разместив на осколке «Нагорно-Карабахской республики» вокруг её столицы Степанакерт внушительные и на длительный срок вооружённые силы так называемых миротворцев, в сущности, де-факто аннексировала азербайджанскую территорию. Ныне реальность такова: Баку утверждает, что к прежнему статусу Нагорного Карабаха возврата нет, с этим окончательно и безусловно покончено, а Москва закрыла глаза и никак не реагирует на активные усилия Еревана и Степанакерта по восстановлению Нагорно-Карабахского государства, выбрали недавно (где и как?) его нового премьер-министра, московского бизнесмена-миллиардера... — нечто дразнящее с запахом новой бойни?

Так что мой ответ на причины и следствия азербайджано-армянской войны звучит так: попеременно случались временные поражения и столь же неполноценные, хотя и, возможно, длительные победы, но до мира, отказа народов-соседей от ненависти друг к другу ещё топтать и топтать не одному поколению. Все годы жёсткого противостояния армяне и азербайджанцы отлично орудовали богатым арсеналом античеловечности, истребляли и убивали друг друга, порой даже хвастая этим, есть примеры с обеих сторон, так что правых в войне не было и быть не могло по определению, и, как бы ни было мне тяжело и больно признаваться, пытаюсь обелить своих, приводя частные доказательства-доводы, — виноваты обе стороны.

... Память прожитого, в истоках которой детство и отрочество побуждает вернуться к рассмотрению этно-культурных процессов, точнее, национальных успехов в Советском Союзе в условиях или вопреки изъянам национальной политики, возникших не только в связи с субъективизацией структуры страны, — рассмотреть в контексте «русскости нерусских», условно говоря, двуязычное художественное творчество. Замечу, что я лично принимал участие в разработке этой проблемы: появлялось очень много национальных писателей, пишущих на русском языке, причём, писателей прекрасных. Имена общеизвестны, были на слуху Фазиль Искандер, Чингиз Айтматов, Тимур Пулатов, Олжас Сулейменов, Тимур Зульфикаров, Максуд и Рустам Ибрагимбековы, Юрий Рытхэу, Юван Шесталов... О евреях не говорю: половина русской литера-

туры в 20 веке и сегодня созидалась и продолжает созидаться евреями, начать — не завершить, от Осипа Манделштама — через Фридриха Горенштейна — Иосифа Бродского и до Александра Иличевского... — они шли в СССР как писатели русские без выпячивания этноса, хотя в Израиле их всё же обозначают как русскоязычных еврейских писателей. Придуманный в СССР термин «двуязычное художественное творчество» полагал, что националы, пишущие на русском языке, знают и свой родной, но по преимуществу знание это было условное, и не у всех, и на бытовом уровне, разговорный. Понятием «двуязычный» пытались сокрыть ассимиляционные процессы в стране, естественные, кстати, но якобы они нарушали чистоту языковых принципов «ленинской национальной политики», намечающие развитие как всех национальных языков, так и языка межнационального общения — русского, но второй процесс обгонял первый, который постепенно становился формальным, особенно в оттепельные годы, когда раздавались призывы ради ускоренного воспитания советских людей в духе социализма (была на слуху метафорическая строка Роберта Рождественского «По национальности я — советский») переходить писателям на русскоязычное творчество... Кстати, в канун распада СССР опасность исчезновения грозила белорусской литературе, казахская и киргизская литературы объявлялись двуязычными, руководство многих национальных регионов страны не знало местных языков.

В этом ряду ещё суждение: в СССР было немало успешного, но, сказав

такое, надо тут же для полноты картины выстроить параллельно ряд дававших о себе знать негативных явлений и характеристик в национальной практике и политике, межнациональных отношениях. Выступая с лекциями в МГУ, я впервые назвал истинное количество языков, на которых создаётся советская литература — не 76, как официально утверждалось, а свыше 90 с лишним, из коих 31 — тюркоязычная!.. Лекции строились с учетом исторически разнородного развития литератур народов СССР, при котором я руководствовался соображениями как эстетическими (это в первой части лекций), так и этическими (а это — во второй). При подходе эстетическом я особо выделял русскую литературу, полагая, что ни одна литература не была такой многожанровой, многостилевой, а главное — не имела мирового звучания, как русская литература. А этический подход — это равное уважительное отношение к каждой литературе, что в данном случае подразумевало рассмотрение литератур народов СССР в алфавитном порядке (русскую литературу, как правило, изымали из этого ряда, подчёркивая её исключительность: есть, де, особая русская литература, а есть литература народов СССР», будто русский не «народ СССР»).

А теперь насчёт цензуры и самоцензуры в собственном писательстве. Но прежде — вообще о творчестве как роде деятельности. Дело в том, что твой читатель — прежде всего ты сам, пишешь, как бы для себя лично, возникает острая потребность понять себя, время и почему явился в этот мир, и потому твоя речь, переводимая в текст, — более исповедь перед

самим собой, нежели проповедь, преследующая порой корыстные цели, выгоду, а иначе зачем самому себе-то врать? В первом случае: «Не могу молчать!» А во втором: «Надо!» — и это часто от лукавого. Да, самоцензура есть, но лишь, как мне кажется, у тех, кто пишет «для себя», желая, разумеется, это опубликовать, и чтобы не попасть в ловушку цензуры, найдя для этого подтекстовые изобразительно-выразительные средства, что, кстати, было не в тягость, а напротив: активизировало и развивало стилевые навыки, доставляло творческую радость. А те, кто изначально был настроен «проповеднически», как правило, учитывали цензурные запреты и никаких самоцензурных переживаний не испытывали, придерживаясь общепринятых идеологических установок, среди которых были и тогда казавшиеся мне, мягко говоря, забавными. К примеру, библейские (или, точнее, иудейские) Заповеди о добре и зле афишировались как «кодекс строителей коммунизма». Или надо было чётко различать коммунистическую и буржуазную нравственность. Что «гуманизм» — понятие абстрактное, мы придерживаемся «социалистического гуманизма»... В этой связи в художественной литературе считалась приоритетной воспитательная функция, никаких «самовыражений» или открытий в познании реальности, хотя воспитание — не самоцель литературы, оно вытекает из правдивости описания жизни, на чём, кстати, и обжёгся с первым своим романом, забыв, что пятью предыдущими повестями и рассказами, тоже написанными на азербайджанском языке, давно причислен к приверженцам «социалистического

реализма», признающего, естественно, «правдивое изображение действительности», но не само по себе, а жёстко указано, как — «в революционном развитии» (имеется в виду «социалистическое»). Некая тюремная принудилка, а внутри большой «тюрьмы народов», если иметь имею в виду цензурные запреты, «тюрьмы» и поменьше и пожестче, чем общесоюзные, — «республиканские», «национальные», и от их цензуры русскоязычный национал мог быть относительно свободен, язык творчества и нерусская тематика давали возможность, минуя «свою цензуру», издавать острые сочинения за пределами национальных пространств. Не зная об этих хитростях, я прокололся с первым моим романном опытом: друг-приятель, главред толстого национального журнала в Баку ужаснулся, прочитав мой острый роман «Магомед, Мамед, Мамиш», наотрез отказался его печатать: нравы! коррупция! клан! раболепие и чиновничество! взяточничество!.. убийство непослушных общим правилам!.. А я, как потом сформулировал, через национальный материал изобразил советский образ жизни.

... Ответственный секретарь журнала «Дружба народов» Людмила Шиловцева мне призналась, каких трудов стоило ей вырвать из пасти московской цензуры мой роман, а с ним — и весь номер журнала: к её удивлению, цензора удовлетворило вдруг озарившее её объяснение, что «эти безобразия не у нас творятся, а там у них». Да, не откажешь в находчивости!.. Вот причина, очевидно, главная, по которой и смогли увидеть свет в Москве немислимые по остроте для русской литературы, русских

реалиях, фазиль-искандеровские или айтматовские сюжеты, концепции, — «Это не у нас, а там у них!»

Вообще-то, советская литература — это был огромный соцреалистический поток, в основном, панегирического толка, но к нему примыкал и маленький легальный ручеек произведений авторов, их, может, наберётся, по моему представлению, с десятков, таких как Василь Быков, Валентин Распутин, Василий Шукшин, Юрий Трифонов, Владимир Тендряков... А стал я писать из чувства нестерпимого протеста против неправды, видя, что зашкаливает в обществе ложь, и ты своим молчанием в этом невольно участвуешь: люди думают одно, говорят другое, поступают по-третьему. И это стало настолько привычно, что стало темой анекдотов. Насильственная, к примеру, колонизация чужих земель царизмом стала выступать в оболочке «дружбы народов» и отмечаться в стране как всесоюзный праздник добровольного вхождения в состав России инонациональных (так родилась идея исторического романа «Фатальный Фатали», над которым работал многие годы, — перечень могу продолжить). Позже понял, что есть ещё довод, объясняющий желание сочинять (косвенно отвечаю на Ваш вопрос о том, *как идёт переключение с одного регистра на другой, когда вы пишете художественные работы и когда пишете научные статьи*, то есть коснуться взаимодействия во мне писательско-критического (бескомпромиссного) и педагогико-научно-утверждающего (лукавого) начал. Взаимодействие это — полемическое, конфликтное, первый постоянно спорит с профессором,

понимая, разумеется, при этом, что тот востребован как специалист по проблемам национальных культур, терять свой статус, рвать с престижной работой (есть дом, семья, сын, расходы...), и компромисс его имеет свои границы и рамки, более формальный, нежели сущностной, ведь он — это же я сам, который адресует сочинения, прежде всего, к себе самому, не терпящему и выступающему против всего того, что противоречит смыслу и нормам жизни... — такое вот взаимодействие двух начал: пишущего, повторяю, для себя, но с конечной целью, естественно, публикации, или легализации написанного, благодаря чему обретало хоть какой-то смысл само существование двойственного «я».

С.Э.: В связи с предысторией армяно-азербайджанского конфликта у меня такой вопрос. Вы писали про Нариманова и занимались периодом 20-х годов.

Ч.Г.: К Нариманову я обратился в первый раз вне связи с упомянутым Вами конфликтом: это фигура возникла в детской, семейной ещё моей памяти: по рассказам он даже приходил в уплотнённый дом Ашурбековых, когда там появилась как жена отца моя мама, чьего отца, или моего деда Мелик-Мамеда, капитана торгового судна в Каспийском пароходстве, Нариманов знал ещё со времён своей жизни в Астрахани, куда мой дед часто приплывал... Политиздат предлагал мне написать о нём, кого называли «Лениным Востока», повесть в серии «Пламенные революционеры», учреждённой с целью заманить, вогнать большими тиражами и высокими гонорами

писателей типа Юрий Трифонов, Василий Аксёнов, Булат Окуджава, Анатолий Гладилин, Юрий Давыдов и других, в угодные властям темы, и, как правило, почти все проявляли интерес к фигурам первых двух из трёх, по определению Ленина, этапов революционного движения в России: декабристского и народо-вольческого, нежели жёстко регламентированного большевистского, чтобы можно было хоть как-то использовать подтексты, изображая современные изъяны в обществе под прикрытием прошлого. Я долго отнекивался, не желая погружаться в очевидные скучные реальности, пока мне — это вышло случайно — друг студенческих лет по МГУ историк Даниил Гулиев, ставший в Баку большим идеологическим начальником, доверительно не показал два секретных материала, в которых Нариманов (один их видных бакинских комиссаров) предстал в качественно ином, новом для меня облике: оказалось, что отъезд его в Астрахань вызван был вовсе не болезнью, как лгали, а стал результатом непримиримого конфликта с руководителем Коммуны Степаном Шаумяном, по согласию которого, мол, «так вышло, ничего теперь не изменить», объяснял он, армянские военные отряды Андроника устроили в Баку и близлежащих городах Азербайджана массовый погром тюркок-азербайджанцев, который вошёл в историю, часто звучало в устах моей бабушки, как «март даваасы», или мартовская бойня... А второй документ — это, в сущности, политическое завещание Нариманова, написанное за месяц до смерти в форме письма к пятилетнему сыну Наджафу: «Сын мой», — начинается Нариманов обращение, чтобы

сын знал, что когда он вырастет, никакого социализма не будет, ибо то, что они строят, не имеет отношения к социализму, это общество мелких дрязг, нелепых интриг, недоверия вождей друг к другу, обманов и убийств... Письмо чудом сохранила его жена Гюльсум, она была моложе мужа на два десятка лет.

... Родилась повесть «Прозрение», над которой работал в доперестроечные 80-е и в перестройку, когда повсюду разгорелись, вслед за армяно-азербайджанским, международные конфликты, зашаталась этнические устои страны, фигура Нариманова стала подвергаться критике со сторон как армянской, де, «он в сговоре со Сталиным повинны, что Нагорный Карабах остался в составе Азербайджана!», так и азербайджанской — «уступил исконно азербайджанские земли, в частности Зангезур, армянам». Процесс печати был тогда медленным и долгим, набрали, в издательстве, к тому времени сменившему название на «Республика», но вскоре не только КПСС, но и вся страна перестала существовать, и я остался с вёрсткой на руках и выпустил повесть в журнале «Литературный Азербайджан» под названием «Доктор Нариманов, или Прозрение» (1992, 1 и 2 номера).

К тому времени открылись новые архивные материалы о 1918–22 и далее годах, и в результате появился двухтомный роман «Доктор N», к тому же — и двухгеройный — великая фигура Мамед-Эмина Расулзаде, вождя и идеолога Демократической Азербайджанской республики, — запретного даже для произношения...

С.Э.: Вы писали об этом периоде и об этнических отношениях на Кавказе. У меня есть вопрос, на который я до сих пор не нашёл ответа, хотя много раз спрашивал, в том числе и людей с Кавказа. Когда происходила демаркация территорий республик по этническому принципу, Карабах — это, пожалуй, единственный случай, когда большая территория, на которой армяне составляют большинство, была отделена от Армянской республики и передана Азербайджану? В чем причина? Может, все дело в том, что Сталин не любил армян?

Ч.Г.: А кого Сталин любил? Это, во-первых. А, во-вторых, и территория Нагорного Карабаха не такая уж и большая по сравнению с Низинным.

Архив сохранил: проблему Нагорного Карабаха обсуждали девять человек, представляющие ЗакФедерацию, и Сталин, представитель Российского ПартЦентра. Стояла жуткая июльская жара и после недолгого обмена мнениями пятеро проголосовали за передачу Нагорного Карабаха Армении и четверо — за оставление Нагорного Карабаха в составе Азербайджана. Нариманов, и с ним согласился Сталин, заявил, что серьёзная проблема должна быть серьёзно обсуждена и предложил собраться завтра. Сталин поручил *грузину* Серго Орджоникидзе обосновать свою озвученную проармянскую позицию, а *армянину* Амаяку Назаретяну — проазербайджанскую. И тайное голосование на сей раз дало другой результат: пятеро — за оставление Нагорного Карабаха в составе Азербайджана, а четверо из тех, кто голосовал в пользу Армении, — воздержались...

С.Э.: В качестве довода в пользу Азербайджана указывают ещё и на то, что Нагорный Карабах был географически отрезан от Армении. Но ведь Нахичевань точно таким же образом отделена от Азербайджана, тем не менее её включили в состав Азербайджана.

Ч.Г.: Тут называется иная причина: де, в составе Российских вооружённых сил Армения сохраняла национальное добровольческое войско, поэтому необходимо было устранить все возможности прямого столкновения Турции и Армении, и автономная республика Нахичевань в составе Азербайджана вполне отвечала интересам сторон... А вообще-то искать логику в авторитарной политике, которая всегда доминировала в этом евразийском, как называли пространство бывшего СССР, — задача нелёгкая, особенно в свете последних годов с кровавыми играми с правами народов на самоопределение, за которыми, шито белыми нитками, скрывается элементарный захват чужих территорий. А что было тогда? Мыслимо ли, что единицы кроили-перекраивали этно-земли, решали судьбы целых народов? И что до сей поры нет ясности в том, как устранить противоречие между двумя правами: правом сохранить территориальную целостность государства и правом народов на самоопределение и выход из государства?

Увы, и с руководителями нам не везло: напомним, как называли застойные годы: «Пятилетка почётных похорон». В Политбюро сидели одни старики, которым их лечащие врачи запрещали работать более двух часов... Выбор в итоге пал на Горбачё-

ва с его отменной прокоммунистической риторикой, но практически далёкого от глубинного понимания этно-проблем в стране многонациональной.

Ныне мы вступили в страшную полосу разгула военной истерии, вызванной так называемой «спеоперацией России в Украине», когда, в сущности, обесмысливается всё и вся, что делало человечество. И не видно конца этой разрухе.

С.Э.: В связи с этой катастрофой у меня вопрос к Вам, и он относится не только к Вашей деятельности, связанной с русскоязычным творчеством. Как вы думаете, что будет с русским языком в бывших советских республиках и вообще в мире?

Ч.Г.: Начну с себя. Первые мои пять книг рассказов и повестей вышли на азербайджанском, но первый мой роман в начале 70-х из-за остроты был отвергнут в Баку, и я вынужден был издать его в авторском переводе «с родного азербайджанского языка на родной русский». Второй роман, Фатальный Фатали», я уже писал на русском (но он из моих романов единственный, что издан в двух оригиналах — на русском в Москве и азербайджанском в Баку).

Какое-то время в канун и после распада СССР русский язык перестали изучать в Азербайджане, и он был стихийно никем не управляемо предан забвению. И для меня это стало большой темой. В результате сформировалось и ныне активно проявляет себя поколение 30–40-летних, которые блестяще владея национальным языком (он поистине

расцвёл в условиях свободного развития, взаимодействии с турецким и другими тюркскими языками, что было в прежние годы невозможно по определению), не знают русского языка, не могут прочитать мои русскоязычные книги. Есть среди них те, которые хотят, желают изучать написанное мной, но вынуждены довольствоваться лишь «Фатальным Фатали» и дороманными моими сочинениями.

Эта проблема меня волнует, и единственное утешение, что сегодня — процессу уже немало лет — изучение русского языка в Азербайджане возобновилось.

А в мире... Вот-вот русский язык начинал обретать и уже интенсивно обретал статус одного из трёх-четырёх мировых языков, его знало, им пользовались, его изучало почти два миллиарда!..

Теперь... — не повторится ли с русским языком участь немецкого, одного из мировых языков в прошлом, который за считанные годы фашизма стал резко снижать свой рейтинг и ныне не числится в мировых?

С.Э.: Чингиз Гасанович, поделитесь, пожалуйста, творческими планами.

Ч.Г.: Забыли, сколько мне лет?.. Но Вы точно угадали, планы у меня есть.

Я тридцать последних лет, ещё живя в России, занимался, о чём коротко говорил, проблемами ислама, думая написать о Мухаммеде, показать рождение пророчества, что предполагало исследовать Коран, его айаты-су-

ры, или строки-главы, ниспосланные Мухаммеду.

Но оказалось, на что прежде не обращал внимания, что в каноническом Коране не соблюдается никакая хронология: он собирался двадцать лет спустя после смерти Мухаммеда, и составители вмешались в текст Всевышнего, исходя из своих политических, теологических соображений, тем более уже начались войны-вражда между авраамическими верами.

Скажу резко: не только изменили, но исказили первоначальную концепцию связи Корана с Горой (*Таврат*) и Евангелиями (*Инджилъ*), и Коран оказался противопоставленным им.

Года два у меня ушло на восстановление хронологии Корана, было выявлено немало противоречий в самом тексте, о которых богословы не могли не знать, но, очевидно, страшились говорить об этом — трогать текст Корана считается смертельным грехом: восстановленная, естественно, приблизительно, хронология представила нам книгу, отличную от канонического текста, и её, живя ещё в Москве, мне посчастливилось издать с комментариями под названием: «Ибн Гасан. Суры Корана, расположенные в хронологическом порядке» (М., «Три квадрата», 2002 г.). А через год вышло «кораническое повествование» о Мухаммеде «Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина» (М., «Вагриус», 2003 г.).

Переехал жить в Израиль... — вот где мои книги об исламе оказались востребованы в полной мере!..

Именно в Израиле появился новый ракурс рассмотрения ислама в контексте или взаимодействии с другими авраамическими верованиями, прежде всего, иудаизмом, но и, естественно, христианством.

Вскоре я стал одним из учредителей при Иерусалимской Русской библиотеке Дискуссионного клуба «Триалог авраамических религий»... Пандемия, к сожалению, нашу работу прервала, но клуб действовал свыше двух лет, и я успел выступить там с рядом докладов по проблемам, не утратившим свою остроту.

Известно, что с именем Мухаммеда связано формирование не только мусульманства, но зачатков исламского государства, ему принадлежит немало размышлений о жизни, и они составили много томов, но предчувствуя, что некоторые могут быть выданы его последователями за Божественные, он пояснял: «Есть у меня высказывания, не имеющие отношения к Аллаху. То, что говорил Он мне, я отразил в Коране».

Не отсюда ли противоречия в тексте канонического Корана, что его коснулась рука человека? Сегодня, кстати, многие иудеи и христиане судят об исламе по этим противоречиям, а не по его ядру, дающему нам право утверждать, что и ислам, а тем более христианство — обе эти веры вышли из материнского лоно иудейства.

С.Э.: «Ходить перед Богом и быть непорочными».

Ч.Г.: У меня есть такая выстраданная, но, может, излишне резко и с вызовом звучащая мысль о том, что

«самая великая несправедливость на земле — это когда топчется материнское лоно иудейства, взрастившее христианство и ислам, и тем самым питается антисемитизм».

Речь, если говорить о «науке», — не об установлении истины, это неисполнимо, но об устранении той чудовищной реальности, которая продолжается уже семь десятков лет в Палестине, где успешно создается современное еврейское демократическое государство, и помеха этому — палестинские арабы: отказались от создания, наряду с Израилем, своего государства, и все эти годы, поддерживаемые извне, воюют за уничтожение израильского государства, якобы исполняя волю на то Аллаха, но на самом деле оскорбляют Его, творя террор именем ислама, превратив ниспосланную Им Книгу мира, или Коран, в орудие смерти.

И никогда не одержат победы, будут постоянно терпеть поражение, пока не одумаются.

Так что вопрос о взаимодействии, сходствах и различиях между исламом, христианством и иудейством был и остаётся актуальным и сегодня, и завтра, и... неужто всегда?!

И я намереваюсь (авось, удастся?) собрать и систематизировать, может, даже издать отдельной книжечкой свои, так сказать, авраамические наивности.

С.Э.: Это интересно! Желаю вам успеха в реализации этого замысла! Спасибо большое за очень содержательное интервью!

«ПОСЛЕ ТОГО, КАК ПЕРЕШЛИ ДНЕСТР, У НАС В СЕМЬЕ БЫЛА ПЕРВАЯ СМЕРТЬ — УМЕР БРАТИК, ПОТОМУ ЧТО У МАМЫ КОНЧИЛОСЬ МОЛОКО».

Интервью с А. И. Гельманом

В своем интервью известный драматург и сценарист А. Гельман рассказывает о своем детстве и юности, проходивших в городке Дондюшаны на севере Молдовы, о том, как жили жители Бессарабии в межвоенный период под властью Румынии. Самые трагические страницы жизни, выпавшие на детские годы драматурга, связаны с периодом Второй мировой войны, когда мальчик разделил судьбу сотен тысяч бессарабских евреев и чудом выжил в еврейском гетто в Бершади на территории Украины. Много внимания в интервью уделено творчеству драматурга, прославившегося своими острыми производственными пьесами и сценариями фильмов, необыкновенно популярными у советского зрителя. Ответил А. Гельман и на вопросы о своей политической и общественной деятельности.

Ключевые слова: Бессарабия, Холокост, еврейские гетто, киносценарии и пьесы А. Гельмана

Сведения об авторе: Александр Исаакович Гельман — драматург, сценарист, публицист, общественный и политический деятель.

Контактная информация: ai.gelman@yandex.ru

Автор книги: Премия. — М.: Искусство, 1976; Обратная связь. — М.: Искусство, 1978; Мы, нижеподписавшиеся. — М.: Искусство, 1980; Наедине со всеми. — М.: Искусство, 1983; Пьесы. — М.: Советский писатель, 1985; Наедине со всеми: пьесы. — М.: Вагриус, 2003; Когда прошлое было будущим: эссе. — Стратегия, 2003; Последнее будущее: стихи. — Время, 2008; Костыли и крылья: стихи. — Центр книжной культуры «Гутенберг», 2013; Alexandre Guelman. «Les mots veillent sur nous» — poemes, proses. Collection «Le singulier dans l'instant», 2016; После всего: стихи. — Издательство РСП, 2017; «Альмар» — пьеса, журнал «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ». 2021

“AFTER WE CROSSED THE DNIESTER, WE HAD THE FIRST DEATH IN OUR FAMILY — MY SMALL BROTHER DIED BECAUSE MY MOTHER RAN OUT OF MILK”. Interview with A. I. Gelman

In his interview, a well-known playwright and screenwriter Alexander Gelman talks about his childhood and youth which took place in the town of Dondușeni in Northern Moldova, about how the inhabitants of Bessarabia lived in the in-

terwar period under Romanian rule. The most tragic pages of life that fell on the childhood years of the playwright are connected with the period of World War II, when the boy shared the fate of hundreds of thousands of Bessarabian Jews and miraculously managed to survive in the Jewish ghetto in Bershad in Ukraine. A lot of attention is paid in the interview to the work of the playwright, who became famous for his plays and film scripts which touched the acute problems of relations between people at work in the industry and were extremely popular with the Soviet audience. A. Gelman also answered questions about his political and social activities.

Key words: Bessarabia, Holocaust, Jewish ghettos, screenplays and plays by Alexander Gelman.

About the author: Alexander Isaakovich Gelman is a playwright, screenwriter, publicist, public and political figure.

Contact information: ai.gelman@yandex.ru

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э.: Первый вопрос о глубине семейной памяти. Расскажите, пожалуйста, сколько поколений предков вы помните?

А.Г.: Я помню только бабушку Цюпу — это мама моей мамы. И помню дедушку Давида — папу моего папы. Отца мамы я не застал, он умер рано. А маму отца застал, но она не очень врезалась в мою память: она была домашняя хозяйка, пожилая еврейка. Дед был колоритный, он был лесником, работал у какого-то хозяина леса; ездил всегда на лошади и меня катал; у него была борода, он был крепкий мощный мужчина. Дальше я не знаю ничего. Откуда пришли в Молдавию, тоже не знаю.

С.Э.: То есть, эта память не передавалась от более ранних поколений?

А.Г.: Может и передавалась, но папа никогда не рассказывал, мама умерла... Вообще со стороны мамы умерли все родственники, никого не осталось. А с папиной остались, потому что были в эвакуации.

С.Э.: Кем работал ваш отец в румынский период до 1940 года?

А.Г.: Он принимал хлеб. У него был склад, куда крестьяне привозили на подводах мешки с пшеницей, с кукурузой. Он взвешивал, принимал, платил им. А потом за этим хлебом приезжали с красивыми мешками, погружали и увозили этот хлеб (не знаю — куда). Был хозяин этого предприятия, которое покупало хлеб, и папа у него работал. В Дондюшанах не он один, а было ещё несколько евреев, которые тоже этим занимались.

С.Э.: То есть, он не был собственником, а работал у хозяина?

А.Г.: Да, он работал у хозяина. Папа получил только первичное еврейское образование, не более того. Мама была более образована, она окончила русскую гимназию. Папа был родом с севера Молдавии — была такая деревня Прескуряны, по-моему, недалеко от Рышкан, — он приехал оттуда. А мы жили в Дондюшанах — это

тоже север Молдавии, только чуть южнее. То есть, папа приехал к маме, они купили маленький домик и жили на родине мамы.

С.Э.: Румынская компартия примерно на 90 % состояла из евреев. Были ли в вашей семье коммунисты в межвоенный период?

А.Г.: Я плохо помню. Я помню только, что папа читал газеты. Вряд ли он принадлежал какой-то партии. Но, конечно, поскольку были профашистские партии, которые потом собрались вокруг Антонеску, то я помню, что были какие-то агрессивные члены этой партии в Дондюшанах, видимо, была какая-то ячейка этой партии. И папа обсуждал это с другими соседями: с евреями, с молдаванами. У нас был прогрессивный либеральный сосед-молдаванин, я помню, что они с папой обсуждали что-то в этом роде, читая новости в газетах.

Я хорошо помню время, когда пришла Красная армия — это был для меня важный момент, потому что мама заставляла меня спать днём, я должен был с часу до трёх два часа спать. Мама очень жёстко требовала соблюдения дневного сна. Конечно, мне было обидно, потому что соседские мальчики и девочки не спали днём, их не заставляли. Я ложился, но не спал, а ждал, когда закончится этот срок, и обычно в конце засыпал и спал потом уже до позднего вечера и очень переживал по этому поводу. Это вообще был некий такой опыт несвободы, опыт угнетения. А в 40-м году, когда пришла Красная армия, настолько всё заволновалось, кого-то из богатых людей арестовывали, па-

па не был богатым, но все равно переживал — и мама перестала заставлять меня спать днём, и я получил свободу. Вместе с приходом Красной армии я был освобождён!

С.Э.: Получается, что вас Красная армия точно освободила.

А.Г.: Да, я бегал по всей станции, с ребятами больше дружил. Но это было недолго, всего один год.

С.Э.: Как, кстати, население встречало Красную армию? Радостно или нет?

А.Г.: Дело в том, что у нас в Дондюшанах располагалась часть (батальон, судя по количеству), причём почему-то все были из Средней Азии, только командиры были русские (судя по внешности). Так что для меня Красная армия запечатлелась как люди среднеазиатской внешности. Как встречали? Никак особенно не встречали, но были перемены, которые нравились. Например, на базарной площади вечером стали показывать кино: люди приходили со своими табуретками, собирались. При румынах кинотеатра в Дондюшанах не было. Первый раз я кино видел в Бельцах, когда мы ездили туда в гости к маминой сестре. А здесь каждый вечер было кино, и это всем нравилось. Но одновременно с этим было тревожно. Дело в том, что в Дондюшанах жили три нации: молдаване, евреи и русские. Русские — это были бывшие белогвардейцы, те, кто эмигрировал в Румынию. Они здесь покупали земли и стали крупными земледельцами. И когда пришла Красная армия, многих из них арестовали. Но арестовали и ка-

ких-то евреев тоже. И всё это было очень тревожно. Я понимаю так, что папа не знал — он относится к таким, которых могут арестовать, или не относится. Но переживания были. В то время мама родила мальчика — братика, — и всё это вместе ещё больше усиливало тревогу. Но для меня это был период хороший, я помню его как радостный.

С.Э.: Хочу задать важный вопрос. В Румынии долгое время не упоминали о Холокосте. Но, когда Румыния готовилась вступить в Евросоюз, румын заставили признать участие государства в этом преступлении. Президент Илиеску официально заявил, что Румыния несёт ответственность, открыли музей Холокоста. Они даже (и это уже не было связано с внешним давлением) приняли в 2015 закон, запрещающий прославление фашистских организаций вроде «Железной гвардии», Антонеску и т. д. Это карается в уголовном порядке. А в Молдавии вроде также Холокост признали, но очень тихо. Был писатель Паул Гомма, родом из Оргеева, в 1944 году семья бежала в Румынию, и он стал там кем-то вроде Солженицына. Его при Чаушеску выслали из Румынии, он жил в Париже и уже в 90-е годы написал книгу «Красная неделя», в которой утверждает: «Холокост, конечно, был, но евреи сами виноваты, потому что они стреляли в спину румынской армии в 1940, когда она уходила из Бессарабии». Т.е. евреев покарала заслуженно. Разразился скандал, но, несмотря на это, Молдавская академия наук несколько лет назад выдвигала Гому на Нобелевскую премию. В Молдавии и сегодня многие гово-

рят в таком духе: «Да, может что-то и было, но не ясно что именно...». В этом контексте важно ваше свидетельство очевидца. Расскажите о трагическом опыте вашей семьи. И — важный момент — поддерживало ли вас местное население в ситуации, когда ваша семья оказалась в беде?

А.Г.: К нам сначала пришли румыны — бывший председатель сельсовета (примар), который уехал в Румынию, когда Красная армия пришла, а через год вернулся. Он был в чисто коммерческих отношениях с евреями до войны. Он не был воинствующим, а чисто деловой человек. Евреи его подкупали, что-то ему дарили. И когда он вернулся, какое-то время немцев не было в Дондюшанах, а были только румыны. Потом вернулась какая-то воинская часть, численностью даже меньше, чем было до войны, может рота. Первые немцы, которых я видел, были мотоциклисты — 50 мотоциклов. Это само по себе было зрелище! Они остановились у колодца и мылись, брали детей на руки, дарили шоколадки. Они были фронтовики, нормальные солдаты, мелкие офицеры, которые воевали. Они относились нормально. Потом они уехали. А потом были назначены румынский комендант и немецкий комендант...

Сначала арестовали мужчин. Их поместили в небольшом помещении. Это произошло в один день. На следующее утро к нам (ко всем евреям) пришёл румынский солдат и сказал, что мы должны пойти с ним — мама, я и маленький братик, которого она кормила грудью. Мы собрались. Человек этот был, видимо, нормальный,

он сказал: «Вы знаете, возьмите с собой какие-то драгоценности, если у вас есть». Мама удивилась, но взяла. В каждой еврейской семье есть какое-то золотишко, довольно скромное — какие-то серьги, кольца, но тем не менее. Она всё это собрала, и нас повезли в большой двор в Дондюшанах. Там уже были другие евреи, туда же привезли и мужчин из того помещения, где они находились. Мы переночевали там прямо на улице. И на следующее утро в присутствии румынского и немецкого комендантов, под конвоем небольшого количества румынских солдат — по-моему их было всего три человека (офицер и два солдата) — нас построили в колонну. Было три подводы, на них посадили стариков, в том числе нашу бабушку Цюпу. И пошли...

В отношении местного населения. У нас были хорошие отношения с соседом, его звали Никэ Руссу. Он на подводе догнал эту колонну, и, несмотря на то, что офицер что-то кричал (велел солдатам заряжать), передал отцу две торбы с едой: брынза, хлеб, ещё что-то довольно тяжёлое (потому что папа попросил у солдат разрешения поставить одну торбу на подводу возле бабушки). Вот такой поступок смелый для того времени! Дядя Никэ нагло подъехал, стоя правя лошадьми, отдал и уехал.

Забегая вперёд, скажу, что, когда мы вернулись из гетто (сначала вернулся я один, остальные позже), выяснилось, что семья Руссу всё забрала из нашего дома — одежду, постельное бельё, посуду, мебель. Я не знаю, как было на самом деле, но они говорили, что ничем не пользовались. Во всяком случае, когда я вернулся, у нас

был небольшой домик — большая комната, кухня и коридор, он был превращён в склад. Там была пшеница, кукуруза и т. д. Они быстро всё убрали, вернули кровать, постель, всё вернули. Всё не всё, я не знаю, но во всяком случае можно было жить. Они меня кормили, пока из другого гетто не приехал брат отца и поселился у нас. Вот такой опыт. Правда, это один сосед...

Должен сказать, что мы шли медленно. И до того, как перейти Днестр, было две ночёвки. Даже не одну ночь, а две-три, пока собирали из других местечек евреев. А оттуда была уже большая колонна, которая пошла к Днестру и перешла его. После того, как перешли Днестр, у нас в семье была первая смерть — умер братик, потому что у мамы кончилось молоко. Это уже на другом берегу, украинском. Там же умерла одна женщина. С трудом выкопали маленькую яму, положили женщину, а на женщину положили нашего мальчика, засыпали и пошли дальше...

В пути из Дондюшан до того места, где собрали евреев из разных местечек, румыны вели себя щадяще. А уже румыны, которые вели оттуда большую колонну, были более строгие, официальные, требовали соблюдения всех правил. Но ещё остались подводы, в которых везли стариков. Всё это было до Ямполья (город на Украине), там нас всех расположили в синагоге и объявили: «Дальше подвод не будет, так что тех, кто не может ходить, можете оставить, можем их застрелить». И мы бабушку Цюпу оставили там. Не мы одни, там были ещё такие. Она уже не говорила. Мы ей оставили воду, и мама, мамина се-

стра с мужем, и мамин брат с женой (которые тоже шли в этой колонне) попрощались и пошли дальше.

С. Э.: А что значит «можете застрелить»? Это чтобы вы сами бабушку застрелили?

А. Г.: Нет, мы можем оставить, или они застрелят. Потому что идти она не может — подвод нет...

Должен сказать, когда мы шли, молдавчане в общем-то относились лучше, чем украинцы. Когда мы стояли в Ямполе, украинцы подходили и не дарили хлеб, а меняли — за золотое кольцо полбуханки хлеба. Папа обменял мамино кольцо. То есть, они вели себя довольно корыстно. Не было никаких издевательств, но они старались обменять еду на драгоценности. Конечно, с одной стороны, люди были благодарны, что хоть так. Но с другой стороны...ну, вот это было так.

Так мы дошли до города Бершадь в Винницкой области — это довольно древнее еврейское местечко. Это уже после войны я многое узнал о Бершади. Там была часть города, где жили в основном евреи. И вот эту часть города превратили в гетто. Переселили местных евреев, живших в других частях города, сюда. В Бершади в гетто нас поселили надолго. Мы сначала не понимали, думали, что поведут дальше. Но нет. Туда привели ещё евреев из Буковины, из Черновиц, из Станислава, из других городов Украины. Там было большое гетто. Я не знаю точно сколько человек. В это гетто нас пришло 12 человек (двоих мы потеряли в дороге). Другие наши родственники были в дру-

гом гетто — бабушка с бабушкой по папиной линии, другая мамаина сестра из Бельц. Тоже недалеко. Но мы не знали этого, узнали уже после войны. С 1941 на 1942 год была жутко холодная зима. Мы жили в полуподвале одного дома, там были нары, забытые людьми — наша семья и ещё несколько семей. К весне 1942 года нары были пустые — остались только я и папа, и ещё один мужчина. Все вымерли за зиму...

С. Э.: А вас кормили?

А. Г.: Мужчины ходили на работу. Там была маслобойка, и они приносили тёплый макух (выжимки из ядер подсолнуха). Им разрешали брать макух за эту работу. Всю зиму макух был главной пищей. Папа приносил, ломал и давал нам.

Границей гетто было шоссе. По нему шли колонны немецких войск. Сначала они шли на восток, потом при отступлении — в обратную сторону. Но по тому же шоссе возили сахарную свеклу на сахарный завод, который был недалеко. Те, кто возил, разрешали и даже сами бросали свеклу на дорогу, чтобы можно было её забрать. Это тоже один из эпизодов людской доброты.

Так мы с папой остались вдвоём. Хотя в семье были мужчины — муж маминой сестры, мамин брат — они все растерялись, потеряли волю к жизни, часто плакали. Только один папа был действующий, энергичный, он всех как-то старался подкармливать, подбадривать.

Должен сказать, что условия жизни в этом полуподвале были жуткие.

Трупы убирали раз в десять дней. Приезжали и увозили на санях. Эти десять дней трупы или лежали рядом с живыми людьми, или выносились в маленький коридор. Поскольку туалета не было, то нужно было выходить во двор и перешагивать через эти трупы. Когда приезжали за умершими, их брали за плечи и ноги, укладывали на сани. Было два еврея, которые этим занимались. У одного из них были клещи. У кого были золотые зубы, коронки, он выламывал этими клещами и клал в свой карман. Когда хоронили маму, папа держал меня на руках, и я увидел, как у мамы он выломал две золотые коронки.

Уже после войны мы с папой обсуждали этот случай. Я всё время помнил с каким-то злым чувством по отношению к тому еврею, который выламывал золотые зубы, но папа сказал, что это неправильно. Что он мог с этим золотом делать? Он мог чем-то помочь своим близким, выменять на какую-то еду, спасти кого-то. Это не то, что он обогащался. Это такая страшная ситуация, и поэтому не надо считать, что это какие-то злодеи, звери. Папа говорил: «Даже я мог оказаться на их месте». Его слова вразумили меня...

С. Э.: Т. е. никакого питания вам не давали? Что вы находили, тем и жили?

А. Г.: Никакого питания. Мы только меняли у кого что было. И когда мы остались вдвоём, папа познакомился с местной женщиной и попросил, нельзя ли ему с сыном у неё поселиться. У неё уже жили две семьи. Это был частный дом: две комнаты, кухня. В одной комнате жила она, у неё

было двое детей, муж был в армии. На кухне ночевала семья и в другой комнате тоже семья. Но всё же, в той другой комнате нам выделили место, она нас приняла. Все спали на полу. Уже была весна, было тепло. Я никогда не забуду, что с момента, когда нас забрали из дома, и до весны 1942 года мы не мылись. Зимой как-то снегом обтирали лицо, но не мылись. И когда пошёл первый тепловатый дождь, папа разделся догола и меня раздел и умывал под дождем. Другие тоже потом вышли под этот дождь. Он был тёплый, сильный, но короткий. Кстати, первый раз голую женщину я увидел вот в таких условиях.

В общем, нас приютили. У женщины, которая нас приютила, ее звали тетя Ита, были какие-то связи с местными крестьянами, которые до войны приносили творог, молоко, и были какие-то лазейки — хоть гетто охранялось и нельзя было из него выходить, тем не менее, каким-то образом люди проникали, была возможность передать какую-то еду, обменять на что-то, тете Ите изредка передавали что-то молочное или из огорода.

Украинцы вели себя достаточно порядочно. Там был партизанский отряд недалеко, в лесу, была какая-то связь с ним. И некоторые евреи — молодые мужчины — убежали из гетто в этот отряд. Несколько человек поймали, их повесили прямо в гетто, на улице. Они долго висели...

Так мы прожили до весны 1944 года. В 1944 году в мае или апреле... Бершадь освобождали два раза. Первый раз пришли красноармейцы, потом немцы их выбили. Когда немцы при-

шли, было жуткое время — в гетто были ещё немногие молодые женщины, их насиловали, убивали...это был очень тяжёлый период. Всего несколько дней, но они были жуткие. Потом, когда во второй раз освободили Бершадь, папу сразу мобилизовали в армию, буквально на второй день. Я остался один. И так получилось, что у одного танка свалились гусеницы. Два танкиста возились с ними, и я подошел к ним, помогал им. Они спросили меня, откуда я, я ответил, что из Дондюшан. Они посмотрели по карте и сказали, что они почти туда должны подъезжать, возвращаясь в свою часть, и что они меня могут подвезти. Я согласился. Они меня, действительно подвезли и выкинули на окраине. Было довольно тяжело, скорость была большая, а я сидел не внутри танка, а наверху. В общем, я один приехал в Дондюшаны. Дальше — я уже рассказал, как соседи всё вернули. Потом брат отца (он тоже был в гетто, но в другом, где они выжили) с женой и сыном (дочка у них потом родилась) вернулись и поселились в нашем доме. Они были из Бричева. Но поскольку тут был дом, они поселились, и я с ними жил до возвращения отца. Отец вернулся после Дня Победы довольно быстро. Мне надо было пойти в школу, школа была молдавская, молдавский язык я знал. До войны в школу я не ходил, приходил учитель, который меня учил идишу — читать, писать. Мне было уже 12 лет, взяли меня во второй класс. Я довольно проворно учился и меня перевели в четвёртый класс, минуя первый и третий. Потом я миновал ещё и пятый класс, пошёл в шестой. А мой товарищ в Дондюшанах Йося Штернберг (недавно он умер в Израиле) поступил в Чер-

новицы в профтехшколе трикотажников. Он приехал, рассказал, как там хорошо, и я тоже захотел. Но там нужен был аттестат за семь классов, а я закончил шестой. К тому времени папа женился, в доме появилась мачеха и ещё мама мачехи. Мне это не нравилось, я очень тяжело переносил, хулиганил, мешал им жить спокойно. Папа хотел — я понял это уже потом, но и тогда чувствовал — от меня избавиться, но по-хорошему. Короче говоря, он дал взятку директору школы, и тот вручил мне аттестат за семь классов. А директор был такой строгий, все его боялись, и было трудно себе представить, что такой человек мог брать взятки. Я поехал в Черновицы. Поступил в профтехшколе трикотажников.

С. Э.: А в голод 1946 года вы были в Дондюшанах? Расскажите, что вы помните об этом.

А. Г.: Да, я был в Дондюшанах. Дондюшаны — это фактически деревня, станция, но это не город. Поэтому можно было выжить. У нас был огород и у брата отца, с которым я жил до возвращения отца, тоже был огород. Как-то кормились. Но на лето я поехал в Бельцы, где жила папина сестра. И там я жил три месяца, даже начала ходить в школу. Вот там я познал карточную систему. Я был всё время голоден. Я не помню состояния, когда бы я не хотел кушать. Хотя тётя Чака, сестра отца, относилась ко мне как к родному сыну. Но я испытал там всё. Они были заняты, работали, а я ходил с талончиками за продуктами, стоял в очередях за хлебом. В Дондюшанах было гораздо легче, потому что это было село, у всех были огороды, можно было

пропитаться. Я даже написал стихи об этом. Например, когда я жил в гетто, ни яблок, ни груш я вообще не видел, я забыл вообще, что есть яблоки. Был момент — сейчас я отдаю себе в этом отчёт, — когда где-то в 43-м году я уже не думал, что будет другая жизнь и не ожидал, и даже забыл до военную жизнь. Я помню, когда меня танк довёз, и я вспомнил, как пройти к нам домой, — соседка принесла яблоки, и я тогда впервые вспомнил, что есть яблоки. Причём, яблоки были большие, зелёные, я вгрызался в них.

С. Э.: Александр Исаакович, вы закончили военное училище, причём поступили ещё при жизни Сталина, когда шла борьба с «безродными космополитами», и потом были офицером. Расскажите, как еврея приняли в военное училище?

А. Г.: Я окончил профтехшколу трикотажников, и меня направили работать на Львовскую чулочную фабрику. Прошёл там практику, потом пошёл на работу. Закончил в вечерней школе десятый класс. Тут подошло время идти в армию, а у меня уже появилась девушка, настоящая любовь, и я не хотел уезжать из Львова. Единственная возможность остаться во Львове — поступить в военное училище, которых было во Львове несколько. Наиболее престижным считалось Военно-политическое училище, но туда точно я не мог поступить. Но было и пехотное — нормальное Пехотное училище имени Щорса. Я советовался с каким-то знакомым и узнал, что туда берут евреев. И я подал документы в это училище, меня пригласили на собеседование, попросили написать биографию,

и я честно всё написал. Я никогда не скрывал, что был в гетто, хотя многие скрывали. Я помню, в отделе кадров подполковник подчеркнул красным и спросил меня: «А почему вы не эвакуировались?» Я ответил: «Я был мальчик, я не знаю. Но, наверное, потому что был маленький братик, мама кормила его и наверное, поэтому». И потом, из наших Дондюшан действительно никто не эвакуировался. Я запомнил этот его вопрос. То есть, пребывание в гетто считалось чем-то нехорошим...

Но меня приняли. Я учился как раз, когда началось дело врачей. И однажды я сидел в библиотеке, изучал действия пехоты во время атомной войны. До этого нам показали секретный фильм об испытаниях атомной бомбы — жуткий фильм, произвёл на меня тогда глубокое жуткое впечатление. Пришёл лейтенант: «Гельман? Вас приглашает начальник политотдела училища полковник Третьяков». Я сдал секретные бумаги и явился в штаб училища. В приёмной сидело пять человек, и я сразу понял (это было именно во время кампании против врачей-предателей), что это все евреи. Все сидели настороженно. Я был на втором курсе, кто-то с третьего, кто-то с первого. Нас пригласили в кабинет (этот же лейтенант, который меня нашёл в библиотеке). Полковника Третьякова я до этого не видел. Он был, знаете, как доска — очень-очень худой. С орденскими планками (офицеры училища почти все воевали). Нас рассадил, и он сказал: «Зачем я вас пригласил? Сейчас идет «Дело врачей», и вы как евреи можете подвергаться каким-то насмешкам, оскорблениям. Я вас очень прошу,

вы не должны этого ничего чувствовать, и если что-то такое будет, вот — лейтенант такой-то, это мой адъютант, которому вы должны немедленно доложить. Он доложит мне, и мы примем меры, чтобы ничего подобного не происходило». Я чуть не заплакал... Никогда не забуду эту фамилию — Третьяков. Вот такой порядочный нормальный человек! Правда, в моей роте не было никаких инцидентов. Ощущалась какая-то тревожность, но почти без высказываний. По взглядам некоторых курсантов чувствовалось отчуждение, недоброжелательность — разные были люди, естественно.

Как я попал в училище? Я думаю, что в такие простые военные училища не было такого уж запрета на евреев.

Что касается самой службы: я кончил училище, и меня направили на флот в Севастополь — в береговую оборону Черноморского флота. Севастополь тогда был закрытый город. После отпуска я приехал в Севастополь, мне дали комнату в офицерском общежитии. Я был комвзвода. Но это было время после 20 съезда партии, уже шло разоблачение Сталина. А мой взвод на 70% состоял из ребят из Грузии. Они всё время задавали вопрос: «Почему Хрущёв молчал, когда Сталин был жив?!» Я отвечал, как мог. Этот вопрос стоял во всей роте, у нас много было грузин. Командир роты был замечательный человек — капитан Савостьянов — старый холостяк. Савостьянов выстроил роту и сказал: «Я знаю, вы всё время задаёте вопрос, почему Хрущёв молчал. Он молчал, потому что боялся. Если этот мой ответ кого-то из вас не удовлетворяет, прошу

выйти из строя». И никто не вышел. Он сказал: «Вот видите, я не Сталин, я бы ничего с вами не сделал, но вы уже боитесь. Вот так и Хрущёв боялся». Потом мы пошли с этим капитаном, выпили (мы дружили, я тоже был холостой).

В Севастополе я отслужил три года. После этого меня перевели на Камчатскую военную флотилию. И тут есть интересный момент: хотя я не был связистом, но попал на узел связи. У меня был взвод, обеспечивавший безопасность этого узла связи. Командиром узла связи был капитан первого ранга Урисман. Он никогда не касался еврейской темы, подчёркнуто не касался. Никогда со мной, как с евреем, не общался. Всячески избегал проблемы антисемитизма. Потом его куда-то перевели, и вместо него пришёл полковник... Табакман. Табакман, наоборот, обрадовался, что я еврей! Вечером, после службы мы собирались у него в кабинете, он приглашал меня с женой (я уже был женат), сидели, говорили об Израиле. Вот разница двух военачальников-евреев, которые совершенно по-разному вели себя по отношению к тому, что они евреи.

Три года я прослужил в Севастополе, три года на Камчатке, я уже был старший лейтенант, но служба мне уже надоела. Я забыл сказать, что та девочка, из-за которой я пошёл в училище, вышла замуж за курсанта нашего училища, который окончил его на год раньше меня. В результате я прослужил десять лет в армии — был наказан за любовь...

К тому времени, ещё с Севастополя я уже писал и публиковал рассказы,

очерки. А тут началось сокращение вооружённых сил, объявленное Хрущёвым, но всё же до 40 лет не сокращали, а мне не было и 30-ти. Но был Табакман... и я ему сказал, что больше не хочу, не могу служить. Тем более, перед этим было жуткое землетрясение на Камчатке, народ массово покидал Камчатку. На самолёт, вот как сейчас это происходит в связи с мобилизацией, билетов не достать. В общем, Табакман пошёл к высшему начальнику, с которым он, видимо, был в дружеских отношениях, и рассказал ему про меня, и тот сказал, что попробует добиться разрешения на мое увольнение из армии. И через месяца два мне позвонили и сказали, что можно подавать документы. Я уволился. А уволенным положено было в течение полугода получить квартиру в любом городе СССР, кроме Москвы, Ленинграда и еще двух-трех городов. И поскольку моя жена окончила Кишинёвский университет, мы поехали в Кишинёв, я стал там на учёт, через восемь месяцев я получил двухкомнатную квартиру. У нас уже был сынишка — Марат.

С. Э.: Небезызвестный Марат!

А. Г.: Да. И нужна была какая-то работа. А я же оканчивал профтехшколу трикотажников и мог работать и токарем, и фрезеровщиком, и т. д. И я пошел фрезеровщиком на завод «Электроточприбор» (возможно, он еще существует в Кишинёве.)

С. Э.: Его уже нет, в Кишинёве закрылись все заводы, кроме предприятий пищевой промышленности.

А. Г.: Я устроился на этот завод, нормально зарабатывал. Потом я по-

ступил на заочное отделение в Кишинёвский университет. На заводе я проработал три года. А мой камчатский приятель, с которым мы на Камчатке ходили в литобъединение (он строитель, работал начальником строительного управления на Камчатке), написал мне открытку, что он работает под Питером, в Киришах, строит нефтеперерабатывающий завод. Он пригласил меня в гости. И в отпуск я решил поехать к нему. Мне уже надоело работать на заводе, я стал чаще публиковаться. Я приехал в Кириши, мне там очень понравилось: много молодёжи, прелестные девушки, жизнь кипела... В общем, я решил остаться. Он меня устроил диспетчером. Жене я написал, что остаюсь, но тогда я ещё не разводился. Прошёл год, я даже в отпуск приехал в Кишинёв, я просил жену переехать в Кириши, она отказалась. Я вернулся на стройку, через некоторое время познакомился с журналисткой из Питера и вскоре понял, что мы поженимся. Жена в Кишинёве была не против, нас развели, и я переехал в Питер. Поскольку я уже публиковался, меня взяли на работу — в Питере тогда была еженедельная газета «Строительный рабочий». Зарботок был маленький, у жены был приличный долг — её бывший муж оставил трёхкомнатную кооперативную квартиру с двухлетней неуплатой. Надо было срочно вернуть приличную сумму. Один наш знакомый сказал, что есть только один способ прилично заработать пишущему человеку — это кино, это «Ленфильм». А у жены на «Ленфильме» был знакомый редактор, она давно с ним не общалась, но, когда позвонила, оказалось, что он за эти годы стал главным редактором

одного из объединений «Ленфильма». Мы пришли к нему, я рассказал ему несколько сюжетов из жизни большой стройки, один ему понравился. Он велел написать первый вариант, и, если окажется интересно, получите аванс. Сценарий тогда стоил шесть тысяч рублей, аванс две тысячи. Это было очень прилично, мы могли расплатиться с долгами... В общем, мы вдвоём написали расширенную заявку, ему всё понравилось, он дал почитать режиссёрам. Был такой режиссёр — Леонид Менакер — он сказал: «Я это буду делать».

Менакер был наш ВГИК! Писать мы умели, но как писать сценарий, не знали, Менакер нам помог. Вышел художественный фильм «Ночная смена». Фильм был довольно интересный. Была прекрасная рецензия в журнале «Искусство кино».

Во время работы над сценарием, когда я рассказывал эту историю, она мне очень нравилась. Сюжет был такой. Бригаде строителей закрыли наряды за месяц очень плохо, меньше, чем они ожидали и чем должно было быть. Бригадир — пожилой человек — в это время болел (что-то с сердцем), и они решили в знак протеста не принимать бетон. Ночная смена, привезли бетон, и они сказали, что не будут его принимать, пока начальник участка не перепишет наряды. Диспетчер позвонил болевшему старику-бригадиру, он прибежал, несмотря на болезнь. А разволновался он так, потому что его сестра жила в Новочеркасске, где было знаменитое восстание рабочих, и сына сестры застрелили во время укрощения восстания. Он прибежал, рассказал им эту историю, он был очень

напуган, выматерил их. Они начали принимать бетон А потом, в эту ночь, старик-бригадир умер... Это был реальный случай. Но тут был главный мотив — страх бригадира, их могли обвинить в забастовке. Про это нельзя было писать. Но, когда мы написали, не упомянув об этом страхе и его причинах, история стала скучной. И тогда мы с женой, Татьяной Калецкой, придумали способ, который мы потом использовали ещё в нескольких сценариях. Я сказал жене: «Таня, мы будем сейчас писать так, как будто нет никакой цензуры. Вот, как я это знаю, так и буду просто тебе диктовать». Действительно, я продиктовал правду, все как было на самом деле, потом мы изъяли абсолютно недопустимое, но всё равно дух правды остался. И так мы сделали ещё два фильма. И фильм «Премия» я тоже так писал. Сначала полная правда, без учета цензуры, а потом крайности приглушали. В условиях цензуры это очень хороший прием для сохранения духа правды в тексте.

В общем, Менакер снял кино, в роли бригадира снялся Толубеев, мы поправили своё финансовое положение и написали следующий сценарий вдвоём «Ксения, любимая жена Фёдора». Его до сих пор показывают, режиссёр Виталий Мельников.

Надо сказать, когда мы работали, мы жутко ругались. И дело дошло до того, что стало понятно — или мы должны развестись, или мы должны прекратить работать вместе. Мы решили, что будем работать по отдельности, помогая друг другу. Тогда я один без Тани написал «Премии».

С.Э.: Александр Исаакович, а что вы изъяли из «Премии» из того, что было в первоначальном варианте?

А.Г.: В идеальном варианте первая часть заседания парткома происходила без Потапова. Его просто хотели вызвать и поставить в известность о принятом решении: действия бригадира осудить, тем более, что половина бригады, пока они заседали, премию получили. С рабочими поработали, напугали.

С.Э.: Это была реальная история?

А.Г.: Да, это была реальная история. Мало того, потом оказалось, что таких историй было несколько. Но самое интересное, что после фильма, в Варшаве сотрудники одного института, посмотрев этот фильм, отказались от премии. Но самыми интересными были две оценки этого фильма: Брежнев на съезде партии, не называя фамилий ни режиссёра, ни автора, похвалил этот фильм. Это было совершенно неожиданно. Но ещё более неожиданным оказалось, что бунтовщик Лех Валенса в одном из выступлений признался, что на него большое влияние оказал советский фильм «ПРЕМИЯ». Этот фильм прибавил ему решительности. Таким образом наш фильм понравился и главному коммунисту, и главному антикоммунисту тех лет. Сценарий был классный, хотя я никогда не учился сценарному делу. Потом были фильмы и спектакли: «Мы, нижеподписавшиеся», «Обратная связь», «Наедине со всеми», «Зиннуля», «Скамейка». Последняя моя пьеса — «Эйнштейн и Маргарита», премьера состоялась в июне этого года. Играют замечательные артисты:

Ксения Раппопорт и Алексей Серебряков.

С.Э.: Александр Исаакович, вы уже затронули тему цензуры, расскажите для тех людей, которые выросли после 1991-го года (в настоящий момент они уже начинают понимать — мы жили в советское время, но думаю, ещё не до конца), как работал механизм советской цензуры? И ещё важный вопрос — вы сами уже затронули этот сюжет — расскажите о самоцензуре: как вы понимали, что пройдёт, а что не пройдёт?

А.Г.: Да, молодые авторы слабо представляют себе, что такое жесткая цензура, но в последнее время цензура в России все увереннее возвращается. Приходилось прибегать к разным уловкам, чтобы протиснуться сквозь цензуру. Например, в «Премии», чтобы высказать пусть не все, но многое о том, как я воспринимал советскую власть, я передал мои мысли бригадиру Потапову. Это помогло продвижению картины. Ведь власти все время твердили: «Нам нужны фильмы про рабочих». А я знал хорошо жизнь рабочих, я работал на стройках, на заводе. Среди рабочих были толковые, умные мужики. Тем не менее, фильм первому секретарю Ленинградского обкома КПСС Романову не понравился. Но председатель Госкино послал фильм на дачу Косыгину, которому «Премия» пришлась по душе. И он уже поздравил Романова с выходом на Ленфильме серьезной полезной картины. Прохождению моих текстов помогало и то, что мои работы ставили известные режиссеры театра и кино: Товстоногов, Ефремов, Галя

Волчек, Татьяна Лиознова, Сергей Микаэлян, Валентин Плучек. Им было сложно запрещать. С Ефремовым мы очень близко сошлись пониманием жизни. Мы отдавали себе отчёт в том, что в СССР перемены могут произойти только сверху. Снизу будет подавлена любая серьёзная оппозиция. И мы, исходя из этого, стремились подготовить общество, наших зрителей к возможности такого рода перемен. Был такой спектакль «Обратная связь», где я изобразил одного из секретарей обкома порядочным человеком, его в МХАТ играл Смоктуновский. Во время репетиции Смоктуновский отозвал меня в сторону и говорит: «Саша, я вас очень уважаю, но скажите, вы в жизни встречали таких секретарей обкома, как мой герой? Роль интересная, но просто у меня такое ощущение, что...» Я говорю: «Ну, во-первых, я встречал нормальных людей в партийных органах. Во-вторых, я уверен, что там не может не быть таких людей. А в-третьих — мы поможем, чтобы такие люди там чаще появлялись». Он: «Нет, нет! Наверно вы правы, только Ефремову не говорите, что я об этом с вами говорил». Потом, когда пришёл Горбачёв к власти, был какой-то его юбилей, и он подошёл ко мне и говорит: «Саша, оказывается, я тогда играл Горбачёва». И обнял меня.

Цензура в 70–80 гг. была уже отчасти формальной. Скажем, в спектакле «Обратная связь» была такая реплика: «Начальство, когда хочет — открывает глаза, когда хочет — закрывает глаза». Эта фраза не понравилась в минкульте, и Ефремов сказал: «Хорошо, мы её выкинем». Но выкинули только на три представления.

После трёх спектаклей мы её вернули, и никто больше не смотрел. Не было уже въедливой цензуры. Она была формальной. У цензоров уже не было большого куража. В провинции ещё появлялись свирепые цензоры, а в Москве, в Питере это были просто люди, которые получали зарплату, занимали эту должность, и не хотели её терять. После Хрущёва цензура скорёжилась.

Но была совершенно неожиданная история с пьесой «Скамейка». Её не утвердили в план МХАТа. Ефремов попросил министра культуры Демичева прочитать пьесу и уточнить, в чём дело. Демичев прочитал и пригласил Ефремова, Ефремов сказал: «Пойдём со мной». Пришли, помощник говорит: «Олег Николаевич, мы приглашали ВАС». Ефремов отвечает: «Я пришёл с автором, пусть отчитается министру, если пьеса не понравилась». Помощник зашёл, и Демичев, приняли нас обоих. Причём, министр на меня почти не смотрел, только на Олега Николаевича. Они сначала решали какие-то хозяйственные вопросы по МХАТу, а папочка с пьесой лежала в стороне. По тому, как он эту папочку приблизил к себе, я понял, что дело плохо. Он говорит: «Олег Николаевич, я прочитал пьесу. Вы знаете, МХАТу не надо ставить такую пьесу. Ну, что тут за герой? Проститутка и какой-то человек, который... Ну, не надо таких героев во МХАТе». Ефремов говорит: «Извините, но я иначе вижу эту пьесу, я уже распределил роли. Будут играть Табаков и Доронина. Мы вас пригласим до премьеры, чтобы вы посмотрели». «Знаете, что я свои замечания передам заместителю (замминистра культуры был Зайцев),

вы с ним встретитесь и обсудите. Но я против». В общем, Зайцев долго читал. Уже сезон прошёл, пьеса в том сезоне не вышла. Зайцев пригласил нас обоих. Но Зайцев, наоборот, отстранил Ефремова, а всё внимание ко мне. И говорит: «Александр Исаакович, вы написали прекрасные пьесы и напишете ещё прекрасные пьесы. А это брак. Ну, бывает, у каждого писателя бывают неудачи». Ефремов говорит: «Послушай, это всё, что ты можешь сказать?» (он был на ты с ним). «Олег Николаевич, эта пьеса не может идти. Министр же вам ясно сказал. Я прочитал и согласен с министром». И мы ушли. Но Ефремов настырный, он позвал Доронину и говорит: «Таня, ты идёшь на приём к Демичеву — не надо записываться, — он приходит к половине десятого, а ты иди к половине девятого и сидишь, скажешь, что хочешь встретиться с министром. И скажешь: «Вот, мне очень нравится эта пьеса! Какая она там проститутка? Что вы! Мы вас пригласим»». И он согласился разрешить репетиции. Потом пришел с помощником смотреть спектакль. Я был с женой, было несколько человек в зале. Он смотрел спектакль, записывал какие-то замечания. Доронина с Табаковым вышли после спектакля, он пожал им руки, разрешил. .

Цензура явление мерзкое.

С.Э.: Как сейчас обстоят дела с новой пьесой?

А.Г.: Цензура сейчас в России свирепствует. Целый ряд спектаклей закрыли. Наш спектакль «Эйнштейн и Маргарита» пока не трогают. Может быть дело в том, что и я, и арти-

сты, хотя высказались однозначно против войны с Украиной, тем не менее, из страны не уехали. Возвращение к цензуре есть преступление против культуры. А ведь цензура в свое время распространялась не только на литературу, но и на науку. Мы знаем историю кибернетики, генетики. Почему наша наука сейчас отстала? Только из-за цензуры в отношении этих двух важнейших наук.

С.Э.: Вы упомянули, что положительный секретарь обкома в виде Горбачёва пришёл к власти, и я понимаю, что вы были в годы перестройки в эйфории, считали, что можно что-то реально изменить, писали много статей. Расскажите, пожалуйста, про это период. Не было ли у вас потом после 91-го года разочарования?

А.Г.: Как я познакомился с Горбачёвым, когда он переехал работать в Москву? Мне звонит главный режиссёр «Современника» Галя Волчек и говорит: «Знаешь, тут к нам в театр придет секретарь ЦК Горбачев с женой, на твой спектакль... (у них шла моя пьеса «Наедине со всеми»). Приезжай». Я приехал к концу спектакля. Я не знал, кто такой Горбачев, Галя узнавала — секретарь ЦК по сельскому хозяйству. Кончился спектакль, Горбачёв с женой вышли. Галя нас познакомила, выпили чай. Они поблагодарили, но ничего конкретно о спектакле не сказали. Возможно дело было в том, что до этого вышла плохая рецензия на спектакль в «Правде». Они были сдержанны. Но вот тогда состоялось знакомство. Потом, когда он пришёл

к власти, я написал статью в «Литературной газете» — большую, на целую полосу — «Что сначала, что потом». И через несколько дней после этой публикации, Горбачёв, выступая в Краснодаре, привёл цитату из моей статьи. На это тогда, естественно, все обратили внимание. Потом он пригласил разных писателей — меня в том числе — на встречу, где он говорил о гласности, перестройке. Конечно, я был среди тех, кто активно поддержал политику перестройки, гласности. В те дни я познакомился с Александром Яковлевым, одним из главных идеологов перестройки. Александр Николаевич замечательный человек, прекрасного ума собеседник. Я в то время забросил театр, занимался публицистикой, вникал в политические коллизии, занимал активную позицию. Был избран народным депутатом СССР, меня выдвинули от Союза кинематографистов. Я вошел в знаменитую в ту пору МГД, Межрегиональную депутатскую группу, первую легальную оппозицию в СССР. Потом был путч. Потом Горбачев сложил с себя обязанности президента. Мы с Ефремовым поддерживали Горбачева в тот сложный для него период жизни. С режиссером Виталием Манским мы сняли два больших документальных фильма о Михаиле Сергеевиче. Мы подружились и дружили до последнего дня его жизни. Разочарования не было, мы реально видели огромное значение, которое сыграла Перестройка в мире и в России, несмотря на уход Горбачева. Я понимал, что это была революция сверху, и она не могла изменить жизнь общества коренным, фундаментальным образом. Но, конечно, я надеялся, что дурные перемены не

обретут современный, сегодняшний зловещий характер.

Он как личность, как человек, особенно после того, как потерял власть, вёл себя очень хорошо и много чего сделал: выступал, лекции читал. Участвовал в работе планетарных организаций. Я считаю, это была, несомненно, светлая личность. Его дед тоже был репрессирован как кулак. Он удивлялся, что это ему не мешало выдвигаться и расти в партии. Он подтвердил, что перемены у нас могут произойти только сверху. При Хрущёве были перемены — Оттепель; при Горбачеве — Перестройка. Я полагаю, что и дальше, и сегодня перемены будут сверху, может быть один-два раза еще. Более того, сейчас возникают проблемы с демократией. Дело в том, что теперешние обстоятельства в мире могут потребовать меры, которые могут сильно урезать демократию. Сейчас, думаю, всё человечество стоит перед необходимостью найти такой способ управления, чтобы он был и демократический, и в то же время, чтобы меньшинство имело возможность в определённых случаях настоять на своей позиции, вопреки позиции большинства. Явно требуются сегодня какие-то зачатки мирового правительства для управления некоторыми видами опасной для всех деятельности. Мы видим сейчас, что при нынешнем оружии, без какого-то мирового центра власти, атомные войны могут стать страшной, губительной реальностью.

С. Э.: Хочу задать ещё один вопрос. Во время путча 1991 года путчисты не решились стрелять по Белому дому, а когда Ельцин в 1993 распустил Верховный совет, то демократы

стали стрелять по Белому дому, и вы в то время подписали письмо группы писателей в поддержку Ельцина. Расскажите, какими мотивами вы тогда руководствовались, и как вы считаете сейчас — правильно ли вы тогда поступили?

А. Г.: Я объясню. Тогда мотивы были для меня ясными. В Белом доме гуляли антисемитские деятели — генерал Макашов, не скрывавший своих антисемитских намерений (потом оказалось, что он чуть не еврей или полуеврей). И для меня тут не было другого выбора. Я считаю, что каждый еврей при возникновении малейшей опасности чего-то наподобие холокоста должен решительным образом выступать против. Я понимал, что если придут к власти руководители, которые поощряют таких людей как генерал Макашов, для евреев в России это будет беда. Поэтому я и подписал. И я до сих пор совершенно не раскаиваюсь по этому поводу. Я, кстати, много раз уже об этом говорил. Тут не о чем раскаиваться. Что касается Ельцина, то ситуация была такая — Ельцин, конечно, много сделал дурного, фактически алкоголик, стоявший у власти. Хотя при нём произошли многие важные положительные перемены, особенно в Европе, особенно в Германии. При Ельцине произошло объединение двух Германий и много чего другого позитивного (смотря, с какой точки зрения смотреть, конечно). Но именно при Ельцине многие республики, в том числе Молдова и Прибалтика, да собственно все республики получили независимость.

В том, что развалился Советский Союз, виноваты не Горбачев, не Ель-

цин — виновата свобода, которая при них стала реально возможной. Все, кто яростно выступает против получения республиками СССР независимости — это люди, которые хотят насильственного восстановления империи. Мы это видим сегодня в Украине. Конечно, было бы хорошо, чтобы традиции дружественного взаимодействия людей искусства и людей науки этих стран, сложившегося тогда вопреки власти КПСС, продолжалось (в некоторых отношениях и продолжается). В целом, Советский Союз распался благодаря свободе, когда люди получили возможность действительно свободно выбирать своё руководство. Да, были моменты, когда элитные группы республик стремились к свободе ради того, чтобы самим получить определённые привилегии, высокие должности. Это привело к разным результатам в разных республиках, но это уже было делом граждан этих республик. Я дружу с Ионом Друцэ. Последнее время он болеет, мы не видимся, но прежде мы много беседовали о Молдавии, о её непростой судьбе, о возникшем сложном выборе между присоединением к Румынии и сохранением своей самостоятельности, независимости. Я интересуюсь делами Молдавии, но поскольку не живу в Молдавии, не берусь высказывать определённую, однозначную позицию. Одно только могу сказать: другие страны, включая Россию, не должны мешать молдавскому народу определять свое настоящее и будущее.

С. Э.: Поделитесь, пожалуйста, вашими творческими планами.

А. Г.: Я обязан в своих творческих планах учесть то, что мне осталось

жить недолго. Даже не то, что жить — может жить буду и долго, но творческие силы слабеют. Я, конечно, стараюсь их сохранить и даже приумножить — на старости лет я стал поэтом, у меня уже вышло три книжки стихотворений, несколько лет назад даже оказался «Поэтом года». Недавно состоялась премьера моей новой пьесы «АЛЬМАР» / «Эйнштейн и Маргарита»/. В будущем году мне исполнится 90 лет, выйдут две новые книги. Может что-то еще, новая пьеса. И есть у меня один очень, как мне кажется, интересный и серьезный замысел. И я, пожалуй, вкратце, очень вкратце им поделюсь.

Я много думал о том, как помирить США и СССР, теперь США и Россию. Что тут, на мой взгляд, является главным препятствием? Так исторически сложилось, что между этими двумя странами существует глубокое взаимное недоверие, глубокая взаимная подозрительность. Отсюда шпионаж, разведки, время от времени (как при Горбачёве) происходит какое-то замирение, но основы конфликта остаются, и поэтому всё равно враждебность возвращается. Основа конфликта — взаимное недоверие: всё время думают, что «они там что-то делают против нас». И на самом деле что-то в этом роде происходит. Посольства фактически превратились в гнёзда шпионажа. Требуется какие-то другие взаимоотношения и не только между этими двумя странами. Но я думаю об этих двух странах, и у меня возникла (как я считаю) интересная идея. Она сначала возникла как политическая идея. Но потом я понял, что нет еще политической зрелости такого уровня, чтобы она сразу была возможна

как реально политическая. Сначала, очевидно, нужно какое-то художественное её воплощение. В чём она заключается? Она очень простая: российский народ выбирает российского вице-президента США, а американский народ выбирает американского вице-президента России. Предварительно обе стороны вносят необходимые изменения в конституциях, принимаются некоторые новые законодательные акты. И вот происходят выборы тут и там в одни и те же сроки — выбрали нашего и их. В один и тот же день наш прилетает в Вашингтон, а американский в Москву. При этом здесь самое главное то, что ни перед нашим у них, ни перед американским у нас нет абсолютно ничего секретного ни в настоящем, ни в прошлом. Они визави присутствуют на всех совещаниях, заседаниях, читают самые прежде секретные материалы и о прошлом и о настоящем. Ничего тайного, ничего секретного для них нет, то нет соответственно для руководства России и США. Два человека с определённым штатом фактически начинают ликвидацию взаимной подозрительности, секретности, отпадает потребность в шпионажах. Начинается новая пора, взаимно честная, с большими перспективами взаимного сотрудничества, взаимного доверия.

Практически, убеждали меня политики разных стран и направлений, такая перестройка невозможна. Выходит, атомная война возможна и допустима, а разумная реформа взаимоотношений между двумя странами невозможна и недопустима. Конечно, это печальная, трагическая истина. Но это истина, это правда реальной жизни. Поэтому я предлагаю снять

телесериал, как такая перестройка произошла, как будто произошла, чтобы люди увидели, убедились, что такого рода перемены в мире, хотя и трудны, непривычны, но все-таки вполне возможны. Я уверен, что такой сериал возбудит общество — ёлки-палки, таким достаточно простым путём можно многое решить, нужна только воля, нужна только готовность не бояться. Да, будет, конечно, стыдно за разные замыслы в прошлом, которые станут известны, причем обе стороны в этом отношении, я уверен, будут выглядеть одинаково чудовищно.

Я всё время думал и думаю об этой идее — какой фильм это может быть,

как его сделать. Если бы нашлась какая-то команда сценаристов и режиссёров, я был бы готов участвовать по мере сил и возможностей. Это был бы, по-моему, очень полезный фильм, очень полезный сериал, который показал бы, что всё же возможно то, что кажется невозможным.

С.Э.: Мы выпустим это в эфир. А вдруг у нас найдутся партнеры для вашего замысла. Кто-то сказал, что история — это процесс воплощения утопий.

Спасибо Вам за интересное содержательное интервью.

«Я ПОНЯЛА, ЧТО ПАМЯТЬ — ГЕНЕРАТОР ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО В ЧЕЛОВЕКЕ».

Интервью с Е. С. Твердисловой

Известная писательница и литературовед Е. С. Твердислова делится воспоминаниями из своей семейной памяти. На жизнь ее семьи огромное травматичное воздействие оказали Октябрьская революция и сталинские репрессии. Писательница делится впечатлениями о ее нынешней жизни в Израиле, об отношении к людям, пережившим Холокост. Много внимания в интервью уделено личностям и творчеству Цветаевой и Бродского.

Ключевые слова: семейная память, сталинские репрессии, Холокост, Израиль, Россия, Цветаева, Бродский.

Сведения об авторе: Твердислова Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, писатель, литературовед, переводчик с польского языка.

Контактная информация: helenatverd@gmail.com

Автор книги: *Поэзия:* «Стихи, написанные для одного человека», М., 1994; «Иерусалимские строки. Без тебя и с тобой», М., 1996; «В гостях у птиц», Иерусалим, 2020). *Проза.* Романы: «Рисунок тени», М, 2005; «Сего дня — сегодня», М., 2008; свыше 150 рассказов разных жанров (сипуры, биографизмы, замыслы) — публикации в России, Израиле, Польше («Литературные автобиографизмы. Сюжеты на страничку», Kraków, 2015). *Литературоведение:* Вацлав Гавел: Литературный портрет (в соавторстве с И. А. Бернштейн), М., 1992; «Венок из васильков и руты: Адам Мицкевич в переводах Филиппа Вермеля», М., 2004; «Наедине с одиночеством. Папа Римский Иоанн Павел II. Литературный портрет», М., 1995; «Чужая тайна: о Чингизе Гусейнове — писателе и азербайджанце. Литературоведческий роман». М., 1996; «Фотографичность в поэзии Бродского как событие мысли», М.-СПб., 2021. А также около 100 статей о И. Бродском, русской и польской поэзии и литературе, философии и др. *Переводы с польского языка: Поэзия:* Марек Скварницкий. Интенсивная терапия. Избранное». М., 2012; а также Папа Римский Иоанн Павел II (Кароль Войтыла). Избранное в двух тт. : стихи, пьесы, научные труды и др., М., 2003; Он же. «Личность и поступок. Антропологический трактат», М., 2010; Юзеф Тишнер. Избранное в двух тт. («Мышление в категориях ценности», «Философия драмы», «Спор о существовании человека»), М., 2005; Роман Ингарден. «Книжечка о человеке», М., 2010; Кшиштоф Михальский. «Логика и время. Хайдеггер и современная философия», М., 2010; Он же. «Пламень вечности. Эссе о мысли Фридриха Ницше», М., 2012; Анджей Валицкий. «Россия, католичество и польский вопрос», М., 2012; Тереза Оболевич. «От имяславия к эстетике. Концепция символа Алексея Лосева», М., 2014. Эльжбета Тоша. «Состояние сердца. Три дня с Иосифом Бродским», М.- СПб., 2017 (Серия «Книга света»); Иоанна Ольчак-Роникер. «В саду памяти», М., 2006.

"I REALIZED THAT MEMORY IS THE GENERATOR OF THE HUMAN IN A PERSON".

Interview with E. S. Tverdislova

A well-known writer and literary critic Elena S. Tverdislova shares memories from her family memory. The life of her family was greatly traumatized by the October Revolution and the Stalinist repressions. The writer shares her impressions about life in Israel, about the attitude towards people who survived the Holocaust. Much attention in the interview is given to the personalities of Marina Tsvetaeva and Joseph Brodsky.

Key words: family memory, Stalinist repressions, Holocaust, Israel, Russian culture, Marina Tsvetaeva, Joseph Brodsky.

About the author: Tverdislova Elena S. — Ph.D. in Philology, writer, literary critic, translator from Polish.

Contact information: helenatverd@gmail.com

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э.: Расскажите о вашей семейной памяти: как глубоко она простирается и как повлияли на неё сталинские репрессии?

Е. Т.: Травматичность памяти в нашей семье началась с Революции, которая очень быстро наложила на всех свою лапу: на каждого по-своему. Начну с материнской стороны. Я разобралась во всех наших корнях и теперь знаю гораздо больше, чем знали мои родители, во многом двигаясь по сложившейся легенде. И мне страшно обидно, что их уже нет в живых. Почему-то считалось, что дед у нас (для нас с сестрой прадед), который приехал с Украины, с него начинается для нас отсчет — других предков не знаем, был украинцем. Но я слышала, что его звали Василий Самуилович, и однажды спросила у мамы, откуда отчество. Она ответила, мол, это же имя библейское, что меня удивило: «С каких пор на Украине украинцев называют библейскими именами? Этого нико-

гда не было». Но только теперь, когда я получила (благодаря отцу, который сохранил) и вывезла весь архив семьи, наткнулась на свидетельство, удостоверяющее, что он менял фамилию. Я спросила Чингиза¹: «Был Касапкин, а стал Косупко, в 80-м году. Какая разница?». Он ответил: «Побег из черты оседлости». Всё встало на свои места. Фамилия была типично еврейская для украинских земель, а прадед уже входил в силу как бизнесмен (тогда говорили — промышленник). Думаю, он крестился, чтобы бежать, и они с прабабушкой приехали в Москву, осели в Останкино, известной еврейской слободе, купили там землю и быстро превратили ее в поместье, с барским домом, садом-огородом, конюшней и т. п., а в городе была хорошая квартира на Таганке, где выросли их дети. Квартира перешла сыну, моему деду, когда тот женился и привез из Екатеринослава (название сохранялось до 1924 г.) невесту, будущую мою бабушку. С того времени его

¹ Интервью с Чингизом Гусейновым см. в этом же номере журнала (прим. Редакции «ИЭ»)

родители прочно осели в Останкино. Любопытная деталь: когда нас с сестрой, маленьких, привозили на дачу — так теперь назвалась их усадьба, в гости к прабабушке Ольге, которая жила с дочерью и нянькой Агафьей, нас поприветствовать обязательно выходила какая-нибудь еврейская семья, которая временно проживала в домике — бывшей конюшни. И это, опять же, не обсуждалось.

У прадеда его дело началось с текстильной фабрики, он поставил ее сразу там же в Останкино. Недавно израильская подруга, занимаясь кружевом как промыслом, нашла в списке фабрик, действовавших до революции на территории главных городов России, их производство: «Трикотажная и красильная ф-ка». И хотя был указан другой их промысел — «вяз.фуфайки, окраска бум. пряжи», однако подняться им позволили (со слов мамы) рыболовецкие сети, которые ткали, а потом уже увлеклись кружевом. У нас дома этих кружев стояли мешки по углам. В доме начали капитальный ремонт, и мы с мамой их выбросили. Всё, что мешало ремонту (жили-то тесно), терзавшему нас целое лето 1961 года, мы выносили на помойку. Я вспоминаю об этом с ужасом. Более того, когда подошла очередь подоконников — добротных, тяжелых (их меняли на новые), обнаружили под ними огромное количество деловых бумаг, по которым мы могли бы в перестройку что-то себе вернуть. Были там и доллары. Но на предъявителя. Поэтому воспользоваться ими мы уже не могли. (Правда, я сыну дала их с собой в Израиль в 1991 году, и, кажется, он сумел их продать). Самое смешное, после такого капитального ремон-

та — меняли абсолютно всё: двери, окна, трубы, ставили ванны, через несколько лет дом сломали и нас выселили. Таков был хозяйский принцип властей. Но вернусь к прадеду, постепенно он обзавелся контактами с Вологодской кружевной промышленностью и со своими изделиями они уже выходили на мировые рынки... В доме у нас хранилась вязанная кружевная юбка «в пол», без единого шовчика — изысканная вязь цвета льна, прямо на меня. Носить ее не решалась. Но как-то к Чингизу приехала аспирантка, я ее ей показала и, увидав юбку, попросила её для Музея текстиля. Я согласилась, написала сопроводительную записку, указала фабрику, владельцев... Ныне от нее не осталось и следа. В 1917 году её экспроприировали и превратили в фабрику музыкальных инструментов. Отбирали всё, никто не сопротивлялся — бесполезно было, да и страх брал верх, боялись лишнее слово сказать. Интересно, что прадед — по сохранившимся фотографиям — всю жизнь выглядел как хасид: в неизменной черной шляпе, чёрном сюртуке, белой рубашке — завершала костюм длинная седая борода, — всё это пряталось за внешними атрибутами русской жизни. Вот одна сторона моей жизни — сразу скажу: драматическая. Советская власть феноменально умела разрушить не только наработанное ижитое, но и людей истребить: чистками и войнами.

Другая сторона (увы, не менее драматическая) — семья бабушки Клары, они жили в Екатеринославе, у бабушки было три сестры (Анна, Доя, Ева) и брат (Моисей, ставший Мишей): все они считали, что после революции, ликвидировавшей чер-

ту оседлости, получили огромную возможность для самореализации. В Екатеринославе они выросли и получили образование, до революции это был один из интеллигентнейших городов России. После революции перебрались в Москву (кроме Евы, она осела в Питере). Вся их семья была еврейская — тут уж не спрячешься. Их мама не работала; они жили в заметном достатке. Чем занимался отец, мы с моими родственниками так и не выявили. У них был свой дом, дети учились музыке у самого Генриха Нейгауза (жил с ними по соседству), прославившегося на весь мир созданной им методикой музыкального образования: к нему за консультациями приезжали со всего мира. Все его ученики, в том числе и мои Смотрицкие, прекрасно знали музыку, да и английский тоже. Доя до последних дней посещала концертный зал Консерватории и следила за карьерой уже сына — Станислава Нейгауза, или как они называли его между собой, Стасика, его мать (напоминаю на всякий случай) — Зинаида Николаевна, стала потом женой Пастернака. Бабушка Клара, которую мы с сестрой звали *бабуля*, проявляла большую начитанность, сыпала цитатами по любому поводу, всегда кстати, но начала медленно и неостановимо болеть — потом выяснилось, что у нее паркинсон, когда слегла. А в молодости Клара поступила в Одесскую консерваторию, где училась по классу вокала. у неё было колоратурное меццо-сопрано — редкий голос, такой был у Зары Долухановой, у нас в доме считалась кумиром. Так и слышу возглас взрослых: «Лена, помолчи, Зара Долуханова поёт!», — радио было включено круглые сутки. Бабуш-

ка, наверное, тогда находилась дома на каникулах, встретила с дедом, который лежал в госпитале в их Екатеринославе, а потом демобилизовался из армии, и влюбилась в своего ненаглядного Николеньку. А его еще в 1914-м году забрали на Первую мировую, которая в России плавно перешла в Гражданскую, он был ранен, по-видимому, в конце войны, лежал в госпитале, когда сюда вошла армия Буденного, Гражданская война заканчивалась, и его комиссовали. Я думаю, все эти войны его истерзали. Он был изящный человек. У меня долго хранились пепельница и чайничек для заварки чая, с которыми он ходил на Первую мировую... Когда я узнала, что эти вещицы прошли фронт, я оторопела. Они стояли у меня дома отдельно, но потом пепельницу забрала сестра и у нее она потерялась, а чайничек разбился. У родителей, надо заметить, все эти вещи авторитетом не пользовались, они вообще стремились купить всё новое и современное, а на самом деле — стандартное. Отец долго пользовался пепельницей деда, не придавая ей значения. Он вообще не скрывал своего удивления, когда заметил, что многие вещи я попрятила: «Мы это барахло выносим на помойку, а она оттуда таскает!»

Как встретились дед Николай с Кларой — к сожалению, не знаю. Но он сразу решил на ней жениться. И ее мать, моя прабабушка Мария-Писся, женщина очень строгих правил, поверила незнакомому молодому человеку?! Согласилась отпустить дочь с ним в Москву? Тогда никаких телефонов не было, письма шли долго, чтобы получить согласие его родителей, убедиться в его *порядоч-*

ности...Дочери же 19 лет! Догадка пришла молниеносно и простейшая: он ей признался, что еврей, рассказал их семейную тайну, которую не знать не мог. И всё! Других аргументов не существовало. Это единственное, что могло ее убедить. Кстати, я не нашла никаких сведений об их с Кларой бракосочетании, думаю, его и не было, хотя я массу документов из архивов получила, вплоть до свидетельства о ее рождении, выданного синагогой Екатеринослава. Дед в своей семье был первенцем, отец все надежды возлагал на него. Родители любили его сильнее всех, он и вправду был талантливее братьев (было еще двое — Алексей и Павел, и две сестры — Серафима и Мария), но он и раньше всех ушёл. После того, как на работе ему предъявили обвинение, дело передали в суд, он отказался от адвоката и выиграл его. Однако сразу после суда ему стало плохо, его увезли в больницу, где он вскоре умер. Ему было 48 лет. Возможно, это ему помогло избежать более горькой участи, потому что победа на суде лишь выигрывала время: вскоре за него снова взялись бы... Маме досталась от него антисоветская закваска и непреходящее горе: советская власть всё у его семьи отняла. И еще неутоленная любовь: он ее обожал, называл Рыбухой (или Рыбонькой). Когда нам с сестрой исполнилось по 16 лет, мама подарила ей сережки, а мне тонюсенькое колечко с крошечным бриллианчиком и заметила: «Папа мне подарил его на мое двенадцатилетие». Я не скрыла удивления: «Такой маленькой уже кольцо?». — «Ну, он считал, что я уже достаточно взрослая». И лишь приехав в Израиль, смекнула, что к чему: это же была бат-мицва! Так

что ненависть мамы к советской власти было чем питать. Конечно, на эту тему помалкивали. Но поскольку мой отец был более-менее лояльный (пытался им быть), правда, в партию вступил, когда ему было под 60, т.к. его ставили большим начальником на работе, он как-то лавировал. И их бесконечные споры по ночам в определённой степени меня сформировали. Мои студенческие подруги мне не раз говорили: «Ты у нас настоящая жертва революции! Все хоть что-то, но от нее получили, а твоя семья потеряла всё».

Сама по себе история скрытых семейных отношений больше рисует время чем то, что происходило в реальности с людьми. Конечно, бабушка с дедом Николаем были счастливы, он её просто боготворил, при всей своей сдержанности и легкой иронии, которую помнили в квартире, был значительно старше неё. После его смерти она помешалась. Сильнейший стресс у нее начался внезапно. Она радовалась, что дело выиграно, придя навестить деда в больницу, сразу пошла к врачу просить отпустить его домой — по просьбе Николеньки. А врач, внимательно посмотрев на нее, проговорил: «Голубушка моя, мы со дня на день ждем его смерти. У него надорвано сердце!». Она еле добралась до дома — началась желтуха, её немедленно увезли в больницу, в инфекционное отделение.

Восемнадцатилетняя мама осталась одна, с ней была соседка, которую она любила и звала Татаней (от тетя Наташа). Через несколько дней, как и предрекал врач, отец умер, хоронили его в Останкино всей родней.

Прошла неделя, и соседка говорит маме: «Я иду на рынок, вернусь, и мы с тобой поедим на кладбище». Принято было после похорон часто навещать ушедших. А через 15 минут возвращается со словами: «Танёчек, война!» Узнав про войну, бабушка, которую вскоре выписали, просто впала в прострацию. Целыми днями она сидела неподвижно, уставившись в одну точку. Мама её спешно увезла в эвакуацию. Опять же, помогли соседи. Они много доброго для нас сделали, не в пример, как правило, жуткому поведению проживавших в коммуналке. За бабушкой не раз прибегали, чтобы помогла уладить очередной вспыхнувший на чьей-то кухне скандал, часто буквально на ровном месте, она как-то умела ладить с разъяренными людьми. Соседи сохранили за нами комнаты, благодаря чему бабушка смогла, написав Косыгину и подтвердив, что наша жилплощадь пустует, вернуться из эвакуации, где кстати, мама встретила отца, которого забрали с 5-ого курса Бауманского и отправили поднимать военную промышленность в Красноярск.

Все в квартире так или иначе были травмированы советской властью, поэтому держаться за неё никто не собирался — все всё потеряли. Соседи с первого этажа, узнав, что начались подселения, решили прийти к нашим жить: лучше вместе, чем не понятно с кем. Отсюда ощущение некой родственной близости, которой мало кто в коммунальных квартирах мог похвастаться.

Как-то случайно я услышала, как маме говорила ее Татьяна: «Вы на Лену не давите, она умная», — и подумала:

«А разве они на меня давят? В принципе нет». И даже более того. Отец был на стороне всех моих книжных увлечений. Он меня не порицал, он знал, что я по ночам читаю; мама ругалась ужасно, а он покрывал. Бывало, утром будит меня в школу (в пять легла), я ничего не соображаю, а он мне тихо: «Читала опять?» — «Угу». — «Ну, спи, я записку напишу». Папа во мне это по-своему берег.

У него — любопытная родословная. Прежде всего — фамилия. Нам всегда говорил дед, что фамилия от имени боярина Твердислава, который служил Александру Невскому. Возможно, такой боярин был, не случайно мне на экзамене по древнерусской литературе наш педагог Николай Иванович Либан поставил пять, когда на вопрос, что я знаю про свою фамилию, я рассказала версию деда. Но потом я прочитала у Александра Михайловича Панченко об Исидоре Твердислове как одном из первых русских скоморохов. И неожиданное продолжение истории... Пару лет назад я нашла у себя на странице в фейсбуке отрывок из вышедшей книги русского философа В. Иванова «Похабы на Руси», где повествуется и об Исидоре Твердислове. Вкратце: заинтересовавшись тем, как на Руси говорят правду, этот немец прямоком из своей Германии, с одной Псалтырью на латинском в руках, явился сюда в самые лютые времена Ивана Грозного. Царю он понравился достойным поведением: не плевал в священников, не громил алтари, высказывался аккуратно — его и прозвали Твердислов. Между прочим, у нас фактически нет однофамильцев, более того, и отец, и дед

Саша, в свою очередь его отец, буквально были помешаны на чистоте и порядке: всё должно было стоять и лежать на одних и тех же местах, за столом отца я делала уроки, ничего со стола не то что брать, сдвигать не имела права, как и перекладывать. А вокруг отточенные карандашники, линейки, ластики (могла только облизываться) — сказывалась любовь к немецкому *ordnung*.... И всё это мне не помешало лет с 12 излазить всю внутренность его стола и там найти уйму того, что от нас с сестрой скрывали. Оказывается, отец был до мамы женат, но дочь усыновил второй муж его жены. Узнала всё: их имена, где живут, чем занимаются, ведь родители между собой о них говорили, полагая, что мы не поймем. Но у меня ушки на макушке... Когда я вышла замуж, отец решил посвятить меня в свои тайны, а я по молодости лет нетерпеливая, оборвала его: «Я всё знаю». И скороговоркой пересказала. «Давно?» — «Лет с двенадцати...». А было мне уже 21! Отец потерял дар речи.

Как-то он обронил, что, мол, его дед по линии матери (моей другой бабушки) был поляк и просил разузнать в Польше о нем, куда я стала ездить регулярно, занимаясь переводами с польского. Я знала, что он — Тадеуш Богушевич, и больше ничего, спросила у отца, кем он был и что делал. Отец чуть не возмутился: «Он же был товарищ (т.е. зам!) министра просвещения в Петербурге!» Я в ответ: «Поляки в Петербурге... — в те годы все были продажные. А настоящие уехали в эмиграцию, сразу, после разделов Польши, ведь её лакомое Королевство Варшавское (!) вошло в состав России. Кто

после этого пойдёт служить ей?» Раз — и отрезала. Мол, даже интересоваться не буду. Потом, конечно, мне было стыдно за мой ответ — ведь никаких подробностей я не знала — ничего не знала! Отца я своей категоричностью, безусловно, задела. И вот однажды, находясь в гостях у своей польской приятельницы, как-то обронила, мол, у моего прадеда фамилия Богушевич... А она мне с удивлением: «Это же известный польский аристократ! Можно разузнать поточнее», — и посоветовала «Золотую энциклопедию». Я полезла в нее и выяснила, что эти Богушевичи пришли в Польшу в XVIII веке как армяне (то ли по крови, то ли по вере), ополячились, нашла конкретно их семью, из пяти человек, и о самом прадеде — единственном, у кого не было семьи: официально он женат на нашей прабабушке не был, красавицу Прасковью даже выдали замуж — для проформы, она была из простых русских, жила в Вышнем Волочке. Но потому, какая досталась ее дочери, нашей бабушке Надежде после нее посуда, мебель (ее отец оставил соседям — я и пикнуть не успела!), а в придачу и портрет, свидетельствовало и о достатке, и о происхождении. Портрет молодой красивой женщины, в стиле Брюллова (как в задумчивости заметил однажды пришедший к нам в Переделкино электрик, который, оказывается, учился на искусствоведческом), висит теперь в нашей Цур-Адассе над пианино. А пан Богушевич остался холостым. Любопытно, что свою дочь он отдал в созданный пансион для незаконнорожденных детей российской знати, учрежденный Николаем II: девочкам давали отчество Ивановна и фамилию Иванова,

а мальчикам — Николаевич и Николаев. Несмотря на то, что я потом слушала в Венеции лекции на эту тему в связи с тем, что у них был большой пансион, в котором росли незаконнорожденные и получали всё то, что должны получать дети знатных и богатых, мои наблюдения за бабушкой Надеждой породили у меня двойственное чувство, потому что она была крайне спесивая! Ну, как же — к ним «на бал царь приезжал!»! Всех остальных можно было презирать. Я не помню, чтобы она чем-то увлекалась, а потом делилась этим с нами. Отца она, конечно, уважала и ценила, потому что он снабжал ее всё время деньгами, а нас она даже не любила. Мы с сестрой её так и звали «бабка Надя», не питая к ней никаких чувств. Я поняла, что подобное двойственное воспитание — не на пользу, а во вред. Другое дело — как воспитывать таких детей и как их не бросать... Наверное, не выделять как детей лишь высшего сословия. Но не только среди аристократов были подобные случаи. Аналогичной, например, была судьба Корнея Чуковского, отец которого его даже не признал. Однако приехал к уже взрослому сыну — видимо, познакомиться со знаменитостью, а Чуковский его выгнал. Меня это удивило — не ожидала такой реакции от Корнея Ивановича... Мне ужасно жалко, что, когда я была последний раз в Польше (еще до пандемии), мне сказали, что могут познакомить с потомками рода Богушевичей, фамилия живёт и поныне. Я тогда не успевала и отложила свой визит «до следующего раза»... Теперь-то я знаю, что следующего раза не бывает. И сейчас даже понятия не имею, живы ли те люди, которые хотели меня им представить.

К сожалению, в нашей семье это никому не было интересно, ни отец, ни мама этим не интересовались и уж тем более не занимались, да и я начала поиски, когда их не стало...

С. Э.: Боялись говорить!

Е. Т.: Конечно. Я вам больше скажу: бабка Надя повыбрасывала всё, что имело отношение к ее отцу, тому самому Тадеушу Богушевичу — прежде всего связанные с ним документы. Даже его фотография наполовину сломана, нижняя часть выброшена, так как именно на ней были запечатлены на его груди ордена. И все царские! «А вдруг его увидят, а вдруг ее посадят?!» Отец, архивариус по природе, даже не успел глазом моргнуть, как выяснилось, что ни бумаг, ни документов нет. А жаль — я по ним смогла бы получить в Польше гражданство. В то же время любопытно было наблюдать, как проявлялась в отце его аристократическая жилка, он считал, что именно в семье во всём должна быть справедливость, мог, например, дать по губам нам с сестрой, если мы дерзили бабушке, хотя сам с ней в это время не разговаривал. Помню, когда я была уже замужем и сын родился, вдруг приехала мама, которая разругалась с отцом и весь вечер мне на него жаловалась. Выслушивая ее, я осторожно спросила: «А может, вам лучше развестись?». И она мне с нескрываемым ужасом: «Ты что, он самый благородный человек из всех, кого я знаю!» В отношении меня с сестрой-двойняшкой он установил неукоснительное правило — никогда нас не разделять, чтобы всё было одинаково и поровну, прямо-таки железная справедливость: сделали

одной, делайте другой. И получалось иногда так, что, если наказывали одну, а бывало за что, другая тут же шла к ней и разделяла это наказание. Но тут вмешиваться родители уже не решались, получалось некое государство в государстве. Мы с сестрой были очень дружные: не то, что не дрались, даже не ссорились никогда, как-то умели друг другу уступать — родители от этого иногда даже терялись — мы никогда не признавались в грешных делах другой: *не знаю, понятия не имею* — и всё! Наше рождение спасло бабушку, утратившую к тому времени всякий интерес к жизни, по-видимому у нее была затяжная депрессия. Появление малюток в столь непредсказуемых обстоятельствах эвакуации встряхнуло ее. Представляете, в доме не было не то, что пеленок — похожего материала: выпаривали мешковину из-под сахара! Отец целый день на заводе. Здесь, в Красноярске, он работал при Королёве, они делали «Катюши», все сотрудники вокруг него были мощного накала. Отец работал по двадцать часов, приходил домой, несколько часов спал и снова бежал на работу. Но дома он, конечно, больше внимания уделял сестре. Она родилась слабенькой, недоношенной, и всё свободное время, пока не сваливался в сон, он держал ее на руках — тогда ведь не было никаких трубочек... Мои внуки, тоже двойняшки, причем первый крепкий и здоровый мальчик, второго матери даже не показали, а сразу положили на такого рода установки дополнительного питания, явно недоношенного: даже их вес совпал с нашим: 2.400 и 1.900 кг! Когда я пришла посмотреть маленького, я увидела крошечное тельце, увитое трубочками, включая нос,

и просто зарыдала. Ко мне тут же подошла медсестра и, взяв под локоть, повела к выходу, сказав, что время кончилось. Я оторопела: что это значит? В Израиле регламентируют время в таких больницах?! Спустя пару дней мне сын снова предложил навестить малыша: был час ночи, ему надо было что-то срочно отвезти жене. Когда мы туда вошли, я думала, нам предстанут по углам ночнички, а в огромной палате горел полный свет, кто-то из детишек орал, а медсестры ходили и смеялись. Почему? Потому что они взяли девочку на руки, а она начала писать прямо на них, во все стороны — они и умилялись. Вот тут я смекнула: нельзя плакать, в Израиле можно только смеяться, потому меня и выгнали! Это был для меня хороший урок. А тогда в Красноярске для нас не могли достать ничего: ни пеленок, ни распашонок, ни детского мыла... И вдруг сотрудника отца срочно посылают в Москву. Мама тут же дала наш адрес и сказала, что можно приехать туда и даже переночевать. И верно: сотрудника пустили. Когда он уезжал, соседка выбросила из его чемодана все вещи и напихала детскими, поясняя: «Вы переживёте, а девочек надо утеплять: у вас там зимы лютые!» Это родителей очень выручило.

Что еще запомнилось из того времени? Смерть Сталина... У нас в квартире у единственных был телефон на весь подъезд. Однажды он зазвонил ночью, звали нашего соседа по лестничной площадке — милиционера (он был, кажется, подполковник). Тот быстро что-то выслушал и, повесив трубку, произнес: умер Сталин. Все повыскакивали из своих комнат, я так и запомнила стоящие ночные

рубашки в полумраке, обсуждали, разумеется, будущее: что будет дальше. Никто не плакал. Говорили про лагерь и надеялись на амнистию.

Отец был в то время в командировке, а когда вернулся, глубокой ночью, я услышала его взволнованный шепот: рассказывал маме, как они с друзьями бежали по крышам до самого Дома союзов, а потом спустились и пробрались в Колонный зал. Мама его слушала-слушала и тихо так произнесла — вроде себе самой: «Это ж надо, такая гнида, а столько чести!» Отец, едва сдерживаясь: «Ты что?! Сошла с ума? Он же многое сделал для страны! Он выиграл войну». «Да какую войну он выиграл?! Где пропавшие без вести?» — у неё были к нему свои требования. Ее тетя по линии отца — Серафима, или, как она ее называла, Бабука (была к ней привязана), получила уже после 9 мая извещение, что ее сын Павел — такой же, как мама рыжий и с великолепным голосом, пропал. Из-за этого она даже пенсии по нему не получала, мол, а вдруг он там остался — подразумевалось, по-видимому? Запад же! Кстати, эта мысль мне тоже приходила в голову, ведь я всегда, оказавшись за границей и в первую очередь в Польше, ездила посмотреть кладбища советских солдат и нигде не нашла его фамилии. «Там у них», как говорила одна наша знакомая, не осталось незахороненных — в отличие от России, которыми завалены болота на Псковщине...

Так во мне возникала и укреплялась совсем другая система координат. Да к тому же я попала в поколение, которое было свободным. Начиная со смерти Сталина и дальше — страна

жила без особой идеологии. Когда я закончила школу, отец стал меня уговаривать пойти по его инженерной части. Тут он мог меня устроить. Но я сказала «нет». Я собиралась стать музыкантом, да сломала руку. На этом моя карьера кончилась. Разумеется, я могла быть музыковедом, педагогом — не все же становятся исполнителями, но меня уже завлек искус литературы — мой большой внутренний посыл. Отец пытался найти мне всяких репетиторов, но все твердили: «Не морочь девочке голову, она туда не поступит, потому что поступить туда нельзя!» Однако моя учительница литературы — ученица известного специалиста по Маяковскому и нашего, будущего преподавателя на факультете, Виктора Дмитриевича Дувакина, напутствовала маму, когда та пришла, растерянная, за советом, не зная, как меня отговорить: ей уши прожужжали, что, провалюсь в университет! Евгения Петровна её успокоила: «Пусть идёт, она поступит, там таких любят». Мама сопровождала меня на всех экзаменах, сидела в коридоре, где я сдавала вступительные, и неизменно ждала. Так прошел ее отпуск. Когда я без всяких рекомендаций поступила-таки в университет, родители гордились больше меня, почему-то уверенной в том, что обязательно поступлю, мне же хотелось там учиться! Отец на радостях повез меня в книжный магазин на Кузнецком мосту и, введя туда, произнес: «Покупай всё, что тебе надо!» Я оторопела: «Но ведь это — дорого!» — «Я взял ссуду». — «А ваш кооператив?», — на который они копили деньги, спокойно ответил: «Ты заслужила!» В отце снова заговорила его аристократическая жилка: он умел совершать благород-

ные поступки, от души, не отдавая себе в этом отчета. Хотя потом стал пить... У мамы была своя всё поглощающая работа — она преподавала хоровое дирижирование в училище при Консерватории, работала у Надеждиной в «Березке», уча балерин петь просто и красиво (за границу из-за отца ее тогда не пускали) во время их танцев, а потом создала хор таксистов — мужской, который пользовался большим успехом, с ним она побывала во всех соцстранах, в Грузии, кажется Прибалтике... Она умерла внезапно, после срочной операции по онкологии, в 1986 г. А спустя время я увидела про этот хор передачу на ТВ, где ее даже не упомянули. Но это уже были другие времена, и все думали, что жизнь начинают заново, что означало — можно чужое выдать за свое... Маму в училище студенты очень любили. Когда ее хоронили, в училище была организована торжественная гражданская панихида, ее друзья играли на разных инструментах, пел хор, на котором ее студенты тренировались, так вот, когда ее тело подвезли на катафалке к училищу, они его остановили и по Мерзляковскому переулку пронесли гроб на руках, как бы давая ей возможность проститься со знакомыми местами.

С. Э.: А куда вы поступали?

Е. Т.: На Филологический факультет МГУ. Русское отделение. Сначала я поступила на романо-германское, но увидав, сколько там надо заниматься языком, перешла на русское — мне хотелось изучать литературу. Отцу потом звонили те же его друзья, которые его отговаривали, и спрашивали: «Как тебе удалось? Как ты это сделал?», — а он отвечал,

что я поступила сама, однако никто не верил. Но такое было ровно один год, когда около преподавателей не лежали списки тех, кому и какую отметку ставить. Я же попала в поколение абсолютно открытое, честное, мы все до сих пор дружим — представить себе невозможно! — живя в разных странах, всё время общаемся, отзываемся, всё друг про друга знаем... С 1961 года!

С. Э.: Вы сказали, что ваш отец работал с Королёвым. Он что-то рассказывал о Королёве?

Е. Т.: Может, что-то и рассказывал, не запомнила. Королёв был человеком далеко не жёстким, и работать с ним было интересно. А, кроме того, Королёв себя не жалел, и для всех это был пример. Отец при нем чувствовал себя комфортно, но, когда тот уехал, ему на смену появились другие люди, он начал с ними, извините за выражение, собачиться. И проситься на фронт. Но его не пустили.

С. Э.: Вы рассказали о травматической памяти ваших дедушек и прадедушек. Расскажите теперь о своём травматическом опыте: как вашего сына призвали в Афганистан?

Е. Т.: Когда только началась афганская война, ему было уже 10 лет, я стала причитать: «Какой ужас! Как бы туда не попал мой Денис!» Мне возражали: «Какие глупости! Причём здесь он?!» Я: «Нет-нет, такая затяжная война. Ой, как это опасно!» И что в реальности оказалось? Выяснилось, что нас, родившихся во время или сразу после войны, было мало, а потому и наших детей тоже

оказалось мало. На самом деле для страны они были на вес золота. И вот этих детей, вместо того, чтобы холить и лелеять, по изданному приказу стали призывать в армию ВСЕХ, сняв заслоны и ограничения: где бы ты ни был и где бы ни учился — идёшь служить в армию, потому что, как говорила моя подруга, «дерьмографический взрыв». Я не знала, что делать, мысль об армии во мне всё время кипела. И мы начали искать ему убежище. Нашли какую-то часть, где было спокойно, по рекомендации близкого приятеля маминой подруги, генерала, который заметил: «Отсюда не берут и сюда никакие распоряжения не приходят» ...

С.Э.: Где находилась эта воинская часть?

Е.Т.: Под Харьковом. Мы ездили в Харьков на день присяги, и мои друзья, уже жившие тогда в Москве (отказники), но сами из Харькова, договорились, чтобы нам на один день уступили квартиру, и мы могли бы спокойно вместе посидеть. Но у сына оказалась маленькая каптёрка, и мы решили пообщаться тут. Так мы с ним скоротали время. А меня по-прежнему не отпускало ужасное предчувствие. И оно сработало... Это, конечно, была для меня не просто травма. Это был удар, который я никогда не прощу России. Потому что так обращаться с молодёжью, с теми, кто вообще чудом выжил, нельзя! Во всём этом есть безумная жестокость. И ощущение полного рабства. Кому была нужна эта война? Чего добились наша страна, вторгшись в Афганистан — абсолютно чужой и неизвестный край! Ничего нет страшнее незнания! Каждый день для меня

был испытанием, я ждала с минуты на минуту от Горбачева завершения войны и вывода войск, а он решил на это только тогда, когда ему Рейган кукиш показал — говорю резко, но суть ясна. Когда сын вернулся, его переполняли колоссальная благодарность и любовь к Горбачёву. А я возражала: Горбачёв такой же, как любая власть, все себе на уме, мои симпатии давно кончились. Как обычно, придя домой, сын всегда сначала заглядывал к нам, заходит в комнату, а по телевизору показывают, как Горбачёв сгоняет с трибуны Сахарова. Он знал о нем и его заступничестве за тех, кого отправляли служить в Афган. Сын изменился в лице и спустя какое-то время сказал мне: «Мама, я хочу уехать». Однако вскоре он заболел, у него открылась очень тяжёлая язва желудка, и врачи мне признались, что, если бы не знали ситуации, подумали бы, что он выпил какой-то кислоты, мол такого не бывает просто так... А потом, наблюдая за ним, мне доверительно поведали: его, мол, надо отсюда увозить, куда-нибудь за границу. Здесь он не выживет — всё надорвано. Я: «Да куда? Кроме Израиля у меня никого нигде нет!» Врач: «Так ведь это замечательно! Там его поправят! И медицина там прекрасная!» Мы быстро начали его оформлять, уже недели через две получили вызов и вскоре он смог уехать. Был один момент: нужно было заполнять приглашение, но знать человека, к которому едешь. Сын мне признался растерянно: «Но я же о нем ничего не знаю!». Тут мне позвонили органы и спрашивают, что это за человек. Я говорю, что родственник по линии моей прабабушки. Они новый вопрос: почему сын этого не знает?

Я в ответ: «Интересное кино! Я буду ему рассказывать про родственников за границей?!» Тема была исчерпана.

С.Э.: Расскажите, пожалуйста, о службе сына.

Е.Т.: Сыну, можно сказать, повезло, потому что он окончил медицинское училище. Но с этим училищем тоже оказались сложности: я же выяснила, как можно избавиться от армии, и умоляла его воспользоваться моими советами, якобы с ним случаются нехорошие вещи... А он мне на это: «Мам, ну пойми, я — медик, не могу врать медикам!» И успокоительно: «Ничего со мной не случится, всё будет нормально». Не пошёл на обман.

В армии у него была подготовка на стрелка. Но уже в самолёте выяснилось его медицинское образование, и сына определили на работу в госпиталь в Баграме. Он мне потом говорил, что самое сильное впечатление производила гибель его сверстников. Он уже прошёл всякие анатомички, вскрывал трупы, знал пожилых людей, повидал смерти. Но эти смерти были неожиданными и очень травмировали.

Он попал в Афганистан в последние два года, когда советская армия готовилась к уходу. То есть, он уже участвовал в выводе, но был и на настоящей бойне. Например, их отправили под Термес, на большую битву, наверное, одна из последних, он работал там «скорой помощью», — получал раненых прямо с передовой и после первой оказанной им помощи — осмотреть рану, сделать перевязки и т.п., их отправляли по госпиталям. Однажды, когда он уже вернулся в Баграм,

за ним пришли и сказали, что за воротами его ждет афганец. «Иду и думаю, — рассказывал он мне, — сейчас меня прикончат». И вдруг, тот ему: «Я тебе привёз мешок винограда за то, что ты был последний, кто принял моего брата — он умер на твоих руках, и ты ему закрыл глаза». Вот такой совершенно неожиданный поворот. Однако год и восемь месяцев он, как штык, там пробыл. Он поведал поучительные вещи об афганцах, сразу, например, сказал, что ни один из них никогда нам служить не будет, потому что у них совершенно другие представления и внутренние отношения, всё по-другому устроено; и то, что наши офицеры могли войти в дом к афганцу и стоять в трусах перед его женой, не обращая внимания на то, что та без чадры, требуя воды попить, было настолько непозволительным, что потом его находили удушенным или зарезанным. Советское офицерье не понимало, что это было абсолютно недопустимо, за такое безобразие убивали. Не говоря о том, что все они были заядлые игроки, и, естественно, им нужна была выпивка. А как достать? Бежали к афганцам и предлагали за ящик водки ящик оружия... Или просто продавали — деньги же тоже были нужны. Но были и приличные офицеры: когда сын только явился в часть, его отозвал в сторону их командир и, водя пальцем перед лицом, проговорил: «Я тебя заставлю родину любить! Чтоб никуда не лез!» Увы, этот человек, защищая своих малолеток, сам сломался, и, как водится, сразу после вывода войск его куда-то сплавляли, а наобещали с три короба...

Под впечатлением наших разговоров, когда я была уже у него в Израиле, написалось стихотворение:

Сыну-афганцу

В глазах страдание скрипело,
ты свет не зажигал.

Мотив будил в тебе умело
рисунок гор, где ты бывал,
и, поднимаясь на вершины,
любуюсь красотой,
ты забывал, что убивают.

Ты застывал...

Тянула тяжесть,
шагать мешала,
сугроб хитер:
клинками ножниц не отсечешь.
И не забудешь воронку
с землей навзрыд.

И бесполезный вопрос:

Болит?

Денис написал великолепный рассказ, но потом писать перестал. Причём, Чингиз, когда прочитал, сказал, что, если бы он сам писал в его возрасте так, был бы сегодня Шекспиром. В его натуре вообще появилось какое-то безразличие к тому, кто прочтет и как оценят; какой будет в жизни статус — это его совершенно перестало волновать — по сей день. Он поступил в Художественную Академию «Бецалель», в Иерусалиме, — знаменитую на весь мир. Учился на Отделении фото, защита диплома там была строгая, придерживались «классики», а то, что он представлял комиссии, далеко выходило за рамки их требований, друзья заранее его предупреждали, что *такие* работы не принимают. Он волновался, я вместе с ним, но его фотографии, сделанные по специальной технологии, приняли и даже высоко оценили. Однако работать фотографом он не сумел. Его пригласили в очень хороший, даже престижный журнал, там ему стали давать задания — что и как фотографировать. Он фотогра-

фировал, но ему говорили, что им нужно «вот так». Он возражал: «Так нельзя». И началось... Он считал, что может быть только в таком виде, а в другом он не может поставить свою подпись, потому что это неграмотно. И с ним попрощались. Так несколько раз он нарывался на непонимания и отказывался выполнять заказ по-ихнему, в конце концов, после нескольких попыток, вернулся к своей прежней должности медбрата в хорошей больнице Израиля. Там он и поныне работает.

То, что он довольно быстро приехал в Израиль, а не остался в России, его, безусловно, спасло. В России я даже плохо себе представляю, что бы он дальше делал и как бы он вообще жил. Всё-таки, тут иная ситуация, совсем другая атмосфера — о тебе заботятся, тебя берегут, а не бросают, куда ни попадя. Несмотря на то, что тут его тоже призвали в армию, и он прошёл полгода службу, это была совершенно иная ситуация. По пятницам, на шabat, его отпускали домой, он возвращался с автоматом и, придя, убирал в шкаф: так было положено. Вместе с нами в большой коммунальной квартире на съём жил молодой араб, который учился в университете — не помню, на каком факультете. И он с живостью его обо всём расспрашивал, а сын с удовольствием рассказывал, я же, видя их, стоящих и беседующих на кухне, с трудом сдерживала смех: речь-то шла об армии против арабов! Но это были арабы на стороне Израиля — прежде всего те, кто тут родился, все они прекрасно понимали, что войны им всем ничего не сулят, сами служат в этой армии. Среди них есть очень толковые врачи, я уж не говорю о ресторанах.

С.Э.: Вы живёте в Израиле и встречались с людьми, пережившими Холокост и приехавшими потом в Израиль. Какое было к ним отношение вначале и как оно потом менялось?

Е.Т.: Для того, чтобы понимать, как менялось отношение к тем, кто возвращался из страшных фашистских лагерей и выходил из своего безнадежного положения, надо сначала рассказать историю об Эйхмане. О нём и суде над ним я узнала из очерков известного философа Ханны Арендт, которая давно жила в Америке, выступала со своими лекциями и периодически ездила на этот суд в Израиль, заодно, чтобы и с родственниками повидаться. Итак, 1960 год, кто-то в Израиле прослышал, будто бы в Аргентине есть молодой мужчина, который хвастается своим отцом — де, был большим человеком у Гитлера. Естественно, спецслужбы этим фактом заинтересовались, поехали туда, стали следить, установили, что это тот самый Адольф Эйхман — «архитектор Холокоста». Выкрали его виртуозно, с большим риском для репутации Израйля, который потом Аргентина обвинила в нарушении прав по защите её суверенитета своих граждан и только спустя много лет принесла официальное извинение за сокрытие у себя нацистских преступников (когда тех уже и на свете не было). Но Израиль остановить не могло ничего. Именно на этих поисках преступников, улизнувших от правосудия, и возмужала знаменитая израильская разведка «Моссад»... Эйхман преспокойно возвращался домой, откуда-то вечером, чуть позже обычного, к нему подошли что-то спросить по-испански, и тут же, сда-

вив горло, чтобы не крикнул, связали и положили в подъехавшую машину. Вся эта операция, в итоге, длилась 9 дней, его держали связанным в специально подготовленном для этого доме, в окружении соответствующей охраны, допрашивая для того, чтобы удостовериться — нет ли тут ошибки. Всё было разработано до мельчайших деталей. И чтобы не привлекать постороннего внимания, вывезли на своем же самолете Эль-Аль, который сначала привез в Аргентину, а потом увозил обратно приехавшую сюда на какое-то празднество израильскую делегацию. И при этом все работали, как один механизм: никто не ошибся, не сорвался, я потом об этом читала, есть и в Википедии, но до сих пор не могу поверить, как могла так слаженно действовать целая команда разных людей! Об этом факте оповестили даже правительство Израйля! О том, кого везут, команде самолета, разумеется, должны были сообщить. Всё, в итоге, провели чисто-гладко и доставили преступника в страну на суд. Вот этот суд и стал поворотным в судьбе и жизни Израйля. Именно тогда израильтяне услышали подлинную правду и узнали о том, в каких условиях содержались еврейские заключенные и что это были за лагерь. И вообще, через какие испытания прошли их соотечественники!

Здесь я должна сделать остановку и пояснить, что происходило в стране на самом деле. Вы думаете бедных освободившихся и чудом выживших встретили в Израиле с любовью и распростертыми объятиями? Как бы не так! Тех, кто какими-то чудесными путями вернулся, учитывая, что их, когда подплывали на лодках, расстреливали уже с берега Израйля

английские солдаты. Новый виток ужаса начался в момент, когда они столкнулись с полным неприятием своей судьбы в *своей!* стране: для жителей Израиля они были попросту баранами: «Пошли сами на смерть как на бойню! Вы что не могли сопротивляться, воевать?» А как объяснить, что за сопротивление, если пикнешь, тут же пять человек рядом с тобой пустят в расход — вот наказание. И все боялись допустить любой промах. Разве такое расскажешь? Ни описать, ни представить себе! У бедных девочек, случайно выживших, родители любой ценой удаляли с руки номера, чтобы не было видно, вырезали, зашивали, пусть лучше маленький шовчик, иначе их не возьмут замуж. К ним не просто относились как к чужим, их презирали открыто! Никуда не брали, они ничего не могли сделать, они были всеми загнаны. Я разговаривала с психологами — вот, кто знал истинное положение вещей, и они в один голос говорили, что сложно даже описать, в каком те находились состоянии, ведь приехали уже больными и опять должны были как-то приспособливаться и выживать. И только благодаря суду неожиданно всё стало вставать на свои места, он невольно способствовал выявлению истины. Сейчас, когда я смотрю праздники Холокоста по ТВ, не выходит из головы, как всех их, тогда спасшихся, искренне и дружно травили. Потому что здесь другие евреи. Они это делали не со зла и не по дурному умыслу, а просто не могли поверить (как, впрочем, и весь мир), через что те прошли. И всё время думаю о том, как бы мы ни переживали, такой ужас, который свалился на головы бедных спасшихся и оказавшихся в Израиле, невоз-

можно ни с чем сравнить — какая-то запредельная драма. Сложившаяся ситуация оставалась до начала 60-х годов, т.е. суда, а значит, почти 13 лет люди жили под моральным и психологическим гнѐтом. Получается, что Нюрнбергский процесс этого вопроса не касался? Судьба евреев еще никого не волновала? Там занимались немцами. Сразу подчеркну: то, что к еврейским узникам со временем возникло внимание, а теперь и сочувствие, уважение, — заслуга самих евреев. И только. Поэтому для меня всенародный праздник победы над Холокостом сегодня — это и праздник с извинением перед теми, кого не приняли сразу, унижали, не считали за людей. Об этом стараются теперь не вспоминать и не говорить, жертв, доживших, почти не осталось. Сейчас ими гордятся! Но ведь и они не вспоминают пережитого — удивительно стойкие и светлые люди: они счастливы, что здесь осели, у них есть дети, внуки, правнуки... Израильтяне на редкость открытый и сердечный народ. Если вы встречаетесь на улице, обязательно здороваются, не помню, чтобы кто-то на кого-то кричал или выговаривал за что-то. Мы с подругой ехали из Израиля в Москву, и она, выйдя из туалета в аэропорту, мне говорит: «Ну вот, теперь точно знаю: я — дома! — А что случилось? — Мать на своего ребенка кричит». В Израиле это немыслимо. Дети растут веселыми, раскованными. Со стороны посмотреть — распущенные, невоспитанные. Но нет, их готовят к трудной жизни, но в нее они должны войти счастливыми и отгулявшими.

Но, пожалуй, самый важный вывод, который я для себя сделала, — не-

укоснительный ответ: тех, кто уни-чтожал евреев, ждало неминуемое наказание, их выслеживали и ловили спецслужбы от лица страны. Помните позорный теракт на Олимпийских играх в Мюнхене в 1972 году против израильской команды. Голда Меир поклялась найти всех, совершивших злодеяние, и с ними расправиться. И правда, ни одного не забыли. Это — не месть, не самосуд, а подлинное заступничество за своих и отстаивание права быть. Сама деятельность Моссада постепенно стала приучать к тому, что за любое убийство преступника ждет неминуемое наказание: его найдут и обезглавят. Тогда я поняла, что память — генератор человеческого в человеке. Борьба за его достоинство. У Бродского есть прекрасные строки: «Темнота по плечу/ тем, в ком памяти нет». Причем, по-моему, только в Израиле существует неписаное правило, которое распространяется на всё, включая армию: любой ценой спасать человеческую жизнь. Если угрожают террористы — ради спасения заложников соглашаться на все их требования. Того, что произошло с так называемым Норд-Остом в России, в Израиле в принципе быть не смогло бы. Более того, если пошел в разведку и попался — сдавать всё и всех, но спасти себя. Представляете — действовало: окружение быстро догадывалось о провале и успевало замести следы.

С.Э.: Не принимали Те, которые переехали в Израиль еще до Второй мировой войны?

Е.Т.: Да, ведь тут собрались самые разные люди, были и те, кто стал сионистами, в основном — выходцы из Германии. Об этом великолепно

написано очень интересной израильской писательницей, запечатлевшей именно этот срез жизни страны: Наоми Френкель. Ей посчастливилось приехать в Израиль еще до войны, тогда как вся ее семья, разумеется, погибла. «Проза Френкель повествует о жизни и истории еврейского народа, сложившейся уже в Израиле, о становлении страны и движении киббуцников. Люди, здесь оказавшиеся, обстоятельства, которые вынудили их сюда приехать, далеко не по зову сердца, а по жесточайшей необходимости, — мало кого тогда интересовали. Попасть после духовно насыщенного и материально обеспеченного, богемного Берлина, где она родилась, в тогдашнюю Палестину, было сильнее ударом для пятнадцатилетней девушки. В этом возрасте не понимаешь, что значит «спаслась», когда в 1933 году, вместе с группой молодежи и уже подозревая, какие процессы назревают в стране, Наоми Френкель попадает в сухой, жаркий, подчиненный строгим правилам, аскетичный край. Возраст романтики — наперерез жестким будням, и своеобразный парадокс: отсутствие духовной жизни, из которой уехала, подарило ей собственную жизнь». — Привожу отрывок из своей статьи, написанной по поводу фотовыставки очень интересной фотохудожницы, приехавшей в Израиль из Питера, Галины Зерниной (показательно, как все они говорят не из России, а из Питера — особый город, таким был всегда. Но это отдельная тема.) Все ее серии фотографий, а у нее уже было несколько выставок, так или иначе посвящены памяти и судьбе: об этом сами названия: «Неразгаданная Наоми Френкель», «Тоска по лучшей жизни»

(Януш Корчак) и «На единой волне» (Иосиф Бродский).

Сколько было разных гонений на евреев! Кажется, сюда приехали представители всех еврейских общин, существовавших в мире. Судите сами — 72 языка, очень большая смесь, но как-то языки сохраняются, иврит хорошо и быстро крепчает — все на нём говорят, за исключением ультраортодоксальных еврейских религиозных общин, которые не признают иврита как разговорного языка, считают его языком божественным и в качестве замены перешли на английский. Когда я слышу английскую речь у детей, я уже знаю, что они учатся в ортодоксальной еврейской школе.

А поначалу считали, что надо создать плавильный котёл и перемешать в нём всех со всеми, но последующая жизнь, тоска людей по оставленной родине, ее специфических особенностях, наконец, даже еда — показала, что они были приехавшим очень важны. И тогдашние руководители страны во главе с Давидом Бен-Гурионом приняли обратное решение: позволить людям создавать свои сообщества. Так возникли разного рода центры, где можно просто общаться: особо — приехавшим с Украины, особо — из Белоруссии, своеобразным центром русской культуры стала Русская библиотека в Иерусалиме, которую с самого ее основания именно с этой идеей создавала ее многолетний директор Клара Эльберт. Сейчас все эти проблемы стали далёким прошлым.

С.Э.: Вы сказали о языках Израйля, о евреях из разных стран. В свя-

зи с тем, что сейчас Путин называет «операцией по денацификации», огромная часть новых эмигрантов прибыла в Израиль. Расскажите, пожалуйста, как к этой новой волне относятся, и какие перспективы у русского языка — исчезает ли он или всё-таки будет существовать на земле обетованной?

Е.Т.: Трудно делать какие-то предсказания. Хотя наша Русская Иерусалимская библиотека вроде бы признана одной из лучших на Ближнем Востоке. То, что касается русского языка, во многом зависит от родителей, потому что с детьми нужно изначально говорить по-русски, тогда они будут быстро и легко усваивать язык. Мне пришлось взяться за внуков и заниматься с ними. Они ходили в специальную школу целый год, то есть у них уже была подготовка. Однако, надо сделать оговорку: мальчики были двойняшки, и когда были маленькими, проблема с говорением встала очень остро. Им было вполне достаточно собственной компании, и до тех пор, пока они не пошли в садик (в год и девять месяцев), и их не развели по разным группам, они плохо поддавались осваиванию речи, хорошо понимая друга. И только спустя какое-то время начали говорить в соответствии с возрастом. А девочку, которая их моложе на 7 лет, как-то не смогли заинтересовать, но я говорю с ней по-русски и перевозжу потом. К сожалению, сын быстро перешёл с детьми на иврит, да и мама, которая из Эфиопии, со своим амхарским не решилась с ними говорить, и звучал в доме только иврит. Кроме меня и Чингиза (который вообще не говорит на иврите), в доме никто по-русски не разговарива-

ет. А удачные примеры есть: внучка Чингиза вышла замуж за грека, они живут в Кембридже. Сразу после рождения сына договорились, что она будет с ним общаться только на русском, а он — на греческом. И мальчик к своим четырём годам великолепно владеет этими языками, а детский садик научил его английскому — с прекрасным произношением. На мой взгляд, в Израиле у тех, кто знает русский и пошел в филологию, есть шанс окунуться в славянскую стихию. Несмотря на то, что здесь по-прежнему увлечение английским.

С.Э.: **Когда в конце 80-х, 90-е приехало много советских евреев, в Израиле были телевизионные каналы, газеты на русском. Эта инфраструктура ещё сохраняется, или это уже уходящая натура?**

Е.Т.: Это всё сохраняется, только теперь многое вошло в Интернет. Бумажные газеты выпускаются не в таком количестве, больше в цифровом формате.

С.Э.: **То есть, русские СМИ в Израиле продолжают работать?**

Е.Т.: Да, конечно. И они достаточно смелые, открыто выражают свою позицию, без стеснения. Другое дело, что Израиль не хочет, что называется, нарываться. Слушая, как русская власть передёргивает факты и говорит неправду с абсолютной легкостью, что называется, на голубом глазу, я не могу понять, почему это проглатывает Байден, почему это проглатывает Европа. И остается только руки развести, когда стали отказывать русским беженцам, мол, пусть бунтуют у себя. Они не пред-

ставляют, что будет с бунтарями, выступи они открыто против? Это всё равно, что отправлять на самоубийство. Ведь их специально в тюрьмах травмируют: бьют по голове, перебивают колени, ломают ребра... Не может Евросоюз этого не знать! Или они ждут, когда сторонники и противники Путина перебьют друг друга? Но потом вспоминаю, что точно так же Европа не принимала евреев, когда они бежали от Гитлера. Есть страны, где запрет на всё русское доходит до абсурда — даже в Польше! Мой друг-поляк сложившуюся в их стране ситуацию объясняет так: «У нас очень много украинцев, мы не знаем, какие приедут русские. А если они начнут внутри войну между собой, или будут выяснять отношения? Это совершенно невозможно. Мы же не можем их разъединять, и вообще заниматься этим вопросом».

С.Э.: **Надо сказать, что украинцев они как раз принимают. В Германии очень много украинцев. Они не принимают русских.**

Е.Т.: Это-то меня и удивило, почему никто не видит, что бегство русских — тоже протест. Учтите, что в России нет нормальной армии, не хватает оружия, но силовики действуют слаженно и по-садистски жестоко. В такой механизм лучше не попадать — даже если выживешь, вернешься инвалидом. Америка готова идти на переговоры, а это — делать уступки, от чего отказывается Зеленский... Кстати, сын ездил туда помогать и встретил там своего приятеля-афганца, украинца, с которым вместе работали в госпитале, — тот увидел в газете его фотографию с мальшом на руках и фамилию, тотчас

же к нему поехал. Он давно покинул Украину, живет тут и работает.

С.Э.: Сын ездил помогать беженцам?

Е.Т.: Да, официально, по желанию, конечно, от больницы, где работает, была направлена в Польшу большая группа. Он рассказывал, что люди в полном безумии, потому что вообще никак не могут осознать, просто осмыслить, что произошло. Так было в самом начале. Сейчас они уже пришли в себя, более-менее ориентируются в том, что делается. Однако, сама сложившаяся ситуация и полное молчание... Молчание России меня всегда поражало. Этому отчасти можно найти свои объяснения: Россия — страна пространств, часто между собой мало связанных. Все живут, как на своих островках, что ощущается даже в Москве. И вторая особенность — легко всё разрушают: созидают быстро, талантливо, но короткое время, а потом наступает долгий период разрушений, и вот в таких разрухах люди живут, привыкли. Я никогда бы с этим не смирилась, созрело это ощущение во мне сразу, будто чайник поставили на плиту, этой плитой был Афганистан. Когда я окунулась в афганскую войну, я почувствовала вокруг сплошную тишину, будто ничего не происходит — рожь с полей убирают. Я заставила себя написать что-то вроде исповеди: как и что переживаю, ожидая сына, дав симптоматичное название «В Бермудском треугольнике», — в те годы изучали это явление. Написав, отложила написанное и стала ждать. Сын уже звонил из Союза, он как раз вышел, а значит — кошмар кончился, иначе я не стала бы рас-

сказ публиковать. Внезапно узнаю, что в Москве проводится конкурс женского рассказа. Ну, думаю: это — для меня! И послала туда. Выяснила, когда будут объявлены результаты, приехала на их вечер. На рассказ — ноль внимания, даже имени моего не назвали, как участницу, — будто меня и не было вовсе... Только потом мне предложила Маша Михайлова, ныне профессор МГУ, опубликовать его в своем феминистском журнале. Но я была потрясена: участницы — женщины, члены жюри — женщины, и полное равнодушие к теме войны, которая велась 10 лет! Мне, в который раз, стало стыдно за страну и ее интеллигенцию. А о женщинах и не говорю...

Тогда я мучилась полным отсутствием информации. Для этого я в 12 ночи включала «Голос Америки». После того, как всё прослушала, я переходила на «Немецкую волну», далее переключалась на польские каналы, но поляки об Афганистане не говорили ничего, зато они отражали положение в мире. У них как раз началась Солидарность, и они очень смело всё анализировали. А заканчивала свои ночные бдения Би-би-си и ложилась спать в 5 утра: то есть, с полночи я лежала в постели и слушала радио. Я была так подкована, что любому могла очертить сегодняшний день. Среди нас, моего поколения, «молчать» не получается: есть интернет, телефон, знакомые и друзья, и мы живем в разных странах. Теперь не скажешь, что СМИ молчат, просто они придумывают реальность.

А писать — постоянно и не формально, меня приучили письма к сыну.

Мы с мужем писали их ежедневно. Это был своеобразный дневник, который к сожалению, Денис был вынужден оставить там.

С.Э.: Те письма не разрешили взять?

Е.Т.: Был очень ограничен вес, и надо было чем-то жертвовать. Ведь то, что запечатлели наши письма, своими словами не передашь... Но сохранились его письма к нам, их я ни разу не открывала и не перечитывала — до сих пор не могу. Когда я узнала, что он попал в Афганистан... он прислал оттуда письмо... Не пойму, как у меня всё в доме осталось целым... Пришла в себя, увидев вокруг лица — внимательные и растерянные. Оказывается, муж вызвал «Скорую»: мне стало плохо. Узнав причину моего состояния, врачи сели рядом с моей постелью: «Мы ничего сделать не можем». Это был главный лейтмотив. Я работала в престижном институте — ИНИОНе, в «Отделе литературоведения за рубежом», там ко мне обращались только так: «Можно тебя спросить? Можно тебе сказать?» Я могла прийти на работу, могла не прийти, могла сказать, что не в состоянии что-то сделать, опоздать. Все успокаивали: «Ничего, не страшно, не волнуйся, мы за тебя сделаем, мы за тебя подежурим». В этом смысле полный комфорт. Но вокруг, чтобы это кого-то волновало, других людей... Десять лет! Просто обходили как постороннее, такой момент вообще не существовал. Как и в 68-м Прага... Всё было чужим. Я сразу и безвозвратно потеряла родину.

С.Э.: Как относятся к тем, кто сейчас приехал в Израиль?

Е.Т.: Повезло тем, кто по своим документам смог быстро приехать. Были такие, кто не смог найти подтверждения (как наш родственник — своему отцу) — надо искать, связываться с архивами, не все это умеют. Но поскольку приезжают постоянно, Израиль этим не удивить.

Была огромная «алия» в 91-м году! Это сразу сказало на настроении Израиля. 2008 год, я коротаю ночь с маленькими мальчиками (отправив невестку спать, чтобы отдыхала), смотрю телевизор, а по бокам сопят малыши: то одного покормлю, то второго... Вот тогда я увидела, как менялась жизнь внутри страны. 50-е, 60-е, даже 70-е годы — мрачные, безысходные... И абсолютно депрессивные фильмы! В 70-е, 80-е — жуткий криминал. Документальные и художественные фильмы быстро отражали реальность как таковую. И вдруг пошла комедии — это уже после 90-х. Положение, настроение — всё становилось другим! И как это ни ужасно звучит, интифада пошла на пользу — покончила с криминалом. Наступило время, когда возникла необходимость всё отслеживать, не скроешься, плюс — какие могут быть у тебя с арабами связи, если они устраивают набеги и взрывы? Целе-направленная борьба с интифадой, конечно, должна была почистить всё и всех. Поэтому теперь можно спокойно ночью одной идти по улицам Израиля и не волноваться, что к тебе подбегут и вырвут сумку. Что совершенно непредставимо в России — только брать такси и ехать до своего подъезда...

По нашим улицам днем и ночью, даже такого маленького городка, как

Цур-Адасса, постоянно курсирует машина «миштары» — полицейская. Как-то, спустя уже много лет, я осталась дома с одним из мальчиков, второго сын повез в бассейн, где они занимаются по сей день. Проходит минут десять, думаю: пойду к ребенку — что он там один делает — скучно же! Поднимаюсь, а его нет! Обошла весь дом, вокруг, вышла на улицу — нет! Звоню сыну, он тут же в полицию, те сразу распоряжение на ворота городка, чтобы следили, если пройдет ребенок или какая машина — а вдруг? Он мальчик красивый... Звонят сыну и говорят: из магазина только что вышел похожий малый, с пачкой корнфлекса, идет и его ест. Сын позвонил мне, я уже встречаю во дворе — смотрю, идет, веселый, счастливый, за ним машина, выглядывают оттуда и рукой мне машут (чтобы он не заметил), мол, всё в порядке? Я им в ответ тоже рукой помахала, открыла калитку, впустила ребенка, хочу спросить, а почему ты мне не сказал, что идешь в магазин (мама их отпускает, но с обязательным предупреждением), да началась истерика, не могу остановиться, ребенок перепугался, стал меня обнимать-целовать, побежал в дом мне кофе на машине варить... Почему-то из-за них бывают слезы, а так это здесь и не просится...

Так вот, возвращаясь к Вашему вопросу, новые репатрианты гармонично вошли в нашу жизнь. Это приехали интеллигентные и образованные люди, которые вынуждены были уехать по разным причинам: кто-то работу потерял, кому-то запрещали говорить, оставаться было нельзя. Хорошо, что есть такая возможность! Хотя, конечно, это немного другая

«алия» — мы ехали осознанно, именно в Израиль!

С.Э.: В Facebook всё время идут обсуждения. Те, кто уехал давно, говорят: «А что ж вы там сидели с этим путинским режимом до сих пор, вы что не видели, что там делается?!» Нет таких упреков к тем, кто сейчас приехал в Израиль?

Е.Т.: Я таких упреков сама не слышала, но могу себе представить. Подобных суждений очень много. Далеко за примером ходить не надо, вспомните, как встретили тех, кто вернулся после лагерей: «Что вы, как бараны шли на бойню?» Люди, получив хорошую добрую реакцию встречи, не всегда остаются такими же в ответ. Это как правило. Конечно, многие из *понаехавших* в те годы не могли сразу получить выгодное место. Тогда как нынешняя «алия» приехала сюда к людям, которые уже их знали, а потому им и не так сложно устроиться, сориентироваться, найти себе работу. Другие возможности и запросы. Они не стали каким-то неожиданно упавшим грузом. У некоторых дети уехали в Европу. Другое дело, меня возмущает, когда люди приезжают бесплатно, на всём готовом, получают паспорта и уезжают с ними в Европу. Это использование Израиля как плацдарма, тогда как мы все перед ним в долгу и должны по мере сил на него трудиться. Я считаю это важнейшей нашей задачей. Скажу больше: знаете, кто так спрашивает и упрекает? Сами же *понаехавшие*. Нынешние израильтяне никогда не позволят себе такого, а наши запросто: Ты кто еврей — по маме или по папе? Теперь любят отвечать: по президенту!

Трудно вообразить, но я мечтала об Израиле лет с 5! Меня воспитывала бабушка, которая в 48-м году столкнулась с официальным антисемитизмом. Это было для нее и всей их родни настолько неожиданно, ведь от этого уже успели отвыкнуть, даже счастье испытывали, закрывая глаза на истинный беспорядок: ушла черта оседлости, они востребованы, и вдруг такая гадость! Все были в шоке. Родственники собирались между собой и тихо это обсуждали. А говорили ведь только об этом! Откуда кого выгнали, кому и что запретили... Если бабушка к ним ехала, она всегда брала нас с сестрой, не оставляя же одних, когда родители на работе... Мне запомнился момент, когда я вхожу в комнату, а у окна стоит моя бабушка и вытирает занавеской (!) глаза. Она была безупречного воспитания! И чтобы такое — плачет?! Плакала в семье всегда я, поэтому ещё кто-то плакать не мог по определению... Это была моя привилегия! Я удивлённо: «Почему ты плачешь, бабуль?» И она произносит фразу, в которой я не поняла ни слова, но именно поэтому запомнила на всю жизнь: «У евреев теперь есть своё государство». Был 1948 год!

А в 1967 мы уже с мужем (он был тоже еврей) решили репатрироваться. Мне ужасно хотелось! У нас в университете начались отъезды. Правда, вскоре пошло такое... Одна из моих сокурсниц, узнав, что ее друзья улетают, прямо из Прибалтики, где отдыхала, махнула в Шереметьево, никого об этом не извещая, но её увидели и донесли, по возвращении из отпуска ее из университета, где преподавала, уволили. Эти вещи были, конечно, непредсказуемы для

нас, но выезжать уже можно было. Помню, что стала говорить об этом с отцом (зная, что у мамы был взрывной характер), и доверительно поведала про Израиль. «Ты дашь нам согласие?» Надо было получать разрешение родителей. Если он даст, то и мама даст, это я знала. Если бы он вспылит: «Ты откуда это взяла? Ты что, сошла с ума? Это что еще за мы хотим ехать в Израиль?» и в таком духе... А он мне с некоторым ужасом: «Мы сейчас с мамой наконец нашли работу, о которой мечтали и которой хотим заниматься. Если ты уедешь, нас отовсюду выгонят, мы ничего уже не сможем восстановить». Мне, конечно, в голову не пришло предложить им ехать вместе. Была занята исключительно собой: я же строила всё это для себя! И не подумала, что в соседней комнате лежит больная бабушка, которую можно было бы там лечить. У неё был паркинсон, и она, бедная, пролежала так в лёжку 12 лет... Ответ отца меня сразил: я была обескуражена.

Потом настало время, и я собралась уехать с сыном. Но встретила Чингиза, а он мне: «Подожди немножко, уедем вместе, мне в университете предложили интересный курс...». Разумеется, национальные литературы были в МГУ востребованы. И я ждала... 20 лет, стремглав поехали в связи с его здоровьем. Тут его несколько раз просто спасали. Это тоже важная вещь.

А новые беженцы — из тех, кого я вижу — хорошо устраиваются. И все им помогают. Но всё равно, это совершенно не то, что было в 90-е годы, когда учёные-физики должны были мести мостовые, а женщины, после

работы в министерстве культуры, — мыть подъезды, потому что другой работы не было. Теперь это делают приезжие по найму, существуют специальные фирмы. А тогда страна была неразвита, в отличие от сегодняшнего дня, когда невооруженным глазом видно, где, в ком и какая потребность.

С.Э.: Завершающий вопрос у нас тоже традиционный: вы писатель и переводчик, расскажите, пожалуйста, о ваших творческих планах.

Е.Т.: Прежде всего, я закончила перевод с польского языка большого и чрезвычайно интересного труда о Достоевском — со своими подходами, обилием цитат, скрупулезно построенными доказательствами того, что русский писатель философ не был, но он был генератором идей, невероятно повлиявших и влияющих по ныне на философию. Отсюда и название: «Достоевский и лаборатория идей». Автор — польский философ Вроцлавского университета Ян Красицкий. У нас с ним сложились любопытные, но очень типичные для Польши отношения: в процессе перевода я нуждалась в советах, мы стали переписываться, и очень быстро, зная друг друга лишь заочно, перешли на «ты», и теперь, в ожидании издания, общаемся, как близкие друзья. Надо сказать, что самые церемонные отношения всегда складываются среди русских, я уж не говорю про имя отчество, которое и в Израиле, и в Польше нелепо, но его употребляют, на ты переходят крайне редко и с большим трудом. А я, находясь фактически в Израиле с 1991 года, а в Польше — десятью

годами раньше, привыкнуть к этому никак не могу.

О моих творческих планах. Главное для меня отныне — написать родословную. Именно написать, потому что кроме меня, это уже не сделает никто. Вторая, очень важная задача, которой я занимаюсь на данный момент интенсивно, т.к. есть журнал, где можно мой материал опубликовать, да и тема невероятно притягивает — выявить и описать истинные взаимоотношения Марины Цветаевой и Константина Родзевича, который, с моей точки зрения, сыграл невероятно важную роль в её жизни. Можно сказать, ключевую, потому что он — единственный, кто ее любил так, как в этом нуждалась ее личность, и тем оправдал ее жизнь. Он меня привлек прежде всего формой поведения — не боялся уронить свою репутацию, но сохранить для Марины то, что ей дорого. Мое чутье меня не подвело: я узнала, что на протяжении знакомства с ней он писал ее портреты, они стояли у него в комнате... Есть ее прижизненные портреты и написанные уже по памяти, но главное — она об этом даже не догадывалась, ни в одном ее письме никаких упоминаний... Не знал никто! Дочь Цветаевой Ариадна Эфрон считает, что он отправил их в музей Марины Цветаевой в Москве в 1970 г. Но это невозможно: дату его основания считают 1990 г., а не стало Ариадны в 1975 году. Есть какая-то нестыковка, которой я сейчас занимаюсь. Письма к ней Родзевич тоже бережно сохранил. Кстати, он был довольно известным резчиком по дереву. Я подумала, значит всю жизнь он носил её в себе. Человеком он был невероятно скрытным, хотя подавал

себя как «обаяшу», остроумного сельчака и пустого светского малого, не боясь кривотолков. Говорили о нем нелицеприятные вещи, по-своему истолковывая их взаимоотношения, но, когда я стала читать все сказанные им слова, я увидала в них заклон. И портреты... У меня возникло чувство, будто *она к нему приходила*. То есть они общались не только экзистенциально, но и мистически — ее письма к нему позволяют так думать еще и потому, что она ощущала себя не человеком, а Душой, что кстати, бывает, правда, таким людям у нас ставят диагноз шизофрении. Но Марину спас ее поэтический дар, ее ремесло писателя, а когда оно стало гложуть, она не смогла жить. Есть тут еще одно объяснение, по крайней мере, для меня: она попала в тотальное окружение зла, а ему нельзя противостоять — из него можно только уйти. После ее гибели письма к ней Родзевича исчезли, однако ее видели с ними в Елабуге — она их носила с собой (по замечанию видевших). Потом они пропали. Марина на самом деле очень его любила: открыто, щедро. Но он первым понял, что она не сможет оставить своего Сережу, который к тому же был его другом... Шло вразрез с его правилами. Здесь интересно всё, но прежде всего — высота Духа, который был им свойствен и не разгадан посторонними, толковавшими их роман как очередное ее чудачество, а с его стороны — игру... Тогда как более бережного отношения к себе она не знала.

Он умел феноменально скрывать всё, что происходит у него внутри именно потому, что был разведчиком КГБ. Или, может быть, поэтому он был разведчиком. И надо отдать

должное: за ним не числилось никаких убийств, он никого не предал и не погубил.

С. Э.: В отличие от мужа Цветаевой.

Е. Т.: Вот именно. Эфрон сдал всех (Марину не оговорил!), как только попал в советские застенки. Но он сошёл с ума! Да и вообще был слабым человеком. Я не пытаюсь его осуждать. Просто Марина устала от всей этой жизни. Человек обладает душой, каждый из нас, но мы же абсолютно не знаем, какая у нас душа. Она у нас где-то в глубине и, может быть, мы с ней познакомимся, когда нас не станет — уйдём, и тогда эта душа нам откроется. Если читать её стихи правильно, становится видно сразу: она была не просто человек, а живая Душа. И нуждалась в чисто человеческом присутствии, отсюда ее потребность в тактильности: для неё очень было важно, чтобы её трогали, любое физическое прикосновение, именно человека с человеком. Лишь одно из ее признаний: «Люди поддерживали во мне мою раздвоенность. Это было жестоко. Нужно было или излечить — или убить. Вы меня просто п о л ю б и л и», — писала она ему. И это — не единственное ее признание. Может быть, этого Родзевич и не понимал, но то, что она уникальна по природе, очень хорошо осознавал. И полностью принёс свою репутацию в жертву тому, чтобы сохранить с ней их внутренние отношения. Есть фотография 1930 г. Родзевич стоит рядом с Эфроном и его руки буквально сжимают плечи Мура. Конечно, это ребенок любимой женщины, но чувствуется в его руках еще что-то... Ведь отец ребенка — Сергей, утверждала Марина, и мнения сво-

его никогда не меняла. А Родзевич, в итоге, безропотно с этим согласился. В любом случае руки знают больше, чем выражает лицо.

Ещё я занимаюсь Бродским. Опять же, начала неожиданно для себя. Хорошо помню, как видела по телевизору вручение ему Нобелевки, после чего все в Союзе заговорили о нем: какой замечательный, гениальный поэт... Мне стало неинтересно петь в этом хоре. Прошло много лет, мы жили с Чингизом в Доме творчества (а дачу сдавали, чтобы было на что ездить к детям за границу), к нам пришёл в гости Тимур Зульфикаров — прелестный человек и поэт, но абсолютный эгоцентрик. Он стал нас убеждать, что Нобелевскую премию должен был получить он, а её отдали Бродскому. Такое недоразумение! Разговоры в стране с тех пор были только об этой премии. Зульфикаров продолжал: «В Америке меня спрашивали: „Вы можете себя сравнить с Бродским?“ А я отвечал: „Ну, как вам сказать? Я пальма, которая растёт на просторе, а он — пальма в кадке“». Мне вдруг стало не по себе, и такое ощущение, будто Бродский нас слышит. Откуда? Ведь он живёт в Америке, как он может там услышать то, что говорят в нашем Доме творчества?! Однако неловкость не отпускала... И тут Тимур заговорил о смерти Пушкина (он не только большой и оригинальный поэт, но и провидец — тонкий и чуткий), мы все замерли, потому что он даже не произносил, а распевал слова, и это было очень красиво, в свойственном ему стиле создавал картину шагавшего верблюда, как тот шел из пустыни, двигался, величаво поднимая высокие ноги, пока не достиг каби-

нета поэта, чтобы засыпать песком умирающего Пушкина... Вдруг вижу, что у нас занавеска на окне колышется. А мы окна — была зима, январь — заклеили. Будто к нам явилась сама смерть. Мне стало холодно и даже страшно. А утром Чингиз вернулся с завтрака (я не ходила) и говорит: «Умер Бродский». Я сразу: «Так значит, он к нам приходил. Я же всё время чувствовала его рядом». А со временем меня стало это мучить: «Для чего он приходил? Ведь он же для чего-то приходил, просто так такое не бывает!». Чингиз в ответ: «Когда-нибудь узнаешь»...

Спустя лет десять мне попадается книга Штерн о нём, и там она разносит в пух и прах стихотворение «Дорогая, я вышел поздно вечером...» (и не единственная, кстати!). Прочитав его, я увидела, что оно потрясающее! Было два часа ночи, я разбудила Чингиза и стала ему, в нетерпении, это стихотворение читать, говоря, что это — одно из лучших лирических произведений вообще в русской поэзии. А он в ответ: «Хорошо, хорошо. Давай завтра поговорим, я хочу спать!». Я будто помешалась, постоянно о об этом «шедевре» размышляю, со всеми обсуждаю, оно мне не давало покоя. В это время я приехала в Польшу, там у меня был приятель-русист, который спрашивает: «Что у Бродского есть метафизическое?» Я говорю, что как-то с метафизикой его не связываю. Если уж его и рассматривать в философском аспекте, то, скорее, — феноменологически, имея в виду прежде всего специфическое общение его Я с сознанием и подсознанием, как и ощущение времени, а оно определяет всё. И с Лешekom тоже стала обсуждать

полюбившееся мне стихотворение... Когда я вернулась домой, меня ждал большой и серьезный перевод трудов Юзефа Тишнера, философа, был невероятно важной фигурой в Польше в период их перестройки, но сосредоточиться не могла. И вдруг в интернете наткнулась на приглашение принять участие в конференции на тему «Метафизика и русская литература». Я решила рискнуть — ведь был отбор, если получится, напишу, наконец, о стихотворении. Тут же возникло название «Эпитафия метафизике» (спасибо Лешеку за разговор), я послала его вместе с планом, а для своего анализа прибегла к уже опробованной методике Бродского, примененной им для разбора стихотворения Марины Цветаевой «Новогоднее»: слово за слово, строка за строкой... Так возникла статья. Я считала, что теперь успокоюсь, но не тут-то было — Бродский не захотел отпускать.

Статья понравилась, она вошла в книгу, мне ее прислали. Продолжая заниматься Бродским и читать о нем, я стала замечать, что его поэзия очень фотографична, будто открыл глаза, и увидел как в объектив: он подсказывает первые строки. Я вспомнила, что у него отец был фотограф, что он учил его фотографировать. Мне рассказывал его племянник Миша Кельмович, когда приходил к ним еще мальчиком, как его усаживали перед объективом, и Бродский под руководством отца делал его портреты. Он был хорошим фотографом, многие его снимки гуляют по интернету, но главное, это его спасло в ссылке. Тяжёлые физические работы были ему абсолютно не по силам, односельчане это заметили. Сердце

не справлялось. Ему предложили быть фотографом. Так он стал выездным фотографом и даже организовал что-то вроде фотоателье... Не хочется тут останавливаться на чудовищной нелепице самой ссылки и суда. Зато в Норенской (под Архангельском) его полюбили, со временем здесь открыли первый в мире (!) его музей. Но об этом я узнала значительно позже, работая над книгой со специфическим названием: «Фотографичность в поэзии Бродского как событие мысли». Окончательно его сформулировать, да и в целом воплотить мой замысел мне помог философ Руслан Лошаков. Из современных ученых на русском языке он — единственный мыслит философскими категориями! Как он знает и читает Бродского! Мы познакомились с ним на фейсбуке, а встречаться стали на польских конференциях, которые регулярно проходили в Польше до пандемии.

Спустя почти три года, когда работа была закончена, я нашла в предисловии, сделанном Бродским к английскому изданию русской поэзии, его слова: «Стихотворение должно быть фотографией». Я замерла, от неожиданности не способна была даже ликовать! И всё приговаривала: «Как здорово! И всё уже готово». Кстати, у Лошакова есть жена, с которой Руслан всегда приезжал в Польшу — Леночка. Она не филолог, но очень тонкий и вдумчивый литератор: пишет стихи, чрезвычайно начитана, великолепно ориентируется в литературе, читает на разных языках, в том числе и на шведском — они живут в Стокгольме, но главное для меня — ее восприятие. Леночка каким-то неуловимым образом, кажется, что

налегке, но всегда всё продуманно, сумела объединить нас, совершенно разных людей, живущих в разных странах, в некий семинар, благодаря которому мы ежемесячно встречаемся, один из нас делает некое сообщение на предложенную тему, сам же ее и выбирает, представляя собственный портрет того или иного писателя, поэта, философа, музыканта... И мы все это обсуждаем. Не раз мы устраивали и вечера Бродского — делились «своим» поэтом.

В понимании фотографичности у Бродского мне, конечно, очень помогла учёба сына в Бецалель, своего рода Академии художеств, он выбрал Отделение фото, и я с удовольствием наблюдала его занятия. Когда я приезжала, он брал меня в его поездки «на натуру» — делать снимки, сообщал, как надо их выстраивать, советовался, делился замыслами. Учеба его невероятно увлекла. Было что-то чарующее в том, как мы ночью куда-то отправлялись, он расставлял свою аппаратуру, поясняя, что для чего и т. д. А вокруг тишина и только звездное небо... Разумеется, сын прочитал мою книгу и сделал свои замечания: в чем я права, а где есть натяжки, много им было дополнено, где похоже, или нет. Прочитала мои штудии и фотохудожница Галя Зернина, снабдив очень интересными наблюдениями и подсказав психологические нюансы некоторых технических ухищрений. То есть, я применила тут ещё и большую профессиональную экспертизу.

Книга оказалась удачной, её высоко оценила Валентина Полухина.

С. Э.: Биограф Бродского.

Е. Т.: Да. О ней надо сказать отдельно, хотя она известна всем. Валентина Платоновна Полухина — не просто биограф, а в широком смысле биограф всего наследия Бродского, его стихов и прозы, поэтики и вербальной культуры, его окружения и его увлечений. Нобелевскую премию может получить любой, часто это зависит от тех, кто выдвигает. Но я не знаю другого такого поэта, у которого был бы такой внимательный и разносторонний биограф: она успела взять интервью у огромного числа его современников, благодаря чему запечатлелось и время, в которое он жил, и специфическое состояние, настроение многих стран; собрать вместе все его собственные интервью. Она выстроила, совместно с другим его биографом — Львом Лосевым, автором прежде всего книги о Бродском в серии ЖЗЛ, хронологию творчества поэта буквально по дням... О ней можно говорить, как об институте исследований. Между тем для меня главная ее заслуга — она познакомила, свела вместе и подружила друг с другом всех его детей: Андрея Басманова, Анастасию Кузнецову и Анну-Марию Бродскую. И все они не просто общаются между собой, а творчески взаимодействуют — дочери выпустили книгу «Поклониться тени» (Центр современной литературы, 2020), как бы в продолжение одноименного эссе Бродского, посвященного английскому поэту Уистану Хью Одну. Я уж не говорю о ее внимательном отношении ко всем коллегам и другим исследователям Бродского... Андрей стал фотографом и выпустил в прошлом году альбом, подобрав к своим фотографиям старого в прямом смысле Питера стихотворения отца. Полухина

очень звала меня к себе в Англию, хотела, чтобы я обязательно к ней приехала, но я не могла из-за ковидных ограничений, а потом её не стало... Для меня лично это невероятная и невосполнимая потеря. Прибавьте к этому ее чрезвычайно внимательное отношение ко всем коллегам: она выказала мне такую открытость, заинтересованность, умение сразу войти в суть просьбы. Один пример: мне надо было точно обозначить для одной сноски в своей монографии о Бродском страницы издания, но его у меня не было, а в цитате, как я выяснила потом, были перепутаны авторы. Написала ей и спросила, нет ли у нее этой книги — она была ее редактором, с просьбой уточнить. Она ответила, что книга есть, искала и сказала, что найти ничего не может, видит плохо... Но проходит три часа — на моих часах 2 ночи, я получаю от нее имейл: Ура! Нашла! Во всём разобралась и установила истину, устранив путаницу!

Опять же через Бродского я неожиданно окунулась в ленинградскую послеблокадную атмосферу, благодаря конференции «Ленинградская литература 50–70 годов» (что-то вроде «вокруг Бродского» в связи с открытием его музея «Полторы комнаты» в Питере). И когда я стала прочитывать и изучать других поэтов этого поколения, связанных с Бродским вроде бы лишь самим местом и временем проживания, а в действительности — системой ценностей, главная из которых — абсолютная достоверность (Л. Аронзон, А. Альтшулер, В. Уфлянд, В. Кривудин, Л. Ентин, Р. Мандельштам и много других, не считая не менее одаренных и ярких художников — Е. Михнов-Войтен-

ко и др., фотографов — Б. Смелов и др., за ними пришли музыканты...), я вдруг обнаружила у всех них феноменальное сходство — в позиции полной и нацеленной изолированности — не просто эстетической, а принципиально экзистенциальной, с блокадниками — то же мироощущение и стремление выразить себя, своё чувствование — не состояние, а именно восприятие жизни через себя. Они не были ни советские, ни антисоветские, а как сами себя гениально назвали, «мимосоветские». То есть были сами по себе, со своим сильным внутренним миром и колоссальной ответственностью за правду: никаких эстетических уловок, выражалось только то, что сами испытывали, как воспринимали. Не скажу, что эстетика, но позиция была аскетичной. И это делало их невероятно свободными и подчеркивало их разность, которая не мешала им сосуществовать, причем целыми школами... Совершенно неповторимый и уникальный опыт человеческого художественного бытия. Словно это было продолжением той изоляции, через которую прошли блокадники, только у тех она была вынужденная, но в ней они себя сформировали, уже ни на кого не надеясь, кроме как на Небо, тогда как у этих — целевая, в какой-то степени взятая из их опыта. Очень помогают дневники и записи блокадников, которые в последнее время стали появляться, находят, раскрывают и расшифровывают архивы, которых много, причем не только в самом городе, а за границей, и невольно напрашивается сравнение с тем, что писали они и что после осталось... как это интересно! Столько сходств и перекрещиваний! Словно блокадный город что-то

такое в себе выработал и сохранил, что позволило поколению после блокады в этот итог окунуться и пойти дальше. А какой это клад для тех, кого интересует мистика, особенно Питера, давно признанная. Можете себе представить, что одним из первых в блокадный Ленинград вошел с армией по льду Ладожского озера великий наш поэт-мистик Даниил Андреев (сын Леонида). Для меня это стало провидением: впоследствии он описал представшую ему заснеженную, но всё еще живую картину города в поэме «Ленинградский апокалипсис» (кстати, сидя во Владимирской тюрьме!). С Галей Зерниной мы задумали сделать что-то вроде книги-альбома, она сейчас занимается поиском мест для своих фотоколлажей (очень условное определение), в котором попытаемся соединить опыт блокадников с поисками нового поколения — через память города. Одна работа у меня уже есть: «Аронзон и Бродский как наследники эсхатологии Ленинграда», — но это еще только нащупываемая идея, которая нас очень влечет. Можно сказать, контекст...

Поразительно, как умалчивали об этом страшном опыте, через который прошли блокадники, и столько лет — не одни власти, сами люди предпочитали не вспоминать! Причины были разные, но тон задавали верхи, сосредоточившись на героизации — так легче было закрыть глаза на страдания и муки оказавшихся фактически брошенными и предоставленными сами себе... Я и сама ничего об этом не знала бы, но жертвами блокады стали бабушкина родная сестра Анна (тетя Аня), которая жила с мужем Александром (дядя Саша) и сыном

Шуриком в Ленинграде. Именно он, после того, как они осели в Москве, стал моим ближайшим другом и посвятил в подробности этого кошмарного бытия. Свою статью я посвятила ему — он постоянно незримо со мной. И то, что я хоть так могу оправдать их страдания, меня утешает... Тётя Аня не хотела даже слышать наши разговоры — так они настрадались. От Шурика я узнала, что они, для того, чтобы согреться — на книги не хватало сил: их же еще надобно было «раздеть» — оторвать обложку, растерзать страницы, — жгли ватманские эскизы Родена, который — огромную свою папку — подарил дяде Саше, когда тот жил в Париже. И у меня невольно вырвалось: «Боже мой, вас спасло великое искусство!». Буквально в последнюю минуту их вывезли, хотя они не хотели уезжать, им было уже всё равно, но их принудил Борис Загурский, муж их младшей сестры Евочки, умершей еще до войны. В последующей жизни они, конечно, много мыкались, вновь столкнувшись с *чертой оседлости*. Со временем получили квартиру, Шурик женился, родилась внучка Галочка — постепенно они успокоились. Это были чрезвычайно интересные люди, этнографы, много ездившие по Дальнему Востоку, встретились они в Японии, куда попали, уходя от Гражданской войны. Однако и тут было беспокойно — дядю Сашу могли принудить к мобилизации, как белые, так и красные. Скрыться им удалось в Индонезии, где они уже обосновались, он работал на большом предприятии, она преподавала музыку и английский язык, но узнали про голландскую экспедицию и пристроились к ней, всё оставив. Они собрали свыше ты-

сячи предметов труда и решили вернуться в Советскую страну, которой и подарили свою коллекцию — в ленинградский музей Петра Великого. Так они оказались в Ленинграде, где получили квартиру, и мама, которая к ним приезжала на каникулы, мне рассказывала, что более элегантно и со вкусом обставленной квартиры она в жизни своей не встречала. Всё это они бросили, спасаясь от блокады, квартира досталась чужим, которые присвоили себе всё, что там было, а Шурика, приехавшего в 70-е годы просто посмотреть бывшее жилье, даже на порог не пустили. Как часто бывает, о них забыли настолько, что, когда в музей Петра Великого пришла работать молодая голландка (выйдя замуж за русского) Вильгельмина Герардовна Трисман, она захотела найти «тех самых» Эстриных, наслышанная о них еще у себя на родине, но никто не знал, что с ними и где они. Упорства ей было не занимать, наконец, она напала на их след, однако в живых был уже только дядя Саша. Постепенно она привлекла к ним внимание, ими стали заниматься специалисты, и всплыла история с тем, как была даже подготовлена книга об их путешествиях, но грянули очередные военные события на Ближнем Востоке (Шестидневная война, 1967 и война Судного дня, 1973), — всё рассыпалось. Опять наступило преступное молчание, правда теперь уже мы во многом разбирались, научились слушать голоса, и, зная, как прослушиваются телефоны, с новостями ездили друг к другу. Все, кто хотел, был в курсе событий.

Однажды, уже в двухтысячные годы, Шурик и Галя мне говорят: «Ты — филолог, займись ими, по-

ищи рукописи». На это ушло 7 лет, я разыскала человека, который занимался Индонезией, жил там, бывал на лекциях дяди Саши — уже после войны, Михаил Членов. Он об этих лекциях мне рассказывал и очень помогал... Путеводной нитью в поисках была подруга-востоковед Ира Карпетьянц, которая буквально продумывала каждый мой шаг: «Позвони тому-то. А теперь спроси у того-то. Я слышала, что после смерти того-то, архив мог перейти к такому-то, надо найти к нему дорогу...» И архив был найден! Семь лет пролетели с большим интересом, я регулярно ездила в Питер, проводила время в музеях, библиотеках, не переставая удивляться тому, что, анализируя деятельность дяди Саши, советские учёные-мужья, среди которых были весьма уважаемые, не понимали: «Как он мог так точно охарактеризовать труд, всё разобрать и систематизировать, не имея специального образования?!» Я поясняла: Он закончил 4 класса хедера, где на иврите изучали Тору, а это была великая книга жизни, все понятия труда были в ней разложены по полочкам. «Причём это здесь?» — возражали мне. Просто никто не знал основ воспитания евреев. Тогда как это была фундаментальная подготовка к жизни, которой просто не учитывали.

Когда работа моя была закончена, я передала книгу их внучке Галине Эстриной, и уже она занималась ее подготовкой к печати, дополнила материалами из музея, личным архивом, я к тому времени уже жила в Израиле. А чтобы ее поскорее издали, не теряя времени на поиски, деньги нам дал сын дяди Саши и тети Анюты — Александр, наш Шурик.

Я благодарна судьбе за то, что сумела погрузиться в уже ушедший мир. Со мной регулярно ездила в Питер студенческая подруга, которая в те годы преподавала сначала латынь, а потом зарубежку в Элистинском университете, Надежда Трубкина, мы жили на квартире ее друзей Лены и Вениамина Витязевых, Веня нам играл на своем пианино, мы слушали музыку под вкусную еду... И ни слова о работе, деньгах, *как прожить* в тяжелые времена... Питер позволял погрузиться совсем в другую атмосферу... Отсюда моё знание блокады и чувство приобщённости не просто к этим событиям, а к их миру. Я очень люблю Краков, Париж, Кембридж — каждый со своим очарованием и какой-то особой жизнью *для меня*. Но Питер — необыкновенный, мистический город, в нем я живу и ощущаю его сразу, сойдя с поезда. Там даже небо другое... Серое, низкое, но не падает, а укутывает...

Однако, что интересно: если в Питере я обретала потусторонне, в общении с ним, то в Иерусалиме я познала жизнь: бытовую, обыденную, и духовную, но прежде всего историческую, ведь тут прошлое — яркое, выразительное, говорящее — на каждом шагу. Словно получила всё сразу — друзья, коллеги, интересы, вкусы, какая-то невыразимая свобода

духа, непреходящее ко всему внимание — всё привлекает и желание это запечатлеть. Здесь царство замыслов!

Мне хочется снова привести стихотворение и им закончить: оно точно выражает мое здесь состояние: постоянного откровения и узнавания...

Как свечечки горят огни за городом...
Дождь, ветер, чудо — колдовство.
Тень не скользит.
Туман висит над пропастью.
И тишина в молитве спит.

С. Э.: Спасибо вам за интервью!

Е. Т. А Вам за приглашение, вопросы, благодаря которым я сформулировала суть и нашла определение многим явлениям, бывшим со мной. Мне захотелось подарить Вам книгу о моих Эстриных, я Вам об этом сказала, но Вы ответили, что Вам удобнее электронный вариант, которого у меня не было. И можете себе представить, спустя столько времени (книга вышла в 2018 году!) моя сестра, которая фактически ее издавала, вдруг получает из издательства электронный адрес этой книги (файл «Из издательства-верстка.zip» — <https://disk.yandex.ru/d/QRMykQZw29ZmjA>), который я Вам и читателям «Исторической Экспертизы» с удовольствием посылаю. Небо нас слышит!»

«КАКОЙ УРОН ПУТИН МОЖЕТ НАНЕСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ? НУЛЕВОЙ».

Интервью с Л. М. Гиршовичем

В интервью «Исторической Экспертизе» музыкант и писатель Леонид Гиршович делится воспоминаниями из своей жизни, рассказывает о своих предках до 4–5 колена, рассуждает о своем восприятии Холокоста, о причинах, побудивших его семью к эмиграции в Израиль, о судьбах русской культуры в современном мире.

Ключевые слова: еврейские местечки в Беларуси, антисемитизм, Холокост, блокадный Ленинград, антинемецкие настроения в Израиле в 50-х гг. XX в.

Сведения об авторе: Леонид Моисеевич Гиршович, музыкант, писатель.

Контактная информация: lmgirsho@googlemail.com

Автор книги: Обмененные головы: Роман (СПб.: Библиополис, 1992); то же (М.: Текст, 1995, 1998, 2011), перевод на французский: *Têtes interverties, roman* (Lagrasse: Éditions Verdier, 2007); Чародеи со скрипками: Романы, эссе (СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 1997); Прайс: Роман (СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1998) Шорт-лист Букеровской премии 1999, перевод на французский: *Apologie de la fuite, roman* (Lagrasse: Éditions Verdier, 2004); Замкнутые миры доктора Прайса: Повести (М.: НЛО, 2001); Суббота навсегда: Роман (СПб.: Чистый лист, Ретро, 2001); «Вий», вокальный цикл Шуберта на слова Гоголя: Роман (М.: Текст, 2005), перевод на французский: *Schubert à Kiev, roman* (Lagrasse: Éditions Verdier, 2012); Фашизм и наоборот: Повесть (М.: НЛО, 2006); Шаутбенахт: Рассказы (М.: Текст, 2008); *Meurtre sur la plage, roman* (Lagrasse: Éditions Verdier, 2015); Арена XX: Роман (М.: Время, 2016). Мозаика малых дел: Серия «Записки русского путешественника» (М.: НЛО, 2017); Тайное имя — ЙХВХ: Роман (Москва/Иерусалим: Изд-во М. Гринберга; студия 4+4, 2020); Против справедливости: Повесть, эссе, интервью (М.: НЛО, 2021); Автобиография потерявшего память: Роман (Москва/Иерусалим: Библиотека М. Гринберга, 2021); Убить Бальтазара: Повести (М.: Текст, 2022); Память, ври! Да не завирайся... : Повести, эссе (Москва/Иерусалим: Библиотека М. Гринберга, 2022).

“WHAT DAMAGE CAN PUTIN INFLICT ON RUSSIAN CULTURE? NULL”.

Interview with L. M. Girshovich

In an interview with “Historical Expertise”, musician and writer Leonid Girshovich shares his memories from his life, talks about his ancestors up to the 4th and 5th generation, about the impressions left from the Second World War, talks also about his perception of the Holocaust, about the reasons that prompted

his family to emigration to Israel, shares his thoughts about the fate of Russian culture in the world.

Key words: Jewish settlements in Belarus, anti-Semitism, Holocaust, besieged Leningrad, anti-German sentiments in Israel in the 1950s.

About the author: Leonid Moiseevich Girshovich, musician, writer.

Contact information: lmgirsho@googlemail.com

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э.: Дорогой Леонид Моисеевич, первый вопрос традиционный для нашего журнала, специализирующегося на исследованиях памяти. Мы проверяем гипотезу немецкого исследователя Яна Ассманна, согласно которой коммуникативная (семейная) память современных людей ограничена тремя поколениями, т. е. охватывает не более 100 лет. Какова глубина вашей семейной памяти? Занимались ли вы поиском своих предков?

Л.Г.: История семьи со стороны отца мне известна до четвертого колена — в смысле поколения — включительно. Родом из-под Гродно, точнее, из местечка Кореличи, известного своим гетто — но это события новейшей истории, а в те баснословные времена там жили себе поживали хасиды любавичевского толка, хотя Гаскала (Просвещение) уже коснулась этих Богом забытых уголков еврейского мира. Мой прадед, Моисей Ионович, судя по фото, благообразный буржуа, другими словами, горожанин, служил в одном из одесских банков. Когда в 1916 году с ним случился удар, он послал сына Ионочку купить газет, а сам выбросился из окна. Склонность к апоплексии была наследственной. От того же весной 1941 года в Ленинграде скончался мой дед Иона Моисеевич, а пятьюде-

сятью годами позже, в Иерусалиме, мой отец, Моисей Ионович. Как говорится, поживем увидим, все-таки меня назвали Леонидом — хотя подпольный ленинградский моэль произнес надо мной имя пророка Ионы (смешно сказать, сегодня в Израиле это женское имя).

Мой двоюродный прадед, Борис Моисеевич был, не побоюсь этого слова, знаменитостью. Читаем: «Русский архитектор, представитель поздней эклектики, модерна и неоклассицизма. Член Петербургского общества архитекторов с 1892 года. Выпускник Императорской Академии художеств (1886 год)». От себя добавлю, что в одном из построенных им зданий доводилось бывать большинству ленинградцев и «гостей нашего города». Помните кафе «Север» на Невском, оно же «Норд»?

О третьем брате Гиршовиче, уроженце села Кореличи я знал только, что в Одессе он познакомился с Бяликом, оттуда же уплыл в Палестину — и поминай как звали. Однажды уже самостоятельным подростком мой сын в кафе, на иерусалимском променаде Бен-Иегуда, разговорился со старым немецким евреем. Слово за слово, и тут оказалось, что он женат на внучке того самого Гиршовича-сиониста.

Предков со стороны матери я могу проследить аж до пятого поколения, в подробностях, с разными байками и местечковыми анекдотами, нередко лившими воду на антисемитскую мельницу. Так один из бесчисленных братьев моего прадеда рэб Айзека — так мне полагалось его называть — взял кредит, накупил вагон товаров, которые застраховал, а в пути вагон сгорел, и нашлись свидетели того, что дело нечисто. Горе-предпринимателя взяли под стражу. Тогда его отец, мой прапрадед рэб Шая нагрузил подводу всякой всячиной и отправился ко двору прославленного цадика — благочестивого мудреца: что делать? Цадик, надо полагать, не напрасно славился своей мудростью. Присяжные вынесли оправдательный приговор и потом неделю пилигуляли. Один из свидетелей обвинения исчез, другой не то попался на разбойном нападении, не то был найден бездыханным в какой-то канаве.

Я никогда не увлекался ни генеалогическими изысканиями, ни модными нынче генетическими. Зато в детстве я был благодарным слушателем разных «майсэс», историй, а рассказчиков вокруг меня хватало, весьма неполиткорректных. Моя бабка — бабушка Гитуся, окончившая свои дни в иерусалимском старческом доме, ей было под сто — смеялась: «Кошка пропала на хануку, а летом за шкапом ее обнаружили», мол, вот такая вонь стояла в доме. У меня сохранилось множество старинных фотографий. На одной из них Гитуська, лет двенадцати, со своей бабушкой — моей пра-прабабкой. Это ей, уже совсем древней, полуслепой, моя мать будет говорить: «Форзихт, трэпэлэ» (осторожно, ступенька).

С. Э.: Советская история с 1917 до смерти Сталина — это сплошная травма. Передавалась ли память об этих событиях в вашей семье?

Л. Г.: Хотя в моей семье никто не был репрессирован, отношение к советской власти было адекватным. Слушали «голоса», прадед — он умер в шестидесятом году древним старцем — ходил по Ленинграду в лапсердаке, в картузе, русского не знал вовсе. Со стороны матери я — первое поколение, для кого русский был родным. «Т-шш! Помни, в какой стране ты живешь!» — повторял мне отец, потому как язык у меня был без костей. С середины 50-х отец часто и подолгу гастролировал на Западе. Он играл на скрипке в оркестре Мравинского. Это деньги, это сверхпрестиж, это шмутье — а для меня бесконечные рассказы о «загранице», распалывшие мою ненависть к «застенку». Я категорически отказался вступать в комсомол, сколько меня дома не уговаривали. «Нет, это как креститься». Действовало. Семья была в общем-то марранской: «роше шонэ», «сэйдэр», привычное, на ашкеназийский лад «борух ато Адоной». «Гонимая нация, этим надо гордиться», — говорила мне мать. Она вела класс альта в специальной музыкальной школе при консерватории и пользовалась известностью. «Ты должен хорошо играть, чтоб никогда не унижаться». Ну, в общем, так и получилось. В двадцать один год я поступил в Филармонию и успел поработать там три года, но зарубежные поездки были мне заказаны, я — «невыездной». «Это в его же интересах», — сказал отцу гебешный генерал, курировавший Филармонию (генерал Московцев,

сухонький, серенький, ходил в концерты с женой и дочкой — запомнил-ся его галстук, самодельный, в блестящих в виде скрипичного ключа, такими в галерее Апраксина двора торговали цыганки). Гебешник был прав. Неровен час, сбежал бы и всех погубил.

С.Э.: Американская исследовательница Марианн Хирш, чьи родители пережили Холокост в Черновцах, ввела понятие «постпамять», когда дети и даже внуки переживают трагический опыт предшествующих поколений родственников как собственный. Ваши романы посвящены, в том числе, и темам Холокоста и послевоенных преследований евреев в сталинском СССР. Можно ли сказать, что таким образом вы «прорабатываете» свою постпамять?

Л.Г.: Слово «Холокост» я впервые услышал в Израиле. В 1976 году на экраны вышел одноименный американский сериал. Слово настолько чуждое советскому слуху, что на первых порах за сериалом закрепилось прозвище «Голохвост». В Союзе символом Катастрофы был киевский Бабий Яр, упоминание о нем приравнивалось к подрывной деятельности. О печах польского Освенцима тоже предпочитали лишний раз не вспоминать. Громогласно произносилось «Бухенвальд»: «Люди мира на минуту встаньте...». А вообще нахождение советского гражданина на оккупированной территории даже в качестве обреченного на гибель еврея-кацетника, т.е. лагерника (от немецкого KZ) попахивало изменой родине, сдачей в плен. Я знаю, что лагерный номер на руке те немногие,

кто уцелел, старались вытравить. В моем случае «постпамять» — само слово мне кажется головным, надуманным — это ужасы блокады, которую пережили родители и о которой мне рассказывалось во всех подробностях: о саночках с ведром, о проруби на Фонтанке, о тех же саночках с детским трупиком, который отец куда-то везет — у горбуны Тетериной, соседки, умер ребенок (отлично помню ее, красноглазую, с седенькой косицей). О людоедах, их, якобы, выдавали белые мучнистые лица. О раблезианских пиршествах во сне. Как-то раз отец разжился где-то двумя кульками какой-то трухи, предназначавшейся для варки, идет домой по Надеждинской и вдруг слышит позади шаги. Оборачивается — милиционер. «Гражданин, что несете?» Отец показывает на штабеля ледяных тел во дворе Александринской больницы. «И мы с вами будем так же лежать. Один вам, один мне». Милиционер схватил кулек и убежал. А еще о том, как Элиасберг, дирижировавший легендарной премьерой Ленинградской симфонии Шостаковича в блокадном городе, мог лишиться трубача пайка: «Карл Ильич, пожалуйста, у меня губы не держат...», — плакал тот. Или, как гнали студентов консерватории на бессмысленную гибель.

А рассказы о раскулаченных крестьянах, пробившихся сквозь НКВДшные кордоны в Ленинград, чтобы умереть от голода и холода, лежа на канализационных решетках! Мальчиком отец это видел.

Нет, конечно, я знал, что немцы убивали евреев, что моя прабабка Мэрим была расстреляна в Наро-

дичах — тогдашних Кагановичах — но все это было так же далеко, как костры испанской инквизиции, по сравнению с тем повседневным ленинградским антисемитизмом, уличным, дворовым, соседским, который я испытывал ежесекундно, будучи трехлетним, четырехлетним, пятилетним. О том, что я еврей, я узнал тогда же, когда узнал, что я мальчик, а не девочка. В первые годы жизни я дышал воздухом надвигающегося имперского погрома, это осталось навсегда. У каждого в шкафу свой доктор Фрейд.

С.Э.: Вы уехали из СССР в Израиль в начале 1970-х, как только открылась такая возможность. Повлияли на это решение феномен обретения еврейской памяти и идентичности, свойственный после Шестидневной войны 1967 многим молодым представителям изрядно «русифицированного» к тому времени советского еврейства?

Л.Г.: Мы бы уехали из СССР и без всякого Израиля (как говорится, «хас вехалила», не приведи Господь), и без всякой Чехословакии (что сыграла, на мой взгляд, первостепенную роль в возникновении сионистских кружков в Москве и Ленинграде). Я только-только женился, мне еще не было двадцати трех, моей жене был двадцать один год. «Я рабов рожать не буду», — сказала она. Безусловно мы были эмансипированы, но ассимилированы в России отнюдь не были. Я с шести лет обучался на скрипке, этнически русские среди моих однокашников составляли меньшинство, скорей уж они худо-бедно адаптировались в еврейско-скрипичной среде. На бар-миц-

ву — тринадцатилетие — дед сделал мне царский подарок: шестнадцатитомную «Еврейскую энциклопедию» и «Историю евреев» Греца в двенадцати томах. До сих пор я пользуюсь ими, выкупленными из египетского плена, о чем свидетельствует печать: «Разрешено к вывозу из СССР».

С.Э.: Почему вы не прижились на «исторической родине» и переехали в Германию? Пришлось ли для этого преодолевать негативное восприятие немцев, которое в первые десятилетия после войны доминировало у большинства советских граждан?

Л.Г.: Не могу сказать, что в Израиле я не прижился. Через неделю по прилете уже сидел помощником концертмейстера в оркестре Израильского радио («Коль Исраэль»). Жена начала работать и того раньше, на другой же день — аккомпаниатором в балетной школе, у жены кинорежиссера Калика. В 74/75 годах я был на срочной службе (и потом еще каждый год сорок дней проводил на учениях, что способствует превращению в израильтянина). В Израиле я начал печататься, появился круг общения, впервые литературно-филологический, а не как в Ленинграде — сугубо цеховой. Но пожить в Европе соблазнительно, да и мое израильское жалованье было в четыре раза меньше, чем за ту же работу я получал бы в немецком оркестре. Я сыграл конкурс, подписал контракт и стал немецким «камер-музикером» — так официально именовалась моя должность — госслужащим с постоянным видом на жительство. Жена преподавала рояль, родился сын, затем дочь. Как всякий автодидакт, я постарался

дать им образование, которого сам не получил — я ведь всего лишь скрипичный умелец с девятью классами школы (консерватория не требовала аттестата зрелости). Так мы осели в Германии. Когда за два года до пенсии стало ясно, что в Израиль мы уже не вернемся, мы в придачу к израильским паспортам взяли немецкие. В самом Израиле мы бываем часто, с этим миром нас много что связывает — хотя теперь уже мало кто.

Относительно «негативного восприятия немцев, которое в первые десятилетия после войны доминировало у большинства советских граждан». Я неоднократно сталкивался «с негативным восприятием немцев» во Франции, на Балканах, в Польше — о! в Польше как нигде: если русских презирали: свиньи, то немцев ненавидели: палачи. Об Израиле я, естественно, не говорю. Когда правительство Бен-Гуриона в начале пятидесятых вело переговоры с Германией о репарациях, чуть не вспыхнула гражданская война: «Каждый немец нацист, каждый немец убийца». Еще в семидесятые годы земля «дышала», пепел Клааса стучал в наше сердце. В свое время Мартин Бубер выступил против казни Эйхмана: «Если враг превратит нас, хотя бы одного из нас, в своего палача, значит он победил», к нему присоединилась Нелли Закс. Кабинет министров дрогнул. Предполагалось, что адвокат подаст прошение о помиловании и президент его подпишет. Но Бен-Гурион положил конец всяким колебаниям: «Убийца да будет убит». А вот в Союзе я ничего подобного, никаких антинемецких настроений не припомню (исключение — евреи в аннексированных областях, из ко-

торых многие уехали вскоре после войны, кто в Израиль, кто еще куда — для них «земля дышала»). Напротив того, простые советские люди, вернувшиеся с войны, говорили: «Ё-мое! как они там живут!» Слово «трофеи» прикрывало всяческое мародерство, массовые изнасилования, о чем я знал, что называется, из первых рук, или, как сейчас говорят, «из первых уст». Советские фильмы «Подвиг разведчика», «Секретная миссия», «Щит и меч» истекали слюной, демонстрируя фашистские мундиры. Знаменитые «Семнадцать мгновений весны» при мне еще не шли, но могу себе представить, как умирал советский человек при виде Тихонова в эсэсовской форме — «как аттический солдат, в своего врага влюбленный». А тут еще ГДР, страна прозревших немцев, «Эрнст Тельман, сын своего класса», пр-во «Дефа-фильм». Нет, не звучало в моем ленинградском детстве «убей немца», только казенные фразы о героической Красной армии, сражавшейся с гитлеровцами, с фашистами. Само понятие «нацизм» было выведено за скобки. Показателен анекдот хрущевских времен, в те годы никого решительно не коробивший: «Вопрос армянского радио: кто такой Гитлер? Отвечаем: мелкий тиран эпохи сталинизма».

С.Э.: Мне довелось рецензировать книгу рецензий 90-х и нулевых годов «Литературный Гиппократ» А.П. Люсого (<https://old.culturalresearch.ru/rewiev/77-erlich-review>). Я обратил внимание, что большинство из романов современных русских писателей посвящено «проработке» советского прошлого. И в этом отношении

современные литераторы контрастируют с русской классической прозой, обращенной в основном к злободневным проблемам. Может в этом состоит одна из причин того, почему произведения современных русских писателей выходят мизерными тиражами? Исключение — на порядок, а то и два большие тиражи романов «злободневщика» Пелевина — как будто подтверждает это правило. Каковы на ваш взгляд причины того, что русская литература занимает маргинальное положение в современном общественном сознании?

Л.Г.: О произведениях современных русских писателей я не берусь судить. По двум причинам. О собратях по перу лучше помалкивать. Я читаю ревнивым оком и сравниваю с самим собою. И либо завидую, либо — ппшол вон! Но главное даже не это. Я им не судья, потому что не представляю себе, каково это писать на языке страны, в которой живешь. Если угодно, я пишу на мертвом языке, который не имеет ни малейшего отношения к шуму улицы. Я не претендую на высокое звание русского писателя, не несу знамя русской духовности, чем славится русская литература, я не широк в кости. Никогда не интересовался тиражом моих книжек. Не сомневаюсь, что ничтожно малым по советским меркам, но нормальным по эмигрантским. Гонораров мне не платят, обратной связи с читателем у меня нет, что такое читательский успех, мне неведомо. В сущности, писательство для меня это чудовищно гипертрофированное хобби. Как скрипач я вряд ли согласился бы извлечь из инструмента хоть один звук без того, чтобы мне

за это заплатили, здесь я профессионал. А писать пишу по целым дням, совершенно бескорыстно, это наркотическая зависимость, и слово «графоман» меня не смущает — не более, чем медицинский термин. При этом круг моих тем сужен необычайно: выдуманный мир, даже если притворяется реальным. Описывать незнакомый город, страну, в которой никогда не был — не знаю большего наслаждения. Например, как в Ашхабаде в театре имени Пушкина состоялась в 1938 году премьера пьесы Булгакова «Батум». Или описывать сиротский приют в Валенсии, в А Корунье в 1948 году (год моего рождения).

С.Э.: **Начав войну против Украины, Путин нанес тяжелейший удар по русской культуре. Как по вашему мнению будет развиваться русская литература после «спецоперации по денацификации»?**

Л.Г.: В индивидуальном восприятии культура это нечто состоявшееся. Для меня культура существует в прошедшем времени как нечто музейное. Отнюдь не в перспективе. То, что впереди — цивилизация. Какой урон Путин может нанести культуре вообще и русской в частности, я слабо себе представляю. Такой же, какой Гитлер нанес немецкой культуре, скажем, Второй симфонии Брамса, под которую я сию минуту пишу. Нулевой. Скомпрометировать задним числом творение человеческого духа невозможно. Нет, удар может прийтись по чему угодно, только не по культуре. Скорее наоборот, из гулчи потрясений родится что-нибудь значительное в художественном плане. Как Платонов, как Примо Леви.

Кто бы подумал, что заурядный любекский антисемит и филистер, написавший «Кровь Вельсунгов», поднимется до библейских небес, создав в тридцатые годы «Иосифа и его братьев»? Увы, этот грядущий шедевр будет мною не понят, не оценен. Даже если дотяну до его рождения, поморщусь — с моими-то допотопными культурными ориентирами, будь то музыка, будь то литература, будь то кино. Оставаясь на этой парадоксалистской ноте, скажу больше. Когда б не море крови и городá-пепелища, которые этот «крошка Цахес» по себе оставил и еще оставит, я бы только порадовался предприятию под кодовым названием «специальная операция».

Россия — чудовищный анахронизм, еще сто лет назад она должна была разделить судьбу другого колосса на глиняных ногах, Дунайской империи. Но широк русский человек. И если украинцам удастся его сузить, то дай им Бог здоровья.

С. Э.: Завершающий традиционный вопрос: ваши творческие планы?

Л. Г.: Ну какие могут быть творческие планы в 75 лет? Я уже давно не пишу, я мастерю. Выстругал что-нибудь, показал жене, ну и принимаюсь за следующую болванку.

С. Э.: Спасибо за интервью!

«В РОССИИ ЕСТЬ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ПРОТЕСТУЮТ, КОТОРЫЕ ПОЛУЧАЮТ ШТРАФЫ, А ПОТОМ И СРОКИ».

Интервью с Г. В. Касьяновым

Видный историк, исследователь исторической памяти Г. В. Касьянов делится своим мнением о глубине семейной памяти представителей разных социальных слоев, рассказывает о возможностях ученого-историка в советский период, анализирует взаимосвязи исторической памяти и историографии и дальнейшие перспективы славистических исследований в связи с российско-украинским вооруженным конфликтом.

Ключевые слова: Россия, Украина, Польша, историческая память, коллективная ответственность

Сведения об авторе: Георгий Владимирович Касьянов, профессор университета Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша.

Контактная информация: georgiykasianov@gmail.com

Автор книги: «Сталінізм на Україні, 20-ті — 30-ті роки», Київ: Либідь, (1991), в соавт. с С. Кульчицким и В. Даниленко, 342 с.; «Сталінізм і українська інтелігенція (20-ті — 30-ті роки). Київ, Наукова думка, в соавт. с В. Даниленко, 96 с.; «Українська інтелігенція 1920–30-х років: соціальний портрет та історична доля» (1992), Глобус-Вік — Канадський інститут українських студій, Київ — Едмонтон, 175 с.; «Українська інтелігенція на рубежі XIX—XX ст.: Соціально-політичний портрет» (1993), Київ, Либідь, 171 с.; «Незгодні: українська інтелігенція в русі опору 1960–80-х років» (1995, 2019 второе издание), Київ, Либідь, 223 с.; «Історія України: нове бачення» (1996), в соавт. Київ, Вид-во «Україна»; *Ukrainaan Historia, Helsinki: Venajan ja Ita_Euroopan Instituutti*, 259 с. в соавт. с В. Пилипенко; «Теорії нації та націоналізму» (1999), Київ, Либідь, 352 с.; «До питання по ідеологію ОУН» (2003), Київ, Інститут історії України НАНУ, 63 с.; *Past in the Making. Historical Revisionism in Central Europe After 1989. Central European University Press: Budapest*, 2008, 276 с (в соавт. с М. Копечек и др.); «Украина 1991–2007. Очерки новейшей истории» (2008), Киев, Наш час, 477 с.; *Vademecum Contemporary History, Ukraine. A Guide to Archives, research institutions, libraries, associations and museums, Kyiv- Berlin*, 2008, 142 с. (в соавт. В. Йильге, А. Андрощук); *История Украи-*

ны Научно-популярные очерки, Москва: ОЛМА Медиа груп 2008, 1070 с. (в соавт. с В. Верстюк и др.); «A Laboratory of Transnational History. Ukraine and Recent Ukrainian Historiography» (2009), в соавт. с Ф. Тером Budapest, CEU Press; «Danse macabre: голод 1932–1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті — початок 2000-х)» (2010), Київ, Наш час; «Россия — Украина. Как пишется история. Диалоги, лекции, статьи» (2011), в соавт. с А. И. Миллером, РГГУ, 2011, 307 с.; Die Ukraine zwischen Selbstbestimmung und Fremdherrschaft 1917–1922 s. Graz: Leykam, 2011, 544 с., в соавт. с В. Дорник, П. Либ и др.; Convolutions of Historical Politics, CEU Press, New — York — Budapest 2012, в соавт. с А. Миллер, М. Липман и др. 362 с.; Past Continuous: Исторична політика 1980-х — 2000-х. Україна та сусіди (2018), Лаурус, 2018, 420 с.; Розрита могила. Голод 1932–1933 років у політиці, пам'яті та історії (1980-ті — 2000-ні) (2019), Фоліо, 2019, 298 с.; Украина и соседи: историческая политика 1987–2018 (2019, русская версия Past Continuous)ю М.: Новое литературное обозрение, 2019; From «The Ukraine» to Ukraine. A Contemporary History, 1991–2021 (2021) в соавт. с М. Рожански, М. Минаков и др. Ibidem Publishers, 2021, 452 с.; Memory Crash. Politics of History in and Around Ukraine, Central European University Press, 2022, 420 с

“THERE ARE PEOPLE IN RUSSIA WHO PROTEST, WHO RECEIVE FINES AND THEN JAIL TERMS”. Interview with G. V. Kasianov

Prominent Ukrainian historian, researcher of historical memory Georgiy V. Kasianov shares his opinion on the depth of family memory of representatives of different social strata, talks about the possibilities of a historian in the Soviet period, analyzes the relationship between historical memory and historiography, and further prospects for Slavic studies in connection with the Russian-Ukrainian armed conflict.

Key words: Russia, Ukraine, Russian-Ukrainian relations, Poland, historical memory, collective responsibility.

About the author: Georgiy Volodimirovich Kasianov, professor at the Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland.

Contact information: georgiykasianov@gmail.com

Беседовал С. Е. Эрлих.

С.Э.: Ян Ассманн утверждает, что в современном обществе коммуникативная (семейная) память охватывает 80–100 лет, т. е. три поколения. Расскажите, пожалуйста, на сколько поколений простирается ваша семейная память.

Г.К.: У меня тоже где-то в таких пределах. С дедами своими я общался, а о прадеде я слышал уже только

от них. Был момент, когда в начале 90-х годов я последний раз был на родине в Челябинске, мне тогда было 32 года и я решил выяснить у родственников какие-то детали. Мне это удалось сделать только по линии матери. А дед по линии отца уже к тому времени умер, поэтому черпать сведения мне приходилось от его детей: от моих тётъ — сестёр отца. Я выяснил, что мои предки по отцовской

линии — переселенцы из Полтавской губернии, поехавшие за землёй во времена Столыпина. А предки по материнской линии до прадеда и прабабушки — русские, жившие на Урале, в Верхней Салде. Если вспомнить Высоцкого — «если кто и влез ко мне, так и тот — татарин». Моя бабушка — жена моего деда — была из богатых крестьян, тех кого называли кулаками. А Касьяновы — фамилию которых я получил по отцу — до того, как перебрались на Урал были Касьяны и уже там стали Касьяновыми. Так что глубина — это чуть дальше за третье поколение. Глубже я ничего не знаю. Если принять во внимание мой социальный профиль горожанина то, наверное, по-другому и не может быть.

С.Э.: Вы считаете, что неглубокая семейная память это неглубокая семейная память — это крестьянская специфика?

Г.К.: Если говорить о коммуникативной памяти, то да. Но это чисто индивидуальный опыт, я не могу утверждать, что у кого-то будет по-другому. Когда в Украине разговариваешь с кем-то, то очень многие — особенно в последнее время — любят вспоминать о своих предках из более далёких поколений, находят документы, казацкие фамилии. Всё это мне недоступно, я уже дитя урбанистического века, я родился и вырос в городе. И мои деды по обеим линиям тоже уже происходят из крестьян, из купцов, в некоторых случаях — из сельских учителей. Но все они — первое поколение горожан. Мои родители — второе поколение горожан, и это другое общество, где связи и память уже не очень держатся.

С.Э.: Рассказывали ли они что-то о сталинских репрессиях, как они пережили тот период?

Г.К.: В моей семье по отцовской линии были эпизоды, когда мой дед — Иван Андреевич Касьянов, будучи представителем бедной части села, должен был раскулачивать своего тестя — богатого крестьянина, фамилия которого была Король. Но мой дед был человек, скажем так, гибкий, как один из немногих грамотных в бедной части села, он стал секретарем сельсовета. Он не ходил в школу, но был научен грамоте лет в 9 местным священником, которому он понравился, будучи живым смышлёным мальчишкой. Он написал в сельсовете справку на себя, двух дочерей и жену, и ночью уехал из Шемонаихи (это северный Казахстан) в Армавир, а оттуда нанялся на строившийся в то время Сталинградский тракторный завод, там вступил в партию и стал местным партийным функционером. Потом оттуда — из Сталинграда — они эвакуировались в 1941 или 1942 году в Челябинск вместе с тракторостроительным заводом, который стал танковым заводом. Во время эвакуации под бомбёжкой погибла моя бабушка — мама моего отца, а мой годовалый отец получил тяжёлую контузию. Видимо, это произошло, когда эшелон выезжал из Сталинграда. Это то, что я знаю.

Село Шемонаиха в северном Казахстане делилось на две слободы, и одна из слобод была украинская. Так и говорили: «Хохлы там живут, и всё время пахнет галушками». Вот мой дед Касьянов и был из этих самых «хохлов». Хотя Короли тоже были

переселенцы — с Кубани. Их оттуда турнули за какие-то политические дела, и они переехали на богатые целинные земли, где и разбогатели. Кто-то из родственников мне рассказывал, что дед Касьянов мог напевать украинскую песню, что-то мастера, или вдруг разразиться цитатой из «Кобзаря», но я лично этого не слышал.

С.Э.: Они переселились именно в годы Столыпинской реформы?

Г.К.: Касьяны при Столыпине. А Короли, наверное, чуть раньше. К тому времени, когда Касьяны туда приехали, Короли уже были богатыми крестьянами. Там был мезальянс — мой дед женился на дочери Короля, и, я так понимаю, что со стороны родителей невесты не было большого энтузиазма, но там была любовь моих будущих бабушки и дедушки.

С.Э.: Он решил не повторять подвиг Павлика Морозова и не раскулачил тестя.

Г.К.: Он не стал Павликом Морозовым, он предпочёл убежать. Ему намекали, что, если он будет сильно усердствовать, ему могут выстрелить в окно из обреза. Так что он предпочёл мягкий вариант. По моим сведениям, никто из моих родственников никогда не подвергался репрессиям. Голодали — это, да, было, но не смертельно. Во время войны голодали и сразу после войны голодали. Рассказывали о замечательных американских яичных консервах — яичном порошке, который их спасал. Его называли «ленд-лизом».

Но каких-то серьёзных потрясений моя семейная память не содержит.

Я имею в виду потрясения, связанные с репрессиями, убийствами и смертями от голода. Более того, оба деда были вполне успешными советскими «менеджерами» среднего звена, один по партийно-советской линии, другой — на заводе в Челябинске. Там где-то даже фигурирует орден «Знак почёта».

С.Э.: Расскажите о своих родителях.

Г.К.: Родители — это образцовая ситуация. Мой отец — военнослужащий, офицер. Он пошёл в военное училище по идейным соображениям: хотел, если будет война, отомстить за свою мать, погибшую под бомбёжкой. Он закончил Хабаровское артиллеристское училище. Сначала он хотел стать лётчиком, но из Чебаркульского лётного училища его отчислили за то, что он кому-то набил морду (он вообще был правдолюб и правдоруб). И он перевёлся в артиллеристское. В 1961 году мы переехали в Днепрпетровск, куда отца отправили служить по окончании Хабаровского училища. А из Днепрпетровска в 1962 году его отправили устраивать Карибский кризис на Кубу. Он был в тех кораблях, что успели до блокады, он там, на «острове свободы» служил в артиллерии. После этого он, как исполнявший интернациональный долг, уже будучи офицером смог поступить в известную общесоюзную Академию противовоздушной обороны в Киеве. После её окончания отца отправили служить во Львов, где, собственно, я и добрался до старшего школьного возраста. Сначала мы жили в Днепрпетровске, но отец почти не жил там, поскольку был на Кубе. С 1965

по 1970 мы жили в Киеве, а в 70-ом мы переехали во Львов, где он служил в знаменитой Самаро-Ульяновской «железной» дивизии. Потом он перебрался в Житомир — он решил, что уйдёт там на пенсию. Отец уходил на пенсию по инвалидности, потому что на Кубе во время наводнения у них возникли проблемы с теми самыми ракетами, из-за которых был весь сыр-бор. Он получил там большую дозу радиации и со временем это сказалось на здоровье, пришлось уходить, поскольку он не мог нести строевую службу (он даже не мог носить сапоги из-за незаживающей язвы на ноге). Отец преподавал во Львовском политехническом институте на кафедре, потом перевёлся в Житомир, где служил в нынешней 95-ой дивизии, там же и ушёл на пенсию по инвалидности и уже доживал в Житомире.

А мама была инженером. Всю жизнь строила то фермы, то дома культуры, то школы. Она была инженер-проектировщик и до самой пенсии проработала инженером.

У меня была младшая сестра, но она трагически погибла в достаточно молодом ещё возрасте.

Вот это вся моя семья.

С. Э.: Ваши родители не гуманитарии. А почему вы избрали гуманитарную карьеру?

Г. К.: Историю я сразу очень сильно полюбил в пятом классе. Огромную роль сыграл учебник Коровкина. Я прочитал его сразу. Читать я начал рано, отец научил меня читать в пять лет — он играл со мной, а я научил-

ся читать. Я страшно любил читать и книги глотал жадно. Был я болезненным ребёнком, и книжки были для меня большой радостью. Тогда же в пятом классе я за ночь прочёл «Спартака», как и положено — с фонариком (классический сюжет). Утром в невменяемом состоянии пошёл в школу на уроки, вернулся снова стал читать-перечитывать. Историческая литература на меня произвела огромное впечатление! «Слоны Ганнибала» Немировского, конечно — Дюма (тоже в том самом возрасте), «Джафар и Джан» Раевского. Наш учитель Фёдор Устинович Ботяновский — директор школы по кличке «Ботинок» или «Фуфуня» (по инициалам Ф.У.), которого несмотря на смешные прозвища очень любили, так вёл уроки истории, что мне страшно хотелось так же рассказывать и столько же знать. Плюс — я рос во Львове с его удивительной атмосферой и историческим центром, по которому я лазил часами со своим другом как по музею. Лазал в прямом смысле, — мы путешествовали по крышам. В воскресенье был выходной (в то время была шестидневная учебная неделя), и мне мама выдавала 20 копеек, 5 из которых я тратил на Исторический музей на площади Рынок, в котором практически жил (тогда в нём ещё можно было почти жить); ещё 5 копеек я тратил на билет и 10 копеек на прочие удовольствия. От того музея теперь остались жалкие рудименты, а тогда это была скорее антикварная лавка. Там же во Львове была чудесная маленькая картинная галерея и Музей истории религии и атеизма (его уже нет). Это изначальные факторы: книги, учитель и среда обитания, заразившие меня историей.

Дальше, в 10 классе (я доучивался уже в Житомире) у нас был учитель — Юрий Александрович Курносов (молодой совсем парень, разница в возрасте была у нас небольшая, он был нам почти приятель). Он так преподавал, что я решил, что тоже хочу быть таким — я хочу быть учителем истории (тут круг с учителями замыкается). Я не собирался делать научную карьеру, а хотел быть учителем в школе. Я поступил в Киевский педагогический институт им. Максима Горького (сейчас это Национальный университет им. Драгоманова). А на двух последних курсах я вдруг раскусил радость исследовательской работы: я писал курсовые по истории Франции середины XVII века, по Фронде и Английской революции; оттуда перешёл на труды Поршнева Бориса Фёдоровича, который об этом тоже очень интересно писал. Вот тут меня засосала опасная трясина, и я решил, что, возможно, буду заниматься наукой. То же самое мне говорили все вокруг — преподаватели, учительница в школе, где я работал на пятом курсе. В Киеве не хватало учителей, и я пошёл работать в школу на полную ставку. Я обожал общаться с детьми любых возрастов, наша любовь была взаимной — у нас было полное взаимопонимание. Меня распределили работать в школу. К сожалению, не в ту, где я работал на пятом курсе. Но во мне уже поселился вирус — убежденность в том, что я должен заниматься наукой. Я подал документы в аспирантуру, сдал на отлично все экзамены и поступил. Так я стал историком-ученым. Это элемент случайности. А то, что я стал историком Украины — это совсем случайность. Я хотел специализироваться по все-

общей истории, но в Киеве было только три места, куда не член партии мог поступить в аспирантуру. А для того, чтобы поступить в аспирантуру на всеобщую историю, нужно было обязательно быть членом партии. Я таковым не являлся. У меня был ещё один недостаток — я не служил в армии, а сразу из школы пошёл в институт, из института — в аспирантуру. Что-то там брезжило в Ужгороде (моя преподавательница из института готова была сосватать меня туда в аспирантуру), но там по всеобщей истории предлагались темы вроде: «Профсоюзное движение в ГДР». А после архива канцлера Сегье и мемуаров Ларошфуко меня как-то не очень привлекала такая тема. И я попал к Станиславу Владиславовичу Кульчицкому. Хотя сначала поступал не к нему, а в отдел Истории Октябрьской революции и гражданской войны, поскольку я писал вступительную работу по «Изменениям в социальной структуре населения Украины во время Гражданской войны 1918–1920 гг». Я писал её, чтобы поступить в этот отдел, данный период меня привлекал обилием радикальных сюжетов. Но параллельно, в этот отдел поступал другой человек с важными достоинствами — член партии, отслуживший в армии. И его взяли туда. Поскольку я сдал все экзамены на отлично, меня невозможно было не принять, и у Кульчицкого, для меня открыли место в аспирантуре, и тут мне крупно повезло с руководителем. Хотя тема, которую он мне дал, меня совершенно не возбуждала. Но я смог это быстренько «накатать» и защитить. В-общем, историей Украины я стал заниматься совершенно случайно.

С.Э.: Какая была тема кандидатской?

Г.К.: Эта замечательная тема называется: «Инженерно-технические секции профсоюзов в социалистическом строительстве 1926–1937 гг.» Работая над это темой я нашел много всего забавного, в стиле Ильфа и Петрова. Инженерно-технические секции — ИТС — это были секции при профсоюзах, которые, как известно по словам Ленина, были приводными ремнями от партии к массам. Это были организации, в которых должны были перевоспитывать инженеров старой школы, старую техническую интеллигенцию, вовлекать их в социалистическое строительство. Что-то вроде профсоюза в профсоюзе. Тогда я набрёл на всякие замечательные эпизоды, например, «...секция инженеров и техников Харьковского паровозостроительного завода в поддержку Осоавиахима, решила совершить велопробег Харьков-Москва в противогАЗах». Или такие сюжеты: «проверка преподавания естественно-научных дисциплин на рабфаках» обнаружила, что тема «Роль печени в жизни человека» начиналась с трудов Ленина, или наличие темы: «Классовая сущность микроскопа». Очень много было всяких анекдотических вещей, которые мне позволили смириться с тем, что нужно написать о том, как эти инженерно-технические секции способствовали включению старой интеллигенции в социалистическое строительство в 1926–1937 гг. Должен сказать, что к моменту вступления в эту тему я был вполне лояльный советский человек. Я поругивал власть (как и положено представителю интеллигенции), рассказывал

анекдоты про Брежнева или скандировал лозунги вроде «да здравствуют советские микросхемы — самые большие микросхемы в мире!» Но я верил в то, что советская власть — хорошая власть, и с ее недостатками можно справиться. В целом, я был вполне лояльный советский человек и написал вполне лояльную хорошую советскую диссертацию, в которой, правда, мой руководитель вычеркнул фамилии Бухарина, Троцкого, Рыкова. И когда я сказал, что они же были, и я это цитирую из газет, он ответил: «Не надо. Не будем дразнить гусей». Это было его любимое выражение.

С.Э.: В каком году вы защищались?

Г.К.: В 1987 году.

С.Э.: А в 1987 еще нельзя было «дразнить»?

Г.К.: Нет ещё. Это уже, когда защита моя прошла, когда я уже даже диплом получил, только тогда Щербицкий признал, что вообще был голод. Что-то начиналось, конечно, но Украину тогда называли заповедником застоя. Но меня уже пытались в это время выгнать из комсомола за то, что я назвал партийное собрание маразмом. Но это была полуанекдотическая и классическая история, не имевшая никакого продолжения: донос, разборки, демагогия. Делу не дал хода директор института, Кодуфор Юрий Юрьевич, в принципе не любивший таких вещей. Так я и не стал диссидентом...

С.Э.: Вернёмся к тому времени, когда вы учились в школе во Львове. Я помню, когда году в 80-ом

мы были на экскурсии в этом прекрасном городе, экскурсоводом был молодой парень. Девушки из молдавской делегации стали его выпрашивать: «А правда, что у вас тут листовки до сих пор ещё расклеивают?» Он находчиво ответил: «Хотите помочь?»... Расскажите, чувствовалось ли во Львове в 70-е годы что-то не совсем советское?

Г. К.: На бытовом уровне были такие моменты. Поскольку я рос в семье военнослужащего, могу сказать, что какая-то часть населения воспринимала советских военнослужащих мягко говоря, не очень положительно. Например, можно было услышать выражение: «Красные звёздочки понаехали». Случались чисто бытовые конфликты, свидетелем которых даже мне приходилось быть. Например, в автобусе я видел, как не очень трезвый мужчина цеплялся к майору. А, как известно, если человек в форме, не имеет права вступать в бытовые конфликты. И майор очень долго крепился и терпел, а тот что-то кричал про «москалив», разогреваясь от безнаказанности. Майор багровел, синел. Он стоял наверху возле выхода из автобуса на площадке, а тот, кто на него напал, стоял на ступеньках, лицом к майору. И когда двери открылись, майор ему врезал. Это был автобус, убыточное изделие Ликинского завода, ЛИАЗ — жуткий, вонючий и как оказалось, очень хрупкий. Так вот, тот не очень трезвый мужчина — вылетел из автобуса с этой длинной рукояткой, за которую люди держались, когда входили или выходили из автобуса (она оторвалась). Тут же вылетел водитель, разъяренный порчей имущества и ещё ему добавил. Но не по

политическим мотивам, а из-за этой рельсы...

Иногда, когда во дворе возникали какие-то конфликты, от некоторых детей я слышал в свой адрес слово «москаль», но не воспринимал это серьёзно, относился к этому равнодушно — меня это не задевало, я вообще мало с этим сталкивался. Наблюдалось подобное во Львове и среди части русскоязычного населения, особенно среди прибалтнённых, которых было много — в 53 году, после амнистии целый район около железнодорожного вокзала Львова заселили амнистированными.

С. Э.: Это был такой обмен населением?

Г. К.: Да, туда завозили много разных людей. В этом районе улицы так и назывались: Ленинградская, Московская. Район был заселён довольно специфическим контингентом. В том числе и мелкоуголовным. Они собирались в банды. В середине 70-х во Львове была проблемой уличная подростковая преступность. Там был и идеологический компонент. В частности, эта среда собиралась для того, чтобы ходить бить «рогулей», как они говорили. Они нападали на ребят сельского вида, говоривших по-украински. Нападали они с целью ограбить, а не избить...

То есть, я что-то такое видел, это каким-то образом меня задевало, но было на периферии, я этим не интересовался. Меня интересовал музей. В школе у нас, как я уже говорил, был хороший учитель истории. Ещё у нас был прекрасный учитель украинского языка и литературы Нестор

Корнилович Которович, который был из того времени — из 30-х годов, ещё из Польши. Он был уже очень пожилой человек с совершенно феноменально-чистой красивой украинской речью и с не менее феноменальной преданностью украинской культуре. Я не изучал украинский язык и литературу. Как сын военнослужащего, я был освобождён от изучения этих предметов, поскольку в любой момент мог оказаться или в Казахстане, или на Дальнем Востоке, или в Прибалтике — где угодно, куда бы послали моего отца. Я был освобождён, мог пропускать уроки, но по правилам не имел права покидать территорию школы. Но из-за личности этого человека, я просто сидел у него на уроках: взяв в библиотеке книгу, я читал и слушал, что он говорит, как он говорит. Думаю, что это тоже на меня очень серьёзно повлияло — и его этика, и его украинский, и то, как он преподавал. Я легко, практически без усилий, выучил литературный украинский, стал писать на украинском, говорить, читать лекции, когда мне было 28 лет. С 28 до 30-ти я сильно украинизировался, меня в этом смысле добила украинская диаспора в Эдмонтоне, куда я поехал на три месяца и общался на английском и украинском. На этом моя украинизация завершилась и никаких проблем с украинским языком у меня уже не было никогда.

С.Э.: Как вы перешли от традиционной истории к исследованиям памяти?

Г.К.: Тоже случайно. Меня всегда интересовала привлекала методология истории, методологические проблемы, историография второго

уровня. История интересовала меня как мысль, как организация процесса мышления, анализа и деконструкции, очень интересовал текст как отдельная сущность. Я, наверное, рано попал на Набокова с его особым отношением к тексту, у меня были контакты и разговоры с людьми, которые на это тоже обращали внимание, для которых текст был некой сущностью, имеющей самостоятельное значение. Поэтому я начал этим заниматься где-то в середине 2000-х, и, собственно, интересоваться историографией — не просто нарративом, как таковым, а деконструкцией. Я заинтересовался Голодомором. Именно как историографическим явлением и как формой коллективных представлений о событии. Тут был и этический фактор: на меня произвело впечатление, как Станислав Владиславович Кульчицкий, мой учитель (которого я всю жизнь любил и уважал, и люблю и уважаю сейчас), вдруг стал на это реагировать, что делать, как он стал писать об этом. Мне это очень не понравилось. Я стал думать, почему это происходит, как такой умный человек, научивший меня ремеслу, вдруг стал противоречить тому, чему учил меня. Мы говорили с ним на эту тему, у нас были серьёзные дискуссии. Он человек очень терпимый, очень толерантный и относился к моим нападкам атакам спокойно. Мы с ним всё это обсуждали, и я понял, что есть вещи, которые стоит более внимательно прочитывать, обсудить и осмыслить осмысливать и обсуждать. И вот отсюда я пришёл к тому что называется политикой памяти. Когда я написал первую статью на эту тему, я был абсолютный ноль в литературе, связанной с политикой памяти — я ничего

не знал об этом, я был погружен в проблемы историографические, академические. Просто интуитивно нащупал какие-то вещи, которые потом уже оформились под влиянием чтения западной (конечно, не украинской) литературы в переводах и в оригинале. Я почувствовал, что тут какая-то залежь, какой-то уголёк, который надо раскопать. Я стал этим заниматься и на примере Голодомора втянулся во всё остальное. Честно говоря, я не собираюсь заниматься этим дальше всю оставшуюся жизнь, но это продолжает быть частью моего профессионального интереса. В особенности потому, что в этой теме всё идёт по кругу, и круг этот становится всё более узким. Если раньше было много разных мнений и интерпретаций, то сейчас в я вижу расхождение в диаметрально противоположных направлениях. Сейчас в аналитической профессиональной историографии всё движется ко всё более тонким нюансам, всё более тонким оттенкам, очень сложным и замысловатым интерпретациям. А в это время, в другом направлении движется большая часть историков и других гуманитариев, которые всё более и более уверенно говорят, что гуманитаристика должна служить политическому интересу нации и требуют такого подхода от других, и готовы охотиться на ведьм и бороться с ересями. Отсюда выскочить очень трудно.

А вообще, моей мечтой было когда-то пожить несколько лет на Юге Франции, посидеть в монастырях и позаниматься ересью катаров.

С.Э.: Выход на историческую память через историографию во

многом закономерен. Историки, к сожалению, часто пристрастны и под видом науки пропагандируют национальную повестку. В связи с этим Штефан Бергер, Вульф Канштайнер, Астрид Эрль и другие известные исследователи памяти включают историографию в состав коллективной памяти и считают, что их невозможно строго разграничить. Каково ваше мнение по этому вопросу?

Г.К.: Всё зависит от целеполагания. Во-первых — от имени кого мы говорим? Если мы говорим от имени человека, считающего, что история должна служить обществу, просвещать и наставлять на путь истинный — это будет один разговор. Если говорить с человеком, считающим, что история — это чистая наука ради науки, результаты которой можно и нужно использовать при необходимости (например, для преодоления заблуждений), то это будет другой разговор. Если говорить о том, что кто-то считает, что история должна писаться для того чтобы извиниться перед чернокожим населением Америки за 1619 год — это будет третий вариант подхода к этой проблеме. Я лично на практике отдаю должное двум вариантам. Первое: я считаю, что история может существовать как самостоятельная научная дисциплина (наука для науки), но рядом я согласен выполнять не только функцию науки для науки, т. е. заниматься быть историографией второго уровня, и заниматься ею для того, чтобы развивать собой историю как способ познания не столько прошлого, сколько себя — Человека с большой буквы «Ч» (то есть эквиваленте человечества); но рядом с этим я готов заниматься тем,

что называется дидактической историей, когда мы её используем для того, чтобы достигнуть недостижимого — чтобы извлечь из неё какие-то уроки: история — как способ формирования личности. Личность и индивидуум — это продукт социальный. Какую в него вложат историю, таким будет и продукт. Я бы хотел жить с теми продуктами рядом, которые понимают, что история — это то, что написано, что она не отображает того, что было в прошлом на 100% (это, собственно, и не нужно). Для них история — это то, что написано, это продукт человеческого мышления, и что могут быть разные взгляды на то что написано. С такими людьми я хотел бы жить рядом, а не с теми, кто считает, что написано так и только так и было, а тех, кто считает, что было по-другому нужно куда-то отправить — за границу, или в Магадан, или в Кресты, или ещё куда-нибудь. Поэтому, отвечая на ваш вопрос я скажу, что да, грань между историей и памятью очень тонкая, особенно у тех, кто их смешивает и путает. Я у Бергера этого не припоминаю, я читал последнюю его книжку про агонистическую и антагонистическую память. Кстати, Бергер — один из самых квалифицированных специалистов (равно как и Канштайнер) в этой области. У Бергера был совершенно потрясающий проект: они написали 7 или 8 коллективных томов. Я не видел каких-то нормальных рецензий на этот труд, а жаль. А проект был масштабный, его ещё нужно переработать, переосмыслить и понять, что они написали. Насчёт истории и памяти — да, они переплетаются. Понятно, что научная история противостоит памяти хотя бы потому, что сама научная история

памятью быть не может. Об этом Нора писал.

С.Э.: Нора действительно чётко противопоставляет память и историю. Ещё Ренан — отец французского национализма — в своей речи «Что такое нация», которую постоянно цитируют, говорит, что с историей надо быть поосторожней, потому что она сообщает факты, которые вредят единству нации и поэтому должны быть исключены из канона национальной памяти.

Г.К.: Когда говорят, что границы между историей и памятью нет, когда речь идёт об аффирмативной истории (той, которая работает на политзаказ), там, конечно, нет границы. Например, когда мы говорим об истории Голодомора в её классическом каноническом варианте как геноциде украинцев, специально организованном Москвой для того чтобы уничтожить украинскую нацию и ослабить её, то, конечно, здесь провести границу между историей и памятью невозможно, потому что тут историки утверждают, что история это и есть память. Смысл всего этого в том, что стоит признавать всё, что существует, все версии прошлого, в том числе взаимоисключающие, они являются результатом мыслительной, исследовательской деятельности и потому представляют интерес для меня, как исследователя. Вот оно есть, и мы не можем его не признавать. Есть аффирмативная историография, смешивающая историю и память, поэтому надо ею заниматься, надо смотреть, реконструировать, анализировать, понимать откуда это идёт и зачем, как оно мутирует и т.д. Точно так же нужно

исследовать и понимать аналитическую историю — историографию второго уровня, понимать — почему она существует, зачем она нужна. Но тут возникает другое противоречие: если человек, занимающийся аналитической историей, признаёт право на существование аффирмативной или дидактической истории, то вот представители аффирмативной истории и — частично — представители дидактической истории и историографии очень часто не желают признавать право на существование аналитической истории. И возникает дисбаланс, антагонистическая история/память, исключающая право на существование другой версии. Антагонизм не предполагает научного поиска, сомнений, соревнования идей, поиска новых смыслов, его цель — не деконструкция, а деструкция. Но антагонизм не следует путать с противоречиями.

С.Э.: Вы упомянули книги Штефана Бергера, который является одним из сторонников агонистической памяти. Я заметил, что «агон» это реакция многих исследователей памяти на националистический поворот последних лет, свойственный многим европейским странам. В начале 2000-х был оптимизм по поводу того, что память пересекла национальные границы и стала глобальной. А где-то с 2015 года началась ревизия. Симптоматично название статьи Стефа Крэпса «Путь транснациональной памяти: от празднования к критике» (ее перевод будет опубликован в нашем журнале). В этой критической ситуации возникает агонистический подход в исследованиях, на который возлагаются огромные надежды: если

мы будем вести «агон» с крайне правыми, то сумеем противостоять их влиянию в обществе. Скажите, а как вы относитесь к феномену агонистической памяти и надеждам на этот подход?

Г.К.: Это возможно. Процесс познания предполагает постоянные противоречия. Если нет противоречий, то никакого познания не будет. Любое знание рано или поздно устаревает, значит его нужно расширять или пересматривать. Тем более, если речь идёт об истории. Агонистическая память, по моему мнению, может существовать. Просто тут нужен консенсус и признание, что это нужно обществу. Если это обществу не нужно, то это не будет функционировать. Я думаю, что на уровне профессиональной историографии это возможно. Возможно ли это на уровне политики памяти? Это можно назвать инклюзивной памятью (не обязательно агонистической), когда в рамках одного смыслового пространства сосуществуют внешне взаимоисключающие проекты. Но трудно представить себе агонистическую память, в которой соседствуют и сосуществуют Холокост и память о Гитлере как о великом политике. Видимо, агонистическая память возможна только в каких-то пределах, устанавливаемых какими-то общепризнанными нормами, этическими, например. Это хороший проект, но насколько он жизнеспособен — трудно сказать. Много всего было и много всего ещё будет. Можно пошутить, сказав, что агонистическая память живёт до своей агонии. Это хорошая продуктивная идея, которую хотелось бы развивать дальше. Как познавательная рамка, как возмож-

ность; не как молоток, а как удар молотка. Это интересно, и с этим стоит работать. А любой идеальный проект при соприкосновении с реальностью становится беспомощным. Если эту идею не спешить выводить на практический уровень, а обсуждать её на академическом уровне, на уровне историографии — это уже интересно. А насчёт осуществления «лозунгов партии» в проведении их в жизнь — это уже другая история, и этим должны заниматься не академики, а другие люди.

С.Э.: Исследователи-«агонисты» отталкиваются идеей политолога Шанталь Муф. Она честно говорит, что агон может быть только между разделяющими ценности демократии и считающими, что оппонент не враг, а — соперник. Если у вас разные точки зрения и вы по-разному интерпретируете ценности демократии; то вы можете прийти к общему мнению. Но если оппонент считает тебя врагом, как это делают крайне правые, которые используют возможности демократии, чтобы эту демократию уничтожить, то агон обречен на неудачу.

Г.К.: Она правильно говорит, но она говорит о политике, а не об исследованиях. Она говорит о практических аспектах. Если бы я занимался этой проблемой на теоретическом уровне, они бы меня не очень интересовали. Само-собой, если у нас есть две взаимоисключающих мировоззренческих парадигмы, то как их совместить в одном? Речь идёт о плюрализме. Но плюрализм возможен только при признании каких-то общих ценностей, где и плюрализм является такой ценностью. А если

общих ценностей нет, то они просто существуют параллельно, раздельно. Или одна из них пытается доминировать. Как правило доминирует та, которая не признаёт плюрализм.

С.Э.: Перейдём к современной истории. Как, на ваш взгляд, современная политика влияет на исторические исследования? Ещё в прошлом году, т.е. до путинского вторжения, я брал интервью у шведского исследователя Пера Рудлинга, который в частности занимается ОУН/УПА и ролью этих организаций в Холокосте (https://ac1e3a6f-914c-4de9-ab23-1dac1208aaf7.usrfiles.com/ugd/2fab34_e706503f64fe45b4822c25d2b3c8fd4b.pdf). Он признался, что «активисты бандеровского крыла ОУН из Канады» пишут доносы на него и других исследователей этой чувствительной темы. После этого я отказался от планов опубликовать в нашем журнале одну из статей Рудлинга на «бандеровскую» тему, так как это могло быть воспринято недоброжелателями шведского историка как «работа на путинскую пропаганду» и мы опубликовали его статью «Лукашенко и “красно-коричневые”»: Национальная идеология, коммеморация и политическая принадлежность» о том, как «батька» гибко работает с исторической памятью. Сейчас мы оказались в гораздо худшей ситуации. После путинского вторжения, разоблачение преступлений «национальных героев» Украины однозначно будет рассматриваться как работа на Кремль. Что в этой ситуации делать честному историку? Вообще отказаться от сюжетов, связанных с Бандерой, ОУН-УПА и т.п.?

Г. К.: А зачем их скрывать? Я только что подал статью в Nationalities Papers в тематический номер, посвященный праворадикальному национализму. Там как раз про политику памяти в Украине, связанную с ОУН и УПА. Другое дело, что публиковаться в российском журнале я не стану. Я согласился на наше интервью, потому что ваш журнал теперь выходит в Молдове, и это в корне меняет всё. Тем более, что я был членом редколлегии «Исторической экспертизы», и это хороший и очень полезный журнал. Что касается того, как повлияло... Конечно, повлияло. Я первые два месяца вообще ничего не мог писать академического, писал только статьи с инвективами в адрес Путина и вторжения. Я еще нахожусь в более-менее комфортной ситуации, поскольку с сентября 2021 года нахожусь в Польше на длительном контракте и занимаюсь исследовательским проектом. Но уже даже в этом случае война закрыла один из компонентов моего проекта. Этот компонент — исследование исторической политики в России. В частности — на уровне политическом. Планировалось брать интервью у людей типа Чубарьяна или Нарышкина (как бы возглавляющего Российское историческое общество); брать интервью у директоров музеев и авторов проекта «Россия — моя история». В общем, теперь этот компонент просто закрыт. Это сейчас невозможно физически и подозрительно политически. Как можно брать интервью у людей, представляющих истеблишмент страны, убивающей моих соотечественников и разрушающей мою страну? Контакты оборваны. Личный контакт, конечно, поддерживается с коллегами, с которыми у меня

дружеские отношения. Но я вышел из всех редколлегий русских журналов, даже хороших и вполне профессиональных. Кроме всего прочего, для меня война началась с доноса: некоторые мои коллеги из Института истории написали письмо ректору университета, в котором я работаю, что я живу на российские деньги, что я молюсь на Путина, и, если я был бы в Киеве, меня бы убили патриоты (тонкий намёк), и что меня нужно выгнать из университета, и отправить в Москву. Кому-то очень захотелось свести со мной какие-то свои счёты, о которых я не догадывался, я вообще последнее время больше живу за пределами Украины и редко бывал в институте.

Сейчас уже более-менее восстановился баланс и что-то удаётся писать. Но в Украину я пишу в основном публицистику, а академические статьи пишу в западные журналы. Потому что, думаю, что сейчас в самой Украине воспринимать академический подход очень трудно, поскольку он предполагает какой-то баланс и рассмотрение разных аргументов. А когда тебя бомбят, и гибнут люди, гибнут твои близкие и знакомые, то, конечно, не до баланса и не до академической взвешенности. И поэтому в Украине я сейчас академических работ не публикую и вряд ли это будет возможно в ближайшее время, особенно учитывая пышно цветущее буйство тех, для кого перформативный патриотизм замещает мыслительные способности и стирает этические границы.

С. Э.: Как на ваш взгляд путинское вторжение повлияет на будущее славистики? Что бы мы ни говори-

ли, Россия была центром славистических исследований, поскольку это самая большая страна — Российская империя, Советский союз, Российская Федерация — славянского пространства. Будут ли уходить российские сюжеты из исследовательской практики или их будут как-то по-другому интерпретировать?

Г. К.: Мне кажется — правильно было бы наоборот, если такое произошло. Поскольку из военных специалистов и каких-то политиков мало кто верил, что Путин готов пойти на такой авантюрный и совершенно иррациональный шаг (вряд ли он что-то выиграл) и пойдёт на такую игру, которая называется loose — loose — со взаимно отрицательным эффектом. Мало кто в это верил. Получается, что специалистов по России было много, а реально спрогнозировать такой вариант оказался мало кто способен. Это значит, что или исследовали не очень хорошо (я имею в виду на Западе), а это может быть результатом общего упадка научной дисциплины, или, имея достаточный объём информации и понимание ситуации, были неспособны об этом сказать. Боялись? Внутренний редактор? Не знаю... В любом случае, я считаю, что если возникла такая ситуация, то наоборот нужно улучшать качество исследований и качество славистики, потому что это не только Россия. Это и Балканы, это и Польша, уже сдвинувшаяся вправо, это и другие интересные вещи, которые обнажили некий кризис славистики. Задавая вопрос: «Вы-то этим занимались, но, может, вы как-то не так этим занимались? Может надо как-то ваше занятие перепрофилировать, чтобы

понять?» Или может, наоборот: то, что последние двадцать лет уходило в загон и меньше финансировалось, и этим меньше интересовались (работала политическая конъюнктура — Китай, Африка, Латинская Америка, Китай, Китай, Китай...), — привело к тому, что гуманитаристика оказалась неспособной ни предсказать, ни адекватно оценить. Я считаю, что мы ещё достаточно далеки от адекватной оценки того, что происходит. Мы анализируем намерения, возможные результаты, последствия. Но, мне кажется, мы не ухватываем того, что, может быть, уже летим в пропасть, но просто этого не знаем, зато увлеченно обсуждаем обстоятельства полета. Может быть, конец света уже настал, а мы просто об этом не догадываемся. То, что я вижу, то, что я читаю, тот массив информации, который через меня проходит — я не чувствую, не ощущаю, не могу ухватить какого-то глубокого осмысления (может оно сейчас и невозможно) произошедшего и представления о том, что может дальше происходить. Реально, какая-то бездна разверзлась, возможности которой не предполагали те, кто пробил к ней дыру. Они никак не ожидали, что противостояние и ожесточённость этого противостояния выйдут на такой уровень, когда обе стороны (если говорить о полюсах) не знают, как это всё закончить. Созданы обстоятельства, согласно которым приходится действовать тем, кто эти обстоятельства создал. Возникает такой фаталистический детерминизм, когда люди, создав обстоятельства не могут сами уже с ними справиться и следуют этим обстоятельствам, не представляя последствий. Это очень опасный момент, который или не хотят осмыслить и бояться, закрывая

глаза, или стараются от этого отвлекать. Что-то вроде фильма «Не смотрите вверх»

С. Э.: Вы считаете, что война приведёт к интенсификации славистических исследований?

Г. К.: Нет, я хотел бы сформулировать это так: их нельзя закрывать и сокращать, им нужно дать новое качество. Как это сделать? Я не знаю, я не менеджер. Но я интуитивно понимаю, что того уровня, на котором они существовали до сих пор, недостаточно для относительно адекватного осознания происходящего. Не только в России, кстати. Ведь то, что происходит, это сумасшедший дом, это утрата понимания смысла, становятся бессмысленными и иррациональными действия, поступки, обобщения. Даже всё, имеющее форму рационального, становится иррациональным. Происходит обесмысливание всего того, с чем мы жили, и того, как мы это видели. Возможно, возникают новые смыслы, а возможно — смысл просто исчезает, и мы попадаем в ту самую пропасть, о чём мы не знаем, но начинаем догадываться. Так что, если говорить о славистике (я не предсказываю, я говорю о желаемом), то желаемо чтобы на неё обратили внимание, и чтобы она изменилась качественно.

С. Э.: Сейчас ряд российских историков покинули Россию, многие уехали ранее. Есть ли в академической среде какое-то негативное отношение к российским коллегам, которые или давно работают на Западе, или покинули Россию сейчас? Существуют ли у них конфликты с украинскими учёными?

Г. К.: Я ничего такого не слышал. Я понимаю, что сейчас волна Cancel Russia, и требование части украинского академического сообщества — не принимать, отказывать в участии в конференциях, не давать стипендий и т. д. Претензии этой части украинского сообщества я понимаю, но я их не поддерживаю, я не признаю принципа коллективной ответственности. Хотя бы потому, что его исповедовал Гитлер.

С. Э.: В Польше вы ничего подобного не замечаете?

Г. К.: В Польше есть. В Польше нежелательны исследователи из России и их участие в академических событиях не приветствуется. Контакты с Россией не приветствуются — это, безусловно, есть.

С. Э.: А польский правый поворот (он не сегодня осуществился, а уже давно) как воспринимается в научном историческом сообществе Польши?

Г. К.: Здесь очень многие противостоят этому. В Польше несколько лет назад был съезд историков, на котором они выступили с протестом против политического давления на историков. Здесь идёт борьба. Есть часть академических историков, которая или открыто критикует, или молча не поддерживает историческую политику в стране. В любом случае, здесь есть ещё дискуссии, есть борьба мнений, борьба позиций. В этом смысле Польша остаётся демократической страной. Конечно, назначения и финансовые потоки идут в пользу проправительственной линии, но помимо этого есть большое количе-

ство всего, что идёт отдельно, параллельно или даже в антагонизме с какой-то магистральной линией. Тут, конечно, есть эпизод с Яном Грабовским и его соавторшей Барбарой Энгелькинг, на которых подали в суд по совершенно смехотворному поводу, при этом, с понятными политическими целями. Они написали книгу, где упомянули какого-то персонажа, которого якобы они оболгали, и кто-то из родственников подал в суд. Соавторы «провинились» в том, что «неправильно», то есть в разрез с «линией партии» пишут о роли поляков в Холокосте. Это вызвало резонанс, в контексте дискуссий последнего времени. В 2018-ом году возникла перспектива, что будут внесены изменения в закон об Институте национальной памяти, в результате которых Польша могла превратиться в цитадель ревизионизма Холокоста. Президент Дуда не рискнул его подписать и отправил в Конституционный суд, а Конституционный суд признал проект изменений неправомерным... Так что, как видите, в Польше общество неоднородное. И даже имея монополию на власть ПИС (Право и справедливость (также Закон и Справедливость) — консервативная политическая партия Польши) не всегда способен и не всегда готов в каких-то вопросах ломать об колено часть общества. Общество здесь есть, оно борется. Есть профессиональное сообщество. Польские историки в целом очень хорошего уровня.

С.Э.: Ещё один вопрос, волнующий не только меня. Сейчас есть тенденция, тренд: с одной стороны, надо различать путинскую агрессию — Путин и его окружение, яв-

ляются преступниками; а с другой стороны — есть подход, что русские всегда были агрессивными, рабами, начиная с Золотой Орды. Я всегда этим людям отвечаю: «А как вы смотрите на утверждение, что евреи распяли Христа?» Как вы относитесь к популярному, увы, обобщению, что все русские одинаковы? И что должны сделать учёные, чтобы этой опасной тенденции противостоять?

Г.К.: Если быть точным, то в технических терминах Христа распяли римляне, а не евреи. Евреи этому способствовали.

С.Э.: Римляне распяли по решению Синедриона и евреи сказали: «Пусть кровь Его падёт на нас».

Г.К.: Ну, я хочу быть предельно точным в деталях, я говорю о техническом аспекте. Если вы спрашиваете моё отношение к принципу коллективной ответственности, то я — вслед за Ясперсом и Арендт — против принципа коллективной ответственности. Равно как и словосочетание «коллективная вина» меня тоже не очень устраивает. То, как вы это писали, вообще пахнет расизмом: «с Орды, генетическая предрасположенность и т.д.» — это всё в приличном обществе не обсуждается. А что касается того, кто виноват и соучастия, то я думаю, что на системном уровне не только Путин и его окружение, не только значительная часть культурных и политических элит России, но и значительная часть российской общественности в целом разделяют убеждения о том, что Украина как самостоятельная единица — это недоразумение, которое

нужно исправить. И дальше идёт весь неджентельменский набор с середины XIX века: «Этого никогда не было и быть не может. Польская интрига. Немецкая интрига. Теперь — Евросоюз, американская интрига. Сами украинцы не хотят, а их или заставляют, или они нацифицировались» и т. д. Я думаю, что значительная часть граждан Российской Федерации разделяет эти взгляды. В то же время, я думаю, что есть не менее значительная часть, не разделяющая эти взгляды. Среди моих знакомых российских коллег, с которыми я общался и встречался после 2014 года (когда начался первый этап преступления, совершающегося против Украины), не было никого, кто бы одобрительно высказывался о том, что произошло с Крымом и о том, что происходило на Донбассе. Ни одного! Это говорит о том, что в российском обществе и в профессиональном сообществе есть люди, которые не разделяют этот взгляд, позицию своей власти и признают Украину и украинцев как отдельный субъект истории, уважают эту культуру, принимают её и готовы с ней общаться на равных. Поэтому, признавая, что большинство в России может или разделять идею о том, что Украины не должно быть, или

просто бояться хоть как-то высказываться против, я не готов поместить всех россиян в один адский котел. А если говорить о реальном физическом большинстве — им просто всё равно, их вообще это не интересует — есть Украина, нет её... «Путин сказал, что Украины не должно быть, ну и хрен с ним — раз сказал, значит так и надо, пусть так и будет». То есть, фактически, тут даже не мнение, а отсутствие мнения становится обоснованием для поддержания основной поддержки того, что делает Путин и его окружение в Украине. Так что, возвращаясь к началу вашего вопроса, я думаю, что есть, конечно, закон больших чисел, есть какое-то физическое большинство или относительное большинство, которое объединяют или идея, или равнодушие. И есть меньшинство, которое не поддерживает, и, может быть, если бы были возможности для открытого протеста — они бы протестовали. Есть люди, которые протестуют, которые получают штрафы, а потом и сроки. Они есть. И это та Россия, на которую возможно стоит еще возлагать какие-то надежды.

С.Э.: Спасибо за содержательное интервью!

«ДО БУЛГАКОВА НИКОМУ ДЕЛА ПО-НАСТОЯЩЕМУ НЕТ. КАК И ДО ЕКАТЕРИНЫ В ОДЕССЕ». Интервью с А. В. Красножоном

Известный украинский историк А. В. Красножон рассказывает о своих предках, историю которых он проследил до 17 века, об учителях, о своем научном пути. Много внимания уделено изысканиям исследователя в Белгород-Днестровской (Аккерманской) крепости, поисках знаменитого замка Хаджибей в Одессе. Историк рассуждает о политической и этноязыковой обстановке в современной Украине и в г. Одесса.

Ключевые слова: Украина, Одесса, Белгород-Днестровск (Аккерман), фортификация средневековой крепости, русский язык в Украине, менталитет одесситов.

Сведения об авторе: Андрей Васильевич Красножон, доктор исторических наук, ректор Южноукраинского национального педагогического университета имени К. Д. Ушинского (г. Одесса).

Контактная информация: ahmar.and@gmail.com

“NOBODY REALLY CARES ABOUT BULGAKOV. AS WELL AS ABOUT CATHERINE IN ODESSA”.
INTERVIEW WITH A. V. KRASNOZHON

A well-known Ukrainian historian Andrei V. Krasnozhon talks about his ancestors, whose history he traced back to the 17th century, about his teachers, about his path in historical researches. Much attention is paid to his research in the Belgorod-Dniester (Akkerman) fortress, the search for the famous Khadzhibey castle in Odessa. The historian discusses the political and ethno-linguistic situation in contemporary Ukraine and in the city of Odessa.

Key words: Ukraine, Odessa, Belgorod-Dnestrovskiy (Akkerman), fortification of a medieval fortress, Russian language in Ukraine, mentality of Odessans.

About the author: Andrei Vasilievich Krasnozhon – Doctor of Historical Sciences, Rector of the South Ukrainian National Pedagogical University named after Konstantin D. Ushinsky (Odessa).

Contact information: ahmar.and@gmail.com

Беседовал С. Е. Эрлих.

С. Э.: Расскажите, пожалуйста, о своей семейной памяти.

А. К.: Хочу уточнить — что такое семейная память? Имеются в виду собственные воспоминания членов семьи, которые переданы родителями текущему поколению, или же утраченные сведения, восстановленные на уровне легенд, архивных данных?

С. Э.: Это и то, что передавали родители, и то, что можно было восстановить через архивы.

А. К.: Нам это передавалось из поколения дедушек и бабушек через родителей. Из семейных рассказов я знаю лишь, откуда родом мои бабушки и дедушкин один прадед — не глубже того в исторической ретроспективе. По материнской линии — наши обитали на Кавказе, в Кабарде. При том, что семья не кавказская, а наполовину русская (если потомков кубанских казаков вообще можно называть русскими), наполовину украинская. На Кавказ дед попал из казачьей станицы Зольская, на реке Малка (что отделяет Кубань от Северного Кавказа). Это на полпути между Нальчиком и Пятигорском. Он переехал в город в школьном возрасте вместе с семьей, поселившись в предместье под названием Вольный аул. Нальчик окружен подковой Кавказских гор, там частично прошло и мое детство. Через Тырныауз, вдоль горной реки Баксан и через Долину Нарзан, ездили в Приэльбрусье. Семья деда обитала в советском доме барачного типа. Рядом — мусульманское кладбище. Помню с детства, как на это кладбище бегом (из уважения к покойному) только мужчины несли носилки с завёрнутыми в саван

умершими. В этом бараке у каждой семьи была отдельная комната (или две). В том же дворе жил бывший нацистский коллаборант (возможно, полицай). И каждого 9 мая мой дед бил морду этому полицаяу. Так он отмечал этот «праздник». В кавычках, потому что никакого праздника, собственно, не ощущал — льготы он не оформлял принципиально. Повторял, что воевал не для того, чтобы бесплатно ездить в троллейбусе. В юные годы он увлекался альпинизмом, и мне, почему-то, запомнилось, что он воевал с немцами на Эльбрусе. Правда, операция «Эдельвейс» происходила за пару лет до его призыва, но желаемое в семейном коллективном сознании выдавалось за действительное. Сам дед никогда почти ничего не рассказывал о войне. Он был призван в последний год, в 1944 году и был отправлен куда-то в Европу, штурмовать очередную столицу страны будущего социалистического лагеря. Другой дед — по отцовской линии — встретил окончание Второй мировой на другом конце Евразии, на дальневосточном фронте.

Бабушка по моей маме — украинка (с характерным полтавским говорком). Как она попала на Северный Кавказ, сказать затрудняюсь. По бабушкиной линии не очень афишировалась семейная история. Есть подозрение, что они бежали в эти края подальше от сталинских репрессий. В воспоминаниях фигурировал один из семейных персонажей с фамилией Брежнев, который закончил жизнь трагически. Причины его смерти не оглашались. Скорее всего там была какая-то политическая посадка, отчего семья бабушки и сбежала на советские окраины...

По отцовской линии часть моего детства связана с Черниговщиной, с селом Авдеевка — недалеко от Нежина и Новгород-Северского. Эти места ассоциируются с Чёрной радой, с Хмельниччиной, с событиями, последовавшими после смерти Хмельницкого. Там недалеко Глухов (Сумская область) — поздняя столица левобережного казачества, Батурин, который в 1709 году полностью вырезал Меньшиков, следуя по дороге на Полтаву. Совершенно неоправданная жестокость, это *Буча того времени*. Князь хотел запугать потенциальных «бунтарей», приверженцев Мазепы и Карла. И ему это удалось.

Почти уверен, что фамилия Красножон — местная. Мой прадед происходил из ближайшего поселка — Короп. Мои предки родились в том самом месте, где и жили до выдачи всех возможных паспортов (что при Российской империи, что при Хрущёве). Жили, как выяснилось, столетиями. Поскольку фамилия Красножон упоминается в этой местности впервые в 1649 году (это первый год после начала хмельниччины). По документам известен такой себе казак Григорий Красножон, полковник Нежинского полка. Как известно, после смерти Хмельницкого начался раздел власти в Гетманщине, и в этих местах (на окраине Нежина) происходила знаменитая Чёрная рада, на которой в 1663 году проходили выборы гетмана из трёх кандидатов. Вот этот наш предок принимал участие в этой самой раде. Этот наш предок относился к старшине левобережной, к элите, интегрировавшейся в номенклатуру отношений с Московской властью. Фамилия

Красножон позже вошла в Малороссийский гербовник украинского дворянства на территории Украины. Разница лишь в написании окончания фамилии — в гербовнике через «ё», в современном варианте нашей семьи — через «о» (ошибка сельской паспортистики).

Возможно, все это могло бы объяснить некоторые своенравные поступки моего деда, не свойственные среднестатистическому селянину сталинских времен. Например, он служил певчим в деревенской церкви, пока ее не закрыли в 1936 году. Дед принялся писать письма в Кабинет министров с жалобами, ссылаясь на конституцию образца 1936 года. В семейном архиве сохранился этот экземпляр, исчерканный его рукой. Особенно в том месте, где сказано, что «у советских граждан есть право на свободу вероисповедания». Дед был грамотный, и по мнению местных, весьма странный. Категорически не желал вступать в колхоз, чем «портил статистику». Довольствовался статусом единоличника. За это его семья была лишена мешка картошки или, там, кукурузных початков, выдаваемых по трудодням односельчанам-колхозникам. Также ему не полагались двадцать соток огородной земли, приходилось сидеть на урезанных сотках. Зарабатывал он кровельным делом. Люди записывались к нему в очередь за год. Вся его антисоветчина заключалась в нежелании давать своим детям деньги на покупку пионерских галстуков. Умудрился выжить, никто на него не наступал.

Его дети (два брата и сестра) воспитывались в определённой строгости.

На книжки в школе они зарабатывали сами, сбором грибов. Книжки по тем временам следовало покупать самостоятельно. Грибы по расценкам принимал лесхоз. Детям дед говорил: «Учитесь, не то будете всю жизнь волам хвосты крутить». И мой отец выучился: сначала закончил техникум в Нежине, а потом переехал в Одессу, поступив в Институт связи.

С.Э.: Вы сумели проследить свой род до XVII века. Для постсоветского пространства это редкость.

А.К.: Это не совсем семейная память, потому что она мне не *передана* предками.

С.Э.: Теперь вы будете её передавать своим детям и внукам, и она станет семейной памятью.

А.К.: Конечно.

С.Э.: Ваша социализация проходила уже после 1991 года, когда были престижны экономисты и юристы, но никак не историки. Что на вас оказало влияние — семья, учителя, книги, фильмы?

А.К.: В школе я твердо решил стать географом. В этом «виноват» учитель географии Виктор Маркович Гендельман, человек, читавший нам уроки без бумажки, что отличало его от большинства других учителей. Он помнил по памяти все столицы мира, был заядлым туристом, покорял в своё время Памир и еще бог знает какие горы. Он начал водить нас, подростков, в серьёзные походы. Сам был родом с Молдаванки (район в Одессе — прим. ред), вырос в одесском дворе, еврей в не классическом

исполнении антисемитской пропаганды или сатиры, а наоборот — персонаж из бабелевских рассказов, типа Фроима Грача. Он был здоровенным мужиком, разнимал у нас в школе подростковые драки: брал за воротник одного, другого и раскидывал в разные стороны. Директор школы, Иван Антонович, в такие моменты, как правило, угрожал из окна своего кабинета вызовом милиции... Когда я был классе в девятом, Маркович повёз школьников в Белгород-Днестровскую крепость. У меня тогда не получилось присоединиться к группе, но я хорошо запомнил тот момент, потому что где-то в фантазиях Белгород-Днестровская крепость присутствовала, очень хотелось туда попасть. Ребята привезли в школьный музей интересный сосуд из руин античной Тиры. То ли он из бровки выпал, то ли нашли на берегу лимана. Лепнина довольно простая, гетского периода, почти целый горшок. Очень хорошо это запомнил...

А потом мы ходили в однодневный поход по левобережью Днестровского лимана — от Овидиополя до Каролино-Бугаза. Под Овидиополем, в самом узком месте лимана, на другом берегу виднелась крепость: цитадель на скале с красной черепичной крышей... Впервые я попал в крепость аж в 1996 году на первом курсе истфака и остался с ней навсегда, в смысле исследований. Так что школьные ассоциации определили будущий выбор научной тематики.

Ко всему прочему у меня мама геолог. Вернее, геофизик. Они вдвоем с отцом работали в Одесской геологической партии, которая специализировалась на поиске нефти и газа

в Чёрном море. Все разведанные месторождения газа (успешно отжатые в 2014 году российскими джентльменами) вокруг Крыма и в районе Змеиного — это всё обнаружила моя мама сотоварищи. В ее обязанности входило «читать» карты сейсморазведки, после чего по ее наводке выходили в море буровики и делали свою работу. Благодаря кабинетной работе одесских геофизиков Крым, например, до сих пор снабжается газом... Всё это романтика, конечно. В организации были свои геолого-разведочные суда, они постоянно выходили на них осуществлять свою сейсморазведку. Меня периодически брали на борт, но не в плавание, а поесть борща на камбузе.

В общем, в одиннадцатом классе у меня сомнений не было насчет географии. Все изменилось в сентябре 1995 года (последний год обучения в школе), когда я попал на раскопки к профессору Добролюбскому на Театральную площадь в самом центре Одессы. Он произвел сильное впечатление на юную душу, поскольку к тому времени был профессором именно Педагогического университета и немедленно пригласил поступать на истфак. То есть, я поступал под конкретного преподавателя.

Следующая экспедиция — весной 96-го года, состоялась уже на Приморском бульваре. Возле Воронцовского дворца мы нашли древнегреческие черепки VI века до н.э., что послужило открытию раннего периода колонии на месте исторического центра современной Одессы.

Летом 1996 года я поступал на истфак к Добролюбскому. В школе я ис-

торию не знал, относился к предмету равнодушно — учительница у нас была отвратительная, очень уж «советская». Через два года обучения в университете, на линейке (то ли выпускной, или, наоборот, вступительной) профессор неожиданно предложил поехать на стажировку к Марку Ткачуку в Кишинёв. Он открыл там университет под названием «Высшая антропологическая школа», вот там, в Кишинёве, уже было настоящее закрепление пройденного. В Педагогическом университете были профессиональные дисциплины — всякие истории Древнего Рима с палеолитами на начальных курсах, а старшие курсы отводились под педагогические предметы, которые, как полагал Добролюбский, мне не очень пригодятся, ибо далее следовало делать научную карьеру. Ткачук и тот круг общения, который он собрал вокруг — сильно изменили моё одесское представление о том, как надо заниматься историей и археологией. Оказывается, в мире существуют и другие профессора (помимо твоего, родного), способные отличить готов от гетов и гоплитов от гоппников. Университет Ткачука напоминал по духу, примерно, Царскосельский лицей первых лет существования. Самыми дерзкими, амбициозными и, как выяснилось, наиболее продуктивными оказались первые два-три набора. Я попал в один из них. Мы, выпускники тех лет, дружим или тесно общаемся между собой до сих пор.

С. Э.: Вы сразу пошли по «научной линии»?

А. К.: По околонучной — сразу, по научной гораздо позже. О том, что такое наука и ее методы стал

догадываться примерно лет в 27. Окончил аспирантуру вовремя, но диссертацию в результате так и не написал. Тут уж педагогического таланта профессора Добролюбского не хватило. Он хороший педагог, вдохновитель и даже выдумщик. Он любит возиться со студентами. Но любой студент, в конце концов, перерастает всю эту археологическую романтику и начинает сам формулировать вопросы, ставить собственные научные проблемы...

Мы все помним теорию Фоменко-Носовского о том, что античную, примерно, историю придумали средневековые переписчики книг. Все это жутко увлекло однажды моего дорогого учителя. На моих глазах профессор увлекся идеями этих шарлатанов и так же быстро остыл к ним. Подобные флуктуации сознания весьма поучительно было наблюдать со стороны в самый ранний период околонучных увлечений.

Тем не менее, Андрей Олегович выплеснул в историографию множество самых неожиданных и интересных научных идей, многие из которых получили свое развитие в дальнейшем, иные — забылись. Самому профессору, как мне кажется, в большинстве случаев просто не хотелось браться за кропотливый труд обоснования высказанных идей и гипотез. Он без сожаления выносил их на всеобщее обсуждение, критику переносил с оживлением и удовольствием и не особо переживал за то, кто подхватит его соображения и как они потом трансформируются в научном пространстве. Приведу собственный пример: остатки турецкого замка Хаджибей, который предшествовал

Одессе, Добролюбский обнаружил в ходе наших совместных археологических раскопок еще в 1996 году, в чем уверился беспепелляционно. Я же этот замок ищу до сих пор, на том же Приморском бульваре, значительно удалившись от первоначального места поисков за пару десятков лет. В прошлом году копали у самого Дюка и продолжили бы весной, если бы не война.

Видимо, поэтому моя первая диссертация по античности, написанная под его чутким руководством, благополучно провалилась еще на стадии предзащиты. Защиту диссертации Андрей Олегович всегда считал процессом административным, а не научным. «Любой дурак может написать диссертацию, но не каждый способен ее защитить» — его любимая фраза.

Вместе со своей диссертацией я провалился на малой защите в Совете Одесского университета к удовольствию всех участников того мероприятия. Избиение, с разгромными академическими рецензиями и каверзными вопросами из зала, длилось два с половиной часа и закончилось голосованием с щадящей для моих нервов формулировкой: «рекомендовать внести исправления». В переводе с сербско-хорватского на понятный, это означало: «Фиг вам, молодой человек, а не кандидатская степень»...

Как известно, если концепция перестает работать, надо менять концепцию. Так, довольно скоро, появилась вторая моя диссертация — совершенно по иной теме и хронологическому периоду. Эта работа уже была

написана без всяких там расчетов на административные уловки, по теме, которой я к тому времени занимался уже несколько лет, но на уровне увлечения. Защитил ее довольно быстро, в Черновцах — в среде специалистов по заявленной тематике. Поэтому не стыдно. Таким образом на той публичной предзащите из меня выбили остатки юношеской наивности, а также всяческие иллюзии. За что я до сих пор благодарен организатору этого действия, тогдашнему главе совета, Елене Валентиновне Смынтине.

По меркам среднестатистических постсоветских кандидатов наук, защитился я довольно поздно, аж в 31 год. В то время, как модным считалось получить кандидатские лычки сразу после аспирантуры, а после тридцати — подавать на доктора. Впрочем, мода эта не распространялась на настоящую научную среду. Мне казалось, что обладаю иммунитетом ко всем этим иерархическим бубенцам, но и я в какой-то момент стал комплексовать. Помню, сидим на банкете после конференции молодых ученых в Ровно. Вокруг уже даже не ровесники — всем лет по 25 лет, и все кандидаты наук. По виду — «комсомольцы». То есть, молодых на конференции полно, но ученых нет. И я среди них — со своими скандальными археологическими открытиями, но до сих пор без степени...

Вторая моя диссертация была посвящена истории строительства средневековой Аккерманской крепости. Я увлекся ею довольно рано и увлечение быстро переросло в профессиональное занятие. Прочитав массу замечательных книжек об этом па-

мятнике фортификации, так и не получил убедительных ответов на три основных вопроса: кто, когда и почему построил эту крепость? Ответить на эти вопросы я взялся сам. С тех пор прошло двенадцать лет, и ответы ищущу до сих пор.

Со своим диссером явился в Университет имени Юрия Федьковича, на кафедру истории Украины, где меня и мой «кирпич» передали в руки Андрея Федорука, который взял рукопись со словами: «Наконец-то кто-то написал диссертацию по фортификации Аккермана!»... Так мы подружались. Через пять месяцев после этой встречи диссертация была защищена. Помню, напился как конь барона Мюнхгаузена. Это было 24 декабря 2010 года.

Докторская прошла спокойнее в эмоциональном отношении. Без этих комплексов. К защите подгоняло университетское начальство: заведующему кафедрой лучше ходить не в кандидатах. И в какой-то момент мне показалось, что легче сесть и ее написать запоем, чем выслушивать все время эти замечания. Материалов накоплено много, есть из чего собрать работу. Собрал. В финале вышла довольно неожиданная работа, в сравнении с тем, что планировалось изначально.

С. Э.: Какая тема?

А. К.: «Эволюция долговременной фортификации и историческая топография городов Северо-Западного Причерноморья в начале XV — конце XVIII вв.». Эта тема вызревала давно, из истории исследований укреплений Белгорода-Аккермана.

Методология — археологическая. Следовало построить внутреннюю периодизацию памятников фортификации на основании типологических признаков, в их эволюции. Затем датировать их по периодам развития в привязке к хронологии абсолютной. Детализация в построении этой хронологической шкалы бесконечна. Работа над этим продолжается до сих пор. Например, Аккерманская крепость без малого существует 600 лет и представляет собой архитектурный палимпсест. Поиск аналогий по части конструктивных особенностей тех или иных частей привёл к формулированию более общей проблемы в исследованиях — оказалось, что для Северо-Западного и Северного Причерноморья, от Керчи до Измаила, не создано единой типологии объектов долговременной фортификации в процессе их эволюции и, как следствие, уверенных датировок этих памятников или их частей. Первая замковая архитектура в указанном регионе появляется в начале XV века и оканчивается эра крепостей уже бастионного типа в конце XVIII века. Я взялся за решение этой задачи. С удивлением для себя обнаружил, что не только крепость Аккермана, но и множество других, весьма известных и ярких памятников, которые прекрасно сохранились, не имеют точных дат основания или строительной периодизации (по разным причинам).

С.Э.: Получается, Белгород-Днестровская крепость — это молдавская крепость? Её молдаване построили или там есть что-то более раннее: греческое, римское?

А.К.: Средневековой крепости предшествовала античная система укреп-

лений, которая частично раскопана археологами. Кстати, по виду эти крепости двух периодов практически неотличимы для обывателя. В обоих случаях высокие башни и толстые стены. Все дело в том, что средства обороны определяются средствами нападения, но не наоборот. Вот эти самые средства нападения, до изобретения эффективной огнестрельной осадной пороховой артиллерии, столетиями (а то и тысячелетиями) не менялись. Лук, стрелы и всякие катапульты. Античность в Белгороде — Днестровском представлена руинами древнегреческого города Тира. Он четвертый по размерам во всем Северном Причерноморье и Крыму. Все эти древнегреческие остатки перекрыты мощным, местами до 7 м в толщину, культурным слоем средневекового города. Увенчано все башнями молдавской крепости. Местами средневековая крепость возвышается на фундаментах античных оборонительных стен. Преемственность эпох напоминает Иерусалим. При входе в старый город через Дамасские ворота, то слева и справа — два глубоких раскопа, в которых видны остатки древнеримских фундаментов Баб-аль Амуд (Врата двух колонн), которые вели к площади Траяна с колонной по центру. Дамасские ворота турки в XVI веке надстроили над главным въездом в Иерусалим римского периода.

Сохранившаяся сегодня в Аккермане крепость традиционно приписывалась, конечно, Штефану Чел Маре — преимущественно в историографии румынской и молдавской. Считалось, что самый великий правитель средневековой Молдавии должен

приложить свою руку ко всему, особенно к созданию самой большой крепости в этой стране. Как товарищ Ленин в свое время. С уверенностью в этом я и сам приступил много лет назад к изучению этого памятника. Но теперь оказалось, что Штефан Великий здесь всего лишь отремонтировал летом 1484 г. главные ворота. И построил монастырь в 400 м от них четырьмя годами ранее (церковь сохранилась до сих пор). Все остальные 10 гектар укрепления к этому господарю не имели ровным счетом никакого отношения. Самый ранний известный элемент — замок в глубине оборонного комплекса, выстроил господарь Александр Добрый. Этот исторический персонаж незаслуженно игнорируется в Молдове. Ему не досталась даже купюра номиналом в 1 лей — все номиналы единолично узурпированы тем самым Штефаном. Александр по существу заложил основу настоящего благоденствия как Белгорода, так и всей Молдавии в целом, превратив торговый путь из Белгорода в Сучаву и далее — в безопасный, долговременный, надежный элемент экономической жизни страны. Известно имя еще одного молдавского господаря, с которым связано появление как минимум одного из секторов крепостного ансамбля. Это сын Александра, Штефан Второй, который в 1438 г. на два года превратил этот город в столицу т.н. Нижней Молдавии в период династических смут. На стене крепости находилась закладная плита (ее оригинал в музее, а копия возвращена в нишу) с датой: ноябрь 1440 г. и надписью с упоминанием его имени и особого статуса. Кроме того, известны имена некоторых молдавских пыркалабов XV века,

которые оставили свой след в строительстве отдельных башен. Но все же — большую часть возвели силами местного магистрата, в первой половине XV в. Ну а те стены и башни (за исключением двух), которые мы видим по внешнему периметру крепости — дело рук турецкого султана Баязида Второго, который отстроил их в 1480–90-х гг.

С.Э.: Там была молдавская столица?

А.К.: Насколько город можно считать именно столицей в классическом понимании, это вопрос. Скорее, временное прибежище господаря. Штефан сюда перебрался в контексте своих разборок с братом. Упомянутая закладная плита свидетельствует как раз о том, что власть Молдавии в городе в этот период была слабой. Например, текст дан на греческом языке, а не церковнославянском, т.е. государственном языке Молдавии того времени. Герба княжества нет, зато присутствует процветший крест типа хачкара. Наконец, имя господаря указано в середине текста, а вовсе не в его начале, как полагалось бы при его безусловном статусе иерарха. Вместо этого в первой строке высечено имя некоего Федорки. Скорее всего, это небезызвестный Теодорих де Телиха, известный и по некоторым гентуэзским документам середины XV в. Он слыл известным для Северо-Причерноморского региона «олигархом» своего времени. Белгород был городом многонациональным, скроенным из нескольких крупнейших общин, включая гентуэзцев, греков, евреев, татар, молдаван, армян. Штефан Чел Маре прикрывает всю эту республиканскую

вольницу, несколько прикрутив гайки. Примерно со второй половины 60-х годов XV века здесь появляются его «смотрящие» — пыркэлабы. При чем, он присылал их сюда по парам, а то и втроем — настолько важен был этот город для княжества. Пыркалабы остаются здесь до самого падения города под ударом турок в августе 1484 года.

С.Э.: Там, получается, жили греки и генуэзцы?

А.К.: Верно, но генуэзцам не удалось создать своей административной системы в этом городе, наподобие Каффы, Чембало или той же Килии. Показательны волны армянской колонизации, достигшие Белгорода в XIV и XVII веках. Известны некоторые фамилии второй волны, сохранившиеся почти до наших дней. Например, Асвадуровы. Это одна наиболее из богатых семей Аккермана, которая в XIX веке переехала в Одессу, оставив серию роскошных архитектурных отпечатков на облике старого города. Насколько знаю, потомки Асвадуровых сейчас живут в Америке.

Отдельная история с генуэзцами в Белгороде. Любопытную городскую байку зафиксировал турецкий путешественник Эвлия Челеби в 1657 г., побывав в Аккермане. Во время осады города войсками султана Баязида II (сына Фатиха, взявшего Константинополь) в стенах города оказался Кристоаль Колон, «некий» генуэзец, который предлагал султану профинансировать проект по открытию Нового света. Но господин Баязид ответил, что заокеанские земли его не интересуют. А волнуют в дан-

ный момент сам Белгород, который надо взять, а также Мекка и Медина — святыне для мусульманина места. Рассказ заканчивается тем, что капитуляция города для Колумба окончилась более чем удачно — его лично султан отпустил без выкупа. С многих потребовали деньги, большую часть продали в рабство, а 1099 самых богатых семей были переселены в крупные города империи на развитие тамошней торговли.

Правда это или нет — доподлинно неизвестно. Это могло быть правдой — достаточно ознакомиться с биографией Колумба, чтобы узнать, что в середине 1480-х гг. он действительно находился на пике неудач в деле поиска финансирования своего пресловутого проекта. Зато с абсолютной уверенностью можно утверждать, что сами жители Аккермана, спустя 170 лет после перехода города под турок, считали эту историю правдой. Так что уровень городских легенд того времени несопоставим с нынешним, когда местные аккерманцы то подземный ход выдумают из крепости под дном лимана со стеклянным потолком, то рогатых чудовищ в обводном рву поселят.

С.Э.: А в генуэзских источниках есть о том, что Колумб тут был?

А.К.: Прямых указаний нет. Биография Колумба составлена сравнительно подробно и об Аккермане в ней ни слова. Известно лишь, что в 1484 году ему было 33 года, пять лет он находился в определенной обструкции, которой подвергся в результате своих сумасбродных предложений. Он оббивал пороги разных королевских дворов в надежде реализовать свою

идею заокеанского похода. Его гнали отовсюду, и он пропал на некоторое время, как раз в середине 80-х. Турция по тем временам была довольно серьёзной державой с благополучными финансами, на пике пассионарного взлета. Контакты с Чёрным морем у итальянцев были налажены отлично. Так что, все выглядит правдоподобно, но бездоказательно.

С.Э.: Сомнение в аутентичности этого свидетельства есть, так как оно позднее и Челеби мог знать, кто такой Колумб. Так что мог «приплести».

А.К.: Челеби так и составил диалог с султаном от имени Колумба: мол, предлагаю тебе открыть Новый свет (ЭниДунья). Разумеется, о существовании Америки до ее открытия известно не было. Но только не Колумбу на страницах сочинения Челеби.

С.Э.: Там, кстати, как и в Килие, была генуэзская фактория? Сохранились ли генуэзские документы, связанные с Белгородом?

А.К.: Генуэзские документы сохранились, но, к сожалению, не белгородского происхождения — архив города наверняка погиб в результате турецкой осады. Увы, тут не Дубровник, где городской средневековый архив в полном порядке. Документальная база по Белгороду обеспечена генуэзскими и венецианскими архивами. Но исторических источников, как известно, много не бывает.

С.Э.: Но их кто-то изучал в применении к нашей территории?

А.К.: Да, давно, активно и последовательно. В Украине сегодня работает известный историк Александр Джанов, который специализируется на истории итальянских колоний Северо-Западного Причерноморья и Крыма.

Сведения о Белгороде почерпнуты в массариях Кафы, которые неплохо изучены и опубликованы. Кстати, Кафа рекомендовала своим резидентам не ссориться с Белгородом, который в разное время управлялся то «отцами города», то молдавскими пыркалабами. Генуэзская община, весьма крупная, в городе была, но административного аппарата не было, без консула, здесь им власть захватить не удалось, как в Килие, например, или той же Кафе.

С.Э.: А само название — Белгород — существовало в то время, или это уже советское изобретение, как калька Аккермана?

А.К.: Этот город не меняет своего названия уже 600 лет подряд. Он изначально назывался Белгород — белый город. Впервые топоним белый (Аспрон) упоминает в X веке Константин Багрянородный в поучении к своему сыну. Город упоминается в виде руин, на берегу реки у края империи. С XIII века появляется татарское название Акчакермен. Синхронно с ним итальянское Монкастро, Маурокастро. Вайсбургом Белгород назван у рыцаря де Ваврина. Белгородом он назывался молдаванами, наконец — Аккерманом у турок.

С.Э.: Разве молдаване в источниках его не называли Четатя Албэ?

А. К.: Церковнославянский — официальный язык средневекового Молдавского княжества. Во всех документах того времени название исключительно на славянский манер — Белгород. В самом городе языком официального общения был, скорее всего, греческий (в его средневековом варианте). В эпитафике XV в. из крепости фигурирует местное название: Аспрокастрон (Белая крепость, Белый город). Кстати, современное советское название — Белгород-Днестровский, не прижилось. Местные жители, вплоть до мэра города, именуют его Аккерманом. Все это не политкорректно, ибо по-турецки. Вот одесситы, например, упорно не желают именовать свой город первичным названием Хаджибей, а у жителей Белгорода-Днестровского на сей счет комплексов нет. Или у измаильчан, которые так и не превратились в тучковцев, несмотря на все усилия «проклятого царизма».

С. Э.: Я обратил внимание, что в статьях о вас везде указано: «Андрей Красножон, Аккерманская крепость».

А. К.: Да, так короче и благозвучнее. Белгород-Днестровский — длинно и неудобно. Это название сочинил Кутузов, став комендантом в захваченном городе в 1789 г. Тогда многие турецкие города подверглись топонимической русификации, многие старые города Причерноморья обрели новые имена. Некоторые — крайне неудачные, иные — наоборот (та же Одесса). Кстати, румыны играли в те же игры, упорно и демонстративно именуя город Четатя Албэ.

С. Э.: Но в Российской империи он всё-таки был Аккерман, цари не меняли название.

А. К.: Да, и Аккерманом он оставался аж до 1944 года. Получается, что царское название «Белгород на Днестре» ему вернули уже в 1944-ом, после освобождения этих земель от румын.

С. Э.: Спасибо за интересный очерк из истории города. Давайте перейдём теперь к вашей политической деятельности. Расскажите, как вы стали депутатом областного совета, что вас туда потянуло?

А. К.: Та же крепость и потянула. На мой субъективный взгляд, на уровне депутатства областного это не совсем политическая деятельность, а, скорее, хозяйственная. Депутаты на этом уровне призваны регулировать имущественные отношения в регионе. Но многие из пришедших туда, рассматривают зал облсовета как площадку для старта выше, на какой-нибудь политический Олимп. Таких депутатов видно сразу — почти каждое их выступление у микрофона, это декларация политических идей или популизм. По сути депутат облсовета должен регулировать распределение бюджета развития и следить за эффективностью использования имущества региональных общин. Вот одним из таких имущественных объектов (как это ни странно) в Одесском регионе является Аккерманская крепость. В свое время там были директора, которые пытались меня не пускать на территорию, чтобы я там не бегал с рулеткой или блокнотом для замеров.

В итоге, стало проще стать частью депутатского корпуса, который этих директоров назначает и контролирует, чем влиять на их поведение (или бездеятельность) через прессу или личное общение. Так что цели у меня были сугубо научные.

С.Э.: С конца прошлого года вы стали ректором Педагогического университета им. Ушинского. Это ещё советское название?

А.К.: При «совке» это учебное заведение называлось Педагогический институт. В годы независимости Украины название дважды менялось в сторону удлинения и утяжеления. Неизменной оставалась фамилия Ушинского, который устраивал как советскую власть, так и украинскую. Полагаю, это от того, что он мало кому был известен. В отличие от Булгакова, например. Ныне полное название ВУЗа звучит так: Государственное учреждение «Южноукраинский национальный педагогический университет имени Константина Дмитриевича Ушинского».

С.Э.: Расскажите о вашей деятельности в качестве ректора.

А.К.: Едва меня назначили, как началась война. Приказ о назначении подписан 1 декабря, а утром 24 февраля в Одессу прилетели первые «калибры». И понеслось. Жаль, не попали в памятник Екатерине Великой — это было бы забавно.

Это мой родной ВУЗ. Я окончил его в 2001 году, затем поступил в аспирантуру. Все наши сегодняшние сотрудники — это мои же бывшие учителя, коллеги или студенты. Мы все

друг друга давно знаем, и в этом отношении я понимал, куда иду, знал, что будет поддержка. Сразу два человека предложили участвовать в выборах — тогдашний ректор и первый проректор. Причём первый проректор сделал это раньше. Для меня единственный минус во всей этой истории, что невозможно заниматься наукой. Думать, конечно, никто не запрещает, но сосредоточиться не дают. Первые десять месяцев прошли в постоянных кадровых изменениях. Традиционно в Одессе педагогический университет воспринимался, как второстепенный по отношению к главному ВУЗу города — Университету Мечникова. Якобы, мы выпускаем учителей, а они — ученых. Однако в последнее время все больше тамошних специалистов переходит к нам. Под некоторые проекты — например, археологию, специально поступают студенты, хотя такой специальности у нас нет. Зато есть при кафедре три действующие археологические экспедиции.

Эта репутация складывается годами. Сейчас хочется подобный вектор запустить уже на общеуниверситетском уровне. Мне кажется, что я знаю, как должен выглядеть нормальный университет. Создать его может и не получится за период каденции, но задать тенденцию — вполне. Самая большая проблема любого постсоветского ВУЗа — это коррупционный налог. В этом причина большой студенческой миграции за границу. Вторая проблема — квалификация профессорско-преподавательского состава и актуальности передаваемых студентам знаний. Известный в Молдове образовательный эксперимент

Марка Ткачука — университет Высшая антропологическая школа, в какой-то мере служит образцом для некоторых изменений.

Одним из первых, кого я поменял, был проректор по административно-хозяйственной части. Представьте себе: вы абитуриент, приходите знакомиться с университетом или сдавать документы. Приемная комиссия расположена в историческом здании конца XIX в. с парадными мраморными лестницами. Но вместо этого вас запускают в корпус через черный вход, мимо мраморных ступеней и отремонтированного холла — чтоб не натоптали, видимо. Такая антиреклама в действии. Меня еще в студенческие годы удивляло, что мраморная лестница в корпусе приемной комиссии закрыта, парадный вход заколочен. Довольно быстро вся эта сакральная топография была реанимирована.

С. Э.: Какие у вас конкурсы в ВУЗе?

А. К.: Как ни странно, по итогам кампании этого, военного года — набрали процентов на 20 больше студентов, что в прошлом году. Некоторые факультеты вообще показали рекорд по набору. Пока трудно сказать, с чем эти показатели связаны.

С. Э.: А в среднем, сколько человек на место?

А. К.: Это немного устаревшее понятие. В Украине система поступления в ВУЗы организована по приоритетам, на основе полученных при сдаче независимого тестирования баллов. Один абитуриент может распределить свои заявки по приоритетам

сразу в несколько ВУЗов страны, а потом выбрать тот единственный, который по условиям конкурса баллов «предложил» ему наиболее подходящие условия — например, проходное место на бюджет.

С. Э.: А как у вас проходят занятия в условиях войны? Они проходят в нормальном режиме в аудиториях?

А. К.: Нас научил Covid учиться через экран компьютера. Два года мы сидели в онлайнах. Кстати, 24-го февраля неожиданно ковид закончился. По крайней мере, в Украине. Теперь мы учимся в реальном режиме — впервые за три года по коридорам бродят студенты в перерывах между парами. Мы все отвыкли от такого зрелища.

В четверг 24 февраля министерство образования объявило двухнедельные каникулы. В первой декаде марта обучение возобновилось, но в режиме онлайн. Впрочем, мне пришлось читать свою лекцию в пятницу, на второй день войны. Город опустел, а ты едешь на работу читать пару. В воздухе стоит запах пороха, воняет керосином, мазутом — ракетами лупили по предместьям и каким-то крайне засекреченным местам. В общем, пару я дочитать не сумел. В те дни просто невозможно было думать о чем-то ином, кроме как о войне.

Но через две недели стало понятно, что блицкриг провалился и на захват Одессы силенок у них не хватит. 14 марта наш университет возобновил учебу в режиме онлайн. Как выяснилось, лучший способ отвлечься от происходящего за окном — это

заниматься своим делом, писать статьи, читать книги, вести лекции. Иначе можно было сойти с ума. Иной терапии нет.

19 сентября начались занятия для первых курсов в реальном режиме. Я снова стал выходить в аудиторию, идет живое общение. Давно такого не было.

С.Э.: То есть, вы собираетесь вести занятия в аудиториях?

А.К.: Мы их ведем. Почти все преподаватели вернулись в Украину — из тех, кто покинул страну в первые дни войны. То, что Одессу россияне не возьмут (и даже не дойдут до нее), стало понятно мне, например, на 10-е сутки войны. Думаю, большинство рассуждало так же. Поэтому напряжение среди горожан вызывала не угроза потенциального наступления, а ракетные обстрелы. В какой-то момент российские ракеты стали прилетать и в районы жилой застройки, причем первоначальная логика — мол, они стреляют по военным объектам и аэропорту, от которых надо просто держаться подальше, — не сработала. В один из дней ракета упала даже на городское кладбище... Первое время летело все это «добро» над моим домом. Мы живем на берегу моря, в южной стороне, и напрямую до Тарханкута отсюда километров 180, до Севастополя 300 км. Вот оттуда оно все летело, как заблагорассудится. Ожидание внезапного прилета ракеты по самому неожиданному месту создавало некоторое время дискомфортные ощущения. Сейчас это прошло, потому что, видимо, ракеты в дефиците — их явно используют меньше.

С.Э.: Много попаданий в жилые здания было в Одессе?

А.К.: В первый день они били по периметру или окраинам города — по каким-то складам, военным частям, базам ПВО. В трех километрах от моего дома была серия ударов — в воздухе стоял характерный запах пороха. На Пасху, в страстную субботу, 10 апреля ракета прилетела в новый высотный жилой дом на жилмассиве Таирова, аккуратно между третьим и четвертым этажами. Убило 8 человек, включая маленьких детей. Показательно, что в 1854 г. в этот же день, в такую же страстную субботу, Одесса впервые подверглась массированному корабельному обстрелу англо-французской эскадрой, что произвело тогда шокирующее впечатление не в меньшей мере. Потом было попадание на одном из пляжей, затем в районе военного аэродрома, рядом с которым много гражданских объектов... На апрель, май пришелся пик попаданий именно по жилой застройке. Умышленно или ошибочно — это второй вопрос, но жертв это не интересует. После того серия громких прилетов пришлась на июль, когда в областном населенном пункте в Сергеевке ударили по заселенной гражданскими турбазе.

С.Э.: В Сергеевке попали как раз в жилой дом, в котором молдаване жили.

А.К.: Ракетных обстрелов стало меньше, существенно. Во-первых, кончаются ракеты. Во-вторых, террористический шантаж не срабатывает — гражданское население лишь злее. Все, кто испугался, давно уже покинул Украину. В-третьих, наши

научились их сбивать куда лучше прежнего. На фоне прилетов работают и «отлеты» — срабатывают наши ПВО. В результате у одесситов выработалось умение отличать одни от других по одному лишь звуку. Бесценный навык, нечего сказать.

Пожалуй, применительно к Одессе есть еще и четвертая причина, из-за которой обстрелы города прекратились — запуск зерновых караванов. Есть мнение, что Эрдоган договорился с товарищем Путиным об обеспечении морского вывоза зерна, в понятие о котором входит и прекращение обстрелов Одессы. У нас теперь каждый день формируются караваны по 7–10 кораблей, которые вывозят украинское зерно в Средиземноморье и далее. Тем не менее, россияне успели пухнуть по порту на прощание как раз на следующий день после озвученных договоренностей. Гопник этот товарищ, не иначе — как же не пырнуть ножичком прохожего после неудачного ограбления? Но все эти договоренности посыпались — уже 23 и 26-го сентября на город полетели дроны-камикадзе. Два из них упали в самом центре города. Были жертвы.

С. Э.: **Перейдём из историков в политологи. Хочу задать вопрос, который многих интересует. Если мы проведем линию от Киева до Одессы, то к востоку в городах, говорят в основном на русском. Т. е. Путин вторгся в ту часть Украины, где проживает русскоязычное население. Его идея состояла в том, что на этой территории проживают русские, которых «угнетают бандеровцы», и если российская армия туда зайдёт, то их встретят с цвета-**

ми... И вся операция опиралась на эту концепцию. Не учитывалось, что начнётся реальная война. В сети есть много видео, из которых видно, что практически все украинские солдаты говорят на русском языке. Как вы считаете, почему расчеты на «встречу с цветами» не оправдались?

А. К.: И не планировали никогда встречать с цветами. Трудно сказать, кто Путину готовил докладные. В Одессе на одной из центральных площадей стоит памятник Екатерине II, это восстановленный еще в 2007 году старый дореволюционный монумент, который скинули коммунаки в 1920 г. Восстановил его самый проукраинский за всю историю города мэр, еврей по национальности, родом из западной части Украины. Как утраченный символ дореволюционной, старой Одессы. Это краеведческий, а не пророссийский символ для большинства одесситов. И вот как эти тонкости разглядеть, понять и правильно изложить в докладной записке, поданной каким-нибудь среднестатистическим фсбшником на стол начальству, происходящему из какого-нибудь тувинского захолустья? Какие выводы он может сделать? Наверное, что раз Екатерина и русский разговорный — то значит и город русский, цветы, чепчики под крики «ура» и все такое... Кстати, если о Катюке в Одессе прежде почти не вспоминали, то теперь этот истукан — символ агрессора, его всерьез собрались сносить. Особенно после первых ракетных обстрелов этого «самого русского города Украины». Такой вот обратный эффект. Еще пару ракетных попаданий (не обяза-

тельно по нам) и весь город, а не его часть, перейдет на украинский язык общения. Думаю, из поверхностных оценок «смешных хохлов» и родилась вся эта ошибочная предвоенная, бравая концепция в головах кремлевских старцев.

В свое время пятая колонна действовала в Одессе... Иное дело, какого она качества. В Одессе пик деятельности подобных джентльменов у нас пришелся на начало 2010-х годов, когда тут действовала партия «Родина» с экстремистским душком и с левым уклоном. На флаге этой партии была изображена волгоградская Родина-мать. Бывшие представители этой организации сейчас в России выступают в эфирах Соловьёва... Кстати, истинного одесского патриотизма там не было — ворюги еще те. Городской бюджет пилили и землю санаторную отчуждали не хуже других. Вот что искренне делали, с душой, так это ненавидели украинцев и все украинское. Думаю, во-многом по Одессе именно ими формировалась искаженная картинка и подавалась в Москву. Наверх доносились не результаты научных, антропологических, если хотите, изысканий, а частные мнения воинствующих украинофобов, возведенные очень быстро в аксиому. Отсюда и шок у всей этой публики, когда им оказали жесткое сопротивление на улицах города в событиях 2-го мая. Отсюда и неспособность предвидеть степень и характер сопротивления одесситов при всех последующих событиях периода войны, выраженные как в волонтерском, так и военном варианте. Не стоит забывать, что рядом с нами Николаев, Херсон и это наш, свой «одесский» фронт.

Давно известно — самосознание является главным этническим признаком, а не язык. Примеров масса. Иное дело, в последние девять месяцев говорить по-русски хочется все меньше. Даже в Одессе это становится признаком дурного тона. Перейти на украинский с собеседником — норма, не вызывающая сегодня никакого дискомфорта.

Самосознание формируется при контактах «нас» с «ними», выражаясь в терминологии Тойнби. В 2008 году я оказался в Иркутске. Заселяюсь в отель по предварительной брони. Женщина на ресепшине взяла мой паспорт в желто-синих тонах и сразу определила: «хохол!». Честно говоря, я думал, она увидит в паспорте, что город проживания Одесса. В современной российской мифологии она декларируется городом русским, но глубинный народ, как выяснилось, полагает иначе. Далее меня спросили, когда я верну Крым. Затем было нечто про «НАТО у границ», и все с абсолютно серьезным, несколько раздраженным выражением лица. Это был важный эпизод в деле становления моего украинского самосознания. Уверен, что даже дончане в восприятии россиян — те же «хохлы», хоть и не бандеровцы.

На мой взгляд, в Одессе за украинофобию ошибочно принимали традиционное для любого крупного города надменное отношение к селу. Это противопоставление не этническое, а социальное. Вечное противостояние понаприехавших с понаостававшимися. Типичное проявление городского снобизма, которое сейчас уже выглядит как моветон.

Культурная антропология, мне кажется, у этих *товарищей за поребриком* —

на нуле. Все, что они знали об Одессе, Украине в целом — оказалось ошибочным. В Кишинёве — те же дела. Только там более остро ощущается конфликт села с городом. Как говорил один мой тамошний знакомый, оценивая ущерб, нанесенный временщиками архитектурному наследию родного города: «Надоело жить в селе».

Старый одессит оперирует, преимущественно, дореволюционными названиями улиц — при чем, еще со времен СССР. Интересно, что все митинги пророссийского жанра у нас проходили у памятников советской эпохи, а не царской. В тоже время — евромайдан в Одессе начинался у памятника Пушкину, а затем переключал под памятник Дюку, который, как известно, был новороссийским генерал-губернатором, а не львовским.

Пушкина после 24-го февраля трогать не стали, но Екатерина явно стала «оскорблять взор». При этом советские символы (вечный огонь, красноармейский некрополь, обелиск) дискурса об уместности наличия все равно не вызвали под предлогом их защиты законом, как символов Второй мировой... Хотя, Катерина ярче вечного огня «работает» у россиян на концепцию о распространении русского мира, создавая претензии на Одессу как часть русской культуры, которую посему требуется освободить от бандеровцев. На что следует ответ на чистом русском языке: «Нет-нет, товарищи, здесь нет части вашей культуры! Просим никого не освобождать». И памятник на всякий случай — с глаз долой, в музей, чтоб не давать лишний раз повод.

В Одессе все разговоры о том, что эта война только с военными и представителями власти, закончились, когда наши освободили Бучу и пошли первые кадры с расстрелянными гражданами.

Еще будут написаны книги об истории первого сопротивления в Харькове, Херсоне, Чернигове и Сумах. Еще будет рассказано о горизонтальных связях среди патриотов и ветеранов АТО. О том, как они сработали в первые часы российского вторжения. В Украине 300 тыс. человек за 8 лет прошли через войну на Донбассе, в каждом городе есть своя пассивная группа ветеранов. Эти ребята уж точно не испытывали иллюзий по поводу начала широкомасштабной войны. И готовились: покупали или извлекали из схронов оружие, проходили подготовку на стрельбищах, в тирах и вообще «зберігали спокій та чистили кулемет». В этом смысле попытки устранить Зеленского силами пришлых ДРГ не привели бы к ослаблению и дезорганизации сопротивления. У нас-то воюют не за президента и вовсе не по его приказу. Это общество совсем иначе организовано, чем то соседнее, которое говорит «один народ» и все такое. Кстати, наш президент заверял нас, что «войны не будет». Где бы мы были сейчас, если бы во всем верили своему президенту?

В рядах ВСУ много крымских татар, интернациональных полков. У этих людей особая мотивация. Война сотворила за эти месяцы с украинской нацией колоссальные изменения. На глазах состоялся цивилизационный разрыв. Не Степан Бандера, а Путин научил Одессу говорить по-украински.

С.Э.: То есть, Путин способствовал украинизации?

А.К.: Безусловно. Мне рассказывали, что в военных госпиталях украинских солдат, которых привозят с передовой в бессознательном состоянии, врач на операционном столе выводит из анестезии только по-украински. Даже если тот родом из русскоязычного региона. Зачем? Чтоб солдат первым делом не подумал, будто очнулся в российском плену. Это очень ясно демонстрирует функцию языка. Это инструмент для выявления своих и чужих, а не только лишь средство общения.

С.Э.: У большей части населения Украины (особенно в городах) родной язык русский. Янукович был вор-рецидивист. Но именно он принял Европейскую хартию языков. Это очень удобная для населения концепция. Она действует не на территории страны, а на территории населённого пункта: если в этом населённом пункте сколько-то процентов говорит на этом языке, то этот язык становится местным официальным языком. В Румынии, кстати, эта хартия работает. Там есть сёла русских старообрядцев, и там все надписи на русском; в венгерских селах — всё на венгерском и т. д. Когда сменили Януковича, и было объявлено о проевропейском курсе, первое что сделали — отменили Европейскую хартию языков на территории Украины. И начались репрессии против русского языка. Я так понимаю, что сейчас во всех школах и вузах идёт преподавание на украинском языке, а русский язык вообще запрещён?

А.К.: Слово репрессии — неточно отражает действительность. Репрессии — это когда за дверьми твоей лекционной аудитории сидит стукач и слушает, на каком языке ты преподаешь, после доносит спецслужбам. У нас ни одного человека не посадили за то, что он говорит по-русски. Запрещено нарушать закон. Да, преподавать мы должны на украинском языке. Но это не вызывает ни раздражения, ни отторжения как у слушателей, так и лекторов. Мы все давно двуязычные. И концепция эта была удобна, в первую очередь для его собственного электората, не желавшего ни учить, ни понимать украинский. Янукович придумал себе и «людям» (как он тогда выражался) изящное прикрытие. Януковича сменили, как известно, ценой сотен расстрелянных на Майдане людей — преимущественно, украиноязычных. Потом аннексия Крыма, война на Донбассе, наконец, вторжение 24-го февраля под предлогом «освобождения русскоговорящего населения от украиноязычных бандеровцев». Язык — как повод для вторжения. О какой хартии может идти речь?

С.Э.: Ну, румыны в межвоенный период тоже не сажали, когда говорили по-русски в Кишиневе, но преподавать на русском языке даже в частных школах в 1930-е годы было нельзя. И мы справедливо считаем это репрессиями авторитарного режима. С какого года, кстати, официально нельзя преподавать на русском?

А.К.: Вы считаете, что это справедливо, а мы нет. Если кто-то и сомневался, то путинские калибры последние сомнения выбили.

Репрессии — это когда принуждение против воли. Но в нашем случае нет принуждения. Поскольку, украинским владеют все — в той или иной степени. Я не помню вообще, чтобы его использование даже по формальному требованию, являлось бы для кого-то проблемой. Это очень похожие языки, что облегчает его использование. Различие между русским и румынским куда сильнее, и противодействие со стороны русскоязычного кишиневца румынскому тем больше. А украинский и русский настолько похожи, что выучить один из них не вызывает сложностей и отторжения. Скорее, нарастает ползучее доминирование украинского, чем целенаправленные «репрессии» русского. Единственное, что могу сказать — в научных журналах Украины статью на русском не возьмут. Иностранцам завернут также и вежливо попросят подать на английском.

С. Э.: Вы считаете это не репрессиями, когда в школе и в ВУЗах отменили преподавание на русском языке? Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли: после 24 февраля, конечно, неловко обсуждать эту тему, но это же началось задолго до 24 февраля?

А. К.: Преподавание на государственном языке в государственном учреждении — это абсолютно нормально. Особенно, если русский язык даже фоном своего звучания на улицах грозит завтра привлечь московское вторжение под предлогом «освобождения» русскоязычных граждан от гнета жидо-бандеровской хунты. Желающим учиться в школе по-русски предоставлялось право выбора — русскоязычные школы, как частные, так и государственные, оставались до не-

давнего времени в свободном доступе и лобой желающий мог выбрать этот язык обучения. Иное дело, сами люди все реже стали выбирать русскоязычные школы. А репрессии же в моем понимании это иное — преследование языка, его насильственное искоренение. Насилия по этой части тут нет, все происходит по обоюдному согласию сторон. Читать лекции по-украински от преподавателя уже давно требует не начальство, а студенты. Они так привыкли со школы. Выросло новое поколение. В университетской аудитории вы говорите по-украински, на перемене — можете перейти на русский. И увольнение за это не светит. В магазине, на улице, в троллейбусе, в телеинтервью или даже в националистическом полку «Азов» — русскую речь можно периодически слышать до сих пор. Вам за это ничего не грозит. Иное дело, что после аннексии Крыма и всех последующих событий, народ без всяких распоряжений сверху стал относиться к русскому языку, как к чему-то неприличному. Такая же участь была у немецкого в СССР после Второй мировой войны.

Человек, говорящий в Одессе по-украински в общественном транспорте лет 10–15 назад — это экзотика. На него могли озираться. Это считалось вызовом, демонстрацией сельского/иногородного происхождения. Чем чище язык, тем выше вызов — суржик могли простить, ведь это явно неспециально. Насколько все изменилось теперь. Удивительно наблюдать изменение городской культуры в столь короткий период.

С. Э.: Сделать можно всё что угодно. Поскольку общество, нация —

это всегда конструкция, то сконструировать можно всё что угодно. Но вы считаете, что это нормально и ничего страшного в этом нет? Вот, сейчас музей Булгакова предлагают закрыть, и уже сняли мемориальную доску в его честь...

А.К.: Борьба с памятниками и музеями мне неприятна по определению, потому что я историк и у меня специфический взгляд на эту тему. Я считаю, что Булгакова как не читали, так и далее читать не собираются, что в Украине что в России. Потому что люди, мягко выражаясь, стали нелюбознательные. В обучении на украинском языке кроме пользы ничего не вижу. Что касается истории вокруг Булгакова, тут явный перегиб. Музей можно и не закрывать (и вряд ли закроют). На самом деле, до Булгакова никому дела по-настоящему нет. Как и до Екатерины в Одессе, если честно... Было бы дело — снесли бы все эти музеи и памятники в первую же неделю вторжения — в том стиле, который любят в России — без оглядки на общественное мнение и публичных дебатов.

Любой памятник выполняет коммуникативную функцию. Иное дело, что он может оскорблять чей-то взгляд. Вот я бы с удовольствием потушил бы Вечный огонь у нас в Одессе — это оскорбляет мой взгляд. Но как историк я за артефакты — источниковедческой ценностью обладает всё без исключений, с позиций далекого будущего.

С.Э.: Талантливый пропагандист Арестович, который умело привлекает симпатии русских к Украине, сказал, что нужно, чтобы было два

официальных языка: украинский и русский. И я думаю, что это было бы грамотное решение для повышения привлекательности Украины среди этнических русских, которые являются ее гражданами. Если Украина заявит, что русский язык является её историческим культурным достоянием, то это будет способ эффективно вести пропаганду уже в сторону России. Как вы считаете?

А.К.: Повестка о «повышении привлекательности Украины среди этнических русских, которые являются ее гражданами», устарела лет на десять. А сегодня среди таковых привлекательность Украины активно повышает кадыровский полк на оккупированных территориях с традиционно пророссийским электоратом Запорожской, скажем, области. Знакомые из Мелитополя, давние сторонники пророссийской партии ОПЗЖ (со всем ее нарративом о двух официальных языках), рассказывали недавно, чего там натерпелись. Фраза, кинутая им, что «Теперь вы все наши рабы» — самое безобидное, что удалось услышать от русских солдат за все оккупации.

Что касается предложения Арестовича, можно пофилософствовать и о том, что русский язык, на самом деле, принадлежит нам — наследникам Киевской Руси, и все такое. Грушевский называл Украину Русью, Арестович, кстати, тоже. И наш Феофан Прокопович придумал им — москвитам, само название Россия. Все это уже проходили. Мне кажется, все-таки легче выучить украинский язык, чем заниматься интеллектуальным поиском отмазок, почему это

делать ни в коем случае нельзя. Проблема использования русского языка в Украине исчезнет лишь тогда, когда исчезнет сама Россия, или же ее извечные претензии на наши территории, жизни, государственность. До тех пор формула типа — «мы разговариваем на русском языке, но при этом мы не русские», будет работать плохо.

В Украине многое изменится, как только фронтовики начнут возвращаться по домам после войны. Повестку дня — культурную, политическую, будут формировать совершенно другие люди, пережившие фронт. Как они это будут делать, как эта масса людей (преимущественно молодых и пассионарных) будет влиять на людские массы, я не имею понятия. После войны страна будет кар-

динально иной. Страна уже сильно изменилась — даже на моих глазах, не таких уж и древних. Ушла, например, мода на русскоязычные книги — за считанные годы. Александр Красицкий — директор харьковского издательства «Фоллио», рассказывал, что поколение 30+ давно предпочитает при выборе в магазине не ту книгу, которая издана на русском, а ту, которая дешевле — т. е., украинскую в силу коммерческих обстоятельств.

В общем, времена интересные и печальные одновременно. Но оптимизм в наших сердцах есть. Осталось только победить в этой войне, да поскорее.

С. Э.: Спасибо за насыщенную информацией беседу!

«БУЛГАКОВ — ЭТО НАШ ПИСАТЕЛЬ, КИЕВЛЯНИН, ЧАСТЬ НАШЕЙ КУЛЬТУРЫ».

Интервью с С. В. Машкевичем

Известный историк, выходец с Украины, проживающий в США С. В. Машкевич рассказывает о своих предках, историю которых сумел проследить по архивным данным до середины 17 века. Он поделился с читателями причинами, как получилось, что он профессионально занялся историей, особенно его привлекает история Киева. Делится своими соображениями о роли и судьбе русского языка в Украине. Много внимания в интервью уделено природе анти-булгаковской истерии и борьбы с русской культурой в Украине.

Ключевые слова: Украина, Россия, Киев, русский язык, Булгаков.

Сведения об авторе: Стефан Владимирович Машкевич — доктор физико-математических наук, доктор исторических наук. Родился в 1971 году в Киеве. Исследователь истории Киева, писатель.

Основные публикации: Машкевич С. В. Трамвайные копейки (2004); Козлов К. П., Машкевич С. В. Київський тролейбус — Kiev Trolleybus (2009); Машкевич С. В. Два дня из истории Киева (2010); Машкевич С. В. Улицы Киева. Ретропутешествие (2015); Машкевич С. В. Улицы Киева. Ретропутешествие. 2-е издание, перер. и доп. — Харьков: Фолио, 2018. — 396 с. — ISBN 978-966-03-7437-9; Машкевич С. В. Історія приміських трамвайних ліній Києва. — Київ: Варто, 2018. — 224 с. — ISBN 978-966-2321-44-9; Машкевич С. В. Киев 1917–1920. Т. 1. Прощание с империей (март 1917 — январь 1918). — Харьков: Фолио, 2019. — 461 с. — ISBN 978-966-03-8750-8; Машкевич С. В. Історія Київського міського транспорту. Кінець XIX — початок XXI ст. — Київ: Варто, 2019. — 640 с. — ISBN 978-966-2321-49-4; Машкевич С. В. Язык из Киева уведет. Киев: Скай Хорс, 2020. 272 с. ISBN 978-966-2536-63-8.

“BULGAKOV IS OUR WRITER, A CITIZEN OF KIEV, A PART OF OUR CULTURE”.

Interview with S. V. Mashkevich

A well-known historian, a native of Ukraine, living in the USA Stefan V. Mashkevich tells about his ancestors, whose history he managed to trace through archival data until the middle of the 17th century. He also shares with the readers the reasons why he became professionally engaged in history and why he is especially attracted to the history of Kyiv. He also shares his thoughts on the role and the fate of the Russian language in Ukraine. Much attention in the interview is given to the nature of the anti-Bulgakov hysteria and the struggle against Russian culture in Ukraine.

Key words: Ukraine, Russia, Kyiv, Russian language, Mikhail Bulgakov.

About the author: Stefan Volodimirovich Mashkevich — Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Doctor of Historical Sciences. Born in 1971 in Kyiv. Kyiv history researcher, writer.

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э.: Наш журнал занимается вопросами памяти. Семейная память — это важная часть коллективной памяти. Расскажите, пожалуйста, на сколько поколений распространяется ваша семейная память? Узнали ли вы о своих предках непосредственно от родителей, или обращались в архивы?

С.М.: В моём случае ситуация с семейной памятью, полагаю, немного нестандартная. Впрочем, я не исследовал феномен семейной памяти вообще, поэтому не знаю, какую ситуацию следует считать «стандартной». Моя непосредственная семейная память простирается, к сожалению, только на одно поколение вверх от меня — то есть на моих родителей. В четыре с половиной года у меня уже не было ни одного дедушки и ни одной бабушки.

Дедушка по папе и бабушка по маме умерли до моего рождения (дедушка по папе не столько умер, сколько был расстрелян — в 1937 году). Мамино-го отца и папину маму, которые оба умерли в 1975 году, когда мне было четыре года, я помню очень смутно, и никаких осмысленных разговоров о семейной памяти с ними вести я, разумеется, не мог.

Уже гораздо позже я узнал от папы, что его мама жила в Киеве весь период с 1917 по 1920 год — период четырнадцати смен власти (тех самых, о которых говорил Булгаков). Это период, которым я заинтересовался

уже в более чем зрелом возрасте, начал писать книги по нему (тем более, в моей семье был живой свидетель того периода, хоть я сам и не мог получить информацию непосредственно от этого свидетеля). Люди боялись говорить об этом — и в моей семье тоже. Я неоднократно расспрашивал отца, говорила ли ему его мама что-либо о том переломном периоде нашей истории. Но отец отвечал, что от своей матери практически ничего об этом не слышал: она предпочитала молчать. Единственный эпизод того периода, который дошел до меня: когда осенью 1919 года Киев захватили деникинцы (Белая армия), деникинский патруль вошел в дом родителей моей бабушки и конфисковал у нее, тогда 13-летней девочки, куклу. Белогвардейский офицер сказал: «Ты уже большая девочка, тебе эта кукла не нужна, а у меня есть маленькая дочка, ей она пригодится больше». Вот это всё, что, так сказать, мне досталось.

Я также, конечно, расспрашивал папу о деталях того, что произошло с его отцом. И здесь папа не смог мне практически ничего рассказать, но уже по другой причине: информацию о жертвах сталинских репрессий, как известно, скрывали от всех, включая их ближайших родственников. Мы долго не знали даже дату смерти (то есть расстрела) дедушки...

В общем, к сожалению, моя живая семейная память достаточно сильно подрезана.

С другой стороны, я сам это компенсировал в зрелом возрасте генеалогическими исследованиями. Сам я не профессиональный генеалог и никогда им не был, но с помощью коллег смог восстановить свою семейную историю на девять поколений вверх. Я знаю, как звали моего прапрапрапрапрапрадеда по мужской линии, который родился во второй половине XVII века, что-нибудь около 1660–1680 г.: Варфоломей Машкевич. Это приятно: это приносит осознание того, что история всё-таки не совсем потерялась. А начиная с шестого поколения вверх я знаю не только имена-отчества, но и даты рождения всех своих предков по мужской линии. Мой прапрапрапрадед, Андрей Иванович Машкевич, родился 17 октября 1784 года; его сын, Феодосий Андреевич — 9 мая 1808... и так далее.

С предками по женской линии сложнее. Ввиду маскулиноцентричности тогдашнего общества документы по женской линии, как известно, искать тяжелее. Не найдешь чью-то девичью фамилию — и всё, тупик.

В общем, своей семейной историей я занимался довольно систематически. Удалось установить, пожалуй, больше, чем у «среднестатистического» члена современного общества, и меня это безусловно радует. Я знаю, что мои предки с момента второго раздела Польши (1793 год) и до второй половины XIX века жили в Умани и окрестных сёлах. Несколько лет назад я честно объездил все эти сёла, побывал на кладбищах в надежде найти там могилы предков... но увы. Могилы, как правило, так долго не «живут»...

В Польше мои предки были православною шляхтой, т.е. дворянами. Потом пытались подтвердить своё дворянство, но в Российской империи им это сделать не удалось. Более недавние мои предки были однодворцами, некоторые — крестьянами.

С.Э.: Получается, что вы путем архивных разысканий нашли своих предков, начиная с XVII века. Далеко не все этим занимаются.

С.М.: С большой помощью коллег — по правде говоря, коллеги сделали гораздо больше, чем я сам — но инициатива и мотивация исходили, естественно, от меня. Кто занимается, кто нет — здесь, конечно, как в известной песне: «Каждый выбирает по себе...».

С.Э. В одной из статей вы писали о следственном деле своего деда, расстрелянного в годы Большого террора. Могли бы рассказать об этом трагическом событии вашей семейной памяти?

С.М.: Теперь да, могу. Как я уже упомянул, в семье мы не знали даже дату расстрела дедушки, не говоря уж о каких-либо деталях. К счастью, в архиве СБУ сохранилось его следственное дело, доступ к которому давно открыт. В результате не папа рассказал мне, что в точности случилось с его отцом, а я ему... Как сейчас помню: посадил его за свой компьютер, открыл файл с фотокопиями страниц этого дела, оставил его наедине с этой информацией... он всё прочитал, встал из-за компьютера, только и произнес что-то вроде: «Да, впечатляет»... и замолчал. Он-то, в отличие от меня, пережил это сам. Ему было семь лет, когда его отца

забрали (так тогда говорили), он это помнил...

Мне в этом плане было проще. Не хочу показаться бесчувственным, но, как говорится, медицинский факт: у меня в этой истории эмоций существенно меньше, потому что непосредственно в моей памяти это не отложилось; для меня это именно история. И я к этой истории подошел прежде всего как исследователь. С помощью документов — которые отлично сохранились — понял, почему и как дедушка попал в жернова репрессий. Более того: проработав эти документы, я понял, как вообще работал репрессивный механизм (точнее, один из механизмов). Вкратце: Сталин избавился от своих соратников, которых он считал конкурентами. Из них выбили показания на их коллег, которых они якобы завербовали в мнимые контрреволюционные, террористические и прочие «организации». Взяли этих коллег. Выбили из них показания на следующих. И так, образно говоря, расходящимися концентрическими кругами... Я проследил две таких «цепочки» арестов: одна началась от Григория Зиновьева (того самого, соратника Ленина, а затем врага Сталина), вторая — от Юрия Коцюбинского (сына писателя Михаила Коцюбинского), и эти две цепочки «сомкнулись» на моем дедушке.

Не претендую здесь на какой-либо научный приоритет — не сомневаюсь, что специалистам по теме этот механизм известен — но одно дело, когда читаешь чьи-то обобщающие работы, и другое дело, когда, во-первых, это касается непосредственно твоей семьи, и во-вторых, ты видишь

это всё в первоисточниках. Совсем другое ощущение (да, здесь все-таки возникают некие эмоции)...

С.Э.: Вы потомственный физик, вундеркинд — в 14 лет поступили в университет и уже на ранних стадиях начали делать успешную карьеру, в 21 год защитили кандидатскую, в 34 — докторскую по физике; сейчас работаете в большой американской компании, занимающейся программным обеспечением для фармацевтической промышленности. И вдруг... начинаете заниматься историей, защищаете докторскую по истории и пишете целый ряд книг по ней же. Не совсем стандартная ситуация. Расскажите, каким образом вы сошли с уже проторенной колеи?

С.М.: Вот это как раз непосредственно связано с семейной историей — с той её частью, которая легко восстанавливается, потому что происходила на глазах у моих родителей. Оба моих родителя по образованию физики и никогда не работали иначе как физиками. А вот мои бабушки и дедушки — все четверо! — по образованию историки. Так что — гены, тут куда не денешься. Правда, мамина мама в качестве историка не работала, у неё была проблема с советской властью — она оставалась на оккупированной территории во время войны и поэтому стала с точки зрения советской власти человеком «политически неблагонадёжным»; путь в историческую науку ей был закрыт. Она работала учительницей иностранных языков. Языки я тоже очень люблю, знаю их заметное количество, в меру активно ими пользуюсь — возможно, это тоже генетический момент.

Так что первую книгу я написал не по физике, а по истории, вышла она в 2004 году, под названием «Трамвайные копейки». Я был на завершающем этапе работы над докторской диссертацией по физике, но, видимо, гены меня уже потянули в историю. Что касается карьеры, то с приездом в США моя карьера физика была если не совсем закончена, то сильно надломлена, потому что официальную работу в качестве физика здесь было найти сложно — без американского образования. В плане зарабатывания денег я ушёл в IT-индустрию. А вот «для души» появилась история. И уже около двадцати лет я серьёзно занимаюсь историей, хотя денег этим почти не зарабатываю — но не всё должно мериться деньгами (что бы ни думали по этому поводу в капиталистическом обществе; я думаю иначе).

С.Э.: Вы занимаетесь городской историей. Расскажите, пожалуйста, об этом.

С.М.: Сейчас уже не только ею. Но да, так или иначе почти все мои исторические исследования отталкивались от истории Киева. Докторскую диссертацию по истории я защитил в 2021 году; её тема — история киевского городского транспорта. В 2009 году мы с соавтором Константином Козловым написали большую книгу «Киевский троллейбус» на двух языках — украинском и английском, чтобы продвигать её по всему миру. В некоторой мере это удалось, потому что транспортом интересуются во всем мире. В 2010 году я написал книгу «Два дня из истории Киева» — по моему любимому периоду 1917–1920 гг., в частности

по 1919 году — о тех самых деникинцах, микровоспоминание о которых дошло до меня от бабушки. Потом я начал большой четырёхтомный проект, который так и называется «Киев 1917–1920» — история Киева за эти три года. Эта работа в процессе, вышел только первый том, над остальными я ещё работаю. Написал об истории названий улиц Киева, и частично самих улиц, книгу «Улицы Киева. Ретропутешествие» (2015; второе издание — 2018).

С.Э.: Вы занимаетесь историей Киева и как раз периодом, воспетым Булгаковым. Давайте поговорим о событиях нынешних, когда была снята мемориальная доска Булгакову.

С.М.: Сняли уже две таких доски. Рядом, в соседних кварталах, буквально в 100–150 метрах одна от другой. Одна — на здании Первой гимназии, где Булгаков учился как гимназист, теперь это филологический факультет Киевского университета. Вторая — на одном из зданий Киевского мединститута, которое то время было медицинским факультетом того же Киевского университета, где Булгаков учился уже как студент-медик.

С.Э.: К этому ещё добавляется выступление руководителя Союза писателей Украины, который призвал закрыть музей Булгакова (вы наверняка знаете этого писателя). Со стороны очень многое кажется непонятным. Расскажите, пожалуйста, о том, что там происходит.

С.М.: Немаловажное, на мой взгляд, уточнение: это заявление Союза

писателей на самом деле анонимное. Оно не было подписано ни председателем Союза писателей, ни кем-либо из его членов. Подпись гласит: «Секретариат Национального Союза писателей Украины». Мы, конечно, не знаем всю подноготную — как это заявление появилось, чья была идея, кто непосредственно, физически, написал текст. Но из общих соображений можно заподозрить, что товарищи писатели — я не зря употребляю слово «товарищи», потому что это как раз методы тех времён, когда слово «товарищ» было официальным титулом — всё-таки в глубине души понимали, что реакция на их инициативу может быть не очень однозначной, что ситуация в какой-то момент может обернуться против них самих — и тогда, если, паче чаяния, ветер переменится, то у членов этого секретариата будет замечательная возможность сказать: «А я это не подписывал. Это было сделано без меня. Я здесь ни при чём». Я не знаю, многие ли так рассуждали, но сам факт того, что подписи реальных людей под этой виртуальной бумагой отсутствуют, о чём-то да говорит. Ведь когда пишут всяческие коллективные письма, то, наоборот, люди сознательно их подписывают, обозначая тем самым свою позицию: «Да, я это поддерживаю».

Как бы то ни было, появление этой писанины четко укладывается в общую тенденцию, которую можно охарактеризовать новомодной фразой «культура отмены». В данном случае: культура отмены русской культуры (каламбур, но вот так и есть). Это можно назвать борьбой с русской культурой в Украине вообще и борьбой с Булгаковым в частности — как

с киевлянином, который, по крайней мере по мнению «товарищей писателей», не разделял ценности, которые эти самые писатели декларируют.

Соответственно, Булгакова следует объявить «чужим», «чуждым», «не нашим» — все эти термины и тенденции нам знакомы с советских времён. Всё это в истории уже было: с Галичем, с Виктором Некрасовым, с Солженицыным. Я не сравниваю Булгакова непосредственно с каждым из них, это разные люди, разные писатели. Но как явление — это абсолютно не ново, это уже было в истории.

С. Э.: Похоже, эти «товарищи», как неслучайно вы их назвали, были рьяными советскими гражданами, вероятно ещё членами КПСС?

С. М.: Те из них, которые вышли возрастом. Я предполагаю, что там есть и молодые люди, кому лет 40 — они, конечно, не были членами КПСС и даже комсомольцами. А вот представители моего поколения и старше комсомольцами уж точно были, а некоторые из них были и членами КПСС, клеймили украинский буржуазный национализм, как тогда положено было, а сейчас — вот так... И здесь не может не возникнуть вопрос об искренности их взглядов. Как писал в одном своём уже давнем, остром политическом стихотворении Александр Розенбаум: «Литовцы, нынче вновь Бразаускас в цене... // Когда он врал, вчера или сегодня?» Вот, по отношению к этим товарищам тот же вопрос: когда они врали/врут, вчера или сегодня?

И да, вы спросили о руководителе Союза писателей. До этой истории

я понятия не имел, как его вообще зовут. Оказывается, Михаил Сидоржевский. (Так что, кроме всего прочего, человек пропиарился!) Свою карьеру он начинал в газете «Комсомольская звезда», в Житомире. Его литературные произведения... теперь уж я прочитал в Википедии какие-то названия, но не вижу смысла их рекламировать (не говоря о том, что я их благополучно забыл). А вот один мой знакомый (попросивший его не называть) поделился любопытным — я бы сказал, поучительным — эпизодом, связанным с данным господином.

В январе 2020 года в помещении Союза писателей Украины был устроен вечер памяти замечательного поэта Бориса Чичибабина. Сидоржевский, на правах председателя, произносил вступительное слово. И вот, он заявил: дескать, Чичибабин стоит в ряду крупнейших русских поэтов своей эпохи, таких, как Станислав Куняев, Юрий Кузнецов... и в этот момент интонация его выдала: он сообразил, что сказал несколько не то, что нужно — и, суетливо стремясь исправить положение, быстро-быстро проговорил ещё одну, более нейтральную, фамилию: Шкляревский. Иными словами, этот человек, назвав имена таких поэтов круга пресловутого журнала «Наш современник» (Куняев — его главный редактор), которым Чичибабин руки не подавал, по сути дела основательно проговорился! По-видимому, он в своё время, в какие-нибудь 80-е годы, именно с персонами русско-черносотенной ориентации вроде Куняева общался в каком-нибудь Доме творчества в Коктебеле, ибо более серьёзные, уважаемые авторы к нему

интереса не проявили. А теперь он громит, как «русского шовиниста», Булгакова, который, в свою очередь, руки бы не подал Куняеву и прочим подобным людям с, прямо скажем, погромной психологией...

С.Э.: В этой связи возникает ещё один вопрос: если провести линию от Киева до Одессы, то в части Украины к востоку от этой линии, по крайней мере до недавнего времени, в городах преобладал русский язык, и живущие там люди связывали себя с русской культурой, в частности, с тем же Булгаковым. Булгаков создал тот образ Киева, который в русской литературе является одним из наиболее влиятельных и мощных. Сейчас, когда идёт т. наз. «спецоперация по денацификации», именно эта часть Украины (разговаривающая на русском языке) является главной жертвой агрессии и составляет костяк армии, воюющей с путинской армией. И получается, что такими методами, как закрытие музея, украинские этнократы просто «плюют в душу» русскоговорящим, не только являющимся лояльными гражданами Украины, а воюющим и погибающим за Украину. Что вы можете сказать по этому поводу?

С.М.: Не могу не согласиться с тем, что им плюют в душу. Нельзя сбрасывать со счетов пропаганду, которая работает, причем (я, может быть, скажу сейчас неполиткорректную вещь) чем меньше человек образован, тем сильнее на него действует пропаганда. А среди всех граждан Украины вообще, и воюющих граждан в частности, есть люди... разного уровня образования. И вот, пропаганде, как

мне кажется, в значительной мере удалось убедить значительную часть нынешнего украинского населения в том, что русский язык — это не более и не менее как язык оккупанта; удалось убедить людей, чей родной язык по всем сколько угодно осмысленным определениям русский, что, дескать, никакой он им не родной. Абсурд, но это так. В частности, в социальных сетях, где люди выражаются более резко, чем при личном общении, ещё задолго до 24 февраля можно было наблюдать утверждения, что, мол, русский язык — это язык оккупантов, и его нужно изгнать из Украины. И утверждения эти делаются на чистом русском языке. Это... попробую сказать мягко, без медицинского диагноза: раздвоение личности.

После 24 февраля одна моя знакомая (реальная, не виртуальная) написала в Facebook в комментарии к моему посту: «Сейчас разговаривать на русском языке — преступление». У меня эта фраза, простите, не укладывается в голове. Да, да, российская агрессия... Но разве это первый случай в истории, когда субъект и объект агрессии говорят на одном и том же языке? Разумеется, нет. В конце XVIII века была Война за независимость Соединённых Штатов Америки, когда империя и люди, стремившиеся освободиться от имперского влияния, говорили на одном и том же языке. Разве колонисты, объявившие о независимости, отказались от своего родного языка? Не отказались. Да, у них не было другого языка, кроме английского. Зато была имперская система мер — фунты, дюймы, мили. Неудобная и неразумная система, скажем прямо. И что в итоге?

Сами англичане от нее (практически) отказались, американцы — нет! Оставили себе напоминание о той самой стране, которая хотела, чтобы их самих как страны не было.

Возвращаясь к языкам — есть и масса других случаев. В постколониальных странах сплошь и рядом сохраняется язык метрополии, это нормально.

Я-то понимаю корень проблемы в украинском случае. Несколько лет назад я был в Грузии, которая тоже подверглась, скажем так, не самому благотворному влиянию России, но там таких проблем с русским языком нет. Правда, младшее поколение на нём уже не очень говорит, но это другой вопрос. В чём разница с нашей ситуацией, практически очевидно. Там русский язык не вызывает такого отторжения, потому что там (практически) нет неоднозначностей с самоидентификацией. Грузинский и русский языки не имеют друг к другу никакого отношения, они не взаимопонятны, грузина за русского не примешь — люди совсем разные. То есть: коль скоро Грузия — самостоятельная страна, русский язык там — четко иностранный, но с гостями на нём спокойно говорят (ясно, что от гостей нельзя ожидать знания грузинского). Здесь же это в значительной мере — проблема самоидентификации: дескать, если ты говоришь на русском, то ты уже какой-то недоукраинец. Я так совершенно не считаю — но такая точка зрения есть. И вот, люди отталкивают от себя русский язык с тем, чтобы закрепить свою идентичность. Но еще раз: в мире есть масса примеров, где не только политическая, но даже и этническая идентичность не завя-

зана так чётко на язык. Например, Люксембург: люксембургский язык существует, но в самом Люксембурге на нём мало кто говорит, там говорят по-французски, по-немецки, и это совсем не мешает людям считать себя гражданами Люксембурга. Так же и здесь: можно прекрасно считать себя гражданином Украины и при этом говорить по-русски, одно другому никак не мешает.

С.Э.: Как мы сейчас видим по составу украинской армии — это не мешает абсолютно.

С.М.: О том и речь. Но, к сожалению (и здесь мы возвращаемся к вопросу об образовании), у некоторых людей имеет место — скажем прямо — вопиющая узость мышления, которая не даёт им понять и усвоить этих простых вещей. Им пропаганда внушает, и они зарубили себе на носу: «Украинец обязан говорить по-украински». Хотя нет такого постулата! Ты прекрасно можешь быть украинцем и при этом говорить по-русски.

С.Э.: В теории есть две модели нации: нация этническая, которая строилась в Германии и по её примеру в других восточноевропейских странах (к чему это привело, мы все знаем); а есть нация гражданская (США), где гражданство напрямую не связано с языком и этничностью (в Америке вообще нет законодательно установленного государственного языка, хоть де-факто — это английский).

С.М.: На юге США, в особенности во Флориде, очень многие говорят по-испански. Я много раз бывал в Майами — и помню, как в 2003 го-

ду, впервые попав туда, испытал своего рода культурный шок, когда меня дважды отказались обслужить на английском языке. Не из каких-то принципиальных соображений: просто обслуга знала только испанский. Я тогда по-испански мог связать два с половиной слова. В одном из этих случаев я вышел из положения с помощью итальянского, который похож на испанский, во втором — мне помог с переводом кто-то, оказавшийся рядом. Какой-нибудь записной патриот мог бы на моём месте возмутиться, но я пошёл другим путём и решил, что раз бываю в Майами, то нужно освоить испанский хотя бы на уровне бытового разговора. Это было не так сложно, потому что к тому времени я уже хорошо знал французский и итальянский. И вот теперь, приезжая в Майами, я стараюсь говорить там в основном по-испански. Скажем, если слышу, что обслуга в ресторане общается между собой по-испански, а ко мне обращается по-английски — я им отвечаю по-испански! Просто для практики, никакой «политики» в этом нет... Впрочем, чего лукавить, есть ощущение «вот другие не могут, а я могу». Приятное ощущение.

С.Э.: Примечательно, что если в постсоветских странах, находящихся к западу от России, утверждают, что они стремятся к демократии и демократическим ценностям, то образцом для них должна стать американская гражданская нация. Но почему-то в Восточной Европе всё строится на этническом (германском) принципе, который чреват известными последствиями. И это большая проблема. Я как-то слушал «украинского соловья» —

очень талантливого пропагандиста Арестовича, и он сказал, что, конечно, Украине необходимы два языка, и это будет выгодно со многих точек зрения. Во-первых, если Украина объявит, что русский язык является частью украинской культуры, ее наследием и богатством, то это «выключит» всю российскую пропаганду — им нечего будет сказать — и сделает Украину очень привлекательной для русских, как Украины, так и России.

С.М.: Насчёт привлекательности для русских я судить не берусь, но то, что это выбьет почву из-под ног господина Соловьёва и иже с ним — само собой! На данный момент российская пропаганда в отношении Украины в значительной мере строится на защите русскоязычных. А кого и от чего же их тогда надо будет защищать?

Но... здесь если не вся, то значительная часть проблемы в том, что русский язык силён. Это международный язык, хотя всяческие его нелюбители и пытаются это всеми силами отрицать. Но это один из шести официальных языков ООН, это по-прежнему *lingua franca* на всём постсоветском пространстве и т.д. В Украине сейчас слышно много голосов против русской культуры и за, допустим, английскую или французскую. Но русская культура — одна из мировых культур, нравится это кому-то или нет. И соответственно, люди, ведущие борьбу с русским языком, сознательно или подсознательно понимают, что свободная конкуренция с русским языком для того же украинского, белорусского, литовского, латышского — вещь сложная. Эти

восточноевропейские языки по многим позициям будут проигрывать свободную конкуренцию русскому. И, конечно, появляется желание устранить конкурента. При этом, как правило, ссылаются на то, что, мол, раньше исторические условия были неравными, русский язык подавлял остальные языки — и поэтому, дескать, теперь нужно компенсировать прежние искусственно-неравные условия для тех языков, создавая неравенство в противоположную сторону.

Как делают в сегодняшних США в отношении разнообразных меньшинств: мол, раньше их угнетали, поэтому сегодня им нужно создавать преференции. Не то чтобы этот аргумент стопроцентно фальшив; в советское время русский язык, конечно, занимал доминирующее положение, но нельзя сказать, что это было сознательным угнетением. Во-первых, (об этом не очень любят вспоминать, но), в 20-е годы в советской Украине большевики проводили такую украинизацию, что куда там нынешним. Украинский язык насильно внедряли в тогдашнее украинское образование, литературу и т.д., чем дали ему очень серьёзную подпитку. В советское время на украинском языке издавались книги массовыми тиражами, которые сегодня никому и не снились. На русском языке, конечно, тоже издавались книги такими же тиражами. Тем не менее, говорить о целенаправленном угнетении украинского языка — это, мягко говоря, лукавство. Другое дело, что любая серьёзная деятельность — культурная, научная и т.д. — была так или иначе завязана на союзный центр, и поэтому должна была волей-нево-

лей происходить на русском языке. И вот теперь возникает сложный вопрос: следует ли вообще снять все ограничения и допускать полностью свободную конкуренцию, в которой русский язык будет, конечно, побеждать; или действовать нынешними методами — административными запретами? Я, конечно, за свободную конкуренцию, но в данном случае я лицо заинтересованное, поскольку мой родной язык русский — в отличие от многих граждан Украины, я это чётко осознаю и не обманываю себя. То есть: я кровно заинтересован в успехах русского языка, и поэтому моё мнение здесь предвзято.

С.Э.: Как вы считаете, что нужно сделать на будущее, чтобы сохранить гармоничную языковую ситуацию?

С.М.: Вопрос сложный. Что надо сделать — это одно... но как на это будут реагировать люди — это уже другое, плохо предсказуемое. В голову лезут всякие красивые фразы из серии: «Ребята, давайте жить дружно!» Но что касается конкретно ситуации с русским языком и Украиной, с Булгаковым и Украиной — мне бы виделось это так, что нельзя отдавать русский язык России, нужно заявлять, что русский язык и наш тоже, и мы этого не стесняемся. И Булгаков — это наш писатель, киевлянин, часть нашей культуры. Да, он не писал на украинском языке, но и написанное на русском — это тоже наша культура.

Пример, уже набивший всем оскомину, но от того не менее верный по сути — Шевченко, писавший свои дневники на русском языке. Причём специалисты утверждают, что по ко-

личеству печатных знаков Шевченко на русском языке написал больше, чем на украинском. Так что, теперь Шевченко не наш писатель, и его отменять? Понятно, что в истории и культуре Украины русское и украинское очень сильно переплетено, и языки переплетены и смешаны. На мой взгляд, это нужно признать, не стесняться этого, не пытаться это отменить, причём отменить задним числом, объявляя, что люди, сделавшие что-то сто лет назад, теперь не наши люди, потому что они писали на неправильном языке и выражали неправильные с сегодняшней точки зрения идеи. Есть такое умное слово «инклюзивность», и мне представляется, что для Украины инклюзивность — это правильная вещь.

С.Э.: Есть ещё пример писателя Гоголя. Дмитрий Быков сказал: «Гоголь создал Украину». То есть, этот образ Украины создал украинский писатель Гоголь, который тоже писал на неправильном языке.

С.М.: Это обобщение — как по мне, слишком сильное...

С.Э.: По крайней мере, Гоголь внёс большой вклад. Тот образ Украины, который мы знаем, создан Гоголем.

С.М.: Вклад, конечно, внёс.

Я понимаю — хотя не разделяю — и аргументы противников такой инклюзивности и сторонников эксклюзивности. Они боятся, что если так обставить дело, то Украина растворится в России, т.е. начнутся разговоры: «Если русский язык здесь родной, то что тогда такое Украина? Может быть, Украины нет вообще?»

С.Э.: Интересно, остаётся ли такой вопрос в Австрии?

С.М.: Очень хороший пример. Сто лет назад австрийцы хотели воссоединиться с Германией и называли себя немцами. Им тогда не дали этого сделать по политическим соображениям. Но то «дела давно минувших дней». А сейчас есть Австрия, и никто не говорит, что Австрия — это Германия.

С.Э.: Кстати, у них есть свой словарь немецкого языка, т.е. их немецкий язык — это «их немецкий», и он отличается от стандартного немецкого (Hochdeutsch).

С.М.: Наличие массы диалектов, вариантов языка для Европы абсолютно нормально. Там так везде!

С.Э.: Но у Австрии это на академическом уровне — свой словарь немецкого языка. Так же мог быть и украинский русский язык.

С.М.: В принципе да. Украинский русский действительно немного отличается от канонического русского.

С.Э.: Как американский английский и британский английский.

С.М.: Да, отличие примерно на таком же уровне — вроде «скупаю по тебе» и «скупаю за тобой», и подобных достаточно мелких вещей.

С.Э.: Если подытожить, то получается, что Путин аннексией Крыма в 2014 году, и сейчас тем более, провёл украинизацию Украины. Как — на ваш взгляд — это происходит в реальности, начинает ли говорить

на украинском молодёжь, насколько это заметно?

С.М.: Это очень заметно, особенно в социальных сетях. Многие из моих знакомых, которые всегда говорили и продолжают говорить по-русски, пишут по-украински (по крайней мере в соцсетях) — в качестве такого себе маркера «свой-чужой». В жизни тоже есть ряд людей, которые переходят с русского на украинский. Я сейчас, наверное, кого-то из них обижу, но всё-таки не могу не вспомнить в этой связи булгаковского героя «Белой гвардии» доктора Курицкого. Помните: «он, извольте ли видеть, разучился говорить по-русски с ноября прошлого года» (1917-го). Это говорит Алексей Турбин, герой той же самой «Белой гвардии». И, между прочим, важный момент. Сразу за этим следует знаменитый пассаж «кот-кит», который нередко вменяют в вину Булгакову: дескать, автор издевается над украинским языком. Да не над языком! Над этим самым доктором Курицким, который отказался от родного языка!

Нет, я уважаю сознательный выбор любого взрослого человека. Ни я, ни вы, ни кто угодно ещё не имеем никакого ни формального, ни морального права указывать и даже советовать взрослым людям, на каком языке им говорить или писать. Но вместе с тем я не могу не констатировать, что лично мне в этом феномене перехода на украинский язык людей, всю жизнь говоривших по-русски, видится некий элемент конъюнктуры, эффекта толпы — а также некой неискренности и нечестности прежде всего перед самим собой. Повторюсь: я никого не осуждаю, не говорю, что так

делать не следует — я не более чем выражаю своё мнение. Допускаю, что, возможно, в отношении кого-то из этих людей я несправедлив, что в них прямо искренне проснулась некая украинская жилка. Но в то, что она искренне проснулась во всех, мне поверить очень трудно.

И еще один момент. Пропоненты тотальной украинизации нередко используют лозунг «Язык объединяет» (в оригинале — «Мова об'єднує»). Он-то объединяет. Но кого и как? Коль скоро язык используется как маркер «свой-чужой», то автоматически — по определению! — получается следующее: если он гражданин Украины и я гражданин Украины (в скобках: хотя лично я и живу в США, но я гражданин Украины и только ее), но он говорит по-украински, а я по-русски — значит, я для него не свой! В такой постановке вопроса, каковая мила «тотальным украинизаторам», язык объединяет одних граждан Украины, но отделяет от них других. Отсюда до требования «чемодан-вокзал-Россия» полшага.

В украинской ситуации один язык объединить не может. Потому что на бумаге, в законе он может быть один, но в реальной жизни их два. И я думаю, что это как раз многие понимают. Кто помнит — в начале 2014 года был такой короткий период, когда все, кому не лень, говорили: «Евромайдан — не о языке! Русскоязычные — точно такие же наши!». Был двуязычный лозунг «Єдина країна — Единая страна». Была однодневная акция «Львов говорит по-русски». Вот это путь к объединению... был бы. Не буду сейчас, с послезнанием, строить из себя Нострадамуса, но

и обманывать себя мне совершенно незачем: мне и тогда было очевидно, что все эти акции сугубо временные, показательные (может быть, для склонения людей на свою сторону), и что дальше будет... то, что и произошло. «Тотальные украинизаторы» никогда в жизни бы не допустили равноправия языков.

А теперь людям не хочется выглядеть борцами против системы, а хочется чувствовать себя своими — вот они и самоукраинизируются...

С.Э.: Возвращаясь к Булгакову. Его сейчас обвиняют в украинофобии...

С.М.: ... и это, конечно, часть вот этой общей картины. Булгакова обвиняют в том, что он-де не любил украинский язык, не был сторонником независимости Украины и т.д. Это всё тоже далеко не так прямолинейно, как эти товарищи писатели и их подпеватели хотели бы видеть. Во-первых, насколько мне известно, не существует ни одного прямого доказательства того, что Булгаков не любил украинский язык. Его герой из «Белой гвардии» Алексей Турбин — да, не любил украинский язык. Есть эта известная диатриба в сцене ночной попойки у Турбиных — часть из нее я уже процитировал — где, да, Алексей Турбин говорит в отношении украинского языка вещи настолько нехорошие, что их вырезала советская цензура. (Это, кстати, к вопросу об официальной «украинофобии» в Советском Союзе, о которой так любят говорить записные патриоты.) Но, извините, Турбин — это Турбин, а Булгаков — это Булгаков, хоть у Алексея Турбина, безусловно,

есть автобиографические черты. А в «Белой гвардии» есть совсем другие строки — и это именно авторский текст: «И в этих же городишках народные учителя, фельдшера, однодворцы <...> штабс-капитаны с украинскими фамилиями... все говорят на украинском языке, все любят Украину волшебную, воображаемую, без панов, без офицеров-москалей»... и дальше: «чаяния тех верных сынов своей подсолнечной, жаркой Украины... ненавидящих Москву, какая бы она ни была — большевистская ли, царская или еще какая». Это вот что? Это нелюбовь к Украине?!

Еще раз: науке неизвестны явные утверждения Булгакова, где сам он бы говорил о нелюбви к Украине или украинскому языку.

Что же касается того, что Булгаков не был сторонником самостоятельного украинского государства, — это, очевидно, правда. Не был. Но нужно учитывать такую простую вещь, как исторический контекст. Он всё это думал и писал сто лет назад, когда многие не были сторонниками украинского государства. Сикорский, из которого сейчас сделали великого украинца и национального героя, назвали его именем аэропорт и политехнический институт в Киеве, — никогда не был сторонником отдельного украинского государства, он всегда считал, что Украина и Россия — это две части единого целого. Вернадский — первый президент украинской Академии наук — никогда не был сторонником отдельного украинского государства, он воспринимал гетманский эксперимент неоднозначно (как, кстати, и герой Булгакова) и говорил, что будущее

Украины с Россией. Так что — теперь объявлять этих людей «не нашими»?

Это, кстати, несколько напоминает ситуацию в нынешних Соединённых Штатах, когда идут против Колумба и сносят памятники ему — за то, что он плохо обращался с тогдашними туземцами-индейцами. Да, он с ними плохо обращался. Но то были совершенно другие времена и другие... стандарты, назовем это так, обтекаемо. А сами американцы как в 60-е годы обращались с местными жителями во Вьетнаме?

С.Э.: Но они мемориал поставили всё-таки.

С.М.: Да, мемориал поставили, разобрались, что не всё, что делалось тогда (и 500 лет назад, и 50–60 лет назад) было правильно. Осознали, разобрались, живём дальше. А если в американском случае идти путем «отмены» до логического конца... так нужно переименовывать Вашингтон, потому что Джордж Вашингтон был рабовладельцем.

С.Э.: Такие предложения, кстати, поступают.

С.М.: Да. Томас Джефферсон тоже был рабовладельцем...

С.Э.: Наверное, все отцы-основатели были рабовладельцами?

С.М.: Не знаю, сколько точно процентов из них — но да, многие были. И что, теперь применять культуру отмены к ним? Сейчас у нас на это взгляды совершенно иные, чем были тогда, а они — дети своего времени. Так вот, и Булгаков был сыном своего времени.

С.Э.: В этом смысле, была советская шутка по поводу наклонностей опять же — украинского — композитора Чайковского: «Но любим мы его не за это». И в этой шутке содержится не доля, а чистая правда. Великие люди прошлого, в том числе и писатели, и поэты разделяли ценности времени, в котором они жили. Но мы же их не за это ценим, а за те самые прозрения, которые обогащают мир. Если почитать стихи Пушкина по поводу Польши, «Клеветникам России», «Бородинская годовщина» — это, честно говоря, подленькие стихи, и они были явно написаны с меркантильной целью (для того, чтобы Пушкина восстановить на госслужбе), и Царь в результате пошёл поэту навстречу. Но мы же его не за это любим, мы любим его за «Евгения Онегина»!

С.М.: Если, опять-таки, идти этим путём и идти до конца, то... Во всём творчестве Шевченко нет слова «украинец» и нет фразы «украинский язык». Сейчас же утверждают, что украинскому языку тысяча лет, а кто в XIX веке не называл его украинским языком, тот агент Кремля. Ну вот, давайте теперь к Шевченко применим этот «критерий»: коль он ни разу не говорил слово «украинец», значит он и сам не украинец. Но есть же исторический контекст. Это простые вещи, но пренебрегать ими... неграмотно.

Вернемся, опять-таки, к Булгакову. Я абсолютно уверен, что важная причина нынешней антибулгаковской кампании — зависть, комплекс неполноценности и прочие подобные вещи. Есть такой советский или постсоветский анекдот. Человек

видит, что его сосед купил гораздо более шикарный автомобиль, чем у него. Что думает в этой ситуации американец: «Как бы мне заработать, чтобы купить ещё более шикарный автомобиль, чем у соседа?» Что думает русский: «Как бы мне спалить автомобиль этого соседа?» Так вот, члены Союза писателей и примкнувшие к ним — это русские из того анекдота. Переплюньте Булгакова! Напишите что-то ещё более весомое, чем Булгаков! Все будут только за. И потом попросим наряду с музеем Булгакова сделать музей этого человека (или этих людей), пусть они сосуществуют. Но нет же. Надо отменить музей Булгакова. Это опять-таки к вопросу о конкуренции. Нынешние «активисты» Союза писателей прекрасно понимают, где они и где Булгаков. Значит, надо зачистить конкурентное поле, чтобы подняться самим в глазах читателей. Но это же смешно.

С.Э.: Приходит на ум булгаковская же ассоциация — Шариков против профессора Преображенского.

С.М.: За эту аналогию на нас с вами еще раз обидится часть читателей, но это так. Я в последние месяцы немало поездил по Европе, заходил там в книжные магазины — еще до всей этой истории с музеем — и смотрел, как там стоит Булгаков (в буквальном и переносном смысле). Очень хорошо стоит. Много где есть полки «классика», и вот Булгаков — непременно на этих полках (конечно, в переводах на соответствующие языки). Его перевели на полсотни языков, и в мире его воспринимают как классика, как одного из наиболее выдающихся писателей.

С. Э.: Как его ни оценивать — всё равно, он классик XX века.

С. М.: И он единственный писатель родом из Киева, который на таком уровне котируется в мире. Чтобы не быть голословным, приведу ещё одну цифру. Есть такая французская серия «Библиотека плеяды». Нечто вроде нашей старой «Библиотеки всемирной литературы», только продолжающаяся. Там на данный момент под 900 томов, около 250 авторов, из них 14 русских. Один из этих четырнадцати — единственный в этой библиотеке автор родом из Киева — Булгаков. Можно бороться с этими ветряными мельницами, кричать, что, мол, так быть не должно... но я сомневаюсь, что борцы достигнут каких-либо успехов в этом нелёгком деле. Проще, лучше, правильнее сказать: «Булгаков наш! А то, что он высказывал какие-то взгляды, которые не являются каноническими сейчас, — ну да, высказывал, но мы этого не боимся. Тогда было так, сейчас иначе. Прожили, осознали, двигаемся вперед!» Просто нужно нести и развивать в себе не комплекс неполноценности, а чувство собственного достоинства! И от-

личные писатели с «неправильными» взглядами столетней давности сразу перестанут быть страшны.

С. Э.: Ваши творческие планы?

С. М.: Сложно говорить о планах в это неприятное и мало предсказуемое время. (Произношу это, и в голове тут же звучит: «Само собой разумеется, что, если на Бронной мне свалится на голову кирпич...») Скажу коротко — о проектах, которые я бы хотел закончить в обозримом будущем. Четырехтомник «Киев 1917–1920», о котором я уже говорил. Книга об истории своей семьи — прежде всего в контексте сталинских репрессий. Книга о весьма интересном персонаже первой половины XX века — журналисте, литературном критике Петре Пильском, чей творческий путь любопытным образом пересекается с путем Булгакова.

Есть и другие идеи (идей много, времени мало!)... но пока остановлюсь на этом.

С. Э.: Спасибо за интересное содержательное интервью.

«В НАЧАЛЕ 1933 ГОДА В МИРОВЫХ
СТОЛИЦАХ ЕЩЕ НЕ ПОНЯЛИ, ЧТО
СТОЛКНУЛИСЬ С СОВЕРШЕННО НОВЫМ
ТИПОМ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА —
ЛЖИВОГО, БЕСПРИНЦИПНОГО,
НЕ ОТЯГОЩЕННОГО НИКАКИМИ
МОРАЛЬНЫМИ НОРМАМИ
И ПРАВОВЫМИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМИ».

Интервью с Б. Л. Хавкиным

Конкретные обстоятельства прихода нацистов к власти в Германии в начале 1933 г. и его непосредственные последствия обсуждаются в ходе беседы в 90-летней исторической ретроспективе.

Ключевые слова: веймарская Германия, Гинденбург, Гитлер, нацистская идеология, нацистский режим в Германии, 1933 год в мировой истории.

Сведения об авторе: Хавкин Борис Львович, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета;

Контактная информация: novistor@mail.ru

"AT THE BEGINNING OF 1933, THE WORLD CAPITALS DID NOT YET REALIZE THAT THEY WERE FACED WITH A NEW TYPE OF POLITICAL REGIME — DECEITFUL, UNPRINCIPLED, NOT BURDENED BY ANY MORAL NORMS AND LEGAL OBLIGATIONS". ON THE 90TH ANNIVERSARY OF THE NAZIS RISE TO POWER IN GERMANY. Interview with B. L. Khavkin

The specific circumstances of the rise of the Nazis to power in Germany in early 1933 and its immediate consequences are discussed during the conversation in a 90-year historical retrospective.

Key words: Weimar Germany, Hindenburg, Hitler, Nazi ideology, Nazi regime in Germany, 1933 in world history.

About the author: Khavkin Boris L. — Doctor of Hist. Sciences, Professor (Russian State Institute of Humanities).

Contact information: novistor@mail.ru

Беседовала преподаватель МГЛУ, кандидат исторических наук Кристина Божик

К.Б.: Борис Львович, об истории нацизма в Германии написаны тысячи книг. Эта тема подробно изучена немецкими, российскими, американскими, британскими и другими историками. Почему же спустя 90 лет после прихода Гитлера к власти мы вновь говорим о фашизме и нацизме, в чем актуальность этой проблемы?

Б.Х.: Действительно, история прихода к власти в Германии Гитлера и преступления нацистского режима, развязавшего Вторую мировую войну, давно исследованы. Фашизм и его германская разновидность национал-социализм (нацизм) осуждены Международным военным трибуналом в Нюрнберге в 1945–1946 гг. и на 12 малых Нюрнбергских процессах в 1946–1949 гг. Казалось бы, под этим периодом истории подведена жирная черта. Но, к сожалению, идеология и преступная практика фашизма и нацизма оказались намного более живучими, чем это представлялось ранее. В 2023 г. мы вновь на пороге глобальной катастрофы по вине безответственных политиков, движимых личными амбициями и ложно трактуемыми национально-государственными интересами.

Фашизм и его разновидности обладают удивительной способностью к мимикрии; они, подобно вирусам,

мутируют, быстро приспособляются к изменяющейся обстановке. Фашизм и его национальные проявления существуют в виде индивидуального и группового сознания и поведения, идеологии, общественно-политического движения, политического режима вождистского типа, террористической диктатуры.

Фашизм — это «не только кровавая и террористическая диктатура наиболее реакционных кругов монополистической буржуазии, не только террор и безудержная социальная демагогия, но и состояние массового и даже индивидуального сознания, уникальная по характеру система создания противоречащих интересам народа ложных “национальных единств”, особый механизм формирования социально-психологических настроений, основывающихся на негативной, деструктивной базе», — писал в 80-е годы XX века советский историк Александр Бланк.

Система ложных «национальных единств» составляла фундамент государственной идеологии Третьего рейха. Эта идеология основывалась не на объективной реальности, а на политических мифах — о «высшей» («арийской») расе, «корпоративном государстве», «германском народном сообществе», «национальном социализме». На базе нацистских мифов

формировалось архетипическое мышление немцев, необходимое для создания национальной идентичности.

К. Б.: Когда, как и почему в Германии установилась нацистская диктатура?

Б. Х.: С 1933 по 1935 годы Германия прошла путь от буржуазно-демократической Веймарской республики до нацистской диктатуры.

90 лет назад, 30 января 1933 г. президент Веймарской республики генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург подписал указ о назначении «фюрера» Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП), бывшего ефрейтора кайзеровской армии Адольфа Гитлера канцлером (главой правительства) рейха.

С начала 1930-х годов, на фоне мирового экономического кризиса Гитлер рвался к власти. Но на президентских выборах 1932 г. Гитлер проиграл Гинденбургу. Тогда попытка Гитлера договориться с Гинденбургом о назначении его на должность рейхсканцлера окончилась провалом: НСДАП не имела большинства в рейхстаге. Однако к январю 1933 г. национал-социалисты стали крупнейшей партией Германии — 850 тыс. членов. Партия Гитлера опиралась на многотысячные штурмовые отряды (СА). Национал-социалисты входили в правительства ряда германских земель.

Большая часть немецкого общества не видела в нацистах серьезной угрозы. Поначалу казалось, будто всё

идет согласно планам консерваторов, мечтавших о «сильной руке» и «наведении порядка» в стране.

К. Б.: Какие политические силы выступали против прихода нацистов к власти?

Б. Х.: Коммунисты и социал-демократы, а также немногие из немецких интеллектуалов громко предупреждали об опасности прихода нацистов к власти. Но действия антифашистов были непоследовательными и разрозненными: Коминтерн объявил главным врагом не нацистов, а «социал-фашистов», т. е. социал-демократов, лидеры которых упрекали коммунистов в расколе рабочего движения и заявляли, что борьба против коммунистов более важна, чем борьба против нацистов. Основой тактики Социал-демократической партии Германии (СДПГ) в период кризиса 1929–1933 гг. была теория «меньшего зла» — поддержка существующих буржуазных правительств, но не союз с коммунистами.

К. Б.: Были ли у Гитлера противники среди консерваторов?

Б. Х.: Даже среди национал-консервативных сил Германии не все поддерживали выбор Гинденбурга в пользу Гитлера. 1 февраля 1933 г. генерал пехоты Эрих Людендорф, который совместно с Гинденбургом от имени кайзера осуществлял военную диктатуру во Втором рейхе в 1916–1918 гг., направил Гинденбургу письмо: «Назначив Гитлера рейхсканцлером, Вы выдали наше немецкое отечество одному из величайших демагогов всех времен. Я торжественно предсказываю, что этот человек столкнет наше

государство в пропасть, ввергнет нашу нацию в неопишное несчастье. Грядущие поколения проклянут Вас за то, что Вы сделали это».

Однако мало кто из окружения Гинденбурга предполагал, что «передача» полномочий рейхсканцлера Гитлеру через несколько месяцев обернется полным «захватом» власти НСДАП и установлением в Германии однопартийного террористического режима — нацистской диктатуры.

К.Б.: Вы разделяете мнение, что Пауль фон Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером, чтобы замять коррупционный скандал, связанный с сыном рейхспрезидента Оскаром?

Б.Х.: Кроме политических, у Гинденбурга были личные причины назначить рейхсканцлером «богемского ефрейтора», имя которого престарелый фельдмаршал долго не мог запомнить. В конце 1932 г. с подачи Гитлера достоянием общественности стали сведения, что сын и адъютант рейхспрезидента майор Оскар фон Гинденбург, на которого отец оформил владение большим родовым именем Нойдек, использует государственные дотации (правительство Германии оказывало финансовую помощь крупным землевладельцам Восточной Пруссии) для покупки предметов роскоши, игры в казино, содержания любовниц, отдыха на дорогих курортах. При этом Оскар, пользуясь покровительством отца, уклонялся от уплаты налогов. Назревал громкий политический скандал: коррупция в семье рейхспрезидента.

22 января 1933 г. состоялась двухчасовая беседа Гинденбурга-младшего с Гитлером, который угрожал дальнейшими разоблачениями, но пообещал, что в случае, если рейхспрезидент пойдёт Гитлеру навстречу, тот немедленно прекратит расследование по «делу Гинденбурга-младшего». После этой встречи Оскар сказал отцу: «Теперь нет никакой иной возможности, кроме как поставить Гитлера канцлером». 30 января 1933 г. Пауль фон Гинденбург назначил рейхсканцлером Адольфа Гитлера. Вскоре после этого принадлежавшие Оскару фон Гинденбургу 5 тыс. акров земли в Нойдеке были освобождены от уплаты налогов. Так в январе 1933 г. с коррупционной сделки началась история Третьего, национал-социалистического, германского рейха.

К.Б.: Почему нацисты называли свое государство «Третьим рейхом»?

Б.Х.: Слово «рейх» в немецком языке имеет много значений: это «богатство», «государство», «империя». Идеолог «консервативной революции» Артур Мёллер ван ден Брук определил рейх как царство, неделимую державу, пристанище для всего немецкого народа.

«Первым рейхом» считалась Священная Римская империя (германской нации), формально существовавшая с 962 г. до 1806 г.; «Вторым рейхом» была империя кайзера Вильгельма I и Отто Бисмарка, созданная «железом и кровью» в 1871 г. и канувшая в Лету в 1918 г., когда Германия проиграла Первую мировую войну и в стране произошла революция.

Веймарская Конституция 11 августа 1919 г. провозглашала германский рейх республикой. Веймарская республика была уничтожена Гитлером в 1933 г. Нацисты создали свой, по счету Третий, рейх, который они считали «тысячелетним». Третий рейх — это Вторая мировая война, преступления против мира и человечности, Холокост. Нацистский рейх отнял у человечества 60–65 млн жизней.

Но просуществовал Третий рейх не тысячу, а всего 12 лет, с 1933–1945 гг. 9 мая 1945 г. вооруженные силы Германии капитулировали перед Красной армией и ее западными союзниками. 5 июня 1945 г. была подписана Декларация о поражении Германии, которая провозгласила переход верховной власти в побеждённой стране к правительствам союзных держав — СССР, США, Великобритании и Франции. С этого дня не только германской армии, но и Третьего рейха как государства больше не существовало.

К. Б.: Что такое «консервативная революция», о которой говорили нацисты?

Б. Х.: Идеологи «консервативной революции» были сторонниками «национального консервативного социализма». Для консервативно-революционного движения характерны: национализм, стремление к автаркии, неприязнь к Просвещению, ориентация на создание «нового порядка», основанного на традиционных ценностях, антилиберализм и антикоммунизм, интерес к истории древних германцев, сочетание архаических элементов жизни общества

с современной научно-технической мыслью.

Артур Мёллер ван ден Брук, Карл Шмитт, Фридрих Георг Юнгер, Эрнст Никиш и другие «консервативные революционеры» не были нацистами, но, как отмечает профессор СПбГУ доктор исторических наук О. Ю. Пленков, «снять вину с “консервативной революции” за нацизм также нельзя, уже потому, что нет никаких оснований думать, что в случае реализации многочисленных национальных мифов “консервативной революции” они выглядели бы иначе, чем нацизм, ибо в конечном итоге национальные мифы в “век масс” необратимо должны были обратиться в концлагеря».

К. Б.: Была ли Веймарская республика свергнута «консервативной революцией»?

Б. Х.: 30 января 1933 г. нацистская пропаганда называла днем «захвата власти», началом «национального обновления» и «консервативной революции». Слова «захват власти», «революция» подразумевают, что НСДАП насильственно лишила власти демократически избранный парламент и свергла правовое государство — Веймарскую республику. Однако на первых порах для Гитлера было важно представить свои действия легитимными и конституционными. Веймарская республика, эта «демократия без демократов», сама дала растерзать себя нацистам. Новому канцлеру было крайне важно укрепить доверие «немецкого народного сообщества» к возглавляемому им правительству. НСДАП не имела абсолютного большинства

в парламенте. Гитлер все еще чувствовал себя связанным старой правящей системой и был вынужден существовать в ее рамках. Поэтому нацисты не отважились сразу отвергнуть республику как форму правления и одним росчерком пера ликвидировать многопартийную систему.

К.Б.: Что представлял собой первый кабинет Гитлера, какова была его политика?

Б.Х.: Было сформировано правительство «национальной концентрации», где национал-социалисты занимали только три поста: канцлера (Адольф Гитлер), министра внутренних дел (Вильгельм Фрик) и министра без портфеля (Герман Геринг). Остальные министерские кресла были поделены между представителями буржуазно-консервативных кругов. Вице-канцлером стал Франц фон Папен, возглавлявший правительство с июня по декабрь 1932 г.; военным министром был назначен генерал Вернер фон Бломберг, который немало сделал для утверждения авторитета Гитлера в армейских кругах; портфель министра экономики получил банкир и экономист Ялмар Шахт. Консерваторы полагали, что произошла обычная смена правительства, целью которой является выход из кризиса. Для этого необходимы жесткие и даже авторитарные методы борьбы с «левой опасностью». Идя к власти, нацисты обещали народу полную занятость, социальную заботу государства, достойную жизнь «простому» немцу, борьбу с «еврейским капиталом» и «еврейским Интернационалом». Внешнеполитические планы нацистов предусматривали ревизию Вер-

сальского договора и возвращение Германии статуса великой державы. Нацистская программа по завоеванию «жизненного пространства» для немцев во многом соприкасалась со старыми империалистическими пангерманскими идеями и была поддержана реакционно-консервативными кругами.

Нацистский террор начался сразу после назначения Гитлера рейхсканцлером. 2 февраля 1933 г. приказом «наци № 2» Германа Геринга (он был не только председателем рейхстага и рейхсминистром без портфеля, но и занимал посты министра-президента и министра внутренних дел крупнейшей германской земли Пруссия) были запрещены собрания и демонстрации Коммунистической партии Германии (КПГ). В тот же день полицейскому налету и многочасовому обыску был подвергнут штаб КПГ — дом Карла Либкнехта в Берлине. Геринг начал чистку государственных учреждений Пруссии от коммунистов, социал-демократов и евреев.

К.Б.: Что знали в Германии и мире о политических планах кабинета Гитлера?

Б.Х.: Свою программу Гитлер изложил в книге «Майн кампф», написанной во время тюремного заключения в крепости Ландсберг. (В России книга «Майн кампф» запрещена и 13 апреля 2010 г. внесена в Федеральный список экстремистских материалов под номером 604). Правда, став рейхсканцлером, Гитлер назвал эту книгу «фантазиями за решеткой». Он утверждал, что, если бы в 1924 г. мог предположить,

что станет рейхсканцлером, он никогда не написал бы эту книгу. Однако политические взгляды и намерения Гитлера с тех пор мало изменились.

3 февраля 1933 г., через 4 дня после назначения рейхсканцлером, Гитлер выступил с программной речью перед 30 генералами и адмиралами, собравшимися в Берлине на служебной квартире начальника войскового управления сухопутных сил рейхсвера генерал-полковника Курта фон Хаммерштейн-Экворда.

В 1932 году Хаммерштейн предупредил Гитлера: если произойдет незаконный переворот, он отдаст приказ войскам стрелять по нацистам на поражение. Но в 1933 г. Гитлер получил пост рейхсканцлера «законно», из рук Гинденбурга, и Хаммерштейн был вынужден принимать нового канцлера в своем доме.

Гитлер обещал военачальникам: «восстановление политической власти» в стране, «полное изменение существующего внутривластного положения в Германии», «уничтожение марксизма на корню», «закалку молодежи и укрепление воли к борьбе всеми средствами», введение «смертной казни за измену родине и народу», «авторитарное руководство государством», «устранение раковой опухоли — демократии», восстановление всеобщей воинской повинности, заботу нового правительства о том, чтобы «пацифизм, марксизм, большевизм не отравляли сознание военнообязанных», «свержение оков Версаля».

Мало известен факт, что Коминтерн, а значит и советская разведка,

уже через 11 дней после речи Гитлера перед генералами знали о ее содержании во всех подробностях: 14 февраля 1933 г. конспект речи Гитлера был зарегистрирован в Москве в секретариате главы Отдела международных связей Коминтерна и Секретаря Исполкома Коминтерна О. А. Пятницкого. К утечке информации из квартиры Хаммерштейна имели отношение агент Коминтерна Лео Рот, дочери генерала Мария-Луиза и Хельга, его адъютант Хорст фон Мелентин и, скорее всего, сам начальник войскового управления сухопутных сил рейхсвера, который был противником Гитлера и называл его молодчиков «грязными свиньями». (Еще 1 февраля 1934 г. Хаммерштейн ушел в отставку).

К. Б.: Каковы были первые шаги нацистов после прихода к власти?

Б. Х.: 4 февраля 1933 г. за подписями Гинденбурга и Гитлера был опубликован декрет «О защите немецкого народа», который запрещал все собрания и митинги, кроме нацистских.

5 февраля 1933 г. в Берлине состоялся парад «Стального шлема» под лозунгом объединения сил всех националистических партий; нацистские отряды СА и СС были легализованы.

6 февраля 1933 г. в стране вступил в силу закон о введении чрезвычайного положения «для защиты немецкого народа».

9 февраля 1933 г. по всей Германии начались обыски помещений, используемых коммунистами и социал-демократами.

10 февраля 1933 г. Адольф Гитлер открыл предвыборную кампанию НСДАП речью в берлинском Дворце спорта, трибуны которого были украшены лозунгами «Марксизму — бой». Гитлер, в полном противоречии с прежними заявлениями о решимости никогда не отдавать однажды обретенную власть, патетически заклинал: «Немецкий народ! Дай нам четыре года, а потом суди нас и выноси нам свой приговор».

17 февраля 1933 г. Геринг издал приказ о применении оружия в борьбе с коммунистами и социал-демократами.

20 февраля 1933 г. состоялась секретная встреча Гитлера с 25 самыми богатыми людьми Германии. Ее результатом стало образование «Экономического совета», куда вошли ведущие промышленники и банкиры рейха. Совет должен был тесно взаимодействовать с министерством экономики, которому вменялось в обязанность осуществить план по ликвидации безработицы и запуску промышленности, находившейся в кризисной стагнации. «Пушечный король» Густав Крупп от имени промышленников выразил Гитлеру единодушную поддержку. На предвыборную кампанию национал-социалистов крупнейшими капиталистами Германии было предоставлено 3 млн рейхсмарок.

22 февраля 1933 г. СА и СС были наделены правами «вспомогательной полиции». Тем самым нацистские военизированные формирования стали частью государственного аппарата и получили неограниченные права на применение насилия в от-

ношении членов левых организаций и сочувствующих им лиц.

23 февраля 1933 г. коммунисты провели в Берлине свое последнее крупное предвыборное мероприятие. Но оно было разогнано полицией. На следующий день полиция вновь устроила обыск в доме Карла Либкнехта. В прессе появились сообщения о находке склада оружия и документов, якобы доказывающих существование коммунистического заговора и подготовку терактов. Руководство КПГ частично перешло на нелегальное положение.

27 февраля 1933 г. в Берлине было подожжено здание рейхстага.

К. Б.: Кто и с какой целью подожог рейхстаг?

Б. Х.: Оперативность, с которой действовали нацисты, заставляла думать, что они готовились к чему-то подобному. На место событий немедленно прибыли Гитлер, Геринг, Геббельс, Розенберг. Поджог рейхстага стал для НСДАП желанным поводом для полного захвата власти и демонтажа институтов Веймарской республики. Так что «демократическим» политиком Гитлер оставался ровно четыре недели. Еще раз напомню, что нацисты не имели парламентского большинства. Новые выборы были назначены на 5 марта 1933 г. И вот 27 февраля 1933 г., за неделю до выборов, в Берлине загорелось здание рейхстага.

«Я надеюсь, это дело рук не наших ребят, — сказал, глядя на горящее здание рейхстага, главный редактор нацистской газеты «Фольки-

шер беобахтер» Альфред Розенберг британскому журналисту Сефтону Делмеру. — Это как раз одна из тех чертовски глупых штук, которыми они славятся».

Скорее всего, поджог рейхстага совершил отряд штурмовиков во главе с группенфюрером СА Карлом Эрнстом. Штурмовики проникли в здание парламента по подземному ходу из дворца председателя рейхстага Германа Геринга. Выяснить подробности следствию не представилось возможным: 30 июня 1934 года Эрнст был убит во время «ночи длинных ножей».

Нацистская пропаганда объявила, что поджог рейхстага был сигналом к началу «коммунистической революции». В поджоге был обвинён голландский коммунист Маринус ван дер Люббе, якобы схваченный в горящем здании с факелом в руках.

После пожара рейхстага было задержано более 10 тыс. человек. В Берлине были арестованы более 1500 членов КПП, в том числе все члены коммунистической фракции рейхстага. Председатель парламентской фракции КПП Эрнст Торглер добровольно сдался властям. 3 марта был арестован председатель ЦК КПП Эрнст Тельман.

К первым жертвам репрессий, наряду с коммунистами, принадлежали левые интеллектуалы. «Превентивному аресту» подверглись Карл фон Осецкий, Эгон Эрвин Киш, Эрих Мюзам, Людвиг Рейн.

28 февраля 1933 г., на следующий день после пожара рейхстага, Гин-

денбург издал два декрета: «О защите народа и государства» и «Против предательства немецкого народа и происков изменников родины». Эти декреты прекращали действие ряда статей Конституции и ограничивали личные, политические и экономические права свободы граждан — свободу слова, печати, собраний, митингов, союзов, а также право частной собственности, тайну переписки и телефонных переговоров. Разрешались просмотр корреспонденции, прослушивание телефонов, обыски, аресты имущества. КПП была фактически поставлена вне закона. Тем самым президент вводил в стране состояние перманентного чрезвычайного положения. В этих условиях беспрепятственно вести избирательную кампанию могли только нацисты и их союзники. (Чрезвычайное положение действовало в Германии до 8 мая 1945 г. — капитуляции Третьего рейха во Второй мировой войне).

К. Б.: Как могло случиться, что, несмотря на давление нацистов, суд оправдал Димитрова и его товарищей?

Б. Х.: На судебном процессе по делу о поджоге рейхстага, проходившем в Лейпциге в сентябре-декабре 1933 г., нацисты попытались доказать «заговор Коммунистического Интернационала с целью захвата власти»: на скамью подсудимых были посажены коммунисты — голландец Маринус ван дер Люббе, болгары Георгий Димитров, Благой Попов, Васил Танев и немец Эрнст Торглер.

Поскольку нацисты преследовали, главным образом, пропагандистские

цели, судебные слушания были открытыми. Роль обвинителя взял на себя Геринг. Ван дер Люббе утверждал, что действовал в одиночку. Выяснилось, что у Торглера и Димитрова с товарищами на момент пожара имелось алиби, а единственным доказательством их знакомства с ван дер Люббе являлись утверждения полицейского осведомителя.

Танев и Попов по-немецки не говорили, но Димитров, владевший немецким языком свободно, постоянно вступал в полемику с Герингом, указывая на нестыковки в обвинении. При этом Димитров не скрывал, что является сотрудником Коминтерна. Его 36 раз лишали слова, и пять раз выводили из зала суда. Весь мир обошла знаменитая фраза Димитрова, сказанная Герингу: «Вы боитесь моих вопросов, господин министр-президент!» Прямую радиотрансляцию из зала суда нацистские пропагандисты сочли за благо прекратить.

Власти Германии отказали в аккредитации на процессе корреспондентам советских газет, но Москва в ответ пригрозила выслать из СССР всех германских журналистов, и 4 ноября 1933 г. аккредитация была предоставлена.

«Контрпроцесс» по делу о поджоге рейхстага прошел в Лондоне в сентябре 1933 г. В защиту подсудимых выступили Альберт Эйнштейн, Ромен Роллан и Анри Барбюс. Британские, французские, американские, бельгийские и швейцарские общественные деятели пришли к выводу, что к поджогу рейхстага причастен Герман Геринг. В изданной Комитетом помощи жертвам германского

фашизма «Коричневой книге» в поджоге рейхстага обвинялись нацисты.

Несмотря на то, что ван дер Люббе полностью признал свою вину, он был приговорён к смертной казни. (В 2007 г. на основании вступившего в силу в 1998 г. закона ФРГ о признании несправедливыми судебных приговоров нацистских судов, приговор в отношении ван дер Люббе был отменен).

Димитров, Попов, Танев и Торглер были оправданы. СССР предоставил трём болгарам советское гражданство. 27 февраля 1934 г. они выехали в Москву. В конце мая 1934 г. Георгий Димитров в связи с предстоящим VII Конгрессом Коминтерна был назначен докладчиком по самому важному пункту повестки дня: о наступлении фашизма и задачах Коминтерна в борьбе за единство рабочего класса; в 1935 г. он был избран Генеральным секретарём Исполкома Коминтерна.

Торглер после освобождения жил в Германии под псевдонимом, сотрудничал с гестапо. Был исключен из КПГ. Работал в министерстве Геббельса ведущим подрывного радио «Старая гвардия Ленина», вещавшего на СССР.

В 1933 г. нацистская диктатура в стране еще полностью не установилась. Но нацисты извлекли из Лейпцигского процесса урок: независимый суд в Германии был ликвидирован. Политические дела передавались в специально созданную 24 апреля 1934 г. Народную судебную палату. Члены палаты назначались Гитлером на пятилетний срок; ее председателем в 1942–1945 гг. был

Роланд Фрейслер, которого Гитлер называл «наш Вышинский». Во время Первой мировой войны Фрейслер попал в русский плен и вступил в партию большевиков. В Советской России он прожил до 1920 г.; служил комиссаром по продовольственному снабжению. Фрейслер, на службе Гитлеру известный своей беспощадностью, погиб в 1945 г. во время налета американской авиации на Берлин: бомба угодила в здание суда. В момент гибели он вел очередное заседание Народной судебной палаты: это был суд над участниками заговора против Гитлера.

К. Б.: Как прошли выборы в рейхстаг 5 марта 1933 г.?

Б. Х.: На выборах 5 марта 1933 г., уже проходивших в обстановке нацистской демагогии и террора, НСДАП получила 17,2 млн (43,9%) голосов — 288 мандатов. Абсолютного большинства в парламенте гитлеровцы так и смогли завоевать.

На следующий день после выборов, 6 марта 1933 г., КПГ, набравшая 4,7 млн (12,3%) голосов, была запрещена. 81 мандат, которые должны были по итогам выборов достаться депутатам-коммунистам, были аннулированы. За социал-демократов проголосовали 7,1 млн чел. (18,3%) избирателей; СДПГ получила 120 мандатов. Почти четверть оппозиционных нацистам депутатов СДПГ были арестованы, высланы из страны или ушли в подполье. Руководство СДПГ было вынуждено эмигрировать в Прагу.

К. Б.: Какую роль в нацистской системе власти играла пропаганда, ко-

торуую нацисты соединили с системой просвещения?

Б. Х.: 11 марта 1933 года кабинет Гитлера принял решение соединить в одном ведомстве просвещение и пропаганду. Уже через два дня Гинденбург издал указ о создании имперского министерства народного просвещения и пропаганды. 13 марта 1933 г. гауляйтер Берлина, начальник управления пропаганды НСДАП доктор философии Йозеф Геббельс получил назначение на должность главы этого министерства. 15 марта 1933 г. новый министр на своей первой пресс-конференции заявил: «В создании нового министерства просвещения и пропаганды я вижу революционный поступок правительства, так как новое правительство не намерено предоставить народ самому себе».

21 марта 1933 г. в Германии отмечался день памяти немецких героев, павших на полях сражений — «День Потсдама». Город Потсдам, бывшая резиденция прусских королей, символизировал славу прежней Германии, с которой хотел ассоциировать себя новый режим. 21 марта было выбрано потому, что в этот день в 1871 г. был учреждён первый рейхстаг кайзеровской Германии. Автором программы «Дня Потсдама» был Геббельс, для которого эти торжества стали первым крупным постановочным пропагандистским мероприятием.

В «День Потсдама» Гитлер, не в полувойенной нацистской форме, как обычно, а в визитке и цилиндре, покорно низко склонил голову перед рейхспрезидентом. Гинденбург

символически пожал руку Гитлеру. Тем самым Гитлер как бы встал в один ряд с Фридрихом Великим, Отто Бисмарком и самим Гинденбургом. Приход национал-социалистов к власти вписывался в исторический прусско-германский контекст, что, как предполагалось, должно было обеспечить поддержку режима внутри страны и за рубежом. Национал-социалисты стремились заручиться поддержкой народа, необходимой для принятия нарушающих Конституцию законов. Эти законы не заставили себя долго ждать.

23 марта 1933 г. рейхстагом были приняты одобренные рейхспрезидентом законы «О предоставлении чрезвычайных полномочий» и «Об устранении бедственного положения народа и рейха». Законы отменяли гражданские свободы и передавали чрезвычайные полномочия правительству Гитлера. Против голосовали только депутаты от СДПГ. Социал-демократ Отто Вельс, глядя в глаза Гитлеру, провозгласил: «У нас можно отнять свободу и даже жизнь, но не честь!»

Впоследствии нацисты физически уничтожили 96 депутатов разных созывов. Парламентарии были среди узников первого нацистского концлагеря, открывшегося 20 марта 1933 г. в пригороде Мюнхена Дахау.

К. Б.: Как в Германии была установлена однопартийная система и возникло государство НСДАП?

Б. Х.: 14 июля 1933 г. был издан закон о запрещении существования в Германии любых политических партий, кроме НСДАП. Образование

новых партий запрещалось. Закон от 14 июля 1933 г. легализовал монополию НСДАП на власть. В стране установилась однопартийная система. Парламент формировался по однопартийному принципу.

Слияние партийных и государственных структур было закреплено «законом об обеспечении единства партии и государства» от 1 декабря 1933 г. НСДАП объявлялась «носителем германской государственной идеи». Страна была поделена на 32 партийных округа НСДАП — «гау» во главе с гауляйтерами, назначаемыми Гитлером и подотчетными ему лично.

После 23 марта 1933 г. рейхстаг потерял всякое политическое значение. Наряду с НСДАП, места в парламенте получили нацистские организации — СА, СС, Гитлерюгенд, Германский трудовой фронт. Парламент превратился в место, где послушно штамповались законы, угодные нацистскому режиму; с 1942 г. рейхстаг вообще не созывался.

Нацисты сохранили плебисциты как форму прямого участия народа в поддержке политического курса правительства. В условиях однопартийной диктатуры и быстро формировавшегося террористического аппарата плебисциты играли декоративную роль.

Одним из важных результатов «национальной консервативной революции» был разгон «неугодных» земельных правительств и замена их кабинетами, руководимыми нацистами (унификация немецких земель). Была ликвидирована авто-

номия земель. Параллельно с этим осуществлялось завоевание нацистами власти в городах и сельских общинах. Это стало результатом действий «сверху» — со стороны министерства внутренних дел и «снизу» — со стороны штурмовиков и эс-эсовцев, насильственно занимавших земельные учреждения. Позднее эти действия были оформлены законом о ликвидации полномочий земель и их передаче «Центру». Одновременно вводился институт имперских комиссаров (штатгальтеров) с целью наблюдения за «политической линией» на местах.

К. Б.: Для чего нацисты запрещали и сжигали книги?

Б. Х.: Весной 1933 г. министерство народного просвещения и пропаганды развернуло широкомасштабную кампанию по борьбе с литературой, объявленной «враждебной духу немецкого народа и государства». 10 мая 1933 г. в Берлине активисты Союза немецких студентов жгли «вредные для нации» книги немецких и зарубежных писателей. Так было положено начало расово-идеологической войне, которая стала характерной чертой нацистского управления страной.

Среди тех, чьи имена выкрикивали студенты-нацисты, бросая их книги в огонь, были Генрих Гейне, Томас Манн, Бертольд Брехт, Стефан Цвейг, Эрих Кестнер, Эрих Мария Ремарк, Лион Фейхтвангер, Эрнест Хемингуэй, Джек Лондон, Ярослав Гашек, Владимир Маяковский, Исаак Бабель, Илья Ильф и Евгений Петров, Михаил Зощенко, Максим Горький, Илья Эренбург...

Сожжением книг руководил Геббельс. «Век извращенного еврейского интеллектуализма закончился. Новая революция открыла путь к торжеству германского духа. Прошлое сгорает в пламени, будущее нарождается в наших сердцах!» — вдохновлял юных варваров рейхсминистр.

В Берлине на площади Опернплац, на которой 10 мая 1933 г. сжигали книги, ныне сооружен памятник: через стеклянный квадрат брусчатки на середине площади под землей видна комната с белыми пустыми книжными полками. Рядом с этим окном в никуда — металлическая плита. На ней пророчество Генриха Гейне: «"Это было только прологом. Там, где сжигают книги, в конце концов сжигают также и людей". Трагедия "Альманзор", 1821 год».

К. Б.: Какую роль в нацистском государстве играл антисемитизм?

Б. Х.: Антисемитизм был государственной идеологией и политикой национал-социализма. 1 апреля 1933 г. под лозунгом «Не покупайте у евреев!» по всей Германии прошел бойкот магазинов и предприятий, которые нацисты объявили «еврейскими». Немцы не должны были больше посещать еврейских врачей, юристов, торговцев, ремесленников и т. п.

7 апреля 1933 г. был принят закон о государственных служащих, в соответствии с которым на службе у государства могли находиться только лица «арийского» происхождения. Служащие должны были принимать присягу на верность родине

и «фюреру». Закон дал ход изгнанию со своих постов евреев, а также неугодных нацистам служащих. Началась первая волна еврейской эмиграции; из страны выехали 40 тыс. евреев. Стали уезжать и те, кто по политическим мотивам не принял нацистский режим.

Степень расовой нетерпимости нацистов все более нарастала. Их антисемитизм был не только религиозным, политическим или социально-бытовым, но, прежде всего, расовым: еврейство определялось по крови. 15 сентября 1935 г. на съезде НСДАП были провозглашены расовые законы — «О гражданстве рейха» и «Об охране германской крови и германской чести», единогласно принятые сессией рейхстага, специально созванной в Нюрнберге по случаю съезда нацистской партии. 14 ноября 1935 г. была принята поправка к закону о гражданстве, где было определено, кого считать евреем, и установлены категории лиц с еврейской кровью. Постепенно нацисты готовили немецкий народ к «Хрустальной ночи» 1938 г. и последующему «всеобщему и окончательному» решению еврейского вопроса.

К. Б.: В чем значение «ночи длинных ножей»?

Б. Х.: В конце 1933 — первой половине 1934 г. Гитлер столкнулся в собственных рядах с глухим недовольством курсом на союз со старой военной элитой и оттеснением «народной армии» штурмовиков на задний план. Часть нацистов из мелкобуржуазных и рабочих слоев выступала за осуществление левых, «социалистических» требований

программы НСДАП. Это была угроза только что сложившемуся союзу нацистской верхушки с военным руководством и крупным капиталом. Окружение Гитлера убеждало его, что речь идет о «второй революции и заговоре руководства СА» во главе с Эрнстом Рёмом, что и побудило «фюрера» принять решение об искоренении «оппозиции». Под предлогом борьбы с заговорщиками в ночь на 30 июня 1934 г. были убиты Рём и более 100 руководителей штурмовых отрядов. Одновременно Гитлер расправился со всеми неугодными или «опасными» для него людьми как в собственных рядах, так и среди консерваторов.

События «ночи длинных ножей» способствовали дальнейшей концентрации власти в руках Гитлера и его партии. Одновременно они стали и победой военно-промышленной элиты, которая опасалась штурмовиков. Большую роль в ликвидации «заговора» сыграли усилившиеся после прихода Гитлера к власти отряды СС во главе с рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером. Именно СС вместе с нацистской партией стал главной опорой диктатуры, вытеснив СА на второстепенные роли.

К. Б.: Как и чем завершилась «национальная консервативная революция»?

Б. Х.: 2 августа 1934 г. умер Гинденбург. В «политическом завещании», сфабрикованном Гитлером и окружением президента, свои президентские полномочия он «передавал» Гитлеру. Рейхсвер принял присягу на верность «главе государства», «фюреру нации» и главнокомандую-

щему — Адольфу Гитлеру. В условиях пропагандистского давления нацистов и отсутствия оппозиции «народный референдум» 19 августа 1934 г. закрепил узурпацию власти нацистами и позволил Гитлеру объявить о «завершении национальной революции».

Тоталитаризм во внутренней политике повлек за собой ведение внешней политики с позиции силы. Причем положение Гитлера внутри страны укрепилось еще и потому, что на международной арене он поначалу легко добивался своих целей. В Москве, как и в других мировых столицах, в начале 1933 года еще не поняли, что в лице нацистского руководства столкнулись с совершенно новым типом политического режима — лживого, беспринципного, неотягощенного никакими моральными нормами и правовыми обязательствами.

Уже 14 октября 1933 г. Германия объявила о выходе из Лиги наций. В январе 1935 г. в результате плебисцита Германией был возвращен Саар, который до того находился под протекторатом Лиги наций.

16 марта 1935 г. был принят закон об обороне. 21 марта 1935 г. в Германии была введена всеобщая воинская повинность. На смену 100-тысячному кадровому рейхсверу пришли постоянные массовые вооруженные силы — вермахт. Гитлер полностью разорвал «оковы Версаля».

Таким образом, 1933–1935 гг. — время становления нацистской диктатуры. В Германии в эти годы параллельно шли два процесса: сращивание партии и государства и унификация всей общественной жизни на базе НСДАП. Произошла постепенная «псевдозаконная» узурпация государственной власти нацистами; были заложены основы «государства фюрера». Веймарская Конституция превратилась в собственную тень. На смену демократической республике пришла тоталитарная нацистская диктатура под лозунгом «Один народ — один рейх — один вождь!»; началась подготовка к задуманной Гитлером агрессивной войне «за жизненное пространство» для «высшей расы».

К. Б.: Спасибо, Борис Львович!

90-летие этих прискорбных событий — это повод еще раз обратиться к истории национал-социализма и борьбы с ним. В этой связи представляется важным полностью ввести в научный оборот научное и гражданское наследие российского германиста, почётного профессора МГЛУ И. С. Кремера (1922–2020), который более полувека изучал проблему преодоления немцами нацистского прошлого, координировал международное движение ветеранов и исследователей антифашистского Сопротивления. Было бы правильно обратиться к проблемам истории трагических событий 1933–1945 гг. в рамках чтений, посвящённых памяти И. С. Кремера.

ДВА ЮБИЛЕЯ НАЧАЛА 2023 ГОДА: ВЗГЛЯД ИЗ ГЕРМАНИИ.

Беседа с Д. В. Стратиевским

На вопросы «Исторической экспертизы» отвечает Дмитрий Стратиевский. Тема беседы — состояние изучения германской исторической наукой обстоятельств прихода нацистов к власти в начале 1933 г., место этих событий в современной германской исторической памяти. Затронуты также вопросы об осмыслении современным германским историческим сообществом Сталинградской битвы, а также о влиянии событий 2022 г. на историческую политику в Германии.

Ключевые слова: Гитлер, нацизм, 1933 год в мировой истории, германская историография, германская историческая память, Сталинградская битва.

Сведения об авторе: Дмитрий Валериевич Стратиевский, доктор истории, научный сотрудник Германского исторического института в Москве.

Контактная информация: Dmitri.Stratievski@dhi-moskau.org

TWO ANNIVERSARIES AT THE START OF 2023: A VIEW FROM GERMANY.

Conversation with D. V. Stratievsky

The topic of the conversation is the state of study by German historical science of the circumstances of the Nazis coming to power in early 1933, the place of these events in modern German historical memory. Other problems are also touched — the understanding of the role of the Battle of Stalingrad by modern German historical community, as well as the impact of the events of 2022 on historical politics in Germany.

Key words: Hitler, Nazism, 1933 in world history, German historiography, German historical memory, Battle of Stalingrad.

About the author: Dmitry Stratievsky, Doctor of History, a researcher at the German Historical Institute in Moscow.

Contact information: Dmitri.Stratievski@dhi-moskau.org

ИЭ: Итак, ровно 90 лет назад, 30 января 1933 г. Гинденбург назначил Гитлера канцлером Германии. Можно ли говорить о том, что обстоятельства прихода нацистов к власти

и их последующего утверждения у власти изучены настолько глубоко и полно, что уже не осталось никаких «белых пятен», не происходит и никаких дискуссий среди истори-

ков? Ожидаются ли в ближайшее время какие-то конференции и новые публикации по этому кругу проблем? Все ли ценные источники введены в научный оборот, включая источники личного происхождения, в частности, мемуары?

Д.С.: Совокупность обстоятельств прихода нацистов к власти или *Machtergreifung* (специальное слово в немецком языке, чаще всего используемое именно применительно к событиям 1933 г., в переводе «захват власти») настолько многогранны, что их нельзя считать полностью изученными. Какие еще возможности были у Гинденбурга? Была ли вероятность, что Гитлер все же останется контролируемым? Что могли предпринять демократические партии непосредственно после 30 января 1933 г.? Эти вопросы вовсе не удел «альтернативной истории». Они помогают понять актуальные на тот момент процессы в Германии, которые привели к столь тяжелым последствиям для Европы и мира. Начну с личности Гинденбурга. С момента выхода в 2000-х годах фундаментальной биографии Гинденбурга авторства Вольфрама Пита, получившей литературную премию и выдержавшей уже несколько дополненных переизданий, сложно внести принципиально новый вклад в исследование этой личности (Рута 2007). А вот в общественном пространстве дискуссии о Гинденбурге не утихают. До 1990 г. этот политик имел репутацию сурового консерватора, «дита своего времени», который, пусть и не был демократом в современном понимании, но все же не может быть поставлен в один ряд с нацистами. Подчеркивалось, что

на выборах рейхспрезидента 1932 г. кандидатура Гинденбурга была поддержана коалицией консервативных, региональных и центристских партий, а также социал-демократами, с целью не допустить избрания нациста Гитлера и коммуниста Тельмана, а сам Гинденбург относился к Гитлеру с изрядной долей презрения, называя его «богемским ефрейтором». В последнее десятилетие отношение к Гинденбургу стало намного более критичным. В общественных дебатах подчеркивается, что герой Первой мировой, имевший значительное влияние в германской элите и среди «простых немцев», мог бы открыто выступить против инициатив нацистов в первый год их пребывания во власти. 12 городов ФРГ переименовали улицы, носившие его имя. В 2014 г. решением местных властей Гинденбург был лишен звания почетного гражданина Киля, в 2020 г. такой же вердикт был вынесен в Берлине. Вместе с тем, имя бывшего рейхспрезидента до сих пор присутствует в топонимике десятков германских городов, включая такие крупные как Берлин, Гамбург и Ганновер, что нередко вызывает протесты. Теперь о самом захвате власти Гитлером. Безусловно, издательства и авторы не могли пройти мимо «круглой» даты. Публикаций выходит много, не буду все перечислять. Могу выделить сборник Ульриха Шнайдера «1933. Путь к Третьему Рейху», изданный в декабре 2022 г. (Schneider 2022). В продаже он должен появиться уже зимой наступившего года. Сборник состоит из 70 оригинальных документов и комментариев историков. Источники показывают, какие общественно-политические условия позволили

НСДАП стать руководящей партией в стране, кто выступал против, кто промолчал, а кто поддержал нацистов, как в Германии воцарилась диктатура и какую роль в этом сыграли финансово-промышленные и военные элиты в стране. Книга обещает быть интересной. Из несколько неожиданных междисциплинарных работ хотел бы назвать собрание статей второй половины 2022 г. под редакцией теолога и политического философа Клауса-Михаэля Кодалле «1933. Испытание богословия» (Kodalle 2022). Авторы исходят из того, что моральный приговор нацизму давно вынесен, и важно задаться более глубокими этико-философскими вопросами, которые, впрочем, небезынтересны для историка. Каким образом страна добровольно отказалась от демократического плюрализма и согласилась на диктатуру? Как Гитлер сумел заставить поверить себе миллионы верующих немцев, которые забыли христианские принципы и поставили «фюрера» выше Христа? Как могло возникнуть такое невероятное явление, как симбиоз национал-социализма и теологии? Выход сборника — это свидетельство поиска новых подходов и открытия тем, которые до недавнего времени были скорее вторичны, находились «в тени» фигуры Гитлера и нацистского государства.

ИЭ: Мне вспоминается расхожая версия позднесоветской исторической и политико-пропагандистской литературы о том, что отсутствие единства на левом фланге политической жизни веймарской Германии в начале 1930-х годов, проявившееся, в частности, в не прекращавшейся «грызне» между коммунистами

и социал-демократами, не позволило создать единый фронт, способный противостоять нацистам в их стремлении к власти. Собственно говоря, эта версия восходит своими истоками еще к резолюциям VII конгресса Коминтерна (1935 г.). А в сегодняшних публикациях историков, близких СДПГ, можно ли увидеть критику тогдашней политики социал-демократов, так и не сумевших в условиях глубокого экономического кризиса начала 1930-х годов выработать оптимальную в тех условиях политическую линию, которая позволила бы избежать столь резкого поворота вправо?

Д. С.: Хотел бы начать с того, что провальными и краткосрочными оказались попытки союзов и радикальных сил, например, консерваторов и социал-демократов. Таковы были тогдашние политические реалии. В советской историографии охотно «забывалось», что КПГ после консультаций с Коминтерном поддержала проведение референдума о роспуске Прусского ландтага в августе 1931 г., выступив единым фронтом с националистами и нацистами. КПГ была готова кооперировать даже с такими людоедскими силами, чтобы устранить социал-демократическое правительство Пруссии во главе с Отто Брауном. Даже историки ГДР признавали это решение крупной ошибкой германских коммунистов. Но было бы неверно обелять социал-демократов и утверждать, что они все делали правильно и Гитлер пришел к власти в результате цепочки негативных обстоятельств, волею такого «злого рока». Историки выделяют, к примеру,

один из ключевых моментов, распад правящей коалиции в марте 1930 г., вызванный, не в последнюю очередь, неготовностью СДПГ идти на компромиссы с партнерами. Во второй половине 1930 г. левоцентристами, наоборот, был взят курс на сохранение правительства канцлера Генриха Брюнинга и поддержку его инициатив, включая провальные — из опасений дальнейшего роста популярности радикалов в лице НСДАП и КППГ после их успеха на сентябрьских выборах. А ведь социал-демократы продолжали возглавлять правительство Пруссии, крупнейшего германского региона, обладали важным ресурсом. Если заглянуть в последний демократический 1932 г., то и тут СДПГ совершала ошибки. Результаты июльских выборов 1932 г. в Рейхстаг, на которых первое место заняли нацисты, испугали всех. Но через четыре месяца НСДАП демонстрирует более слабый результат, теряя 4,2% голосов. Больше голосов набрала Немецкая национальная народная партия, националистическое, монархистское и антисемитское движение, неприятное всем демократам, но воспринимавшееся как сила, «распыляющая» голоса крайне правого электората и отвлекающая их от нацистов. После муниципальных выборов конца 1932 г., на которых СДПГ, выступив с программой преодоления экономического кризиса, приобрела значительную поддержку избирателей, а КППГ, наоборот, проиграла, были сделаны неправильные выводы. Если быть совсем точным, они были бы правильные с позиции сегодняшнего дня, вне той накаленной кризисной атмосферы, которая царил в Германии в начале 30-ых. По-видимому, лидеры СДПГ решили, что

весомые экономические аргументы в противовес националистическому популизму НСДАП, пик популярности которой якобы был пройден, будут более значимыми для немцев. Это привело к некоей расслабленности и недооценке главного противника. История распорядилась иначе. Но, к чести социал-демократов, нужно сказать, что они после января 1933 г. продолжали последовательно бороться против Гитлера. Речь Отто Вельса в марте 1933 г. в Рейхстаге считается одним из самых мужественных выступлений в истории германского парламентаризма. Уже в изгнании СДПГ, благодаря помощникам на местах, фиксировала преступления нацистов в рамках ежемесячного отчета «Сообщения из Германии». Партийная газета «Вперед!» выходила под заголовком «За Германию! Против Гитлера!» Именно в этом издании впервые говорилось о преступлениях нацистов против евреев, репрессии были названы «войной на уничтожение». 40 депутатов Рейхстага от СДПГ были убиты в тюрьмах и концлагерях.

ИЭ: В сегодняшней Германии имеются определенные маргинальные политические силы, достаточно не критично (или недостаточно критично) относящиеся к мрачному 12-летию германской истории (1933–1945). Они подчас склонны больше вспоминать не о Холокосте и не о многомиллионных жертвах, понесенных (в том числе Германией) на фронтах Второй мировой войны, а о том, что при Гитлере в стране строились хорошие автобаны и создавались новые рабочие места. Можно ли ожидать, что эти силы (пусть маргинальные) могут

использовать 90-летие прихода нацистов к власти, чтобы лишний раз крикливо напомнить о себе, привлечь к себе внимание?

Д. С.: Вы верно подчеркнули маргинальный характер данных сил в современной Германии. Они крайне малочисленны. «Даже» в среде ультраправых группировок фигура Гитлера непопулярна. Более того, германские правые радикалы всячески дистанцируются от диктатора и НСДАП, пытаются убедить националистически настроенных немцев в том, что они не имеют никакого отношения к неонацистам и выступают за «национально ориентированную современную политику».

Период 1933–1945 гг. — это негативный маркер даже для сторонников ультраправой идеологии. Если все же говорить о фигурах 30–40-ых годов 20 века, то в некоторых кругах ультраправых скорее популярен мифологизированный образ Рудольфа Гесса, представляемый некой альтернативой «истеричу Гитлеру», таким своего рода «патриотичным реалистом». С 1987 г., в годовщину смерти Гесса в берлинской тюрьме Шпандау, на территории одноименного городского района проводились «памятные марши». Демонстрация неизменно блокировалась левыми силами. В 2005 г. марш был запрещен. В 2017 г. была предпринята попытка возобновления мероприятия с участием, в том числе, и зарубежных неонацистов, которую также сорвали антифашисты. Необходимо учитывать и политическую ситуацию. В настоящий момент все значимые неонацистские партии или близкие к ним по идеологии движения либо прекратили свое существование

(«Германский народный союз», «За Германию»), либо были запрещены, либо стали даже более маргинальными, чем ранее («Национал-демократическая партия Германии», «Третий путь»). Грубо говоря, все те праворадикальные силы, которые не запрещены законодательством ФРГ, нашли свое представительство в лице «Альтернативы для Германии», партии, которая тщательно пытается доказать общественности свою якобы «правоконсервативную» направленность и, конечно же, избегает любых параллелей с нацистами. Ультраправые не имеют ни возможностей, ни ресурсов, ни даже желания проводить 30 января 2023 г. какие-либо активные мероприятия. Не исключая одиночные эксцессы, но не думаю, что это заслуживает даже упоминания.

ИЭ.: Еще одна круглая годовщина 2023 г., она привлечет к себе общественное внимание и будет отмечаться не столько в Германии, конечно, сколько в России — это 80-летие Сталинградской битвы. Какое место занимает это событие в современной немецкой исторической памяти, а также в трудах историков, занимающихся историей Второй мировой войны? Продолжают ли вводиться в оборот свидетельства участников той кампании вермахта? Как подается Сталинград в музейных экспозициях, посвященных Второй мировой войне?

Д. С.: Когда-то давно я прочитал в одной российской газете утверждение, что Сталинградская битва почти не освещается на школьных уроках истории в Германии, а в учебниках, якобы, ей посвящены всего несколь-

ко строк. На самом деле учебников истории в ФРГ как таковых нет, а большинство известных мне учителей достаточно подробно рассказывают об этом сражении. Сталинградская битва является неотъемлемой частью любой германоязычной литературы о Второй мировой войне, от статей и публицистических изданий до кинодокументалистики и исследовательских работ. Ее оценка близка к доминирующему мнению на постсоветском пространстве. Весьма подробно битва представлена в экспозиции Германского исторического музея (ГИМ) в Берлине, основного профильного музейного учреждения страны. В интернет-презентации ГИМ «Живой музей онлайн» ей посвящен отдельный раздел, в котором говорится о значении этого поражения вермахта для дальнейшего хода войны, о коренном изменении морального состояния войск и населения. Сражение называется «поворотным моментом войны на Восточном фронте». Сталинградская битва фигурирует и в современной массовой культуре ФРГ. Да, столь пронзительных и ярких фильмов как «Сталинград», снятый Йозефом Фильсмайером в 1993 г., я за последнее время припомнить не могу, но тема битвы на Волге 1942–1943 гг., не исчезает из фокуса общественного внимания. К примеру, весной с.г. в Нюрнберге впервые было представлено музыкальное произведение Ральфа Гавлика, построенное на фронтовых письмах его дяди Бруно, пропавшего без вести в 1942 г. под Сталинградом. Из недавних публикаций для широкого круга читателей можно назвать научно-популярное издание «Сталинград 1942/43» Торстена Дидриха 2018 г., выпущенное Цен-

тром военной истории и социальных наук Бундесвера (Diedrich 2018). В 2021 г. вышел с предисловием Й. Хельбека новый (и первый полный) немецкий перевод знаменитой книги Василия Гроссмана «Сталинград» 1944 г. (Grossman 2018) — в Советском Союзе в цензурированном виде этот роман впервые вышел в 1950 г. под названием «За правое дело». В числе новых (для общественности) свидетельств назову сборник личной переписки генерала Вальтера фон Зейдлица, плененного под Сталинградом и возглавившего в СССР антифашистский «Союз немецких офицеров» (Seydlitz 2018). Письма, впервые изданные в 2018 г., затрагивают значительный период времени, с 1939 по 1955 гг. Немалая их часть посвящена Сталинградскому сражению и более позднему процессу переосмысления этого события автором. Также очень интересны воспоминания бывшего офицера вермахта Ханса-Эрдманна Шонбека (Schönbeck 2022), тяжело раненого в сражении на Волге, позднее участвовавшего в движении Сопротивления и умершего в конце 2022 г. в возрасте 100 лет. Резюмируя, скажу, что проблематика Сталинградской битвы остается важной темой научных и общественно-исторических дискуссий в Германии.

ИЭ: Разумеется, события 2022 г. не дают никаких оснований пересматривать роль СССР во Второй мировой войне. Но повлияли ли они как-то на историческую политику в Германии, имея в виду прежде всего поддержку государством тех или иных проектов в области новейшей истории, реализуемых в том числе и посредством германских

исторических институтов в разных странах? Это вопрос к Вам как к человеку, который принимал активное участие в деятельности подобных структур, Вы работали, в частности, в германском историческом институте в Москве.

Д. С.: Согласен с Вами. Никакого пересмотра тут быть не может, я говорил об этом в подкасте Фонда Макса Вебера 22 июня 2022 г. Я продолжаю работать в ГИИМ, равно как и продолжает свою деятельность международный проект «Советские и германские военнопленные и интернированные». Однако после начала широкомасштабной агрессии России против Украины мы в рамках проекта остановили кооперацию со структурами РФ, архивные исследования и иную деятельность на территории России. В целом, я вижу в Вашем вопросе сразу три области, которые связаны между собой, но все же они отдельные. Во-первых, изменилась ли историческая политика Германии и восприятие событий Второй мировой войны в глазах государства и общества в целом? На этот вопрос можно однозначно ответить «нет», никаких изменений не произошло, да и не могло произойти. СССР, как и ранее, воспринимается в качестве государства, внесшего значительный вклад в победу Антигитлеровской коалиции, уничтожение нацистского режима и в восстановление мира в Европе. Достаточно послушать прошлогодние речи ведущих германских политиков. К примеру, канцлер Олаф Шольц в традиционном выступлении 8 мая 2022 г. подчеркнул роль СССР в победе над нацизмом, упомянув и о том, что в те годы русские и украинцы вместе сражались против

общего врага. А о том, что коллективная ответственность за преступления Германии 1933–1945 гг. не пересматривается и не подвергается какой-либо ревизии, думаю, даже и говорить не нужно. Во-вторых, произошли ли изменения в вопросе поддержки государством проектов, связанных с историей Второй мировой войны, периода господства национал-социализма, включая изучение преступлений «Третьего Рейха» на временной оккупированной территории СССР? Здесь также можно уверенно сказать «нет». По-прежнему в полном объеме финансируются исследовательские проекты, музеи и мемориальные комплексы, открываются новые выставки, в университетах читают лекции по данной тематике, принимаются на работу новые сотрудники. Более того, активно проходит процесс создания нового государственного научно-просветительского Документационного центра «Вторая мировая война и германская оккупация Европы», в работе которого значительную роль будет играть изучение оккупационной политики и нацистской практики массового уничтожения, проводившейся в 1941–1944 гг. на территории СССР. В мае 2022 г. была представлена 35-страничная концепция нового Центра. В ней, кстати, многократно упомянуты советские военнопленные в качестве отдельной группы жертв нацизма. Говорится и о других аспектах германской истребительной политики, от убийства гражданского населения и блокады Ленинграда до уничтожения культурных ценностей. Осенью прошли слушания с участием экспертов в профильных комитетах Бундестага. На строительство здания площадью 15.000 кв.м. и первичные меры для начала функ-

ционирования учреждения должны быть выделены 155 миллионов евро. Ежегодный бюджет предусматривается на уровне 10 миллионов евро. Думаю, эти данные говорят сами за себя. Вряд ли можно найти другую страну мира, где осуществлялось бы столь объемное бюджетное финансирование «всего лишь» одного Центра, связанного со Второй мировой. И это с учетом того факта, что другие организации, например, Институт современной истории и Центр изучения периода нацизма в Мюнхене также получают достаточно средств на проекты по данной проблематике. Наконец, в-третьих, международная кооперация и контакты с Российской Федерацией. Сразу хотелось бы подчеркнуть: изучение тем, связанных со Второй мировой войной, историей СССР, не обязательно должно проходить в сотрудничестве с российскими институциями. Сообщество историков существует не в вакууме. Война не могла пройти незаметно и не повлиять на кооперацию между вузами, научными институтами, НКО и отдельными учеными. Немало германских организаций приняли решение прервать сотрудничество с российскими партнерами. Альянс научных организаций, влиятельное объединение в составе крупных научно-исследовательских институтов, фондов и ассоциаций ФРГ, выступил 25 февраля с заявлением, в котором выразил солидарность Украине, а также призвал немедленно заморозить научную кооперацию с государственными институциями и предприятиями России и не инициировать новые проекты. В данной ситуации это неизбежно. Но, конечно же, историки, равно как и представители иных научных дисциплин, не

подвергаются в Германии дискриминации, исходя из наличия российско-го гражданства. Проекты в области новейшей истории продолжают, пусть и в новых реалиях.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Schönbeck 2022 — Präse, Tim. Hans-Erdmann Schönbeck: "... und nie kann ich vergessen". Ein Stalingrad-Überlebender erzählt von Krieg, Widerstand — und dem Wunder, 100 Jahre zu leben. München: Heyne Verlag, 2022.

Seydlitz 2018 — Nach Stalingrad. Walther von Seydlitz' Feldpostbriefe und Kriegsgefangenenpost 1939–1955. Wallstein Verlag, Göttingen: Wallstein Verlag, 2018.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

Busch 2019 — Busch Reinhold. Stalingrad — Die stillen Helden. Das Schicksal der Sanitätseinheiten im Kessel. Graz: Ares Verlag, 2019.

Diedrich 2018 — Diedrich, Torsten. *Stalingrad 1942/1943*. Ditzingen: Reclam, 2018.

Grossman 2021 — Grossman, Wassili. *Stalingrad*. Berlin: Claasen, 2021.

Kodalle 2022 — Kodalle, Klaus-Michael. 1933 — *Die Versuchung der Theologie*, Zeitgeschichtliche Forschungen 62. Berlin: Duncker & Humblot, 2022.

Präse, Tim, Hans-Erdmann Schönbeck: "... und nie kann ich vergessen". Ein Stalingrad-Überlebender erzählt von Krieg, Widerstand — und dem Wunder, 100 Jahre zu leben, Heyne Verlag, München 2022

Pyta 2007 — Pyta Wolfram. *Hindenburg: Herrschaft zwischen Hohenzollern und Hitler*. Berlin: Siedler Verlag, 2007.

Schneider 2022 — Schneider, Ulrich. 1933 — *Der Weg ins Dritte Reich. Analysen und Dokumente zur Errichtung der NS-Herrschaft*. Köln: PapyRossa, 2022.

Л. Р. Хут

ПАМЯТЬ О (ПОЗДНЕ)СОВЕТСКОМ: ПРАКТИКИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В ЗАКРЫТОМ ОБЩЕСТВЕ (по материалам биографического интервью Л. Л. Бельцер–Лисюткиной)

В статье исследуется память о (поздне)советском. В ее основе — материалы биографического интервью советского и российского социолога, культуролога, переводчика, активного блогера Ларисы Львовны Бельцер-Лисюткиной. Задача статьи — на основе данного и других эго-источников проанализировать практики жизни интеллектуалов в закрытом обществе и проследить, как формировалась позднесоветская субъективность в образовательных и научных институциях позднего СССР.

Ключевые слова: (поздне)советское общество, советские интеллектуалы, позднесоветская субъективность, Академия, Л. Л. Бельцер-Лисюткина, историческая память, история эмоций, гендерная история, эго-история.

Сведения об авторе: Хут Людмила Рашидовна, доктор исторических наук, независимый исследователь (Майкоп)

Контактная информация: ludmila1302@mail.ru

L. R. Khut

MEMORY OF THE (LATE) SOVIET: PRACTICES OF ACADEMIC LIFE IN A CLOSED SOCIETY
(BASED ON BIOGRAPHICAL INTERVIEW WITH L. L. BELZER-LISYUTKINA)

The article examines the memory of the (Late) Soviet. It is based on the materials of a biographical interview of the Soviet and Russian sociologist, culturologist, translator, active blogger Larisa Lvovna Belzer-Lisyutkina. The purpose of

the article is to analyze the life practices of intellectuals in a closed society on the basis of this and other ego sources and to trace how Late Soviet subjectivity was formed in the educational and scientific institutions of the late USSR.

Key words: (Late) Soviet society, Soviet intellectuals, Late Soviet subjectivity, Academy, L. L. Belzer-Lisyutkina, historical memory, history of emotions, gender history, ego history.

About the author: Khut Ludmila Rashidovna, Doctor of Historical Sciences, independent researcher (Maikop)

Contact information: ludmila1302@mail.ru

Изучение позднего, условно говоря, постсталинского, СССР — отмечаемый исследователями тренд отечественного историознания на протяжении последних нескольких лет. Ему, в частности, была посвящена Международная научная конференция «Полетаевские чтения—XI. Общество позднего социализма: перспективы исторического осмысления» (19–20 октября 2022 г.), организованная и проведенная в рамках совместного проекта Института гуманитарных историко-теоретических исследований (ИГИТИ) им. А. В. Полетаева Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и Антропошколы Тюменского государственного университета «Поздне/Постсоветское: ценности, практики, акторы» (Программа «Зеркальные лаборатории» НИУ ВШЭ). Получив приглашение с предложением принять участие в работе секции по истории поднесоветских университетов через историю эмоций, я сделала выбор в пользу удивительной женщины, нашей современницы, советского и российского социолога, культуролога, переводчика, активного блогера Ларисы Львовны Бельцер-Лисюткиной. Если говорить об оригинальности и творческом потенциале советских интеллектуалов, их усилиях по поиску ресурсов и практиках жизни

в закрытом обществе, как предложили нам организаторы Чтений, то лучшую фигуру вряд ли можно было найти.

Научные и образовательные институции, к которым была причастна Лариса Львовна в разные периоды своей жизни и которые можно обозначить понятием Академия в широком смысле, это Московский университет (МГУ), ее alma mater, на историческом факультете которого она получила высшее образование, а на философском прошла аспирантскую подготовку и защитила кандидатскую диссертацию, и два научно-исследовательских института в системе АН СССР — Институт международного рабочего движения (ИМРД), в котором она проработала немало лет, и Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН), для которого ею регулярно писались реферативные обзоры.

Данная статья написана по материалам прозвучавшего на конференции доклада. Мой замысел состоял в том, чтобы через биографию родившейся в год окончания Второй мировой войны советской девочки-отличницы из небольшого кубанского городка, девочки, которая захотела и смогла в позднесоветские времена

«прожить свою жизнь среди самых лучших людей своего времени» (Интервью 2020), показать, как формировалась позднесоветская субъективность в Академии.

В основу статьи положены материалы биографического интервью (Интервью 2020), которое взял у Ларисы Львовны советский и российский социолог, доктор философских наук Б.З. Докторов, с 1994 г. живущий и работающий в США. Профессор Б.З. Докторов — ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге, почётный доктор Института социологии РАН, действительный член Российской Академии социальных наук. Данное интервью — часть масштабного биографического проекта, осуществляемого Б.З. Докторовым с 2004 г., в рамках которого на настоящий момент собрано около 220 интервью. Это история российской социологии через автобиографические повествования представителей семи ее поколений, в которой нашлось место таким разным исследователям, как, например, В.С. Вахштайн, Л.М. Дробужева, И.С. Кон, Ю.А. Левада, А.В. Полетаев, А.М. Руткевич, Ж.Т. Тощенко, Т. Шанин, Г.П. Щедровицкий, Г.Б. Юдин и др. Материалы проекта выложены на сайте Института социологии РАН (Докторов 2011–2020). По классификации Б.З. Докорова, Л.Л. Бельцер-Лисюткина отнесена к третьему поколению советских / российских социологов.

Интервью, о котором идет речь, озаглавленное словами самой героини «Человек человеку собеседник. Или нет...», растянулось на несколько лет, но оно того стоило. Это интер-

вью по переписке, продолжавшееся с 16 декабря 2016 г. по конец февраля 2020 г., т.е. более трех лет. Собеседники, не спеша, листали страницы биографии женщины с очень интересной судьбой.

Получился объемный текст, структурно состоящий из краткой биографической справки, предисловия Б.З. Докорова, собственно ответов интервьюируемой на вопросы собеседника и приложения «Отдельные истории», в которое вошли три авторских зарисовки о разных периодах жизни и людях, на этом пути встреченных («Угловая ведьма», «Анатолий Черняев: “Как незаконная комета в кругу исчисленных светил”», «Иссык-Кульский форум и его звездные участники»).

Кроме того, я обращалась к публикациям (Лисюткина 1991) и видеоинтервью (Социолог Лариса Бельцер 2017; VioGraphie Larissa Belzer 2019; Лариса Бельцер-Лисюткина 2022) моей героини, в которых она рассказывала о других интересных эпизодах своей необычной жизни. Предметом моего заинтересованного прочтения стали также интервью других героев Б.З. Докорова, например, доктора исторических наук, ординарного профессора НИУ ВШЭ, научного руководителя ИГИТИ И.М. Савельевой, посвященное А.В. Полетаеву (Интервью 2015).

Поскольку в статье избран ракурс рассмотрения (поздне)советского через историю эмоций, напомним, что американский психолог Р. Плутчик в 1960-е гг., т.е. на универсалистском, по Я. Пламперу, этапе развития этого направления научной

мысли, предложил психоэволюционный классификационный подход для общих эмоциональных реакций. Он считал, что существует восемь основных эмоций — гнев, страх, печаль, отвращение, удивление, ожидание, доверие и радость. Плутчик доказывал первичность этих эмоций, показывая, что каждая из них является триггером поведения с высокой ценностью для выживания. С тех пор история эмоций успела пройти конструктивистскую фазу, а с середины 1990-х гг. находится в фазе синтеза универсализма и конструктивизма (Плампер 2010: 13). Читая тексты по истории эмоций, нельзя не обратить внимания, что многие авторы сосредоточены на такой эмоции, как страх. Я хорошо помню, как на лекциях по Французской революции пересказывала студентам статью Л. Февра о Великом страхе июля 1789 г. (Февр 1991). О страхе размышляет Ж. Делюмо, когда он пишет о формировании чувства вины в цивилизации Запада XIII–XVIII вв. (Делюмо 2003). Страх присутствует в теоретико-историографической книге Я. Плампера «История эмоций» с первых страниц (Плампер 2018: 10–11). Что интересно, и в исследованиях позднесоветского общества в контексте истории эмоций, например, в недавно вышедшем сборнике статей «После Сталина», посвященном позднесоветской субъективности, страх занимает «почетное» место (После Сталина: 2018). Поразившее меня при работе с базовым интервью открытие состояло в том, что оно было не про страх, а про радость, про то, как можно жить радостно во временах, которые ты не выбираешь, а которые с тобой трагически приключились. Это при том, что собственно

слова «радость», «страх» и их производные употребляются крайне редко и, в основном, касаются детских воспоминаний героини.

С Ларисой Львовой я познакомилась заочно много лет назад, прочитав ее текст в книге памяти В.М. Вильчека (1937–2006), выдающегося российского социолога, стоявшего у истоков российского телевидения 1990–х гг. (Всеволод Вильчек 2007: 261–264). Об этом удивительном человеке и книге всей его жизни «Алгоритмы истории» (Вильчек 2004) я в свое время писала (Хут 2009). Книга представляет собой авторскую рефлексию на тему, нужен или не нужен марксизм нашей современности. Свою встречную рефлексию Л.Л. Бельцер–Лисюткина оформила с присущей ей неряшливостью, на что нельзя было не обратить внимания: «Для меня как читателя общение с книгой В.М. Вильчека началось с ощущения, что это — красивый текст. Красота здесь выступает не как украшательство и даже не как «принцип удовольствия», начисто изгнанный из нашей жизни многолетним сном разума, а как один из фундаментальных принципов конструирования бытия, родственный принципу экономии мышления» (Всеволод Вильчек 2007: 263).

Потом, через несколько лет, мы стали друзьями в соцсетях. К тому времени я уже знала, что Лариса Львовна является многолетней подругой И.М. Савельевой, одного из самых чтимых мной российских специалистов по теоретико-методологическим проблемам исторической науки. Еще один немаловажный момент — по месту рождения моя героиня очень

близка к моему отчому дому и малой родине — Адыгее.

О городе своего детства и отрочества Лариса Львовна вспоминает так: «Население было пёстрое, как в каком-нибудь Алеппо, расположенном на пересечении всех путей и дорог. (...) Жить было страшно. Но в то же время социализация в Кропоткине давала возможность с детства увидеть многообразие мира, услышать и научиться на слух отличать друг от друга кавказские языки, болтать на русско-украинском суржике...» (Интервью 2020).

Казалось бы, с самого рождения у маленькой Ларисы не было поводов для радости. Ее родители познакомились на фронте, но их семейная жизнь не задалась. Фронтовиком был и брат мамы, выпускник Камышинского танкового училища, без вести пропавший под Сталинградом в первом же бою. Ему было всего 18 лет. В четырехлетнем возрасте девочка осталась жить с бабушкой. Говоря о самых сильных впечатлениях детства, Лариса Львовна вспоминает послевоенную нужду и голод, доведшие их с бабушкой до того, что полгода они прожили в больнице, а спасением стали соседи и огород. Она также вспоминает, как власти запрещали личное подсобное хозяйство, включая домашний скот, заливали грядки бензином, и земля становилась бесплодной. До 15-летнего возраста Лариса жила, училась, читала при свете керосиновой лампы.

В 1953 г., когда умер Сталин, девочка пошла в первый класс. Хотя она училась на «отлично», «учеба в школе оказалась утомительной». О дирек-

торе школы, В.И. Холопове, не без влияния которого одна из лучших учениц школы выбрала истфак, она говорит с уважением: «Он не был учителем-диссидентом, но всё же постарался дать детям возможность узнать о таких сенсационных феноменах, как другая точка зрения, протест, фальшивые авторитеты, расхождение между реальностью и теорией. Но было и нечто другое, не менее ценное. Он не был внутренне коррумпирован» (Интервью 2020).

Окончив школу с отличием и золотой медалью, Лариса отправилась в Москву, которая была для нее «Небесным Иерусалимом, пупом земли, храмом мудрости, добра и справедливости, увенчанным “Градом на холме” — новым зданием МГУ» (Интервью 2020). Вступительные экзамены, неожиданно для всех, она сдала на «отлично», умудрившись даже получить единственную на всем потоке пятерку за сочинение. Кроме того, набор 1964 г. на истфак был с углубленным изучением иностранного языка, но еще в школе она прочитала в оригинале «Будденброков» Т. Манна, выписывая из романа и заучивая наизусть все незнакомые слова, и экзамен по немецкому языку также не составил для нее труда.

Таким образом, поступив на истфак МГУ без всякой протекции, Лариса училась уже в эру Брежнева (1964–1969). Своими «университетами» моя героиня, прежде всего, считает «интеллигентных арбатских дореволюционных бабушек-билетерш из Консерватории» и бабушку своей подруги, которые многому ее научили, в том числе, «говорить по-московски»: «Они явно принадлежали то ли

к какому-то тайному ордену, то ли к остаткам некой непонятной человеческой субстанции, с которой я никогда раньше не сталкивалась. [...] Это была особая социальная группа. Антикварная. Музейная. Малочисленная. Они сильно выделялись на общем фоне» (Интервью 2020).

Когда я работала с материалами интервью, меня не покидала мысль, что Лариса Львовна — это классический случай *selfmade*. Фактическое подтверждение своей мысли позднее я найду в интервью И. М. Савельевой, в те поры однокурсницы Ларисы: «На курсе было много ребят *selfmade*. Я быстро убедилась, что некоторые из них ничуть не глупее меня. Но они просто не знали, что, кроме классиков XIX века, надо читать О. Мандельштама, А. Солженицына и Ю. Трифонова мл., что, кроме Чайковского и Бетховена, есть еще Густав Малер и Пауль Хандемит. А мы все это узнавали, читали и слушали вместе с родителями» (Интервью 2015).

Об МГУ Л. Л. Бельцер-Лисюткина пишет очень откровенно, не стремясь ничего приукрасить. С одной стороны, для нее это был действительно «Град на холме», в который она сознательно стремилась, преодолевая многочисленные препятствия, а с другой — оказавшийся вполне себе обыденным срез советской действительности, имеющий мало общего с романтическими грезами. В частности, «кое-какими травматическими сюрпризами» она называет регулярное воровство в студенческом общежитии, рассказывая, например, как у нее украли деньги, оставленные под подушкой, а также присланные

бабушкой зимнее пальто и теплые ботинки.

В студенческой среде автор выделяет несколько типов студентов, уже на первом курсе сложившихся в своего рода социальные общности: «москвичи», «немосквичи», «молодые люди с армейской инициацией». О последней общности она пишет более подробно в связи с тем, что именно «армейские» (я тоже это хорошо помню) традиционно в советских вузах были источником пополнения рядов партторгов, комсоргов, руководителей летних стройотрядов, «следили за порядком и моральным обликом остальных студентов» (Интервью 2020).

Лариса была второкурсницей, когда состоялся знаменитый «процесс Синявского и Даниэля», который для нее «подвёл черту в общей картине мира. Оценка собственной страны, ее прошлого и ее будущего с тех пор только уточнялись и дополнялись, но по существу мало менялись» (Интервью 2020). Сюжет о первом непосредственном соприкосновении с миром диссидентства эмоционально насыщен. Чувствуется, что Лариса Львовна очень лично восприняла его. Она рассказывает об общем собрании, которое вели партторг и комсорг курса, и на котором планировалось «обличить» участников молодежной группы СМОГ («Самое Молодое Общество Гениев») за антисоветские стихи. Ведущие собрания называли их «отщепенцами». Но однокурсники героини, как будущие профессиональные историки, потребовали доступ к «первоисточникам», т. е. к текстам: «Распечатайте тексты, раздайте всем, мы читаем

и потом обсудим. Что тут непонятно? Мы на истфаке МГУ, или где?» (Интервью 2020). К счастью, «или где» победило.

Отдельно отмечу, что Лариса Львовна со студенческих лет работала переводчицей (сначала с немецкого, а потом и английского языков) в разных организациях, что позволяло ей не только решать проблему финансового самообеспечения, но еще и совершенствоваться в языках, заводить интересные знакомства, в том числе в интеллектуальных кругах позднего СССР. Ее переводческая деятельность началась в третьем семестре, в 1965 г.: «Я видела своими глазами то, чего не видел никто из моих более благополучных однокурсников, которым не надо было подрабатывать. В роли переводчицы ты проходишь сквозь все социальные слои и географические регионы общества как нож через кремовый торт. Ты видишь, как это общество устроено. Вольно или невольно, ты становишься свидетелем всех его техник: официальных, неформальных и криминальных» (Интервью 2020).

Базовое образование, полученное на истфаке, Лариса Львовна оценивает высоко: «...у нас на факультете работали великолепные специалисты...» (Интервью 2020). В перечислении упоминает родившихся до революции возрастных академиков А.В. Арциховского, Б.А. Рыбакова, В.М. Хвостова, профессора А.Г. Бокщанина, не преминув при этом отметить, что «они не несли на себе такого яркого отпечатка инаковости, как дореволюционные бабушки из раздевалки в Консерватории» (Интервью 2020). Хорошо отзываясь о более

молодом поколении преподавателей: лекции Н.Е. Застенкера, В.С. Бондарчука, И.В. Григорьевой впоследствии очень помогли ей при написании кандидатской диссертации.

Отдельная история — написание диплома на тему: «Экстремистские тенденции в Веймарской республике» по кафедре Новой и Новейшей истории МГУ. Складывается впечатление, что это был все же травматический опыт общения с научным руководителем. В то время, как М.И. Орлова, участница Великой Отечественной войны, была и осталась ортодоксальным марксистом, ее ученица, имея знания о новейших социальных теориях, уже не считала это для себя возможным. Как это часто бывает в подобных ситуациях, выход, конечно, нашелся. Венгр Д. Далош, учившийся на курс старше, стал «неофициальным консультантом и советником» Ларисы. Благодаря общению и спорам с ним она глубоко погрузилась в западный марксизм XX в. (Э. Бернштейн, К. Каутский, Д. Лукач, Э. Блох, Л. Альтюссер, А. Грамши). После защиты диплома выпускница истфака МГУ в качестве молодого специалиста год отработала в Муроме преподавателем немецкого языка в машиностроительном институте.

Новый этап в жизни Ларисы Львовны начался на философском факультете МГУ, куда она поступила в аспирантуру. Ее научным руководителем стал профессор Д.М. Угринович, социолог–религиовед, который в своих работах неоднократно ссылаясь на М. Вебера. «Три года полного взаимопонимания и постоянного диалога, поддержка и взаимное уважение...»

(Интервью 2020), — так она вспоминает аспирантский период своей жизни, в рамках которого слушала лекции А.С. Богомолова, В.Ф. Асмуса, В.В. Соколова, П.П. Гайдено, чуть позже — М.К. Мамардашвили и С.С. Аверинцева.

Характеризуя атмосферу на философском факультете, Л.Л. Бельцер-Лисюткина отмечает, что «идеологическая дисциплина здесь была строже, чем на «хипстерском» истфаке». Водораздел проходил «между молодыми, критически мыслящими преподавателями и коррумпированными старыми сталинистами» (Интервью 2020). Кроме того, не обошли факультет стороной перипетии борьбы с неортодоксальными социологами, в ходе которой сначала был лишен профессорского звания, а затем уволен заведующий сектором Института конкретных социальных исследований (ИКСИ) Ю.А. Левада. Мимо внимательного взгляда аспирантки не прошел процесс раздвоения научных авторитетов на официальные и неформальные.

Отдав дань родной кафедре под руководством проф. М.П. Новикова, на которой «была нормальная творческая обстановка», а заведующий «ценил людей со способностями и с заинтересованностью работой» (Интервью 2020), Лариса Львовна признается, что центром ее эмоциональной и интеллектуальной жизни был не университет, а довольно широкий круг мыслящих самодостаточных людей, который принял ее и который стал ей родным.

Защита кандидатской диссертации «Социология религии Макса Вебе-

ра» (1975), конечно, не обошлась без курьеза, о котором Л.Л. Бельцер-Лисюткина рассказывает с присущим ей юмором: один из членов диссовета преклонного возраста и непреклонных ортодоксальных взглядов, бдящий за идейной чистотой в общественных науках, но с плохим слухом, был крайне возмущен тем, что соискательница назвала Макса Вебера «Марксом буржуазии», всего лишь процитировав западных социологов.

Воспоминания Л.Л. Бельцер-Лисюткиной, которыми она щедро делится в своем интервью Б.З. Докторову, парадоксальны, драматичны, полны скрытых смыслов. Одна из их реперных точек — это часть, посвященная Институту международного рабочего движения (ИМРД) АН СССР. Казалось бы, уже само название данной академической институции должно вызвать скуку и зевоту. По крайней мере, моему поколению хорошо известно, какое место проблематика международного рабочего движения занимала в учебных курсах истфаков нашей страны. В учебниках по Новой и Новейшей истории стран Запада скрупулезно перечислялись руководители самых скромных по численности и масштабам влияния «политических партий пролетариата», при этом об иных лидерах «буржуазных партий» даже не вспоминали. И это было так комично. Но вот ведь какой парадокс: как оказывается, не все то, что ИМРД, про «международное рабочее движение». Лариса не скупится на характеристики: «гнездо диссидентов и реформаторов», «демократичный, вольнодумный», «больше чем место работы. Это была субкультура,

интеллектуальный клуб, объединение единомышленников, коллективное тело. Телемская обитель позднего социализма». ИМРД называли «Институтом Т.Т. Тимофеева». Он стал «крупнейшим в СССР центром изучения зарубежной общественной мысли». Основатель и бессменный руководитель ИМРД, сын Генерального секретаря Компартии США Ю. Денниса, Т.Т. Тимофеев, на страницах интервью — это «человек-живчик», «с огромным темпераментом и эмоциональным обаянием», который «чётко проводил в жизнь свою волю, но при этом оставлял небывалый для того времени простор для личностной реализации своих сотрудников, многие из которых были настоящими ревизионистами и диссидентами» (Интервью 2020). Я и прежде знала, что в ИМРД, под крылом Т.Т. Тимофеева собралась удивительная команда профессионалов, не отягченных бременем внешнего контроля со стороны начальства, а благодаря погружению в траектории жизни своей героини узнала, что одной из этих внутренне свободных людей в несвободной стране была Л.Л. Бельцер-Лисюткина.

Читая интервью, живо представляешь себе, как за чаем с пирогами и неспешной беседой начинался присутственный день сотрудников, в непосредственном соседстве со спецхраном, где можно было почитать свежие выпуски «Times», «Newsweek», «Spiegel». Завершался же он очередями в магазинах с пустыми прилавками, как в то же самое время «на Красной площади одного за других отгружали с траурных лафетов властных покойников» (Интервью 2020).

В штате института в разное время работали М.К. Мамардашвили, Ю.Ф. Карякин, П.П. Гайденок, Э.Ю. Соловьев, У.Г. Дилигенский, К.Г. Мяло, И.К. Пантин, М.В. Баглай, А.А. Галкин, В.Я. Вульф, Л.П. Делюсин, В.Г. Гельбрас, А.И. Бельчук, Б.И. Коваль, С.И. Великовский, Л.А. Гордон, Ю.Н. Давыдов — «типичные «шестидесятники» — не диссиденты, но, несомненно, мыслители «встроенной» интеллектуальной оппозиции или, во всяком случае, круг интеллектуалов, в котором она вызревала». Лариса Львовна называет своих коллег интересными «экзотами без каких бы то ни было властных амбиций» и добавляет: «В ИМРД жизнь и работа не противостояли друг другу. Мои коллеги были моими друзьями, личное и публичное совпадали почти полностью. Характер и содержание труда в Институте были таковы, что я не могла считать их чем-то отличным от моей экзистенциальной, внутренней, эмоциональной жизни». И по ходу оброненное, но очень важное для понимания той внутренней атмосферы, которая царила в ИМРД: «О том, как можно жить в согласии с собой и окружающим миром, мы постоянно думали и обсуждали в своём кругу» (Интервью 2020). Вот вам в чистом виде пример эмоционального сообщества (emotional community) по Б. Розенвейн — группы людей, объединённых общими эмоциональными нормами и стилями выражения эмоций (Пламтер 2018: 506).

Сравнивая МГУ и ИМРД, Лариса Львовна отмечает: «В МГУ люди такого типа как в ИМРД мне не встречались. Там всё было проще и жёстче. Конечно, и там было мно-

го людей-нонконформистов, творческих и абсолютно порядочных. Но в общей атмосфере МГУ не было такой раскованности, свободы и элегантности, как в ИМРД. В Академии нравы были вообще намного либеральнее, чем в системе высшего образования». ИМРД был «совершенно уникальным локусом относительной свободы внутри оруэлловской дистопии позднего социализма» (Интервью 2020).

Не менее эмоционально в интервью рассказывается о другой части Академии — такой научной институции, как ИНИОН. Отдел научного коммунизма под руководством Я.М. Бергера характеризуется следующим образом: «Ничего более антикоммунистического...я не встречала. Там работали блестящие гуманитарии, мыслители и теоретики самого высокого класса. Все они имели прекрасное образование, знали языки и сами выступали как авторы оригинальных идей и гипотез» (Интервью 2020).

На протяжении всего интервью периодически возвращаясь к теме близких ей по духу людей, Л.Л. Бельцер-Лисюткина о каждом пишет с большой любовью и признательностью. Имена многих из них и сегодня на слуху. В их числе: И. Ф. Рековская и ее муж — известный русский поэт, прозаик и переводчик А.В. Эйснер; Л.Ф. Вольфсон и Л.Б. Волков, который в 1990-х гг. был народным депутатом и одним из разработчиков новой конституции РФ; М.Я. Гефтер и его жена Р.С. Горелик; литературовед А.И. Рейтблат; близкие подруги — подруга кропоткинского детства Светлана Климова, Викто-

рия Чаликова, Анна Черняева, Серафима Слуцкер-Васильева, Ирина Каменская; семья кинорежиссёров Рошалей, скандально известный художник-концептуалист, участник бульдозерной выставки М.Г. Рошаль-Фёдоров (прославившийся своими инсталляциями «Железный занавес», «Коммуникативная труба», «Тише, идёт эксперимент. Высиживайте яйца», «Забег в сторону Иерусалима», «24 узелка на память», «Качайте красный насос!» «Оплодотворение земли», «Art against Real Tetter»), с дочерью которого, Соней Рошаль-Фёдоровой, Лариса Львовна дружит по сей день.

Много теплых строк в интервью Л.Л. Бельцер-Лисюткиной посвящено И.М. Савельевой — сначала однокурснице, потом коллеге по работе в ИМРД и пожизненной подруге. Очень откровенно она пишет о «полярно противоположном бэкграунде» девочки из семьи профессоров Рижского университета, с которой ее свела судьба и у которой она многому научилась: «...всё, что делала Ира, вызывало у меня страстный интерес. Она всегда была на самой передней линии научного знания...» (Интервью 2020). Личной трагедией для Ларисы Львовны (она подробно об этом пишет) стал уход из жизни в 2010 г. супруга и постоянного соавтора И.М. Савельевой, одного создателей ИГИТИ А.В. Полетаева.

Жизнь моей героини внутри и вне Академии — это роман приключений с лихо закрученным сюжетом. Нельзя не вспомнить реальную историю, происшедшую во второй половине 1970-х гг. Секретарь ЦК КПСС И.В. Капитонов по ошибке пригласил

сил в СССР двух гей-активистов из ФРГ, приняв их за представителей левого молодежного движения из Западного Берлина. Через много лет эта история оказалась на слуху благодаря Ларисе Львовне, которой было поручено работать переводчицей с гостями. Об этой истории стали писать и говорить. Через пару рукопожатий она дошла до продюсера А.Е. Роднянского, а в 2020 г. он рассказал о работе над сериалом «Красная радуга» по мотивам этой истории, которую сама Л.Л. Бельцер-Лисюткина в своем интервью телеканалу «OstWest», вышедшем 2 января 2022 г., назовет «комедией положений» (Лариса Бельцер-Лисюткина 2022).

Или, например, еще одна совершенно невероятная история, приключившаяся в позднем СССР с романом Дж. Оруэлла «1984». Лариса Львовна неоднократно пересказывала ее на разных площадках, в том числе на страницах журнала «Новое время». В начале 1980-х гг. роман Дж. Оруэлла был переведен на русский язык и издан ограниченным тиражом в несколько сот экземпляров «для служебного пользования», т.е. для ограниченного круга лиц. Лариса Львовна и ее подруга, как сотрудницы академического института в системе АН СССР, получили задание подготовить обзор зарубежной прессы на предмет высказываний по поводу приближающегося 1984 г. На каком-то этапе работы им потребовался текст романа. Один экземпляр романа из изданной ограниченным тиражом серии оказался у друзей. «Беспардонно украденная у большого советского начальника» книга «пошла по рукам» и, как водится,

потерялась. Это был шок. Далее был разработан план восстановления экземпляра книги, идентичного утерянному, чтобы незаметно вернуть ее владельцу, своего рода «операция Гутенберг», в которой оказались задействованы не менее десятка человек, включая друга-художника, мужа подруги, подругу друга-актера, работавшую на секретном копировальном аппарате в КГБ на Лубянке, и т.д. К моменту возвращения «идентичного» экземпляра книги на книжную полку в сановном доме многие ее самиздатовские копии «пошли в народ» (Лисюткина: 1991).

В разное время судьба сводила Л.Л. Бельцер-Лисюткину со знаковыми фигурами тогдашнего интеллектуального ландшафта не только страны, но и мира. В их числе писатель, литературовед В.Б. Шкловский (1893–1984), в гостях у которого она оказалась совершенно неожиданно для себя благодаря одному своему немецкому другу. Это Э. Тоффлер (1928–2016), с которым Лариса Львовна работала переводчицей на инициированном Ч.Т. Айтматовым международном неправительственном Иссык-Кульском форуме интеллектуалов 1986 г. Это легендарный радиоведущий Сева Новгородцев (род. 1940), с которым она работала в лондонской редакции русской службы Би-би-си (BBC Russian Service).

Самые признанные слова в воспоминаниях Ларисы Львовны посвящены А.В. Эйснеру (1905–1984) и А.С. Черняеву (1921–2017). «...Самой большой символической утратой» стала смерть А.В. Эйснера, который характеризуется как неве-

роятный человек, окутанный и овеянный «всеми (анти)советскими мифами: одно рукопожатие до Марины Цветаевой и Сергея Эфрона, серебряный век, революция, прерванная культурная преемственность, эмиграция, поэтический талант, дружба или знакомство со всеми исторически значимыми людьми того времени, возвращение, арест... Прекрасная, трагическая, почти божественная фигура» (Интервью 2020).

Один из нравственных эталонов в символической вселенной Ларисы Львовны — А. С. Черняев, помощник М. С. Горбачева по международным делам: «Человек-миф. Или человек-Бог. Он находился одновременно и на самых заоблачных вершинах советской власти, и — для меня лично — на вершине нравственного и человеческого эталона, если представить себе нравственный эталон в виде пирамиды. Это сочетание было непостижимым парадоксом» (Интервью 2020).

С 1990 г. Лариса Львовна живет и работает за рубежом. Сначала это была годовая стипендия от фонда Аденауэра в Кёльне, потом двухлетний контракт в Лондоне, потом ещё два года в университетах в Айхштетте и в Мюнстере. В конечном итоге, Л. Л. Бельцер-Лисюткина получила постоянный вид на жительство и спустя несколько лет немецкое гражданство, она поселилась в Берлине и много лет являлась преподавателем Свободного университета.

История Ларисы Львовны Бельцер-Лисюткиной — это история про талант быть душой «эмоциональных сообществ». Конечно, траектория

жизни — удивительная. Девочка из провинциального южного городка без всякой протекции поступает в главный советский вуз. К моменту поступления она уже хорошо говорит по-немецки, что еще одно удивление. К этому времени позади годы военного и послевоенного полуголодного детства, когда девочка, жившая даже не с мамой и папой, а с бабушкой, выжила и сумела вытащить себя за волосы из драматических обстоятельств своих детства и юности.

Через всю свою жизнь моя героиня несет радостное любование бытием и умение удивляться. Уже много позже, читая ее посты, публикации в прессе, просматривая видеоролики с ее участием, я поняла, что она из той, крайне редко встречающейся когорты людей, которые с годами не утратили умения удивляться окружающему миру и не дали ему вогнать себя в какую бы то ни было депрессию. А еще она — вечный борец за справедливость и защитник гонимых и преследуемых, идет ли речь о друзьях, коллегах, диссидентах, геях или ком-то еще.

Мы как-то привыкли, что люди в СССР жили с оглядкой, в постоянном внутреннем страхе, что эта эмоция была едва ли не доминирующей. А моя героиня — это яркий пример, опрокидывающий привычный взгляд. Она в буквальном смысле жила в радости. При этом речь идет не о радости незнания или нежелания знать, как все устроено в обществе, в котором довелось жить. Это история не про «жить стало лучше, жить стало веселее», а про умение находить островки свободы, окружать ими себя, создавая, таким образом,

приемлемое для жизни пространство, в котором можно чувствовать себя вольно и радостно.

Мы переживаем сейчас нелегкие времена. Поменялось все: привычный уклад жизни, круг друзей и знакомых, локация, внутрисемейные отношения, профессиональная деятельность. В этом стремительном водовороте, когда ничего не предопределено, а будущее настолько туманно, что его может просто не быть, невольно хочется найти какую-то точку опоры, чтобы не поддаться отчаянию, сохранить свою субъективность, пусть даже ее базовые установки идут вразрез с мнением большинства. И тогда обращение к памяти и эмоциональному опыту тех, кто смог перемочь плохое в персональной судьбе, кто не сломался и не поддался, становится тем спасительным якорем, который держит нас на плаву. Л.Л. Бельцер-Лисюткина, безусловно, якорь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вильчек 2004 — *Вильчек В.М.* Алгоритмы истории. М.: Аспект Пресс, 2004. 224 с.

Всеволод Вильчек 2007 — *Всеволод Вильчек.* Послесловие. Воспоминания, статьи, стихи. М.: Олма Медиа Групп, 2007. С.261–264.

Деломо 2003 — *Деломо Ж.* Грех и страх: формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII-XVIII века): пер. с фр. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. 750 с.

Докторов 2011–2020 — *Докторов Б.* Биографические интервью с коллегами-социологами. Научное сетевое пополняемое издание. 2011–2020. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=3072 (дата обращения: 23.11.2022)

Интервью 2015 — *Интервью с Ириной Максимовной Савельевой* «В последние десять лет Андрей в значительной степени ощущал себя социологом» // Докторов Б. Биографические интервью с коллегами-социологами. Научное сетевое пополняемое издание. 2011–2020. URL: https://www.isras.ru/files/File/doctorov/2015/poletaev_saveleva.pdf (дата обращения: 23.11.2022)

Интервью 2020 — *Интервью с Ларисой Львовной Бельцер-Лисюткиной* «Человек человеку прежде всего собеседник. Или нет...» // Докторов Б. Биографические интервью с коллегами-социологами. Научное сетевое пополняемое издание. 2011–2020. URL: <https://www.isras.ru/files/File/doctorov/2020/beltser.pdf> (дата обращения: 23.11.2022)

Лариса Бельцер-Лисюткина 2022 — *Лариса Бельцер-Лисюткина*: как немецкие ЛГБТ-активисты оказались в СССР // Телеканал OstWest. Берлинские окна. 2022. 2 января. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IU1GMPNSasM&t=117s> (дата обращения: 23.11.2022)

Лисюткина 1991 — *Лисюткина Л.* Как Оруэлл пошел в народ, или «Операция Гутенберг» // Новое время. 1991. № 20. С.46–47. URL: https://litvek.com/b.usr/zhurnal_Novoe_vremya_Novoe_vremya_1991_N20_may.pdf?ysclid=l7w595e7x2478828902 (дата обращения: 23.11.2022)

Плампер 2010 — *Плампер Я.* Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций: сб. ст. / под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С.11–36.

Плампер 2018 — *Плампер Я.* История эмоций: пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 568 с.

После Сталина 2018 — *После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985): сб. ст. / под ред. А. Пинского.* СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2018. 454 с.

Социолог Лариса Бельцер 2017 — Социолог Лариса Бельцер о #metoo // Телеканал OstWest. Берлинские окна. 2017. 6 декабря. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wHRZMYlyNOk&t=69s> (дата обращения: 23.11.2022)

Февр 1991 — Февр Л. Гигантский лживый слух: Великий страх июля 1789 года // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 414–421.

Хут 2009 — Хут Л.Р. Алгоритмы Вильчека, или Российский интеллект в эпоху перемен // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 28. М.: КРАСАНД, 2009. С. 148–165

VioGraphie Larissa Belzer 2019 — VioGraphie Larissa Belzer // Filmische Biographie. 2019. 6 ноября. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hICqIGlwB-Jg> (дата обращения: 23.11.2022)

REFERENCES

Vil'chek V.M. *Algoritmy istorii*. М.: Aspekt Press, 2004. 224 s.

Vsevolod Vil'chek. *Posleslovie. Vospominaniya, stat'i, stihy*. М.: Olma Media Grupp, 2007. S.261–264.

Delyumo ZH. *Grekh i strah: formirovanie chustva viny v civilizacii Zapada (HIII-HVIII veka)*: per. s fr. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2003. 750 s.

Doktorov B. *Biograficheskie interv'yu s kollegami-sociologami. Nauchnoe setevoe popolnyaemoe izdanie. 2011–2020*. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=3072 (дата обращения: 23.11.2022)

Interv'yu s Irinoj Maksimovnoj Savel'evoj «V poslednie desyat' let Andrej v znachitel'noj stepeni oshchushchal sebya sociologom» // Doktorov B. *Biograficheskie interv'yu s kollegami-sociologami. Nauchnoe setevoe popolnyaemoe izdanie. 2011–2020*. URL: https://www.isras.ru/files/File/doktorov/2015/poletaev_saveleva.pdf (дата обращения: 23.11.2022)

Interv'yu s Larisoj L'vovnoj Bel'cer–Lisyutkinoy «Chelovek cheloveku prezhde

vsego sobesednik. Ili net...» // Doktorov B. *Biograficheskie interv'yu s kollegami-sociologami. Nauchnoe setevoe popolnyaemoe izdanie. 2011–2020*. URL: <https://www.isras.ru/files/File/doktorov/2020/beltser.pdf> (дата обращения: 23.11.2022)

Larisa Bel'cer–Lisyutkina: kak ne-meckie LGBT-aktivisty okazalis' v SSSR // *Telekanal OstWest. Berlinskie okna. 2022. 2 yanvarya*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IU1GMPNSasM&t=117s> (дата обращения: 23.11.2022)

Lisyutkina L. Kak Oruell poshel v narod, ili «Operaciya Gutenberg» // *Novoe vremya. 1991. № 20*. S.46–47. URL: https://litvek.com/b.usr/zhurnal_Novoe_vremya_Novoe_vremya_1991_N20_may.pdf?ysclid=l-7w595e7x2478828902 (дата обращения: 23.11.2022)

Plamper YA. Emocii v russkoj istorii // *Rossijskaya im-periya chuvstv: Podhody k kul'turnoj istorii emocij: sb. st. / pod red. YA. Plampera, SH. SHahadat i M. Eli. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. S.11–36*.

Plamper YA. *Istoriya emocij*: per. s angl. M.: Novoe literaturnoe obozreniya, 2018. 568 s.

Posle Stalina: pozdnesovetskaya sub"ektivnost' (1953–1985): sb. st. / pod red. A. Pinskiy. SPb. : Izd-vo Evropejskogo un-ta v SPb., 2018. 454 s.

Sociolog Larisa Bel'cer o #metoo // *Telekanal OstWest. Berlinskie okna. 2017. 6 dekabrja*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wHRZMYlyNOk&t=69s> (дата обращения: 23.11.2022)

Fevr L. Gigantskij lzhivyy sluh: Velikij strah iyulya 1789 goda // Fevr L. *Boi za istoriyu*. М.: Nauka, 1991. S. 414–421.

Hut L.R. Algoritmy Vil'cheka, ili Rossijskij intellektual v epohu peremen // *Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. Vyp. 28*. М.: KRASAND, 2009. S. 148–165

VioGraphie Larissa Belzer // *Filmische Biographie. 2019. 6 noyabrja*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hICqIGlwB-Jg> (дата обращения: 23.11.2022)

НАСКОЛЬКО УМЕСТНА КРИТИКА «НОВОЙ ЭТИКИ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?

Интервью Т. В. Левиной с М. Ю. Немцевым

Главной темой интервью является принципиальная возможность применять понятие «новая этика» к публичной сфере в современной России. Само понятие «новая этика» спорно, поскольку ему недостаёт содержательного определения. Это понятие вместе с понятием «культура отмены» (cancel culture) используется в России консервативной критикой, очень востребованной в условиях современного идеологического процесса. Их нужно воспринимать в первую очередь не как понятия философской критики современной культуры, но как элементы идеологического языка.

Ключевые слова: «культура отмены», «новая этика», толерантность, консерватизм, консервативный поворот России

Сведения об авторах:

Михаил Юрьевич Немцев — кандидат философских наук, магистр гендерных исследований. Занимается политической философией, критической теорией, интеллектуальной историей советского и постсоветского общества, общими проблемами современного гуманитарного образования. Работал в различных вузах России и Армении. Колумнист сайта «Радио Свобода». Автор книги философских очерков «Ясность и радость» (М., 2018).

Contact information: nemtsev.m@gmail.com

Татьяна Владимировна Левина — канд. филос. наук, научный сотрудник программы Академия в изгнании, Институт перспективных исследований в гуманитарных науках (Эссен, Германия). В Институте перспективных исследований продолжает свой исследовательский проект о женщинах-философах в Советском Союзе в контексте феминистской метафизики и эпистемологии. Недавно в сборнике “Stalin Era Intellectuals: Culture and Stalinism” (2022) вышла ее глава о Софье Яновской. Она готовит рукопись книги под названием “Абстрактная революция: платонизм в эпоху авангарда” для публикации.

DOES CRITICISM OF THE “NEW ETHICS” WORK IN CONTEMPORARY RUSSIA?

Interview of M. Yu. Nemtsev by T. V. Levina

In the the interview, principal possibility of applying the concept of “new ethics” to the public sphere in modern Russia is scrutinized. The very concept of “new ethics” is controversial because it hardly has a meaningful definition. This concept, along with the concept of “kul’tura otmeny” (“cancel culture”), is used in Russia by conservative criticism, which is in high demanded by the ongoing ideological process. These concepts should be understood primarily not as concepts of philosophical criticism of modern culture, but rather as elements of ideological language of ideological contradiction.

Key words: “cancel culture”, conservatism, conservative turn in Russia, “new ethics”, tolerance,

About the authors:

Mikhail Yuryevich Nemtsev — Ph.D. in Philosophy, Master of Gender Studies. The subject of his researches is political philosophy, critical theory, intellectual history of the Soviet and post-Soviet society, general problems of modern humanitarian education. He worked in various universities in Russia and Armenia. Columnist for the Radio Liberty website. Author of the book of philosophical essays “Clarity and Joy” (Moscow, 2018).

Contact information: nemtsev.m@gmail.com

Levina Tatyana Vladimirovna — Ph.D. in Philosophy, research fellow, Academy in Exile Programme, Institute for Advanced Studies in the Humanities (Essen, Germany), where she continues her research project on women philosophers in the Soviet Union in the context of feminist metaphysics and epistemology. Recently, in the collection “Stalin Era Intellectuals: Culture and Stalinism” (2022), her chapter about Sofia Yanovskaya was published. She is preparing the manuscript for a book titled “Abstract Revolution: Platonism in the Age of the Avant-Garde” for publication.

Т.Л.: С моей точки зрения, «новая этика» — это термин, который придуман российскими консерваторами, чтобы осуждать новые общественные течения. Поэтому феминизм для меня как феминистки — это не “новая этика”. Ещё пример: woke culture — термин, появившийся в среде афроамериканцев, но консерваторы придали ему пейоративное значение. А как считаешь ты — в чем новизна «новой этики»?

в публичной сфере: сдвинулась массово приемлемая норма терпимости. Можно назвать это событие «дискурсивным». Другое событие произошло в сфере общественных инфраструктур — возник мир децентрализованных глобальных медиа, где очень быстро возникают информационные волны и контролировать их распространение невозможно. Зато они создают удобную основу для спонтанной со-организации массы активистов.

М.Н.: Вероятно, «новизну» можно видеть в том, что в качестве «новой» воспринимается общественная ситуация, возникшая благодаря совмещению двух событий. Одно из них произошло

Под «приемлемой нормой терпимости» я имею в виду «серую зону» поведения социально не одобряемого, но всё же возможного — при определённых обстоятельствах (и поэтому

«толеруемого», по выражению философа Артемия Магуна (Магун 2022). Принципиально важно, кто и каким образом определяет эти обстоятельства, а с ними границы приемлемого. Поскольку прописать точные правила поведения на все возможные случаи невозможно, межличностная коммуникация всегда предполагает зависимость от контекста, и соответствующую способности людей менять своё поведение в зависимости от конкретных обстоятельств. Так возникает «серая зона», в которой одно и то же высказывание или действие могут быть по-разному истолкованы, то есть наделены разным социальным смыслом. Один и тот же жест может оказаться жестом дружеской поддержки, либо попыткой домогательства, либо утверждением покровительства и так далее. Одна и та же шутка — проявлением свободомыслия или же аморальности.

Исторически те, у кого есть власть, на кого работает структурное неравенство, может пользоваться этой «серой зоной» недоопределённости, чтобы навязывать свои правила поведения в этой «серой зоне». Это относится не только к часто обсуждаемым домогательствам (харассменту). Но ещё и, например, к столь характерному для российской организационной культуры «начальственному юмору».

В последние годы наконец и в России началось публичное обсуждение того факта, что существованием этой коммуникативной «серой зоны» даёт преимущества тем, у кого есть формальная и неформальная власть. И что злоупотребление этой властью должно быть как-то выявлено, пресе-

чено. Короче говоря, «хватит это терпеть!». Началось это с обсуждения сексуальных злоупотреблений властью, но понятно, что только к ним проблема границы «толеруемого» не сводится. Поскольку такие публичные дискуссии инициированы теми, в отношении кого этой властью злоупотребляли и злоупотребляют, эти дискуссии вполне ожидаемо вызывают беспокойство у тех, кого устраивает status quo. Они указывают на опасность увлечения морализмом и разоблачениями. Говорят, что не следует сдвигать границу того, что можно и что нельзя — ведь это сулит свои опасности. В частности, переопределение границ частного и публичного, где сформируются новые «серые зоны» недоопределённости, и так далее. В этих предупреждениях есть свой резон, кстати, я бы от них так просто не отмахивался бы.

При этом и «новая этика», и предшествовавшее ей движение #metoo, а также VLM используют возможности новой медиасреды. Это исторически уникальная, новая универсальная инфраструктура для всех таких движений, какими мы их знаем. Без неё они, если бы и возникли, были бы какими-то иными. Эта новизна и состоит в сочетании появления исторически новой инфраструктуры с ещё одной новой (хотя исторически как раз не уникальной) волной кампаний, направленных на переопределение границ приемлемого («толеруемого»).

Т. Л.: Есть ли cancel culture в России? Кого «кенселят» и что в итоге?

М. Н.: Это понятие само по себе более чем сомнительно. Тем более вряд

ли можно одобрить его использование по отношению к современной России. Оно предполагает, как я понимаю, некоторый уровень публичности, необходимый, чтобы различные объединения, коалиции не только возникали и действовали вместе, но и могли публично провозгласить, что и зачем они делают. Например, подвергают кого-то остракизму, или подвергают что-либо замалчиванию. Это не самоцель, это, прежде всего, метод политического высказывания. Новые медиа стали прекрасной средой для координации таких действий, поскольку они подразумевают массовое участие. «Публичность» — ключевое слово для понимания того, как работает «cancel culture».

В России такие коалиции имеют непубличный характер. Значит, их совместные действия по уничтожению кого-либо или чего-либо происходят негласно. Каким-то неведомым образом, возможно — по телефонному звонку, отменяются концерты артистов, где-то почему-то кем-то (и вряд ли можно точно выяснить, почему именно и кем именно) признанных политически нежелательными. Это очень далеко от «западной» «cancel culture», даже если иметь в виду ту карикатуру, которую рисуют разнообразными консервативными масс-медиа. Мощь этих практик замалчивания или изоляции в России намного превосходит возможности любых активистских компаний по «кенселингу» кого-нибудь. Российские критики «cancel culture» воображают, что таким же образом она работает и там, «откуда она родом». в странах с развитой публичной сферой. Но именно развитую публичную сферу как ключевой фактор

cancel culture» они и не учитывают. А ведь только там, где существует публичная репутация, там «отмена» может быть инструментом публичной политической борьбы.

Т. Л.: Но вот консерваторы пишут про Джоан Роулинг, например, и её выпады против трансперсон. Пишут о том, что уровень аффекта беспрецедентен. Роулинг отменяют как авторку фильма, разрывают с ней контракты. Было ли что-то подобное в России — ведь не просто так консерваторы боялись?

М. Н.: Случай с Джоан Роулинг действительно очень показательный и очень непростой для академического анализа. Думаю, что в России вряд ли что-то подобное происходит или может происходить сейчас.

Т. Л.: А если перефразировать так: именно Российское государство «кенселит» несогласных (или этот термин допустимо применять только в плане гражданского общества?)

М. Н.: Согласен, что дела обстоят именно так. Однако «кенселит» не «государство» вообще, а всегда какие-то определённые, хотя не всегда так уж легко определяемые группировки. Если группа чиновников использует возможности гос. аппарата, чтобы прекратить, например, концертную деятельность какой-то группы, чей лидер сказал что-то, что им не по вкусу, значит, эти люди попросту злоупотребляют полномочиями. Считать именно их «государством» — это онтологическая ошибка. Слишком много чести для них.

Т. Л.: Как решить проблему недо-репрезентированных без “новой этики”?

М. Н.: Публичная «репрезентация» — это (всегда неустойчивый) результат конкретной политической борьбы. Борьба за репрезентацию и за лишение (кого-то) репрезентации — это вообще один из основных сюжетов политической борьбы как таковой. Соответственно, какие-либо решения здесь достигаются всегда в результате нее. Политическая и публичная репрезентация одних групп замещает политическую репрезентацию других. Это происходит постоянно, и эта борьба отображается в медиа. Интересно подумать, за счёт кого именно хотелось бы решить проблему недорепрезентированных тем, кто стремится её решить? Ответ «ни за счёт кого» откровенно отсылает к утопии всеобщей представленности всех всем. Я даже не могу себе представить, как выглядела бы публичная сфера, будь достигнуто такое утопическое состояние. Ведь это — идиллия, состояние окончательного прекращения всех противоречий — а с ними, значит, и политики как таковой.

Т. Л.: Тоталитарна ли “новая этика”? США: Вайнштейн как “козел отпущения”

М. Н.: «Новой этики» не существует. Ибо в чём она состоит? В том, что снизилась терпимость к тому, что и раньше было нельзя, но вроде как можно, а теперь стало совсем нельзя? Этика имеет дело с нормами. Какие новые нормы предписывает «новая этика»? Приведу личный пример. Когда я учился, а потом преподавал

в Новосибирске, я уже почему-то твёрдо знал, что романтические отношения преподавателей и студентов невозможны. И что если я, молодой преподаватель, себе что-то такое позволю, то мои же коллеги, ну... настолько это не одобрят, что лучше даже не рисковать. Потом я, по стечению обстоятельств, переехал в Москву. И через некоторое время обнаружил, что, оказывается, проблема, которую я полагал давно и однозначно решённой, вызывает живейшие обсуждения, с множеством разнообразных примеров и аргументов с той и другой стороны. Ну а я не вижу чего-либо особенно «нового» в этих «новых» моральных нормах.

Что касается Харви Вайнштейна, то он не «козёл отпущения». Он общественно опасный уголовник. В 2018 году я провел интервью с американским специалистом по масс-медиа и character assassination (не знаю, как перевести название этого явления на русский) Сергеем Самойленко (*Немцев, Самойленко 2018*). Поскольку, тогда как раз широко обсуждался этот случай с иском против Вайнштейна, я спросил его об этом случае тоже. Теперь цитирую это интервью:

«— Как-то весь мир с азартом наблюдал за устранением из публичного поля влиятельного голливудского менеджера. Эта кампания получила название «Вайнштейнгейт». На ваш взгляд, это была скоординированная кампания или спонтанный всплеск возмущения?»

— Ни то, ни другое. Харви Вайнштейн сам явился социальным инженером этой кампании в том смыс-

ле, что она была спровоцирована им самим в момент, когда он совершал те действия, которые, как он не мог не понимать, в один прекрасный момент должны были обернуться против него. Или тот же Кевин Спейси. Один американский политтехнолог задал мне вопрос: почему именно сейчас? Почему за одну ночь эти люди превратились в ничто, их репутации обратились в прах?...

Важен социальный капитал. Когда ты даешь возможность самостоятельного развития людям, которых ты прежде обидел, в один прекрасный момент они достигнут твоего уровня, либо статуса, который позволит им соперничать с тобой. Плюс в какой-то момент количество женщин, обиженных Вайнштейном в течение многих лет, достигло критической массы.

— **Почему эта кампания оказалась такой успешной? Почему слова одной женщины переросли в информационный шквал?**

— Потому что это не просто «одна женщина», а женщина со статусом Анджелины Джоли. Причём таких женщин несколько. Когда другие женщины увидели продемонстрированный ими пример, последовал эффект домино или карточного домика, который распался сам собой. Падает одна карта и влечёт за собой развал целого домика.

— **Что вы называете «эффектом домино» применительно к публичной сфере?**

— Эффект домино возникает, когда один большой кейс порождает микропроекции более мелких кейсов.

Все остальные жертвы обвинений в сексуальных домогательствах были мельче по социальному калибру, чем Харви Вайнштейн. Когда сваливают одного дракона — все остальные дракончики падают сами собой, потому что обвинять их уже не так страшно, как одного большого дракона, который еще вчера казался самым могущественным."

Т. Л.: Что от компании Black Lives Matter релевантно для России? Не только африканцы среди русских, но таджики и узбеки, например? Можно ли приложить ВЛМ к ситуации с разноязычием (миноритарными языками) в России?

М. Н.: «ВЛМ» — специфически американское явление. Поэтому его восприятие со стороны, из России, не всегда адекватно (*Немцев 2020*). Называть движения и публичные акции против расовой дискриминации в других странах этой аббревиатурой просто бессмысленно. В России своя история расовой и национальной дискриминации. Она довольно своеобразна, поскольку её сформировала очень своеобразная внутренняя политика СССР. Поэтому в России нужно разрабатывать свой аналитический аппарат и свой публичный политический язык, чтобы о них говорить (пользуясь случаем, хочу обратить внимание на только что вышедший в Москве под редакцией В. Шнирельмана сборник «Современный расизм: идеология и практика» (*Современный расизм 2022*)). Проводить прямые аналогии с США всё-таки не стоит.

Т. Л.: Всегда ли критика новой этики консервативна?

М. Н.: Если считать «консервативной критикой» любую защиту status quo, то не удивительно, что любое новое событие или процесс, которые стали публичными и видимыми, вызывает такую критику. Это «нормально»: в том смысле что вполне ожидаемо. События и процессы, которые воспринимаются как угроза для кого-либо или чего-либо (иначе они и не привлекли бы внимания, не о чем было бы говорить, угроза — первый признак значимости) встречают сопротивление. Те, кому важно защитить status quo, прибегают к консервативным доводам и требованиям. Ведь они защищаются от изменений. Для содержания самой этой критики не имеет значения, действительно ли эти изменения (новации) угрожают кризисом, распадом и т. п., или имеет место что-то вроде моральной паники. Таков элементарный механизм самосохранения культурно-политических систем. Вспомним фильм «Общество мёртвых поэтов».

Т. Л.: Изменилось ли представление о гонениях на свободную мысль с прошлого (2021) года? Как относиться к «новой этике» сейчас?

М. Н.: В России, на фоне общего кризиса, уже можно говорить не просто о гонениях на свободную мысль, но о введении единомыслия. Это единомыслие неизбежно имеет формалистически-обрядовый характер, то есть прежде всего — публичная речь и социальное поведение жителей страны должны соответствовать некоторой предписанной «сверху» норме. Она поддерживается хаотично вводимыми в законодательство запретами. Одним из эффектов то-

альной нормализации в таком случае неизбежно становится исчерпание публичных возможностей выражения какой-либо принципиальной позиции, то есть какого-либо вообще «-мыслия».

А другим эффектом станет превращение в материал для высказывания всего чего угодно, спонтанное переозначивание самых неожиданных предметов и тем. И тогда в качестве проявлений «свободомыслия» начнут распознаваться явления, знаки, высказывания, которые ранее так не воспринимались. Вот так выбор жёлтых и голубых шнурков для кроссовок стал политическим жестом в крупных российских городах в 2022 году.

Насколько далеко процесс этой нормализации зайдёт, сказать сейчас сложно. В контексте нарастающих репрессий дискуссии о морали и её меняющихся нормах превращаются в медийную декорацию. Масса тем и предметов фактически запрещены к обсуждению, а вот моралистические темы — разрешены и востребованы, о них идёт и будет идти речь. Это своеобразное замещение повестки. Причём в нём заинтересованы все: и условно «левые», и условно «правые». Поскольку так можно всё-таки публично проговаривать свою повестку, хотя бы некоторые её темы.

Т. Л.: Дискуссии о новой этике без философии: а где философские теории? Все время говорят о новой этике, но на философию отчего-то не ссылаются. Не время уже для философов?

М. Н.: Не ссылаются те, кому лень. В принципе философская критика

всего «нового» — это традиционный публицистический и философский жанр. Можно сказать, что она стара, как всякий консерватизм. Тут желающие могут набрать ссылок из «классиков и современников». Кому нужны цитаты попопсовей, наберёт их из Феофана Затворника или Александра Дугина. А кто — философски повиртуознее вроде Освальда Шпенглера, или Бориса Межуева, и так далее. Но вопрос, а зачем вообще в подобных рассуждениях нужны ссылки на философские теории? То, что современность в ряде своих проявлений неприятна и приносит проблемы — и так известно. Поэтому в качестве довода достаточно ostentatious указаний на некий факт, чаще всего позаимствованный из новостных лент. Подразумеваемое единство эмоциональных реакций на него оказывается достаточным основанием, чтобы, отталкиваясь от этого факта, развить некое консервативное рассуждение. Благо, что предполагаемая аудитория обычно не требует отточенной аргументации.

В принципе, такие содержательные аргументы есть в работах консервативных критиков культуры. Однако, в современном культурно-политическом контексте России они востребованы очень в малой степени. Это само по себе примечательно. Консервативная, реакционная критика обладает большими интеллектуальными ресурсами, чем даже востребованы.

Т. Л.: Артемий Магун в своих интервью в 2021 году критикует уровень аффекта и массовости, который сопровождает общественные кампании, связанные с «новой этикой»

(Магун 2021). Есть ли какой-то путь «контролирования» этой волны аффекта? Он пишет, что, разделяя феминистские требования, он, при этом, не может не отметить, что своих требований эти кампании так и не достигают, оставаясь в области аффекта.

М. Н.: Я думаю, что речь тут должна идти о двух типах кампаний. Артемий имеет в виду, как мне кажется, в первую очередь характерные для американских кампусов (не только для кампусов, но там для них самые благоприятные условия, там они более всего бросаются в глаза) активистские публичные компании, проводимые небольшими, часто спонтанно возникающими комитетами, представляющими собой быструю реакцию на некий повод. Скажем, такой-то штат готовится провести репрессивную поправку к такому-то закону, и в университетах и колледжах штатов сразу же начинается кампания, она привлекает внимание прессы, и через какое-то время сенаторы говорят: окей, раз вам не нравится, мы не будем. Или даже так: ну тогда мы это пока отложим, — и кампания стихает. Хотя социальная проблема, которую она фактически символизирует, осталась не решённой. Или такой вариант: XYZ что-то не то сказал или сказала, либо написал или написала сомнительный твит, и вот сейчас XYZ приедет с почётной лекцией в колледж. Активисты миглом собираются перед главным корпусом митинговать, чтобы ноги XYZ тут не было. Эти активисты, очевидно, образуют аффективное сообщество. Им не до углублённого анализа сложных социально-политических проблем.

Таким анализом занимаются другие активисты, и они проводят уже другие кампании. Они не дают таких эффектных новостных поводов, потому что предполагают долгую, иногда многолетнюю работу, в которой взаимодействуют те кто проводит социальные исследования, кто занят политическим консультированием и лоббирование, уличными компаниями, просвещением, кампаниями в медиа, и так далее. Там уже дело совсем не в аффекте. Это систематическая профессиональная деятельность. Можно вспомнить о многолетней кампании против семейного насилия в России, или за введение декретного отпуска (maternity leave) в тех же США. Эти кампании иногда действительно достигают своих целей. Но для широкой публики эти достижения как бы «растворяются» в законодательных поправках, изменении каких-то практик и т. д. Решающее значение имеют постепенные изменения. А они иногда фиксируются только статистически. Не удивительно, что на слуху и на виду остаются быстрые шумные компании «первого типа».

Т. Л.: Смотрю на все, что происходит в России сейчас, в конце 2022 года, в «области «новой этики» (возвращаю консерваторам их термин) -- т. е. патриотически-традиционалистские сообщения Президента и его Администрации, придворных философов, готовящиеся законы против пропаганды ЛГБТК+ и так далее. Что мы можем сделать для того, чтобы поддерживать инклюзию, различия людей при этом?

М. Н.: Смотри как определить, кто именно эти «мы». Если речь идёт об

отдельно взятых «критических интеллектуалах», каковыми мы с тобой являемся, объединённых глобальной академией и связями дружбы, то: делать то, о чём ты и сказала, используя возможности какие есть. А именно — поддерживать инклюзию, распространять знания и т. д. Если речь идёт о политических процессах, то есть о таких, где происходит массовое действие, то в них принципиальную роль играют иррациональные факторы — аффекты, прошлый опыт, социальные страхи (как сказано в песне Михаила Шербакова, «зависть к чужому будущему и страх перед тьмой загробной»). И на этой сцене у интеллектуалов с их аргументами и нормативными призывами возможности влияния очень ограничены. Хотя они не нулевые. И нужно сопротивляться ощущению, что они нулевые. Если же «мы» — это некое сообщество, способное к минимальной политической самоорганизации, тогда и возможности, и риски становятся уже другими. Потому что тогда речь идёт о политическом самоопределении, о политической борьбе за ценности и за права других людей.

Вообще, ответственное употребление слова «мы» в политической речи всегда подразумевает предварительное самоопределение, — кто «мы», чего мы хотим на самом деле и зачем. Тогда проясняется и остальное. Скажем, с точки зрения возможного политического проекта, может оказаться, что существование упомянутых «придворных философов» не имеет значения, а значимо другое. Ситуация в России в отношении возможностей действия мрачная, но, как всегда, история не останавливается.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Магун 2021 — *Артеми́й Магун*. Откуда взялась «новая этика»? И насколько она левая и тоталитарная? *Meduza*. 23 февраля 2021, <https://meduza.io/feature/2021/02/23/otkuda-vzyalas-novaya-etika-i-naskolko-ona-levaya-i-totalitarnaya>

Магун 2022 — *Артеми́й Магун*. От триггера к трикстеру. Энциклопедия диалектических наук. Т. 2: Негативность в этике. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2022.—368 с.

Немцев 2020 — *Михаил Немцев*. Загадка золотого гроба, или о пристрастиях «русских белых» // Фонд «Либеральная миссия», 19.06.2020, <https://liberal.ru/povestka/7583>

Немцев, Самойленко 2018 — *Михаил Немцев, Сергей Самойленко*. Атаки, нападки, дискредитация: кто и как убивает репутации // ГЕФТЕР.РУ, 24.04.2018, <http://gefter.ru/archive/24731>

Современный расизм 2022 — Современный расизм: идеология и практика: сбор-

ник научных статей / под ред. В. А. Шнирельмана. Московский экономический институт. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2022

REFERENCES

Artemij Magun. Otkuda vzlyalas' «novaya ehtika»? I naskol'ko ona levaya i totalitarnaya? *Meduza*. 23 fevralya 2021, <https://meduza.io/feature/2021/02/23/otkuda-vzyalas-novaya-etika-i-naskolko-ona-levaya-i-totalitarnaya>

Artemij Magun. Ot triggera k triksteru. *Ehnciklopediya dialektiche-skikh nauk. T. 2: Negativnost' v ehtike*. Moskva: Izd-vo Instituta Gajdara, 2022.—368 s.

Mikhail Nemcev, Sergej Samojlenko. Ataki, napadki, diskreditaciya: kto i kak ubivaet reputacii // *GEFTER.RU*, 24.04.2018, <http://gefter.ru/archive/24731>

Sovremennij rasizm: ideologiya i praktika: sbornik nauchnykh statej / pod red. V.A. Shnirel'mana. Moskovskij ehkonomiceskij insti-tut. Moskva: Izdatel'skO-torgovaya korporaciya «Dashkov i K°», 2022

А. А. Кочекровский

ДИАЛЕКТИКА НЕМОТЫ: ИСТОРИЗМ И. КИРЕЕВСКОГО МЕЖДУ СОЦИАЛЬНОЙ И ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИЕЙ

Статья рассматривает то, каким образом Киреевский использует гегелевский концепт исторической диалектики. Доказывается, что черновики сочинений Киреевского о истории и философии демонстрируют, что несмотря на критику им Гегеля со славянофильских позиций, сам язык этой критики основан на гегелевской терминологии. Это показывает внутренний конфликт славянофильской философии: критикуя трансцендентальную философию, она не может выйти за пределы ее языка.

Ключевые слова: Иван Киреевский, Гегель, история, диалектика, разум, республиканизм, фольклор, органицизм

Сведения об авторе: Кочекровский Александр Александрович, аспирант, Национальный исследовательский институт “Высшая школа экономики”.

Контактная информация: nikkoch1994@gmail.com

A. A. Kochekovsky

DIALECTICS OF DUMBNESS: IVAN KIREEVSKY'S HISTORICISM BETWEEN SOCIAL AND TRANSCENDENTAL PHILOSOPHY

This article considers the way Ivan Kireevsky used Hegel's concept of historical dialectics. The article proves that Kireevsky's draft works on history and philosophy demonstrate that despite Kireevsky criticized Hegel from the slavophilic position, the language of this criticism was based on Hegel's terminology. It identifies an inner conflict in the slavophilic philosophy: it criticizes transcendental philosophy — but has no language different from it.

Key words: Ivan Kireevsky; Hegel; history; dialectics; reason; republicanism; folklore; organicism

© А. А. Кочекровский, 2023

DOI 10.31754/2410-1419-2023-1-266–281

Исследование выполнено в ИФПР СО РАН при финансовой поддержке РФФ, проект № 20-68-46021.

About the author: Kochekovsky Alexander A., PhD-Student, National Research University “Higher School of Economics”

Contact information: nikkoch1994@gmail.com

Изучение славянофилов в качестве круга интеллектуалов часто сталкивается с вопросом, как именно описывать и анализировать связи между разными людьми, входившими в этот круг. Изучение этих связей в свою очередь нередко фокусируется на самой форме выражения публичных дискуссий и на том, как она трансформировала их язык, средства выражения в них мнения и приведения аргументации. Как результат, высказывания и дискуссии славянофилов как интеллектуалов не просто погружаются в контекст, но и объясняются исходя из связи аргументов или акцентов с конкретными обстоятельствами жизни автора. Например, в статье Хьюджеса анализируется влияние на славянофилов их дворянского статуса и габитуса их повседневной жизни — как землевладельцев и строителей хозяйства, интерпретирующих самобытность через свою собственную роль помещиков — то есть, через задачу организации жизни и хозяйства в рамках своего владения (*Hughes 1993: 87*).

Такое наблюдение приводит к тому, что взгляды славянофилов трактуются в том числе и в качестве одного из направлений республиканской мысли (например: *Suslov 2011*). Эта трактовка в случае И. Киреевского имеет и прямые документальные подтверждения, хотя и связанные не с собственными высказываниями автора. Так, с обвинением в симпатиях к республиканизму было связано закрытие на третьем выпуске издававшегося Киреевским журнала

«Европеец». Как отмечает В. Смирнов, такая интерпретация не может считаться адекватной текстам и воззрениям Киреевского, поскольку его увлечение шеллингианской идеей единства связывается именно с тенденциями романтизма, который «в России, как и в Германии, был преимущественно консервативным, исходил из схожих, если не единых философских оснований, но при этом сам был внутренне неоднороден в политическом отношении» (*Смирнов 2021: 18*). Другой же исследователь, польский историк идей А. Валицкий, рассматривая славянофильское направление как общее мировоззрение, в котором подробность и радикальность представлений о переустройстве общества доходила до возможности оценить эти представления как утопии, суммирует интерес Киреевского к истории Российской империи как стремление развить и подкрепить идею коммунитарности — общин, чья внутренняя самоорганизация никак не была связана с централизованной государственной властью:

Основными ячейками социального организма Древней Руси были небольшие общины, основанные на общем землевладении, согласии, общих обычаях, управляемые миром — собранием старейшин, которые решали спорные вопросы в соответствии с освященной традицией, по принципу единодушия [...] Вся русская земля была одной большой общиной, общенародной общностью земли, веры и обычаев (*Валицкий: 183*).

Настойчивое проведение параллелей между если не философией в строгом смысле, то совокупностью проблемных моментов и подходов к ним в среде славянофилов, с одной стороны, и с современной им республиканской мыслью, с другой, требует ответа на один из самых очевидных вопросов: каким образом сопоставлению с республиканизмом не препятствует романтизация славянофилами порядка, в котором фактически ни один член общества, кроме правителя, не обладал свободой, а воля правителя однозначно доминировала над кругом аристократии, чью свободу в данном контексте можно назвать в лучшем случае свободой в негативном смысле — смысле невмешательства? (Скиннер 2006)

В настоящей работе этот вопрос будет рассмотрен с точки зрения проблемы языка в сочинениях славянофилов — и Ивана Киреевского, как того из славянофильских авторов, в чьих сочинениях эта проблема выражается особенно ярко. Обращение к сопоставлению понятийного языка, которым оперировали славянофилы, с проблематикой республиканизма обусловлено в случае Киреевского важной частью республиканской мысли — топосом распада консенсуса на мнение, являющееся выражением эгоизма людей, которые используют возможность речи и разговора не во благо, а во вред, как способ обмануть другого и обрести личную выгоду, и невозможности, априорной безрезультатности аргументированной дискуссии. Этот топос об одновременной важности

слова для социального консенсуса и коварности слова как инструмента, который, позволяя договариваться, одновременно позволяет спекулировать и лгать¹, является важным проблемным узлом той политической философии Нового времени, которая апеллирует в качестве центрального термина не идеей универсальных прав человека и которая, в терминах К. Скиннера, формулирует собственную концепцию свободы — «свободы до либерализма».

В этом контексте и обретает дополнительный смысл то, какой акцент Киреевский делает на литературные и текстовые практики. Цель настоящей статьи — посмотреть на своеобразное смешение интеллектуальных языков в работе Киреевского как на следствие пограничного положения этой работы между пост-кантовским философским контекстом, с одной стороны, и таким контекстом исторического дискурса, в которой тот с одной стороны оказывался наиболее существенной частью рассуждения об обществе, а с другой стороны не мог быть соотнесен с гегельянским взглядом на историю. В рассмотрении этой проблемы акцент будет сделан на сопоставление опубликованных и неопубликованных сочинений Киреевского — а именно, статей, напечатанных в «Европейце», а также опубликованных в вышедшем после смерти автора собрании сочинений, и рукописных отрывков, в которых нередко объединяются сочинения по истории, философии и фактически богословские работы, связанные с духовными поисками Киреевского,

¹ См., например, об истоках этого представления в политической философии Раннего Нового времени: (Pettit 2008).

его интересом как к аскетическим монашеским практикам как своеобразной части философии, так и к повествующей о них форме жития.

Анализ республиканской традиции в XVIII-XIX вв. Дж. Покока демонстрирует, что различные трактовки республиканского дискурса могут включать в себя в том числе установку об уделении первоочередного внимания не задаче свободы индивида, а проблеме свободы и внутреннего устройства коммуны, в которой возможна республиканская система — сохранение равноправного участия в общественной жизни. При этом модернизм и урбанистическая эмансипация понимаются как то, что приводит к порче добродетели. Таким образом, именно устройство коммун в Америке понимается ими как освобождение общественной добродетели от подобной порчи в торговой жизни Англии. Покок показывает многоаспектность страха перед коммерцией и перед тем, что приносимое ей опосредование и усреднение будет нести ущерб для добродетели:

Коммерция и специализация лежали в основе динамичной *virtù*. Правление теперь должно было стать двигателем защиты и расширения внешнего влияния, а в том, что касается внутренних отношений между гражданами, где его правомерными и необходимыми целями являлись свобода и справедливость, оно уже не могло строиться на предполагаемой добродетели каждого гражданина (Поккок 2021: 736–737).

При этом фокус «момента Макиавелли», в котором работает Покок,

позволяет рассматривать этот страх как включающий в себя гораздо больше теоретических отсылок и вопросов политической философии, чем фокус романтизма. Например, Глисон указывает, что «славянофилы представляли себе все народы Европы как некие смысловые противоположности России, каждую со своей особой "односторонностью": интеллектуальности, гедонизма, насилия и чувственности — контрастирующие с "целостностью" древнерусской цивилизации, где соборность Православие считалось опорой коммуны в крестьянской жизни» (Gleason 1992: 7).

Сам Киреевский напрямую связывает подобную разобщенность с развитием промышленности — то есть, с явлением, сопутствующим коммерции: «Одно осталось серьезное для человека: это промышленность; ибо для него уцелела одна действительность бытия: его физическая личность. Промышленность управляет миром без веры и поэзии» (Киреевский 1989: 24). «Вера» и «поэзия» являются точными характеристиками тех трансформации в языке, которые происходят в случае Киреевского. Эти понятия сами по себе не несут концептуальной отсылки, однако, в случае Киреевского, их нельзя исчерпать полностью и в ключе обобщенного романтизма, так как в этом случае «вера» и «поэзия» вступают в противоречие и открывают в центре интеллектуальной работы то конструирование философского языка, в котором философия немецкого идеализма совмещается с дискурсами и конкретными материалами, привязанными к истории Российской империи и к историософскому

конструированию «русской истории».

Сопоставление интеллектуальной жизни в Российской империи 1830-х гг., особенно в случае Киреевского, с проблематикой республиканизма позволяет увидеть большое число логических развилки в том, что можно было бы объединить в рамках собирающего концепта «романтизм». Не в последнюю очередь эти развилки будут располагаться в области поисков такого языка, который позволил бы найти формы существования либеральной мысли в условиях Российской империи 1830–1840-х гг., когда многочисленные трудности для развития основанной на гегелевской исторической диалектике марксистской социальной философии приводят к конструированию этой философии из наиболее близкой и гораздо менее проблематичной в этих условиях сфере: национальной истории.

Эту мысль отмечает И. Валицкий, который указывает на значение идеи историзма для Киреевского и в то же время на его необычное понимание этой идеи. А именно на то, что, хотя историзм «в консервативном духе» Киреевский понимал как «теорию органической преемственности национальной жизни», в случае Российской империи эта история была связана с радикальными преобразованиями Петра I — а потому историзм как поиск органического, того, что позволяло бы эксплицировать, описать общество как целостность, фактически выводился за пределы вопроса о государстве и правительстве (*Валицкий* 2019: 163). Для целей нашей работы важно отметить, что помимо хрестоматийных историософских со-

чинений Киреевского («Деятельный век», «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России»), это увлечение историей выражается также в общем романтическом ключе как интерес к словесности и поэтической форме. При этом важна связь, которую Киреевский проводит между историей и словом. Например, в «Обзоре русской литературы» за 1831 г. он в отчетливой логике Шиллера пишет о «Борисе Годунове» как о такой трагедии, которая является «своей» трагедией «народа», выражая присущее ему «понятие о трагическом совершенстве» (*Киреевский* 1989: 82). Вместе с тем, такое понимание трагедии противопоставляется вкусам «публики», общественности, посещающей театр и судящей постановку, поскольку именно такое суждение, в терминах другой политической философии, выражает потерю единства и добродетели, переход республиканской коммунальности в атомизированность «общественного мнения». Идея истории напрямую выстраивается из невозможности суждения о трагедии по законам жанра и успешности исполнения его в конкретном повторении его канон в отдельном произведении. Развивая критику трагедии в том ключе, что невозможно определить ее героя, Киреевский констатирует, что «Годунов заслонен Отрепьевым; тот недостаточно раскрыт и развит» и что в результате оказывается, что «трагедия Пушкина есть трагедия историческая, следовательно, не страсть, не характер, не лицо должны быть главным его предметом, но целое время, век» (Там же: 85).

Тот же смысл возникает в небольшой заметке о парламенте США,

напечатанной Киреевским в первом номере «Европейца», создающей примечательный образ избытка слов и отсутствии смысла в их произнесении, поскольку их понимание фактически невозможно. Парламент предстает как очередная схоластика в смысле невозможности прийти к внутреннему осознанию целым самого себя: «Всякий член конгресса может говорить сколько захочет, без перерыва; но я не могу сказать, чтобы все, что там говорится, выслушано было со вниманием; там говорят между собою, пишут письма, отсылают их, шумят бесчисленными листами газет, которыми наводнена палата...» (Киреевский 1989: 103).

Подобное понимание односторонности в славянофильской среде создает парадоксальную амбивалентность славянофильского дискурса. Идея целостности обретает две равноценные импликации: импликацию социальной философии и теории познания. В этом ключе большой интерес для анализа представляет собой рефлексия философии Гегеля в текстах Ивана Киреевского. Будучи учеником Гегеля в начале 1830-х гг., впоследствии Киреевский выступал с критикой гегелевской системы. Философия Гегеля встраивается Киреевским в исторический контекст и связывается с реформацией — с ее установкой на индивидуализм и отделение рациональности от веры (Киреевский 1910). Потому, как резюмирует А. Сильяк, «для Киреевского главное в Гегеле — это отделение им принципа разума от всех остальных когнитивных способностей», что в современных Киреевскому политических дискурсах республиканизма связывалось с индустриализацией,

атомизацией и взаимным обманом (Siljak 2001: 77).

Уже на этом этапе анализа необходимо отметить, что, отвергая гегелевскую диалектику как то, в основе чего лежит диалектика, то есть, принцип разделения и потери целостности, Киреевский тем не менее следует этой логике в своих сочинениях. С одной стороны, Киреевский повторяет Гегелевскую мысль о «расщепленности» духа в основе европейской истории, каковой оба автора понимают греческую и римскую античность. Так, описание Киреевским того, что «в Древнем Риме общество было лишь совокупностью рационально мыслящих индивидов, руководствующихся своим интересом, изолированных друг от друга, не объединенных общностью убеждений, верований и обычаев» (Киреевский 1989: 174), подводит к пониманию Гегелем состояния духа в истории и праве Римской империи как «Всеобщее, раздробленное на атомы — на абсолютное множество индивидов, — этот умерший дух есть равенство, в котором все имеют значение как "каждые", как лица» (Гегель 2000: 244–245). Фактически полемика с Гегелем возникает внезапно, логически не следуя из предшествующего содержания текста. Ответом на формулирование Гегелем диалектики через роль истории как того, в чем реализуется дух, становится обращение Киреевского к истории как к самостоятельной сущности и указание на то, что не всякая история означает разделенность и что русская история не ведет к диалектическому снятию, поскольку в ней отсутствуют предшествующие ему анализ и синтез. При этом

если Гегель подводит к завершению диалектического снятия в «германской» истории, то Киреевский подводит к тому же логическому принципу в истории Российской империи». Так, если «[Римская церковь] как центр политического устройства возбуждала одну душу в различных телах и создала таким образом ту крепкую связь христианского мира, которая спасла его от нашествий иноверцев...» то в истории Российской империи, которой «раздробленность на уделы» привела к «владычеству татар, на долгое время остановивших ее на пути к просвещению» (Киреевский 1989: 309). То есть, хотя схема Киреевского и имеет в своем завершении образ общности, невозможности диалектики, диалектика обнаруживается в описании пути, которым достигается этого состояния — развития внутреннего и трагического противоречия в истории.

Вероятно, потому в результате «антидиалектического» хода Киреевского в его работе складывается парадоксальная ситуация потери языка. Так, история была одним из основных направлений рассуждений и аргументов славянофилов — и это отличало их от западников, ориентированных на современность и собственный опыт в ней как на основной ориентир. При этом обособление от гегелевского языка затрудняло операционализацию исторических аргументов, их внутреннюю динамику. Отрывок из недописанного «сочинения по философии» показывает, что вопросы философии занимают Киреевского так же, как и вопросы истории. Первые, вопреки критике Гегеля, придерживаются гегелевского категориального инструментария.

Так, сохранившейся фрагмент посвящен проблеме разума и того, как разум может сохранять свою связность: «... то понятие, которое разум имеет о своем естестве, определяет и его философию ... особая система будет ничто иное, как воплощение особого понятия разума о себе самом» (РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Д. 18. Л. 1). При этом категорией, позволяющей достигнуть этой связности, является по Киреевскому вера: «Но чем более он (разум. — А.К.) будет подчиняться тому, что есть живого в высшей истине. Но чем более он будет подчиняться тому, что есть что живого в высшей истине, тем более будет сосредотачиваться и собираться силы в одну и укрепляться в своем основном убеждении или своей вере» (Там же. Л. 2).

Концептуальная задача, стоящая перед Киреевским (формулировка по сути своей социально концепции как альтернативной для самой идеи социальности), приводит его работу к своего рода внедискурсивному положению, выпадению и из хронологического, и из терминологического строя современного ему философского контекста. Так, Киреевский последовательно приводит аргумент о необязательности диалектической схемы Гегеля, переворачивает его аргументацию так, что диалектика как путь к синтезу оказывается лишним эвристическим движением, а вместо ценности процесса диалектического снятия возникает ценность неразделенного единства. На уровне самого содержания и композиции философского высказывания это ставит вопрос о том, как именно раскрывается такое единство, каким образом можно мыслить его в качестве целого.

Примечательна и возможность обратиться здесь к такой специфической черте политической философии романтизма, как фольклор. Значение темы фольклора в связи с Киреевским объясняется его обращением к собиранию письменных памятников в последние годы жизни, причем его опубликованные и неопубликованные философские работы обнаруживают связь с этим собиранием. Так, обращение Киреевского к религиозной проблематике буквально, в рамках общего собрания бумаг (объединенного в одно архивное дело (РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Д. 18)), совпадает с работой по собиранию и копированию богословских и житийных текстов. В результате собирательства, поиск «народных» текстов (не имеющих одного автора, как бы созданных общностью, ее коллективным «духом») становился своего рода обретением найденной формы, которую и оказывалось возможным объявить искомой сущностью.

Параллелизм между фольклористикой и конструированием национальной общности проводится, например, в статье А. Абрахама. Значимость этого параллелизма состоит в том, что наложение друг на друга той совокупности структурных и типологических черт, которые позволяют назвать те или иные объекты фольклором, и тех философских дискурсов, которые лежат в основе пост-Фихтеанских и пост-Гердеровских представлений о духовной общности, делает возможными спекуляции об их синтезе: Поскольку истории, песни и поговорки отождествляются с принципом устной передачи, их определяют как «чистый»

фольклор, но когда, увы, где-то на пути прямого контакта становится письменный текст, все они становятся испорченными. Они больше не могут репрезентировать непосредственное (primary) выражение человека. Атрибуты традиционализма, иррациональности и сельскости (rurality), анонимности, коммунальности и универсальности, примитивной и устной циркуляции становятся тем, что утверждает идею фольклора. Группируясь, они подразумевают друг друга и внушают представление о внутренней связи между ними (Abraham 1993: 5). Такая смутная связь, переключка и взаимное подкрепление идеи и релевантного ей материала создает в романтизме «сопутствующее туманное понятие гражданства и влечет за собой способность конструировать публичное “я” и проводить эмоциональную идентификацию, по крайней мере, этого публичного измерения “я” с государством» (Ibid: 20), причем «в той мере, в какой идея народности усугубляется нашими мечтами об общности, сохранение этих понятий было важно для поддержания нашего чувства добродетели» (Ibid: 24).

В случае Киреевского решением оказывается концептуалистский по своей логике жест — выстраивание единства в своеобразной медитации, «вбрасывании» концепта, который требует или полного отрицания, или сосредоточения на себе, например, через детали описываемой истории, через часто использовавшуюся Киреевским форму жития. Выполненные несколькими разными почерками списки не дают точных оснований говорить об авторстве (хотя они напоминают почерка братьев

Киреевских), однако более существенное значение приобретает сам язык этих списков, в которых каноническая, топосная форма жития приобретает модернизирующие, литературные черты. Это обстоятельство сближает их с «синтезированными» фольклорными памятниками эпохи романтизма — трансформированными и реактуализированными в рамках прямого диалога с современностью, внутренний смысл которой (исторический, духовный) они и должны открыть. Так, первое житие в рукописи начинается тем, что провозглашается результатом фактически работы литератора или поэта — того, кого лишь опосредованно направляет контакт с божественным и чье письмо становится посредником в религиозном опыте его будущих читателей: «Да движут пером моим ваши молитвы и благословение!» (РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Д. 18. Л. 7 об.). В самом же описании церковнославянизмы и топосы христианского жития, доходящие до литературной стилизации, перемешиваются с терминами трансцендентальной философии: Опираясь на них, с радостным страхом и глубоким благословением осмеливаюсь приступить к описанию жизни, добродетелей, подвигов, коими сей *мужественный витязь невещественной брани* восхитил небо (курсив мой. — А.К.) (Там же). При этом и сам святой предстает в житии как своеобразный автор или поэт — например, когда житие описывает его как «заповедавшего нам, от него самого учиться Божественному художеству высокотворного смирения» (Там же), или же когда приход святого к аскетической жизни объясняется через открывшуюся ему тайну

слова: «Между тем, как повторял он церковные песни чувственным языком — язык таинственный сих песнопений неприметно проникал в его сердце. Сердце отрока, младенчество злостью, не зараженное еще страстями, удобно растворилось для приятия» (Там же. Л. 8). При этом «награда за смирение» также сближает житие с трансцендентальной проблематикой, с вопросом о разуме и его свободе, поскольку ей оказывается «дар рассуждения» (Там же. Л. 13).

Словесная практика как способ прихода к истине, как та форма рассуждения, от которой, для Киреевского, напрямую зависит содержание, необходимая модальность этой мысли, выражается и в других отрывках его сочинений. При этом условием обретения словесной формой такой роли является та же почва религиозной философии, в которой тема словесного выражения опять же вызывает отсылки к форме фольклора, его содержанию и практикам его собирания: «Слово как прозрачное тело духа должно соответствовать всем его движениям. Поэтому, оно беспрестанно должно менять свою краску, сообразно беспрестанно меняющемуся сцеплению и разрешению мысли. В его переливчатом смысле должно трепетать и отзываться каждое дыхание ума. Оно должно дышать свободой внутренней жизни» (*Киреевский* 1910а: 273–274).

Характерно, что в другой незавершенной рукописи, «Отрывке из сочинения по философии», такая связь трансцендентальной свободы как свободы разума с верой как с областью, в которой такая свобода толь-

ко и может быть осуществима, также реализуется посредством слова и его убеждающей способности. Это подтверждает тезис об «утопическом» характере религиозной философии Киреевского, стремлением совместить в ней два компонента: свободу, сформулированную через общи концептуальный аппарат трансцендентальной философии, с выстроенным из «историко-фольклорного» понимания общности пониманием роли слова — как приводящего к общности в убеждении, а не к заблуждению и взаимному обману. Здесь свою роль играет и зазор между фольклорной «практикой» (поиском, собиранием, копированием произведением) и характером источников, которые были ее целью: возможность сблизить в рамках одного рассуждения религиозный текст и философский в силу того, что в обоих речь идет о возможности познания, о доступности истины и о том, как ее доступность или недоступность влияет на понимание свободы. Вопреки тому, что вера часто понимается как антипод разума, в значении «принять на веру»,

Вера требует разумного убеждения, как одного из условий для своего возникновения. Большая часть обращений в Христианство начиналась посредством прояснения разумных понятий, так что вместо того, чтобы веру почитать низшею степенью знания, скорее можно в отвлеченно разумном знании и видеть низшую степень убеждения, с которой оно должно еще возвыситься до веры. *Ибо вера означает уверенность, для которой логическое <...> есть одна из стихий.* Если <...> иногда, что вера возникает мимо логического сознания, и даже иногда в разногла-

сии с ним, то не иначе, как при внутреннем убеждении, что логическое сознание было неверно, и что есть другие основания для истины, более несомненные. В таком случае убеждение веры ищет себе <...> понятия логического, соответствующего вере, и необходимого для внутренней полноты и единства самосознания; но <...> вера не поглощается им, ибо тогда она лишилась бы своей живой силы, — но только ограждается им против внешних противоречий рассудка (курсив мой. — А. К.) (РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Д. 17. Л. 3 об.—4).

При этом в очередной раз ослабевает дихотомия рациональной философии и религиозной истины, поскольку логика, хотя и не может быть более значимой, чем религия, не может опровергнуть религиозную истину, тем не менее является неотъемлемой частью религиозного опыта.

Прослеживаемый принцип подводит к тому, что интерпретация славянофильства Киреевским оказывается основанной на гегелевском языке, и эта основа, наряду с отрицанием декларируемых ей принципов, приводит к внутреннему противоречию: языковому опустошению славянофильского дискурса, который оказывается вынужден подводить лишь к форме и практике философствования (написанию жития, перевода религиозных сочинений, изучения исторических фактов), но не к новому содержанию. Или, по меньшей мере, к невозможности заявить это содержание открыто. Так, в том же собрании бумаг, в тексте, который, вероятно, представляет собой набросок сочинения, выстроенного в форме вопросов и ответов, Киреевский

выражает свое отношение к исторической диалектике не как принципу, а как к ситуативности: «...подлежат ли история и философия законам строго математической правильности? При этом вопросе вы имеете в виду особенно законы развития человеческого просвещения, которое ... проходит необходимые три эпохи: Синтез, Анализ и Гиперсинтез» (РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Д. 18. Л. 93). Он отвечает на этот вопрос тем, что в одни периоды истории просвещения действительно есть законы развития, но в другие решающее влияние оказывает «сильная личность». Диалектика не является для Киреевского принципом, альтернативного историософского принципа не предлагается.

Более того, Киреевский фактически производит редукцию приема, которые Гегель реализует в «Феноменологии духа» применительно к принципу последовательного разделения субъекта и внешней действительности из «Критик» Канта. Слияние субъекта с объектом, по Киреевскому, становится «неправильным уклонением (человеческого ума) от настоящего», или «болезнью», в которой человек как тот, кто обладает разумом и свободой, должен быть отделен от этапов «неправильной работы», которая происходит с тем или иным органом его тела, претерпевающим болезнь: «При всяком неправильном уклонении от настоящего пути, ум человеческий подпадает точно под неизбежные периоды развития — также как и физическая болезнь имеет необходимый свой ход: сначала воспаление, потом нагноение, потом очищение — или смерть» (Там же. Л. 93).

В результате такого слияния оказывается, что интересующее Киреевского единство в истории оказывается невозможно расположить где-либо в рамках философского языка. Так, с точки зрения кантовского разделения субъекта и объекта, совмещение человека с «единством», обусловленным обществом или историей, в принципе является бессмысленным и логически ошибочным, а рассуждение о свободе является представимым лишь в рамках категорического императива, с которым «работает» разум конкретного человека (см., например: *Dorrien* 2013). Однако предложенная Гегелем категория духа как понимаемого через историю и возможность, таким образом, рассуждения об общности (о совмещении субъекта и объекта) отвергается Киреевским — как то, в основе чего лежит диалектическое разделение. В результате единственным способом для предложенной Киреевским схемы обрести свой язык и излагаемое на нем содержание оказывается апроприация этого языка и его фактическое *поэтическое* конструирование, в котором в качестве самостоятельного приема выступает поиск и нахождение конкретного примера. Таковым (фактически, в рамках одного рукописного собрания) оказывается собирание и копирование Киреевским житийных текстов.

Получается, что Киреевский отвечает не только на вызов Гегеля, но и на вызов Канта — делая это однако в гегелевском ключе: снимая разрыв между миром и разумом при помощи истории, которая является общей для них обоих. При этом конфликтность между историческим

дискурсом гегельянства и философскими текстами Киреевского состоит в том, как именно мыслится такое снятие. Для Гегеля оно становится диалектическим, а наибольшее раскрытие принципа диалектики фактически помещается в современное состояние истории — в «...бесконечную позитивность своей внутренней сущности, начала единства божественной и человеческой природы, примирение как явившую внутри самосознания и субъективности объективную истину и свободу, осуществить которую было предназначено северному началу германских народов» (Гегель 1990: 377). Вместо этого Киреевский мыслит снятие не как перенос «внешней» расколотости разума во внутреннюю, что у Гегеля воплощает «Германское царство», но как достижение холизма в выходе за категории проблемы разума как таковой — при помощи категории веры и связи ее с коммунальностью в российской истории. В итоге мы получаем конструкцию, которая, полемизируя с теми элементами гегелевской системы, которые он заимствует у Канта, разделяет позицию Гегеля о преодолении в идее истории как континуума проблемы разделенности разума — однако отвергает идею диалектики как способа этого преодоления.

В свою очередь, это накладывает ограничения и на идею свободы. У Канта она понимается через освобождение разума от истории: «Как трансцендентно свободный, агент способен инициировать причинный ряд из точки зрения вне времени. В этом отношении его свобода полностью независима от определений природы. Таким образом, по Канту

мораль должна опираться на неэмпирическое или формальное основание» (Sedgwick 2010: 49). У Гегеля же разум приводит к свободе через диалектическое противоречие, позволяющее преодолеть конфликт между личным и общественным. Для Киреевского такой конфликт изначально делается невозможным, поскольку язык для его выражения загоняется в логический тупик. Так, Киреевский резюмирует свое отношение к исторической диалектике. Например, он пишет «о раздробленности и анализе Западной Европы после насильственного единства Древнего Рима» в том ключе, что «и то, и другое было только болезненным состоянием, а не необходимой ступенью развития» (РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Д. 18. Л. 94). То есть, диалектика вовсе не нужна для свободы; для нее нужна цельность разума, каковой является вера.

Характерно, что этот тезис заимствуется Киреевским из богословского текста, переписанного в ту же рукопись. Если «учение св. Отцов» понимается как говорящее «о необходимости для каждого христианина стремиться к восстановлению в себе первоизданной внутренней цельности Бытия» (Там же), то раскрытие этой цельности в списке или переводе из сочинения другого автора сопоставляется со свободой:

Думает, что он лишится тогда свободы, когда станет повиноваться единой воле Божьей. Напротив тогда-то и возвратится ему истинная свобода. [...] Тогда токмо, когда мы вручим себя совершенно его водительству, может совершиться (так) в нас великая тайна обновления жизни,

обновления ума нашего; тогда токмо мы возможем удалить от себя все сомнения (Там же. Л. 70–71).

Свобода не может стать для Киреевского проблемой личности, поскольку свободой объявляется холизм внутреннего мира. Лежащий в основе этой позиции категориальный аппарат отделял славянофилов от дискурса социальной философии — хотя именно к этому дискурсу их подводит проблематика общественного устройства и влияния истории на него. Славянофильство как философия оказывается именно трансцендентальной философией — однако для этого направления не может предложить самостоятельного философского языка.

Подобное разделение философских языков окончательно происходит в работе другого философа, часто рассматриваемого в контексте рецепции славянофильской традиции, рассуждавшего об уникальности истории Российской империи и прибегавшего в этом рассуждении к языку христианского мистицизма, Н. А. Бердяева. Более чем полвека спустя схожее рассуждение прямо выводится из гегелевской диалектики, а также включает в себя концептуальный аппарат развития этой диалектики у Маркса. Эта трансформация проявляется в снятии задачи философски осмыслить историческое и социальное через уровень личного. Наиболее ярко радикальность такого снятия можно проследить по тому, как Бердяев использует понятие «организма» и понимает через него поиск закономерностей в языке социальной философии

«Лекции по этике», в которых Бердяев рассматривает генеалогию современной ему социальной философии (проводя линию от философии истории Вико и Гердера до социологии Спенсера и Дюркгейма), конспективно указывают на логическую оппозицию между понятиями «организации» и «органичности», когда именно вторая связывается одновременно и с категорией «живого», и с тем, что существует вне человека, помимо него: «Рационально думать, что можно общество превратить целиком в организацию, т.е. в механизм, но общество имеет свою органическую живую природу, свои не человеком созданные основы» (РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Д. 53. Л. 30). Таким образом, важнейшим качеством социальной философии становится несопоставимость в ней трансцендентального измерения (Бердяев называет искусство и разум, контекстуально соотносящиеся с двумя «Критиками» Канта) с социальным. При этом сфера социального объявляется «иррациональной» и «органичной», а оба эти качества сопоставляются, в свою очередь, с изучением истории — как своего рода самостоятельной стихии, под влиянием которой и разворачиваются социальные процессы и которая потому располагается в центре социальной философии: «Пока общество и государство рассматривалось как дело искусства и разума, настоящая социальная философия невозможна. Нужно было признание органичности истории, иррациональное начало в жизни общества (Там же. Л. 6).

Помимо вопроса о контексте и возможности обратиться к самой идее социальной философии, как отдельной дисциплине с ее объектом и про-

блемами, сама логика, представленная в этом отрывке из конспектов Бердяева, едва ли совместима с логикой работы Киреевского, для которого объект и проблема его собственной философии были принципиально связаны с персоналистским уровнем, на котором только и возможно понимание свободы. Именно для этого уровня Киреевский избирает форму литературной критики вначале, а затем — также литературную, хотя и приближающуюся к фольклорной, форму жития. Примечательно, что именно на этом персоналистском уровне сохраняется влияние философии Гегеля, когда диалектика переносится с уровня выведения духа из истории на уровень выведения истории из духа. Персональный, личный уровень возникает здесь в том, что Киреевский пишет о ситуации единства исходя из своего представления о расщепленности и о необходимости избежать его. Этот уровень следует за языком трансцендентальной философии как тем языком, который артикулируется в текстах Киреевского наиболее последовательно. Диалектика же «возвращается» на этом уровне в связи с тем, что конечной целью, к которой приводят рассуждения Киреевского на этом языке, становится неравная, внешнеположная ему мистическая целостность религиозного опыта. Таким образом, диалектическое разделение парадоксальным образом оказывается в философии Киреевского тотальным, поскольку располагается в самом акте философствования, по самому выстраиванию мысли и авторской саморефлексии (поскольку метапозиция Киреевского, пишущего об истории и религии, состоит в философском рассуждении о той

социальной общности, к которой и сам он принадлежит).

Такое описание может быть одним из способов объяснить, расшифровать то, что стояло за словами Герцена о Киреевском как о сломанном человеке, чьи погибшие силы вызывают сожаление и «искупают всю партию славянофилов» (Герцен 1954: 273). В этом во многом и состоит внутренне содержание «эклетицизма» Киреевского — того, что, как суммирует, «православие понимается здесь не институционально, но как «истинное», «неискаженное» христианство, проявляющееся в истории по-разному» (Смирнов 2021: 26), а «верноподданническое отношение к царской власти сочетается едва ли не с анархической утопией, где власть растворяется в твердом порядке» (Там же: 27). Это же описание можно предложить в качестве экспликации заключения А. Валицкого, что философия Киреевского является «лишь любопытной разновидностью общеевропейского консервативного романтизма» (Валицкий 2021: 202). Необходимо лишь отметить постоянный процесс поиска языка как центрально действие, «событие» этой философии и, в частности, как характеристику ее отношения к романтизму, поскольку в действительности именно романтизм не находит в текстах Киреевского достаточной языковой выраженности, терминологического и контекстуального развития — развернутых цитат, реминисценций, связей с европейской традицией.

Вероятно, отсутствующий язык философии Киреевского объясняется именно его намерением создать философскую систему из практик

работы со словом. Однако выбранные для этого практики аскезы и сакрального общения с божественным не могли быть согласованы со структурно и логически первоначальным вопросом философской системы Киреевского — о свободе разума. Единственным путем такого согласования могло стать превращение философского языка в философский жест — и вероятно, именно такой жест Киреевского расшифровывает применяемый к его работе термин «эkleктика».

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

РГАЛИ — Российский Государственный Архив Литературы и Искусства. Ф. 236. Оп. 1. Д. 18.

РГАЛИ — Российский Государственный Архив Литературы и Искусства. Ф. 236. Оп. 1. Д. 17.

РГАЛИ — Российский Государственный Архив Литературы и Искусства. Ф. 1496. Оп. 1. Д. 53.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Валицкий 2019 — *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / пер. с польск. К. Душенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

Гегель 1990 — *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990.

Гегель 2000 — *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. М.: Мысль, 2000.

Герцен 1954 — *Герцен А.И.* Собрание сочинений: в 30 тт. Т. 2. М.: АН СССР, 1954.

Киреевский 1910 — *Киреевский И.В.* О новых началах философии. В кн.: Он же. Собрание сочинений: в 2-х т. Т. 1. М., 1910. С. 223–264.

Киреевский 1910а — *Киреевский И.В.* Отрывки. В кн.: Он же. Собрание сочинений: в 2-х т. Т. 1. М., 1910. С. 265–282.

Киреевский 1989 — *Киреевский И.В.* Европеец. Журнал И.В. Киреевского / под ред. Л.Г. Фризмана. М.: Наука, 1989.

Покок 2021 — *Покок Дж.Г.А.* Момент Маккиавелли / пер. с англ. Т. Пирусской. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

Скиннер 2006 — *Скиннер К.* Свобода до либерализма / пер. с англ. А.В. Магуна; науч. ред. О.В. Хархордин. СПб: Изд-во Европейского ун-та, 2006.

Смирнов 2021 — *Смирнов В.Н.* Парадоксы политического романтизма И.В. Киреевского: между вселенской монархией и национальным государством // Соловьевские исследования. 2021. 1. С. 17–30.

Abrahams 1993 — *Abrahams R.D.* Phantoms of Romantic Nationalism in Folkloristics // The Journal of American Folklore. 1993. Vol. 106. № 419. P. 3–37.

Dorrien 2012 — *Dorrien G.* In the Spirit of Hegel: Post-Kantian Subjectivity, the Phenomenology Of Spirit, and Absolute Idealism // American Journal of Theology & Philosophy. 2012. Vol. 33. No. 3. P. 200–223.

Gleason 1992 — *Gleason A.* Republic of Humbug: The Russian Nativist Critique of the United States 1830–1930 // American Quarterly. 1992. 44(1). P. 1–23.

Hughes 1993 — *Hughes M.* 'Independent Gentlemen': the Social Position of the Moscow Slavophiles and its Impact on their Political Thought // SEER. 1993. 71(1). P. 66–88.

Pettit 2008 — *Pettit P.* Made with Words. Made with Words: Hobbes on Language, Mind, and Politics Princeton Univ. Press, 2008.

Sedgwick 2010 — *Sedgwick S.* Reason and History: Kant versus Hegel // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. 2010. 84(2). P. 45–59.

Siljak 2001 — *Siljak A.* Between East and West: Hegel and the Origins of the Russian Dilemma // Journal of the History of Ideas. 2001. 62(2). P. 335–358.

Suslov 2011 — *Suslov M.* Slavophilism is True Liberalism: The Political Utopia of

S. F. Sharapov (1855–1911) // *Russian History*. 2011. 38. P. 281–314.

REFERENCES

Abrahams R. D. Phantoms of Romantic Nationalism in Folkloristics. *The Journal of American Folklore*, 109, 1993, 3–37.

Dorrien G. In the Spirit of Hegel: Post-Kantian Subjectivity, the Phenomenology Of Spirit, and Absolute Idealism. *American Journal of Theology & Philosophy*, 33(3), 2012, 200–223.

Gegel' G. V. F. *Fenomenologia Duha [Phenomenology of spirit]*. Moscow: Nauka, 2000.

Gegel' G. V. F. *Filosofia prava [the philosophy of law]*. Perevod B. G. Stolpner, M. I. Levina / Pod red. D. A. Kerimova, V. S. Nersesiantsa. Moscow, 1990

Gegel' G. V. F. *Filosofia prava [The philosophy of law]*. Moscow: Nauka, 1990.

Gertzen A. I. *Sobraniie sochinenii: v 30 tomach. Tom 2 [Collected writings: in 30 vol. Vol. 2]*. Moscow: Academy of Science of the USSR, 1954.

Gleason A. Republic of Humbug: The Russian Nativist Critique of the United States 1830–1930. *American Quarterly*, 44(1), 1992, 1–23.

Hughes M. 'Independent Gentlemen': the Social Position of the Moscow Slavophiles and its Impact on their Political Thought. *SEER*, 71(1), 1993, 66–88.

Kireevskii I. V. *Evropeetz. Zhurnal I. V. Kireevskogo [The European. Journal of I. V. Kireevskii]* / ed. By L. G. Freezman. Moscow: Nauka, 1989.

Kireevskii I. V. O novykh nachalakh filosofii [On the new origins in philosophy]. In:

Idem. *Sobraniie sochinenii: v dvuch tomach. Tom 1 [Selected writings: in 2 vol. Vol. 1]*, 223–264. Moscow, 1910.

Kireevskii I. V. Otryvki [Miscellany]. In: Idem. *Sobraniie sochinenii: v dvuch tomach. Tom 1 [Selected writings: in 2 vol. Vol. 1]*, 265–282. Moscow, 1910.

Pettit P. *Made with Words. Made with Words: Hobbes on Language, Mind, and Politics*. Princeton Univ. Press, 2008.

Pocock J. G. A. *The Machiavellian Moment*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1973.

Sedgwick S. Reason and History: Kant versus Hegel. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 84(2), 2010, 45–59.

Siljak A. Between East and West: Hegel and the Origins of the Russian Dilemma. *Journal of the History of Ideas*, 61(2), 2001, 335–358.

Skinner Q. *Liberty Before Liberalism*. New York, Cambridge Univ. Press, 1998.

Smirnov V. N. *Paradoksy politicheskogo romantizma I. V. Kireevskogo: mezhdru vselenskoi monarchiei I nacionalnym gosudarstvom [I. V. Kireevskii's paradoxes of political liberalism: between world monarchy and national state]*. *Solovievskie issledovania*, 1, 2021, 17–30.

Suslov M. Slavophilism is True Liberalism': The Political Utopia of S. F. Sharapov (1855–1911). *Russian History*, 38, 2011, 281–314.

Valitzkii A. *V krugu konservativnoi utopii. Struktura i metamorfozy russkogo socializma [In the circle of conservative utopia. Structures and metamorphoses of Russian slavophilism]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozreniie, 2019.

ПОНЯТИЕ 'ДЖИНГОИЗМ' В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕЧАТИ XIX В.

В политическом языке XIX в. существовали два устойчивых обозначения воинственной национальной мегаломании: 'шовинизм' и 'джингоизм'. Специфической чертой последнего была его тесная связь с колониально-имперским национализмом. Слово 'джингоизм' возникло в 1878 г. из просторечного выражения 'by Jingo' как обозначения ура-патриотических настроений. Либералы использовали его для дискредитации тори по двум основным направлениям: 1) джингоизм означает смыкание высших слоев общества с городской чернью; 2) по своему духу он принадлежит восточной, варварской, деспотической культуре. Образ Джинго как грозного языческого божества встречался в сатирической литературе с начала XIX в.; в публицистике антиджингоистов он был подхвачен и развит. В полемике конца 1870-х гг. слово 'джингоизм' сыграло роль, сходную с той, какую в 1836–1841 гг. сыграло слово 'русофобия', созданное радикалами для обозначения фантомного страха перед русской угрозой. «Либеральный джингоизм» 1880–1890-х гг., в отличие от джингоизма конца 1870-х гг., означал экспансионистскую, империалистическую политику вне связи с ура-патриотическими настроениями «улицы». Применительно к США слово 'джингоизм' стало широко использоваться после аннексии Гавайских островов (1893). Представление об особой миссии «англо-саксонской расы» было характерно как для британской, так и американской версии джингоизма.

Ключевые слова: политический язык, национализм, шовинизм, империализм, Д. Холиок, Д. О. Сала, Э. Дженкинс, Д. А. Гобсон

Сведения об авторе: Душенко Константин Васильевич, кандидат исторических наук, ИНИОН РАН (Москва).

Контактная информация: kdushenko@nl.n.ru.

K. V. Dushenko

THE CONCEPT OF 'JINGOISM' IN THE ENGLISH-LANGUAGE PRESS OF THE 19TH CENTURY

In the political language of the XIX century there were two stable designations of militant national megalomania: 'chauvinism' and 'jingoism'. A specific feature

of the latter was its close connection with colonial-imperial nationalism. The word 'jingoism' arose in 1877 from the vernacular 'by Jingo' as a designation for ultra-patriotic sentiments. Liberals used it to discredit the Tories in two main ways: 1) jingoism means the merging of the upper strata of society with the urban mob; 2) in its spirit it belongs to the Eastern, barbaric, despotic culture. The image of Jingo as a formidable pagan deity has been found in satirical literature since the beginning of the 19th century; in the journalism of the antijingoists it was taken up and developed. In the controversy of the late 1870s, the word 'jingoism' played a role similar to that of 1836–1841 the word 'Russophobia', created by the radicals to denote a phantom fear of the Russian threat. The "liberal jingoism" of the 1880s and 1890s, in contrast to the jingoism of the late 1870s, meant an expansionist, imperialist policy unrelated to the ultra-patriotic sentiments of the "street". Applied to the USA, the word 'jingoism' became widely used after the annexation of the Hawaiian Islands (1893). The notion of a special mission for the 'Anglo-Saxon race' was characteristic of both the British and American versions of jingoism.

Key words: political language, nationalism, chauvinism, imperialism, D. Holyoake, D. O. Sala, E. Jenkins, D. A. Hobson

About the author: Dushenko Konstantin V., Ph.D. (History), Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Contact information: kdushenko@nlm.ru

В политическом языке XIX в. существовали два устойчивых обозначения воинственной национальной мегаломании: 'шовинизм' (ок. 1832 г.) и 'джингоизм' (1878). Первое относилось к Франции и лишь затем получило более широкое значение; второе относилось почти исключительно к Британии и отчасти к США. Специфической чертой понятия 'джингоизм' была его тесная связь с колониально-имперским национализмом.

1. РОЖДЕНИЕ ТЕРМИНА

Слово 'джингоизм' (jingoism) возникло из просторечной божбы 'by Jingo'; в русских переводах: «Богом клянусь», «видит Бог», «черт поберей/подери». В печати это выражение появилось в конце XVII в.

Чаще всего Jingo возводят к баскскому Jinkoa — 'бог' (другие формы:

Jaungoicoa, Jenco и т.д.). Английские моряки будто бы слышали это слово от баскийских. Встречалось и другое толкование: Jenco означает Дьявол; в баскских провинциях якобы жили манихеи, которые поклонялись этому злему духу и клялись его именем (лондонская «The Press» от 12 ноября 1864 г.) (цит. по: Farmer 1896:59).

Вариант «by the living jingo/Jingo» («клянусь живым Джинго») ввел в литературу Оливер Голдсмит в романе «Векфильдский священник» (1766, гл. 9), специально подчеркнув вульгарность этой божбы. Это аналог оборота «by the living God» — «Богом живым клянусь». Позднейший вариант: «by great Jingo» («клянусь великим Джинго»). Некоторые авторы возводили слово Jingo к имени Св. Гингольфа (St. Gingolph(us)), почитавшегося в Бургундии и наделенного, как считалось, чудесной жизнен-

ной силой (напр.: Latham 1876:107). Однако восприятие оборота 'by Jingo' как вульгарного исключает такую ассоциацию.

Оборот 'by Jingo' стоит в ряду таких экспрессивных выражений, как 'by god' (Богом клянусь), 'by Jesus' (клянусь Иисусом), "by Jove" (клянусь Юпитером), 'by Allah' (клянусь Аллахом). Поэтому Jingo нетрудно было истолковать как имя некоего экзотического божества.

Эта возможность реализована в эпистолярной сатире Роберта Саути «Письма из Англии» (1807), опубликованной под именем вымышленного испанского путешественника. Англичанин, замечает повествователь, «сохранили в своей божбе имена некоторых языческих божеств, которым поклонялись их предки и от которых, возможно, никаких иных следов не осталось. Одно из них — Черт-Подери, другое — Тар-Тарары¹; есть еще Живой Джинго <...>. У язычников-готов подобных идолов не было; вероятно, их почитали кельтские аборигены острова» (Southey 1807:86).

В сатирической аллегории Пьера Шафтона «Неведомый край» (1827) Англия изображена в виде дикой страны, населенной каннибалами. «...Одна из `дикарок, со зловещей ухмылкой и необузданной свирепостью во взгляде, поклялась именем Джинго (означающим идола, которому они (каннибалы. — К.Д.) поклоняются) <...>» (Shafton 1827:190).

¹ В оригинале: «The Deuces», «The Lord-Harry».

² Р. Д'Алтон Уильямс (1822–1862), ирландский поэт.

В сатире Ричарда Д'Алтона Уильямса² «Сборщик налогов» (1840-е гг.) читаем:

«Клянусь Джинго — живым
Джинго», — так он божился;
Да вот незадача: никто не знает, кто
этот грозный Джинго;
Не сборщик ли налогов, бог —
пожиратель денег?
(D'Alton Williams 1877:62–63)

Образ Джинго как зловещего языческого божества был подхвачен и развит в публицистике антиджингоистов конца 1870-х гг.

Во 2-й половине 1870-х гг. тема имперского могущества Британии обрела особую актуальность. В 1875 г. консервативное правительство Б. Дизраэли существовало по покупке акций Суэцкого канала, в 1876 г. королева Виктория была провозглашена императрицей Индии, а в 1877 г. Англия оказалась на грани войны с Россией из-за вопроса о Проливах и Константинополе.

В мае 1877 г., после отправки в турецкие воды английской эскадры, в пабах, а также на различных мероприятиях стали распевать услышанную в мюзик-холлах песню «Мы не хотим воевать» («We don't want to fight»), слова и музыка Джорджа У. Ханта; другие названия: «Песня Джинго», «Псы войны», «Военная песня Макдермотта», по имени исполнителя). Начинаясь она двустихием:

Спущены псы войны³, и свирепый
Русский Медведь,
Одержимый жаждой крови
и грабежа, вылез из своей берлоги.

Припев:
Мы не хотим воевать, но, клянусь
Джинго, если уж станем,
Мы найдем корабли, и людей,
и деньги. <...>
Русские не получают
Константинополя!
(Captain 1927:357).

Вскоре появилась целая серия песен, восхваляющих имперскую мощь Британии: «Мы хотим сохранить нашу империю на Востоке», «Турция и Медведь», «Снимаю шляпу перед Империей», «Лев виляет хвостом» (Tréguier 2017).

На рождественских представлениях в декабре 1877 г. многие театры включили в программу вариации на тему «Песни Джинго» (Дронова 2021б: 27). В «Королевском Аквариуме», сообщила газета «The Era», «восемь маленьких мальчиков, одетых в ненавистные желтое и черное⁴ были гвоздем программы». «Цвета московитов и их униформа были неистово освистаны», а мальчики-османы с красными фесками на головах встречены аплодисментами. Когда малыши пели переложение «Песни Джинго», «публика буквально заходила в истерическом смехе» (Ibid:25).

В марте 1878 г. в «Панче» появился «патриотический стих» «Святой

Джинго!» («St. Jingo!»). Смысл его сводился к тому, что на смену старому боевому кличу «Именем Святого Георгия!» пришел клич «Именем Святого Джинго!» (Дронова 2021а:231).

Группы молодежи из средних и низших городских слоев срывали антивоенные митинги, распевая «Песню Джинго» (Clayden 1880:381). Особенно скандальным оказалось поведение этой публики во время антивоенного митинга в Гайд-парке 10 марта 1878 г. По сообщению газетного хроникера, «последовал натиск партии “клянусь Джинго”, которые быстро выгнали своих противников из парка, остаток дня проведя в горлопанстве и грубых шутках; шляпы и палки, зонты и прочие предметы менее почтенного свойства летели во все стороны. Самым популярным снарядом оказалась дохлая кошка, <...> которую швыряли туда и сюда под ликующие крики буянов» (Horne 1878). Часть смутьянов направилась к резиденции лидера либералов Гладстона, и тому вместе с супругой пришлось укрыться в соседнем доме. Девять раненных в Гайд-парке были доставлены в больницы.

Эти эксцессы, прежде не виданные на мирных собраниях, сильно встревожили противников тори. Три дня спустя, 13 марта, «Daily News» опубликовала письмо Джорджа Холиока⁵, озаглавленное «Джингоисты в [Гайд]-парке». Джингоистами (Jingoes) названо здесь «новое племя патриотов

³ Шекспировское выражение («Юлий Цезарь» III, 1); в пер. М. Зенкевича: «На всю страну монаршим криком грянет: / “Пошады нет!” — и спустит псов войны».

⁴ До 1883 г. — цвета государственного российского флага, а также кокарды (вместе с белым).

⁵ Д. Я. Холиок (1817–1906), деятель рабочего и кооперативного движения.

мюзик-холла, распевających «Песню джинго»» (цит. по: Tréguer 2017).

Очень скоро появилось и слово ‘джингоизм’ — в колонке «Эхо недели» газ. «Illustrated London News» от 16 марта. Автор колонки, Джордж Огаст Сала⁶, вспоминал военную тревогу после подписания Ункяр-Искелесийского договора (1833). Тогда русские войска вступили в Константинополь по приглашению султана, но англо-русской войны не случилось. «В 33-м году, — замечает Сала, — акции “джингоизма” определенно шли по более низкому курсу, и о Восточном вопросе судили, пожалуй, несколько более трезво, чем ныне» (цит. по: Tréguer 2017).

2. ПОЛЕМИКА О ДЖИНГОИЗМЕ В 1878–1880 ГГ.

Слово ‘джингоизм’ сразу же было использовано либералами для дискредитации тори. Несколько страниц посвятил ему Голдвин Смит, сотрудник влиятельного журнала «Fortnightly Review».

Джингоизм, по его мнению, не столько идеология, сколько совокупность эмоций. Это «английский эквивалент <...> шовинизма, иностранного слова, происхождение и точное значение которого были известны немногим. <...> ...Это наименование необычайно удачно передает не только огнедышащий патриотизм Шовена⁷, но и все элементы — социальные, моральные, политические и военные, присущие этому новому эрза-

цу консерватизма былых времен — консерватизма аристократического и в своем роде высокоидейного». После парламентской реформы 1867 г. сложился «политический союз между джингоизмом высших слоев общества и его крикливым подобием, столь похожий на союз между рабовладельцами [американского] Юга и чернью городов Севера». «Если прежде джингоизм симпатизировал южанину, то теперь он симпатизирует турку, и по тем же мотивам. Он не желал замечать насилия и жестокости рабовладельца, подобно тому как теперь не желает замечать насилие и жестокость паши. Борьба в Англии была борьбой между джингоизмом (тогда еще безымянным и лишь наполовину сформировавшимся) и антиджингоизмом <...>». Джингоизм губителен для национальной морали: «Насилие <...> витает в воздухе; оно присутствует в атмосфере фондовой биржи и в атмосфере мюзик-холла, в атмосфере таверны и в атмосфере трущоб <...>» (Smith 1878:95–96).

В других своих статьях Г. Смит замечает: «Джингоизм есть империализм в состоянии неистового и отталкивающего возбуждения (violent and vulgar excitement)» (Smith 1879:234). «...В империализме джинго и мюзик-холла нас больше всего поражает не его порочность, а его вульгарность» (Smith 1880б:43).

Понятие ‘империализм’, с которым неизменно ассоциировался джингоизм, было тогда сравнительно новым. В актуальном политическом контексте оно, по-видимому, появилось

⁶ Д. А. Сала (1828–1895), популярный журналист.

⁷ Вымышленный солдат, патрон французского шовинизма.

в начале 1850-х гг. в США как обозначение 'деспотизма' (т.е. авторитарного и милитаристского режима) французской Второй империи. Примерно с 1876 г. это слово стало также употребляться в значении «защита имперских интересов Британии», «принцип/дух Британской империи». Лорд Карнарвон⁸ так определял задачи «истинного империализма»: «...Дать [колониям] мудрые законы, хорошее управление и хорошо организованные финансы», «свободу от угнетения и несправедливости», нести подвластным народам «свет морали и религии» (речь в Эдинбурге 5 ноября 1878 г.) (Herbert 1878:764).

Либералы называли 'империализмом' внешнюю политику Дизраэли, сурово ее осуждая. «Империализм, — утверждал Роберт Лоу⁹, — есть апофеоз насилия», «претензия быть судьей в собственном деле». «Его принцип <...> сводится к угнетению слабого сильным и к торжеству силы над правом» (Lowe 1878:459, 461).

На антивоенном митинге в Бирмингеме в мае 1878 г. англиканский священник Томас Моссман¹⁰ отметил «сходство между поклонением святому Джинго и поклонением Мамбо-Джамбо¹¹, почитатели которого приносили в жертву людей до тех пор, пока крови не прольется столько, чтобы по ней могла проплыть лодка.

<...> ...Поклонение Джинго напоминает также поклонение Молоху, с той только разницей, что джентльмены из лондонских клубов предпочитали отдавать на заклятие не своих, а чужих сыновей» (Political... 1878:611).

Развернутое изображение Джинго в виде божества новой языческой религии дано в памфлете Эдварда Дженкинса¹² «Хаверхолм, или Торжество Джинго», опубликованном в июле 1878 г., во время Берлинского конгресса. Памфлет получил широкую известность. Перевод (не слишком точный) фрагментов из него появился в петербургских «Отечественных записках»; тем самым созданный Дженкинсом метафорический образ стал достоянием русской общественности (Дженкинс 1878). Нижеследующие выдержки из памфлета даются в нашем переводе.

«Взгляды адептов Джинго (бывших тори) <...> сводились к следующему силогизму:

Христианство и цивилизация полезны для всего мира;

Англия — самая христианская и цивилизованная страна;

следовательно, интересы Великобритании суть интересы всего мира» (Jenkins 1878:5–6).

⁸ Говард Герберт, граф Карнарвон, государственный секретарь по делам колоний в правительстве Дизраэли (1874–1878).

⁹ Р. Лоу (1811–1892), в 1868–1873 гг. министр финансов в правительстве Гладстона.

¹⁰ В 1885 г. перешел в католицизм.

¹¹ Выражение «Mumbo Jumbo» (франц. «Мумбо-Юмбо», англ. «Мамбо-Джамбо») появилось в XVIII в. в книгах европейских путешественников по Африке; оно означало «идола» (духа), которым мужчины пугали женщин.

¹² Э. Дженкинс (1838–1910), английский сатирик и политик-либерал. Позднее, в 1885 и 1892 гг., безуспешно баллотировался в Палату общин от консерваторов.

«Новая религия заняла место прежних, угрожая смести Протестантизм, Католицизм, Иудаизм и Позитивизм.

И точно: все старые верования были отброшены половиной нации ради почитания БОГА ДЖИНГО» (Ibid.:189).

«...Джинго был олицетворением нынешнего духа британской нации, <...> хотя и во Франции среди монархистов и радикалов-оппортунистов¹³ есть немало людей, исповедующих веру в него <...>. ...Поклонение Джинго не ограничивалось какой-то одной кастой. Его адепты встречались во всех классах общества» (Ibid:190–191).

«Но кто был Джинго?

Пришел он с Востока. Видевшие его говорили, что то было чудовище могучее и ужасное, с крыльями, подобными ветру, с телом сфинкса и обликом кавказца. Лицо его было из грозно сверкающей меди, глаза горели огнем, нос его был совершенно еврейский¹⁴, а пасть изрыгала на врагов всякую погань. И стоял он на задних лапах. И держал он дубину, обрушивая ее на головы недругов. И перед ним, лая, бежало еще одно страшное чудище по имени “Ежедневный Рявкограф”¹⁵.

Другие, однако, уверяли, что Джинго был не более чем дух варварского азиатского деспотизма, переселившийся из политического тела на Востоке в политическое тело на Западе, ловко приноровившись к установлениям свободного народа. <...> Его истинную природу, дикую и кроважидную, скрывала завеса конституционных форм и христианских идей» (Ibid:192–194).

«Джинго был провозглашен гением-покровителем нашей имперской славы». «Целые толпы сбегались, дабы, поклонившись Джинго, приобщиться к сонму джентльменов, людей чести, патриотов и верноподданных». «Мирные христиане сделались аполгетами войны. Самые умеренные парламентарии стали выказывать признаки демонической одержимости. <...> Одно лишь упоминание о [русском] царе действовало на джингоита¹⁶, как красная тряпка на быка» (Ibid:195, 196, 198). «...Их вера, подобно магометанской, сводится к единственной заповеди: “Нет бога, кроме Джинго, и лорд Бенджинго¹⁷ пророк его”» (Ibid:251).

Теми же красками рисует образ нового национального идола баптистский священник и политик Джон Клиффорд: «Джингоизм <...> ужа-

¹³ Во Франции оппортунистами именовали в то время республиканцев-центристов, радикалами – левое крыло республиканцев.

¹⁴ Антисемитские нотки встречаются и в других местах памфлета. Они были свойственны ряду либеральных политиков, включая цитируемого далее У.Т. Стета. Здесь, возможно, содержится аллюзия на лидера консерваторов Б. Дизраэли, по происхождению еврея; его «иудейский» нос неизменно воспроизводился на карикатурах.

¹⁵ В оригинале «Daily Bellowgraff», т.е. «Daily Telegraph» — многотиражная газета, выступавшая в поддержку политики Дизраэли в Восточном вопросе. Встречалось также наименование «Ежедневный Джингограф».

¹⁶ Jingoite (форма, не получившая распространения).

¹⁷ Аллюзия на лорда Беконсфилда, т.е. Б. Дизраэли.

сающе быстро уводит нас от всех положений и принципов британской конституции к порокам восточного деспотизма. <...> Мы отданы в руки Джинго, который делает с нами, что хочет. <...> Аристократы преклоняются перед ним. Дебоширы наших больших городов возглашают его хвалу. <...> Подобно Колоссу, стоит он, словно на постаменте, на британской нации — одна нога в пивной, другая на ступенях трона» (Clifford 1878).

Стихотворная сатира «Тео-Джингомахия», опубликованная в газ. «Spectator», открывалась эпитафией: «Не можете служить Богу и Джинго» (Theo-Jingo-machia 1880).

В энциклопедическом словаре 1885 г. среди значений слова 'Джинго' есть и такое: «Воображаемый идол, почитаемый вышеупомянутой партией» (т. е. джингоистами) (The Encyclopædic... 1885:444). Это определение, конечно, восходит к антиджингоистской публицистике конца 1870-х гг.

Тогда же появляются слова 'джингомания' (1878) и «джингоистская лихорадка» («Jingo fever», 1879), внушающие представление о джингоизме как массовом помешательстве или эпидемической болезни. В сатирической заметке, опубликованной в органе Рабочей миротворческой ассоциации, упоминалось о возведении «специального сумасшедшего дома для лечения несчастных жертв джингомании» (Notes and Notices 1878).

Итак, дискредитация явления, окрещенного 'джингоизмом', велась

по двум основным направлениям. Во-первых, джингоизм означает смыкание высших слоев общества с городской чернью. Во-вторых, по своему духу он принадлежит восточной, варварской, деспотической культуре, чуждой рациональному мышлению и британским традициям.

По мнению английского историка Хью Каннингема, либералы конца 1870-х гг. преувеличивали силу джингоизма. «Их тревога проистекала из его методов», т. е. склонности к насилию (впрочем, не заходившему слишком далеко) (Cunningham 1971:452). Это делало джингоистов заметнее, особенно в Лондоне, который либеральный историк Э.А. Фриман назвал Джингоградом (Jingoborough) (в письме к У. Стеду от 30 октября 1878 г.) (Stead 1909:20). Провинция была настроена скорее антиджингоистски. В 1878 г. в парламент было направлено 2805 петиций с осуждением внешней политики консерваторов и только 31 петиция в ее поддержку (Cunningham 1971:452).

21 сентября 1878 г. в лондонском Сумасбродном театре (Folly Theatre) был показан музыкальный бурлеск «Звезды и подвязки». Среди действующих лиц значились «король Джинго XIX», а также ловкий дипломат по имени Дикобразо (Pogcupino), загримированный под Дизраэли. Обозреватель либерального еженедельника писал: «...Смех, с которым встречали его [Дикобразо] напыщенные тирады, а также тирады <...> "Короля Джинго", показывает, что даже публика мюзик-холла начинает колебаться в своей преданности

нашему комичному другу “Мир-с-Честью”¹⁸» («Stars and...» 1878).

В 1880 г. Д.О. Сала, автор термина ‘джингоизм’, так характеризовал взгляды джингоистов и антиджингоистов:

«“Джингоизм”, то есть воинствующая ненависть к России, был символом веры аристократии, военного сословия и государственной церкви. Не менее пылких приверженцев он нашел в легко возбудимых толпах и среди полуобразованных читателей газет, бьющих на чувства. Антиджингоизм (то есть искреннее миролюбие и упорный отказ поверить в то, что русский император Александр есть людоед, вампир и зверообразный великан, чующий нюхом английскую кровь) был убеждением пуритан, <...> большинства неконформистских религиозных общин <...> и истинно либеральных пэров и членов Палаты общин, <...> не побоявшихся осудить джингоизм, “империализм” и политику перерезания горла соседу, даже под угрозой быть заклеяемыми в качестве “англо-русских” и “британо-афганцев”» (Sala 1880:152).

Либеральный журналист Питер Клайден, сторонник Гладстона, оценивал джингоизм более спокойно. «Джингоисты — не партия, так как они имеются в обеих партиях. <...> ... “Джингоизм” не принцип, а чувство. Он вырастает из гордости величием и могуществом Империи, которую испытывают все англичане. Это патриотизм с особым оттенком (with

a twist)». «Однако <...> спокойное достоинство сознательной силы он подменяет бахвальством, за которым кроется слабость. <...> Подобно нуворишу, который должен выставлять напоказ свое богатство, джингоист полагает, что Англия слаба, если не твердит безустанно о своей силе. Его представление об истинном патриотизме — постоянно бояться России» (Clayden 1880:381, 382).

Не слишком почетная англо-зулусская война 1879 г. и неудачи британцев во Второй англо-афганской войне (1878–1880) привели к поражению тори на парламентских выборах. В апреле 1880 г. премьером стал Гладстон.

В полемике времен Восточного кризиса 1870-х гг. слово ‘джингоизм’ сыграло роль, сходную с той, какую сыграло слово ‘русофобия’, созданное радикалами во время Восточного кризиса 1830-х гг. для обозначения фантомного страха перед русской угрозой (см. об этом: (Душенко 2021)). Консервативный публицист с неудовольствием констатировал, что в борьбе с правительством тори «их [либералов] величайшим триумфом было изобретение словечка “джингоизм”» [Nathaniel... 1880). О том же писал американский историк Джон Лорд: «...Под пером либералов джингоизм стал разящим орудием сатиры. Правительство сорвало аплодисменты аристократов и черни, но утратило поддержку обычных людей» (Lord 1891:610).

Уже после падения правительства Дизраэли радикально-либеральный

¹⁸ 16 июля 1878 г., вернувшись с Берлинского конгресса, Дизраэли произнес с балкона своей резиденции на Даунинг-стрит: «Мы привезли вам мир, как мне кажется, с честью».

еженедельник «Truth» высмеивал джингоизм в стихотворной сатире, написанной от лица «ультраджингоиста»:

В моем символе веры два догмата,
включающие все прочие:

Первый — ненависть к человеку,
стоящему ныне у руля Англии (т. е.
к У. Гладстону. — К. Д.);

Второй — русофобия, столь ожесточенная и неистовая,

Что она велит напрочь забыть о порядочности и идти против здравого смысла (Song 1880).

Связь понятия 'джингоизм' с понятием 'русофобия', очень тесная в момент возникновения термина, сохранялась сравнительно недолго; ко времени англо-бурской войны она была совершенно утрачена.

3. 'ДЖИНГОИЗМ' В АНГЛИЙСКОЙ ПЕЧАТИ ПОСЛЕ ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА

После прихода к власти либералов полемика вокруг джингоизма поостыла, но не прекратилась окончательно. В 1885 г. либеральная «Pall Mall Gazette» поместила пародию на «Песню Джинго»:

Мы не хотим воевать, но, клянусь
Джинго, если уж станем,
Есть у нас протестанты, католики,
турки, неверные, иудеи;
Есть у нас Бог и Маммона, Аллах,
Будда, Брахма и Вишну;
Все боги в наших руках, куда против
нас России?
(A New Version... 1885).

В книге «Шестьдесят лет жизни агитатора» (1893) Холиок попытался

уточнить значение пущенного им в обиход слова 'джингоисты', отделяя грубый, «низовой» патриотизм от трезвой имперской политики: «Я подыскивал имя для новой породы патриотов, которые <...>, размножаясь в хмельной атмосфере консервативного правительства, стали наводнять публичные собрания <...>. Их отличительной чертой была крикливая воинственность, бросавшая дурной свет на молчаливую, решительную самозащиту британского народа». «Этим термином злоупотребляют, применяя его к разумным и трезвым политикам, выступающим за сплочение империи или за имперскую политику. Джингоисты — это по большей части завсегдатаи скачек, пабов и пошлых мюзик-холлов; их вдохновение — пиво, а их политические представления чванливы и оскорбительны по отношению к другим народам» (цит. по: Tréguier 2017).

Почти в тех же словах описывается джингоизм в романе Фергюса Юма «Остров фантазии» (1892): «Джингоизм — это ложный патриотизм. Он состоит из куплетов мюзик-холла, Юнион Джека (британского флага. — К. Д.) и целых галлонов пива, начинается с припева, а кончается буйством. Люди с улицы его обожают: он расширяет их легкие и утоляет их жажду» (Hume 1892:47).

Консерваторы, в свою очередь, заявляли, что слово 'джингоизм' придумано для дискредитации британского патриотизма: «В конце концов, 'джингоизм' — это просто изнанка патриотизма; а патриотизм все еще добродетель, хотя и не сумма всех добродетелей, каким он когда-то казался <...>». «Либералы не смогли

оценить грубоватый патриотизм пресловутой баллады Джинго» (The Political... 1880:439, 440).

Консервативный историк Уолтер Копленд Перри спрашивал: «...Почему те, кого именуют “джингоистами”, должны считать себя оскорбленными этим названием? По-моему, они должны принять его, как голландские патриоты некогда приняли кличку гёзы (нищие), и попытаться словом и делом доказать, что они — соль английской нации <...>» («Апология джингоизма», 1885) (Perry 1885:391). Джингоизм для Перри синоним патриотизма. Почти все величайшие люди Англии «были из тех, кого неорадикальная партия клеймит как джингоистов <...>» [Ibid.]. Неверно, будто джингоизм воинственен: «...Агрессия тщательно исключена из манифеста джингоистов. Его первый пункт гласит: “Мы не хотим воевать”. На протяжении последних двух столетий Англия никогда не была агрессивной державой. Наши долгие войны с Францией и Испанией были либо оборонительными, либо войнами справедливого возмездия, навязанными нам агрессией этих держав и их попытками исключить нас из нашей доли Америки и Индии. <...> Агрессивными державами были Франция и Испания, а теперь это Франция и Россия» (Ibid:392).

Если попросить противников джингоизма дать определение слова ‘джингоист’, продолжает Перри, «они, вероятно, сказали бы, что джингоист — это (1) тот, кто считает английскую нацию выше любой другой; (2) тот, кто готов возмутиться любым оскорблением английского флага и отомстить за него, а также

защищать интересы и личность англичан во всех уголках земного шара; (3) тот, кто считает, что английское влияние должно преобладать в мире». Перри готов защищать все эти утверждения, включая первое: «Тысячелетняя история научила <...> нас тому, что мы превосходим любой другой народ. Иначе мы не занимали бы того места в мире, которое занимаем <...>». Главные враги Британии находятся не извне, а внутри; это «сухая гниль космополитизма, растущее равнодушие к национальным интересам и к национальной славе» (Ibid:392, 393, 402).

В том же духе высказывался другой консервативный публицист по поводу конфликта с Францией из-за прав на рыболовство в районе Ньюфаундленда (1895): «Если джингоизм <...> означает готовность сражаться в защиту права, в защиту притесняемых <...>, то джингоизм — просто ругательная кличка чувства справедливости и патриотизма; и в этом смысле, надеюсь, каждый честный британский подданный — джингоист и должен этим гордиться» (Val d'Eremao 1895:399).

В начале 1880 г., накануне падения правительства Дизраэли, умеренно консервативная «Saturday Review» доказывала, что либерал вполне может быть джингоистом, ведь пущенный в ход либералами термин ‘джингоизм’ означает, по сути, защиту интересов Британской империи как оплота мировой цивилизации (What is... 1880). Действительно, с 1880-х гг. наметилась тенденция сближения части либералов со сторонниками колониальной экспансии.

В марте 1882 г. либеральное парламентское большинство отклонило поправку к уставу Британской компании Северного Борнео, запрещающую т.н. «домашнее рабство» на острове. Гладстон критиковал поправку не по принципиальным, а по техническим соображениям¹⁹, попутно признав, что колонизация Северного Борнео содержит в себе «зерно возможной будущей аннексии», хотя сам он противник аннексий (Sitting... 1882, col. 1195). Кроме того, он назвал Британию «великой Империей, которую мы унаследовали со всем ее бременем и всей ее славой» (Ibid.:1189).

Обозреватель популярного еженедельника «Vanity Fair» откликнулся на эти дебаты саркастической статьей, отметив «поразительное восхваление принципов “Джинго” Великим и Добродетельным Гладстоном <...>». «Однако новый либеральный “джингоизм” <...> в своем рвении новообращенного <...> зашел слишком далеко. <...>... Либералы проглотили аннексию, рабство и все прочее не поморщившись» (Rasper 1882:159).

В июле 1882 г., после бомбардировки Александрии британским флотом, в юмористическом еженедельнике «Fun» появилась карикатура «В порядке самозащиты».²⁰ Британский матрос, изображенный вместе с британским львом и бульдогом, распевает пародийную версию «Песни джинго»:

Мы не хотели драться, но, клянусь
Джинго! коли уж начали,
У нас нашлись корабли и люди,
которые сделали, что им приказано,
И разгромили Александрию,
где Араби укрылся²¹
Против воли Константинополя
(Thomson 1882).

В том же году Гладстон санкционировал оккупацию Египта, превратив страну в британский протекторат. Юрист Бенджамин Фоссет Лок так прокомментировал это событие: «... Производители хлопка и рабочие из Ланкашира <...> немало способствовали распространению либеральной джингомании ради урожая египетского хлопка» [Lock 1882:35]. Радикалы-пацифисты из Общества мира (Peace Society) также обвиняли правительство Гладстона в джингоизме.

Близкий к либералам священник-конгрегационалист Джеймс Гиннес Роджерс отвергал подобные обвинения: «Говорить о политике правительства [Гладстона] как о “джингоизме” значит грубо злоупотреблять терминами. <...> Джингоист предается мечтам об империализме, верит в престиж, полагая, что его поддержание требует неустанного рёва трубы и барабанного боя <...> и стремится прежде всего к тому, что он называет славой». Интервенцию в Египте следует расценивать как «акт самозащиты или вмешательство международной полиции» (Rogers 1882:11–12).

¹⁹ Впоследствии Компания Северного Борнео боролась с институтом рабства на Борнео.

²⁰ Карикатура Гордона Томпсона «В порядке самозащиты» («Fun», 19 July 1882). <https://victorianweb.org/periodicals/fun/international/1.jpg>

²¹ Араби(Ораби)-паша, командующий египетской армией в англо-египетской войне 1882 г.

В 1885 г., во время войны с махдистами в Судане, пацифистский журнал с сожалением отмечал: «Возобновившаяся в течение последнего месяца джингомания <...> сильно затронула редакторов многих лондонских газет, включая квазирили-

гиозные органы <...>» (The London Press 1885).

В 1893 г. Генри Лабушер, один из лидеров радикального крыла либералов, окрестил лорда Розбери, министра иностранных дел в правительстве

Гладстона, «верховным жрецом джингоизма», имея в виду его аннексионистскую политику в Африке (Sitting... 1893, col. 545). В 1894 г. Розбери сменил Гладстона на посту премьера. Обозреватель радикально-либерального еженедельника «The Truth» назвал Розбери «премьером Джинго» (прежде так называли Дизраэли) и заявил, что «Либеральная партия преклонила колени перед Джинго». «Овладеть какими-либо джунглями и объявить их частью Британской империи — значит потакать стремлению к имперской экспансии, лежащему в основе джингоизма» (Bowling... 1895:1518, 1519).

«Либеральный джингоизм» 1880–1890-х гг., в отличие от джингоизма конца 1870-х гг., означал экспансионистскую, империалистическую политику вне связи с агрессивными ура-патриотическими настроениями «улицы».

Вторая большая волна 'джингомании' была связана с англо-бурской войной 1899–1902 гг. На этот раз войну поддержала значительная часть либералов (т. н. империалистическая фракция). Деление на джингоистов и антиджингоистов окончательно утратило партийный характер.

В разгар англо-бурской войны Джон Аткинсон Гобсон²² опубликовал трактат «Психология джингоизма», опираясь, в частности, на исследование Гюстава Лебона «Психология масс» (1895). Джингоизм Гобсон определяет как «прославление грубой силы и невежественное презрение к иностранцам» (Hobson 1901:3). Это явление он

связывает с процессами индустриализации и формированием массового общества в крупных городах. Именно здесь наблюдается «скопление больших масс рабочего люда», жизнь которого трудна, скучна и однообразна. «В каждой нации, далеко продвинувшейся в современном индустриализме, распространенность невротических заболеваний свидетельствует об общем нервном напряжении, которому подвергается население». Это и есть атмосфера джингоизма. «Грубый патриотизм, подпитываемый дичайшими слухами и яростными призывами к ненависти и животной жажде крови, быстро заражает светлую городскую жизнь <...>» (Ibid:8).

«Для джингоизма, — продолжает Гобсон, — характерно не столько дикарское стремление к личному участию в драке, сколько подпитывание (feeding) невротического воображения. <...> Джингоизм — это страсть зрителя, болельщика, а не борца; это коллективное, стадное чувство (mob passion) <...>» (курсив наш. — К. Д.). Сознание толпы «в интеллектуальном и нравственном отношении возвращается к типу сознания дикаря или ребенка» (Ibid:19). Человек толпы утрачивает способность к критическому суждению; «одни и те же люди могут одновременно придерживаться самых противоположных мнений о фактах или же чувствах» (Ibid:9, 12). Подобно ребенку и дикарю, человек толпы склонен к наивному бахвальству и не способен заглядывать вперед. «Ребенок и дикарь живут сегодняшним днем. То же относится к джингоисту» (Ibid:63, 67).

²² Д. А. Гобсон (Хобсон) (1858–1940), английский экономист и социолог; известен прежде всего как автор монографии «Империализм» (1902).

Первое словарное определение термина 'джингоисты' (jingoists) появилось уже в 1880 г.: «противники России в войне между Россией и Турцией; отсюда название английской партии войны». 'Джингоизм' здесь же определяется как «бахвальство боевым духом» (Brewer 1880:495). Близкие определения находим в ряде позднейших английских и американских словарей XIX в.

В словаре франко-канадского лингвиста Сильвы Клапена 'джингоизм' определяется как «свойственная англичанам заносчивость, в частности, столь обычная для них склонность по каждому случаю афишировать свои претензии на принадлежность к высшей расе» (Clapin 1894:192).

Особняком стоит максимально нейтральное определение в американском словаре 1889 г.: «Джингоист <...> представитель крыла консервативной партии в Великобритании, выступающего за энергичную внешнюю политику» (The Century... 1889:3234).

В «Полном англо-русском словаре» А. Александрова (1899) слова 'джингоизм' нет, хотя оно неоднократно встречалось в русской печати. Заметим еще, что в «Северном вестнике» за 1893 г. слово jingoist передано как 'джинги'.

4. 'ДЖИНГОИЗМ' В АМЕРИКАНСКОЙ ПЕЧАТИ

В 1880 г. влиятельный нью-йорский журнал поместил статью Голдвина Смита об американско-канадских

отношениях. Смит констатирует, что в последние годы «Канаду, как и остальную часть империи, захлестнула волна джингоизма», а именно «империалистические, аристократические и антиконтинентальные настроения». Джингоисты хотели бы «полностью отделить ее [Канаду] в политическом и торговом отношении от Нового Света», т. е. от США. «Если бы джингоизм продолжал набирать силу, несомненно, были бы предприняты решительные усилия по созданию явно антидемократической империи в северной части этого континента под покровительством и в интересах британской аристократии» (Smith 1880a:22).

В 1884 г. в Бостоне выходил политико-юмористический еженедельник «Джинго». На виньетке первого номера изображена обезьяна, крутящая жернов с надписью «Общественное мнение»; по-видимому, она должна была символизировать Джинго. В некоторых сатирических материалах использовалось выражение 'by Jingo', но проблематика джингоизма в газете отсутствовала.

В качестве определения захватнического национализма слово 'джингоизм' стало широко использоваться в США после аннексии Гавайских (Сандвичевых) островов (1893). Обозреватель экономического журнала осудил этот шаг: «Единственным реальным основанием для аннексии Сандвичевых островов, по-видимому, является чувство американского джингоизма. На самом деле это имитация английской политики создания зависимых территорий, политика явно антиамер-

риканская и недемократическая». «Принцип аннексии должен соответствовать эволюции демократических институтов. Соединенные Штаты — великая республика мира; в конечном итоге она должна включить в себя весь североамериканский континент». Но произойти это должно естественным путем, мирно и добровольно; не следует присоединять территории, население которых «недостаточно развито, чтобы жить в наших демократических институтах, не понижая уровень нашей цивилизации» (Cunton 1893:185, 186).

4 июля 1895 г. экс-губернатор Огайо Джеймс Э. Кэмпбел произнес речь по случаю Дня независимости в Тамани-холл (Нью-Йорк). Он заявил: «Любая попытка захватить хотя бы пядь земли на этом континенте должна рассматриваться Соединенными Штатами как объявление войны. В последнее время стало модным подтрунивать над теми, кто так думает, и насмешливо называть их 'джингоистами'. Но приходит время, когда 'джингоист' перестанет быть ругательной кличкой и станет эмблемой тех, кто любит свою страну и свой флаг» (цит. по: Stead 1895:344).

На эту речь откликнулся известный британский журналист Уильям Томас Стед²³ в статье «Джингоизм в Америке». «Американский джингоист, — писал он, — <...>, точно так же, как его английский кузен, равнодушен к вопросу о правоте или неправоте дела, на которое он обрушивает свой драчливый кулак. Он

столь же слеп, пристрастен и предвзят, когда речь идет о Великобритании, как наши джингоисты, когда речь идет о политике России. Ибо джингоистские благодати — не вера, надежда и сострадание, а зависть, злоба и полное отсутствие сострадания. Американский джингоист, как и его британский предтеча, твердит один-единственный лозунг. В лондонских мюзик-холлах это был горластый припев, что Россия ни в коем случае не должна владеть Константинополем. Американские джингоисты с тем же упорством твердят, что ни одна неамериканская держава не должна расширять свои владения в Западном полушарии» (Stead 1895:341).

23 октября 1895 г., выступая перед республиканскими активистами в Бостоне, Теодор Рузвельт²⁴ счел нужным разъяснить: «Много говорят о "джингоизме". Если под "джингоизмом" имеют в виду политику, в соответствии с которой американцы должны решительно и разумно настаивать на уважении иностранными державами наших прав, то мы "джингоисты". Я считаю преступлением не только против Соединенных Штатов, но и против белой расы то, что мы не аннексировали Гавайи три года назад» (For an Honest... 1895). Это высказывание — показательный пример связи 'джингоизма' с представлением о цивилизаторской миссии «белой расы».

В разгар испано-американской войны 1898 г. в медицинском еженедельнике

²³ У. Т. Стед (1849–1912), редактор либеральной «Pall Mall Gazette», пацифист и критик предрассудков против России.

²⁴ В то время шеф полиции г. Нью-Йорка.

появилась статья под загл. «Самогипноз», в которой американская ‘джингомания’ изображается как курьезная разновидность самогипноза. «...Мы наблюдаем в высшей степени смехотворную манию, принявшую размеры политической эпидемии, а именно “Джингоманию” — манию, которой политик обзаводится ради получения дешевой рекламы в газетах. Она повергает его в такой транс, что он выступает на публике с дикими, бессвязными, нелогичными и громкими заявлениями, а после идет домой, чтобы прочитывать свою наспех записанную и переписанную речь в какой-нибудь газете, и, словно под гипнозом, представляется себе государственным мужем. Увы, такого рода самогипноз никогда не ведет к саморазрушению» (Warren 1898:581).

5. ‘ДЖИНГОИЗМ’ И ‘ШОВИНИЗМ’

Джингоизм нередко понимается как английский аналог или даже синоним французского шовинизма²⁵. Типологическое сходство обоих понятий несомненно, но весьма существенна также их национальная специфика, во всяком случае, если речь идет о языке XIX в.

Прежде всего, отметим «неблагородное» происхождение того и другого термина — из популярной, отчасти даже низовой культуры. Символ шовинизма, солдат Шовен, — персонаж фривольных песенок, популярных гравюр и водевилей; символ джингоизма — ура-патриотические куплеты, а само слово восходит к вульгарной божбе.

Оба понятия ассоциировались с воинственной мегаломанией, культом силы, антиинтеллектуализмом. При своем зарождении шовинизм и джингоизм, хотя и в различной степени, связывались с прославлением колониальной войны.

Противники шовинизма и джингоизма порицали то и другое как вульгарный, плебейский патриотизм, проявление дурного вкуса; защитники шовинизма и джингоизма видели тут грубое, но искреннее проявление патриотизма.

В теоретическом дискурсе шовинизм рассматривался как способ приобщения низших классов к национальной идеологии. Для Британии конца XIX в. эта задача была уже неактуальной; тут речь шла об идеологии колониально-имперской, одно из центральных понятий которой — «англо-саксонская раса». Представление об особой миссии «англо-саксонской расы» характерно как для британской, так и американской версии джингоизма.

Образ Шовена — по преимуществу крестьянский; образ типичного джингоиста — по преимуществу городской. Образ Шовена связывался с воинской инициацией человека из народа и культом военной иерархии. В Англии, где вплоть до Первой мировой войны не было призывной системы и массовой армии, этот мотив выражен слабо.

Во французском шовинизме огромную роль играли ностальгические и реваншистские мотивы: исходно

²⁵ Истории этого понятия в XIX в. посвящены наши статьи: (Душенко 2022а–2022б).

шовинизм был порождением ущемленного национального самолюбия. Джингоизм же подпитывался сознанием неуклонного роста имперской мощи Британии.

Мотив исключительного предпочтения всего отечественного, столь важный для французского шовинизма, в джингоизме почти незаметен.

Шовинизм при своем зарождении имел по-преимуществу либеральную окраску, джингоизм — ярко выраженную консервативную (хотя следует помнить, что британский консерватизм содержал гораздо больше либеральных ценностей, чем консерватизм любой другой европейской нации).

В обоих случаях нередок был мотив культурной, цивилизационной миссии. Но шовинист видит свою страну во главе прежде всего европейской цивилизации, тогда как джингоист — носительницей цивилизации в других частях света. Для него Британия не просто одна из империй, но мировая империя, единственная сверхдержава, говоря языком позднейшей эпохи.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

A New Version... 1885 — A New Version of the Old Jingo Psalm // The Pall Mall Budget. Lodon, 1885. № 865, April 24. P. 26.

Bowing... 1895 — Bowing the Knee to Jingo // The Truth. London, 1895. № 964, June 20. P. 1518–1519.

Brewer 1880 — Brewer E. C. The Reader's Handbook of Allusions, References, Plots and Stories. Philadelphia: Lippincott, 1880. 1170 p.

Captain 1927 — Captain A. O. W. Seemarks And Landmarks. London: E. Benn, 1927. 359 p.

Clapin 1984 — Clapin S. Dictionnaire canadien-français: ou Lexique-glossaire des mots, expressions et locutions ne se trouvant pas dans les dictionnaires courants et dont l'usage appartient surtout aux Canadiens-français. Montréal: C. Beauchemin; S. Clapin: Boston, 1894. 388 p.

Clayden 1880 — Clayden P. W. England Under Lord Beaconsfield: The Political History of Six Years from the End of 1873 to the Beginning of 1880. London: K. Paul, 1880. 552 p.

Clifford 1878 — [Clifford J.] Scraps from the Editor's Waste-Basket // The General Baptist Repository, and Missionary Observer. London, 1878. Vol. 18, July. P. 313.

Cunton 1893 — [Cunton G.] Editorial Crucible // The Social Economist. New York, 1893. Vol. 4, March. P. 182–187.

D'Alton Williams 1877 — D'Alton Williams R. Poems. Dublin: T. D. Sullivan, 1877. 184 p.

Farmer 1896 — Farmer J. S. Slang and Its Analogues Past and Present: A Dictionary <...>. [Sine loco: Sine nomine], 1896. Vol. 4. 399 p.

For an Honest... 1895 — For an Honest Election // The New York Times. New York, 1895. 24 October. P. 8.

Herbert 1878 — Herbert H. H., lord Carnarvon. Imperial Administration: [A Speech Delivered on the 5th November 1878 in the Philosophical Institution in Edinburgh] // The Fortnightly Review. London, 1878. Vol. 24, no. 144, 1 December. P. 751–764.

Hobson 1901 — Hobson J. A. The Psychology of Jingoism. London: G. Richards, 1901. 139 p.

Home... 1878 — Home. Political Affairs // The Graphic. London, 1878. № 433, March 16. P. 262.

Hume 1892 — Hume F. The Island of Fantasy: A Romance. New York: United States Book Company, [1892?]. 453 p.

- Jenkins 1878 — Jenkins E. Haverholme, Or, The Apotheosis of Jingo: A Satire. London; Belfast: W. Mullan and Son, 1878. XII, 251 p.
- Latham 1876 — Latham R. G. A Dictionary of the English Language: In 2 vols. London: Longmans, 1876. Vol. 2, Part 1. 744 p.
- Lock 1882 — Lock B. F. England and Egypt, An Address Given at South Place Institute, Finsbury on Tuesday, Oct. 24, 1882. London: K. Paul, Trench, & Co., 1882. 38 p.
- Lord 1891 — Lord J. Beacon Lights of History: In 15 vols. New York: Fords, Howard and Hulbert, 1891. Vol. 6: Modern European Statesmen. 623 p.
- Lowe 1878 — Lowe R. Imperialism // The Fortnightly Review. London, 1878. Vol. 24, № 142, October 1. P. 453–465.
- Nathaniel... 1880 — Nathaniel Briggs, Esq., M.P. // Vanity Fair. London, 1880. April 24. P. 237–238.
- Notes and Notices 1878 — Notes and Notices // The Arbitrator. London, 1878. № 78, July. P. 7.
- Ogilvie 1855 — Ogilvie J. A Supplement to the Imperial Dictionary. Glasgow; Edinburgh; London: Blackie, 1855. 414 p.
- Perry 1885 — Perry W. C. An Apology for Jingoism // The National Review. London, 1885. Vol. 5, № 27, May. P. 391–402.
- Political... 1878 — Political and Social Notes and Comments // The Examiner. London, 1878. May 18. P. 609–611.
- Rasper 1882 — Rasper (pseud.). Diary of Rasper, M. P. // Vanity Fair. London, 1882. Vol. 27, March 25. P. 159–160.
- Rogers 1882 — Rogers J. G. The Liberal Party and the Egyptian Policy. Chilworth; London, Unwin Brothers, [1882]. 15 p.
- Sala 1880 — Sala G. A. Now and Then in America // The North American Review. New York, 1880. Vol. 80, № 279, February. P. 147–162.
- Shafton 1827 — Shafton P. (pseud.?) The Unknown Region // Shafton P. Vagaries: In Quest of the Wild and the Whimsical. London: Andrews, 1827. P. 183–196.
- Sitting... 1882 — Sitting of 17 March 1882 // Hansard's Parliamentary Debates. London: Hansard, 1882. Vol. 267. Col. 1134–1254.
- Sitting... 1893 — Sitting of 20 March 1893 // Hansard's Parliamentary Debates. London: Hansard, 1893. Vol. 10. Col. 482–620.
- Smith 1878 — Smith G. A Word for Indignation Meetings // The Fortnightly Review. London, 1878. № 139 (186), Juli 1. P. 88–102.
- Smith 1880a — Smith G. Canada and the United States // The North American Review. New York, 1880. Vol. 131, July. P. 14–25.
- Smith 1880b — [Smith G.] [Editorial] // The Bystander. Toronto, 1880. Vol. 1, January. P. 1–56.
- Smith 1879 — [Smith G.] Papers by a Bystander. № 2 // The Canadian Monthly and National Review. Toronto, 1879. Vol. 2, February. P. 230–248.
- Song... 1880 — Song. I am an anti-Radical // Truth. London, 1880. Dec. 25. P. 34.
- Southey 1807 — [Southey R.] Letters from England / By Manuel Alvarez Espriella. Translated from the Spanish: In 2 vols. Boston: Munroe & Francis, 1807. 384 p.
- «Stars and...» 1878 — «Stars and Garters» // Truth. London, 1878. № 91, September 26. P. 353.
- Stead 1895 — Stead W. T. Jingoism in America // The Contemporary Review. New York; London, 1895. Vol. 68, September. P. 344–347.
- Stead 1909 — Stead W. T. The M. P. for Russia: Reminiscences & Correspondence of Madame Olga Novikoff. London: A. Melrose, 1909. Vol. 2. 536 p.
- The Century... 1889 — The Century Dictionary: An Encyclopedic Lexicon of the English Language. In 6 Vols. New York: The Century Co., 1889. Vol. 3. P. 2421–3556.

The Encyclopædic... 1885 — The Encyclopædic Dictionary / Ed. by R. Hunter. London: Cassel, 1885. Vol. 4, Part 2. 768 p.

The London... 1885 — The London Press // The Herald of Peace. London, 1885. № 419, May 1. P. 227.

The Political... 1880 — The Political Situation // The British Quarterly Review. London, 1880. Vol. 71, April 1. P. 437–452.

Theo-Jingo-machia 1880 — Theo-Jingo-machia // The Spectator. London, 1880. № 2695, February 21. P. 289. Подпись: Н. М.

Thomson 1882 — Thomson G. In Self-Defence // Fun. London, 1882. July 19. P. 25.

Val d'Eremao 1895 — Val d'Eremao J.P. Newfoundland and French Fishery Rights // The Imperial and Asiatic Quarterly Review. London, 1895. Vol. 9, ser. 2 (October). P. 376–399.

Warren 1898 — Warren S. Autohypnotism // The Medical News. New York, 1898. Vol. 72, № 19, May 7. P. 580–582.

What is... 1880 — What is a Jingo? // The Saturday Review. London, 1880. January 31. P. 140–141.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дронова 2021а — Дронова Н.В. К вопросу о политических технологиях викторианской Англии: концепт «джинго» в издательской практике журнала «Punch» (1878–1879) // Вестник Тамбовск. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2021. Т. 26, № 190. С. 223–234.

Дронова 2021б — Дронова Н.В. Тема «джинго» в практике рождественских представлений британских театров сезона 1877–1878 гг. // История: Факты и символы. Елец, 2021. № 1 (26).

Душенко 2021а — Душенко К.В. Первые дебаты о 'русифобии' (Англия, 1836–1841) // Историческая экспертиза. М., 2021. № 4. С. 225–242.

Душенко 2021б — Душенко К.В. Никола Шовен, легендарный патрон шовиниз-

ма // Литературоведческий журнал. М., 2022. № 2 (56). С. 52–77.

Душенко 2021в — Душенко К.В. Шовинизм: происхождение и эволюция понятия в XIX в. // Историческая экспертиза. М., 2022. № 3. С. 317–334.

Cunningham 1971 — Cunningham H. Jingoism in 1877–78 // Victorian Studies. Bloomington, 1971. Vol. 14, № 4, June. P. 429–453.

Tréguer 2017 — Tréguer P. Origin and Meanings of 'Jingo' // Tréguer P. Word histories [Сетевой ресурс, 2017]. Режим доступа: <https://wordhistories.net/2017/06/05/origin-of-jingo> (дата посещения: 20.12.2021)

REFERENCES

Dronova, N. V. K voprosu o politicheskikh tekhnologiiakh viktorsianskoi Anglii: kontsept «dzhingoo» v izdatel'skoi praktike zhurnala «Punch» (1878–1879). Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: *Gumanitarnye nauki*. Tambov, 2021, vol. 26, no. 190. S. 223–234.

Dronova, N. V. Tema «dzhingoo» v praktike rozhdestvenskikh predstavlenii britanskikh teatrov sezona 1877–1878 gg. Istoriia: Fakty i simvol'y. Elets, 2021, no. 1 (26).

Dushenko, K. V. Pervye debaty o «rusofobii» (Angliya, 1836–1841). *Istoricheskaya ekspertiza*. Moscow, 2021, no 4, p. 225–242.

Dushenko, K. V. Nikola Shoven, legendarnyi patron shovinizma. *Literaturovedcheskii zhurnal*. Moscow, 2022, no. 2 (56), p. 52–77.

Dushenko, K. V. Shovinizm: proiskhozhdenie i evoliutsiia poniatia v XIX v. *Istoricheskaya ekspertiza*. Moscow, 2022, no. 3, p. 317–334.

Cunningham, H. Jingoism in 1877–78. *Victorian Studies*. Bloomington, 1971, vol. 14, no. 4, June, p. 429–453.

Tréguer, P. Origin and Meanings of 'Jingo'. Tréguer, P. Word histories [Network resource, 2017]. Mode of access: <https://wordhistories.net/2017/06/05/origin-of-jingo> (date of the application: December 20, 2021)

М. А. Артемьев

К НАПИСАНИЮ ФАМИЛИИ ЛАФАТЕР В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

В статье рассмотрено появление ошибочного написания в публикуемых версиях романа «Война и мир» фамилии И. К. Лафатера, сопоставляются первые публикации текста с последующими. Делается вывод о том, что нынешняя практика неверного написания не имеет ничего общего с авторским замыслом.

Ключевые слова: Лев Толстой, Лафатер, «Война и мир».

Сведения об авторе: Артемьев Максим Анатольевич, кандидат психологических наук, доцент. Журналист, писатель, литературный критик. Автор книг «Путеводитель по мировой литературе», «Гюго» (в серии ЖЗЛ).

Контактная информация: art-maksim@yandex.ru

M. A. Artemyev

TO THE SPELLING OF THE NAME LAVATER IN THE NOVEL BY LEV TOLSTOY "WAR AND PEACE"

The article examines the appearance of an erroneous spelling in the published versions of the novel "War and Peace" of the name of J. C. Lafater, compares the first publications of the text with the subsequent ones. It is concluded that the current practice is incorrect and has nothing to do with the author's intention.

Key words: Leo Tolstoy, Lavater, "War and Peace".

About the author: Artemyev Maxim Anatolyevich, PhD in Psychology, Associate Professor. Journalist, writer, literary critic. Author of the books "Guide to World Literature", "Hugo" (in the series The life of remarkable people).

Contact information: art-maksim@yandex.ru

© М. А. Артемьев, 2023

DOI 10.31754/2410-1419-2023-1-302-304

В первой главе романа «Война и мир» князь Василий Курагин отвечает Анне Павловне Шерер: «Que voulez-vous? Lafater aurait dit que je n'ai pas la bosse de la paternité». Речь идет об известном швейцарском проповеднике Иоганне Каспаре Лафатере, основателе лженауки физиогномики, очень популярной в описываемые Львом Толстым времена. Отрывок цитируется по тексту в пятом томе собрания сочинений Л. Н. Толстого в 22 томах, 1978–1985.

Однако фамилия швейцарца пишется в оригинале Lavater (Johann Caspar, иногда Kaspar). Толстой не мог этого не знать, и дело даже не в его свободном с детства владении немецким языком, а в том, что он просто не мог видеть иного написания. На всех европейских языках с латиницей фамилия передается также как по-немецки — Lavater. Взять, например, парижское издание 1806 года *De connaître les hommes par la physionomie*. Имя в этом издании офранцужено — Gaspard, но фамилия передана правильно — Lavater. Отметим, что Толстой работал с текстами Лафатера и помещал его высказывания в свои сборники афоризмов «Круг чтения», «Путь жизни», «На каждый день».

Каковы же причины этой ошибки, до сих пор незамеченной редакторами, текстологами и филологами? При самом первом появлении романа Толстого в печати, тогда еще называвшегося «Тысяча восемьсот пятый год» — в журнале «Русский вестник» за 1865 год, № 1 (том 55), фамилия написана верно — Lavater. В первом отдельном издании «Войны и мира» 1868 года также Lavater. Однако в ряде прижизненных печат-

ных изданиях, например, в «Сочинениях графа Л. Н. Толстого», издание девятое, том пятый, 1893 год, стоит уже Lafater. Следовательно, опечатка вкралась не в советские издания, а еще раньше, до 1917 года.

Логика текстологов и редакторов следующая — раз сам автор в прижизненном издании использует данное написание, значит такова толстовская воля, и текст нельзя править. Но, исходя из имеющихся данных, нет никаких оснований предполагать, что это сознательная правка Толстого, желавшего написать непременно Lafater. И исправившего свое же первоначальное правильное написание.

Известно, что история публикаций «Войны и мира» достаточно запутана, и существует несколько вариантов романа. Есть вариант издания 1868–69 (в типографии П. И. Бартенева, вычитывавшего корректуру), есть издание 1873 (Н. Н. Страхова), есть вариант 1886 года, который подготовила С. А. Толстая, и в советские времена выходили различные варианты «Войны и мира». Собственно, утвержденного Толстым «окончательного» текста романа не существует. Есть некий «гипертекст», который допускает различные варианты — как по разбивке на тома и части, так и по использованию-неиспользованию французского языка, например, а также стилистические уточнения и поправки. Сам Л. Н. Толстой никогда не относился к «Войне и миру» как к чему-то неприкосновенному, охотно переписывал роман по настроению, и позволял редакторам — как тому же Бартеневу, вносить непринципиальные изменения. А после духовно-

го переворота рубежа 70–80-х годов он и вовсе утерять интерес к «Войне и миру», отдав вопросы переизданий в руки жены и помощников.

Но все это не может иметь отношения к правильности написания фамилии Lavater. Сам бы Толстой сторел со стыда, узнав, что ему приписывают столь безграмотное ее воспроизведение. Это ни в коем случае не авторская особенность, а именно чья-то описка — переписчика ли, редактора ли, наборщика ли, кого-то еще. В задаче данной статьи не входит отыскание того, с какого издания Lafater заменил Lavater. Это можно легко сделать, сопоставив, имея под рукой, соответствующие книги. Мы указали лишь, что в первых двух случаях, в 1865 и 1868 гг. фамилия писалась правильно, а уже в 1893 — неправильно.

Почему в советское и постсоветское время продолжается публикация романа с этой грубейшей ошибкой можно легко предположить — текстологи не являются специалистами по швейцарской культуре и литературе. Вряд ли кто-то из них интересовался Лафатером и знает, как правильно пишется его фамилия. Они просто сравнивали написание (если, вообще, обратили внимание и возможность того, что просто пропустили это упоминание физиогномиста, также исключать нельзя) в изданиях под редакцией С. А. Толстой, считающихся основными, и правили в соответствии с ними.

Как бы там ни было, необходимо внести соответствующую правку в текст романа, при последующих его переизданиях. «Война и мир» — национальное достояние, сокровищни-

ца духовной жизни русского народа, и терпеть ситуацию, при которой в ее тексте фигурирует грубая ошибка, к тому же на родине Л. Н. Толстого, на его родном языке, значит, дискредитировать и самого великого писателя, и его наследие. Ведь во всех иностранных переводах «Войны и мира» фамилия швейцарского физиогномиста пишется правильно — Lavater.

Предварительное обсуждение с филологами в социальных сетях найденной мною ошибки выявило нежелание части научной общественности считаться с данным фактом. То, что это — ошибка, соглашаются все, но считается недопустимым исправлять текст прижизненных изданий Льва Толстого сугубо по формальным основаниям. Однако ошибка ошибке рознь. Одно дело ошибки, так сказать, авторские. Например, пересказ Толстого из Бернардена де Сен-Пьера «Суратская кофейная». У Толстого герой-турок говорит: «Ваша вера уже около шестисот лет тому назад заменена истинною верою Магомета». Это неверно, ибо проповедь ислама началась в начале VII века н.э., следовательно, автор ошибся почти на 1200 лет (оригинал напечатан в 1790 году и помещен в современное автору время, Толстой дополнительно «осовременил» рассказ, введя в него пароход). Но «исправлять» было бы бессмысленно, можно только указать в примечаниях на данный факт.

Другое дело — явная опечатка/описка. Вся совокупность фактов указывает на то, что Л. Н. Толстой знал — как пишется фамилия Лафатера, и в данном случае речь идет именно о случайной, неавторской ошибке.

Д. Я. Стахов

КИНО БОЛЬШИХ ИДЕЙ

Рец.: «На Западном фронте без перемен», фильм режиссёра Эдварда Бергера

«На Западном фронте без перемен» — немецкий фильм 2022 года режиссёра Эдварда Бергера. Основан на одноименном романе Эриха Марии Ремарка. Длительность — 147 минут. Сюжет фильма повествует о судьбе молодого немецкого солдата Пауля Боймера, который, по настоянию школьного учителя, отбывает добровольцем на фронт Первой мировой войны вместе со своими одноклассниками.

Ключевые слова: Первая мировая война, Netflix, экранизация, антивоенный роман, ужасы войны, психологическая достоверность.

Сведения об авторе: Дмитрий Яковлевич Стахов — психолог, журналист и писатель. Рассказы, повести и романы переводились на немецкий, французский, голландский и английский языки.

Контактная информация: dstakhov@yandex.ru

D. Ya. Stakhov

CINEMA OF BIG IDEAS

Review: "On the Western Front without Change", film directed by Edward Berger

"On the Western Front without Change", a 2022 German film directed by Edward Berger, based on the novel of the same name by Erich Maria Remarque. Duration — 147 minutes. The plot of the film tells about the fate of a young German soldier Paul Boimer, who, at the insistence of a school teacher, is serving as a volunteer at the front of the First World War together with his classmates.

Keywords: World War I, Netflix, film adaptation, anti-war novel, horrors of war, psychological reliability.

About the author: Dmitry Ya. Stakhov is a psychologist, journalist and writer. Short stories, novellas and novels were translated into German, French, Dutch and English.

Contact information: dstakhov@yandex.ru

«На Западном фронте без перемен», самый дорогой немецкий фильм, поставленный Эдвардом Бергером по

сценарию Лесли Паттерсона и бывшего журналиста Вашингтон-пост Иана Стокелла, выдвинут Германией

на «Оскар». Критики, в массе своей восторженно принявшие эту масштабную постановку, сходятся на том, что фильм имеет немало шансов завоевать заветную статуэтку. Фильм, между прочим, имеет слоган — *In the midst of the chaos and brutality of World War One trench warfare, there is still hope*, то есть — «Среди хаоса и жестокости окопной войны (Первой мировой) всё ещё есть надежда». Слоган никак не корреспондирует с содержанием, но кто в наши необязательные времена обращает внимание на такие досадные мелочи...

...Впрочем «Оскар» — это престиж, но, что важно, конвертируемый в прибыль. Пока же неуклонно растёт число просмотров: на Netflix, под «крышей» которого «На Западном фронте...» был создан, фильм давно в десятке и вполне может выйти на первое место. Считается, что создателей «поняли и услышали» не только читавшие Ремарка (после того, как фильм стал доступен, в московском метро появились продвинутые молодые люди с покетбуками романа), а также более 50 млн подписчиков во всем мире. Плюс к этому пользователи «пиратских» копий не меньшим числом.

Для пишущего эти строки одним из результатов просмотра фильма Бергера стало то, что был перечитан роман (поразила неотмеченная при прежнем прочтении публицистичность заключительных страниц) и возникло ощущение того, что создатели обошлись с первоисточником, память о котором поблекла в деталях, излишне вольно. Кроме того, были пересмотрены прежние экранизации, обе американские, 1930 года и телевизионная, 1979 го-

да. Возможно, в Германии копили обиду — как же так! а мы? роман-то немецкий! Хотя надо отметить, что старые экранизации, при всех плюсах (два Оскара за фильм 1930-го) и минусах, с первоисточником обходились бережно.

Вспоминается очень хороший, опять же таки — американский, фильм. В нём один герой обращается к другому, постоянно грубо и цинично нарушающему, так сказать, базовые заповеди:

— «Джим, ты хоть читал Библию?»
«Нет, мой дорогой, — отвечает тот, — я жду экранизацию».

То есть, мысль можно развернуть таким образом — надежда, что Джим образумится мала, призрачна, но всё-таки в нём может что-то стронется (ради объективности можно даже предположить, что Джим озверевает ещё больше), так как воздействие визуального несомненно мощнее, но текст влияет — если можно так выразиться — качественнее.

С другой стороны, нет непреложного закона, что экранизация литературного произведения должна во всем и всегда строго следовать за первоисточником. Более того, Шекспира можно перенести в современную бизнес-среду — «Гамлет идет в бизнес» Аки Каурисмяки, Пушкина в эпоху «лихих 90-х» — «Борис Годунов» Владимира Мирзоева, Софокла в современный Монреаль, преобразовав семью царя Клеонта в семью беженцев из Алжира — «Антигона» режиссера Софи Дерасп, и так далее и тому подобное. Макбетом может быть Дензел Вашингтон (гениаль-

ный Макбет, между прочим), а доктор Джон Ватсон может превратиться в Джоан Ватсон (актриса Люси Лью разве что перекрасилась в блондинку...) в сериале «Элементарно».

Нет, действие «На Западном...» происходит всё там же, в то же время. Вставлен разве что эпизод, когда Маттиас Эрцбергер ставит 11 ноября 1918 года подпись под Компьенским перемирием, прекратившим боевые действия в Первой мировой войне. Да ещё немалое время отдано генералу Фридриху, этакому типичному вояке, безжалостно посылающему солдат в бессмысленную атаку за двадцать минут до вступления договора о перемирии в силу.

Дело, как представляется, в другом. А именно в том, что у Ремарка детали и подробности придают психологическую достоверность и индивидуальность как главному герою романа, так и другим героям. Переделки же создателей «На Западном...»-2022 выставляют действующих лиц одномерными, ходульными. Герои фильма оказываются лишёнными подлинного внутреннего мира и прошлого (несмотря на то, что они в массе своей очень молоды) опыта. Перестройки романа для экранизации не помогают фильму, схематизируют его. Так потенциальных новобранцев призывает отправиться на фронт добровольцами директор гимназии, хотя в романе это классный наставник Канторек, «строгий маленький человечек в сером сюртуке, с острым как мышьяная мордочка, личиком», и сцена, когда главный герой, Пауль Боймер (Феликс Каммерер), будучи в отпуске, наблюдает, как его ставший лейтенантом товарищ муштрует проходящего военную под-

готовку Канторенка, несомненно, дала бы новые краски образу самого главного героя. То же самое происходит и с унтер-офицером Химмельштосом, гонявшим новобранцев перед отправкой на фронт («офицеры маленького роста всегда ужасно придираются...»), а потом оказавшимся в тех же окопах, что и бывшие его подчиненные.

Продолжая разбираться с деталями, нельзя не отметить, что одна из деталей романа — похищение гуся, в фильме играет совсем другими красками, становится практически судьбоносной. В романе герои, Пауль и Станислав Катчинский (Кат, почему-то в фильме превращенный в безграмотного сапожника) похищают гуся из птичника для офицерской столовой. В фильме они крадут его у фермера, чье хозяйство непостижимым образом уцелело на стыке противостоящих армий, а уж то, что Кат получает пулю от малолетнего фермерского сына, вообще видится предельно натянутой, искусственной сценой.

Главный герой, Пауль, стараниями сценаристов, режиссера и исполнителя роли — это пустой сосуд, постепенно наполняющийся абсолютным безразличием и готовностью бежать вперед с винтовкой на изготовку. Прошлый опыт и в самом деле отсутствует, нет чувства отчужденности, которое преследовало героя романа, нет его глубокого внутреннего мира, чувства музыки и воспоминаний о прочитанных книгах. Великолепная сцена романа, когда солдаты гольшом переходят реку, оправляясь в гости к французским крестьянкам, сводится к платочку, который получает в дар от девушки один из персонажей, и платочек становится неким переходящим призом, от одно-

го к другому, пока в финале новобранец не снимает его с шеи проткнутого французским штыком Пауля.

Надо повториться — создатели фильма имели полное право обойтись с романом по своему усмотрению. Однако то, что у них получилось излишне выпукло, служит одному принципу — сохранить предельно воздействующую на зрителя визуальность, которой принесены в жертву все скрытые и явные смыслы. Тут удивляться нечему — визуальность победила окончательно и бесповоротно, надо быть как упомянутый выше Джим, хотя нельзя не учитывать, что победа визуальности привела кроме всего прочего к тотальному упрощению.

Тем более если визуальный продукт рассчитан на массовую аудиторию. Перенос скрытых, вторых, третьих смыслов из текста в визуальное возможен, но при целом ряде условий — дарование сценариста и режиссера, талант оператора и исполнителей, — но главное — при условии, что потенциальный потребитель расположен, способен эти смыслы считать, имеет возможность тратить энергию на то, чтобы в них вникнуть, в конце концов — обладает той подготовкой, которая позволит ему понять, что помимо «большой идеи» есть и что-то ещё.

А фильм Бергера целиком и полностью относится к кинематографу «больших идей». Он, пытаясь соответствовать принципу «Как достичь успеха?», содержит одну «большую идею» (две-три таковых на один фильм, книгу много и даже недопустимо) — идею «Война — это ужасно!» Всё остальное следует за нею, принося в жертву то, что есть в пер-

воисточнике, а именно — психологическую достоверность, индивидуальность, внутренний мир героев. С другой стороны, высокопрофессиональное, лишенное индивидуальности кино, наполненное сентиментальностью, берущими за живое эпизодами (например, чтение писем из дома в отхожем месте или тот же женский платочек, переходящий по наследству от одного погибшего к пока ещё живому), просто обязано найти отклик у современного зрителя.

Хотя с «большой идеей» всё-таки сложности. Слишком прописной, банальной, пустой была и остается проталкиваемая мысль, что война античеловечна. Вспоминается выдающийся исследователь, историк и философ Андрей Снесарев и его «Философия войны», в которой он приходит к выводу, что за две с половиной тысячи лет человечество без войны прожило двадцать четыре года, причем в разбивку, не подряд.

К тому же «большие идеи» таят в себе не только угрозу упасть в банальность. Кино больших идей (как и литература, которую Набоков мечтал разбить молотком) отличается упрощенным художественным языком, обедненными образами. Чем «больше» идея, тем проще язык. Поэтому не стоит удивляться почти карикатурному генералу, тому самому генералу Фридриху. Другое дело, что массовый зритель любит (можно сказать — жить без них не может...) «большие идеи», готов принять их безоговорочно, не неся за это никакой ответственности, и, успокоено прошептав под нос по окончании просмотра — да, война губит всех, — спокойно вернуться к повседневным делам.

А. А. Тесля

КОНГЕНИАЛЬНЫЕ

Рец.: Якобсон Р., Леви-Стросс К. Переписка. 1942–1982 / Предисл., подгот. к изд. и прим. Э. Луайе и П. Манилье; пер. с фр. О. Волчек под науч. ред. С. Фокина. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. — 424 с.

В эссе рассматривается опубликованная в 2018 г. во Франции и в 2022 г. вышедшая русским изданием переписка Романа Якобсона и Клода Леви-Стросса, одних из наиболее влиятельных ученых-гуманитариев прошлого столетия. Особенный интерес переписке придает обсуждение собеседниками ключевых вопросов структурализма, понимание ими направленности и смысла собственных научных устремлений — позволяющие по-новому взглянуть на историю структурализма с точки зрения создателей направления.

Ключевые слова: история науки, ОПОЯЗ, смысл, структурная лингвистика, структурализм, язык

Сведения об авторе: Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель Центра исследований русской мысли Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград)
e-mail: mestr81@gmail.com

A. A. Teslya

CONGENIAL

Rev.: Jakobson R., Levi-Stross K. Peregiska. 1942–1982 / Predisl., podgot. k izd. i prim. EH. Luaje i P. Manil'e; per. s fr. O. Volchek pod nauch. red. S. Fokina. — M.: Izdatel'skij dom «Delo» RANKHIGS, 2022. — 424 s.

© А. А. Тесля, 2023

DOI 10.31754/2410-1419-2023-1-309–312

Работа была выполнена в рамках гранта РФФ (№ 22-18-00591) «Прагмасемантика как интерфейс и операционная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

The essay examines the correspondence between Roman Jakobson and Claude Lévi-Strauss, who were among the most influential humanities scholars of the previous century, published in 2018 in France and in 2022 in Russian edition. The correspondence is of particular interest because of the discussion by the interlocutors of the key issues of structuralism, their understanding of the direction and meaning of their own scientific aspirations — allowing them to take a fresh look at the history of structuralism from the point of view of the creators of the direction.

Keywords: history of science, ОРОЯЗ, meaning, structural linguistics, structuralism, language.

About the author: Andrey A. Teslya, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Scientific Director of the Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)

Contact information: mestr81@gmail.com

Классическая история возникновения «структурализма» начинается с рассказа о встрече Якобсона и Леви-Стросса в начале 1942 г. в Нью-Йорке, в Свободной школе высших исследований¹. Растерянный, находящийся одновременно и в поисках метода, и в поисках своего места в жизни Леви-Стросс попадает на занятия Якобсона — обнаруживая в лингвистике (к которой французская интеллектуальная традиция привычно внимательна), излагаемой чехословацким беженцем, ключ, позволяющий ему упорядочить то, что представлялось хаосом исследователям, включая и его самого — но чему он не мог поверить, поскольку аборигены вместо хаоса каким-то образом видели в своих отношениях родства раз за разом порядок (а следовательно — разум). Несколько лет

спустя, завершая работу над «Элементарными структурами родства» (1948), Леви-Стросс кратко сформулирует свой принцип — утверждая, что если для внешнего наблюдателя нечто, в чем ориентируются те, кто находятся «внутри», выступает как беспорядок и бессмыслица, то это проблема именно внешнего наблюдателя, неспособного уловить, открыть разумность происходящего — имплицитную: разумность, которую аборигены осуществляют на практике. И, следовательно, задача исследователя — открыть, сформулировать эксплицитно то, что имплицитно уже наличествует: подобно тому, как нам удастся говорить на языке и посредством языка, не будучи ни лингвистами, ни хоть сколько-нибудь сведущими в грамматике².

¹ Подразделения «*New School for Social Research*», созданного специально для временного устройства европейских интеллектуалов, вынужденных бежать из воюющей Европы — так, чтобы они не создавали избыточной нагрузки на американский академический рынок труда.

² И здесь же по прямой возникающее различие, вносимое рефлексией: говорить на языке; говорить на языке, имея более или менее развернутое представление о грамматике этого языка; говорить на языке, соотнося собственное говорение с представлением о его грамматическом устройстве — даже эти три простых варианта уже радикально отличаются друг от друга. Что поведет к хрестоматийному различию Леви-Строссом обществ в их отношении к истории как «горячих» и «холодных» — и разнообразным трактовкам модерности, одной из наиболее заметных в рамках этой линии станет концепция «структуриации» Энтони Гидденса.

История рождения «структурализма» станет вопросом уже в 1960-е — почти сразу вслед за стремительным взлетом популярности нового направления. И вопрос родится не по поводу биографических подробностей, влияний и проч. — а исходя из теоретического затруднения: что, собственно, родилось? Чем является «структурализм», в чем общность исследований Якобсона и Леви-Стросса, не говоря о прочих участниках движения? Иными словами, если вопрос ставился/ставится об общей научной программе, а не о «влияниях», если речь не о том, что теоретические построения Якобсона и практика его исследований оказались творчески стимулирующими работу Леви-Стросса, и что последний нашел в работах первого источник интеллектуального вдохновения — то в этой перспективе ответ, действительно, перестает представляться простым. Эммануэль Луайе и Патрис Манилье, подготовившие французское научное издание переписки Якобсона и Леви-Стросса (2018), видят в ней в том числе и возможность ответить на этот вопрос. Согласно их комментарию, «структурализм» не возникает ни в 1940-е, ни в 1950-е (или, чуть меняя формулировку: эти годы будут его предьсторией), тогда по существу речь идет об аналогиях, воодушевляющих примерах исследований в других дисциплинах, на которые можно ориентироваться, задаваясь вопросом — как нечто подобное возможно в рамках твоего собственного дисциплинарного знания. Решающее в истории «структурализма» (в рамках понимания последнего Якобсоном и Леви-Строссом) приходится на начало 1960-х, когда длинный путь исследований мифов,

начавшийся для Леви-Стросса на рубеже 1940–50-х годов, приведет его к концепту «мифемы» (с. 40–42) и возникшему на этой основе 4-томнику «Mythologiques», работа над которым займет все 1960-е годы. Подобно «фонеме» в рамках созданной Якобсоном и Трубецким фонологии, «мифема» выступает «пучком дифференциальных элементов»: единство персонажей не дается, а возникает — общим является то, что позволяет отличать от другого (с. 397, 11).

Переписка Якобсона и Леви-Стросса представляет разнообразнейший интерес: в ней в изобилии представлены сюжеты, связанные с устройством и изменением академического ландшафта 1940–70-х годов (прежде всего американского и французского, но отнюдь не только их), и политические ожидания и страхи, повседневность за границами академии — и многообразные отголоски устных разговоров, поскольку корреспонденты были в первую очередь собеседниками лицом к лицу — как ни удивительно для столь «бумажных» людей, письма для них обоих лишь заместитель личного общения.

Но главный интерес публикуемых писем — в обнаруживающейся поразительной когениальности: они с разных сторон океана одновременно отзываются на одни и те же книги, они синхронно видят в тех или иных идеях, только что ставших предметом обсуждения, возможность дальнейшего развития, применения к занимающему их (стремительно реагируя, к примеру, на выход «Кибернетики» Винера). И, вопреки стереотипу, наибольшего созвучия они достигают, отзываясь на открытие

«Соссюра за пределами “Курса...”» — наступившего после открытия его архива понимания, насколько Соссюр далек от идей, привычно ассоциировавшихся с ним после публикации его учениками «Курса...» в 1916 г. Они оба не только интересуются обнаружившимся у исторического Соссюра первостепенным вниманием к метаморфозам знаков (с. 263), но именно в этом, неортодоксальном Соссюре обнаруживают сходство с тем, что занимает их самих.

Как будет (вполне традиционно) формулировать Леви-Стросс, по существу повторяя закон обратного соотношения объема и содержания понятий — смысл общего не велик, он возрастает, приближаясь к неисчерпаемости, по мере того как наш интерес приближается к индивидуальному. И это важно в том числе и для понимания «структурализма», как он понимался двумя собеседниками — не как поиск общего, инварианта (в идеале — универсального), а как в конце концов способ, дающий понимание конкретного, не редуцируя его к общему, а посредством общего получая возможность понимать единичное. Переходя от общих разговоров к конкретному — напомним, что единственным написанным в соавторстве, к двадцатилетию их дружбы, текстом станет анализ бодлеровских «Кошек» (1840). Примечательно, что Якобсон остро отреагирует на критические замечания — что «обычный читатель»

не способен увидеть, расслышать в «Кошках» то, что они вдвоем с Леви-Строссом вычлениют на разных уровнях анализа в стихотворении. Думается, острота реакции, «задетость» этим критическим штампом будет связана прежде всего с переживанием непонятости самой сути того научного видения, которое соединяло соавторов: «обычный читатель» (помимо того, что он сам по себе есть нечто, миру неизвестное — это существующее сугубо как абстракция в сознании критика), разумеется, не проводит анализа подобного тому, что проделали авторы, как не было ничего подобного написанному в статье в сознании самого Бодлера. В известном смысле это возврат к одной из основополагающих, создающих «формализм» статей — эйхенбаумовской «Как сделана “Шинель” Гоголя?» (1918), после более чем сорока лет исследований: не отдаваться импрессионизму, не описывать предмет на его же собственном языке, а понять, как возникает впечатление, посредством чего, каким образом этот небольшой набор звуков и знаков устроен? И эти четырнадцать строк оказываются поистине неисчерпаемы — ведь статья Якобсона и Леви-Стросса (начавшаяся с замечаний в письме последнего, как «попутных рассуждений») является не более чем эссе, без претензии на окончательность, демонстрацией того, как, даже при беглом прикосновении, разрастается видимая сложность конкретного.

А. С. Стыкалин

Рец.: Kevin McDermott, Matthew Stibbe (Ed.). Eastern Europe in 1968. Responses to the Prague Spring and Warsaw Pact Invasion. London: Palgrave Macmillan, 2018. 311 p.

Рецензируется опубликованный в Великобритании фундаментальный коллективный труд, в котором представлена реакция в СССР и социалистических странах Восточной Европы на Пражскую весну 1968 г. и ее подавление.

Ключевые слова: Внешняя политика СССР, Пражская весна 1968 г., вторжение в Чехословакию в августе 1968 г., реформы реального социализма, национал-коммунизм, мировая система социализма.

Сведения об авторе: Стыкалин Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Контактная информация: zhurslav@gmail.com

A. S. Stykalin

Rev.: Kevin McDermott, Matthew Stibbe (Ed.). Eastern Europe in 1968. Responses to the Prague Spring and Warsaw Pact Invasion. London: Palgrave Macmillan, 2018. 311 p.

A fundamental collective work published in Great Britain is reviewed, which presents the reaction in the USSR and the socialist countries of Eastern Europe to the Prague Spring of 1968 and its suppression.

Key words: Foreign policy of the USSR, Prague Spring 1968, invasion of Czechoslovakia in August 1968, reforms of real socialism, national communism, world socialist system

About the author: Stykalin Alexandr S., Cand. in History, Coordinating researcher, Institute of Slavic Studies, RAS

Contact information: zhurslav@gmail.com

К 50-летию Пражской весны 1968 г. был опубликован рецензируемый коллективный труд, раскрывающий

разные, особенно внешнеполитические аспекты этого интригующего социального эксперимента, кото-

рый, по убеждению составителей книги, стал «наиболее амбициозной и далеко идущей попыткой» гуманизировать коммунистический режим, предпринятой после 1917 г. Особенно большое внимание уделено международному отклику на Пражскую весну и ее подавление (и прежде всего отклику в других социалистических странах), влиянию этих событий на само видение социализма и перспективы его развития — не только элитами, но и более широкими обществами. Редакторы-составители книги британские историки К. МакДермотт и М. Стиббе известны и подготовкой ряда других трудов по послевоенной истории стран Восточной Европы (*McDermott and Stibbe 2006; McDermott and Stibbe 2010; McDermott and Stibbe 2015*).

Истоки Пражской весны лежали в стремлении модернизировать, сделать более эффективным реальный социализм (сформировавшийся по навязанным советским лекалам), поставить его в большее соответствие довольно развитым национальным традициям политической культуры и специфическим условиям Чехословакии 1960-х годов, легитимизировав его тем самым в глазах собственных граждан. Такая задача стояла перед реформаторами не только в Чехословакии.

В Венгрии, ситуации в которой посвящена статья авторитетного венгерско-американского историка Ч. Бекеша, режим Я. Кадара, приведенный к власти осенью 1956 г. при прямой советской военной помощи, проделал в течение нескольких лет такую эволюцию, что уже к 1964 г.

она воспринималась на Западе как государство, дальше других стран советского блока продвинувшееся по пути десталинизации. Пражская весна 1968 г. совпала по времени с развернувшейся в Венгрии реформой экономического механизма, что подтолкнуло Кадара к посредничеству между Прагой и Москвой в интересах спасения собственных, венгерских реформ. Более того, по мнению Ч. Бекеша, речь может идти о предпринятых с венгерской стороны попытках создания некоей реформаторской коалиции в составе Венгрии и Чехословакии, способной повлиять на Москву, добиться от нее согласия на осуществление экономических реформ в рамках советского блока, способных вдохнуть свежие силы в идею социализма.

До лета 1968 г. тренд дальнейших событий в Чехословакии в принципе не был ясен: останутся ли реформаторы в КПЧ главным двигателем перемен или активизация внепартийных движений подорвет монополию правящей партии в политической системе, что в конечном итоге может возыметь и далеко идущие внешнеполитические последствия. Внимательно наблюдая за процессами в соседней стране, опытный венгерский лидер опасался, что бесконтрольность реформ способна привести к их выходу за грань, приемлемую для Москвы, что угрожало повторением сценария осени 1956 г., т.е. новым советским силовым вмешательством во внутренние дела одной из социалистических стран. Обнародование в конце июня 1968 г. программного документа радикально настроенной интеллигенции «2000 слов», как и другие симптомы выхода чехо-

словацкой прессы из-под партийно-государственного контроля, были восприняты в Будапеште как знак нежелательного развития событий у соседей и с этих пор Кадар думал уже не о реформаторском блоке двух стран, а о спасении собственных реформ, ради чего проявил склонность к далеко идущему компромиссу, заверив Москву в лояльности и готовности при необходимости принять участие в выработке совместных мер по пресечению угрозы социализму в Чехословакии (при этом последовательно продолжая отдавать предпочтение несилловому решению). Переговоры советских и чехословацких делегаций на высшем уровне в Чиерне-над-Тисой (конец июля — начало августа) тоже трактуются как результат кадаровского посредничества, хотя для этого, на наш взгляд, нет достаточных оснований. Как бы то ни было, венгерское посредничество не было свернуто, и последняя, 14-часовая встреча Я. Кадара и А. Дубчека состоялась 17 августа, всего за день до принятия в Москве принципиального решения о военном вторжении.

Как известно, в Кремле и на Старой площади не смогли адекватно оценить влияние так называемых «здоровых сил» внутри Чехословакии, способных «навести порядок» (в советском понимании). Ставка на них полностью провалилась и ситуацию пришлось разруливать вместе с теми, кто в ночь на 21 августа был увезен советскими десантниками из Пражского града под конвоем. Политический провал акции по смене власти в Чехословакии был очевиден и лидерам «братских» восточноевропейских компартий.

Говоря о позиции Кадара в дни, последовавшие за поддержанным им после долгих колебаний вторжением, Бекеш отмечает принципиальные различия между его подходом и линией польского лидера В. Гомулки. Если Кадар, осознавая неудачу с политическим обеспечением акции, с самого начала выступал за возвращение «команды Дубчека» (т.е. людей, в ночь на 21 августа арестованных и силой депортированных в СССР), то Гомулка стоял за формирование альтернативного правительства, по сути дела диктатуры, способной при помощи извне к «наведению порядка» жесткими методами. Можно согласиться с тем, что венгерский лидер надеялся, что часть реформаторского потенциала в Чехословакии удастся сохранить. Подчинившись блоковой дисциплине, он, однако, и в те дни не скрывал от своих соратников по партии, что считает силовое решение чехословацкого вопроса по меньшей мере преждевременным. А в ходе контактов с брежневским руководством искал политический путь преодоления издержек. В конце концов и в Москве (возможно, не без влияния аргументации Кадара) предпочли вернуть к власти команду Дубчека, что ускорило выработку компромиссного решения, правда, в конечном итоге привело реформаторов в КПЧ к полной сдаче позиций.

Участие венгерских войск в интервенции было не только крайне негативно воспринято словаками (слишком весомым был в исторической памяти груз конфликтных двусторонних отношений в прежние эпохи), но и не вызвало никакого энтузиазма проживающих в Южной

Словакии этнических венгров, за 30 лет до этого, при ликвидации осенью 1938 г. чехословацкого государства, в целом поддержавших приход венгерских войск в те же края и ревизию в пользу Венгрии границ, установленных по Трианонскому договору 1920 г. В самой Венгрии в конце августа 1968 г. пресса только по самому минимуму касалась темы участия венгерских солдат во вторжении, ибо гордиться было нечем, совершенно очевидным было грехопадение кадаровского режима, не только удивившее по его репутации на международной арене, но и не получившее поддержки внутри страны (правда, граждане Венгрии по большому счету не протестовали: экономика была на подъеме и людям было что терять). Во внутренних документах ВСРП, не предназначенных для публикации, иной раз прямо говорилось о нецелесообразности или, во всяком случае, преждевременности силовой опции в отношении Чехословакии¹.

Мог ли Кадар уклониться от участия в интервенционистской акции, задается вопросом исследователь, проводя параллели между венгерским руководителем и главой соседней Румынии Н. Чаушеску. С точки зрения Бекеша, особая позиция Румынии в Организации Варшавского договора (ОВД) была неотделима от стремления подороже продать ее в рас-

чете на помощь Запада (добавим от себя: продать также и собственным гражданам в интересах расширения внутренней поддержки коммунистического режима). Я. Кадар же практиковал совсем иной стиль в отношениях не только с Москвой, но и с Западом. Не боясь демонстрировать свое несогласие, в том числе и с Кремлем, по конкретным вопросам (можно вспомнить в этой связи о его жестко критической реакции на метод удаления Н. С. Хрущева, несколько осложнившей отношения венгерского лидера с Л. И. Брежневым²), Кадар вместе с тем дорожил своей репутацией предсказуемого партнера, на обещания которого можно положиться. В 1968 г. при всем своем внутреннем несогласии с интервенционистским выбором Москвы он осознавал, что резкий антисоветский жест в духе Чаушеску подорвет значимое для него доверие Советского Союза, необходимое для сохранения в дальнейшем поля маневров при продолжении прежнего курса. Его внешняя политика как до, так и после августа 1968 г. строилась, по определению Бекеша, на «принципе конструктивной лояльности» Москве с соблюдением максимальной осторожности. В моральном плане сильно проиграв своим подключением к интервенции, венгерское руководство, как поначалу казалось, вроде бы сохранило для себя шанс

¹ При это учитывался и венгерский опыт 1956 г. Кадар всю жизнь придерживался мнения, что первый ввод советских войск в Будапешт в начале восстания (в ночь на 24 октября) был преждевременным, только подлив масла в огонь массовых выступлений, и хотя в последующие дни в Кремле всерьез обсуждали возможности политического решения, переломить ход событий так и не удалось. Второе военное вмешательство, состоявшееся утром 4 ноября, венгерский политик, согласившийся тогда играть по правилам Москвы, трактовал как неизбежное в сложившихся условиях.

² Интересно, что в свою очередь Дубчек, в начале 1968 г. пытаясь получить поддержку из Москвы своего курса на реформы, ссылаясь по сути на те же аргументы, к которым прибегал Брежнев в стремлении обосновать необходимость отставки Хрущева — нарушение коллективного руководства и т. д.

на дальнейшее проведение реформ. Впрочем, это было только видимостью. Из динамики чехословацких событий лидерам Венгрии и всему венгерскому обществу пришлось извлечь серьезные уроки. И прежде всего тот, что начавшиеся реформы в одной из стран советского блока при последовательном их проведении не ограничатся экономикой, приобретут политическое измерение, не только в принципе нежелательное для Москвы (где более всего опасаются выхода на поверхность сил, нацеленных на захват власти и отклонение той или иной страны от общей линии советского блока), но и чреватое разлаживанием привычной системы управления, постепенным выходом ситуации из-под контроля верхов, что для последовательного коммуниста Кадара также было неприемлемо³.

Выбор, сделанный венгерским коммунистическим лидером в августе 1968 г., не смог гарантировать необратимости реформ в его стране. Изменение политического климата в Москве не оставляло никаких шансов на их осуществление. В 1972–1973 гг. венгерская экономическая реформа была фактически свёрнута и не столько в результате внутренних трудностей и противоречий, сколько вследствие не прекращавшегося давления извне. Тем самым мечты о демократическом обновлении сво-

его коммунистического режима для подавляющего большинства венгров были похоронены уже окончательно.

К. Гойна предпринял попытку реконструировать реакцию румынского общества на осуждение коммунистическим руководством страны вторжения в Чехословакию, а также след, который это событие оставило в румынской национальной исторической памяти. Осуждение августовской интервенции стало, как известно, апогеем той независимой внешней политики, которую режим Чаушеску проводил и до чехословацких событий (достаточно вспомнить про шестидневную арабо-израильскую войну в июне 1967 г.). Способность румынского лидера идти наперекор Москве, апеллируя при этом к чувствительному вопросу национального суверенитета, способствовала его популярности на Западе — того капитала, который позже был им полностью растрочен (как замечает в этой связи в своей статье другой автор сборника, И. Кашу, большинство западных наблюдателей в 1968 г. так и не поняли, что реформаторские ценности Пражской весны были в общем чужды Чаушеску). Воззав в своем публичном выступлении от 21 августа, на 100-тысячном митинге в центре Бухареста, к патриотическим чувствам, Чаушеску сознательно задел национальные струны. Его противостояние линии

³ Уже в Программе действий КПЧ, относящейся к началу апреля, содержались положения (расширение автономии общественных организаций, отмена цензуры и т. д.), которые, провозглашая новые возможности для выражения бытующих в обществе взглядов во всем их многообразии и тем самым ведя к восстановлению гражданского общества, вместе с тем резко ослабляли монополию правящей партии в области идеологии. Чем дальше, тем больше команда Дубчека сталкивалась с трудно разрешимой проблемой: как совместить декларируемое вовлечение более широких масс в общественную жизнь с сохранением за КПЧ (при отказе от методов принуждения) решающих позиций во власти, без чего не представляли себе успешного проведения назревших реформ.

Москвы было воспринято как отвечающее национальным интересам даже многими из тех румын, кто в принципе никогда не питал симпатий к коммунистическому правлению. Вступление в августе 1968 г. в компартию известных писателей П. Гомы (впоследствии виднейшего диссидента), А. Пэунеску, А. Ивасюка было знаком легитимации действующей власти в глазах немалой части румынской интеллигенции — режим Чаушеску переживал в те недели свой подлинный апофеоз⁴.

Доступные источники не дают оснований считать, что СССР готовил интервенцию в Румынию. Прибегая к алармистской риторике, Чаушеску драматизировал ситуацию, чтобы сплотить народ на основе поддержки своего режима. Это имело эффект — шла добровольная запись волонтеров из рабочей среды в формировавшиеся отряды патриотической гвардии, в пропаганде проводился тезис о том, что оборона страны станет делом всенародным. Румынские войска были пододвинуты к восточным и северным границам страны в знак готовности дать отпор агрессору. Причем своими выступлениями Чаушеску апеллировал не только к соотечественникам, но и к западному общественному мнению, напоминая о том, что применительно к вторжению в Чехословакию речь должна идти о нарушении не только принципов взаимоотношений между социалистическими странами, а прежде всего международного права.

И. Кашу, использовавший в качестве источника отчеты сотрудников

Интуриста о посещении румынскими туристами Советской Молдавии в самый острый момент международного кризиса 1968 г., пишет о том, что речь Чаушеску на массовом митинге на фоне приготовлений к отпору потенциальному агрессору была воспринята многими как пролог к войне. Это не отменяло, однако, усилий по предотвращению опасного сценария. Первым делом, румынский лидер отправился на встречу с И. Брозом Тито, а поняв, что в случае советской агрессии нет никакой надежды на военную помощь со стороны Югославии, вызвал советского посла для прояснения позиции. Тональность румынской прессы становится к концу августа более умеренной в оценках действий СССР в отношении Чехословакии.

Однако можно ли считать почти всеобщей поддержку румынским обществом независимой линии своего руководства, балансировавшего на грани конфронтации с Москвой, задается вопросом К. Гойна и пытается дать на него ответ на основании прежде всего многочисленных интервью со свидетелями событий (не из элиты). Исследователь делает вывод о неоднозначности общественной реакции в Румынии на происходившее в августе 1968 г. Причем недоверие к Чаушеску питали отнюдь не только трансильванские венгры, имевшие свои старые счеты с румынским национализмом. В румынской глубинке, как показывает автор, немалая часть населения восприняла события довольно равнодушно. Не будучи остро пережитыми, они не остави-

⁴ Наряду с творческой интеллигенцией наиболее проблемной аудиторией, требовавшей от пропагандистского аппарата особых усилий, по праву считались трансильванские венгры.

ли значительного следа в памяти людей⁵. Полемизируя с доминирующей в румынской историографии точкой зрения, К. Гойна призывает не преувеличивать место событий августа 1968 г. в румынской истории. А что касается знаменитой речи Чаушеску на площади, то она была заслонена в памяти соотечественников событиями последующих десятилетий, особенно катастрофическими для страны 1980-ми годами и декабрьской революцией 1989 г.

В отличие от Чаушеску лидер Болгарии Т. Живков не отклонялся от линии Москвы в оценке чехословацких событий (болгарский «1968 год» анализирует в полувековой ретроспективе известный историк Й. Бавев). Еще в начале марта на заседании Политического Консультативного комитета (ПКК) ОВД, состоявшемся в Софии, Живков обращал внимание советских руководителей настораживающие тенденции в развитии Чехословакии, а в апреле, посетив Прагу, установил контакты с чехословацкими контрреформаторами. Болгарская пресса еще раньше, чем советская, стала давать настолько жёсткие оценки внутривосточным тенденциям в Чехословакии, что в МИД ЧССР был даже вызван болгарский посол. Немало головной боли принес Живкову всемирный фестиваль молодежи и студентов, проведенный летом 1968 г. именно в Болгарии, причем за считанные недели до вторжения в Чехослова-

кию — популярность идеалов Пражской весны среди молодежи левых убеждений, съехавшейся в Болгарию со всего мира, была настолько велика, что руководство БКП всерьез опасалось индоктринации своего общества опасными для устоев режима идеями. Участие болгарских войск в военной операции было чисто символическим, не более, чем знаком приобщения к «общему делу». Однако беспрекословная лояльность Москве позволила Живкову выторговать у нее новые выгодные экономические сделки. Внутривосточное ужесточение в Болгарии после подавления Пражской весны было временным, несколько сильнее вторжение в Чехословакию ударило по Болгарии во внешнеполитическом плане, усилив ее региональную изоляцию, поскольку к традиционно сложным отношениям с Югославией и Грецией добавилась напряженность в диалоге с Румынией.

В титовской Югославии «некалендарный 1968 год» начался со студенческих волнений, примерно совпавших по времени с событиями французского «Красного мая» и типологически близкими им выступлениями в ФРГ и ряде других западных стран, а завершился поздней осенью протестным движением косовских албанцев, выступавших с автономистскими требованиями, в конце концов частично удовлетворенными. По наблюдению автора «югославской» главы рецензируемой книги

⁵ В Трансильвании в силу особенностей исторической памяти многие румыны связывали угрозу скорее не с приходом Советской Армии на румынскую землю, а с активизацией местных венгров, которых бурные события могли подвигнуть на апелляцию к Москве и Будапешту с требованиями пересмотра границ в пользу Венгрии. Что касается трансильванских немцев, то многие из них еще помнили депортации немецкого населения в СССР после Второй мировой войны — люди опасались новых насильственных перемещений.

К. Моррисона, волнения югославских студентов перекликались своей риторикой с требованиями западной молодежи, что дает некоторые основания считать их, пусть с оговорками, частью общеевропейского студенческого протестного движения. Проявившийся в них антибюрократический (не посягавший в принципе на основы режима) пафос не был лишен и некоторого антибуржуазного налета, воплотившегося в лозунгах «Больше социализма» и «Долой красную буржуазию», предавшую идеалы югославской революции, и это в некоторой мере роднило белградскую молодежь со студентами, вышедшими на улицы Парижа⁶. Определенную роль в идейной подготовке выступлений сыграли некоторые философы из числа группировавшихся вокруг журнала «Праксис», трибуны неортодоксального марксизма.

При этом было бы явным упрощением считать протестующее студенчество союзником реформаторов в Союзе коммунистов Югославии (СКЮ), напротив, их связывали непростые отношения. Усилению реформаторских тенденций в СКЮ способствовало падение в 1966 г. очень влиятельного куратора югославских спецслужб А. Ранковича. Причем начатые экономические реформы уже к лету 1968 г. усугубили социальные противоречия и напряженность, вызванную усилением расслоения в обществе, ростом безработицы. В этих условиях обеспо-

военным властям пришлось принять меры в целях нераспространения протестных настроений на рабочий класс, что могло бы создать дополнительные угрозы для режима.

В отличие от Франции, где майские волнения сильно ударили по престижу генерала де Голля, приведя в конечном итоге к его отставке в 1969 г., в Югославии Тито сумел использовать студенческие выступления в интересах укрепления своего влияния, довольно демагогически солидаризовавшись с теми требованиями студентов, которые касались бюрократических злоупотреблений и социальной несправедливости⁷. Это было воспринято студентами с энтузиазмом, как триумф, и способствовало снижению напряженности. Правда, это не помешало властям предпринять потом гонения против наиболее радикальных студенческих вожаков. Усилилось давление и на круг «Праксис». Как бы то ни было, на выступления косовских албанцев в тот же год власти дали более жесткий ответ. Что касается активистов студенческих волнений, то их дальнейшие судьбы сложились по-разному. Реформирование югославской федерации в 1970-е годы не разрешило многих социальных и национальных проблем, и некоторые из участников событий 1968 г., отбросив идеи антибюрократического социализма, проделали эволюцию к радикальному национализму, отрицающему в принципе федеративный югославский проект (например,

⁶ Об общности и различиях идеалов и устремлений бунтующей западной молодежи 1968 г. и сторонников глубоких перемен в социалистических странах см.: (Шубин Стыкалин 2018).

⁷ Напрашиваются параллели и с Мао Цзэдуном, использовавшим в интересах укрепления своей власти антибюрократические настроения китайской молодежи, к тому же искусственно подогревавшиеся в условиях «культурной революции».

будущий лидер боснийских сербов Р. Караджич).

В отличие от титовской Югославии, сильного внешнеполитического игрока и одного из лидеров движения неприсоединения, соседняя маленькая Албания (положению в ней посвящена статья А. Лалай) была закрытой страной, находившейся под решающим китайским влиянием. Э. Ходжа воспринял происходившее в Чехословакии как кульминацию того, по его оценке, ревизионистского курса, основы которого заложил Н. Хрущев. Как и подобало коммунистическому фанатику, он считал вероятным, что «ревизионисты» будут отодвинуты от власти в СССР и других «псевдосоциалистических» странах посредством новых (и победоносных!) пролетарских революций. С началом Пражской весны, особенно после обнародования Программы действий КПЧ, в албанской прессе развёртывается пропагандистская кампания антиревизионистской направленности. Албанские дипломаты, поддерживая связи с восточноевропейскими сталинистами, распространяли через них материалы своей пропаганды. Всё это сопровождалось внутривластным ужесточением. Заглушаются передачи до тех пор доступного в Албании итальянского телевидения, выступавшего для образованных албанцев альтернативным источником информации. Усиливается борьба с религией, ее логическим завершением стало объявление в 1976 г. вне закона всех действующих церквей. При этом Ходжа использовал методы китайской «культурной революции» в мобилизации низов и особенно молодежи на борьбу с потенциально опасными

идейными влияниями, в это время исходившими прежде всего из Праги. Все это в конечном итоге было направлено на укрепление личной власти Ходжи.

Несмотря на острое неприятие либеральных веяний Пражской весны интервенцию 21 августа в Тиране официально осудили как империалистическую акцию, и это был жест, также нацеленный на закрепление в сознании албанцев образа Ходжи как политика, не поддающегося внешнему давлению и угрозам (само разрушение источника вредного влияния было воспринято при этом албанским лидером с облегчением). 1968 год был объявлен в Албании годом Скандербега — широко отмечалось 500-летие смерти национального героя албанцев, вождя антиосманского движения, ставшего эталоном стойкости в борьбе с внешним врагом. Пропаганда на фоне чехословацкой интервенции усиленно проводила параллели между Скандербегом и «продолжателем его дела Э. Ходжей», также никогда не преклонявшимся перед численно превосходящим противником. Вместе с тем в Тиране реально опасались, что сохранявшееся формальное членство Албании в ОВД (при том, что начиная с 1961 г. она не принимала реального участия в деятельности этой организации) может дать основания для агрессии со ссылкой на нарушение страной союзнических обязательств. С выходом Албании из ОВД, спровоцированным именно вторжением в Чехословакию, была поставлена финальная точка в процессе ее разрыва с СССР и советским блоком. Автор напоминает о том, что выход страны из блока

вызвал позитивные отклики в мире, но особенно в остро враждебных режиме Ходжи соседней Югославии и близлежащей Италии, где это было выражено официально. Сделанный шаг приветствовал и Китай, оказавший в последующие годы немалую помощь в деле усиления албанской армии.

Что касается ноябрьских волнений в Косово, то руководство Албании, выразив на словах поддержку устремлениям косовских албанцев, направленных против «ревизионистского» белградского режима, вместе с тем не скрывало своего скептицизма по поводу предоставления краю более широкой автономии, как меры, по его мнению, не способной решить насущных проблем. На самом деле в Тиране просто боялись, что такой проект может быть использован Белградом как инструмент формирования в самой Албании оппозиции режиму Ходжи (не говоря уже о гипотетической опасности того, что волнения перекинутся через границу). При этом следует заметить, что год Скандербега дал повод для расширения культурных связей между Тираной и албанцами Косова, ряд проведенных совместно двумя странами официальных мероприятий (Улунян 2022) до некоторой степени способствовал усилению у косоваров албанских национальных чувств.

Следствиями подавления Пражской весны в контексте международных отношений на Балканах стали усиление китайского влияния в регионе и временное ослабление албано-югославских противоречий. В своей риторике эмиссары Пекина иногда доходили даже до обещаний послать

войска (не говоря уже об оружии) на помощь Румынии и Албании в случае агрессии извне. Даже «ревизионистская» Югославия воспринималась руководством КНР в тех условиях как попутчик — при том, что позиция Белграда на международной арене по большинству ключевых вопросов резко расходилась с китайской, что делало почти невозможным втягивание ФНРЮ в орбиту политики Пекина. Это делало не реальной и перспективу формирования прокитайского блока в регионе — к участию в нем (не говоря уже о просоветской Болгарии) не была готова и балансировавшая между разными центрами силы Румыния: ее приостановившееся военное сотрудничество с союзниками по ОВД со временем возобновляется.

В отличие от Я. Кадара, переживавшего в 1968 г. пик популярности в собственной стране, польский лидер В. Гомулка испытывал кризис доверия своих соотечественников, что проявилось в мартовских студенческих волнениях под лозунгами типа «Польша ждет своего Дубчека» (отклику в Польше на Пражскую весну и августовскую интервенцию посвятил свою статью Т. Кемп-Велч). Кризисом воспользовалось националистическое крыло в ПОРП, развернувшее антисемитскую кампанию, ссылаясь на мнимые угрозы для социализма, вызванные предположительным воодушевлением восточноевропейского еврейства победой Израиля в «шестидневной войне» 1967 г. Это привело к массовому выезду из Польши евреев (и прежде всего интеллигенции), хотя Гомулка достаточно скоро и дал задний ход антисионистской кампании, перене-

ся главный акцент с еврейской угрозы на чехословацкую. В литературе уже многократно отмечалась та роль, которую играл в формировании алармистской позиции Гомулки его гипертрофированный страх перед германской угрозой в условиях, когда в Бонне пока еще официально не признали ни ГДР, ни установление послевоенных польско-германских границ по Одере и Нейсе (ослабление власти КПЧ, согласно видению польского лидера, делало стратегически важную Чехословакию слабым звеном в оборонительной линии восточного блока). Подавление Пражской весны фактически полностью подорвало идейные позиции сторонников реформ внутри ПОРП и стало прологом к дестабилизации, проявившейся в гданьских волнениях декабря 1970 г.; польское общество в поисках перемен обращало теперь свои взоры только на внепартийные институты и движения, включая католическую церковь и возникавшие в 1970-е годы нелегальные интеллигентские организации, пытавшиеся подвести мосты и к протестному рабочему движению. Сохранявшийся после польского Октября 1956 г. статус-кво в отношениях коммунистической власти и общества был навсегда подорван, а сам Гомулка, олицетворявший это установленное на полтора десятилетия равновесие, был вынужден бесславно уйти после расстрела гданьской демонстрации.

В 1971 г. был отодвинут на декоративную роль и многолетний ли-

дер ГДР В. Ульбрихт, стоявший на пути урегулирования отношений восточного блока с Западной Германией, насущность которого стала еще более очевидной после чехословацкого кризиса (позиции руководства ГДР и положению в стране посвящена статья М. Стиббе). При всей ортодоксальности коммунистического руководства Восточной Германии его волновали не экономические реформы в соседней стране, которые, во всяком случае в обозримой перспективе, не грозили выходом из-под партийного контроля⁸, а содержащийся в апрельской Программе действий КПЧ тезис о более активной европейской политике, а также реальные или мнимые попытки налаживания межпартийных связей КПЧ с СДПГ во главе с В. Брандтом, к этому времени уже входившей в правящую коалицию. Офицеры министерства госбезопасности ГДР (Штази), выезжавшие в Чехословакию, добавляли своему руководству нервозности донесениями об обилии западно-германских туристов в стране, что внушало подозрения в связи с возможным ослаблением погранично-таможенного контроля. Не меньшую обеспокоенность вызывали всё активизировавшиеся и при этом плохо контролируемые связи восточногерманской молодежи с носителями молодежной контркультуры в Чехословакии. 150-летие со дня рождения К. Маркса, отмечавшееся весной 1968 г., дало повод для совершенно разных интерпрета-

⁸ В ГДР конца 1960-х годов прорабатывались собственные планы рационализации экономического механизма, которые могли быть поставлены под угрозу общей дестабилизацией внутри советского блока, чего в руководстве страны не хотели. И в этом отношении можно провести условные параллели между позициями лидеров ГДР и Венгрии, при том, что венгерская линия была гораздо более умеренной в оценке чехословацких событий.

ций его наследия. Если бунтующая французская и западногерманская молодежь апеллировала к идеям молодого Маркса, в том числе преломленным в неомарксистских трактовках Г. Маркузе, Т. Адорно, раннего Д. Лукача и др., то главный идеолог СЕПГ К. Хагер в своем программном мартовском выступлении сделал в очередной раз акцент на опасности ревизии марксова учения для судеб социализма в ГДР как в самодостаточном государстве, опирающемся на всё лучшее в немецком политическом и культурном наследии, а в качестве главного источника ревизионизма воспринималась, конечно, Чехословакия с ее лишенным твердости партийным руководством.

В литературе бытует мнение о том, что В. Ульбрихт и его окружение уже чуть ли не начиная с дрезденской встречи 23 марта, где союзники впервые высказали претензии руководству КПЧ в связи с утратой контроля за положением в стране, сделали ставку на силовое вмешательство. Однако не совсем ясно, как в такую парадигму вписывается приезд Ульбрихта в Карловы Вары 12 августа, т. е. за считанные дни до интервенции. Если в руководстве ГДР уже давно поставили крест на Дубчеке, то зачем были нужны эти новые увещания по поводу необходимости более твердого контроля над СМИ? Ведь еще за месяц до этого, на варшавском саммите середины июля риторика Ульбрихта была настолько жесткой, что оставляла

мало сомнений в его склонности к самым решительным мерам. Можно предполагать, что согласованная с Москвой «инспекционная» поездка ставила целью прояснить готовность чехословацкого руководства к выполнению обязательств, взятых на себя во время братиславской встречи начала августа, где лидеры стран-союзниц напомнили Дубчеку о коллективной ответственности за дело социализма в Чехословакии⁹. Кроме того, подготовка военной операции требовала максимума информации, в том числе о возможной реакции руководства КПЧ на задуманное союзниками силовое решение. Необходимо также иметь в виду, что события Пражской весны развернулись в условиях, когда в повестке дня уже стояла подготовка всевропейской конференции по безопасности, направленной на закрепление границ, установленных Ялтинско-Потсдамской системой. В этом больше других была заинтересована ГДР, а в свою очередь для СССР это было сдерживающим фактором, заставлявшим демонстрировать миролюбие и долго искать политические способы решения чехословацкой проблемы. Когда же в Москве наконец осознали, что угроза монополии КПЧ на власть не позволяет избежать силового решения, то предпочли разделить ответственность с союзниками по ОВД, тем более, что некоторые из них активно подталкивали советское руководство к решительным действиям из опасений, что события перекинутся

⁹ Декларацию, опубликованную по итогам этой встречи, можно считать в силу этого одним из первых документов, где была сформулирована так называемая «доктрина ограниченного суверенитета» (на Западе ее чаще называют «доктриной Брежнева»), теоретически обосновывавшая вмешательство в Чехословакии.

в их страны в соответствии с «эффектом домино»¹⁰.

До сих пор дискутируется вопрос о той роли, которая была отведена советским командованием войск ОВД участием армии ГДР (*Nationale Volksarmee*) в операции «Дунай». Понятно, что новый приход германских войск на чехословацкую территорию мог вызвать крайне негативный резонанс у чехов, тем более, что в памяти живущих поколений еще сохранялись воспоминания об оккупации страны Третьим рейхом и распаде чехословацкого государства. Более того, М. Стиббе приводит записки сотрудников Штази, в которых говорилось о том, что подключение к военной акции не очень желательно уже потому, что может нанести урон репутации ГДР как миролюбивого государства, создававшей пропагандой в оппозиции с образом Западной Германии как милитаристской державы, вынашивающей планы пересмотра европейских границ. Согласно некоторым донесениям Штази, в восточногерманском обществе бытовало мнение о том, что интервенция в Чехословакию — не знак силы, а скорее демонстрация слабости советского лагеря и свидетельство раздирающих этот лагерь противоречий. Чтобы не давать повода для укрепления таких представлений, после 21 августа пропаганда

ГДР делала акцент на непосредственном и полноценном участии страны вместе с союзниками в акции по «спасению социализма» в соседнем государстве. Сегодняшние исследования, однако, показывают, что приведенные в боевую готовность части армии ГДР были расположены прежде всего вдоль границы на территории собственной страны на случай расширения конфликта, но кроме того оказывали союзникам реальную помощь в обеспечении логистики военной операции (уже поэтому без пребывания отдельных воинских подразделений ГДР на чехословацкой территории дело не обходилось¹¹). В книге приводится версия, согласно которой «отбой» (т.е. приказ не пересекать границу основным контингентом) был дан из Москвы буквально в последние часы, поскольку негативный эффект от вхождения войск ГДР осознавался и советским руководством. Как бы то ни было, поскольку во всех опубликованных от имени стран-союзниц заявлениях упоминалась и ГДР в числе стран, участвующих в «интернационалистской акции», в сознании чехов прочно утвердилось мнение о полноценном присутствии войск ГДР на территории страны, более того, возникали слухи об их особой жесткости в отношении мирного населения, и это способствовало еще большему возмущению граждан

¹⁰ Такие опасения составители книги считают одним из ключевых в принятии окончательного решения факторов (наряду со стремлением укрепить советское военное присутствие в Центральной Европе и удержать от краха советскую модель социализма в Чехословакии).

¹¹ Как отмечает историк-архивист Т. Джалилов, «рассекреченные и введенные в научный оборот Сводки Министерства обороны СССР о положении в Чехословакии, ежедневно направлявшиеся в ЦК КПСС с 21 августа 1968 г., не оставляют сомнения: восточногерманская армия находилась на территории ЧССР. Точная численность, места дислокации, распределение зон ответственности, боевые задачи — это уравнение со многими неизвестными не только по отношению к армии ГДР, но и ко всем задействованным силам в операции «Дунай»». См.: (Джалилов, Стыкалин 2018: 91).

оказанной союзниками непрощенной «братской помощью»¹².

Оставление Дубчека у власти было воспринято Ульбрихтом и его окружением негативно, как признак неудачи с реализацией планов (в отличие от Кадара, напротив, воспринявшего это как знак продолжения необходимых реформ, только теперь уже под должным контролем). Как и в ряде других стран, в ГДР после 21 августа развернулись преследования симпатизантов Пражской весны, среди которых, кстати говоря, оказалось немало детей представителей партийно-государственной элиты.

Жёсткие противники перемен (условно говоря, неосталинисты) присутствовали, разумеется, и в самой Чехословакии, причем на всех этапах власти, со временем они стали опорой для проведения послеавгустовского курса на так называемую «нормализацию» (этой теме посвящена статья К. МакДермотта и В. Соммера). Гетерогенность политического ландшафта Пражской весны способствовала выходу на поверхность (прежде всего на левом фланге) и сил, представлявших экстремы. Причем были и внесистемные ультра — их не сдерживала причастность к партэлите (с доминировавшими в ней в этот период реформаторскими трендами) и они

довольно открыто выступали против реформ. В этой среде получили распространение антиинтеллигентские, антисемитские настроения, иногда со ссылкой на опыт польских националистов в борьбе с сионизмом. Но и среди части партийцев был реальный страх перед повторением венгерских событий 1956 г., когда начнут линчевать коммунистов (тем более, что были реальные случаи угроз со стороны экстремистов иного толка, также объединявшихся в определенные группы). Но даже если счесть подобные опасения необоснованными, следует признать, что многие функционеры хотели стабильности и вполне резонно опасались за свои места в случае решительных перемен, а потому были восприимчивы к призывам крайне левых «наводить порядок»¹³. Дополнительную обеспокоенность внёс известный июньский манифест радикальной внепартийной оппозиции «2000 слов». Ультралевые (и не только системные) поддерживали связи с советским посольством. Л. Брежнев на встрече с чехословацкой делегацией в Чиерне-над-Тисой (конец июля — начало августа) даже процитировал письмо обеспокоенного развитием событий старого коммуниста.

После 21 августа эти силы использовались Москвой как инструмент давления на общество, в котором росла

¹² Попутно заметим, что воспроизведенный в книге миф о том, что некоторые советские солдаты даже не знали, в какой стране они находятся, думая, что им поручено подавлять «контрреволюцию» на территории Германии, не выдерживает никакой критики: политработе в ходе операции «Дунай» уделялось большое внимание.

¹³ Видный деятель Пражской весны З. Млынарж в своих мемуарах «Мороз ударил из Кремля» (Млынарж 1992) честно признает, что страх перед хаосом и неуправляемой толпой в случае неудачи реформ был и у реформаторов. Тем более, что не все последствия намечавшихся реформ можно было просчитать. Попутно заметим, что использование некоторыми авторами мемуаров Млынаржа как ключевого источника при реконструкции хода советско-чехословацких переговоров конца августа оправданно в силу ограниченности круга источников, но лишь до известной степени.

апатия, что создавало благоприятные условия для реванша ультралевых, действовавших всё агрессивнее. Вместе с тем слишком большая активность крайне левых ставила под угрозу процесс консолидации, нарушала стабильность, раздражала тех, кто в сложившихся условиях и так был склонен к лояльности. Это мешало бюрократической рутине формировавшегося режима гусаковской «нормализации»: возрождение риторики начала 1950-х и объявление слишком громкой идеологической мобилизации в сталинских традициях считали в партаппарате вредным и неуместным, ибо это могло только раскачать лодку. Так что ультралевые неосталинисты оказались в определенной мере маргиналами и в условиях так называемой «нормализации». На первый план вышли не столько фанатики-ортодоксы (хотя, несомненно, присутствовали и они), сколько прагматики, карьеристы, конъюнктурщики, сделавшие ставку на новый режим не из идейных соображений, а из стремления удержаться на плаву и не только не лишиться привычных источников доходов, но и по возможности занять более видное место в администрации, публичной, культурной жизни и т. д.

Ряд статей (З. Войновского и др.) посвящен отклику в СССР на Пражскую весну и августовское вторжение, влиянию чехословацкого кризиса на советское общество. Стало уже общим местом писать о том, что именно август 1968 г. ознаменовал собой конец эпохи десталинизации, благотворно повлиявшей как на отношения СССР с союзниками, так и на разные стороны жизни советских граждан (включая контакты, в том

числе неформальные, с внешним миром, поездки за рубеж и т. д.). Начиная с 1956 г. в Советском Союзе стала более доступной пресса социалистических стран, иногда больше себе позволявшая в трактовке тех или иных событий международной жизни. При всем расширении границ возможного в отношениях общества с властями происходившие в Чехословакии перемены довольно быстро перешагнули рамки того, что советское руководство считало в принципе приемлемым для социалистической страны, причем отмена цензуры и возникновение элементов политического плюрализма заботили больше, нежели экономические проекты О. Шика.

Именно август 1968 показал пределы терпимости официальной Москвы к любого рода экспериментам в союзнической стране. В СССР происходит отказ от реформ из опасений выхода их из-под контроля. Чехословацкий вызов дал повод поставить более жесткие преграды либеральным веяниям из социалистических стран. Вместе с тем не утратила силу задача легитимации власти в глазах подданных, и в поисках механизмов для ее осуществления акцент теперь делается не на раскрытие реформаторского потенциала социализма (как это было еще совсем недавно, в пору так называемых «косыгинских реформ» середины 1960-х), а на усиление патриотического дискурса, мобилизацию общества на отпор враждебным веяниям, его консолидацию на основе советского государственного патриотизма, а не социалистического интернационализма, слишком сильно дискредитированного августовской акцией и гораздо

хуже работавшего в сравнении с державной идеей и защитой интересов СССР. Хотя об отказе от построения коммунизма (как и от социалистического интернационализма) речи не было, сама эта конечная цель откладывалась на неопределенный срок и приобретала все менее отчетливые очертания. Со всей очевидностью отбрасывается революционная риторика, которая на волне парижских студенческих волнений 1968 г. и «культурной революции» в Китае была воспринята в Москве как угроза стабильности мировому порядку, обеспечившему Советскому Союзу статус одной из сверхдержав; кремлевские руководители брежневской генерации мыслили не категориями мировой революции, а мотивами имперской безопасности, отношения с антиимпериалистическими движениями в «третьем мире» также освобождаются от революционного налёта, присущего идеологии хрущевской эпохи, в пользу большей прагматики. В пропаганде и социальной мобилизации усиливается, таким образом, патриотический крен, магистральным направлением в них становится внушение гордости за страну Советов, не только успешно строящую развитой социализм вопреки всем препятствиям, исходящим от недругов из капиталистического мира, но и несущую основную долю ответственности за существование мировой системы социализма (что легитимизировало и право на вмешательство во внутренние дела союзнических стран). Нельзя при этом забывать и о том, что в 1960-е годы Советский Союз испытывал все новые вызовы не только извне, но и изнутри социалистического мира — к перманентному югославскому

прибавился румынский, но особенно масштабным стал китайский — две великие коммунистические державы (СССР и КНР) развернули между собой острую борьбу за доминанцию в коммунистическом движении, что привело весной 1969 г. даже к локальному вооруженному конфликту. А довольно неожиданно возникший чехословацкий вызов нанес настолько сильный удар по имиджу советской модели в мире, что в Москве поняли: пришло время заботиться лишь об удержании социализма советского типа в определенных границах, не посягая на большее. И всё вышесказанное действительно дает основания говорить о существенных сдвигах в политике, направленной на формирование советской идентичности.

При этом в статье З. Войновского явно преувеличивается, на наш взгляд, роль идеи славянского единства не только в пропагандистских усилиях Москвы, направленных на обоснование августовской акции, но и в формировании новой державной идеологии СССР. Такая линия могла бы лишь вбить клин в отношения между союзниками, среди которых были отнюдь не только славянские страны. Не надо преувеличивать — как это иногда проскальзывает у автора — и роль антисемитских тенденций и разного рода ксенофобии (основанной на великодержавном шовинизме) в настроениях советской элиты и особенно в официальной кремлевской пропаганде. Действительно, в марте 1968 г. при изложении программного выступления В. Гомулки в связи со студенческими волнениями в Польше в советскую печать проникли плохо скрытые антисе-

митские мотивы¹⁴, однако в Москве отнюдь не поддерживали амбиции лидера националистического крыла в ПОРП М. Мочара, претендовавшего в это время на первые роли. При всей враждебности к Израилю после «шестидневной войны» любого рода антисемитизм в СССР удерживался под контролем¹⁵, не став частью государственной политики. Критика западногерманского реваншизма в СССР также никогда не переросла в германофобские проявления, поскольку ГДР считалась надежным союзником. Более того, в Москве пытались сдерживать в этом плане В. Гомулку¹⁶.

Неверно и то, что в СССР в «эпоху Брежнева» пытались сверху поощрять настороженное отношение к представителям некоторых национальных меньшинств (в том числе внутри союзных республик). Это было бы слишком рискованно — в аппарате ЦК КПСС следили за тем, чтобы этничность не стала маркером политической лояльности, ибо это могло привести к непредсказуемым последствиям в многонациональной стране¹⁷. Но правдой является то, что власти с особой настороженностью наблюдали за общественными движениями, выступавшими под национальными лозунгами, видя в них немалую потенциальную угрозу; лю-

бого рода общественная самодеятельность, инициатива снизу здесь пресекалась, что воспринималось в национальных регионах СССР иначе, чем в Москве, гораздо более болезненно, под знаком ущемления национальных ценностей. Партийные элиты в союзных республиках вынуждались центром все сильнее дистанцироваться от собственной интеллигенции и культуры. Показателен пример П. Е. Шелеста, который отнюдь не был либеральным коммунистом и реформатором (что показало его очень жесткое отношение к Пражской весне: *Шелест* 2016), но был в реальности более чувствителен к национальным ценностям, чем другие украинские лидеры на протяжении целого ряда десятилетий, и хотел опереться на более широкую поддержку не в Москве, а в своей собственной республике. Хотя Шелест не переставал открещиваться от пражского «ревизионизма», его линию на поддержку украинской культуры сочли чрезмерной и потенциально опасной. Общественная атмосфера, сложившаяся вследствие подавления Пражской весны, сделала невозможным длительное пребывание этого деятеля во главе большой республики.

Специфической была ситуация в Закарпатской области УССР, входившей в состав Чехословакии

¹⁴ См., в частности, подробное изложение выступления В. Гомулки на встрече с партактивом Варшавы 19 марта 1968 г.: (Правда. 22 марта 1968).

¹⁵ Как и апологеты возникшей в 1970-е годы и постепенно усиливавшей свое влияние т. н. «русской партии» в общественно-культурной жизни.

¹⁶ Во всяком случае такое впечатление создается при чтении дневников заместителя министра иностранных дел СССР В. С. Семенова, долгие годы курировавшего германское направление советской внешней политики: (*От Хрущева до Горбачева* 2004).

¹⁷ Негласный запрет на возвращение на родину крымских татар, депортированных в мае 1944 г., также не стремился превратить их в изгоев, целью было не допустить передела собственности и роста социальной напряженности в густо заселенном регионе.

в 1919–1945 гг. В Закарпатье не считали Чехословакию чужой страной, в условиях Первой Чехословацкой республики выросли и сформировались уроженцы этой области, относившиеся не только к старшим, но и к средним поколениям. Тем сильнее было раздражение киевской партэлиты, когда она узнавала, что в Чехословакии кто-то осторожно поднимал вопрос о несправедливости передачи этого края Советскому Союзу в 1945 г. Не меньшую озабоченность вызвала легализация в Чехословакии униатской (греко-католической) церкви, запрещенной властями вслед за СССР в конце 1940-х гг. в ходе кампании по противодействию влияния Ватикана. В руководстве УССР резонно опасались, что новое положение с греко-католиками в соседней стране даст толчок активизации униатов в Западной Украине, в частности в Галиции, где эта церковь традиционно играла важнейшую роль в украинском национальном движении. Впрочем, общественные процессы в Чехословакии 1968 г. вызывали не только настороженность, но и положительный интерес украинской партократии, в частности к словацкому опыту борьбы за автономию, который мог оказаться полезным при выстраивании отношений Киева с Москвой.

Хотя функционеры на местах доносили в центр (в Москву) о всеобщем одобрении гражданами проводимой властями политики в чехословацком вопросе, такое одобрение было в сущности только фантомом, целенаправленно создававшимся идеологическими органами. Как митинги, так и коллективные письма в поддержку власти были не реальным выражением общественного мнения, а продуктом политической технологии. Вопреки рисовавшейся официальной пропагандой благостной картине единодушия, вторжение в Чехословакию вызвало на самом деле неоднозначную реакцию со стороны советских граждан. Преобладающая часть общества, находясь во власти пропагандистских штампов, в той или иной мере поддерживала или с пониманием воспринимала официальную линию¹⁸, причем были и «радикалы», упрекавшие власти в излишней мягкости, призывавшие к усилению давления на «неблагодарное»¹⁹ руководство КПЧ, к более решительным действиям (в качестве предупреждения также и западно-германским реваншистам). Кое-кто сожалел о том, что войска не были введены раньше, некоторые даже выражали готовность принять участие в «наведении порядка» (*Чернявский* 2017). А те, кто не был склонен к столь радикальным решениям, не

¹⁸ Начиная с апреля 1968 г., когда на пленуме ЦК КПСС была подвергнута критике Программа действий КПЧ, эта линия доносилась до рядовых членов партии на повсеместно проходивших собраниях, где зачитывались информационные письма ЦК. Первое решение об инструктировании коммунистов на местах в связи с чехословацкими событиями было принято на Политбюро ЦК КПСС еще до апрельского пленума, в конце марта.

¹⁹ В массовом сознании были широко распространены представления о том, что именно СССР несет на себе главное бремя экономических забот в социалистическом содружестве, оказывая бескорыстную помощь другим странам. Из этого логически вытекало, что любые попытки дистанцироваться от СССР следовало воспринимать не иначе как проявления неблагодарности («помогали, помогали им и вот благодарность за все») и соответствующим образом реагировать.

мог опереться (за довольно редкими исключениями) на источники информации поверх разрешенного официоза и также оказывался в плену как пропагандистских версий, так и разного рода слухов, например, заставлявших население скупать продукты на случай большой войны²⁰.

Среди критиков военного вторжения были люди разных убеждений, в том числе искренние сторонники социалистического выбора, связывавшие надежды с расширением демократических свобод и при этом сожалевшие, что интервенция ослабит коммунистическое движение и силы социализма. Даже такая последовательная либералка, как Н. Горбаневская, одна из тех нескольких человек, кто осмелился выйти с протестом на Красную площадь в те августовские дни, готова была позже признать, что большинство людей в СССР в 1968 г. в целом разделяло официальную идеологию и принимало социалистическую перспективу, но тем сильнее многие из них жаждали реформ и рассчитывали на исправление пороков системы, на перемены к лучшему, что только усиливало их интерес к Пражской весне. Само понятие «социализм с человеческим лицом» было созвучно их идеалам, четко передавало то, что они хотели видеть в собственной стране. И даже те, кто, как сама Горбаневская, не питал таких иллюзий и не верил ни в какое гуманное лицо социализма, все-таки надеялись на положительное влияние чехословацкого эксперимента на ситуацию в СССР. Советская и коммунистическая власть

воспринималась ими как данность и казалась вечной, и вдруг во главе «братской страны» оказались люди, которые искренне хотят что-то изменить в лучшую сторону, исправить самые явные несовершенства. Это можно было только приветствовать, тем более если что-то получится там, есть шанс на позитивные перемены и в СССР. 21 августа все эти надежды рухнули, людей вывело на площадь чувство стыда (ср. поэтические строки Н. Горбаневской: «когда на площадь гонит стыд»), позора и при этом бессилия, утраты перспективы в отношении судеб собственной страны. Вторжение 21 августа не просто оставило неизгладимый след в сознании советских граждан разных поколений, но стало для них переломной, рубежной датой. Это событие повлияло на основы мировосприятия, заставив многих равнодушных задуматься о профанации прежних идеалов. В результате пережитой духовной драмы заронилось сомнение в верности идеологии, произошло глубокое разочарование в возможностях построения «социализма с человеческим лицом», очищения его от сталинских наслоений. Последние иллюзии развеялись, разрыв между властью и огромной частью интеллигенции произошел окончательно и бесповоротно. И дело не менялось от того, что жизнь заставляла постоянно искать консенсус с властью в сугубо прагматических целях.

Иначе, нежели московская или ленинградская интеллигенция, воспринимала происходящее образованная

²⁰ Из рецензируемой книги узнаем, например, что в Эстонии через несколько дней после 21 августа было принято постановление республиканского комитета партии о подготовке к снабжению населения в соответствии с условиями военного времени.

публика в союзных и автономных республиках, относившаяся к национальной интеллигенции и отверженная национальным идеалам. При этом существовали и особенно проблемные в глазах советской партократии регионы — они в силу своего географического расположения и особенностей исторической памяти приносили власти больше беспокойства неприемлемыми для нее внешними влияниями, там был выше градус оппозиционных настроений либо имелась более благоприятная почва для их активизации. Это касалось Западной Украины, Прибалтики²¹. Однако в этих регионах (и прежде всего республиках Прибалтики) уровень жизни был довольно высок по советским меркам и наблюдалась тенденция к его повышению, что сдерживало протестную активность, внушая новым поколениям надежды на возможность реформирования системы. Таким образом, и там проявлялись двойные стандарты, присущие всему советскому обществу, публичные протесты после 21 августа были редки, проявлялись прежде всего в среде студенчества и молодой интеллигенции и ограничивались, главным образом, распространением листовок, самиздатом²². Некоторые активисты поддерживали связи с зарождающимся оппозиционным движением Москвы и Ленинграда. Впрочем, национальная интеллигенция в прибалтийских республиках в принципе смотрела на происходящее иначе, нежели «либеральная» интеллигенция в российских столи-

цах. В том смысле, что сама неспособность властей решить проблему несиловым путем не вызвала никакого удивления. Людями старших и средних поколений, непосредственно пережившими 1940 год, вторжение в Чехословакию воспринималось как новое доказательство агрессивной природы советской власти, ранее уже лишившей независимости страны Балтии. Пережив в свое время собственную драму, они в массе пусть и не открыто, но сочувствовали чехам и словакам без всяких оговорок. Более того, по воспоминаниям А. Б. Рогинского, окончившего в 1968 г. Тартусский университет и жившего в то время в Эстонии, там были довольно сильны ощущения неотвратимой большой войны (Вторжение 2016: 213–214).

Опасаясь усиления напряженности, власти принимали превентивные меры. Пропагандистские установки применительно к этим регионам отличались от общесоюзных. В частности, в прибалтийской прессе до 21 августа было не слишком много критики проявлений чехословацкого «ревизионизма» — предпочитали писать о позитивных сторонах, экономических успехах. Очевидно, что не хотели привлекать излишнего внимания публики к происходящему в Чехословакии, возбуждать интерес, ведь это могло только стимулировать протестную активность в республиках Балтии. Ситуация коренным образом изменилась начиная с дня вторжения, когда развернулась

²¹ О ситуации в Прибалтике говорится в статье И. Саленице и И. Шкинке.

²² Были, впрочем, и случаи более радикальных протестов вплоть до самосожжений по примеру чешского студента Я. Палаха. Это приводило к трагическим исходам. Больше повезло рижскому студенту Илье Рипсу, который был спасен и выжил (впоследствии стал израильским математиком).

массированная пропагандистская кампания. Всё это сопровождалось исключениями из партии, запретами, ужесточениями в культурной политике. Как известно, август 1968 г. дал толчок формирующемуся диссидентскому движению в СССР, причем в балтийских республиках в оппозиционных программах содержалось требование пересмотра советско-германского пакта 1939 г., возымевшего большие последствия для всего региона. Таким образом, события Пражской весны, как и связанные с ее подавлением, дали импульс движению за независимость стран Балтии. В качестве альтернативы пусть даже реформированному советскому проекту выдвигалось национальное государство²³.

Специфической была ситуация в Советской Молдавии (об этом пишет И. Кашу), где перед республиканской партийной элитой стояла задача нейтрализации румынского влияния в условиях резко обострившихся отношений между СССР и Румынией. Независимая позиция режима Чаушеску в диалоге с Москвой вызывала понимание немалой части молдавской советской интеллигенции, способствовал усилению в ее среде румынской идентичности. Это серьезно беспокоило республиканское руководство, принявшее целый комплекс мер по ограничению румынского влияния, критике румынского национализма, усилению идеологи-

ческого контроля в культуре. Там, где дело касалось такого мощного националистического вызова, как румынский, способного в силу культурно-языковой общности титульных наций Румынии и Советской Молдавии переформатировать этническую идентичность молдавской советской интеллигенции и нанести тем самым урон самому проекту создания в СССР самостоятельной молдавской социалистической нации, для борьбы с ним приходилось задействовать ценности как советского государственного патриотизма, так и социалистического интернационализма, в каких-то других случаях уже совершенно неэффективного.

Подавление Пражской весны продемонстрировало советскому обществу, что на либерализацию и гуманизацию существующего режима рассчитывать не приходится, при возникновении реальных угроз для власти она не остановится перед применением жесткой силы. Наступала эра всеобщего скептицизма и политического двоемыслия при чисто внешней демонстрации лояльности режиму. Что же касается Чехословакии, то рассмотрение «1968 года» в перспективе «1989 года» заставляет признать, что достижения Пражской весны были с легкостью перекрыты уже и «бархатной революцией», на фоне которой уже и сам Дубчек выглядел анахронизмом, а наследие

²³ «Даже при самых широких демократических преобразованиях — если бы они осуществились», активисты национальных движений в СССР застойной эпохи «все равно настаивали бы на независимости и максимальном дистанцировании от того, что тогда называлось “имперским центром”, а теперь называется просто Россией». В этой коллизии известный диссидент А. Ю. Даниэль видит потенциальный источник так и не успешных осуществиться серьезных расхождений между А. Д. Сахаровым и глубоко уважавшими и почитавшими его лидерами национальных движений (Круглый стол 2021: 89).

реформаторов его генерации не было сочтено актуальным.

И тем не менее это наследие было бы неверным отбрасывать в свете вызовов последующих десятилетий. При всей привязанности программы пражских реформаторов 1968 г. к конкретно-историческому моменту, их опыт заслуживает и сегодня глубокого осмысления. Ведь требование создания общества с «более человеческим лицом» не утрачивает актуальности ни для одной генерации.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Мльнарж 1992 — Мльнарж З. Мороз ударил из Кремля. М.: Республика, 1992. 287 с.

От Хрущева до Горбачева 2004 — От Хрущева до Горбачева. Из дневника Чрезвычайного и полномочного посла, заместителя министра иностранных дел СССР В. С. Семенова // Новая и новейшая история, 2004. № 3, 4.

Правда (газета)

Шелест 2016 — Шелест П.Е. Да не судимы будете. Дневники и воспоминания члена политбюро ЦК КПСС. М.: Центрполиграф, 2016. 632 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

*Шубин, Стыкалин 2018 — «*Бурные шестидесятые*»* противостояли мировому порядку, где два империалистических центра разделили сферы влияния и договорились меряться силами только на периферии». Беседа А. Шубина и А. Стыкалина о 1968 годе как феномене мировой истории и об актуальности его наследия и опыта в наши дни // Историческая экспертиза, 2018. № 4. С. 96–112.

Вторжение 2016 — Вторжение: Взгляд из России. Чехословакия, август 1968 / сост. Йозеф Паздерка. М.: НЛЮ, 2016. 304 с.

Круглый стол 2021 — Круглый стол «А. Д. Сахаров: человек и время» // Историческая экспертиза, 2021. № 4. С. 75–118.

*Джалилов, Стыкалин 2018 — «*Применение военной силы это, как правило, признак слабости*». Беседа Тимура Джалилова и Александра Стыкалина о проблемах изучения Пражской весны и августовской интервенции 1968 г. в Чехословакию // Историческая экспертиза, 2018. № 4. С. 71–95.*

Улуния 2022 — Улуния Ар.А. «Албанский» 1968 год. Отчет И. Г. Сенкевич о научной командировке на фоне политического пейзажа // Славяноведение, 2022. № 3. С. 52–70.

Чернявский 2017 — Чернявский А.В. Внешняя политика СССР в общественном мнении советских граждан, 1964–1982 гг. Канд. дисс. М.: МГОУ, 2017.

McDermott and Stibbe 2015 — McDermott K. and Stibbe M. (eds), De-Stalinising Eastern Europe: The Rehabilitation of Stalin's Victims after 1953. London: Palgrave Macmillan, 2015. 276 p.

McDermott and Stibbe 2006 — McDermott K. and Stibbe M. (eds). Revolution and Resistance in Eastern Europe: Challenges to Communist Rule. Oxford: Berg Publishers, 2006. 224 p.

McDermott and Stibbe 2010 — McDermott K. and Stibbe M. (eds). Stalinist Terror in Eastern Europe: Elite Purges and Mass Repression. Manchester University Press, 2010. 235 p.

REFERENCES

«Burnyie shestidesyatye» protivostoyali mirovomu poryadku, gde dva imperialisticheskikh tsentra razdelili sfery vliyaniaya I dogovorilis meryat'sya silami tol'ko na periferii». Beseda A. Shubina i A. Stykalina o 1968 gode kak fenomene mirovoi istorii I ob aktualnosti ego naslediya I opyta v nashi dni. [The “stormy sixties” opposed world order, where two imperialist centers divided spheres of influence and agreed to measure themselves only on the periphery. Conver-

sation of Aleksandr Shubin with Aleksandr Stykalin about 1968 as a phenomenon of the world history] // *Istoricheskaya expertiza*, 2018. № 4. P. 96–112.

Chernyavskii A. V. *Vneshnyaya politika SSSR v obschestvennom mnenii sovetskikh grazhdan, 1964 --1982 gg.* [The Foreign policy of the USSR in the public opinion of the Soviet citizens, 1964–1982 gg.] Candidate dissertation. Moscow: MGOU, 2017.

Kruglii stol “A. D. Saharov. Chelovek i vremya” [Round-table “Andrei Sakharov: The Person and his Time”] // *Istoricheskaya expertiza*, 2021. № 4. P. 75–118.

McDermott and Stibbe 2015 — McDermott K. and Stibbe M. (eds), *De-Stalinising Eastern Europe: The Rehabilitation of Stalin’s Victims after 1953*. London: Palgrave Macmillan, 2015. 276 p.

McDermott and Stibbe 2006 — McDermott K. and Stibbe M. (eds). *Revolution and Resistance in Eastern Europe: Challenges to Communist Rule*. Oxford: Berg Publishers, 2006. 224 p.

McDermott and Stibbe 2010 — McDermott K. and Stibbe M. (eds). *Stalinist Ter-*

ror in Eastern Europe: Elite Purges and Mass Repression. Manchester University Press, 2010. 235 p.

“Primenenie voennoi sily eto, kak pravilo, priznak slabosti”. Beseda Timura Dzhalilova i Alexandra Stykalina o problemah uzucheniya Prazhskoi vesny i avgustovskoi interventsii 1968 g. v Czechoslovakii [“The use of military force is usually a sign of weakness”. Conversation of Timur Dzhaliilov with Aleksandr Stykalin about the problems of studying the Prague spring and August 1968 intervention in Czechoslovakia] // *Istoricheskaya expertiza*, 2018. № 4. P. 71–95.

Ulunyan Ar.A. “Albanskii” 1968 god. Otchet I.G. Senkevich o nauchnoi komandirovke na fone politicheskoi peizazha [The «Albanian» 1968. Report of I. G. Senkevich on the Scientific Mission Against the Backdrop of the Political Landscape] // *Slavyanovedenie*, 2022. № 3. P. 52–70.

Vtorzhenie: Vzglyad iz Rossii. Czechoslovakiya, avgust 1968 [The Invasion. View from Czechoslovakia, august 1968] / Ed. Josef Pazderka. Moscow: NLO, 2016. 304 p.

Д. В. Глухов

БРАТ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

Рец.: Шокарев С. Ю. Андрей Большой Углицкий. Судьба и эпоха. Углич: Угличе Поле, 2022. 424 с.

Рецензируемая работа С. Ю. Шокарева посвящена жизни князя Андрея Васильевича «Большого» и судьбе Угличского удельного княжества, которым он правил. Биография князя рассматривается в рамках сюжетов, связанных с централизацией власти в Московском княжестве и столкновением интересов Ивана III, великого князя Московского, и его братьев, удельных князей.

Ключевые слова: Андрей Большой, Угличское удельное княжество, централизация власти, Иван III

Сведения об авторе: Глухов Дмитрий Владимирович, выпускник исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, кафедра «история России XIX века — начала XX века».

Контактная информация: gluhoff91@mail.ru

D. V. Glukhov

GRAND DUKE'S BROTHER

Rev.: Shokarev S. Yu. Andrey Bolshoy Uglitskiy. Sudba i epokha. Uglich: Ugleche Pole, 2022. 424 p.

The reviewed work by S. Y. Shokarev is devoted to the life of Prince Andrey Vasilyevich "Bolshoy" and the fate of the Appanage Principality of Uglich, which he ruled. The biography of the prince is considered within the framework of plots related to the centralization of power in the Moscow Principality and the clash of interests of Ivan III, the Grand Duke of Moscow, and his brothers, the appanage princes.

Key words: Andrey Bolshoy, the Appanage Principality of Uglich, centralisation of authority, Ivan III

About the author: Dmitriy Vladimirovich Glukhov, graduate of the History Department of Lomonosov Moscow State University, Department of Russian History of the 19th century – early 20th century

Contact information: gluhoff91@mail.ru

Сергей Юрьевич Шокарев больше всего известен как историк Москвы. Но в этот раз точка притяжения его интересов сместилась севернее, к древнему городу Угличу, некогда бывшему центром удельного княжества. Герой новой книги исследователя, углицкий (или угличский) князь Андрей Васильевич Большой, брат великого князя Московского Ивана III, давно привлекает внимание местных историков и краеведов, однако в рамках исследований по истории Российского государства он чаще оказывается как бы на периферии.

В своём исследовании С.Ю. Шокарев соединяет биографию князя с историей подвластной ему земли (время правления Андрея Большого считается «золотым веком» Угличского удельного княжества) и вписывает её в рамки более масштабных исторических проблем. Собираение земель вокруг Москвы, централизация власти, столкновение великокняжеских устремлений с правами удельных правителей, — все эти важнейшие для русской истории XV века сюжеты определённым образом отразились и преломились в судьбе Андрея Большого.

Андрей Васильевич был 4-м сыном Василия II и Марии Ярославны, дочери удельного боровско-ярославецкого князя Ярослава Вла-

димировича. Он родился во время междоусобной войны 1425–1453 гг. в 1446 г. в Угличе, куда был сослан захваченный Дмитрием Шемякой и ослеплённый по его приказу Василий II с семейством. Исследователь отмечает большую роль матери в жизни семьи: она не раз выступала посредницей в разрешении конфликтов между сыновьями и заступалась перед Иваном III за его младших братьев, при этом особенно поддерживала именно Андрея Большого. Автор ссылается на угличского исследователя А.Н. Горстку (который склонен несколько идеализировать угличского князя), полагавшего, что Андрей унаследовал от матери «благородство в поступках и благочестие в мыслях» (Шокарев 2022: 60).

По отцовскому завещанию Андрей Васильевич получил в удел земли, прежде принадлежавшие противнику Василия II Юрию Дмитриевичу и его сыновьям: Углич, Звенигород, Бежецкий Верх, село Сущёвское и двор Дмитрия Шемяки в московском Кремле. Также упомянуты Устюжна, Рожалово, Велетово и Кистьма, которые, вопреки формулировке завещания, Шемяке прежде не принадлежали. Среди них особенно значимой является Устюжна — «крупнейший центр добычи и обработки железной руды и производства металлических изделий» (Там же: 95). Большое экономическое

значение играл и Звенигород. На момент смерти Дмитрия Донского он был вторым по экономическому значению городом княжества (С. Ю. Шокарев основывается на размере выплачиваемой ордынской дани, по этому показателю Звенигород в тот момент уступал лишь Коломне), за годы московской усобицы его значение, вероятно, несколько снизилось (Там же: 101). В 1473 г. владения угличского князя расширились за счёт земель, которыми прежде владела Мария Ярославна, в том числе к нему перешли Усть-Шексна и Романов на Волге. По мнению автора, передавая сыну эти земли, мать Андрея стремилась сгладить несправедливость, допущенную Иваном III при разделе выморочных земель ещё одного брата — Юрия Дмитровского, умершего в 1472 г. (Там же: 102). В 1481 г. конфигурация принадлежавших Андрею земель несколько изменилась — в его владения вошёл крупный город Можайск и несколько сёл, однако он лишился соляного колодца у Соли Ростовской (Там же: 251).

Сам Углич в годы правления Андрея Большого рос и развивался. Деревянный кремль при нём вырос с 1,5–2 до 3,6 га. (Там же: 132). Внутри кремля также развернулось большое строительство. Ко времени княжения Андрея Васильевича историки относят возведение каменного дворца и Спасо-Преображенского собора (до наших дней не сохранились). С. Ю. Шокарев обращает внимание на особенности архитектурного планирования дворцового комплекса. Он ссылается на исследования В. А. Булкина и А. М. Салимова, показавших, что «в 1480-е гг. в Угличе при

формировании нового каменного дворцового комплекса ориентировались ещё на “доитальянские” градообразующие принципы, предполагающие взаимосвязь отдельных элементов ансамбля, отличную от той, что реализовали на территории Московского Кремля зодчие из ренессансной Италии» (Там же: 149). Как полагает автор, «эти особенности дворца князя Андрея Большого в Угличе как нельзя лучше отражают его характер» (Там же: 149). О каких именно чертах характера идёт речь, историк не уточняет. Предположим, что имеется в виду его самостоятельность и верность старине.

Что касается Спасо-Преображенского собора, который строился также при Андрее Большом и был разобран в начале XVIII века, то существует предположение, что в его росписи (равно как и в росписи дворца, а также других храмов, строившихся при этом князе) принимал участие знаменитый иконописец Дионисий. Это несомненно является предметом гордости угличских историков. Вот только, читая книгу С. Ю. Шокарева, мы видим, что доказательства причастности Дионисия к этим работам, скорее, косвенные. Первое: младший брат князя Андрей Меньшой строил собор в Спасо-Каменном монастыре, для которого Дионисий расписывал иконостас, при этом заказчиком иконостаса выступил Андрей Большой. Исследователь Н. К. Голейзовский предположил, что Дионисия и Андрея Большого «связывали особые отношения», т. е. знаменитый иконописец находился на службе у угличского князя на рубеже 1470–1480-х гг. (Там же: 140). Второе: некоторые иконы, написанные

в разных городах Угличского удела и находящиеся ныне в музейных собраниях, по мнению историков, отличаются чертами дионисиевской традиции. С наибольшей определёностью говорится об иконе «Борисоглебского Спаса», которую, по мнению историка А. Н. Горстки, Дионисий написал во 2-й половине 1470-х гг. для Борисоглебского монастыря (Там же: 142). Другими словами, раз Дионисий, возможно, служил у Андрея Углицкого и творил на территории его удельного княжества, то, вероятно, он и расписывал дворец и собор. То есть, эта точка зрения остаётся лишь гипотезой.

Следующая глава посвящена «святым собеседникам» князя. Эта часть книги повествует об истории монастырей Угличской земли, деятельности святых подвижников, прежде всего — преподобных Паисия Угличского и Кассиана Учемского. Преподобный Паисий то ли основал в Угличе Покровский монастырь, то ли перенёс его на новое место и, скажем так, вдохнул в него новую жизнь (Там же: 175). Исследователь называет этого святого наставником Андрея Большого, однако об их тесных взаимоотношениях приходится судить лишь по косвенным данным. Известно (из жития), что Паисий крестил детей угличского князя. Сохранились три грамоты князя в Покровский монастырь, они посвящены хозяйственным вопросам. На то, что Андрей Васильевич особо благоволил Покровскому монастырю, указывает и строительство каменного собора в обители. Также с Андреем Большим связывают Кассиана Учемского, грека, происходившего из княжеского рода. Известно,

что угличский князь дал мастеров и средства на строительство Успенской церкви в Учемском монастыре (Там же: 207). С. Ю. Шокарев пишет, что Кассиан был вхож в ближайшее окружение князя и высоко им ценим (Там же: 208). И Паисий, и Кассиан, по сообщению «Жития» Андрея Углицкого, проявляли участие в жизни княжеского семейства после ареста Андрея (Там же: 208). Однако о чём они беседовали с князем, влияли ли эти разговоры на мировоззрение Андрея Большого, на восприятие им своей княжеской роли, — об этом мы ничего не знаем и можем лишь строить предположения на основе косвенных данных. Поэтому именно в таком виде глава о «святых собеседниках» представляется непропорционально большой.

Сквозной сюжет книги — история конфликта между Андреем Большим и его старшим братом, великим князем Московским Иваном III. Его истоки, по мнению автора, кроются в обстоятельствах раздела выморочного удела умершего в 1472 г. князя Юрия Васильевича. Поначалу, вопреки сложившейся традиции, Иван III вознамерился забрать весь удел себе, однако затем поделился землями со своими братьями Борисом и Андреем Меньшим. Андрей Большой остался ни с чем, и лишь годом позже его владения расширились за счёт земель, переданных матерью. Сложившаяся конфигурация была закреплена договором между Иваном III и Андреем Большим. С. Ю. Шокарев отметил, что именно с угличским князем Иван III заключил больше всего договоров — четыре, что, по его мнению, свидетельствует о непростых отношениях между

братьями (Там же: 69). Вероятно, недовольство политикой старшего брата окрепло после присоединения Новгорода и его земель к Московскому княжеству в 1478 г. — политические и экономические результаты целиком достались Ивану III (Там же: 230).

Кульминация истории непростых отношений Ивана III с его братьями — мятеж Бориса и Андрея Васильевичей. Он произошёл в 1480 г. накануне похода хана Ахмата, окончившегося «стоянием на Угре», что дало московским летописцам возможность обвинить братьев в измене и союзе с ханом Большой Орды. С. Ю. Шокарев, как и другие исследователи, например, Н. С. Борисов (*Борисов* 2018: 426), считает эти обвинения надуманными, но допускает, что сведения о внутренних неурядицах в Московском княжестве могли повлиять на планы Ахмата. Однако поводом к выступлению стал инцидент, в котором прямо столкнулись права удельного князя с интересами московского правителя. Суть конфликта: великокняжеский наместник в Великих Луках князь И. В. Лыко Оболенский в 1479 г. довёл местных жителей до того, что они пожаловались на его злоупотребления великому князю. Иван III отреагировал и снял наместника с должности. Тот же, воспользовавшись правом «отъезда», перешёл на службу к удельному Волоцкому князю Борису Васильевичу. Иван III повелел захватить Оболенского прямо на дворе князя Бориса, однако тот воспринял это как посягательство на свои права и отбил И. В. Лыко Оболенского силой. Вторая попытка увенчалась успехом: люди Ивана III захватили

И. В. Лыко Оболенского в его вотчине и в оковах доставили в Москву. По мнению С. Ю. Шокарева, Иван III презрел старые правила, однако, возможно, имел на то право — «ведь Лыко Оболенский не оправдался перед жителями Великих Лук по суду» (*Шокарев* 2022: 233). Здесь он, однако, дискутирует с Ю. Г. Алексеевым, полагавшим, что И. В. Лыко Оболенский в своей деятельности на посту наместника также руководствовался представлением о своих феодальных правах. По мнению автора книги, «Лыко Оболенский был обычным администратором-тираном», и в своём судебном произволе опирался не на свои феодальные права, а на высокое положение на великокняжеской службе (Там же: 233).

Как бы то ни было, этот конфликт стал началом мятежа, в котором Андрей Большой поддержал своего брата Бориса. Князья постарались заручиться поддержкой великого князя Литовского Казимира IV, однако тот согласился лишь на предоставление убежища их семьям. С. Ю. Шокарев акцентирует ненасильственный характер мятежа: князья могли воспользоваться отсутствием Ивана III в столице и с боем взять Москву, но не сделали этого (Там же: 237). Обвинения Андрея и Бориса в «государственной измене» автор по ряду причин считает несостоятельными (Там же: 240). Более того, как показано в книге, перед лицом ордынского вторжения в результате очень непростых переговоров их примирение с Иваном III всё же состоялось. По договору 1481 г., как мы уже знаем, Иван III пошёл в отношении Андрея на некоторые территориальные уступки.

Положение Андрея Большого стало значительно более опасным после смерти матери в 1484 г., равно как и после кончины в 1490 г. сына Ивана III Ивана Молодого. Автор книги не находит оснований говорить о планах Андрея Углицкого участвовать в борьбе за великокняжеский престол, однако не исключает, что московский князь подозревал его в таких намерениях (Там же: 297). Развязка наступила в 1491 г. Поводом для ареста летописи называют отказ Андрея Большого от участия в военном походе против сыновей хана Ахмата. 20 сентября 1491 г. угличский князь был арестован в Москве и помещён под стражу в палате Казённого двора. Два года спустя его не стало.

Трагическая судьба угличского князя даёт возможность С. Ю. Шокареву поставить важный вопрос — о цене сверхцентрализации. В мейнстриме исторической науки объединение земель вокруг Москвы и значительное усиление великокняжеской власти рассматриваются как положительное явление, благодаря которому Российское государство смогло сохранить единство и сначала обрести, а затем отстоять независимость в условиях внешней угрозы. Но какой ценой? Многие удельные правители, родичи великих князей, в ходе этого «объединения» теряли свободу, а зачастую и жизнь. Автор не в первый раз пишет о «московцентричности» русской истории (Шокарев 2003: <https://web.archive.org/web/20210802090316/https://his.1sept.ru/2003/01/2.htm>), призывая не только чтить победителей, но и помнить о побеждённых, чтобы не обмануть себя идеями о якобы

«предопределённости» московского лидерства и об однозначной положительной роли московских правителей в русской истории.

Следствием «выбора автократической модели развития, ориентированной на централизацию и сверхцентрализацию», по мнению автора, стала «социальная несправедливость, составившая одну из основ государственного устройства Московского царства — Российской империи». Как итог — «глубина социальных противоречий оказалась столь значительной, что в столкновении с глобальным кризисом Первой мировой войны имперская государственная система не выдержала и сломалась» (Шокарев 2022: 368). На наш взгляд, путь от собирания земель и укрепления княжеской власти Иваном III до распада Российской империи не такой прямой и короткий, чтобы прибегать к подобным обобщениям, и книгу они, увы, не красят.

Закономерный вопрос: была ли альтернатива? А. А. Зимин в знаменитой работе «Витязь на распутье» в качестве одной из альтернатив московскому самодержавию выдвигал свободолюбивый Север: Галич, Вятку, Углич и Устюг. «Север во многом ещё смотрел в далёкое прошлое, грезил о золотых временах безвластия... <...> Северу была присуща ценность, которой не знала Москва, — любовь к свободе», — писал он (Зимин 1991: 200).

Также С. Ю. Шокарев приводит мнение исследователя и правозащитника С. А. Шарова-Делоне, видевшего подобной альтернативой

феодалную федерацию, на основе которой, по его мнению, могло сформироваться правовое государство (Шокарев 2022: 270–271). Представляется, что подобные теории отражают не только (и не столько) ситуацию в исторической науке, сколько содержание общественно-политических дискуссий о путях развития России.

Автор данной книги, хоть и, возможно, симпатизирует этой теории, всё же вынужден признать её нежизнеспособной. «Следует согласиться с теми историками, которые считали, что раздробленная на отдельные княжества (федеративная) Русь была обречена, поскольку эта форма общественного устройства не могла обеспечить защиту от татарской агрессии», — пишет он. (Там же: 283). По мнению С. Ю. Шокарева, возможную перспективу возникновения «феодалной федерации» окончательно похоронила междоусобная война в Московском княжестве 1425–1453 гг., подчеркнувшая опасность деления княжества на уделы и усилившая недоверие московского князя к своим родственникам (Там же: 368).

Подводя итог, С. Ю. Шокарев оценивает князя Андрея Большого как выдающегося деятеля местной истории, создателя и устроителя. При этом он не видит оснований считать его крупным военачальником (участие угличского князя в военных походах Москвы было довольно скромным), а большие политические амбиции Андрея Васильевича (претензии на престол в случае смерти Ивана III)

считает результатом умозрительной реконструкции историков. По мнению автора, угличский князь «претендовал на уважение к своему рангу и происхождению, стремился к честным и понятным отношениям со старшим братом» (Там же: 367). То есть, он пытался вести игру по старинке, в то время как её правила стремительно менялись. Гибель князя Андрея Большого, по мнению С. Ю. Шокарева, — результат соединения субъективных обстоятельств (зависть, жадность и подозрительность Ивана III¹) и объективных процессов государственного объединения (Там же: 367).

Главным достоинством книги, на наш взгляд, является умелое соединение местной и общегосударственной истории. Автору удалось на примере биографии не самого известного князя поставить перед читателем важные историософские и даже общечеловеческие вопросы, показать сложность и неоднозначность сюжетов, которые мы привыкли считать хрестоматийными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Борисов 2018 — *Борисов Н. С.* Иван III. 4-е изд. М., 2018.

Зимин 1991 — *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М., 1991.

Шокарев 2003 — *Шокарев С. Ю.* Русские княжества в XIV-XV столетиях: к оценке московоцентрической концепции отечественной истории // История. Приложение к газете «Первое сентября». № 1. 2003. [эл. ресурс] URL: <https://web.archive.org/web/20210802090316/>

¹ Стоит отметить, что образ Ивана III в книге получился весьма отталкивающим.

<https://his.1sept.ru/2003/01/2.htm> (дата обращения 04.12.2022 г.)

Шокарев 2022 — Шокарев С.Ю. Андрей Большой Углицкий. Судьба и эпоха. Углич, 2022.

REFERENCES

Borisov N. S. *Ivan III*. 4th ed. Moscow, 2018.

Shokarev S. Yu. *Russkie knyazhestva v XIV-XV stoletiyakh: k otsenke moskvotsentriches-*

skoy kontsentsii otechestvennoy istorii // Istoriya. Appendix to the newspaper Pervoe sentyabrya. No 1. 2003. URL: <https://web.archive.org/web/20210802090316/https://his.1sept.ru/2003/01/2.htm> Retrieved (04.12.2022)

Shokarev S. Yu. *Andrey Bolshoy Uglitskiy. Sudba i epokha*. Uglich, 2022.

Zimin A. A. *Vityaz' na rasput'e*. Feodal'naya voyna v Rossii XV v. Moscow, 1991.

А. А. Романчук

МИФ ЧАРЛЬЗА ГАЛЬПЕРИНА: НЕСКОЛЬКО СЛОВ В СВЯЗИ С ВЫХОДОМ КНИГИ «The Rise and Demise of the Myth of the Rus' Land»

Рец.: Halperin Ch. J. 2022. The Rise and Demise of the Myth of the Rus' Land. ARC, Amsterdam University Press

В рецензии проведен критический анализ недавно вышедшей книги Чарльза Гальперина. По мнению автора, попытка Гальперина представить «Русскую землю» эпохи средневековья всего лишь мифом, используемым для легитимации власти правящей элиты, неудачна как уже в своем замысле, так и в полученном результате. Нельзя согласиться с Гальпериним ни в отношении его главных тезисов (древнерусского народа не существовало, как и древнерусского государства — а было лишь «население» и «регионы под властью правителей Русской земли» (Ч. Гальперин)), ни в отношении многих частных. Все вышесказанное, тем не менее, не отменяет того факта, что книгу Чарльза Гальперина будет интересно и полезно прочесть (хотя бы в качестве пищи для ума) как специалистам, так и людям, просто испытывающим интерес к вопросам, затронутым им в своей книге.

Ключевые слова: древнерусский народ, древнерусское государство, «Русская земля», миф, этнос, средние века.

Сведения об авторе: Романчук Алексей Андреевич, кандидат культурологии (теория и история культуры), научный сотрудник, Институт культурного наследия (Кишинев, Республика Молдова).

Контактная информация: dierevo@mail.ru; dierevo5@gmail.com; <https://ich-md.academia.edu/>;

A. A. Romanchuk

THE MYTH OF CHARLES HALPERIN: A FEW WORDS IN CONNECTION WITH THE RELEASE OF THE BOOK "THE RISE AND DEMISE OF THE MYTH OF THE RUS' LAND"

Rev.: Halperin Ch. J. 2022. The Rise and Demise of the Myth of the Rus' Land. ARC, Amsterdam University Press

© А. А. Романчук, 2023
DOI 10.31754/2410-1419-2023-1-344-356

The review provides a critical analysis of the recently published book by Charles Halperin. According to the author, Halperin's attempt to present the "Russian Land" of the Middle Ages as just a myth used to legitimize the power of the ruling elite is unsuccessful both in its design and in the result obtained. One cannot agree with Halperin either with regard to his main theses (the Old Russian people did not exist, as well as the Old Russian state — there was only a "population" and "regions under the rule of the rulers of the Russian land" (Ch. Halperin)), nor with regard to many private ones. All of the above, however, does not negate the fact that Charles Halperin's book will be interesting and useful to read (at least as food for the mind) both specialists and people who are simply interested in the issues raised by him in his book.

Key words: Old Russian people, Old Russian state, "Russian land", myth, ethnos, Middle Ages.

About the author: Aleksey A. Romanchuk, researcher, Institute of Cultural Heritage (Chisinau, Republic of Moldova). PhD in Theory and History of Culture.

Contact information: dierevo@mail.ru; dierevo5@gmail.com; <https://ich-md.academia.edu/>;

Имя известного американского рурсиста Чарльза Гальперина не требует особого представления. Уже потому выход его новой книги (*Halperin 2022*), посвященной средневековой Руси, заслуживает, чтобы высказать по этому поводу несколько слов.

И тем более, если учесть весьма звучное название этой книги: «The Rise and Demise of the Myth of the Rus' Land» [«Взлет и упадок мифа о Русской земле»].

«Миф о Русской земле» — не больше, и не меньше.

Пожалуй, по крайней мере тем, кто сегодня населяет «Русскую землю», такое название, в самом прямом своем истолковании провозглашающее существование «Русской земли» в эпоху средневековья мифом — уже покажется достаточно веским поводом, чтобы по крайней мере краем глаза пробежаться по основным идеям и аргументам этой книги.

Что ж, со своей стороны я попытаюсь в нижеследующем тексте представить потенциальным читателям книги Ч. Гальперина такую возможность.

Итак, что же хочет сказать в новой книге Ч. Гальперин? Действительно ли он считает «Русскую землю» эпохи средневековья мифом? И если да, то как он пытается это доказать?

Наверное, предваряя анализ мысли Гальперина, стоит начать с того, что то, как Гальперин формулирует свою идею в начале книги, и то, как он ее формулирует в заключении — все же это, на мой взгляд, существенно отличающиеся формулировки. Может быть, даже правильнее было бы сказать — радикально отличающиеся. За этими отличиями стоит, полагаю, как тот беспрестанный поиск, в котором продолжает пребывать исследователь даже в процессе собственно написания текста (то есть, даже на этапе, когда концепция вроде уже сложилась) — так и ситуация, когда

исследователь, провозгласив некий тезис в начале исследования, на финише сам чувствует необходимость его существенной коррекции.

Начинает Гальперин действительно с, де факто, озвучивания тезиса «Русская земля эпохи средневековья есть миф».

Собственно, сам он сформулировал это следующим образом: «This book treats the “Rus’ Land” as a technical term, an historical and political myth that united the elite around the ruler. Connecting a ruler to the myth of the Rus’ Land legitimized him» [“В этой книге “Русская земля” трактуется как технический термин, исторический и политический миф, объединивший элиту вокруг правителя. Связь правителя с мифом о Русской земле узаконивала его власть”] (*Halperin 2022: 1*). И предварил, пояснил этот ключевой тезис своей книги — еще более выразительной и не оставляющей сомнений цитатой (с которой он, как видно, солидарен) другого исследователя: «Therefore, the Rus’ Land served overwhelmingly to elevate the status of the ruler, not the country or the people, but it was still a myth, a myth of the Rus’/Volodimerovichi princely dynasty. To be a “land” a political entity had to have a Rus’ dynastic line» [“Таким образом, «Русская земля» служила прежде всего средством повышения статуса правителя, а не страны или народа. Это был миф — но миф княжеской «Русской династии / династии Володимировичей». Чтобы быть «землей», политическое образование должно было находиться под властью «Русской» династии”] (*Halperin 2022: 1*).

Еще раз: «чтобы быть «землей», политическое образование должно было находиться под властью «Русской» династии». «Русской» в данном случае означает конкретно династию «Володимировичей» — потомков Владимира Святославовича, крестителя Руси.

То есть, провозглашая здесь тезис о «Русской земле как о мифе», Гальперин также и прежде всего фактически солидаризуется с идеей о том, что «миф» о Русской земле есть «миф» не страны, не народа — но лишь политической династии. Миф, используемый для легитимации этой династии и служащей ей политической элиты (напрашивающийся здесь вопрос: элиты чего? Коли уж страна — миф?).

Подчеркивая именно такое понимание выдвинутого им тезиса, Гальперин здесь же, во введении, представляя вторую главу своей книги, пишет: «Chapter 2, for the same period, rejects any notion that the Rus’ Land reflected national consciousness, not a priori from the absence of anything remotely resembling a Rus’ “nation” at the time, but from its malleable non-ethnic usage» [“Глава 2, относящаяся к тому же периоду, отвергает любое представление о том, что “Русская земля” отражала национальное сознание. Не априори из-за отсутствия чего-либо отдаленно напоминающего русскую “нацию” в то время. А из-за пластичного, податливого не-этнического использования этого термина”] (*Halperin 2022: 2*). И добавляет (уже по поводу седьмой главы): «The inhabitants of the Rus’ Land were Russian not because they were ethnically Russian but because they lived in regions ruled by the ruler of

the Rus' Land» [«Обитатели Русской земли были русскими не потому, что они были этнически русскими, но потому, что они жили в регионах, находящихся под властью правителей Русской земли»] (Halperin 2022: 2).

Итак, «обитатели Русской земли были русскими не потому, что они были этнически русскими, но потому, что они жили в регионах, находящихся под властью правителей Русской земли» (Ч. Гальперин). Нет «русского народа» эпохи средневековья — есть лишь «обитатели Русской земли». Нет «страны Русь» — есть лишь «регионы, управляемые» Володимировичами.

Не будем пока комментировать эти тезисы. Давайте лучше для начала посмотрим, как Гальперин пытается их доказать.

Аргументация Гальперина представлена в девяти главах — из которых первые две, собственно, и представляют именно теоретическое обоснование выше-озвученных ключевых тезисов его концепции. Остальные же семь — пытаются подкрепить выводы теоретических глав на основе анализа конкретных эмпирических примеров (то есть, анализа ситуации в отдельных русских землях: Твери, Новгороде, Пскове, Суздале, Москве, а также территориях будущих Украины и Беларуси).

Свои теоретические рассуждения Гальперин начинает с вопроса самого по себе достаточно интересного: «Why should the Kievan state have been called a “land” (*zemlia*)? This nomenclature

is far from accidental or unconscious. Despite the existence of alternative, and seemingly more appropriate terms, the *Tale of Bygone Years* (*Povest' vremennykh let*) does not call the Kievan polity the Rus' country (*strana*), the Rus' state (*gosudarstvo*), the Rus' principality (*kniazhenie*), or the Rus' fatherland (*otechestvo*)» [“Почему Киевское государство называлось “землей”? Такое наименование далеко от случайности или бессознательности. Несмотря на существование альтернативных и, казалось бы, более подходящих терминов, “Повесть временных лет” не называет Киевское государство “страной Русь», “государством Русь», “Русским княжением» или “Русским отечеством”] (Halperin 2022: 5).

Однако его попытка на основании этой, действительно интересной проблемы, сделать вывод об уникальности и специфичности термина «земля» именно для восточнославянского ареала («this system of nomenclature is unique in the European context. I have not been able to locate analogous terms of equal importance or similar systems of equal consistency and longevity in the sources of any other medieval people, Slavic or non-Slavic» [“Эта система наименования уникальна в европейском контексте. Я не смог найти аналогичные термины равной важности или аналогичные системы равной устойчивости и долговечности в источниках любого другого средневекового народа, славянского или неславянского”] (Halperin 2022: 6)) выглядит, полагаю, неубедительной. И резко противоречит даже приводимым им же самим фактам и наблюдениям¹.

¹ Они изложены им преимущественно в примечаниях (Halperin 2022: 5–7, прим. 5,6,7,8). И, как сам Гальперин замечает, «... the *Tale of Bygone Years* calls all states “lands”» [“Повесть временных

В особенности здесь следует подчеркнуть, что опять-таки сам же Гальперин обращает внимание и на первостепенно значимый в контексте этой проблемы вывод (с которым он, тоже подчеркну, соглашается) другого исследователя. Вывод о существовании общеславянской модели именования государств — «землями»: «Soloviev is fundamentally correct that there seems to have been a common Slavic “land”-state system» [“Соловьев полностью прав в том, что существовала общеславянская модель именования государств — «землями»] (Halperin 2022: 6).

Как бы то ни было, введя в свой теоретический дискурс постулат об уникальности, специфичности для восточнославянского ареала «“land”-state system», Гальперин далее пытается связать возникновение термина

«Русская земля» с языческим мифом о «матери сырой земле» (хоть и формулирует сначала это в достаточно осторожных выражениях: «The word for “earth” in the Mother Earth cult and the word for “land” in the “Rus’ Land” are one and the same, *zemlia*. Surely a latent connection between the two cannot be ruled out» [“Слово “земля” в культуре Матери-Земли и слово “земля” в “Русской земле” — это одно и то же слово. Безусловно, нельзя исключать скрытую связь между ними] (Halperin 2022: 9)), с одной стороны². И с культом княжеского клана, рода — с другой.

Здесь он опирается на выводы двух мало-замеченных (насколько могу судить) историографией работ — статей В.Л. Комаровича и П. Бушковича³.

В итоге, Гальперин считает, что «Applying Bushkovitch’s conclusion we

лет” называет все государства “землями”] (Halperin 2022: 5). Что, собственно говоря, отмечал уже А.Н. Насонов (на выводах и наблюдениях которого строится, кстати, очень многое в концепции Гальперина). Насонов писал, что термины «земля», «волость», «область» использовались в Древней Руси для обозначения территории, объединенной одной верховной властью (Насонов 1951: 33). И указывал, что термин «земля» древнее, чем «волость».

² Существенную роль в его построениях здесь играет обращение к некоторым мотивам (и еще более — интерпретациям этих мотивов) «Слова о полку Игореве» (Halperin 2022: 8). В этой связи должен заметить, что, на мой взгляд, книга, изданная в 2022 году, не может, апеллируя в попытке аргументации своих ключевых тезисов к «Слову о полку Игореве», обойтись без, во-первых, фундаментальной работы А.А. Зализняка (Зализняк 2008). И, во-вторых, без монографии С.Л. Николаева (Николаев 2020) — где много внимания уделяется проблеме диалектной локализации «Слова». Последнее имеет особое значение для концепции Гальперина.

³ Вообще, в виде отступления, замечу, что большим плюсом книги Гальперина следует считать его внимание к работам, вышедшим сравнительно давно — и цитируемым сегодня, скорее, по принципу цитирования работ Маркса-Энгельса-Ленина советскими учеными. А особенно — его внимание к работам мало-оцененным историографией, и давно (и незаслуженно) выпавшим из внимания исследовательского сообщества. Тем самым Гальперин не только восстанавливает историческую справедливость, но и стимулирует современных исследователей смотреть не только вперед — а и немного оглядываться назад. Что, безусловно, идет науке лишь на пользу.

Применительно к работе П. Бушковича (ранее мне неизвестной; как, видимо, неизвестной и Х. Стангу), для меня особенно интересно следующее его наблюдение: «The only group of the neighbours of Rus’ whose names have the same grammatical form (feminine singular collective noun, like Chud’ or Ves’) as the word Rus’ are the Finno-Ugric peoples, the most “primitive” tribes of the region» [“Единственная группа соседей Руси, чьи имена имеют ту же грамматическую форму (собирательное существительное женского рода единственного числа; например, Чудь или Вель, что и слово Русь, — это финно-угорские народы, самые “примитивные” племена региона)] (Halperin 2022: 9). И хотя «социально-экономическое объяснение», которое предложил П. Бушкович в связи с этим

see that Komarovich's cult of the clan might actually have been the cult of the *Rus'*, which was probably the primal sacral name for the princely clan (*rod*) of the Kievan dynasty» [“Применяя вывод Бушковича, мы видим, что “культ клана” Комаровича на самом деле мог быть “культом Руси”. «Русь» же изначально было, вероятно, сакральным названием княжеского клана (рода) Киевской династии”] (*Halperin* 2022: 9). И что «The Rus' Land constituted, then, the first Rus' conception of political society. It personified the pagan patrimony of the sacral clan of Rus' of the Kievan dynasty» [“Таким образом, “Русская земля” представляла собой первую русскую концепцию политического общества. Она олицетворяла языческое наследие сакрального “клана Руси” Киевской династии”] (*Halperin* 2022: 10).

Тезис этот, подчеркну, играет центральную роль во всех последующих построениях Гальперина. От его верности зависит, как от крепости фундамента — судьба здания, убедительность концепции Гальперина в целом.

Однако, даже подходя к оценке верности этого тезиса максимально снисходительно, мы не можем, на мой взгляд, не признать, что в сущности, Гальперин здесь предложил лишь более или менее остроумную догадку (точнее — цепь догадок) — но ничем не подкрепленную. За этой догадкой стоят лишь отрывочные и крайне беглые апелляции к «Слову

о полку Игореве» и гипотезам (подчеркну — гипотезам) Комаровича и Бушковича — без какой-либо аргументации.

Впрочем, это даже не столь важно. Потому что даже будь эта догадка Гальперина верна — из нее никак нельзя было бы сделать те последующие выводы, которые Гальперин делает — и которые имеют для него первостепенную важность. Фактически, сама догадка о «Русской земле как о мифе клана Киевской династии» нужна Гальперину на самом деле лишь для того, чтобы эти выводы (точнее — тезисы) ввести в свой дискурс.

В частности, его тезис о том, что «Usage of the myth of the Rus' Land from the tenth to the fifteenth centuries argues against the assertion that it reflects national consciousness» [“Использование мифа о “Русской земле” с десятого по пятнадцатый века противоречит утверждению, что он отражает национальное сознание”] (*Halperin* 2022: 18). И что «The Rus' Land ... was neither a tribal (ethnic) nor a statist conception of a realm but a dynastic construct» [“Русская земля ... не была ни концепцией племени (этноса), ни государственной концепцией, концепцией «царства». Это была лишь династическая конструкция”] (*Halperin* 2022: 10). Или, что «... ascribing national consciousness to the myth of the Rus' Land during the tenth to fifteenth centuries is at best dubious and unproven, if not unprovable» [“приписывание

национального самосознания мифу о “Русской земле” для десятого-пятнадцатого веков в лучшем случае сомнительно и недоказанно, если вообще доказуемо”] (*Halperin* 2022: 25). В крайнем случае, в более осторожной формулировке: «the asserted conclusion that it [the myth of the Rus’ Land. — A. R.] manifested national consciousness, the nationalism of a nation, the unity of the Rus’ people (*narod*) and the Fatherland, for the Kievan period of the *drevnerusskaia narodnost’* (East Slavic people) ... should not be accepted without critical analysis» [“Утверждение, что он [миф о Русской земле. — А.Р.] проявил национальное сознание, этничность нации, единство русского народа и Отечества, для киевского периода древнерусской народности ... не следует принимать без критического анализа”] (*Halperin* 2022: 17).

Несмотря на большую осторожность последней из цитированных формулировок (равно как и других оговорок подобного рода: «Although I would not deny the existence of notions of “ethnicity” among all medieval East Slavs, nevertheless I should like to suggest that the one sense in which the Rus’ Land is never used is precisely ethnic» [“Хотя я бы не стал отрицать существование понятия “этничность” у всех средневековых восточных славян, тем не менее смею предположить, что единственное значение, в котором никогда не употребляется термин “Русская земля”, — это именно этническое”] (*Halperin* 2022: 25)), «критический анализ», о необходимости которого Гальперин здесь говорит, де факто оказывается не более чем риторическим приемом. Резуль-

таты этого «критического анализа» оказываются предугаданы, predetermined той исходной посылкой, которая лежит в основании всей концепции Гальперина.

То есть, его цель (не декларируемая — но фактически реализованная), в конечном итоге состоит в том, чтобы объявить мифом и существование Русской земли в эпоху средневековья как страны, и, собственно, древнерусского народа (с, очевидно, в таком случае присущим ему этническим самосознанием).

Увы, но ни из признания «Русской земли» политическим мифом (в смысле: мифом, служащим политической цели создания государства (страны) и его последующего существования, поддержания функционирования; именно к такой, куда более взвешенной и осторожной, формулировке, Гальперин (видимо, уступая натиску фактов и своей интуиции исследователя) все же приходит в конце своей книги: «The “Rus’ Land” is ... a “myth,” because clerical and lay authors, writing narratives and documents, manipulated it in order to claim its legitimacy» [“Русская земля” — это... “миф”, потому что и церковные деятели, и миряне — авторы нарративов и документов, манипулировали им, чтобы заявить о своей легитимности”] (*Halperin* 2022: 105)), ни (изначально) персональным политическим мифом Киевской династии, «Володимировичей» (используя термин Гальперина) — никак не следует, что не существовало ни «Русской земли» как страны, ни древнерусского народа, с присущим ему этническим самосознанием, как такового.

Если кто действительно пожелает эти тезисы все же доказывать (занятие, на мой взгляд, изначально бесперспективное) — то ему следует попытаться здесь избрать некий иной, отличный от попытки Гальперина, способ.

Вероятно, Гальперин и сам чувствует здесь шаткость возводимой им конструкции. Поскольку далее он предпринимает еще одну попытку доказать, что ни Древней Руси как страны, ни древнерусского народа — не существовало.

И для этого он обращается к выводам фундаментальной, классической работы А. Н. Насонова (*Насонов* 1951). Прочитую: «Arsenii Nasonov showed that the original meaning of the Rus' Land in geographic terms was that triangle of territory bounded by Kiev, Chernigov (Chernihiv), and Pereiaslavl'. As the area under the sovereignty of the Kievan dynasty expanded in the eleventh and twelfth centuries, newly acquired territories were "incorporated" into the Rus' Land, until eventually the patrimony (*otchina*) of the Volodimerovichi encompassed all East Slavdom» [«Арсений Насонов показал, что первоначально термин «Русская земля» в географическом плане обозначал «треугольник», ограниченный Киевом, Черниговом и Переяславлем. По мере расширения власти Киевской династии в одиннадцатом и двенадцатом веках, вновь приобретенные территории были «включены» в состав Русской земли, пока в конечном итоге вотчина Володимировичей не охватила всех восточных славян»] (*Halperin* 2022: 7).

Здесь, прежде всего, он допускает существенную неточность в изложении

выводов А. Н. Насонова. Допущена она, скорее, подсознательно (своего рода: «оговорка по Фрейду») — поскольку имеет важнейшее значение в аргументации ключевой для Гальперина идеи о «не-существовании» древнерусского народа.

Именно, Гальперин здесь исходит из того, что (прочитую еще раз) «As the area under the sovereignty of the Kievan dynasty expanded in the eleventh and twelfth centuries, newly acquired territories were "incorporated" into the Rus' Land».

Однако, совершенно очевидно, что в XI—XII веках происходило уже не «расширение суверенитета Киевской династии». А, наоборот, Киевская Русь постепенно вступает в эпоху феодальной раздробленности.

Сам А. Н. Насонов, говоря о возникновении «Русской земли» в узком смысле этого слова (то есть: как термина, обозначающего государственное образование, занимавшее «четырёхугольник» (а не «треугольник», вопреки Гальперину) «Киев-Чернигов-Переяславль-Вышгород») писал: «Устойчивость термина как термина географического, показывает, что «Русская земля» весьма древнего происхождения, и сложилась она, очевидно, не в XI веке ... , а гораздо раньше» (*Насонов* 1951: 30). И, обсуждая вопрос о времени ее возникновения, относил это событие еще к «хазарскому времени», к IX веку (*Насонов* 1951: 44).

То есть, заметим попутно, вопреки желаемому для концепции Гальперина, не только до возникновения «династии Володимировичей» — но

даже и до возникновения династии Рюриковичей и их вокняжения в Киеве.

При этом более раннее время возникновения «Русской земли», VIII век, по мнению Насонова, «трудно предположить» (Насонов 1951: 44).

Аргументация А. Н. Насонова о значительной древности «Русской земли» (в узком смысле слова) представляется безупречной и неоспоримой.

Однако что касается конкретного времени ее возникновения, то, как я уже раньше отмечал (в частности: Романчук 2018: 146; Романчук 2018а: 96, 103, прим. 13; Романчук 2022: 337), наоборот, на сегодняшний день вся имеющаяся в нашем распоряжении совокупность фактов склоняет к тому, чтобы относить возникновение этой «Русской земли» именно еще к VIII веку (и, скорее, его первой половине).

А это, как очевидно, еще менее соответствует предположениям Гальперина.

Почему же Гальперин допускает здесь эту оплошность?

Потому, что для его концепции принципиально, чтобы расширение термина «Русская земля» (в формулировке Гальперина: именно в узком смысле слова (!)) на все восточнославянские земли произошло очень поздно — не ранее конца XIII века. Прочитую: «In 1293 the Tatars raided Vladimir, Suzdal', Murom, Pereiaslavl', Kolomna, Moscow, Mozhaik, Voloк, and other cities, all of them in the Northeast. The Tatars did much

harm to the Rus' Land—the beginnings of a *translatio* of the narrow concept of the geographical Rus' Land from the Kievan area to the Northeast. The *translatio* was completed by 1328 when there was “peace in the Rus' Land” at the accession to the grand principality of Vladimir of Ivan Kalita of Moscow and in 1340 when Ivan Kalita was mourned on his death by “all the Muscovite men...and the whole Rus' Land» [“В 1293 году татары совершили набег на Владимир, Суздаль, Муром, Переяславль, Коломну, Москву, Можайск, Волок и другие города Северо-Востока. Татары нанесли существенный ущерб «Русской земле» — и это событие маркировало начало *translatio*, переноса понятия “Русская земля» (в узком значении этого термина) с региона Киева на Северо-Восток. *Translatio*, перенос был завершён к 1328 году, когда “в Земле Русской воцарился “мир” и московский князь Иван Калита получил ярлык на Владимирское великое княжение, и в 1340 году, когда смерть Ивана Калиты оплакивали “все московские мужи... и вся земля Русская”] (Halperin 2022: 12).

Именно поэтому же он, хоть и признает полученный А. Н. Насоновым вывод об «узком» и «широком» значении термина «Русская земля» уже в до-монгольское время («On the eve of the Mongol conquest of Rus' the myth of the Rus' Land carried two geographic meanings, either the area of Kiev in the narrow sense or all East Slavdom in the broad sense, as well as two religious meanings» [“Накануне монгольского завоевания Руси миф о “Русской земле» имел два географических смысла: либо, в узком значении — обозначал регион Киева, либо же, в широком

значении — земли всех восточных славян; также два значения он имел и в религиозном плане”] (*Halperin* 2022: 11)), но делает из него совершенно парадоксальный вывод.

Прочитую: «The adaptability of the geographic coordinates of the Rus' Land established by Nasonov suggests precisely that the myth was primarily and essentially not territorial but political, the state ruled by the Kievan dynasty» [“Адаптивность географических координат “Русской земли”, установленная Насоновым, четко указывает на то, что миф был прежде всего и по существу не территориальным, а политическим, обозначая государство, управляемое Киевской династией”] (*Halperin* 2022: 18).

Увы, но я не вижу здесь никаких оснований отказываться от предложенного еще А. Н. Насоновым объяснения этой «The adaptability of the geographic coordinates of the Rus' Land». Представляется очевидным, что именно расширение Древнерусского государства (но в X веке!) и происходившее параллельно с этим формирование русского (древнерусского) народа из восточнославянских и не-славянских этнических групп — и обусловили и расширение первоначального значения термина «Русская земля», и последующее бытование одновременно и «узкого», и «широкого» его значения⁴,

То, что древнерусский народ — все же не миф, следует даже из того оче-

виднейшего факта, что еще в начале XX века некоторые украиноязычные группы Карпат именовали себя «русскими». И эта их этническая идентичность, «русская», могла сформироваться лишь в условиях пребывания их предков в составе общего государства — каким и была Киевская Русь.

Предполагать, что эта этническая идентичность могла сформироваться уже после распада Древнерусского государства — пожалуй, будет равносильно отрицанию существования этнологии как науки.

Кстати, если говорить не о сугубо этнологической, но и о лингвистической стороне дела (а общий язык — хоть и не первейший камень в фундаменте возникновения этноса, но один из первых), то к началу нынешнего века стало ясно, что и восточнославянская языковая общность — результат процессов конвергенции.

Прочитую: «Для южнославянской и западнославянской ветвей отсутствие соответствующих монолитных праязыков установлено уже достаточно давно. В отличие от этих двух ветвей, восточнославянская ветвь в соответствии с традицией, восходящей в основном к А. А. Шахматову, обычно считалась монолитной. Имеющиеся ныне данные по древненовгородскому и древнепсковскому диалектам показали, что и восточнославянская ветвь не была в этом отношении исключением: подобно

⁴ Здесь имеет смысл коснуться еще одного тезиса Гальперина. Именно, он, пытаясь отрицать этнический смысл термина «Русская земля», противопоставляет «полиэтничность Византии» — и, не используя этого термина, «моноэтничность Руси». Прочитую: «the Byzantine Empire, however Greek in language and culture, was abundantly multi-ethnic, and it is beyond credulity that visitors from Kievan Rus' would not have observed the diverse population elements in Constantinople, to which

двум другим, она вобрала в себя первоначально не вполне тождественные племенные говоры» (*Зализняк* 2004: 57).

То есть, как формирование древнерусского языка, так и (тут А. А. Зализняк цитирует В. В. Седова) «формирование восточнославянского этноса было возможным только в результате интеграционных процессов» (*Зализняк* 2004: 154).

Единственный период средневековой истории восточных славян, когда

мы наблюдаем эти интеграционные процессы (и когда, соответственно, могли происходить и конвергентные языковые процессы, приведшие к возникновению наддиалектного древнерусского языка) — это период существования единого (хотя бы относительно) Древнерусского государства, X—XII века.

Таким образом, «Миф о Русской земле» Гальперина — по факту, полагаю, оказывается «мифом Гальперина»⁵.

Увы.

they in fact contributed» [“Византийская империя, греческая по языку и культуре, была чрезвычайно многонациональной, и невозможно поверить, что приезжие из Киевской Руси не заметили бы разнообразия населения Константинополя, в которое они фактически внесли свой вклад.”] (*Halperin* 2022: 25). Поэтому, считает здесь же Гальперин, «The Rus’ Land to which Berendei and Olgerdovich could pledge loyalty was hardly ethnic» [“Русская земля, которой берендеи и Ольгердовичи могли присягнуть на верность, вряд ли была “этническим феноменом»”] (*Halperin* 2022: 25). Увы, но вопреки Гальперину, Киевская Русь была, во-первых, не-моноэтнична ни в какой период своей истории (утверждение, полагаю, на сегодняшний день не требующее доказательств). И во-вторых, следует считать, пожалуй, аксиомой этнологии принцип многоуровневости этнической самоидентификации (и вообще самоидентификации) — когда человек может быть берендеем, и одновременно «could pledge loyalty to the Rus’ Land».

⁵ К сожалению, у меня нет возможности представить здесь столь же подробно и иные главы книги Гальперина.

Какие-то из них понравились мне больше — как глава о Пскове.

Хотя ее итоговый вывод (изложенный, правда, в начале главы: «Like its “elder brother” Novgorod, the medieval city-state of Pskov lacked an indigenous branch of the Volodimerovich clan as its dynasty and for that reason did not and probably could not articulate a self-conception in the form of an ideology of a “Land”» [“Подобно своему “старшему брату” Новгороду, средневековый Псков не имел своей, коренной, династии из рода Володимировичей, и по этой причине не имел и, вероятно, не мог сформулировать свою политическую идентичность в виде идеологии “земли”] (*Halperin* 2022: 64)) меня также не убедил. Особенно что касается «отсутствия собственной ветви Володимировичей» в качестве объяснения причин отсутствия у Пскова политических претензий, аналогичных претензиям Москвы или Твери.

Какие-то меньше — как глава о той же Твери.

Где Гальперин, прибегая к достаточно сложной (или, наоборот — недостаточно сложной) эквилибристике, пытается, на мой взгляд, проигнорировать вполне ясные указания источника. Из которых следует, что Тверь рассматривалась этим источником как часть Русской земли: «in greeting the envoy Foma at Florence John Paleologus now speaks of Boris as given by God to the Rus’ Land (*russkaia zemlia*) (6). The patriarch declares that the fame of Boris Aleksandrovich flows from the Greek Land to the Rus’ Land (6), and various metropolitans declare that there is no grand prince in Rus’ comparable to Boris (6, 7 twice) ...» [“приветствуя посланника Фому во Флоренции, Иоанн Палеолог теперь говорит о Борисе как о дарованном Богом Русской земле (6). Патриарх заявляет, что слава Бориса Александровича течет из Греческой земли в Русскую землю (6), а различные митрополиты заявляют, что на Руси нет великого князя, сравнимого с Борисом (6, 7 дважды)”] (*Halperin* 2022: 30). Тем не менее, все эти главы были прочитаны мной также с живейшим интересом и удовольствием. И смею предположить, что те, кто решит прочесть книгу Гальперина целиком, и получат удовольствие не меньшее. Уже поэтому не буду портить его своим пересказом.

Поэтому, завершая этот отклик на книгу Чарльза Гальперина, я считаю уместным здесь процитировать одного из учеников А. Н. Насонова — хоть и сказано им это было по другому поводу.

Итак: «В подходах к изучению древнерусских нарративных источников у А. Н. Насонова и М. Н. Тихомирова обнаруживалась принципиальная разница. А. Н. Насонов делал свои заключения после всестороннего исследования всего текста памятника, М. Н. Тихомиров позволял себе опираться на отдельные особенности текста. Хотя ... методика А. Н. Насонова была очень трудоемкой и по времени весьма затратной, я целиком был на его стороне, осознавая, что только таким путем можно получить твердые научные результаты ...» (Кучкин 2018: 351–352).

Как кажется, несколько переосмысливая эти слова, мы можем в определенной мере приложить их и к методу Гальперина, использованному им в этой книге. Заведомо ограничив свое внимание лишь достаточно скудными и скупыми сведениями средневековых русских нарративных источников о «Русской земле», и исключая из рассмотрения «весь текст памятника» — то есть, всю совокупность известных нам исторических, этнологических и относящихся к данным иных научных дисциплин фактов, демонстрирующих и существование «Русской земли» как страны в эпоху средневековья, и существование древнерусского народа, он, на мой взгляд, был обречен на то, чтобы попасть в ловушку предварительно избранной им концепции.

Все вышесказанное, тем не менее, не отменяет того факта, что книгу Чарльза Гальперина будет интересно и полезно прочесть (хотя бы в качестве пищи для ума) как специалистам, так и людям, просто испытывающим интерес к вопросам, затронутым им в своей книге.

И более того: прежде, чем с кем-либо соглашаться или не соглашаться, следует, полагаю, самому ознакомиться (и не просто ознакомиться — но вникнуть в сказанное) с тем, что он говорит.

Принцип, из которого исхожу сам — и всем желаю.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Зализняк 2004 — *Зализняк* А. А. 2004. Древненовгородский диалект. Москва: Языки славянской культуры.

Зализняк 2008 — *Зализняк* А. А. 2008. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. Москва: Рукописные памятники Древней Руси.

Кучкин 2018 — *Кучкин* В. А. 2018. Воспоминания Арсения Николаевича Насонова. *Slověne*. Vol. 7, № 2. С. 342–355.

Насонов 1951 — *Насонов* А. Н. 1951. "Русская земля" и образование территории древнерусского государства : исторически-географическое исследование. Москва: АН СССР.

Николаев 2020 — *Николаев* С. Л. 2020. «Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История.

Романчук 2018 — *Романчук* А. А. 2018. Клятвы русов «оружьем и обручем»: славянский и германский контекст. *Stratum plus* (5), 143–154.

Романчук 2018 — *Романчук* А. А. 2018а. Происхождение клятв русов «оружь-

ем и обручем»: славянские, германские и кельтские параллели. *Revista Arheologică XIV* (1), 93–107.

Романчук 2022 — Романчук А.А. 2022. Этноним *русь* и восточногерманское **rauþs* 'красный': еще раз к обоснованию гипотезы. *Stratum plus* (5), 335–343. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp>

Halperin 2022 — Halperin Ch. J. 2022. The Rise and Demise of the Myth of the Rus' Land. ARC, Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.1515/9781802700565>

REFERENCES

Zaliznyak A. A. 2004. *Drevnenovgorodskij dialekt*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury.

Zaliznyak A. A. 2008. «*Slovo o polku IgorevE*»: *vzglyad lingvista*. Moskva: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi.

Kuchkin V. A. 2018. Vspominaya Arseniya Nikolaevicha Nasonova. *Slověne*. Vol. 7, № 2. C. 342–355.

Nasonov A. N. 1951. "Russkaya zemlya" i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva : istoricheski-geograficheskoe issledovanie. Moskva: AN SSSR.

Nikolaev S. L. 2020. «*Slovo o polku IgorevE*»: *rekonstrukciya stikhotvornogo teksta*. Moskva; Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya.

Romanchuk A. A. 2018. Klyatvy rusov «*oruzh'em i obruch'eM*»: slavyanskij i germanskij kontekst. *Stratum plus* (5), 143–154.

Romanchuk A. A. 2018a. Proiskhozhdenie klyatv rusov «*oruzh'em i obruch'eM*»: slavyanskije, germanskije i kel'tskie paralleli. *Revista Arheologică XIV* (1), 93–107.

Romanchuk A. A. 2022. Ehtnonim rus' i vostochnogermanskoe **rauþs* 'krasnyj': eshche raz k obosnovaniyu gipotezy. *Stratum plus* (5), 335–343. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp>

Halperin Ch. J. 2022. *The Rise and Demise of the Myth of the Rus' Land*. ARC, Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.1515/9781802700565>

Н. Н. Подосокорский

ОБ «ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ» Е. В. АНИСИМОВА

Рец.: Анисимов Е. В. Императорская Россия. СПб.: Питер, 2022. 640 с.

Рецензия посвящена научно-популярной монографии «Императорская Россия» (2022) выдающегося историка, профессора Евгения Викторовича Анисимова.

Ключевые слова: Российская империя, Петр I, Леблон, шут Балакирев, Василий Чичагов, Мария Федоровна, Александр I, Наполеон, Николай I, Александр II.

Сведения об авторе: Подосокорский Николай Николаевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН, первый заместитель главного редактора журнала «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал» ИМЛИ РАН (Великий Новгород, Москва);

Контактная информация: n.podosokorskiy@gmail.com

N. N. Podosokorsky

ABOUT «IMPERIAL RUSSIA» BY E. V. ANISIMOV

Rev.: Anisimov E. V. Imperatorskaya Rossiya. SPb.: Piter, 2022. 640 s.

The review is devoted to the popular science monograph "Imperial Russia" (2022) by the outstanding historian, Professor Evgeny Viktorovich Anisimov.

Keywords: The Russian Empire, Peter I, Leblon, jester Balakirev, Vasily Chichagov, Maria Fedorovna, Alexander I, Napoleon, Nicholas I, Alexander II.

About the author: Nikolay Nikolayevich Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, First Deputy Editor-in-Chief of Dostoevsky and World Culture. Philological journal (Veliky Novgorod, Moscow, Russia).

Contact information: n.podosokorskiy@gmail.com

Доктор исторических наук, профессор Евгений Викторович Анисимов по праву считается ведущим специалистом по истории России Нового времени и, особенно, по эпохе Петра I и XVIII века. Среди его многих замечательных научных трудов вряд ли можно выделить книгу «Императорская Россия» как наиболее удачную и образцовую, но она, несомненно, также заслуживает внимания и разбора, поскольку выдержала ряд переизданий (2008, 2012, 2017, 2019, 2022), обращена к массовой аудитории, интересующейся российской историей, и позволяет получить в сжатом виде представление об основных событиях, явлениях и фигурах Российской империи XVIII — начала XX века.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что книга отличается неравномерным объемом, отведенным для разных эпох (Анисимов в духе давней традиции для удобства восприятия делит историю Российской империи по царствованиям монархов). Так, наиболее любимому автором восемнадцатому столетию отведено в труде более 400 страниц, а девятнадцатому и началу двадцатого в совокупности — всего 200 страниц, что неизбежно делает повествование о начальных этапах становления Российской империи более подробным и обстоятельным, а рассказ о царствованиях позднейших Романовых, наоборот, предельно кратким и конспективным. Впрочем, у каждого ав-

тора свои логика, задача и интересы, а рассматриваемый период сам по себе настолько огромен, что в одной книге в любом случае можно затронуть его лишь весьма кратко. Именно поэтому одним из недостатков книги являются многочисленные повторы разных сюжетов в основном тексте книги и в т. н. дополнительных вставках, то и дело прерывающих главное повествование. Автор выделяет несколько типов таких вставок: «Действующие лица», «Легенды и слухи», «Заглянем в источник», «Заметки на полях», «Ордена России», «Знаменитые корабли» и др. Сами по себе эти вставки служат украшению книги и расширению наших представлений о жизни того периода, но при этом каждый допускаемый текстовый повтор даже в один-два абзаца, очевидно, отнимает место у других выдающихся лиц эпохи и связанных с ними деяний или от иных примечательных историй и документов.

Труд Анисимова ни в коем случае нельзя считать обычной компиляцией и повторением общеизвестных фактов. В ряде случаев автор опирается на собственные уникальные исследования и, что не менее важно, пытается каждый раз приобщить читателя к ремеслу историка, показывая, какова природа того или иного исторического источника, и из какого документа взяты те или иные сведения. Симпатична и личность самого автора, органично сочетающего любовь к отечеству с принципами

гуманизма. Особенно хорошо Анисимову удаются лаконичные портреты героев империи, среди которых одним из главных является обожаемый автором город Санкт-Петербург, воспринимаемый им как живой субъект отечественной истории. Порой в тексте даже проскальзывают ностальгические нотки автора об удивительных чертах петербургской жизни прошлого, которые утрачены навсегда. Например: «Рестораны России второй половины XIX — начала XX века — это особая, развитая, ныне уже утраченная субкультура, о которой всякий знавший ее вспоминал с необыкновенной нежностью и восторгом, так хороша она была» (Анисимов 2022: 590).

Из несомненных достоинств книги следует отметить блестящий стиль и доступный язык автора, по-настоящему заинтересованного в том, чтобы прояснить темные моменты истории, а не запутать неподготовленного читателя. Чрезвычайно интересны приводимые Анисимовым исторические легенды и анекдоты, заметно оживляющие повествование. Например, впечатляет легенда о смерти главного архитектора Санкт-Петербурга Жана-Батиста Александра Леблона (1679–1719): «Неожиданно, как пишут во всех биографиях Леблона, гениальный архитектор в расцвете сил и таланта заболел и умер 27 февраля 1719 года. О причинах болезни прежде энергичного, здорового Леблона ничего не известно. Есть только темные, глухие слухи. Историки архитектуры обходят эти слухи стороной. Согласно одной из легенд, Меншиков, завидовавший таланту Леблона, как-то раз оболгал его перед царем. Он сказал, что Леблон якобы

приказал вырубить с таким трудом возвращенные Петром I в Петергофе деревья. Разъяренный царь, вспылчивый и крутой, внезапно приехал в Петергоф, жестоко оскорбил Леблону и даже ударил его палкой. Леблон был так потрясен произошедшим, что в горячке слег.

Спустя некоторое время Петр I разобрался, в чем дело, и страшно избил Меншикова за ложный донос. К Леблону же царь послал человека с извинениями и уверениями в своей неизменной к нему милости. Но потрясенный этими невиданными для свободного человека и дворянина оскорблениями, Леблон уже не поднялся с постели — он умер от унижения и позора. Другое дело — Меншиков: вытерев кровь и сопли кружевным брюссельским галстуком, он почесал бока да и пошел по делам. Эка невидаль, барин холопа побил, ведь не убил же!» (Анисимов 2022: 96).

Не менее колоритен и анекдот об адмирале Василии Чичагове (1726–1809) и Екатерине II: «Памятна и смешная история с победителем шведов адмиралом Чичаговым. Екатерина II хотела видеть героя. Окружающие отговаривали ее: адмирал — человек несветский, и к тому же изрядный матершинник! Императрица на своем все же настояла. Свидание состоялось, и адмирал стал ей повествовать о своей победе над шведской эскадрой. Сначала он был смущен, косноязычен, но постепенно распалился, забылся и под конец произнес в адрес своих неприятелей несколько привычных ему непечатных слов. Спыхватившись, он рухнул в ноги Екатерине просить пощады,

а она, как ни в чем не бывало, кротко сказала: «Ничего, Василий Яковлевич! Продолжайте, я ваших морских терминов не разумею» (Анисимов 2022: 325–326).

Автор побуждает по-новому посмотреть и на ряд исторических мифов. Например, о железном порядке в России при Николае I. Как пишет Анисимов: «За время царствования Николая I учтено 556 бунтов, и около половины из них пришлось усмирять с помощью войск — столь серьезными и массовыми были эти выступления и жесткими требования восставших» (Анисимов 2022: 525).

К сожалению, книга содержит и ряд фактических ошибок (или опечаток), практически неизбежных в трудах с таким большим количеством дат и имен, но при этом упорно не исправляемых при многочисленных переизданиях вплоть до 2022 года. А между тем такой труд естественным образом нуждается в поправках и уточнениях. Так, датой битвы на Косовом поле, потерпев поражение в которой «балканские славяне почти на полтысячи лет попали под османский гнет», указан не 1389, а 1525 год (Анисимов 2022: 81). В размещенном в книге родословном древе Романовых супруга Петра I Екатерина I отмечена как «Екатерина II» (Анисимов 2022: 181).

Также автор дважды указывает неверную дату смерти императрицы Елизаветы Петровны: 25 декабря 1752 года (Анисимов 2022: 258) и 25 декабря 1760 года (Анисимов 2022: 265). На самом деле она скончалась 25 декабря 1761 года. Странным

выглядит и замечание историка о незнании наследником Александром Павловичем о заговоре против его отца, императора Павла I в 1801 году: «При этом остается неясным, знал ли Александр о заговоре» (Анисимов 2022: 416). Впрочем, через несколько страниц автор поправляет себя: «Ученые не пришли к определенному выводу об участии Александра в заговоре. Ясно, что он знал о его существовании, очевидно, что цесаревич одобрял намерения заговорщиков свергнуть отца и провозгласить его императором» (Анисимов 2022: 421). Разумеется, второе замечание больше соответствует истине, но подобные противоречия в тексте могут сбить и запутать неподготовленного читателя.

Не кажется справедливой и взвешенной оценка историком фигуры Марии Федоровны, супруги Павла I: «Тут важно отметить, что Мария была доброй, милой, но... не особенно умной женщиной. Точнее, она не обладала умом Екатерины II. За деревьями Мария не увидела леса — для нее Екатерина была не великим реформатором и гениальным политиком, а лишь порочной старой особой. К тому же Мария не могла простить свекрови, что та отобрала у нее и первенца Александра, и второго сына Константина, и стала их воспитывать по-своему, вдали от родителей» (Анисимов 2022: 423). Было бы гораздо более странным, если бы супруга цесаревича, а затем императора Павла, учитывая также и крайне неприязненные отношения Екатерины II с сыном, спокойно восприняла отнятие у них детей и восхищалась гениальными решениями государыни.

Также не вполне справедлив и упрек в адрес Александра II, который дескать «так спешил узаконить перед Богом свой брак (с Е. М. Долгоруковой — Н. П.), что пренебрег церковным 40-дневным траурным обычаем» после смерти своей первой жены, императрицы Марии Александровны (Анисимов 2022: 561). Не трудно сосчитать, что с момента смерти Марии Александровны (22 мая 1880 года) до венчания императора с Екатериной Долгоруковой (6 июля 1880 года) все-таки прошло более 40 дней, хотя, в остальном, тайное бракосочетание, конечно, все равно было поспешным.

Ошибочным является утверждение профессора Анисимова, что, «мы не знаем, какой был голос у Наполеона, Юлия Цезаря. И только в записках простого солдата Никиты Кашина мы читаем о Петре: “Государь во время обедни сам читал Апостол — голос сиповатый, не тонок и не громогласен”» (Анисимов 2022: 160). На самом деле, описания голоса Наполеона его современниками до нас тоже дошли. Прочитую здесь французского историка-наполеоноведа Фредерика Массона (1847–1923): «Наполеон обладал очень звучным, хотя и низким голосом, который проникал в душу; произношение его, как говорит один из современников, было до такой степени оригинально, что вряд ли встречалось еще у кого-нибудь. Он сильно скандировал слоги, словно пел, причем длинные слоги звучали у него совсем особенным образом. Даже будучи весел, он никогда громко не смеялся: голос лишь слегка изменялся, в нем звучала легкая ирония, и только в глазах пробежала как бы мимолетная усмешка» (Массон 2006: 344).

Можно подискутировать с Анисимовым и относительно целей участия России в третьей антифранцузской коалиции. Историк полагает, что «в войне, начатой против Наполеона в 1805 году вместе с Австрией, у России, в сущности, не было никаких стратегических интересов» (Анисимов 2022: 436). Представляется, что этот стратегический интерес как раз и заключался в том, чтобы не допустить резкого усиления наполеоновской империи и сохранить баланс сил в Европе. Через несколько страниц, начиная рассказ об Отечественной войне 1812 года, сам Анисимов уже заключает: «Война с Наполеоном надвигалась давно. Союз с Францией после Тильзита был непрочен, да и аппетиты Наполеона росли — он мечтал уже о мировом господстве» (Анисимов 2022: 438). Участие России в войне с Наполеоном в 1805 году отчасти и было вызвано стремлением умерить постоянно растущие аппетиты Бонапарта.

Кажется недоразумением замечание автора относительно младшего сына регента Российской империи в октябре-ноябре 1740 года, герцога Курляндии и Семигалии Эрнста Иоганна Бирона (1690–1772) — Карла Эрнста Бирона (1728–1801). Анисимов пишет, что «будучи во Франции уже во времена Екатерины II, он был посажен в Бастилию за подделку векселей и стал одним из тех узников, которых освободил революционный народ во время знаменитого штурма “оплота тирании”, Бастилии, 14 июля 1789 года» (Анисимов 2022: 198). Тут явно перепутаны даты. Заключение К. Э. Бирона в знаменитую Бастилию за подделку векселей, действительно, было, но еще при короле

Людовике XV, в 1768 году (*Курукин* 2006: 397), то есть в 1789 году никакой «революционный народ» его не освобождал.

Не совсем правильно называть Л. В. Дубельта (1792–1862) «преемником» шефа жандармов и Главноуправляющего III отделением Собственной Е. И. В. канцелярии А. Х. Бенкендорфа (1782–1844), как это делает автор (*Анисимов* 2022: 486), поскольку преемником последнего на обеих этих должностях стал А. Ф. Орлов. Дубельт же был подчиненным сперва Бенкендорфа, а затем Орлова, занимая посты управляющего третьим отделением и начальника штаба Корпуса жандармов.

Иногда вызывают недоумение как бы проходные замечания Е. В. Анисимова вроде того, что только в XIX веке русские люди «стали обращать внимание на свежесть продуктов» (*Анисимов* 2022: 519), и «было осознано, что рыба лучше всего свежая» (*Анисимов* 2022: 520); или о колоссальной разнице в восприятии смешного. Автор, к примеру, так рассказывает о придворном шуте времен императрицы Анны Иоанновны — Иване Балакиреве: «Но следует знать, что смешить — грязная работа и довольно мерзкое зрелище. Если бы нам довелось увидеть шутки Балакирева и ему подобных, то ничего кроме отвращения к этому похабному представлению, замешенному на вульгарных шутках о проявлениях “низа”, мы бы не испытали. Люди же прошлого иначе относились к непристойным словам и грубым выходкам шутов. Психологическая природа шутчества состояла в том, что шут, говоря непристойности, обнажая ду-

шу и тело, давал выход психической энергии зрителей, которую держали под спудом строгие, ханжеские нормы тогдашней морали» (*Анисимов* 2022: 191).

Здесь остается лишь развести руками и спросить: а действительно ли есть такая уж большая дистанция в восприятии смешного между «людьми прошлого» и нашими современниками? И не имеет ли профессор Анисимов в виду под «нами» очень тонкий слой интеллигенции, который считает все, что не отвечает его настроениям и потребностям, анахронизмом? Если посмотреть современные шутки популярных стендаперов и шоу комиков на ютубе, собирающие миллионы просмотров, то легко можно обнаружить, что непристойные слова, грубые выходки и самые сальные шутки относительно телесного низа действуют на публику столь же безотказно, что и несколько столетий назад.

Впрочем, надо отдать должное Е. В. Анисимову, который не чужд и самоиронии. Далее, рассказывая о перевороте, совершенном Елизаветой Петровной в 1741 году, он отмечает: «В августе 1991 года вышел составленный мною сборник мемуаров из эпохи дворцовых переворотов в России, и в предисловии к нему я писал, что, мол, нам, современным людям, теперь, 250 лет спустя, не дано испытать чувства предков, проснувшихся на следующее утро после ночного государственного переворота. И вскоре по выходу книги я проснулся от громкого стука в окно (дело было на даче). Запыхавшийся сосед сказал мне, что Горбачев свергнут, ночью в стране произошел государственный переворот...» (*Анисимов* 2022: 209).

Получается, что наше историческое прошлое не всегда такое уж прошлое...

В заключение хочется выразить благодарность заслуженному и уважаемому историку за этот ценный научно-популярный труд, количество переизданий которого говорит само за себя: общественный спрос на ознакомление с целостной историей Российской империи до сих пор заметно превышает соответствующее предложение от профессиональных исследователей. Кроме профессора Е. В. Анисимова за эту труднейшую задачу решились взяться немногие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анисимов 2022 — Анисимов Е. В. Императорская Россия. СПб.: Питер, 2022. 640 с.

Курукин 2006 — Курукин И. В. Бирон. М.: Молодая гвардия, 2006. 426 с.

Массон 2006 — Массон Ф. Наполеон I в придворной и домашней жизни // Повседневная жизнь Наполеона Бонапарта: Леви А. Душевные качества Наполеона; Массон Ф. Наполеон I в придворной и домашней жизни / пер. с фр.; послесл. и коммент. В. Е. Климанова. Жуковский; М.: Кучково поле, 2006. С. 303–463.

REFERENCES

Anisimov E. V. *Imperatorskaya Rossiya*. SPb.: Piter, 2022. 640 s.

Kuruikin I. V. *Biron*. M.: Molodaya gvardiya, 2006. – 426 s.

Masson F. Napoleon I v pridvornoj i domashnej zhizni // Povsednevnyaya zhizn' Napoleona Bonaparta: Levi A. Dushevnyye kachestva Napoleona; Masson F. Napoleon I v pridvornoj i domashnej zhizni / per. s fr.; poslesl. i komment. V. E. Klimanova. Zhukovskij; M.: Kuchkovo pole, 2006. S. 303–463.

М. В. Батшев

ЧААДАЕВСКИЕ КОНТЕКСТЫ

Рец.: Велижев М. Б. Чаадаевское дело: риторика, идеология и государственная власть в николаевской России. М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 392 с. (Серия «Интеллектуальная история»)

В статье разбирается вышедшая в 2022 году в Издательстве «Новое литературное обозрение» в серии «Интеллектуальная история» книга М. Б. Велижева «Чаадаевское дело». Показан подход автора, стремящегося показать публикацию первого «Философического письма», не как абстрактный феномен, а как составную часть общего культурного и общественно-политического контекста России 1830-х годов.

Ключевые слова: Чаадаев, История XIX века, Николай I, Интеллектуальная история

Сведения об авторе: Батшев Максим Владимирович, научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.

Контактная информация: bmv@list.ru

M. V. Batshev

CHAADAEV CONTEXTS

Rev.: Velizhev M. B. Chaadaevskoe delo: ritorika, ideologiya i gosudarstvennaya vlast v nikolaevskoy Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie», 2022. — 392 s. (Seriya «Intellectualnaya istoriya»)

The article analyzes the book by M. B. Velizhev "Chaadaevsky case". The approach of the author is shown, who seeks to show the publication of the first "Philosophical Letter", not as an abstract phenomenon, but as an integral part of the general cultural and socio-political context of Russia in the 1830s.

Keywords: Chaadaev, History of the 19th century, Nicholas I, Intellectual history

About the author: Batshev Maxim V., researcher of the D. S. Likhachev Russian research Institute for cultural and natural heritage (Moscow)

Contact information: bmv@list.ru

© М. В. Батшев, 2023

DOI 10.31754/2410-1419-2023-1-364-370

Пётр Яковлевич Чаадаев, его жизнь, взгляды и образ жизни привлекал и будет ещё не раз привлекать к себе внимание исследователей. Михаил Брониславович Велижев, давно занимающийся изучением жизни и интеллектуального наследия мыслителя, представил на суд читателя итог своих многолетних изысканий — книгу «Чаадаевское дело».

Объясняя в «Введении» особенность своего взгляда на Чаадаева, автор пишет: «Мы предлагаем посмотреть на Чаадаева — не как на условную фигуру, носителя застывшей навсегда системы ценностей, а как на человека в истории, реагировавшего на происходившие вокруг него события, погружённого в социальную реальность, строившего планы и совершавшего поступки, результат которых был фундаментально непредсказуем» (С.8).

В основу не самой толстой по нынешним временам книги легли многочисленные архивные находки, сделанные автором во время его исследования. В центре его внимания не вся жизнь философа, а только история появления первого «Философического письма» на страницах московского журнала «Телескоп». История давно известная, но благодаря новым разысканиям в архивах позволяет «рассмотреть ключевой эпизод русской интеллектуальной истории через увеличительное стекло, увидеть, как именно развивались события на микроуровне, а с другой — использовать процесс против издателя и автора письма в качестве призмы, взгляд сквозь которую даст возможность различить внутреннюю логику более глобальных процессов:

формирование политической системы и механизмы принятия значимых правительственных решений в Российской империи, складывание практики правоприменения, кристаллизации структуры идеологической сферы и новых форм публичной полемики о политике. Власти и истории» (С.8–9). Все эти вопросы рассматриваются автором в 11 главах, которые объединены в две части. В первой части автор анализирует первое «Философическое письмо», а в центре другой части исторические обстоятельства, сделавшие возможным императорский вердикт о сумасшествии автора писем.

В первой главе монографии Велижев ставит «Философическое письмо» П.Я. в не совсем привычный современному читателю контекст: «Первая работа цикла создавалась не для того, чтобы оспорить теорию официального национализма, сформулированную С.С. Уваровым» (С.24). Автор книги отказывается видеть в Чаадаеве одинокого бунтаря, бросившего вызов системе. Вместо этого он предлагает внимательно присмотреться ко времени создания текста первого «Философического письма» — 1829 году. Это был год окончания успешной для России русско-турецкой войны 1828–1829 годов. Одновременно с окончанием военных действий в тогдашних российских газетах военные победы приписывались «сверхчеловеческим качествам венчанного полубога Николая I» (С.31). В официальном нарративе конца 1820-х годов начинает формироваться представление о национальном превосходстве России, сочетающееся с представлением о русском императоре, «стремившемся

всеми силами сохранить союз с европейскими державами» (С.32). Вот на этом фоне и было создано первое «Философическое письмо», автор которого наблюдал крушение существовавшей во времена императора Александра I мечты о единой католической Европе, частью которой могла бы быть и Россия.

Во второй главе автор останавливается на французской салонной практике эпохи «Просвещения» и более позднего времени, видя в ней источники вдохновения, а также прообраз структуры текста произведений Петра Яковлевича Чаадаева. «Здесь (в салонах-М.Б.) педантичные рассуждения о науке считались дурным тоном, а речь должна была прежде всего отличаться оригинальностью, парадоксальностью и остроумием» (С.42). По мнению Велижева, Чаадаев в своих сочинениях также переходит от одной интересной для него темы к другой, игнорируя не интересные, либо не важные для него предметы, от того его произведения отличаются запутанностью содержания. Схожий взгляд на произведения Чаадаева можно найти у его современника, хорошо ему знакомого Д.Н. Свербеева: «Я читал некоторые из этих писем (и кто из людей ему кротких, не читал их в то время?) и, насколько могу теперь припомнить все они были довольно запутанного содержания» (С.42). Продолжая эту мысль, Велижев рисует картину реакции во Франции на гипотетическую публикацию «Философического письма» не в России, а во Франции в середине 1830-х годов. По его мнению, «Во Франции первое «Философическое письмо» и в языковом и в содержательном плане выгляде-

ло банальным набором общих мест, к тому же мало актуальных с точки зрения современной политики. В России же акценты, расставленные в статье Чаадаева, отличались новизной: ничего подобного по резкости в печати не появлялось» (С.55).

В следующей главе автор рассматривает «Философическое письмо», как попытку Чаадаева и Надеждина вступить в дискуссию с властью на её собственном языке. Это было осуществлено, когда при переводе текста «Философического письма» на русский язык с французского, на котором оно было первоначально написано, и подготовке перевода к публикации в «Телескопе», «в русском тексте появились отдельные, отсутствовавшие в оригинале слова, характерные для официального дискурса и маркированные положительными коннотациями, например, самобытный» (С.59).

В очередной главе автором ставится важная проблема, которой, по нашему мнению, не уделялось должного внимания в предшествующих работах о Чаадаеве — зачем было опубликовано «Философическое письмо»? Отвечая на этот вопрос, М.Б. Велижев обращается к жизненному опыту и взглядам редактора журнала «Телескоп» Н.И. Надеждина. Его взгляды, как указывается в работе, отличались от формирующегося в 1830-ых годах государственного нарратива. Редактор «Телескопа» был склонен из знаменитой триады православие, самодержавие, народность выделять только второй элемент и придавать ему исключительное значение. Эта его позиция, когда он «обосновывал вполне уместный с точки зре-

ния официальной идеологии тезис о значимости самодержавной власти в русском прошлом и настоящем, однако делал это с помощью не конвенциональных элементов — прежде всего отделения монарха от нации, предельного возвеличивания — демиурга и радикального умаления способности народа к самосовершенствованию и развитию» (С.120), стала причиной того, что предложенный Чаадаевым текст его заинтересовал.

Во второй части исследования рассматриваются самые разные исторические контексты 1836 года, которые повлияли на восприятие публикации статьи представителями власти.

Во второй части книги автор разбирает механизм принятия решения об объявлении Чаадаева сумасшедшим и рассказывает интересные подробности о личной жизни Надеждина. Начинается эта часть с рассказа о том, как было принято решение об объявлении Чаадаева сумасшедшим. Автор показывает борьбу двух ведомств: Министерства народного просвещения и III Отделения собственной его императорского величества канцелярии, как двух институций, курировавших тогдашнюю идеологию. Главы обеих ведомств: С.С. Уваров и А.Х. Бенкендорф хотели на борьбе с публикацией в «Телескопе» «Философического письма» усилить своё значение и одновременно показать императору, что конкурирующее ведомство не справляется с своими задачами. Больше в этом преуспел Бенкендорф, который, воспользовавшись своим влиянием на Николая, сумел уговорить его объявить Чаадаева сумасшедшим, а не преследовать его

как уголовного преступника. На принятие этого решения повлияло ещё одно обстоятельство. В 1836 году подводились итоги в первый юбилей царствования императора: «Официальные интерпретаторы итогов десятилетнего царствования Николая сходились в одном: за первую декаду царствования император привёл Россию к тотальному процветанию во всех областях управления и внутренней политике, экономике и правовой сфере, культуре и религиозной сфере» (С.176). А высказанные П.Я. сомнения в исторической роли русской нации и православной церкви приравнивались к бессмыслице в силу того, что сюжеты не подразумевали гласного общественного обсуждения, а имели статус непреложных истин. Гарантией не обсуждения этих представлений и их авторитетности выступали недоступные человеку авторитеты — Бог, или объективные исторические законы. В силу нарушения этого условия император и согласился с предложением считать Чаадаева сумасшедшим, как посягнувшего на божественные законы.

В следующей главе разбирается следствие, учинённое над Чаадаевым. В ней анализируется тактика поведения самого Чаадаева на допросах, а также правовая база в отношении умалишённых, существовавшая в первой половине XIX века. Для первой половины позапрошлого века было характерно отсутствие чётких критериев определения безумца. Но при этом существовало общепринятое мнение о необходимости изоляции подобных людей. В Европе, на протяжении XIX века, как отмечает Велижев, происходят тектонические сдвиги в восприятии сумасшествия.

Безумцы превращаются в больных, для которых требовались специальные клиники. Отношение к душевнобольным в России развивалось в похожем направлении. «В XVIII в. изоляция безумцев чаще ассоциировалась с монастырём, чем с больницей или приютом. В XIX в. ситуация начала меняться. Интерпретация сумасшествия как недуга, требовавшего не насильственного заключения, а медицинского попечения, начала развиваться в империи с 1830-х гг., составив во второй половине столетия самостоятельную отрасль психиатрии» (С.185).

На примере Дмитриева-Мамонова и ряда других автор анализирует практику объявления сумасшедшими, помещая тем самым историю своего героя в контекст общей для всей империи практики отношения к умалишённым. Велижев приходит к выводу, что существовавшее на тот момент законодательство действовало лишь частично: «Император признал Чаадаева умалишённым — и это соответствовало легальным нормам первой половины XIX в., равно как и тот факт, что именно монарх по окончании следствия подтвердил диагноз, а потом в 1837 г. отменил собственное распоряжение» (С.195). В ситуации с героем книги, по мнению М.Б. Велижева, проявляется неопатримониальный характер административного порядка в Российской империи. При таком устройстве государства: «Смешиваются две системы, регулирующие отношения общества и власти: во-первых, неформальная сеть патроната и клиенты, во-вторых рациональный ле-

гально-бюрократический порядок» (С.194).

Смешение двух общественно-государственных практик приводит к тому, что у индивидуумов отсутствует понимание того, как будет действовать в том или другом случае государственные институты. Рассматривая с этой позиции историю Чаадаева, Велижев объясняет его поведение на следствии тем, что тот не знал, как пойдёт следствие: «Предпочтёт ли оно мягкий или жёсткий вариант репрессий. На возможность серьёзных санкций указывали обыск в квартире Чаадаева и последовавший запрет писать и публиковаться. Однако, в итоге представители власти остановились на более мягкой версии наказания: автор «Философических писем» не был помещён в богадельню или существенно поражён в правах» (С.196). Чаадаев довольно быстро понял, что всё закончилось для него хорошо и решил напомнить публике о себе: «Он написал трактат «Апология безумного»¹, где его болезнь интерпретировалась, как признак истинной мудрости, а первое «Философическое письмо», как подлинно патриотический текст» (С.196).

В девятой главе своей работы автор вновь возвращается к главной дате государственной идеологии 1836 года — отмечании десятилетия с момента коронации Николая I. Читателю предлагает рассмотреть три опыта осмысления данного юбилея. Первый — проповеди московского митрополита Филарета, акцентировавшего в них роль православия в успехах царствования императора. Следующим

¹ Традиционно название этого трактата П. Я. переводят как «Апология сумасшедшего» — М. Б.

актером, осмыслившим по-своему первые итоги царствования императора, был А. Х. Бенкендорф, поставивший на первое место из знаменитой триады — самодержавие, успехам которого способствовало возглавляемое им III Отделение. Третьим игроком на поле государственной идеологии был С. С. Уваров. Он видел главным элементом уже упоминавшейся выше триады — народность, благодаря которой монархия и православие получали свою легитимность. «В этой ситуации ключевым ведомством в России оказывалось Министерство народного просвещения. Именно оно отвечало за идеологию и укрепляло систему образования, делая её наиболее авторитетным и эффективным каналом, делающим прочной связь между монархом и нацией благодаря распространению среди представителей разных социальных страт специально разработанной политико-философской программы» (С.212). Видение Уварова сильно отличалось от того, как итоги десятилетия видели Филарет и Бенкендорф. Предлагавшиеся министром меры имели смысл лишь в ситуации постоянного ожидания угрозы для страны. При отсутствии угроз и внешнего давления его предложения теряли актуальность. Заканчивая эту главу, Велижев пишет: «Причина гипертрофированного внимания правительства к статье, вышедшей в не самом популярном московском журнале, становятся понятной именно на фоне логики ведомственного соперничества в идеологической сфере. Выступление Чаадаева и Надеждина не просто выглядело как политико-философская провокация, но ставило под сомнение саму инфраструктуру императорской власти» (С.214).

На особенностях принятия управленческих решений императором Николаем I автор останавливается в десятой главе. По его мнению, успех долгого правления императора был связан с постоянной сменой им поведения, с одной стороны военного, а с другой, придворно-театрального. «Фундаментальная непредсказуемость императорских решений держала высокопоставленных чиновников в постоянном напряжении, что позволяло Николаю удерживать над ними контроль» (С.216). В книге обращается внимание на ещё одну особенность управленческого стиля императора Николая — назначение на соседние должности чиновников, которые не любили друг друга. Наиболее яркий пример этого — министр Уваров и его подчинённый, попечитель Московского учебного округа граф Строганов. «Строганова, но не мог полноценно распоряжаться своей властью из-за знатности и влияния своего оппонента. Так каждый из чиновников оказался ограничен в своих действиях. Император в свою очередь стремился создать впечатление, что поддерживает каждую из сторон» (С.219–220).

Очень интересна последняя глава книги, в которой автор пытается понять, как издателю журнала «Телескоп» Надеждину «могло прийти в голову напечатать откровенно неподцензурную и опасную статью Чаадаева» (С.230). По мнению Велижева: «Обстоятельства частной жизни журналиста поставили его в чрезвычайно сложное положение, выход из которого он напряжённо искал на протяжении месяцев, предшествовавших «телескопическому» скандалу» (С.230). В 1836 году

в московском обществе громко обсуждался роман между незнатным учителем Николаем Ивановичем Надеждиным и его знатной ученицей Елизаветой Васильевной Сухово-Кобылиной, сестрой знаменитого в будущем драматурга. Их роман уже становился предметом изучения в научной литературе. Благодаря сохранившимся письмам была изучена только начальная часть их романа, относящаяся к 1834–1835 гг. События первой половины 1836 года, важные для понимания чаадаевской истории, остаются до сих пор плохо исследованными. Автор прослеживает основные этапы романа в пер-

вой половине 1836 года. Но вместе с тем замечает, что довольно сложно судить о том, что конкретно, из собственных, далеко не простых обстоятельств личной жизни, сподвигло Надеждина опубликовать неконвенциональный текст Чаадаева.

На наш взгляд, проделанная М. Б. Велижевым работа позволяет увидеть «чаадаевскую историю» в новом свете — не как странный поступок эксцентричного «басманного философа», а как составную часть истории культуры России середины 30-х годов XIX века.

М. Е. Сорока

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ. ВОСПИТАНИЕ КАЙЗЕРА ВИЛЬГЕЛЬМА II И НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ С ВОСПИТАНИЕМ РОМАНОВЫХ

Первый том монументальной трилогии английского историка Джона Рёля о Вильгельме II и его правлении прослеживает истоки внешней и внутренней политики Германской империи при последнем императоре, связывая последнюю с тем, как его воспитывали и обучали. В диссертациях, защищенных в МГУ в последние годы, воссоздан, хотя и в меньшем масштабе и менее полно, тот же процесс в семье Александра II.

Ключевые слова. Гогенцоллерны, Романовы, Бисмарк, роль наследника, образование принца, конфликты поколений в семьях монархов.

Сведения об авторе: Марина Евгеньевна Сорока, независимый исследователь, PhD (History), Канада

Контактная информация: mevorobieva@gmail.com

M. E. Soroka

THE FRUITS OF ENLIGHTENMENT. THE UPBRINGING OF KAISER WILHELM II
AND A FEW PARALLELS WITH THE ROMANOVS

The first volume of the John C. G. Röhl's acclaimed trilogy about Wilhelm II and Wilhelmine Germany traces the continuities in German imperial domestic and foreign policy under the last emperor back to his early childhood and youth. The same, albeit at a smaller scale and less explicitly, is done in two PhD theses about the education of Alexander II's sons submitted at the Moscow State University.

Keywords. The Hohenzollerns, the Romanovs, Bismarck, the crown prince's role, a prince's education, generational conflicts in ruling families.

About the author: Marina Soroka is an independent researcher, PhD (History), Canada.

Contact information: mevorobieva@gmail.com

© М. Е. Сорока, 2023

DOI 10.31754/2410-1419-2023-1-371-390

*Политика подобна лесоводству:
в ней пожинают то, чего не сея-
ли и сеют то, чего не пожнут.*

Отто фон Бисмарк

Есть много книг, которые незаслуженно забыты, но нет книг, которые незаслуженно помнят. С этой стороны книга Джона Рёля, изданная в 1993 г. в Германии, а в 1998 в Англии, выдержала проверку: я начала встречать ссылки на нее в литературе о международных отношениях до 1914 г. еще в начале 2000-х, и по сей день она упоминается практически в каждой второй англоязычной публикации об истоках Первой мировой войны. Но у меня руки до нее дошли только месяца два назад потому, что, занявшись Александром III, я захотела сравнить воспитание детей в семье Романовых и в близкой им прусской королевской семье.

Читая изданные в России биографии Александра Третьего в поисках сведений о детстве персонажа, я постоянно вспоминала слова Льва Толстого об английских викторианских романистах: Толстой высказал подозрение, что они далеко не так наивны, как их сентиментальные романы, и знают об изнаночной стороне жизни куда больше, чем рассказывают. Так и мне кажется, что, описывая в розовых красках жизнь Романовых и их двора до 1914 г., современные российские авторы, издаваемые в ЖЗЛ, только притворяются, что принимают за чистую монету панегирики придворных мемуаристов и биографов вроде публициста-авантюриста С.С. Татищева. Ведь не одна я, наверное, читала слова Ю. Тынянова, что есть документы, написанные как бы для парада, и они

врут не хуже людей. В общем, переосматривая изданные за последние тридцать лет многочисленные книги Романовиады, я заметила только две категории — либо пасквили, либо жития святых. То есть, жанр никуда не двинулся с 1918 года. Писать о последних Романовых, как о взрослых людях, реально существовавших, не получается. Мне на ум приходят только два исключения: книга Ю. Сафроновой о романе Александра II с кн. Долгоруковой и книга Е. Ляминной и Н. Самовер «Бедный Жозеф». (Николая I к последним Романовым причислять нельзя, но книга отличная, что редкость.)

Недавние диссертанты смотрят на вещи куда более трезво, чем биографы, хотя и у них встречаются архитектурные излишества, вроде утверждения, что семейная жизнь Николая I была «почти идеальной». Вероятно, «почти» относится к тому, что самодержец пользовался фрейлинами своей жены и актрисами императорских театров как гаремом, а его супруга принимала это как должное. Если в те времена это огорчало, но не удивляло, то в наше время чтение дневников А.С. Пушкина и Д.Ф. Фикельмон или братьев Гонкуров, друзей кузины царя принцессы Матильды Бонапарт (Демидовой), должно бы охладить умиление и заставить задуматься, какие идеалы семейной жизни унаследовали от отца Александр II, его братья и самая жизнелюбивая сестра, в.к. Мария Николаевна.

А. Сидорова подробно и с видимым удовольствием рассказывает о прелестях семейной жизни Николая I и Александра II, о церемониале

присяги великих князей, об их рас­порядке дня и программе занятий, но заключает, что сыновья царские талантами не блистали, учителя не пользовались у них авторитетом, между гражданскими и военными гувернерами были частые конфлик­ты, и система школьного обучения была сырая, необкатанная. Поэтому читатель может сделать вывод, что и результаты были сомнительные, вопреки затертому биографами кли­ше о «блестящем образовании» мо­лодых Романовых.

Ф. Мелентьев тоже в диссертации подробно рассказывает об обязатель­ных путешествиях великих князей Николая и Александра по России и в заключение говорит, что царские сыновья плохо знали Россию; препо­данные им университетские курсы наук были крайне фрагментарными; лицом к лицу Романовы встречались только с избранными представите­лями избранных социальных и эт­нических групп населения и судили о них по стереотипам. Вывод из ин­тересной диссертации Ф. Мелентье­ва возможен только один: сколько ни нанимали им лучших тогдашних российских профессоров, но в силу указанных в диссертации причин царские сыновья были плохо под­готовлены к управлению империей. Впоследствии решения они прини­мали, руководствуясь чутьем или подсказками.

Мне было интересно сравнить це­ли и методы прусской и российской систем воспитания наследников, учитывая семейную и духовную близость Николая I и Александра II к Гогенцоллернам и в то же время разницу культур. Но, хотя я начала

читать книгу Дж. Рёля с такой узкой, чисто утилитарной целью, она меня захватила, и отслеживать различия и сходство воспитательных систем стало не так интересно, как следить за драматичным сюжетом.

Но хочется представить книгу, как следует. В первую очередь мне бро­сился в глаза объем монографии: в книге добрых тысяча страниц. И это только первая часть трилогии про Вильгельма II. До сих пор у меня в библиотеке была только одна такая книга, «Кулинарная энциклопедия» издательства Ларусс, тоже на мело­ванной бумаге и с иллюстрациями. Погрустив о временах необузданной роскоши, когда академические изда­тельства предоставляли историкам такие возможности, да еще не огра­ничивали число репродукций, да еще делали красивую цветную супероб­ложку, я стала читать.

Книга — памятник трудолюбию ав­тора и пример нам всем. Вот какого выдающегося результата достигает историк, когда берется за значитель­ную тему, располагая временем и ма­териальной возможностью сделать работу не к сроку, а когда выполнит поставленную им самим себе задачу. После Рёля в этой области уже, каза­лось бы, делать нечего.

Второе, что вызвало уважение, это многообразие и объем использован­ных источников. Если брать только опубликованные, то чтобы описать первые тридцать лет жизни герман­ского кайзера, Рёль воспользовал­ся не только германскими, но и ав­стрийскими, английскими и фран­цузскими источниками. Из русских я заметила только ранее (1921 г.) не-

мецкое издание мемуаров С. Ю. Витте, публикацию «Красного архива» и статью В. М. Бехтерева в немецком журнале о психических девиациях Вильгельма II, опубликованную, разумеется, уже после падения монархии и, судя по дате (1919 г.), внутреннюю политическими событиями эпохи. Приятно отметить, что приводятся мнения о плодах воспитания прусского наследника не только его придворных, чем грешат авторы популярных биографий Романовых, но и соперников, и даже врагов.

В предисловии д-р Рёль отметил, что писал книгу около 10 лет — в наше ускорившееся время это так же необычно, как употребление мелованной бумаги на печатание сугубо научного труда. Он пользовался не только британским Королевским архивом, где хранятся письма родителей Вильгельма к королеве Виктории и их дневники, а также донесения британских премьер-министров и дипломатов королеве, но и архивом МИД в Вене, и, разумеется, множеством германских архивов. В первую очередь, это архивы из тайника в гессенском замке Фазанери, где в 1980х гг. была обнаружена спрятанная по приказу матери Вильгельма обширная переписка родителей Вильгельма, Виктории и Фридриха Вильгельма.

Супруги очень любили друг друга, были единомышленниками и недоброжелательность Бисмарка и семейства Гогенцоллернов их еще более сплотила. Поэтому они переписывались очень интенсивно и откровенно. Императрица Виктория была на ножах с сыном, и после смерти мужа в 1888 г., слежка не давала ей

возможности вывезти из Германии свои архивы. Не желая, чтобы после ее смерти сын наложил руку на все ее бумаги и уничтожил документы, которые представляют его в неблагоприятном свете, перед смертью в 1901 г. она велела верным людям тайно замуровать бумаги в одной из комнат замка Фазанери. Комната «исчезла», и, к счастью, замок пережил превратности Второй мировой войны. В тысячах писем комментируется шаг за шагом взросление Вильгельма и его превращение в того кайзера, которого в 1918 году мечтали повесить на площади миллионы европейцев. Джон Рёль стал первым историком, получившим доступ к этим материалам в 1980х годах.

Автор работал и с материалами из архива Бисмарков (отца, канцлера Отто фон Бисмарка, и сына, государственного секретаря Герберта фон Бисмарка) в Кобленце, в частности, с неопубликованными мемуарами Герберта фон Бисмарка, где честно рассказано, как Бисмарки сначала поощряли своеволие и тщеславие юного Вильгельма, чтобы вырвать его из-под влияния родителей, и как потом он вышел из-под контроля своих менторов. Он работал и в частных архивах Гогенцоллернов, Фюрстенбергов и Гогенлоэ, а также воспользовался отдельными материалами, предоставленными ему потомками разных исторических лиц. Сравнив печатную версию дневников генерала фон Вальдерзее, генерал-квартирмейстера германской армии, который поощрял милитаризм и шовинизм Вильгельма, с рукописной версией, Рёль нашел, что опубликованные в 1920х годах дневники генерала «возмутительно искажены»,

а потому обширные цитаты в книге взяты из рукописи Вальдерзее. (См. слова Тынянова о документах, которые врут).

Книга охватывает период с рождения Вильгельма в конце января 1859 года до июня 1888 г., когда умер его отец после трехмесячного правления и он стал кайзером Вильгельмом II. Автор поставил себе цель выдвинуть на первый план персонажей «повести», а самому уйти как можно больше в тень. Рассказ, состоящий почти целиком из цепочки развернутых цитат, получается впечатляющий и внушающий доверие, поскольку оценок вроде «их супружеская жизнь была почти идеальной» в книге нет, но зато обширно цитируется переписка родителей Вильгельма и его переписка с ними и с друзьями.

Первая глава посвящена трудным родам восемнадцатилетней крон-принцессы Виктории (старшей дочери английской королевы), родовым травмам, которые получил младенец и мнениям врачей — как принимавших участие в родах, так и наших современников — о последствиях для ребенка, которому суждено было править империей. Длительная нехватка кислорода из-за того, что принцесса не могла разродиться почти в течение суток; количество вколотых ей лекарств для усиления схваток и уменьшения болей; то, как плод поворачивали в утробе матери, чтобы вынуть, и при этом порвали ему сухожилия левого плеча — все это описано так подробно, что волосы встают дыбом.

Судя по описанию родов, Вильгельм выжил чудом. В 20 веке врачи утвер-

ждали, по словам Рёля, что в мозгу младенца нехватка кислорода неизбежно должна была привести к необратимым изменениям. Его истерический характер, перепады настроения, неспособность к концентрации, редкое бессердечие, по их мнению, могли быть вызваны этим. Может быть, и так, но хочется напомнить, что этим часто отличались и другие монархи, не подвергшиеся тем же испытаниям при рождении.

Причина того, что у младенца левая рука оказалась атрофирована, очевидна — порванные плечевые связки. Из-за «сухой руки» у него неправильно развивались позвоночник и шея. Тем не менее, этому ребенку предстояло стать наследником прусского престола и потому его начали «исправлять», едва он встал на ноги. Его стали одевать в металлический каркас, не дававший ему горбиться и двигать правой рукой, чтобы заставить пользоваться левой — что не привело ни к какому результату, кроме отчаяния и озлобления. Левая рука, несмотря на испробованные методы, осталась заметно меньше, чем правая, и с детства Вильгельма учили маскировать этот дефект при публичных появлениях или позируя фотографу. Он скрещивал руки так, чтобы правая прикрывала увечную левую или ему давали в правую руку предмет, который прятал левую. Все это, по мнению врачей 20 века, обильно цитированных в книге, тоже должно было сильно повлиять на его характер.

В более ранней статье Джон Рель говорит, что с самого рождения у Вильгельма ни с кем не было обычных человеческих отношений. Это

было невозможно, потому что он был принцем. Даже отношение к нему его родителей в большой степени определялось тем, что он был будущим наследником престола. Кстати, то же самое можно отнести и к Романовым, которых так любят описывать просто любящими мамой и папой. В рассказы о том, как царствующие монархи и их супруги растят детей, необходимо вносить много уточнений, чтобы напоминать о пропасти между царской семьей 19 века и сегодняшней российской семьей. В многократно цитированном письме Александра III к жене он говорит, что никто из его воспитателей не оказал на него ни малейшего влияния, т.к. он и все братья считали их пешками; отец был занят государственными делами, зато мама их любила и всегда была готова выслушать и направить на путь истинный (Боханов 2001: 102–103). Спорить с ним было бы странно, но приходит на ум вопрос: зачем рассказывать жене, которая в течение 15 лет (1866–1880) сама наблюдала отношения императрицы с сыновьями, о том, что мать их любила? Кого он убеждал, жену или себя?

Несомненно, Мария Александровна любила своих детей, но в их жизни она присутствовала не много, судя по мемуарам. Во-первых, после рождения Александра она ежегодно выезжала для лечения за границу на два-три месяца, а дети оставались в России. Кроме того, вспомним жалобы учителя старших ее сыновей Я. Грота, что он видел императрицу не больше, чем два-три раза за два года; в особенности вспомним замечание Б.Н. Чичерина о необыкновенной инертности, вялости Марии Александровны, которая не позво-

лила ей по-настоящему участвовать в воспитании старших сыновей, порученном ей мужем. Свойственная Марии Александровне сдержанность и холодность впоследствии позволила кн. Е. Юрьевской (скорее всего несправедливо) утверждать, что та была бессердечна, приводя рассказ Александра II, будто императрица испытывала неприязнь к своей первой дочери, рано умершей Александре, и не занималась ею. Можно понять, почему любовнице ее мужа хотелось верить, что у законной жены не было сердца, но видимо и поведение императрицы позволяло такое предполагать. Да и сама Мария Александровна говорила своей фрейлине А.Ф. Тютчевой, что она никогда не ласкала никого из своих детей и что первой ее любимицей стала Мария, родившаяся в 1853 г. (Тютчева 2003: 312). Ее старшим сыновьям было тогда десять и восемь лет, и они, видимо, не получили своей доли тепла от матери. Их воспитывали чужие. Уже подростком ее старший сын, Николай, сумел сблизиться с матерью и стал, по мнению придворных, ее любимцем. Вот почему мемуаристы дружно писали, что его смерть в 1865 г. была для нее страшным ударом. Из первых четверых детей он был единственным близким к ней.

После 1865 года, когда ей предписали проводить зимы в Италии, Швейцарии или в Крыму, императрица забирала с собой дочь и двух младших сыновей. Те действительно выросли при ней и очень отличались поведением, интересами и наклонностями от старших братьев, выросших под крылом «генералов». Недаром, ее дочь Мария Александровна-младшая призналась придворной даме

в 1888 г., что, к сожалению, никогда не могла сблизиться со своими «старшими братьями-медведями» (Marie of Edinburgh 1888).

То же самое произошло с младшими детьми в семье германского кронпринца: Вильгельма, его сестру Шарлотту и брата Генриха воспитывали как детей государства, в согласии с пожеланиями императорской четы и Бисмарка, а трех младших дочерей уже предоставили воспитывать родителям. В результате те оказались самыми верными и любящими, когда произошел раскол в семье наследника. Итак, участие монархов в воспитании детей было иным, чем в обычных семьях. Тем более, в обычных современных семьях.

Взгляды на отношения взрослых и детей, ожидания родителей тоже были совсем иными. Поэтому принцесса Виктория, очень жалея своего первенца, в то же время переживала, что ее винят за то, что родила наследника с дефектом, боялась, что будущий монарх станет предметом жалости и презрения для других и больше всех заставляла сына преодолевать и скрывать недостаток. С детства его особенно безжалостно заставляли учиться верховой езде. Он стал отличным наездником после бесчисленных падений и ушибов, когда его заставляли снова и снова садиться в седло и управлять лошадью своей единственной действующей рукой.

То, что его приучали скрывать дефект, создало у самого мальчика чувство стыда за свою неполноценность. Впоследствии Вильгельм считал, что мать его не любила и стыдилась, хотя

по ее письмам к мужу и матери этого не сказать.

Его случай не единичен: монархи скрывали физические недостатки, т.к. это ассоциировалось со слабостью и уязвимостью. Божьим помазанникам в военных империях нужно было демонстрировать, что физически они не уступают собственным гвардейцам. Близорукий астматик Александр II отказывался носить очки и делал усилие, чтобы вести обычный образ жизни во время приступов.

Постоянное противостояние его либеральных родителей и реакционного деда-императора Вильгельма I, и трудное положение его матери-англичанки, которая говорила, что иностранных принцесс, выходящих замуж за Гогенцоллернов, пруссаки всю жизнь воспринимают как чужих, тоже повлияли на воспитание Вильгельма. Дж. Рёль на основании писем опровергает распространенную легенду, будто кронпринцесса презирала Германию, но именно такое мнение создалось у ее сына Вильгельма и перекочевало в мемуары и исторические труды. Его мать, чувствовавшая неприязнь со стороны берлинского двора, утешала себя идеализацией Англии. Она слишком настойчиво ставила своим детям в пример достижения своей родины, переживавшей тогда период материального и культурного расцвета. Принцесса Виктория мечтала вырастить из Вильгельма великого монарха в либеральных традициях середины 19 века, но переборщила со ссылками на Англию. Постоянные похвалы Англии и рассказы о выдающихся качествах ее покойного

отца, принца Альберта Кобургского, привели к тому, что, когда его отношения с матерью испортились, Вильгельм возненавидел ее родину и ее семью. Напротив, в молодости он подчеркнуто сблизился с бабкой и теткой с отцовской стороны, которые враждовали с его матерью.

Вражда родителей Вильгельма и канцлера Бисмарка, управлявшего старым кайзером Вильгельмом I, затруднила для наследного принца и принцессы воспитание первенца. Как и в семье Романовых, постоянным припевом Гогенцоллернов было: «пруссский принц — прежде всего, солдат и обязан беспрекословно исполнять волю императора». Если открытое сопротивление государю было немислимо, существовало много обходных путей и рычагов воздействия. Но родители Вильгельма не могли использовать их, потому что были чужими в своей семье, а государственных деятелей, которые разделяли их взгляды, Бисмарк удалил от власти. Попытки наследного принца оказывать решающее влияние на воспитание сына имели мало успеха и приписывались влиянию его жены, которое считали верным ограничивать, потому что она была женщина и к тому же иностранка. Самому Вильгельму внушили взгляд свысока на отца как на слабого человека, полностью подчинившегося жене.

Германский кронпринц и его жена были ограничены в выборе воспитателей для сына, а там, где им предоставляли поступить по-своему, излишек доброты и советчиков часто мешал сделать правильный выбор. Одна из трудностей, с которой

столкнулись и родители Александра III в Петербурге, заключалась в том, что из-за патриотических (или шовинистских) настроений общества они избегали брать детям учителей-иностранцев, что было распространенной практикой в аристократических домах. Кронпринц Фридрих Вильгельм писал жене, что он не настаивает, чтобы гражданский гувернер его сына был пруссаком, но, конечно, соотечественникам будет неприятно и непонятно, что для принца не смогли найти хорошего воспитателя в Пруссии.

Императрицу Марию Александровну заклевали мемуаристы за приглашение А. Гримма к сыновьям, хотя при Николае I Гримм был учителем его второго сына, в.к. Константина и никто не возражал. Свою лепту внес даже К. Ушинский, упрекнув императрицу за выбор немца, хотя он сам до того убедил ее, что в России она не найдет достойного воспитателя для наследника (*Ушинский 2015*). Только трезвый Б. Н. Чичерин увидел в Гримме не воспитателя, не идеолога германского национализма, который «презирал чужой страны язык и нравы», а просто репетитора, которого призвали залатать прорехи в начальном образовании великих князей (*Чичерин 2003*).

В случае Вильгельма его гувернером после неудачных попыток нанять хорошо зарекомендовавших себя частных учителей стал все-таки пруссак Георг Эрнст Гинцпетер, горячо рекомендованный сестрой кронпринцессы, великой герцогиней Алисой Гессенской и английским посланником в Дармштадте Робертом Морьером. (Гинцпетер был сторонником

строгости и режима, которым следовали в семье герцога Гессенского (Noel 1974: 202). Ослепленная его твердыми убеждениями, высокой моралью, чувством собственного достоинства и ученостью кронпринцесса Виктория не заметила его жестокость, шовинизм, нетерпимость и презрение к женщинам. Взглядов он держался суровых. Так, вопреки желанию принцессы, любившей искусство, Гинцпетер заявил, что принцу не стоит тратить время на занятия музыкой и рисованием, т.к. он не станет профессионалом, а монархидилетанта не будут уважать подданные. Речь идет о мальчике, которому не было и десяти лет. В отличие от семьи Романовых, где даже дети смотрели на учителей как на пешки, в семье прусского кронпринца считались с мнением профессионалов. Это был один из случаев, когда родители Вильгельма не дали сыну заниматься тем, что им самим и ему нравилось, исходя из его будущего положения.

Как и у Романовых, воспитание будущего императора должно было осуществляться совместно военными и гражданскими гувернерами, но в Берлине гражданского гувернера наделили большими правами по отношению к питомцу, а не подчиняли его военному воспитателю, как в Петербурге. Военного воспитателя выбрали не за военные доблести — которые у прусских офицеров было нетрудно найти после двух недавних войн — а за культуру и характер. Мать Вильгельма ни в коем случае не хотела вырастить солдафона. Молодой военный гувернер Вильгельма получил настоящее, полное университетское образование, ценил искусство и писал стихи, а по возрасту был

еще способен сблизиться с юным принцем. В 19 веке уже признавалось, что дети нуждаются в общении со сверстниками или хотя бы с людьми, близкими по возрасту.

То есть выбирали по иным показателям, чем Николай I для своих внуков. Образование военных воспитателей сыновей Александра II в российских источниках практически не упоминается; мы игнорируем его так же, как и Николай I. Недаром говорят, что не может человек ценить в других то, чем не обладает сам, а Николай откровенно говорил генералу П.Д. Киселеву, что не получил никакого образования. Жена Я. Грота, штатского учителя царских сыновей, говорит со слов мужа, что «генералы» брали штатских учителей на прогулки с детьми, чтобы те отвечали на вопросы детей — сами терялись. У Б.Н. Чичерина сказано, что главный воспитатель царских детей генерал Н.В. Зиновьев, хотя и побывал на должности директора Пажеского корпуса, но образования никакого не имел. Чиновник царского двора Ф. Оом в мемуарах сообщил, что один из военных воспитателей (правда, самый пассивный) был выпускником Академии Генштаба.

По словам Чичерина, также и окружавшие позднее великих князей адъютанты-гвардейцы были милые, веселые молодые люди, но не более того. Как все полуобразованные люди во все века, они относились к образованным презрительно. То же отношение, судя по отзывам молодых Романовых, зафиксированным в дневниках Д.А. Милютинина и А.А. Половцова, они успешно передавали царским детям. Даже

воспитанный поэтом В. Жуковским их отец, Александр II, по знаменитым словам Ф. Тютчева, при беседе с образованным человеком всегда имел вид ревматика, стоящего на сквозняке. Против среды и Жуковскому не под силу было бороться. В то же время Вильгельм, в той мере, в какой позволял его характер, уважал ученых и даже сам стремился блеснуть эрудицией и был не прочь прослыть ученым. В Германии была традиция уважения к науке, которая проникла даже ко двору Гогенцоллернов.

Мне бросилась в глаза независимость, предоставленная гражданскому губернатору Вильгельма. Он письменно угрожал родителям принца, что уйдет с поста в случае конфликта между их требованиями и его собственными убеждениями и добился их уступки. Им дорожили, видимо, представляя, что найти опытного педагога не так просто. В Петербурге уход К. Кавелина и В. Титова с постов при царских детях случился из-за явно выраженного им недовольствия царя: они ушли не по своей воле, а как «не оправдавшие доверия». Может быть, они и были рады освобождению из тягостного положения, но никаких принципиальных заявлений в духе — «или работаю так, как считаю нужным, или ухожу» — никто при российском дворе не делал.

Поэтому его воспитатель пользовался гораздо большим авторитетом у Вильгельма, чем преподаватели у молодых Романовых, и влиял на него отнюдь не ласками и сказками, как К.П. Победоносцев на Александра Третьего, а суровостью, как водилось в 19 веке.

Подростком Вильгельма отправили на год в частную гимназию, чтобы в свободном соревновании со сверстниками он показал своим учителям и самому себе, на что способен академически. Мать надеялась, что это научит его быть скромнее в самооценке. Его дед неохотно дал разрешение, чтобы принц учился среди обычных детей из семей среднего класса, но поставил условие, что Вильгельм непременно продолжит те занятия, которые полагались прусскому принцу. Вильгельм вставал в полшестого, чтобы повторить выученное домашнее задание, после завтрака шел в школу, после школы отправлялся на занятия военным делом и верховой ездой с прикомандированным офицером, а потом дома делал домашнее задание, и так шесть дней в неделю.

Будущих монархов приучали к одиночеству, чтобы они полагались только на самих себя и не поддавались влияниям, поэтому друзей детства у Вильгельма не было. В школе он завел друга, к которому несколько раз являлся без предупреждения в гости. Ему было любопытно увидеть, как живут «обычные люди», и он не слишком с теми церемонился.

После этого несколько семестров в Боннском университете, тоже с трудом выпрошенные его родителями у деда-императора, дали ему возможность послушать полдюжины выдающихся профессоров и приобрести запас латинских изречений, которыми он потом любил произвести впечатление. (Романовых древним языкам не учили. Любопытно, что Александр Третий, не знавший ни греческого, ни латыни, так охотно

поверил, что их усиленное преподавание — отличное средство для воспитания консервативных взглядов.)

Во время пребывания в университете Вильгельм скоро забросил семинары по философии и сосредоточился, насколько умел, на археологии, истории, естественных науках и искусстве. Знакомство с искусством считалось неотъемлемой частью образования молодых людей из хорошего общества и, хотя мечты его матери о совместных визитах в итальянские картинные галереи не осуществились, Вильгельм стал любителем античной скульптуры и архитектуры, покровительствовал художникам и сам даже написал какую-то печально известную картину о борьбе белой Европы против желтой опасности, которая — в соответствии с предсказанием Гинцпетера — вызвала насмешки его коронованных собратьев, которым он подарил копии. Он был, разумеется, поклонником музыки Р. Вагнера и бывал в опере. В общем, в этом отношении был типичен для своего класса и эпохи.

Сыновья Александра II в этом не отличались от остальных европейских коронованных особ: они тоже посещали выставки российских художников, покупали самые «идейно близкие» и «истинно русские» полотна, если цена подходила (в.к. Владимир купил репинских «Бурлаков на Волге»), часто ездили в театр, но это все было в пределах обычного светского развлечения. В наше время, когда есть кино, ТВ, радио, многие вообще не бывают в «живом» театре и поэтому частые поездки людей 19 века кажутся признаком какой-то осо-

бенной культурной отзывчивости. Но у большинства это было только потому, что дома развлекаться было труднее: эпоха крепостных театров уже ушла в прошлое. Это также было необходимо, чтобы оставаться членом светского общества, которое существовало в том числе и с помощью ритуалов вроде общепринятого посещения определенных мест.

Украсить интерьер картинами тоже полагалось всем, у кого была такая возможность, а не только знатокам и любителям живописи. Александру служил комиссионером его придворный художник, бывший офицер А. Боголюбов. Поэтому, вероятно, по его коллекции можно судить больше о вкусах Боголюбова, чем его собственных. Так же всем детям из приличных семей полагалось играть на каком-то музыкальном инструменте. Далеко не все достигали виртуозности. Это я отмечу потому, что в биографии имп. Марии Федоровны Ю. Кудрина называет ее «серьезной пианисткой», т.к. она даже исполняла произведение Баха «Пробуждение весны». Это вызовет улыбку у тех, кто прошел через детскую музыкальную школу. Дело в том, что великий Иоганн-Себастьян Бах был плодовит не только в музыке: у него было многочисленное потомство, которое последовало за ним в музыку, но не достигло его высот, хотя некоторые из них пользовались некоторой известностью в 18 веке. Среди них и Филипп-Эммануэль Бах, автор простенькой пьесы, которую автор этой статьи играла в 4 классе музыкальной семилетки. Мария Федоровна, видимо, играла несложные салонные пьесы, которые нравились ей и мужу и не требовали

особой техники. Но это типично для всех принцев и принцесс: отсутствие усидчивости и трудолюбия. Хочется быстрого и приятного результата. Так в.к. Алексей Александрович в те же годы просил знакомого англичанина привезти ему новейшую фотокамеру, которая, как он слышал, сама все делает, а ты только кнопку нажимаешь (*Baddeley* 1921: 197).

Так и с любовью российского наследника к живописи. Он, видимо, любил живопись доступную, красивую и жизнеутверждающую. Желательно, прямо относящуюся к нему самому и его жизни: одобрял пейзажи Альберта Бенуа, сделанные во время летних плаваний в шхерах, заказывал изображения своих яхт и прогулочных катеров, а вот полотно Верещагина «Дорога военнопленных», где на заснеженном тракте лежат замерзшие трупы турецких пленников, Александр Александрович не купил, т.к. обиделся, что художник создает у зрителей нехорошее впечатление о войне. У всех любителей искусства есть свои принципы.

Одним из любимых преподавателей Вильгельма Прусского стал знаменитый химик Август Кекуле и когда его избрали ректором, то Вильгельм участвовал в студенческой факельной процессии в его честь. Под балконом Кекуле «с факелами в руках мы самозабвенно слушали его важные слова о Духе Отечества и звонкими голосами мы спели “Heil Dir im Siegerkranz” и “Wacht am Rhein”», вспоминал уже в старости кайзер (*Röhl* 1998: 298). Самое большое влияние на него оказал профессор истории Вильгельм Мауренбрехер. Тот читал лекции о прусской истории, восславляя Бис-

марка и призывая слушателей подчинять свои личные взгляды и желания интересам фатерлянда: «Пруссия из всех германских государств больше всех обязана узам вассальной верности, которые были выкованы между королем и его министром [Бисмарком] в сентябре 1862 г., за все чудесные вещи, которые были нам дарованы». Мауренбрехер насмеялся и над либералами, и над теми, кто мечтал о Великой Германии. Зная, что в аудитории сидит сын наследного принца и его английской жены, он был осторожен в оценках, но в своей книге он не скрыл мнения, что брак прусского наследника с английской принцессой был хитрым английским ходом, рассчитанным на то, чтобы превратить Пруссию в форпост британской политики и заставить Германию служить английским интересам (*Röhl* 1998: 300–301). В этом духе он постарался исправить ошибочные, по его мнению, взгляды Вильгельма на прусскую историю. Он в этом преуспел. Под его влиянием Вильгельм стал открыто презирать Францию и Австрию, ненавидеть католиков; он стал англофобом и заклятым врагом левой либеральной партии в рейхстаге.

Рёль пишет об «интересном психологическом механизме, который по всей видимости срабатывает почти, как закон природы: принц восстает против отца и при этом против отцовских политических взглядов... Вильгельм... не восстал против правящего кайзера, которого он восхвалял до небес как некоего Сверх-Отца; вместо этого он ополчился на собственного отца, который был либеральным оппозиционером...» (*Röhl* 1998: 303).

Чтобы показать, насколько прочно осталось в памяти Вильгельма услышанное от Мауренбрехера, Рёль приводит целиком безумную речь, которую кайзер произнес в феврале 1899 г. Из нее очевидно, что «исторический миф, династический культ Гогенцоллернов, божественное право монархов, протестантско-христианское учение о спасении и антисемитизм — все смешалось в его уме, превратившись в опасный германский *Weltanschauung*» (Röhl 1998: 304).

От природы суетливый, беспокойный, неспособный сконцентрироваться на одном предмете дольше нескольких минут, Вильгельм попал в родную стихию, когда дед назначил его в гвардейский полк, стоявший в Потсдаме. Там и завершилось его формирование: интересы на уровне лейтенанта гвардии, презрение к низшим классам и чужим народам, шовинизм и антисемитизм — свойства, сначала раздражавшие, а потом ужасавшие его родителей. Он имел несколько связей с женщинами сомнительного поведения, которые потом шантажировали его неосторожно написанными письмами. Сверх того, он начал верить в привидения, посещал спиритические сеансы и т. д. Родители не сумели добиться разрешения на его путешествие в Австралию и Северную Америку, которые, по их мнению, сильно изменили бы взгляды Вильгельма на Германию, и даже не смогли перевести его в провинциальный гарнизон, где он бы не был под влиянием «потсдамских лейтенантов», которых презирала его мать.

Его родители просчитались и в усилиях найти ему подходящую жену,

которая бы смягчила его вздорный, самонадеянный и жестокий характер. Они выбрали голштинскую принцессу Августу Викторину, которая должна была, по мысли родителей Вильгельма, быть космополиткой, как ее отец, любить культуру и искусство. В течение двух лет наследник и его жена боролись с кайзером и Бисмарком за этот брак, который семья Гогенцоллернов считала недостойным будущего императора. Наконец, они добились желаемого, но Августа Виктория оказалась ограниченной ханжой, поощрявшей в Вильгельме его дурные качества и ненавидевшей своих свекров.

Книга подробно рассказывает, как Вильгельм подпал под влияние отца и сына Бисмарков, которые внушали ему свои взгляды на внутреннюю и внешнюю политику. Бисмарк-младший, занимавший пост статс-секретаря, был значительно старше Вильгельма и старался взять его в руки, приобщив его к вечеринкам с возлияниями (Герберт Бисмарк пил и вообще прожигал жизнь), но в особенности к своему презрению к союзной Австро-Венгрии, Франции и к своей русофилии. Бисмарки, стремясь уменьшить влияние кронпринца Фридриха Вильгельма на германскую политику и на императора, старались выдвигать вперед Вильгельма как представителя императора. Они внушили ему высокое мнение о собственных государственных и дипломатических талантах и поддерживали, когда он настойчиво просил деда давать ему миссии, которые должен был бы выполнять его отец. Рёль приводит образец письма Герберта фон Бисмарка к 28-летнему Вильгельму:

«Почтительнейше молю Ваше королевское высочество оказать мне милость, дозволив передать Вашему высочеству письменно мою величайшую и глубоко прочувствованную благодарность за великую честь, которую Ваше королевское высочество мне оказали посещением моего дома. Ваше королевское высочество не только доставили мне величайшую радость, какая доступна моему воображению, но доброта и милость Вашего высочества также вызвали восторг всех остальных, кто имели счастье присутствовать, благодаря дозволению Вашего королевского высочества» (Röhl 1998: 428).

Рёль отмечает, что никто не обращался в подобном сахаринном стиле ни к императору Вильгельму I, ни к кронпринцу, и сам Герберт фон Бисмарк был известен скорее непопачительностью, чем льстивостью. Из этого нетипичного для Бисмарка письма Рёль делает вывод, что, видимо, характер Вильгельма подсказывал людям, знавшим его, что именно такой тон должен ему понравиться.

Многие в высших военных и правительственных кругах считали, что лучше всего было бы, чтобы кронпринц вообще не царствовал, а дед передал бы трон внуку Вильгельму, истинному пруссаку, а не англофилу. Это оскорбляло его отца и мать и служило новыми причинами для конфликтов. В результате, когда его отец заболел раком в начале 1887 г., мать не хотела видеть Вильгельма в своем доме, он получал сведения об отце через своих шпионов (перешедших на сторону будущего императора) и пользовался ими, чтобы очернять свою мать и ее английскую

родню. Старшая из сестер Вильгельма, Шарлотта, и его брат Генрих перешли на его сторону и верными родителям остались только три младшие дочери, которые и жили с ними.

К этому времени у Бисмарков, вырастивших монстра, уже не было никаких иллюзий относительно управляемости Вильгельма и будущего Германии при нем. Он показал себя агрессивным, бессердечным, тщеславным и упрямым. Хотя его прикомандировали с разрешения деда к министерству иностранных дел, но он провел там мало времени, знакомясь с делами и перепиской. Когда у Бисмарка просили разрешения прикомандировать принца еще к какому-то министерству для подготовки к государственной деятельности, он сказал, что это бессмысленно: принц Вильгельм, как уже видно из опыта МИД, не будет серьезно заниматься ни экономикой, ни финансами, а просмотрит несколько дел по верхам и потом будет считать себя знатоком.

Он действительно был высокого мнения о своих дипломатических талантах, никем больше не отмеченных. Наоборот, его считали бестактным и неосторожным. Его обращение к германским принцам, подготовленное впрямую, пока он ожидал смерти деда и отца, которые возвели бы его на престол, он показал Бисмарку и предложил, чтобы в запечатанных конвертах несколько десятков копий этого документа ждали бы своего часа в прусских миссиях при германских дворах. Бисмарк просил принца сжечь обращение немедленно и ни в коем случае не делать копий, чтобы случайно не попали в чужие руки

и не вызвали возмущения медиатизированных германских принцев.

Вернувшись из Петербурга после первого визита в 1884 г., Вильгельм, не советуясь с Бисмарками, писал царю, предостерегая против своих английских родственников, проклиная мать и отца на чем свет стоит, и подстрекая Александра III напасть на английские владения в Азии. На этом основании Вильгельм считал, что он навеки сделался другом русского царя и укрепил русско-германские связи. Но в 1887 г. он отправился на рассвете встречать поезд царя, ехавшего через Германию, и ему пришлось в парадном мундире и в окружении адъютантов прождать два часа, прежде чем царь проснулся и вышел к гостю. Притом, нередко страдая по утрам от похмелья (по словам Г. Бисмарка), Александр был неприветлив и отказался от разговора наедине, на который Вильгельм рассчитывал, чтобы поднять собственный престиж в глазах Бисмарка и императора (*Röhl* 1998:743). Он оскорбился и начал поддакивать близкому к нему генерал-квартирмейстеру фон Вальдерзее, который настаивал на необходимости превентивной войны против России и Франции. Бисмарк с трудом предотвратил последствия «военного совета» при кайзере Вильгельме I и сказал: «Бедные мои внуки!» — имея в виду, что им придется жить при таком монархе.

Уже в 1888 г. Бисмарки знали, что недолго удержатся у власти после прихода нового императора. На все предупреждения Бисмарка-старшего и попытки изменить решения Вильгельма, тот отвечал надменными отписками, а с Гербертом Бисмарком

он просто рассорился. Вообще ответы принца к концу книги становятся предсказуемыми. Он обычно благодарит за полученное письмо и говорит, что его не так поняли, а он все делает в соответствии со взглядами пишущего и спорить тут не о чем. Его ответы родителям обычно сводились к формуле «исполняю повеление кайзера и не обязан давать отчет никому, кроме него», в то время, как он выманивал у деда то или иное поручение, утверждая, что его отец согласен с тем, чтобы сын взял на себя его роль.

Как и в России, от наследника ожидали исключительной сдержанности, чтобы не создавать второй полюс власти при дворе, а потому постоянные старания Вильгельма играть роль то во внешней политике, то в социальных вопросах заводили его далеко. Вот мнение Бисмарка о христианском союзе, к которому решили примкнуть Вильгельм, его жена и их приближенные:

«Такие предприятия, как “Внутригородская миссия”, особенно в расширенной форме, которую она предполагает принять... не должны быть настолько связаны с Вашим именем, чтобы возможный провал предприятия отразился бы на Вас».

Вильгельм возразил, что дело самое богоугодное и респектабельное, и привел внушительный список лиц, желающих принять в нем участие, но Бисмарк спросил: «сколько из этих господ выказали бы интерес к Внутригородской Миссии, если бы не знали, что Ваше императорское высочество и принцесса участвуют в проекте». Он продолжал: Вильгельм

близок к самому высокому посту в стране и должен рассматривать внимательно каждого филантропа, чтобы понять, направлена ли благотворительность на доброе дело или на то, чтобы произвести впечатление на будущего императора. Кроме того, все в списке Вильгельма принадлежат к той или иной политической группировке, а Вильгельм должен сохранять свободу воли как будущий монарх и не позволять, чтобы его имя уже сейчас связывали с одной из партий. Об организаторе миссии, придворном пасторе Штекере, Бисмарк написал: «Не имею ничего против Штекера, по-моему у него только один недостаток как у политика — это то, что он священник, а как у священника его единственный недостаток, что он вмешивается в политику». Он предупреждал принца, что протестантские священники, как только почувствуют силу, склонны к теократии ничуть не меньше, чем католики (Röhl 1998: 730, 731).

В России оба наследника Александра II несли чисто декоративные функции; если они выходили за рамки, то их одергивали — чего не произошло с Вильгельмом, потому что его отец был лишен всякой власти и авторитета, а дед был слишком стар. Романовы совершали обязательное турне по Центральной России, чтобы на них полюбовались верноподданные и чтобы они имели возможность убедиться в справедливости сведений, преподанных профессорами на занятиях. Вникать в местные проблемы, становиться на чью-то сторону в местных распрях им воспрещалось. Все поданные прошения они должны были переслать в Петербург. Так обстоялось знакомство с империей.

После женитьбы, которая и делала их фактически совершеннолетними, они молча присутствовали на заседаниях Государственного совета, сидели на докладах министров. Большого не требовалось. Самостоятельных дипломатических поручений им не давали, поручаемые общественные дела заключались больше в представительстве «от имени и по поручению».

В отличие от Вильгельма Прусского цесаревич Александр Александрович не стремился занять видное место при дворе, довольствуясь тем положением, которое ему отвела традиция. Что приказывали, то и делал. Он целеустремленно боролся только за увеличение доли времени, которое отводилось на его семейный досуг и отдых в Дании. Но его пытались подтолкнуть на самостоятельные активные действия и укрепление собственной популярности такие советчики, как В. П. Мещерский, который манил его обещанием сделать его царствование не менее значительным, чем царствование Екатерины II. Для этого он предпринимал разнообразные попытки выдвинуть вперед наследника, который то ли из осторожности, то ли по лени сопротивлялся, и тем избежал обострения своих довольно натянутых отношений с императором и императрицей (Мещерский 2011: 420–427). Мещерский не раз советовал Александру сблизиться с отцом, чтобы завоевать его любовь и доверие и возглавить возвращение единства, силы и русского патриотизма в государственную жизнь. Такие советы откровенно подсказывали Александру, что при его отце ни русского патриотизма, ни силы, ни единства в правительстве

нет и подталкивали наследника на активную роль, которая бы собрала вокруг него всех недовольных политикой царя. Та же мысль об усилении роли наследника подсказывала и советы собирать «фалангу людей, непобедимую армаду для подвигов внутренней, мудрой славы», чтобы, воссев на престол, уже не полагаться «на людей прежних» и не искать новых (Мещерский 2011: 451–460). При Александре II не было Бисмарка, но природная осторожность в значительной степени уберегла его наследника от открытой вражды с отцом, хотя при его дворе нашли приют известные критики правительства, вроде самого Мещерского, преподавателя наследника К. П. Победоносцева, и разнообразные фронтеры от генерала Р. Фадеева до редактора «Московских новостей» М. Н. Каткова.

О русско-германских отношениях в книге сказано немного. Только с точки зрения формирования политических взглядов Вильгельма описаны контакты с Александром III. Он пережил период юношеского обожания Александра III: его первая и удачная миссия в 1884 г. была в Петербург, и к тому же Вильгельм обожествлял носителей императорской короны. Они симпатизировали друг другу потому, что оба ненавидели Англию и болгарского князя Александра Баттенберга, но других общих точек у них не было.

«В ноябре 1887 г. отношения Вильгельма с царем ... начали заметно охлаждаться; главным образом из-за того, что сообщения о его надменном поведении в Англии и особенно о его бессердечном отношении к родителям достигли [царя] через Копен-

гаген. В ту осень самодержец провел три месяца с родней при датском дворе. Ни один государственный деятель его не сопровождал. Повеления, которые он отправлял в Россию, часто имели мало связи с реальностью. К тому же, русские чиновники истолковывали их крайне творчески, так что в государственных делах и в армии возник опасный хаос» (Röhl 1998: 742).

Так из немецких дипломатических донесений и мемуаров узнаем то, чего нет в российских биографиях царя: Александр поддавался семейным влияниям, в дела глубоко не вникал, а повеления его исполнялись «творчески». Удивление немцев вызвало то, что в течение 3 месяцев царь мог вершить государственные дела, обходясь обществом «двух адъютантов, чьи умственные способности, насколько можно судить по поверхностному взгляду, не позволяют им выполнять такую задачу», писал адъютант Вильгельма в 1887 г. (Röhl 1998: 745).

Согласно германским источникам, в ноябре 1887 г. царь-миротворец приехал в Берлин, «чтобы вбить клин между Германией и Австро-Венгрией. Это было ему нужно для того, чтобы без хлопот вести войну против изолированной дунайской монархии. Чтобы заставить его поменять мнение, Бисмарку пришлось говорить с царем таким резким тоном, что его [Бисмарка] нервы опять сдали...» (Röhl 1998:745). Это бросает некоторую тень на миролюбие царя.

Ажиотаж, устроенный милитаристской партией, привел к тому, что в декабре 1887 г. к ужасу Бисмарков

старый император начал склоняться к мысли Вальдерзее и Вильгельма, что наступил момент для превентивной войны против России и Франции одновременно. Отцу и сыну Бисмаркам стоило громадных усилий отвести старика Вильгельма I и его советчиков от этой мысли. Старый император в письме к сыну выразил недоумение, что Россия сосредотачивает все больше войск на русско-австрийской границе, а Австрия не реагирует. Старик писал, что это поневоле заставляет верить в сообщения, что царь просидел осень в Копенгагене «без военных или гражданских чиновников, которые могли бы ему дать совет, он отдавал повеления самостоятельно, лично», а русское правительство стало передвигать войска от имени царя, но без его ведома. «Невероятно, — писал старый император, — но я делаю вывод из удивительного ответа императора [Александра] на вопрос, почему он посылает столько войск на границу («Mais qu'est qui faisaient a l'interieur du pays!»)¹, что в этих слухах что-то есть» (Röhl 1998: 751).

Опасность личного правления внука императора Вильгельма I, при поддержке отъявленных реакционеров и милитаристов, вдруг очень выросла. В конце 1887 г. Бисмарк уже считал, что было бы большим несчастьем, если бы кронпринц Фридрих Вильгельм не смог наследовать отцу. Принц Вильгельм, жаловался канцлер, это «сумасброд, который не способен держать язык на привязи, позволяет льстецам влиять на него и был бы способен ввергнуть Германию в войну, сам того не видя и не желая» (Röhl 1998: 741).

Уже смертельно больной кронпринц Фридрих Вильгельм стал императором Фридрихом III внезапно, когда ему уже оставались считанные месяцы жизни, и он даже не стал сменять своих врагов на постах, которые те занимали при его отце. Так Бисмарк остался канцлером, а Вальдерзее — генерал-квартирмейстером. Единственное, что он успел сделать, это обеспечить финансовую независимость жены и незамужних дочерей после его смерти, что очень заботило его ввиду непримиримой ненависти Вильгельма к матери и младшим сестрам.

Вильгельм, став наследным принцем, по наблюдениям иностранных дипломатов, повел себя еще более надменно и самоуверенно. Австрийский посол докладывал в марте 1888 г.: «Особенно прискорбно, что недовольные находят поддержку своей критике в заявлениях, которые делает кронпринц Вильгельм и которые не оставляют места сомнениям, что он сам недоволен нынешним положением дел. Все они критикуют [нового императора] более или менее открыто, потому что уверены, что это поможет им при следующем правителе. Замашки, которые молодой человек приобрел в Бонне, все еще очень заметны; его властность и чрезмерная поспешность при решении сложных вопросов, а также неосторожность и нетерпимость в вопросах религии, вызывают много беспокойства. Поэтому даже в военных кругах мало кто безмятежно ожидает того не слишком далекого момента, когда кронпринц Вильгельм придет к власти» (Röhl 1998: 798).

¹ Грамматически неправильная фраза, перевод: «А что им делать внутри страны!».

Книга Рёля заканчивается июнем 1888 года, когда Вильгельм, наконец, дождался смерти отца и взял власть в свои руки. Согласно заранее отданному им (незаконному) секретному приказу, как только стало известно, что Фридрих III испустил дух, дворец окружили, чтобы не дать ни войти, ни выйти никому из обитателей. Но буквально накануне его мать успела передать британскому послу несколько томов дневников мужа и его письма. Британской дипломатической почтой они были отосланы в Виндзор, где и хранятся по сей день, на радость историкам.

События, которые для Вильгельма, Германии и Европы были еще в будущем, для нас уже прошлое и мы знаем, что Вильгельм вскоре последовал советам своих военных приближенных и стал собственным канцлером. После ухода отца и сына Бисмарков начался так называемый период «личного режима» Вильгельма II. За тридцать лет правления взбалмошный, деспотичный и оторванный от реальности император совершил все, чего опасались знавшие его современники. Вот и говори после этого, что будущее непредсказуемо: Бисмарк его прекрасно предсказал. Не стоит утомлять читателя рассказами о том, как пошли дела в Российской империи после гибели Александра II и какими деяниями в области внутренней и внешней политики завершилась история династии Романовых.

Что до плодов воспитания, то тут остается только вспомнить банальное: дорога в ад вымощена добрыми намерениями. Вполне разумные

с современной точки зрения планы кронпринцессы Виктории, как и мягкость, и долготерпение ее мужа по отношению к старшему сыну, не дали ожидаемых результатов. Учился-то он больше и более прилежно, чем Александр III, но, как заметил Чехов, университетское образование развивает все свойства человеческого ума, как хорошие, так и дурные. То есть, дурака учить — только портить. А что до Романовых, то добродушный бездельник в.к. Алексей, когда ему доложили о результатах экзаменов в Академии, сказал, что незачем отчислять офицеров, проваливших экзамен: «Вот я никаких этих девиаций, навигаций и пр., не знаю, а я генерал-адмирал» (*Епанчин* 1996: 211). Вот вам отношение к знаниям человека, не испорченного образованием.

Хотя националистическая и апологетическая школа историков между 1945 и 1960-ми гг. старалась представить Гитлера как аберрацию, трагическое исключение в ряду деятелей германской истории, тем не менее, уже первый том биографии Вильгельма II показывает, что многие из постоянных лейтмотивов гитлеризма существовали в германской культуре и политике задолго до Гитлера. Поэтому многократные попытки включить их носителя Вильгельма II в неразрывную цепь великих немцев потерпели неудачу, и в этом большая заслуга Д. Рёля. А император Александр III еще ждет критической биографии, которая разгонит туман фимиама и поставит его на принадлежащее ему место правителя, подготовившего многие события, произошедшие в правление его сына.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Боханов, Кудрина 2001 — Боханов А., Кудрина Ю. (ред.), Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Переписка. Москва, 2001, стр. 102–103.

«Воспоминания светлейшей княгини Юрьевской». ГАРФ, ф. 678, оп. 2, д.254, л. 5.

Епанчин 1996 — Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М. 1996, стр. 211.

Тютчева 2003 — Тютчева А.Ф. Воспоминания. М., 2003, с. 312.

Ушинский 2015 — Ушинский К. Русская школа. Москва, 2015; Ушинский К.Д. «Письма о воспитании наследника русского престола. Письмо третье», az.lib.ru/u/usinskij_k_d/text_0060.shtml.

Чичерин 2003 — Чичерин Б.Н. Воспоминания. т.1., М., 2003.

Baddeley 1921 — Baddeley, John F. Russia in the 'eighties'. London, 1921, p. 197.

Noel 1974 — Noel, Gerard. Princess Alice. Queen Victoria's Forgotten Daughter. London, 1974, стр. 202.

Röhl 1982 — Röhl, John C.G., Nicolaus Sombart (eds). Kaiser Wilhelm II. New Interpretations. The Corfu Papers. Cambridge University Press, 1982.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

John C.G. Röhl, Young Wilhelm. The Kaiser's Early Life. 1859–1888. Cambridge University Press, 1998.

Сидорова, А.Н. Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (Подготовка к государственной деятельности). (канд. диссертация), МГУ, 2016.

Мелентьев, Ф.И. Формирование представлений наследников престола о России в эпоху великих реформ. (канд. диссертация), МГУ, 2018.

Marie of Edinburgh, 1.12.1888, MB 1/U24 14/26, бумаги семьи Маунтбаттенов в Саутгемптонском университете.

Мещерский В.П. Письма к в.к. Александру Александровичу 1863–1868. М., 2011,

REFERENCES

John C.G. Röhl, Young Wilhelm. The Kaiser's Early Life. 1859–1888. Cambridge University Press, 1998.

Sidorova, A.N. *Vospitanie velikikh knyazej v sem'yakh imperatorov Nikolaya I i Aleksandra II (Podgotovka k gosudarstvennoj deyatel'nosti)*. (kand. dissertaciya), MGU, 2016.

Melent'ev, F.I. *Formirovanie predstavlenij naslednikov prestola o Rossii v ehpokhu velikikh reform*. (kand. dissertaciya), MGU, 2018.

Marie of Edinburgh, 1.12.1888, MB 1/U24 14/26, bumagi sem'i Mauntbattenov v Sautgemptonskom universitete.

Meshcherskij V.P. *Pis'ma k v.k. Aleksandru Aleksandrovichu 1863–1868*. М., 2011,

А. В. Гринёв

КРАТКИЙ ОБЗОР МОНОГРАФИИ Д. Н. КОПЕЛЕВА О РУССКИХ КРУГОСВЕТНЫХ ЭКСПЕДИЦИЯХ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

В рецензии анализируется содержание монографии доктора исторических наук Д. Н. Копелева, посвященной русским кругосветным экспедициям первой трети XIX в. На основании обширного круга архивных источников, опубликованных документов, отечественной и иностранной литературы автор монографии смог подробно рассмотреть такие малоизученные темы, как взаимосвязь геополитической экспансии Российской империи в Мировом океане с институциональной историей кругосветных плаваний, а также заимствование западноевропейских знаний и опыта на российском военном флоте при подготовке к дальним океанским путешествиям, влияние на этот процесс патроната и непотизма. Кроме того, в монографии читатель найдет материал о наименованиях российских кругосветных судов, проблеме русского приоритета в открытии Антарктиды, борьбе с цингой на русском флоте и другие любопытные сюжеты.

Ключевые слова: кругосветные экспедиции, Военно-морской флот, морские офицеры, Антарктида.

Сведения об авторе: Гринёв Андрей Вальтерович, доктор исторических наук, профессор СПбПУ.

Контактная информация: agrinev1960@mail.ru.

A. V. Grinëv

BRIEF REVIEW OF THE MONOGRAPH BY D. N. KOPELEV ABOUT RUSSIAN ROUND-THE-WORLD EXPEDITIONS IN THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY

The review analyzes the content of the monograph by Doctor of Historical Sciences D.N. Kopelev, dedicated to Russian round-the-world expeditions in the first third of the 19th century. Based on a wide range of archival sources, published documents, domestic and foreign literature, the author of the mono-

graph was able to consider in detail such little-studied topics as the relationship between the geopolitical expansion of the Russian Empire in the World Ocean and the institutional history of circumnavigations, as well as the borrowing of Western European knowledge and experience in the Russian navy during preparation for long-distance ocean voyages, the influence of patronage and nepotism on this process. In addition, the reader will find material in the monograph about the names of Russian round-the-world ships, the problem of Russian priority in the discovery of Antarctica, the fight against scurvy in the Russian fleet, and other interesting stories.

Key words: round-the-world expeditions, Russian Navy, naval officers, Antarctica.

About the author: Grinëv Andrei V., doctor of historical sciences, Professor of SPbPU.

Contact information: agrinev1960@mail.ru.

Новая монография известного петербургского специалиста в области морской истории Дмитрия Николаевича Копелева посвящена освоению Мирового океана российским Военно-морским флотом в ходе кругосветных экспедиций в первой трети XIX в. (Копелев 2021). Как справедливо отмечается в аннотации книги, эти экспедиции были одной из наиболее ярких страниц славного прошлого отечественного флота. Несмотря на то, что по этой тематике уже существует ряд работ, начиная с книги контр-адмирала Н. А. Ивашинцова (Ивашинцов 1872), монография Д. Н. Копелева вносит свой весомый вклад в ее изучение. Речь идет, в частности, о таких малоисследованных проблемах, как взаимосвязь геополитической экспансии Российской империи в Мировом океане с функционированием различных флотских институтов при подготовке кругосветных плаваний, что сопровождалось активным заимствованием западноевропейского опыта (прежде всего английского). Немало внимания автор уделяет вопросам, обычно остающимся за пределами традиционной историографии — фаворитизму, протекционизму, влия-

нию родственных и дружеских связей во флотской офицерской среде.

Хотя книга д.и.н. Д. Н. Копелева позиционируется как научная монография, однако несколько смущает отсутствие указания на официальных рецензентов на обороте титульного листа. Правда, на Западе нет подобной практики — там рецензенты всегда анонимны, но в России еще с советского времени повелось указывать научные титулы и фамилии рецензентов, которые призваны нести свою долю ответственности за содержание отрецензированной ими работы. Но это тема отдельного разговора. Что касается остальных параметров книги Д. Н. Копелева, то стоит отметить подстрочные сноски, порой довольно обширные, что очень удобно для читателя, а также весьма приличный библиографический свод в конце работы, который включает в себя перечень архивных фондов (главным образом РГАВМФ), список опубликованных документальных материалов на русском, английском, французском и немецком языках, а также многочисленную отечественную и зарубежную литературу.

Начинается монография с анализа первых кругосветных экспедиций испанцев, англичан, голландцев и французов в XVI — XVIII вв., что, в общем-то вполне логично, учитывая их вклад в изучение Земного шара задолго до океанских плаваний русских мореходов. Следует подчеркнуть, что в XVIII в. особое значение для мореплавателей и географов представлял огромный Тихий океан, еще недостаточно изученный западноевропейскими моряками за предыдущие столетия. Русские вышли на просторы крупнейшего океана планеты только во второй четверти этого века (до этого их плавания носили каботажный характер), когда после реформ Петра I они научились строить современные на тот момент корабли европейского типа. С их помощью русские моряки смогли открыть Аляску и цепь Алеутских островов в ходе Второй Камчатской экспедиции Беринга — Чирикова (1733–1743), положив тем самым начало освоению этих далеких земель русским казаками, промышленниками и купцами. Со временем здесь возникала так называемая «Русская Америка» — цепь мелких русских колоний, жители которых были заняты преимущественно приобретением пушнины. В дальнейшем именно сюда из Кронштадта направлялась подавляющая часть русских кругосветных экспедиций первой половины XIX в.

Заканчивается первая глава книги рассказом о так и не состоявшейся кругосветной экспедиции на Тихий океан эскадры капитана Григория Муловского (1787). Правда, перед ним не ставилась задача исследовать Тихоокеанский бассейн, который

был уже основательно изучен в ходе трех экспедиций выдающегося британского капитана Джеймса Кука (1768–1780), достижения которого высоко оценивает Д. Н. Копелев, указывая, что они послужили примером для нескольких поколений моряков, включая русских. Поскольку XVIII в. был веком Просвещения, это не могло не отразиться, как пишет автор, на «идеологии» кругосветных плаваний, ее «культурной оболочке» (с.44). В этот период кругосветные экспедиции обычно сопровождали ученые и художники, благодаря которым расширились горизонты научных представлений, а записки участников экспедиций, часто переводимые на другие языки, превращались в достояние всего цивилизованного общества.

Вторая глава монографии под лаконичным заголовком «Корабли и люди» представляет собой несколько очерков. В первом из них рассматриваются корабли и их командиры, принимавшие участие в путешествиях вокруг Земного шара. При этом большая часть экспедиций была снаряжена Морским министерством, но значительная доля приходилась на суда Российско-Американской компании (РАК), которая управляла Аляской с 1799 г. и до ее продажи США в 1867 г. Впрочем, всеми кругосветными кораблями РАК до середины 1840-х гг. командовали офицеры императорского ВМФ из-за крайней слабости отечественного коммерческого флота и отсутствия соответствующих кадров (Под флагом России 1995).

Далее автор монографии предлагает читателю раздел, связанный

с названиями кругосветных кораблей. Правда, эта тема уже рассматривалась в предшествующей историографии (Гринёв 2018). Затем идут разделы, связанные с социальными характеристиками руководителей кругосветных экспедиций, включая их происхождение, родственные связи, служебную этику и карьерный рост в русле тогдашней общественной системы Российской империи. Параллельно Д. Н. Копелев приводит ряд известных зарубежных мореплавателей в качестве примера морских офицеров-исследователей. В связи с этим автор подробно анализирует специфику российской иерархичной структуры с ее династийностью, родственным nepотизмом и патронатом, дружескими и соседскими связями, распространенными во флотской среде — эту тему он уже затрагивал в одной из своих предыдущих монографий (Копелев 2010). Например, вдохновитель и организатор первого русского кругосветного плавания Иван Фёдорович Крузенштерн (Адам Йохан-Антон фон Крузенштерн) явно благоволил остзейским немцам при формировании состава кругосветных экспедиций (с.198). Участие в них считалось очень почетным делом и обычно благотворно сказывалось на дальнейшей карьере морского офицера.

В третьей главе монографии затронута проблема взаимосвязи кругосветных экспедиций и становления глобального мира, причем автор особо остановился на вопросе русского приоритета в открытии Антарктиды — он очень взвешенно проанализировал этот вопрос, указывая на последующие политические спекуляции и цензуру (с.240, 246). Да-

лее Д. Н. Копелев подробно пишет о борьбе с цингой и другими заболеваниями на русских кругосветных судах. По его мнению, жертвой холеры стал в 1819 возвращавшийся в Россию на корабле РАК «Кутузов» первый правитель Русской Америки Александр Баранов (с.269), с чем, вероятно, можно согласиться. Заканчивается третья глава любопытным сюжетом о взаимоотношениях участников кругосветных экспедиций с некоторыми представителями тропических тихоокеанских островов. На наш взгляд, эта тема явно нуждается в существенном расширении и включении аборигенов Русской Америки, Камчатки и других мест, где бывали кругосветные путешественники.

Заканчивается монография Д. Н. Копелева кратким заключением, которое, на наш взгляд, следовало бы значительно увеличить, как и текст самой книги за счет темы взаимоотношений флотских офицеров с представителями Российско-Американской компании. Вообще о кругосветных плаваниях, организованных РАК, в монографии сказано слишком мало — основное внимание уделено экспедициям ВМФ. Среди других недостатков следует отметить дефицит в ряде случаев ссылок на источник информации, как, например, в сноске 1 на стр. 20. Опять же, не все работы, указанные в сносках, отражены в итоговом библиографическом списке в конце монографии (с.100). В некоторых случаях следовало критичнее относиться к архивным документам, в частности, в одном из них говорилось о правах России на земли в Тихом океане и сообщалось, что капитан Чириков

якобы еще до Джеймса Кука исследовал названный в честь последнего залив в Южной Аляске (с.76). На самом деле Чириков никогда там не был (*Плавание А.И. Чирикова* 1951). На с.171 вместо имени «Фердинанд» следует поставить «Фёдор», так как речь идет о Фёдоре Литке, а не Фердинанде Врангеле. Лейтенант Матвей Иванович Муравьев был не «командиром» Русской Америки (с.185), а ее главным правителем. Кроме того, видный мореплаватель В.М. Головнин не исследовал берега Русской Америки, как сказано в монографии (с.216), хотя дважды бывал в ней (*Головнин* 1949).

Можно назвать еще несколько подобных неточностей и опечаток, но в целом они не снижают высокой оценки проделанного Д.Н. Копелевым труда: его монография очень информативна, в ней приводится немало неопубликованных архивных данных и сведений из зарубежных источников, а сама она читается достаточно легко благодаря хорошему литературному языку. Думается, что эта книга послужит хорошим подспорьем для специалистов, занимающихся историей российского флота, и привлечет внимание широких читательских масс.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Головнин 1949 — *Головнин В.М.* Сочинения. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное в 1807, 1808 и 1809 гг. В плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг. Путешествие вокруг света на шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 гг. С приложением описания примечательнейших кораблекрушений, в разные времена претерпенных русски-

ми мореплавателями / Под ред. и с прим. И.П. Магидовича. М., Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. 504 с.

Гринёв 2018 — *Гринёв А.В.* Названия российских кораблей, ходивших к берегам Аляски и Алеутских островов (1728–1867) // Вестник СПбГУДТ. 2018. № 4. С.163–170.

Ивашищев 1872 — *Ивашищев Н.А.* Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 год. СПб.: Тип. Морского мин-ва, 1872. 245 с.

Копелев 2010 — *Копелев Д.Н.* На службе империи: Немцы и Российский флот в первой половине XIX века. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2010. 338 с.

Копелев 2021 — *Копелев Д.Н.* От мыса Головнина к Земле Александра I: российские кругосветные экспедиции в первой половине XIX века. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 311 с.

Плавание А.И. Чирикова 1951 — *Плавание А.И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережьям Америки* / Сост. и предисл. Д.М. Лебедева. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 431 с.

Под флагом России 1995 — *Под флагом России: История зарождения и развития морского торгового флота.* М.: Согласие, 1995. 568 с.

REFERENCES

A.I. Chirikov's voyage on the packet boat "St. Paul" to the coasts of America / Comp. and foreword by D.M. Lebedev. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1951. 431 p.

Golovnin V.M. Sochineniya. Puteshestvie na shlyupe «Diana» iz Kronshtadta v Kamchatku, sovershennoye v 1807, 1808 i 1809 gg. V plenu u yaponsev v 1811, 1812 i 1813 gg. Puteshestvie vokrug sveta na shlyupe «Kamchatka» v 1817, 1818 i 1819 gg. S prilozheniem opisaniya primechatel'neishikh korablenkrushenii, v raznye vremena preterpennykh russkimi moreplavatelyami. Ed. and comm.

by I.P. Magidovich. Moscow, Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi, 1949. 504 p.

Grinёv A.V. Nazvaniya rossiyskikh korablei, khodivshikh k beregam Alyaski i Aleutskikh ostrovov (1728–1867). *Vestnik SPbGUDT*, 2018, no .4, pp. 163–170.

Ivashintsov N.A. *Russkie krugosvetnye putesthestviya s 1803 po 1849 god.* St. Petersburg: Tip. Morskogo min-va, 1872. 245 p.

Kopelev D.N. *Na sluzhbe imperii: Nemtsy i Rossiyskii flot v pervoi polovine XIX veka.* St. Petersburg.: Evropeyskii universitet v Sankt-Peterburge, 2010. 338 p

Kopelev D.N. *Ot mysa Golovnina k Zemle Aleksandra I: rossiyskie krugosvetnye ekspeditsii v pervoy polovine XIX veka.* Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2021. 311 p.

Pod flagom Rossii: Istoriya zarozhdeniya i razvitiya morskogo torgovogo flota. Moscow: Soglasiye, 1995. 568 p.

А. А. Кулинский

Рец.: Хаминов Д. В. Историческое образование, наука и историки сибирской периферии в годы сталинизма. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 221 с.

В рецензии представлен анализ монографии доктора исторических наук Дмитрия Викторовича Хамина «Историческое образование, наука и историки сибирской периферии в годы сталинизма» (2021). В данной монографии рассматривается историческое образование и историческая наука Сибири в 1920-х — первой половине 1950-х гг. По мнению автора, конъюнктура высших учебных заведений периферийных центров Советского Союза заключалась в поддержании существующих политико-идеологических установок партии. Однако идеологическим воздействием также было обусловлено появление ведущих исторических кафедр, направлений и ученых. Благодаря восстановленному по фрагментам облику высшего исторического образования в сибирском регионе появляется возможность изучения отдельно взятых университетов, педагогических институтов и других научных институций. Введённые в научный оборот источники могут быть использованы сообществом ученых для изучения сибирского научно-образовательного комплекса 1920-х — первой половины 1950-х гг. **Ключевые слова:** высшее историческое образование, эпоха сталинизма, историография, педагогические институты Сибири, идеологические кампании, научно-образовательный комплекс Сибири в 1920-х — первой половине 1950-х гг., история науки, специфика идейно-политической подготовки историков, гуманитарное образование, сибирские историки.

Сведения об авторе: Кулинский Андрей Андреевич, аспирант кафедры истории России Уральского Федерального университета им. Б. Н. Ельцина, ведущий специалист Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области.

Контактная информация: Kulinsky@mail.ru

A. A. Kulinsky

Rev.: Khaminov D. V. Historical Education, Science and Historians of the Siberian Periphery in the Years of Stalinism. Moscow: Political Encyclopedia, 2021. 221 c.

The review presents analysis of the monograph «Historical Education, Science and Historians in Siberian Periphery during Stalinism» (2021) written

by doctor of historical sciences, Dmitrii Viktorovich Khaminov. The author's monograph presents a study of historical education and historical science in Siberia in the 1920s — first half of the 1950s. In the author's opinion, the higher education institutions in the peripheral centers of the Soviet Union had to support the existing political and ideological guidelines of the party. However, the emergence of leading historical departments, trends and scholars was also conditioned by ideological influence. Thanks to the image of higher historical education restored from fragments in the Siberian region, it becomes possible to study individual universities, pedagogical institutes and other scientific institutions. The sources introduced into turnover can be used by the scholars community to studying the Siberian scientific and educational complex of 1920's — first half of 1950's.

Key words: higher historical education, Stalinism epoch, historiography, Siberian pedagogical institutes, ideological campaigns, scientific-educational complex of Siberia in 1920s — first half of 1950s, history of science, specificity of ideological-political training of historians, humanitarian education, Siberian historians

About the author: Andrey Andreyevich Kulinsky, postgraduate student of the Department of History of Russia at B.N. Yeltsin Urals Federal University, leading specialist of the Scientific and Production Center for the Protection and Use of Monuments of History and Culture of the Sverdlovsk Region.

Contact information: Kulinsky@mail.ru

История высшего исторического образования и исторической науки региональных центров Советского Союза не пользуется популярностью, оставаясь предметом исследований небольшого числа историков. Как правило, данная тематика рассматривается в рамках отдельных факультетских / вузовских сюжетов (Еремеева 2004; Колеватов 2005; Кефнер 2006; Матвеева 2006; Рыженко 2008; Черноухов 2008; Лазарева 2012 и др.). В этом отношении выделяется монография томского историка Дмитрия Викторовича Хаминова «Историческое образование, наука и историки сибирской периферии в годы сталинизма» (2021), представляющая собой обобщающее исследование о процессе становления высшего исторического образования в Сибири второй половины 1920-х — первой половины 1950-х гг.

В первой главе рассматриваемой монографии автор ставит проблему организации высшего образования, структур научных институций, методов кадровой подготовки. В становлении советского высшего исторического образования автор выделяет четыре этапа: 1. 1917 — конец 1920-х гг. — период существования «старой и новой исторической науки, и исторического образования»; 2. начало 1930-х — начало 1940-х гг. — время «подчинения науки требованиям партийно-идеологической системы и перманентной ликвидации любой научной альтернативности марксизму»; 3. 1941–1945 гг. — период значительных перемен и потерь в историко-научном сообществе; 4. 1945–1956 гг. — время возвращения научного сообщества к «мирному труду» (с. 38–50). Автором обозначено два пути формирования исторической корпорации в Сибири — «свер-

ху и снизу»: «"Сверху" — через партийно-государственную политику шло создание исторических институций и формирование идеологического облика региональных историков. "Снизу" корпорация складывалась как бы самостоятельно, без влияния извне, под действием внутренних, специфических для периферийного региона объективных и субъективных факторов (прежде всего, особенностей формирования студенческого контингента и профессорско-преподавательского состава)» (с. 49).

Во второй главе монографии анализируется переходный период «постоянных преобразований и экспериментов» советского государства над исторической наукой. Историк сделал обобщающие выводы, согласно которым в 1920-е — начале 1930-х гг. разрушенная система классического исторического образования привела к негативным явлениям в социокультурных, политико-правовых сферах. Постепенное восстановление системы высшего исторического образования и переосмысление партийной верхушкой сложившейся ситуации повлекло за собой оживление историко-педагогических и научных институций, увеличение числа «чистых» студентов, чьи родственники не были вовлечены в идеологические кампании. Достоинством главы можно считать отдельные сюжеты, связанные с судьбой преподавателей и студентов сибирских высших учебных заведений.

В третьей главе автором был раскрыт процесс учреждения новых высших учебных заведений, который сопровождался увеличением числа научных работ по истории Сибири

и революционного движения в этом регионе. основополагающим фактором развития исторической науки являлись защита кандидатских диссертаций и публикации «по истории Сибири и революционного движения в регионе» (с. 65). Несмотря на возросший интерес к локальной истории, система исторических институций Сибири, в том числе специальные кафедры в институтах и научных учреждениях, не были сформированы. Направления научных работ представляли «набор разрозненных тем и сюжетов», которые привносились столичными историками на протяжении всех периодов развития высшего образования в Сибири.

Возвращаясь к формированию институтов высшего образования, необходимо сказать, что в первой половине 1930-х гг. существовал эталон исторического знания в лице академика М. Н. Покровского и его школы. Влияние этой исторической школы было настолько широким, что «в 1932 г. Восточно-Сибирский крайисполком принял решение обратиться в Наркомпрос РСФСР с просьбой о присвоении ИГПИ (*Иркутскому государственному педагогическому институту*) имени М. Н. Покровского» (с. 67). Последующие события «связаны с изменением идеологической роли и места истории как науки и образовательной дисциплины». Дискредитация школы академика М. Н. Покровского ознаменовала новый виток в развитии высшего исторического образования, которое в первой половине 1930-х гг. характеризуется открытием новых педагогических институтов в Тюмени, Оренбурге, Сормово, Чебоксарах, Ставрополе, Новозыбкове.

«Реорганизация классических университетов и вывод из их состава педагогических факультетов в отдельные пединституты» сопровождалась слиянием исторических отделений (с. 67).

Последующие события истории Советского Союза, в частности, сибирского региона связаны с Большим террором. Последствия партийного курса, по мнению Дмитрия Викторовича, коснулись студентов, профессорско-преподавательского состава, в том числе известных ученых Б.Э. Петри, В.И. Огородникова, В.С. Манассеина и др. Из многочисленных биографий и воспоминаний современников данного этапа становления высшего исторического образования автор монографии делает вывод, что ученые, отделившиеся «легким испугом», испытали страх перед возобновлением уголовных дел. На примере биографии Ф.А. Кудрявцева и воспоминаний профессора И.И. Кузнецова подчеркнуто, что в прошлом проходивший по уголовному делу Кузнецов стал «избегать самостоятельных суждений, что приводило к ненужным умалчиваниям» (с. 85). Таким образом, в 1930-е гг. сибирский регион достаточно серьезно пострадал от поиска внутренних врагов. Итогом рассматриваемого этапа, по мнению Дмитрия Викторовича Хаминова,, было восстановление и расширение исторических институций сибирского региона, несмотря на поредевшие преподавательские составы. Именно в 1930-е гг. были заложены основы профессионального сообщества историков.

В четвертой главе Д.В. Хаминовым затрагивается период «испытания»

в годы Великой Отечественной войны сформировавшейся системы высшего исторического образования. В военные годы было открыто большое количество исторических отделений, в том числе в Барнауле, Тюмени, Красноярске. Импульсом к научной работе стал процесс эвакуации профессорско-преподавательского состава из центральных регионов в периферийные. Вновь прибывшими из центрального региона на ученых разрабатывались новые исследовательские темы, а также под них специально создавались новые кафедры. В 1942 г. в Томском и Иркутском педагогических институтах был создан совет по защите кандидатских диссертаций. За военный период здесь было защищено около двадцати кандидатских диссертаций (с. 100–105).

Нарастающая динамика увеличения числа квалифицированных педагогических кадров резко сократилась во второй половине 1943 г. ввиду реэвакуации профессорско-преподавательского состава и переброски свежих сибирских кадров для дальнейшей агитации партийного курса в Европейской части Советского Союза. Итог военного периода для Сибирского региона включал качественные изменения в подготовке научно-педагогических кадров, разработку «столичных» тем в контексте истории Сибири, открытие исторических институций, и наконец, агитацию и пропаганду действующей советской идеологии в тылу и на фронте (с. 104).

В пятой главе рассматриваемого труда автором анализировалась послевоенная ситуация, связанная с раз-

витием исторического образования и науки под давлением новых идеологических кампаний. Традиционное признание правительством низкого уровня подготовки педагогических кадров сопровождалось улучшением материально-технического состояния педвузов, отказом от кадровой подготовки людей, не имевших среднего образования. Данные меры предопределили переход в первой половине 1950-х гг. на обязательное среднее полное образование (с. 120). Также структура учительских институтов стала полностью зависеть от работы соответствующих кафедр и кабинетов пединститутов, что способствовало качественной подготовке педагогического состава. В 1954 г., в соответствии с распоряжением Совета министров СССР, учительские институты были ликвидированы и преобразованы в педагогические. Важной составляющей послевоенного периода являлся процесс «оптимизации педагогического образования». «В регионах, где наряду с пединститутами имелись и университеты, которые готовили историков, шел процесс закрытия исторических отделений при педвузах и перевода их в университеты» (с. 123). По мнению Дмитрия Викторовича, немногочисленный педагогический состав университетов не был готов к ведению дисциплин одновременно с научной работой, что сказывалось на качестве образования, получаемого студентами. Восполнение кадрового дефицита в периферийных ВУЗах страны происходило в процессе защиты кандидатских и докторских диссертаций. «Одним из первых в 1945 г. право начать подготовку кадров высшей квалификации через аспирантуру получил ИФФ ТГУ

(историко-филологический факультет Томского Государственного университета)». Серьезным импульсом к развитию исторического образования и защита диссертаций послужила, как это ни парадоксально, идеологическая кампания «по борьбе с космополитизмом и низкопоклонством перед западом». «В ТГУ оказался известный историк, специалист по Гражданской войне И. М. Разгон, в Кемеровский педагогический институт прибыл профессор И. П. Шмидт, Б. И. Рыськин, Э. Л. Гейликман» (с. 140). «Новые историки заложили прочные основы гуманитарного образования и науки не только во всей Сибири, но и на Дальнем Востоке» (с. 141). Идеологические кампании в сибирском регионе не достигали большого размаха, так как руководство относилось бережно к сотрудникам, пытаясь сглаживать «конфликтные ситуации» (с. 170).

В заключении монографии Д. В. Хаминов приходит к выводу, что в 1920–1930-е гг. сибирский научно-образовательный комплекс стал предметом эксперимента. Модернизация и эксперимент над сибирской наукой и высшим образованием предстали в виде «разработки и внедрения новых методов и организационных форм». «В условиях острого дефицита кадров высшей школы в Сибири специфика учебно-воспитательного процесса в местных вузах заключалась в том, что в учебных планах длительное время политико-идеологический компонент был ослаблен, а основное внимание уделялось технологическому циклу обучения» (с. 184).

Реставрация высшего исторического образования, начатая в 1934–

1936 г., была осуществлена лишь к концу 1940-х гг. «Количественный рост научно-образовательного потенциала Сибири сопровождался высокими темпами ее промышленного освоения, одновременно ставя местный научно-образовательный комплекс в зависимость от сверхцентрализованной системы планирования и распределения. Учитывая же общий экстенсивный характер советской социально-экономической системы, подобная модель регионализации несла в себе предпосылки будущих проблем, связанных с финансированием научных исследований, их кадровым обеспечением, материально-техническим и бытовым обслуживанием» (с. 187).

Вторая половина 1940-х — начало 1950-х гг. ознаменовались процессом «становления материально-технической базы, профессорско-преподавательского и студенческого составов». Дефицит высококвалифицированных кадров восполнялся «экстенсивным путем» через приглашение «преподавателей из Москвы, Ленинграда и других крупных научно-образовательных центров».

На основании проведенного анализа монографии было установлено, что фундамент исторических институций, направленность исторических тем, вектор дальнейшего развития исторических факультетов закладывался выдающимися советскими учеными. Монография Д.В. Хаминова наполнена жизнями советских людей, которые так или иначе повлияли на становление научно-педагогического комплекса Сибири. В связи с этим отметим, что, к сожалению, в книге отсутствует

указатель, который был бы весьма полезен с учетом большого количества упоминаемых в книге персон.

Автор показывает, что несмотря на подчинение системы высшего образования идеологии, вузовские историки имели определенный подход, связанный с интерпретацией официальных нормативно-правовых актов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Еремеева 2004 — *Еремеева* А.Н. Провинциальный ученый в условиях борьбы с «низкопоклонством» перед Западом // Интеллигенция России и Запада в XX–XXI вв.: выбор и реализация путей общественного развития. Екатеринбург, 2004. С. 71–73.

Колеватов 2005 — *Колеватов* Д.М. Научное общество как социальный фильтр («Репрессивное давление» в научной судьбе М.А. Гудошникова и М.К. Азодовского. 1940-е гг.) // Мир историка. Омск, 2005. Вып. 1. С. 121–141.

Кефнер 2006 — *Кефнер* Н.В. Сибирские историки в фокусе идеологических кампаний первого послевоенного десятилетия // Мир историка. Омск, 2006. Вып. 2. С. 225–247.

Матвеева 2006 — *Матвеева* Н.В. Становление провинциального историка послевоенного поколения: к проблеме «историк и власть» // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века / А.В. Гладышев (отв. ред.), Б.Б. Дубенцов (отв. ред.) и др. СПб., 2006.

Рыженко 2008 — *Рыженко* В.Г. Состав и интересы локального сообщества историков: от послевоенных лет до современности // Пишем времена и случаи: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ. Новосибирск, 2008. С. 186–190;

Черноухов 2008 — Черноухов А. В. Исторический факультет Свердловского университета, 1938–1945 / Уральский государственный университет им. А. М. Горького. Екатеринбург. «ВОЛОТ», 2008. 149 с.

Лазарева 2012 — Лазарева Е. В. Состояние исторической науки Урала во второй половине 1930-х гг. // История науки и техники в современной системе знаний: вторая ежегодная конференция кафедры Истории науки и техники. Екатеринбург, 2012. С. 103–108.

Хаминов 2021 — Хаминов Д. В. Историческое образование, наука и историки сибирской периферии в годы сталинизма. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 221 с.

REFERENCES

Eremeeva A. N. Provincial'nyj uchenyj v usloviyakh bor'by s «nizkopoklonstvoM» pered Zapadom // *Intelligenciya Rossii i Zapada v XX–XXI vv.: vybor i realizaciya putej obshchestvennogo razvitiya*. Ekaterinburg, 2004. S. 71–73.

Kolevatov D. M. Nauchnoe obshchestvo kak social'nyj fil'tr («Repressivnoe davlenie» v nauchnoj sud'be M. A. Gudoshnikova i M. K. Azadovskogo. 1940-e gg.) // *Mir istorika*. Omsk, 2005. Vyp. 1. S. 121–141.

Kefner N. V. Sibirskie istoriki v fokuse ideologicheskikh kampanij pervogo poslevoennogo desyatiletija // *Mir istorika*. Omsk, 2006. Vyp. 2. S. 225–247.

Matveeva N. V. Stanovlenie provincial'nogo istorika poslevoennogo pokoleniya: k probleme «istorik i vlast'» // *Istoricheskoe soznanie i vlast' v zerkale Rossii XX veka* / A. V. Gladyshev (otv. red.), B. B. Dubencov (otv. red.) i dr. SPb., 2006.

Ryzhenko V. G. Sostav i interesy lokal'nogo soobshchestva istorikov: ot poslevoennykh let do sovremennosti // *Pishem vremena i sluchai: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu kafedry otechestvennoj istorii NG-PU*. Novosibirsk, 2008. S. 186–190;

Chernoukhov A. V. *Istoricheskij fakul'tet Sverdlovskogo universiteta, 1938–1945* / Ural'skij gosudarstvennyj universitet im. A. M. Gor'kogo. Ekaterinburg. «ВОЛОТ», 2008. 149 s.

Lazareva E. V. Sostoyanie istoricheskoy nauki Urala vo vtoroj polovine 1930-kh gg. // *Istoriya nauki i tekhniki v sovremennoj sisteme znanij: vtoraya ezhegodnaya konferenciya kafedry Istorii nauki i tekhniki*. Ekaterinburg, 2012. S. 103–108.

Khaminov D. V. *Istoricheskoe obrazovanie, nauka i istoriki sibirskoj periferii v gody stalinizma*. M.: Politicheskaya ehnciklopediya, 2021. 221 s.

Н. Д. Гилевич

СОВЕТСКАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА В 1920–1950-е гг. — ВРЕМЯ ДЛЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ПОИСКА В НАУКЕ

Рец.: Советская гуманитаристика: мечты и прагматика в 1920–1950-е гг.: сборник статей.
М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2020.
255 с.

В рецензии представлен анализ сборника статей «Советская гуманитаристика: мечты и прагматика в 1920–1950-е гг.», вышедшего в издательстве РГГУ в 2020 г. Данное исследование содержит статьи ряда современных ученых, занимающихся проблемами истории советской науки в первой половине XX в. Оно основано на материалах круглого стола «Российская наука в 1920-х гг.: экспериментальное пространство отечественной гуманитаристики», прошедшего в РГГУ в 2018 г. По мнению рецензента, большая часть статей представляют немалый интерес для научного сообщества, сборник ставит множество интересных вопросов в области изучения истории советской науки, а сделанные выводы должны помочь в дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: советская гуманитаристика, история науки, историография, РГГУ, М. В. Нечкина, Институт истории АН СССР, исследования Арктики, История революции, Истпарт, первая треть XX в.

Сведения об авторе: Гилевич Никита Дмитриевич, аспирант кафедры истории России Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина, инженер-исследователь лаборатории цифровых технологий в историко-культурных исследованиях.

Контактная информация: gilevich.nikita@yandex.ru

N. D. Gilevich

SOVIET HUMANITIES IN THE 1920S–1950S —
TIME FOR EXPERIMENTAL SEARCH IN SCIENCE.

Rev.: Soviet Humanities: Dreams and Pragmatics in the 1920s–1950s: Collection of Articles.
Moscow: Publishing Center of the Russian State University for the Humanities, 2020. 255 p.

The review presents an analysis of the collection of articles «Soviet Humanities: Dreams and Pragmatics in the 1920s–1950s», published by the Russian State University for the Humanities in 2020. This study contains articles by a number of contemporary scholars dealing with the problems of the history of Soviet science in the first half of the 20th century. It is based on the materials of the round table «Russian Science in the 1920s: Experimental Space of Russian Humanities», held at the Russian State Humanitarian University in 2018. According to the reviewer, most of the articles are of considerable interest to the scientific community, the collection raises many interesting questions in the field of study of the history of Soviet science, and the conclusions drawn should help in further research.

Key words: Soviet humanities, history of science, historiography, Russian State University for the Humanities, M. V. Nechkina, Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR, Arctic research, History of the Revolution, Ispart, first third of the 20th century.

About the author: Gilevich Nikita D., post-graduate student of the Department of History of Russia, Ural Federal University, Research Engineer, Laboratory of Digital Technologies in Historical and Cultural Research.

Contact information: gilevich.nikita@yandex.ru

В последние годы активно выпускаются книги, посвященные изучению истории развития гуманитарных наук в советские годы, достаточно вспомнить серию «Гуманитарное наследие» от издательства «Новое литературное обозрение», в рамках которой стоит отдельно упомянуть книги П. А. Дружинина, Е. А. Добренко, свой значительный вклад вносят сборники, подготавливаемые профильными институтами по своей истории (*Дружинин 2016; Добренко 2020; Черняев, Щедрина 2021*). В эту канву вполне укладывается вышедший в РГГУ в 2020 г. сборник.

Какова была российская гуманитарная наука в 1920–1950-е гг в плане

творческого развития? Было ли это время мечтаний и методологических экспериментов или же все было разбито суровой правдой жизни? На подобные вопросы старались ответить ведущие ученые России в рамках круглого стола «Российская наука в 1920-х гг.: экспериментальное пространство отечественной гуманитаристики», прошедшего в РГГУ в 2018 г. На основании материалов круглого стола и был издан рецензируемый сборник «Советская гуманитаристика: мечты и прагматика в 1920–1950-е гг.».

Читатель, открывая сборник, может полагать, что сможет ознакомиться историей развития советской

гуманитаристики до 1950-х гг., однако реально хронологические рамки большинства статей не выходят за пределы конца 1930-х гг. Во многом это вызвано именно тем, что сборник опирается на материалы упомянутого выше круглого стола (с. 8). Для рассмотрения на круглом столе был выбран период первой трети XX в., так как, по мнению Е. А. Долговой, это время «трансформации науки как системы и ее становления как социального института». После революции 1917 г. наука претерпела кардинальные изменения, пережив «болеую точку истории» в 1920-е гг. (с. 7). Предполагалось издание коллективной монографии, но даже в рамках сборника статей его авторы попытались показать, как именно развивалась советская гуманитарная наука в этот период.

Знакомство со сборником начинается с предисловия, написанного ответственным редактором Е. А. Долговой, известным специалистом в истории советской науки, автором монографии «Рождение советской науки: учёные в 1920–1930-е гг.» (Долгова 2020).

Сборник состоит из четырех разделов. Первый раздел «Новые контуры, новые игроки» посвящен проблемам, характерным для всей советской науки 1920-х гг. в целом. Однако открывает раздел статья, где рассказывается о несветской гуманитаристике. В какой-то мере это оправдано тем, что Российское научное зарубежье стало с 1920-х гг. объективно новым фактором для советских ученых, хотя также очевидно, что влияние «научных диаспор» на ситуацию в самом СССР в области гуманитарных наук было минимальным.

В статье М. Ю. Сорокиной «Российское научное зарубежье: новая экспериментальная площадка отечественной гуманитаристики?» поднимается проблема альтернативных советским центром гуманитарной мысли, созданных в эмиграции вследствие произошедшей из-за событий Гражданской войны «утечки мозгов» (с. 16). Образовавшиеся «научные диаспоры» создавали вокруг себя площадки по свободному обмену мнениями и идеями на широком географическом пространстве от Китая до Франции (с. 18–19). Автором выделяются четыре основные модели поведения «центров российского научного зарубежья», рассмотренных на примере научных сообществ Чехословакии и Югославии.

Первую модель можно условно назвать «закрытой». Она предполагала максимальное сохранение традиций дореволюционной науки и была нацелена на поддержание контактов, главным образом, в среде таких же эмигрантских организаций (с. 21). В качестве примера были рассмотрены Русское историческое общество и журнал «Русская мысль».

Вторая модель — «международный гуманитарный проект, не связанный национальными или политическими границами» (с. 22). В рамках этой модели поддерживались контакты с учеными по всему миру, включая и коллег из СССР. В качестве примера рассматривается «Семинарий Кондакова» (Археологический институт им. Н. П. Кондакова).

Третья модель по своей структуре очень похожа на модель «Семинария», но здесь уже предполагались не

эпизодические контакты с отдельными учеными, оставшимися в СССР, а полноценная работа с советскими органами государственной власти. В качестве примера рассмотрена деятельность сотрудников советской дипмиссии в Праге, в частности — инициированный ими (но провалившийся) в середине 1920-х гг. проект создания института Славяноведения в Москве (с. 24). Вызывает сожаление, что автор статьи не раскрывает, как подобные научные сети повлияли на профессиональную коммуникацию ученых из СССР с зарубежными коллегами.

Четвертая модель предполагает максимальную интеграцию в местные научные структуры и опору на местные власти и рассматривается на примере Белградского эмигрантского сообщества (с. 26). Именно эта модель, по мнению автора, показала себя наиболее приспособленной к испытаниям XX в. в плане налаживания связей в обществе и построения успешной научной карьеры (с. 27).

Статья Е. А. Долговой «Как советские учёные забыли иностранный язык» поднимает проблему коммуникации. Но если в предыдущей статье рассматривались эмигрантские сообщества и их модели поведения, в том числе возможные контакты с европейскими странами и СССР, то здесь эта проблема рассматривается с точки зрения советских ученых. Тенденция к самоизоляции национальных научных сообществ, как справедливо отмечается исследователем, является общеевропейской и не привязана к событиям 1917 г. — границей выступают ско-

рее 1914 г. и начало Первой мировой войны (с. 31). Советское правительство было заинтересовано в преодолении этой тенденции и представлении достижений советской науки в европейском научном сообществе. Как инструмент достижения подобной цели рассматривается предоставление ученым зарубежных командировок для участия в научных мероприятиях различного уровня или в научно-исследовательских целях (с. 35). Автор делает заключение, что, несмотря на то, что ученые имели возможность совершения зарубежных поездок, реальный уровень профессиональной коммуникации с европейскими коллегами неуклонно падал. Вследствие ситуативности и краткосрочности большей части командировок необходимые навыки и долгосрочные связи просто не успевали образовываться. В период 1926–1927 гг. заграничные командировки совершили 342 человека, что составляет лишь малую часть от общего числа ученых СССР. Соответственно, для большей части научного сообщества не было необходимости в приобретении навыков устной коммуникации на иностранном языке (с. 40). В рамках развития темы автору, возможно, стоит рассмотреть кандидатские экзамены по иностранному языку в аспирантуре, цель которых декларировалась именно в налаживании языка международного научного общения.

Параллельно усложнилось поступление иноязычной литературы, как через книгообмен библиотек, так и для частных лиц. Это, по мнению Долговой, привело к утрате навыков чтения текстов на иностранных языках (с. 43). Вывод, возможно,

слишком смелый. Возьмем в качестве примера журнал «Вестник древней истории», начавший выходить в 1937 г. Уже в первом номере мы увидим обзор содержания немецкого журнала «Клио» за 1936 г. (принимавшего статьи на немецком, английском, французском, испанском, итальянском, латинском языках) (Поляков 1937: 162–165) и рецензию на англоязычную публикацию «The Dorians in Archaeology» (Шмидт 1937: 157–162). Это уже само по себе доказывает, что ученые и в это время как имели возможность получить актуальные зарубежные публикации по теме своих исследований, так и имели достаточные навыки, чтобы с ними ознакомиться и перевести с нескольких европейских языков.

Также в статье не оставлен без внимания и третий аспект профессиональной коммуникации — публикация результатов исследований в зарубежных журналах. Долгова выделяет ряд факторов, уже приводимых ранее, таких как прерывание научного общения в годы Первой мировой и Гражданской войн, изменение состава научного сообщества, массовый набор ученых «пролетарского» происхождения, практически не владевших иностранными языками. В этих условиях публикация на иностранном языке делала работу недоступной для этих молодых ученых и студенчества. Публикация же на русском языке «хоронила» работу для зарубежных коллег. Это, в совокупности с политическими установками на прекращение «раболопия» перед Западом, привело к замыканию советской науки на себя, следствием чего стала утрата навыков академического письма на иностран-

ном языке (с. 47). В дальнейшем ситуацию усугубила смена языка научного общения с немецкого на английский. В результате совокупного влияния всех рассмотренных факторов произошла утрата советскими учеными навыков профессиональной коммуникации на иностранном языке, что препятствовало в дальнейшем презентации результатов научных исследований перед мировым научным сообществом (с. 47).

Завершает первый раздел работа О. А. Вальковой и Г. И. Любиной «Равноправие в науке: плюсы и минусы, или Прогресс трансформации женщины-любителя наук в научного сотрудника в 20-е гг. XX в.», которая представляет собой публикацию двух документов из личного фонда М. В. Павловой в Архиве РАН. Наибольший интерес, с точки зрения авторов статьи, представляют не сами документы и их действующие лица, а психологическая трансформация восприятия женщины-ученого: от остающейся в тени мужа и не представляющей собой «самостоятельной фигуры», до конкурента и равноправного участника академической борьбы. С точки зрения Павловой, это была смена отношения от уважения и почтения к интригам и противостоянию. Валькова и Любина же склонны считать такое отношение как признание за ней *de facto* равного положения в обществе (с. 55).

Эти документы можно рассмотреть в рамках истории развития аспирантуры и подготовки научных кадров. В 1925 г. ввели ограничение, не позволяющее принимать «во 2-е сотрудники» (примерно соответствует доценту) людей, не представивших научной работы. Инфор-

мационный потенциал источников даже несколько выше, чем заявляют авторы статьи. Правда, основной тезис о признании за женщиной-ученой *de facto* равного положения в обществе нуждается в дополнительной аргументации, так как документы свидетельствуют лишь о недостаточном личном академическом авторитете М.В. Павловой (с. 55). Однако вопрос: воспринимали ли её как «своего парня» или указывали место новому и чуждому элементу в академической среде, требует привлечения дополнительных источников и исследовательского внимания.

Второй раздел «Мечтающая наука», включающий в себя пять работ, открывает статья В.В. Тихонова «Историографические исследования М.В. Нечкиной 1920-х гг.: освоение традиции и экспериментальные поиски». По мнению историка, на научные взгляды Нечкиной оказала влияние культура модерна первой трети XX в., что проявилось в увлечении социологией искусства, работами З. Фрейда, Р.Ю. Виппера, теорией относительности А. Эйнштейна (с. 77–82). Тихонов полагает, что пример Нечкиной позволяет ставить вопрос о месте теоретико-методологических поисков 1920-х гг. в историографии более позднего времени, так как именно наследием этого периода историк считает свойственный Нечкиной психологизм и гуманитарный синтез (с. 83). Самостоятельный интерес представляет вторая часть статьи, где разбираются историографические исследования Нечкиной, посвященные экономическому материализму и работам В.О. Ключевского. В плане экспериментальных поисков Нечкина представила новую схему историографического исследования, где

анализу подвергаются не только содержание труда и концепция, но и стилистика, манера ученого мыслить (с. 92).

И.В. Сидорчук в своей статье «Машины против “белого пятна”: технологическая символика покорения советской Арктики 1930-х гг.» выделяет ряд «культов», связанных с конструированием образа «Советской Арктики»: техники, где символом освоения Арктики становятся ледоколы и самолеты с красными звездами; труда, когда освоение ведется посредством напряженной работы тысяч людей; нового социалистического человека, которому по плечу любые задачи. Кроме того, героизировался образ ученого-исследователя, благодаря которому совершенствуется техника и проводятся экспедиции (с. 116, 123). «Фантастическая реальность» Арктики дала почву и для «мечтаний» о кардинальном изменении климата, поворотах рек, необходимых для полного освоения этих просторов (с. 119). Арктика соединила в единый миф отсталое прошлое и современные победы советского строя, при этом здесь не было необходимости проводить электрификацию, коллективизацию, индустриализацию (во многом из-за малозаселенности), не было очевидной внешней угрозы. Это в совокупности сделало Арктику уникальной площадкой для «технических экспериментов инженеров, ученых и фантастов по построению социалистического счастья» (с. 123).

Арктическая тема получает развитие в статье А.В. Собисевича и В.М. Чеснова «Арсений Арсеньевич Ярилов и проекты по развитию трансарктического воздухоплавания». Ярилов

выступал за развитие советского дирижаблестроения, предлагая использование дирижаблей в целях разведки ледовой обстановки, сбора метеоданных, борьбы с браконьерством. В связи с этим рассматривался проект В. Брунса, предполагавший совместную с Германией реализацию дирижаблестроительной программы. В результате были построены несколько дирижаблей, но после ряда аварий в середине 1930-х гг. интерес к программе угас, а функции, возлагаемые на дирижабли, стала с успехом выполнять морская авиация (с. 132).

Статья В. В. Слисковой «Идея “нового человека” в 1920-х гг.: концепции в современной истории науки» дает нам историографический обзор основных работ, занимающихся изучением естественно-научных экспериментальных исследований в первые десятилетия советской власти, таких как проекты создания «нового человека» и «нового общества» (с. 134). Разобрав работы Н. Л. Кременцова, А. Банерджи, И. Хоуэлл и Д. Героулд, автор приходит к выводу, что акцент исследовательского внимания в изучении историографии отечественной истории 1920-х гг. смещается с идеологических проектов в пользу scientistic импульса, ими порожденного. Узкопрофессиональные научные эксперименты в области биологии и медицины были актуализированы в социалистическом обществе утопическими идеями хирургического преобразования человека и поиска бессмертия (с. 139).

С. С. Илизаров в статье «Контекст значения: Тимофей Райнов о возможностях и пределах пользования переводами с восточных языков»

уделяет большое внимание изложению научной биографии Т. И. Райнова, который как историк науки, по выражению автора, равен или даже более значим, чем корифеи в этой области В. И. Вернадский и В. П. Зубов (с. 143). Райнов занимался различными проблемами в области истории науки, хотя главным его интересом была история идей. Находясь в эвакуации в Ташкенте, историк науки занялся изучением арабской средневековой научной мысли. Востоковед, который не знает ни одного восточного языка — это обстоятельство во многом и актуализировало перед ним проблему научного перевода (с. 147). Однако непосредственным толчком к письменному изложению своих идей об использовании перевода в изучении истории идей средневековых арабских мыслителей стала угроза увольнения из Института Востоковедения АН СССР (ИВАН). В письме И. Ю. Крачковскому Райнов стремился доказать возможность использования переводов, адекватно передающих значение текста, в изучении истории идей. Райнов доказывал, что в силу научной специализации и разделения труда все чаще приходится использовать результаты чужой научной работы, и перевод он рассматривает в качестве такового для истории идей. Высказанная аргументация в конечном итоге ни к чему не привела и в ноябре 1947 г. Райнов был уволен из ИВАН как не владеющий восточными языками (с. 156).

Третий раздел «“Прагматическая” наука», состоящий из пяти публикаций, открывает статья А. Н. Дмитриева «Филология на службе революции?», в которой автор рассматривает роль ученых-филологов в качестве

экспертов в области диалектологии и этнографии в 1910–1920-е гг. Саму статью отличает рваный темп повествования, частое переключение с темы на тему, от границ Польши, Украины, Белоруссии до этнографии Кавказа. В целом, работа филолога (в частности, лингвиста) на службе революции, если исходить из текста статьи, сводилась к роли этнографа, так как «нужные» экспертные заключения основывались на знаниях не только структуры языка и прогнозах по его развитию, но и на знаниях по истории, культуре изучаемых этносов (с. 168). А может быть тогда стоило статью назвать «Этнография на службе революции»?

Е. В. Барышева в статье «Механизмы мифологизации истории Революции в публикациях 1920–1930-х гг.» повествует о том, что основная версия событий 1917 г. установилась только к концу Гражданской войны. До этого появлялись новые сюжеты, которые могли измениться в угоду «линии партии» или вовсе исчезнуть (с. 178). Однако формирующийся идеологический образ необходимо было научно обосновать. И партия большевиков взяла на вооружение историю и стала активно создавать специализированные институты по изучению истории революционного движения (Истпарт) (с. 178). Важное место отводилось публикации архивных документов в форме приложений к исследованию (с. 176). Одним из важнейших направлений деятельности Истпарта было издание мемуаров. Стоит отметить, что исследователи той эпохи допускали наличие ошибок в текстах (вследствие недостатков человеческой памяти), но не допускали наличие прямой лжи (с. 181).

Мемуары активно использовались властью в целях пропаганды, воспитания молодежи на подходящих примерах, в борьбе с политическими противниками, однако для историков они не могли дать полной картины революционного движения вследствие своего фрагментарного, эпизодического характера (с. 182). Профессиональные историки настаивали на необходимости проверки достоверности издаваемых документов, но так как источнику отводилась роль «проводника идей партии», то при отборе документов для публикации учитывалась только ценность материала с данной точки зрения. Не отвечающие этой задаче документы просто отбрасывались (с. 183). В 1927 г. был утвержден принцип учета партийности мемуариста при отборе источников для издания в тематическом сборнике, ставшем наиболее распространенным жанром. В результате история революции писалась на основе тщательно подобранных источников, призванных доказать легитимность и неизбежность прихода к власти большевиков и исключавших появление какой-либо альтернативной оценки исторических событий (с. 185).

Е. Б. Беспятова в статье «Экономика социализма: заблуждения, новаторство и рационализм Е. А. Преображенского» рассматривает позицию по вопросу перспектив дальнейшего развития экономики СССР, занимаемую советским экономистом, председателем финансовой комиссии ЦК и Совнаркома, участником Генуэзской конференции Е. А. Преображенским (с. 189). Взгляды ученого и партийного деятеля претерпели длительную эволюцию. Если в 1918 г., в пылу

революционной романтики, он призывал к полному отказу от товарно-денежных отношений, сотрудничества с капиталистическими странами, от промедления в решении крестьянского вопроса и строительства нового общества, то позднее, в 1920-е гг., он констатирует, что процесс экономических преобразований займет долгое время, что необходимо пересмотреть и скорректировать все дореволюционные теоретические марксистские рассуждения о путях и сроках построения социалистической экономики, что необходимо налаживать сотрудничество с капиталистическими странами, которые запаздывают с социализмом (с. 190–194). Тезисы Преображенского были первоначально отвергнуты В.И. Лениным, но позднее он признал необходимость долговременного планирования в условиях НЭПа (с. 196). В книге «От НЭПа к социализму» Преображенский прогнозирует кризисные явления НЭПа и его свертывание при полном переходе к социалистическому хозяйствованию. В качестве альтернативы он выдвинул тезис о совместимости товарного (рыночного) и социалистического (планового) производства (с. 200). В дальнейшем этот тезис развился в теорию «о двух регуляторах»: плановом хозяйстве и законе стоимости. Данная теория во многом принята в современной экономике (государство является вторым регулятором экономики наравне с рынком), с тем лишь отличием, что Преображенский воспринимал эту концепцию как основу для переходного периода к социалистическому хозяйствованию (с. 201).

Статья Е. Ф. Синельниковой и В. С. Соболева «Петроградское

философское общество в контексте возрождения русской философии в начале 1920-х гг.» посвящена в первую очередь описанию деятельности общества в довольно короткий хронологический период: с момента его возобновления в 1921 г. и до официального закрытия в 1923 г. и представляет собой малую часть вышедшей в том же 2020 г. монографии «Санкт-Петербургское философское общество (1897–1923)» (Синельникова, Соболев 2020). Несмотря на краткость периода существования, удалось добиться значительных результатов: привлечение новых членов в сообщество, регулярное проведение заседаний и обсуждение докладов, создание собственного издательства «Academia» и журнала «Мысль» (с. 216).

П. А. Захарчук в статье «История отечественной металлургии в контексте общих тенденций развития дисциплины "Истории науки и техники" в 1930-е гг. XX в.» дает историографический обзор истории изучения черной металлургии, «преимущественно мануфактурного периода», на примере разбора деятельности ряда советских научных институтов (с. 221). В рамках деятельности Государственной академии материальной культуры автор выделяет монографию Н. Б. Бакланова о технике уральской металлургии, основанной на «Абрисах» В. И. Генина (с. 222). Георг Вильгельм (Вильгельм Иванович) де Генин с 1722 по 1734 гг. управлял казенными уральскими заводами, основал ряд новых предприятий, в том числе Екатеринбургский завод. Собранные за годы службы на Урале сведения он свел в единый труд «Описание Уральских и Сибирских

заводов» (в дальнейшем «Абрисы»), поданный им в 1735 г. императрице Анне Иоанновне.

Подготовка к публикации рукописи де Генина проходит красной нитью при описании немногочисленных достижений в рамках исследования истории металлургии в Комиссии по истории знания (с. 223). Больших успехов удалось добиться после ее переименования и реорганизации в Институт истории науки и техники. Например, были изданы: монография С. Г. Струмилина по истории черной металлургии, первый том тематической энциклопедии. Что до издания «Абрисов», то их опубликовали в 1937 г. Однако источник не сопровождался комментариями, а также из-за арестов в рамках «Большого террора» не были упомянуты многие из тех, кто трудился над её изданием (с. 226). В 1934–1935 гг. началось преподавание истории металлургии во втузах. Но не стоит преувеличивать значение этого факта: был разработан учебно-методический комплекс, однако нельзя говорить о полноценном обеспечении пособиями большинства обучающихся. Курс просуществовал всего несколько лет и не вызвал большого интереса у студентов (с. 228). Также изучением истории металлургии занимались музеи, проводившие археологические экспедиции и реконструировавшие устройство мануфактур, и общественные организации, устраивавшие публичные лекции на заводах (с. 229–230). Захарчук констатирует, что к концу 1930-х гг. основные центры изучения истории черной металлургии либо перестали существовать, либо прекратили исследования в этой области, но несмо-

тря на печальный конец, этот период является одним из наиболее плодотворных в историографии проблемы, так как был лишен недостатков мифотворчества и преувеличений последующего времени. Возможно, автор излишне пессимистичен в оценке ситуации конца 1930-х гг., поскольку продолжил свою деятельность академик Струмилин, активно занимался вопросом академик М. А. Павлов, помимо упомянутых в статье организаций история металлургии разрабатывалась в Институте истории АН СССР, в рамках изучения истории крепостной мануфактуры, и их деятельность не была прервана. Тезис о повальном мифотворчестве, искажении фактов и преувеличении достижений не выглядит в должной степени обоснованным.

Четвертый, заключительный раздел «Организованная наука» состоит всего из одной статьи А. В. Шаровой «Дисциплинированные учёные: Институт истории АН СССР в 1939–1940 гг.». 26 июня 1940 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на 8-часовой рабочий день», который заставил руководство и сотрудников ИИ АН СССР внести ряд организационных изменений в свою работу. Требовалось усилить контроль за трудовой дисциплиной и присутствием на рабочем месте сотрудников положенное время. При этом возникали объективные трудности с нехваткой помещений для размещения сотрудников, проблемой совместительства, спецификой работы историков (необходимость работы в архивах, библиотеках). В итоге были введены специальные журналы учета рабочего времени, составлялись индивидуальные графики для

некоторых сотрудников, для академиков было получено разрешение работать на дому. Так смогли обеспечить постоянным рабочим местом 59 сотрудников, не были прикреплены к постоянному рабочему месту 30 человек (в большинстве своем вследствие нехватки помещений) (с. 241). Таким образом, даже несмотря на грозные приказы об усилении трудовой дисциплины, ученое сообщество не смогло в силу объективных причин полностью вписаться в навязанные рамки.

Завершают сборник именной указатель, список сокращений и сведения об авторах статей.

Конечно, если бы была реализована первоначальная идея по изданию коллективной монографии, возможно, тогда удалось бы добиться большей взаимосвязанности статей и было бы дано четкое определение предмета — «советская гуманитаристика» (с. 8). В рамках сборника было бы чрезмерно требовать подобного от каждой статьи, но в отдельных случаях более тесное сотрудничество способствовало бы более полному раскрытию замысла автора. Тем не менее, в статьях можно выделить одну общую идею. Это идея «экспериментального поиска» в науке 1920-х гг. У М. Ю. Сорокиной — это «эксперимент» в виде четырех моделей существования эмигрантских научных сообществ, где лишь одна выдержала проверку временем. Как показывает Е. А. Долгова, «эксперимент» проявлялся в попытках возобновления научной коммуникации и представления научных результатов за рубежом, закончившись утратой навыков подобного общения. У О. А. Вальковой и Г. И. Любиной

показан «эксперимент» в виде осознания нового положения женщины в академическом мире. У В. В. Тихонова — это методологический поиск в историографических исследованиях, повлиявший на все последующее творчество М. В. Нечкиной. У И. В. Сидорчука — «эксперимент» в виде Арктики как места культивирования положительного советского мифа, в том числе техники как образа прогресса нового общества. «Экспериментом» было и дирижаблестроение, показанное в статье А. В. Собисевича и В. М. Чеснова. А. А. Ярилов искал метод освоения бескрайних арктических пространств. Отражение в историографии поисков способа prolongation жизни и естественнонаучных экспериментов 1920-х гг. раскрывает В. В. Слискова. С. С. Илизаров показывает методологический поиск Т. И. Райнова, который безуспешно стремился доказать, что не всякому востоковеду обязательно знать восточные языки. А. Н. Дмитриев показывает «экспериментальные поиски» филологии в попытках её применения в чисто политических вопросах демаркации границ. Е. В. Барышева говорит о том, что методологические поиски в области публикации архивных документов по революционному движению служили прагматической цели мифологизации истории Революции, хотя и оказали положительное влияние на развитие дисциплины. Е. Б. Беспятова показывает теоретические поиски Преображенского по созданию устойчивой новой экономики, оказавшиеся неоцененными современниками. Е. Ф. Синельникова и В. С. Соболев говорят о поиске способов существования в новом государстве «Философского общества» и его достижениях на этом пути. Ме-

тодология исследований по истории металлургии 1920–1930-х гг., по мнению П. А. Захарчука, представляет большой интерес для современных исследователей. Даже в попытках наладить трудовую дисциплину в соответствии с новым законом со стороны руководства Института Истории нашлось место «экспериментальному поиску» (статья А. В. Шаровой), так как ученые не могут вписаться в «прокрустово ложе» трудовой дисциплины без некоторой подгонки под себя.

В целом, сборник ставит множество интересных вопросов в области изучения истории советской науки, а сделанные выводы должны помочь в дальнейших исследованиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Добренко 2020 — Добренко Е. А. Поздний сталинизм: эстетика политики. Т. 1. М.: НЛО, 2020. 712 с.

Долгова 2020 — Долгова Е. А. Рождение советской науки: учёные в 1920–1930-е гг. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2020. 471 с.

Дружинин 2016 — Дружинин П. А. Идеология и филология. Дело Константина Азадовского. Т. 3. М.: НЛО, 2016. 528 с.

Поляков 1937 — Поляков Г. П. Обзор содержания журнала «Клио» за 1936 г. // Вестник Древней истории. 1937. № 1. С. 162–165

Синельникова, Соболев 2020 — Синельникова Е. Ф., Соболев В. С. Санкт-Петербургское философское общество (1897–1923). СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2020. 208 с.

Советская гуманитаристика: мечты и прагматика в 1920–1950-е гг.: сборник статей: [по материалам круглого стола «Российская наука 1920-х гг.: экспери-

ментальное пространство отечественной гуманитаристики»]. — Москва: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2020. 255 с.

Черняев, Щедрина 2021 — Институт научной философии: начало / под ред. А. В. Черняева, Т. Г. Щедриной. М.: Издательство «Политическая энциклопедия», 2021. 566 с.

Шмидт 1937 — Шмидт Р. В. Th. Cressy Skeat. The Dorians in Archaeology. L., 1934 // Вестник Древней истории. 1937. № 1. С. 157–162

REFERENCES

Dobrenko E. A. *Pozdnij stalinizm: estetika politiki*. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 712 p.

Dolgova E. A. *Rozhdenie sovetskoj nauki: uchyonye v 1920–1930-e gg.* Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2020. 471 p.

Druzhinin P. A. *Ideologiya i filologiya. Delo Konstantina Azadovskogo*. Vol. 3. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 528 p.

Institut nauchnoj filosofii: nachalo / ed. A. V. CHernyaev, T. G. SHCHedrina. Moscow: Izdatel'stvo «Politicheskaya enciklopediya», 2021. 566 p.

Polyakov G. P. Obzor soderzhaniya zhurnala «Klio» za 1936 g. // *Vestnik Drevnej istorii*. 1937. № 1. P. 162–165.

Shmidt R. V. Th. Cressy Skeat. The Dorians in Archaeology. L., 1934 // *Vestnik Drevnej istorii*. 1937. № 1. P. 157–162

Sinel'nikova E. F., Sobolev V. S. *Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo (1897–1923)*. St. Petersburg: DMITRIJ BULANIN, 2020. 208 p.

Sovetskaya gumanitaristika: mechty i pragmatika v 1920–1950-e gg.: sbornik statej: [po materialam kruglogo stola «Rossijskaya nauka 1920-h gg.: eksperimental'noe prostranstvo otechestvennoj gumanitaristiki»]. Moscow: Izdatel'skij centr Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 2020. 255 p.

А. В. Шадрина

«ДЕЛИКАТНО НАМЕКНУЛ
НА НЕДООЦЕНКУ ЕГО НАУЧНЫХ ЗАСЛУГ
СОВЕТСКОЙ АКАДЕМИЕЙ НАУК...»:
ТАК ЖИЛИ СОВЕТСКИЕ «ФРАНКОВЕДЫ»
(по книге В. А. Погосяна «Историки
Французской революции»)

В статье представлена реконструкция жизненного мира советских историков-франковедов на основе книги В. А. Погосяна «Историки Французской революции». В своём тексте В. А. Погосян ставил цель восстановить биографии ведущих историков Французской революции круга В. М. Далина, А. З. Манфреда, внесших, по мнению автора, неоцененный до сегодняшнего дня вклад в науку.

Объяснительной концепцией служат выводы Н. Элиаса, предложенные им в работе «Придворное общество». В. А. Погосян, будучи частью этого профессионального сообщества, также описал их внутренние взаимодействия, не избегая собственных оценочных суждений. Текст В. А. Погосяна позволяет выявить культуру научного сообщества, обозначить нормы, ценности, ритуалы, особый язык, этикетные формы, ему присущие. В. А. Погосян, главным образом, пишет об эталонной группе, на которую стремятся равняться советские историки Франции. Некоторые элементы этой культуры, такие, например, как подчеркнутая статусность и обособленность эталонной группы, сохраняются в научном сообществе по сей день.

Ключевые слова: В. А. Погосян, советские историки Французской революции, советские историки, историческая память, 1950-е, 1970-е годы.

Сведения об авторе: Шадрина Анна Васильевна, магистр Пермского государственного института культуры,

Контактная информация: annash_00@mail.ru

A. V. Shadrina

"DELICATELY HINTED AT THE UNDERESTIMATION OF HIS SCIENTIFIC MERITS BY THE SOVIET ACADEMY OF SCIENCES...": SO LIVED THE SOVIET "FRANKOLOGISTS" (according to the book "Historians of the French Revolution" by V. A. Pogosyan)

The article presents the reconstruction of the lifeworld of Soviet historians of the French Revolution on the basis of V. A. Pogosyan's book "Historians of the French Revolution". In his text, V. A. Pogosyan aims to restore the biographies of the leading historians of the French Revolution of the circle of V. M. Dalin, A. Z. Manfred, who, according to the author, made an invaluable contribution to science until the present day.

N. Elias's conclusions proposed in his work "The Court Society" serve as an explanatory concept. V. A. Poghosyan, being part of this professional community, also described their internal interactions, without avoiding his own value judgments. V. A. Poghosyan's text allows us to reveal the culture of scientific community, to mark norms, values, rituals, special language and etiquette forms peculiar to it. Poghosyan mainly writes about the reference group that Soviet historians in France tend to look up to. Some elements of this culture, such as the emphasized status and separateness of the reference group, persist in the scholarly community to this day.

Key words: V. A. Poghosyan, Soviet historians of the French Revolution, Soviet historians, historical memory, 1950s, 1970s.

About the author: Shadrina Anna Vasilievna, Master's student of the Perm State Institute of Culture

Contact information: annash_00@mail.ru

Взяв в руки книгу «Историки французской революции», я вспомнила ироническое замечание Л. Н. Гумилева еще советской поры: «Этнографы изучали бытовой обряд, т. е. фиксированный стереотип поведения у тех групп населения, которые резко отличались от столичных, например, быт олонечких крестьян, но игнорировали жизнь профессоров Петербурга. А зря, потому что для нашего времени такое описание было бы очень полезно и интересно, а теперь приходится читать А. П. Чехова, да еще с поправкой на его субъективизм» (Гумилев 1989: 108).

терью А. П. Чехова и упомянув императорский Санкт-Петербург, но, по всей вероятности, имел в виду не только и не столько его. Современные ему этнографы избегали описывать хорошо знакомый Л. Н. Гумилеву образ жизни советской профессуры. И спустя десятилетия ситуация мало изменилась. В литературе признана сложность и разнообразие советского общества, присутствие в нем множества социальных групп и страт. Изучение жизненных миров отдельных сообществ является в настоящее время одним из ведущих направлений в современном гуманитарном знании. Был издан ряд монографий, посвященных этой теме (Антитина 2005; Рожков 2014; Колчанова 2017). Но как и в прежнюю эпоху, историки

мало интересуются повседневной жизнью советской и современной профессуры. Исключением стала книга В. А. Погосяна (*Погосян* 2019). Ее жанр определить не представляется возможным. Это и воспоминания автора о встречах с московскими — и не только — историками. В. А. Погосян в 1980-е гг. вошел в круг исследователей французской революции, многих людей знал лично; о других, к тому времени ушедших, слышал от их коллег и учеников¹. Их рассказы тоже вошли в книгу, например, как отмечали юбилей его научного руководителя В. М. Далина:

«В 1972 году проходило торжественное заседание ученого совета Института всеобщей истории Академии наук СССР, посвященное 70-летию В. М. Далина. В заключение слово дали самому историку «Виктор Моисеевич взволнован, расчувствовался. Выступает, благодарит и вдруг заявляет: “Мне хотелось бы, чтобы, как и во времена моей молодости, наше собрание закончилось пением «Интернационала»”. То ли возглас, то ли просто выдох пронесся по рядам. Интернационал давно уже не пели даже на партийных собраниях. Председательствующий [академик Е. М. Жуков. — В. П.] от изумления исторг какой-то непонятный звук и просто вдавился в свое кресло. Инициатива пришла снизу... Вперед вышла Софья Моисеевна, жена и подлинно боевая подруга: “Вставай, проклять-

ем заклеименный.”. Зал нестройно, но дружно подхватил» (*Погосян* 2019: 45).

Кроме воспоминаний в книгу вошла извлеченная из архивов переписка советских историков между собой и с их европейскими коллегами, в том числе с А. Собулем, опубликованная В. А. Погосяном ранее отдельным изданием (*Poghosyan* 2017: 104). В книге помещены тексты более раннего происхождения: не выправленная запись доклада 2 февраля 1931 г. все того же В. М. Далина с «разоблачениями» Е. В. Тарле после его ареста в день последовавшего за ним исключения из состава Академии наук СССР, гневное письмо А. Матьеза в адрес советских историков в ноябре 1930 года и пр.

Иными словами, книга В. Погосяна представляет собой сборник в его изначальном смысле слова; в нем под одной обложкой соединены разнородные тексты, имеющие отношение к заявленной теме. Его можно было бы назвать «сборной солянкой», если бы эта метафора не нарушала торжественность избранного автором стиля.

В книге В. А. Погосяна читателю предъявлено сообщество советских, по преимуществу, столичных историков французской революции. Он пишет, главным образом, о четырех из них: В. М. Далине, А. З. Манфреде,

¹ В. А. Погосян — доктор исторических наук, научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук, ответственный секретарь журнала Ереванского государственного университета «Вопросы арменоведения». Сфера научных интересов — история Французской революции, геноцид армян. Окончил исторический факультет Ереванского государственного университета. Обучался в аспирантуре в Институте всеобщей истории АН СССР по специальности «Новая история Франции» под руководством В. М. Далина. В 1988 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Внутренняя политика Директории (переворот 18 фрюктидора)».

А. Р. Иоаннисяне и Г. С. Кучеренко. Для него все они — большие ученые, мэтры советской науки и безупречные люди. Собственно, В. А. Погосян не скрывает своего преклонения перед ними, при случае даже подчеркивает его: «В личном же разговоре А. Л. Нарочницкий, как и до него В. В. Согрин, деликатно упрекнул меня в идеализации В. М. Далина» (Погосян 2019: 9).

В. М. Далин является главным героем книги. В. А. Погосян реконструирует его политическую и научную биографию, восхищается сохранившимися у него после ГУЛАГа большевистской истовостью и темпераментом бывшего комсомольца. И если некоторые поступки В. М. Далина в прошлом кажутся ему, говоря деликатно, спорными: уже упомянутое участие в травле Е. В. Тарле, то В. М. Погосян тут же находит им соответствующее оправдание, объяснив, что речь шла о «коллективном менталитете целого поколения исследователей» (Погосян 2019: 52).

Если верить В. А. Погосяну, то взаимоотношения внутри этого сообщества напоминали современную идиллию. Историки относились друг к другу с подчеркнутым уважением, оказывали необходимую поддержку, сотрудничали в исследовательских проектах: организации международных конференций и пр., обращались друг с другом, что называется, без чинов. Так, А. З. Манфред поддержал В. М. Далина, когда тот вернулся к научной работе после ссылки. Автор цитирует письмо В. М. Далина А. З. Манфреду: «Дорогой Альберт! Двадцать лет назад, когда я впервые после «паузы» выступил на заседа-

нии сектора, ты один исключительно тепло и дружески меня приветствовал в своей речи. Я это запомнил на всю жизнь» (Погосян 2019: 63).

Ещё один историк, которого представляет В. А. Погосян, член Академии наук Армянской ССР А. Р. Иоаннисян. Автор делает замечание В. П. Смирнову, который в своей статье, посвященной А. З. Манфреду, не включает А. Р. Иоаннисяна в список выдающихся историков Франции (Погосян 2019: 164).

Следующий герой В. А. Погосяна — Г. С. Кучеренко — человек совсем другого поколения, как и автор. Учителя и ученики — они вместе составляли своего рода социальный круг, замкнутый, закрытый для непосвященных, скрепленный профессиональными и личными отношениями. Для того, чтобы войти в него, требовалось безупречное владение языками, прежде всего, французским, авторитет в научной среде, в том числе и среди зарубежных исследователей Франции, по преимуществу, ученых левого направления, членов Французской компартии (А. Собуль и др.), историков стран социалистического содружества, далеко не в последнюю очередь, признание их ценными и особо лояльными специалистами со стороны советских академических и партийных властей. Без их поддержки были бы невозможны доступные им регулярные командировки в парижские архивы и на международные конференции. В этой среде культивировался своеобразный этос: «Г. С. Кучеренко был просто не в состоянии представить себе, как можно в научных трудах ссылаться на источники, и тем более

на архивные документы, никогда не видел их в глаза. Говоря об этой порочной практике, он не скрывал презрения к подобным так называемым исследователям, которые без тени смущения и малейшего угрызения совести писали свои работы на основе материалов, собранных для них другими людьми» (Погосян 2019: 173). Советские историки Запада, как правило, были лишены такой возможности, отнюдь не по своей вине. И Г.С. Кучеренко должен был об этом знать².

Рассмотрим это высказывание столичного историка детальней. Оно характеризует, прежде всего, его собственное отношение к открывшемуся для него избранному замкнутому кругу, социальную идентификацию с ним, что вызывает в памяти суждение Н. Элиаса об особенностях придворного общества. «Если, к примеру, мы рассмотрим “хорошее общество” высшего дворянства, то мы увидим, в какой степени каждый его член зависит от мнения других принадлежащих к нему людей. Он, невзирая на свой дворянский титул, фактически лишь до тех пор принадлежит к соответствующему “хорошему обществу”, пока другие так полагают, а именно рассматривают его как принадлежащего к обществу. Иными словами, общественное мнение имеет совершенно иные значение и функцию, чем в любом обширном буржуазном обществе. Оно имеет решающее значение как источник существования» (Элиас 2002: 120).

На первый взгляд наиболее уместной могла бы показаться объяснительная концепция П. Бурдьё, описывающая ситуацию в современной ему науке в терминах конкуренции символических капиталов. Причем, это отнюдь не метафора. Французский социолог распространяет законы функционирования экономической системы позднего буржуазного общества на институты по производству и распространению знания, на университетскую сферу: «Борьба, в которую каждый из агентов должен быть вовлечён для того, чтобы иметь возможность самому устанавливать цену своей продукции и свой собственный авторитет легитимного производителя, всегда имеет целью достижение власти, позволяющей навязать определение науки, наиболее отвечающее его специфическим интересам, то есть наилучшим образом подходящее для того, чтобы позволить ему занять полностью легитимную доминирующую позицию, обеспечивающую в иерархии научных ценностей самую высокую позицию тем научным способностям, которыми он обладает лично или институционально» (Бурдьё 2005: 21).

В.А. Погосян изображает совсем иную картину. Вместо конкуренции здесь торжествует монополия. А.З. Манфред со товарищи полностью контролируют «Французский ежегодник» — в реальности едва ли не единственное издание, публиковавшее статьи и материалы по истории революции. Хотя в историческом

² Так, Л.Е. Кертман — ученик Е.В. Тарле, изгнанный в 1949 г. из Киевского государственного университета и всю жизнь проработавший в Перми, стал признанным авторитетом по истории Англии, но оставался всю жизнь невыездным и писал труды, опираясь на мемуарную литературу и на современную прессу. Не по своей воле он был лишен возможности работать с оригинальными архивными источниками. (Вершинина, Фадеева 2012: 73).

сообществе и бытовал «Гамбургский счет», но статусы участников были закреплены учеными степенями и званиями, фактически пожизненными титулами. В круге столичных историков титулы имели значение. Автор книги с благодарным удивлением вспоминает, что для него было неожиданностью, что Г. С. Кучеренко, будучи уже остепененным, общался с ним, тогда ещё аспирантом (*Погосян 2019: 147*). Историки революции, как видно из материалов сборника, прекрасно это осознавали, потому и стремились к почетному званию академика. Состязательность в науке была строго ограничена верностью не только сложившимся идеологическим доктринам, но и принятому вербальному этикету. Все это вместе взятое не позволяет описывать советское историческое сообщество по образцу и подобию сообщества рыночного, открытого, динамичного и конкурентного. В этом смысле придворный мир, описанный некогда Н. Элиасом, более соответствует лицам и положениям в поздней советской гуманитарной науке.

Пока же отметим, что в 1970–1980 гг. ведущие московские историки по советским меркам были вполне обеспеченными людьми. Они поддерживали свое здоровье на курортах в санаториях, зачастую переживали смену погоды на отапливаемых дачах, фактически в загородных домах со всеми удобствами. В академические институты они приезжали в присутственные часы.

Из переписки А. З. Манфреда с А. Р. Иоаннисяном видно, что работали эти люди, как правило, в неспешном темпе. Статью в сборник

иногда можно было готовить в течение полутора-двух лет. На заседаниях т. н. «французской группы» не появляться годами.

Эта группа, согласно изображению В. А. Погосяна, вела своего рода «островное бытование». И снова для ее описания можно воспользоваться характеристикой, данной Н. Элиасом придворному кругу времен Людовика XVI:

«Общество XVIII века, по меркам сегодняшних общественных отношений, было прочным социальным образованием с сильными внутренними связями. Но, с другой стороны, оно было спокойным по сравнению с обществом XVII века, прежде всего — со временем правления Людовика XIV» (*Элиас 2002: 100*). Отошли в прошлое идеологические «дискуссии», завершавшиеся организационным погромом, взаимными разоблачениями и пр. Доминировал совсем иной стиль общения — подчеркнуто вежливый, даже почтительный; люди писали друг на друга сугубо положительные рецензии; в переписке не забывали похвалить новые книги друг друга.

За волнорезом в стихии советского академического мира общество историков Франции было подвержено разного рода испытаниям. Они сталкивались с открытой недоброжелательностью со стороны остающихся за кругом коллег. А. Р. Иоаннисян в переписке с А. З. Манфредом жаловался: «Здесь меня наши местные историки публично упрекали, что вместо того, чтобы заниматься историей армянского народа, я занимаюсь “французским социализмом”».

А что говорили за глаза, и передать трудно. Так что можете представить, в какой атмосфере мне приходилось работать» (Погосян 2019: 238).

Академическое издательство сокращало тираж и объем «Французского ежегодника», откладывало его выпуск. А.З. Манфред просил своего коллегу из ГДР В. Маркова не удивляться изменениям в графике:

«Не скрою от Вас, что это (издание «Ежегодника» — А.Ш.) наталкивается на некоторые затруднения, прежде всего потому, что наши издательства, как впрочем, верно, и Ваши, предпочитают издавать книги на современные темы и всячески стараются уклониться от работ по истории XVIII века и более раннего времени; они считают такие издания коммерчески не выгодными. Тем не менее, хотя я не могу еще сейчас сказать что-либо определенное, я постараюсь достичь желаемого» (Погосян 2019: 208).

И, наверное, самое главное, советские гуманитарии академического ранга отказывали им в признании. А.Р. Ионнимян, А.З. Манфред вновь и вновь баллотировались и в членкорреспонденты, и в действительные члены АН СССР, но всякий раз проваливались, получая мизерное количество голосов. Вдова А.З. Манфреда пересказывала автору свой диалог с мужем, точнее, собственную часть диалога:

«Я ему говорила: какая тебе разница, что будет написано на могильной плите — академик или профессор? Ты лучше напиши книги о Руссо и Давиде». К сожалению, А.З. Ман-

фред не послушался мнения супруги, что и привело к роковому исходу как для него самого, так и для советского франковедения» (Погосян 2019: 168).

Французские историки, в свою очередь, отказывались публиковать рецензии на книги В.М. Далина и А.З. Манфреда, ограничиваясь похвалами в частной переписке. На французский язык монографии советских историков переводились в московском издательстве «Прогресс» и поступали в продажу во Франции в книжных магазинах, этому издательству принадлежавших. Даже Альбер Собуль просил взять московскую сторону все заботы о переводе книги А.З. Манфреда, аргументируя тем, что французское «Editions sociales» — партийное издательство французской компартии — не располагает необходимыми ресурсами (Погосян 2019: 258). Советские историки сердились таковым пренебрежением со стороны их французских коллег, настаивали на рецензировании, в конце концов, согласились на компромисс: во французском журнале будут публиковать рецензии на изданные в Союзе книги, но только написанные советскими историками. Ш.-О. Карбонель принял предложение автора, и в результате были опубликованы 3 рецензии на работы советских историков (Погосян 2019: 172).

И здесь уместно задаться вопросом: что препятствовало признанию научных заслуг историков Французской революции со стороны советского академического сообщества, только ли непонимание, зачем, будучи в Москве, заниматься историей Франции, или сомнение, что в такого рода изысканиях есть какой-то резон. Были,

как кажется, и иные основания, связанные со сменой поколений. А.З. Манфред и В.М. Далин выдвинулись в первые ряды историков Франции после смерти академика Е.В. Тарле. При этом они отнюдь не были его учениками, скорее оппонентами, причем оппонентами непримиримыми. В.М. Далин, во всяком случае, этого отнюдь не скрывал. «Если Вы знаете мою биографию, то должны знать, что я не должен был любить Тарле — моя научная деятельность началась с критики Тарле. Я с ним никогда не встречался. Теперь я написал бы мягче, но думаю, что по существу я был прав» (Каганович 2014: 146). Он, как и А.З. Манфред, принадлежал к иной советской традиции — Н.М. Лукина, В.П. Волгина — комиссаров «исторического фронта».

Для академиков старшего поколения Е.В. Тарле обладал бесспорным авторитетом. Они читали его книги, в первую очередь биографию Наполеона, ценили громадную эрудицию и литературный стиль. Исследования А.З. Манфреда были, по всей видимости, более научно фундаментальны, идеологически выдержаны и существенно концептуальны, но значительно скучнее. «Гений — парадоксов друг» в книгах новой генерации историков Франции не просматривался.

Что же касается французских историков, им мало импонировала догматическая конструкция советских исторических штудий, — конструкция, повторявшая ленинские формулировки эпохи русской революции. В.И. Ленин когда-то написал:

«Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, со-

знавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ» (Ленин 1972: 370).

Советские историки применили ее в обратной перспективе, превратив «революционных социал-демократов» (читай, большевиков) в якобинцев или их радикальных союзников/конкурентов слева. И тогда Бабеф становился сторонником создания коллективных ферм, то есть колхозов, предвосхищая, тем самым, ленинский план кооперации из советских учебников по истории КПСС (Погосян 2019: 29). А вожди якобинской диктатуры под пером А.З. Манфреда напоминали большевистских лидеров. Более всего, А.З. Манфреду импонировала их антибуржуазность. Если французские историки школы «Анналов» искали новые подходы к изучению революции, вовлекая в научный оборот целые пласты игнорируемых ранее источников, историки советские снова и снова воспроизводили одну и ту же схему. Под их пером маргинальные идейные течения, вроде т.н. «коммунистических», приобретали черты ведущих тенденций духовной революционной Франции. Для французских историков, пусть и левого направления, изыскания такого рода были мало продуктивны, во всяком случае, находились вне ведущих трендов современной историографии.

В.А. Погосян, целиком и полностью идентифицирующий себя с московской школой историков, ее основную слабость не замечает. Он настаивает на том, что основу генезиса и бытования этого элитарного малого сообщества образует высокий профессионализм, отождествляемый им со знанием французских архивов

и безукоризненным владением европейскими языками, способностью писать книги по революционной истории с соответствующих заранее определенных позиций.

С придворным обществом, по Н. Элиасу, целевую группу историков, действовавших внутри академических институтов, роднит замкнутость и самосознание собственной элитарности.

Если рассматривать книгу В.А. Погосьяна как этнографическое описание быта и нравов столичной профессуры, то оно, конечно, остается неполным и избыточно комплиментарным, зато дает исчерпывающее представление об этикетных формах коммуникации в этой среде.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Далин 1963 — *Далин* В. М. Гракх Бабеф на кануне и во время Великой французской революции (1785–1794). Москва, 1963.

Иоаннисян 1966 — *Иоаннисян* А. Р. Коммунистические идеи в годы Французской революции. Москва, 1966.

Манфред 1989 — *Манфред* А. З. Наполеон Бонапарт. Москва, 1989.

Погосян 2019 — *Погосян* В. А. Историки Французской революции. Москва, 2019.

Poghosyan 2017 — *Poghosyan* V. La correspondance d'Albert Soboul avec les historiens soviétiques. Saarbrücken, Éd. univ. européennes, 2017.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антипина 2005 — *Антипина* В. А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы. Москва, 2005.

Бурдые 2005 — *Бурдые* П. Поле науки // Социология под вопросом. Социальные

науки в постструктуралистской перспективе: альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. 2005.

Вершинина, Фадеева 2012 — *Вершинина Д.Б., Фадеева Л.А.* Кертмановский колорит англоведения // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. № 2.

Гумилев 1989 — *Гумилев* Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Ленинград, 1989.

Дунаева 2021 — *Дунаева* Ю. В. Историография и история Французской революции 1789 г. в современной литературе. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. 2021. № 2.

Каганович 2014 — *Каганович* Б. С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. Санкт-Петербург, 2014.

Колчанова 2017 — *Колчанова* Ю. С. «Не личная выгода меня держала здесь...» Жизненные миры советских инженеров в 1930-е годы: монография. Пермь, 2017.

Ленин 1972 — *Ленин* В. И. Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии) / В. И. Ленин Полн. Собр. Соч., Т.8. Сентябрь 1903 — июль 1904. Москва, 1972.

Лейбович 2012 — *Лейбович* О. Л. Законы исторических ситуаций Льва Кертмана // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. № 2.

Рожков 2014 — *Рожков* А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. Москва, 2014.

Элиас 2002 — *Элиас* Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. Москва, 2002.

REFERENCES

Antipina V. A. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskikh pisatelej*. 1930–1950-e gody. Moscow, 2005.

- Burd'e P. *Pole nauki // Sociologiya pod voprosom. Social'nye nauki v poststrukturalistskoj perspektive: al'manah Rossijsko-francuzskogo centra sociologii i filosofii Instituta sociologii Rossijskoj akademii nauk.* 2005.
- Dalin V.M. *Grakkh Babef na kanune i vovremya Velikoj francuzskoj revolyucii (1785–1794).* Moscow, 1963.
- Dunaeva YU. V. *Istoriografiya i istoriya Francuzskoj revolyucii 1789 g. v sovremennoj literature. (Obzor).* Moscow, 2021.
- Elias N. *Die höfische Gesellschaft. Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie.* Moscow, 2002.
- Ioannisyanyan A.R. *Kommunisticheskie idei v gody Francuzskoj revolyucii.* Moscow, 1966.
- Gumilev L.N. *Etnogenez biosfera Zemli.* Leningrad, 1989.
- Kaganovich B.S. *Evgenij Viktorovich Tarle. Istorik i vremya.* St. Petersburg, 2014.
- Kolchanova YU. S. «Ne lichnaya vygoda menya derzhala zdes'...» *ZHiznennyye miry sovetskikh inzhenerov v 1930-e gody.* Perm, 2017.
- Lejbovich O.L. *Zakony istoricheskikh situacij L'va Kertmana // Vestnik Permskogo universiteta.* Seriya: Istoriya. 2012.
- Lenin V.I. *SHag vpered, dva shaga nazad (Krizis v nashej partii)* Moscow, 1972.
- Manfred A.Z. *Napoleon Bonapart.* Moscow, 1989.
- Pogosyan V.A. *Istoriki Francuzskoj revolyucii.* Moscow, 2019.
- Poghosyan V. *La correspondance d'Albert Soboul avec les historiens soviétiques.* Saarbrücken, Éd. univ. européennes, 2017.
- Rozhkov A. YU. *V krugu sverstnikov: ZHiznennyj mir mladogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-h godov.* Moscow, 2014.
- Vershinina D.B., Fadeeva L.A. *Kertmanovskij kolorit anglovedeniya // Vestnik Permskogo universiteta.* Seriya: Istoriya. 2012. № 2.

«ДВУМ БОГАМ СЛУЖИТЬ НЕЛЬЗЯ...».

Интервью с А. С. Усачевым

Ведущий специалист в области истории древнерусской книжности XVI в. Андрей Усачев рассказывает о специфике изучения книжности эпохи Ивана Грозного и отвечает на вопрос о том, можно ли сохранить масштабность и глубину занятий наукой при продвижении по административной карьерной лестнице.

Ключевые слова: история России эпохи Средневековья и раннего Нового времени, источниковедение, историография, Иоанн IV Грозный, митрополит Московский и всея Руси Макарий, Степенная книга, книжная культура Средневековой Руси, История Русской церкви

Сведения об авторе: Усачев Андрей Сергеевич — доктор исторических наук, доцент, профессор РАН, профессор кафедры истории и теории исторической науки Российского государственного гуманитарного университета, профессор кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений МИД России.

Контактная информация: asuuas1@mail.ru

Автор более 200 работ. Основные публикации: Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. 760 с.; Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 1–2. М.; СПб., 2018; «Старость глубокая» в XIV–XVI вв.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 1 (55). С. 58–68; Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // Российская история. 2017. № 5. С. 97–113; О возможных причинах начала книгопечатания в России: предварительные замечания // Canadian-American Slavic Studies. 2017. Vol. 51, № 2–3. P. 229–247; Вологодский епископ Антоний и Русская Церковь в период борьбы за власть при дворе в середине 1580-х гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 136–146; Книгописание и проблемы социально-экономического развития в России XVI в. // Российская история. 2019. № 6. С. 180–201; А. Н. Насонов, Д. М. Петрушевский и отечественная медиевистика в 20–30-е годы XX века // Средние века. 2020. Т. 81(4). С. 56–86; Писцы рукописных книг и внутренние миграции в России XVI века // Труды ОИФН РАН. 2020. М., 2021. Т. 10. С. 146–197; Восприятие центральных светских и духовных властей переписчиками книг в XVI в. (по материалам выходных записей) // Российская история. 2021. № 5. С. 32–47; Епископат и военно-

служилая знать в России XVI в. // Российская история. 2022. № 4. С. 3–17; Монастырские библиотеки и состав церковной элиты в России XVI века // Кирило-Методиевские студии. София, 2022. Кн. 32: Манастирски библиотеки в южнославянските земи и Русия през XIV–XVI век. Доклади от Международната научна конференция 26–28 април 2021 г. С. 351–370.

“IT IS IMPOSSIBLE TO SERVE TWO MASTERS...” Interview with A. S. Usachev

Leading specialist in the history of medieval Russian literature Andrey Usachev talks about the specifics of studying the bookishness during the era of Ivan the Terrible and answers the question of whether it is possible to maintain the scale and depth of science classes while moving up the administrative career.

Keywords: the History of Russia of the Middle Ages and Early Modern Times, Source Studies, Historiography, John IV the Terrible, Metropolitan of Moscow and All Rus Makarii, The Book of Degrees, Book Culture of Medieval Russia, History of the Russian Church

About the author: Usachev Andrey — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Historical Science of the Russian State University for the Humanities, Professor of the Department of World and National History of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Contact information: asuuas1@mail.ru

Беседовала М. Ю. Андрейчева

М. А.: В каком возрасте Вы осознали, что Вам интересна история и были ли какие-то предпосылки внутри семьи, которые направили бы Вас? Или, может, были в школе какие-то обстоятельства, которые сподвигли Вас выбрать профессию историка?

А. У.: Наверное, как и любому мальчику детсадовского возраста, младшего школьного возраста мне были интересны книжки. Прежде всего — книжки про войну. Об истории я тогда не думал. Ребенок я был шумный и, бывало, маме мешал ехать в метро. И чтобы как-то прервать мою детскую болтовню, мама читала мне книжки. А что читать мальчику? Конечно, про войну. Разумеется,

начали с рассказов о Великой Отечественной войне. Затем был Валентин Пикуль с его романами об эпохе дворцовых переворотов. Потом мы с мамой переключились на книги по древнерусским князьям, посвященные русско-татарской тематике, романы Василия Яна. Так сложилось, что романы, посвященные Средневековой Руси, мне понравились больше, чем книжки, связанные с историей XVIII–XX веков.

В классе шестом-седьмом мой одноклассник раздобыл где-то книгу известного историка Александра Александровича Зимина «Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети

XVI века». Она стала первой научной книгой, которую я прочитал. До сих пор помню ее содержание. Я еще не знал тогда, кто такой Зимин: на тот момент мне было 12–13 лет.

Потом, став постарше, я познакомился с работами Льва Николаевича Гумилева. Тогда его книги как раз набирали популярность. На дворе было самое начало 90-х. Это, конечно, специфическое чтение с точки зрения исторической науки. Но в те годы «От Руси к России», «Древнюю Русь и Великую степь», «Поиски вымышленного царства» я прочитал от и до («Этногенез и биосферу Земли» посмотрел намного позднее). Освоению этих книжек способствовали обстоятельства моей тогдашней жизни. Я учился в интернате на пятидневке. После занятий у нас была прогулка, а потом время самоподготовки с пяти часов до восьми вечера. В это время мы должны были делать уроки. И вот тогда я раскладывал историческую книжку под партой, а сверху клал учебник математики или физики. И углублялся в какой-нибудь роман Дмитрия Балашова или Василия Яна. Учителя, конечно, все видели и понимали, но не препятствовали моему чтению. В те дни я буквально глотал популярные книги по истории. Из них я узнал про источники, сведений о которых нельзя было встретить в учебниках по истории. Хотя, если честно, школьные исто-

рические учебники я читал мало. Конечно, все это дополнялось просмотром фильмов на историческую тематику. Это был и «Александр Невский», и «Даниил князь Галицкий», и фильмы о ВОВ и так далее.

Где-то с 8–9 класса мама, работавшая тогда на Гостелерадио, начала приносить взятые на работе на абонемент книги из его библиотеки. В них я черпал свои знания по русской средневековой истории. Когда я закончил восьмилетнюю школу, у меня уже не было сомнений в гуманитарном направлении своих интересов. Я поступил в Исторический колледж «Ирмос». Там в течение двух лет нам углубленно преподавали гуманитарные дисциплины. Я до сих пор общаюсь с некоторыми моими бывшими преподавателями из этого колледжа. Например, у нас преподавал известный специалист по русско-польским отношениям XVII века Геннадий Александрович Санин¹ и известный специалист-антиковед Андрей Михайлович Сморчков². Незабываемы были лекции по истории религий Бориса Григорьевича Якеменко³. Нас возили в экскурсии по древним городам. Особое внимание уделялось русской средневековой истории. Мы посетили Новгород, Владимир, Рязань, Звенигород, Львов, Киев.

М. А.: Куда Вы решили поступать после окончания школы?

¹ Санин, Геннадий Александрович — российский историк, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

² Сморчков, Алексей Михайлович — советский и российский историк-антиковед, исследователь истории и культуры Древнего Рима, римской религии. Доктор исторических наук, профессор. Профессор кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета

³ Якеменко Борис Григорьевич — российский историк, общественный деятель, политолог, доцент РУДН. Кандидат исторических наук.

А. У.: Когда встал вопрос о поступлении, передо мной возник выбор: Истфак МГУ или Историко-архивный институт РГГУ? Так как я вовремя не оформил документы, связанные с военкоматом, у меня не получилось подать документы для поступления в МГУ. В итоге я поступил в Историко-архивный институт на факультет истории, политологии и права. На этом этапе мой интерес к истории стал постепенно входить в формализованное профессиональное русло.

М. А.: **Расскажите, пожалуйста, о том, как сформировались Ваши научные интересы в ходе обучения в вузе?**

А. У.: В студенческие годы я специализировался на кафедре теории и истории исторической науки. Я и сейчас там работаю. Первоначально я занимался чисто историографическими темами. Под руководством Натальи Владимировны Иллерицкой в 2001 г. я написал дипломную работу, посвященную отображению Ивана Грозного в исторической литературе XIX–XX века. Однако тогда же меня потянуло и к конкретной, фактической истории. И на курсе четвертом-пятом я стал ходить на семинар, которым руководил очень известный специалист по русскому средневековью, долгие годы преподававший в Историко-архивном институте — член-корреспондент РАН Сергей Михайлович Каштанов. Он собирал студентов старших курсов, аспирантов, кандидатов наук. Нас было человек 10–12. На этих занятиях мы, как правило, обсуждали доклады друг друга. Некоторые выходы из этого семинара стали доста-

точно известными историками. Это и Тимофей Валентинович Гимон, и Константин Юрьевич Ерусалимский и некоторые другие.

Защитив диплом об образе Ивана IV в отечественной историографии XIX–XX вв., я решил уйти все-таки в область конкретной истории. И в итоге ушел в аспирантуру Института российской истории РАН. Меня познакомили с одним из самых известных специалистов по русской средневековой истории, Антоном Анатольевичем Горским. Под его руководством я начал специализироваться на секторе по истории Древней Руси, которым тогда и по сей день руководит Владимир Андреевич Кучкин. Одновременно я продолжал посещать семинар С. М. Каштанова.

М. А.: **Расскажите, пожалуйста, о Ваших первых научных публикациях? Как складывалась Ваша исследовательская деятельность в аспирантуре ИРИ РАН?**

А. У.: Первые мои публикации появились еще в студенческие годы, и ими я очень гордился. Моя самая первая статья вышла в журнале исторического колледжа «Ирмос». Это был фрагмент моей дипломной работы. Далее были две маленькие заметки к конференции «Россия в Новое время», которую проводил наш факультет.

Это были 1998–1999 годы. Ну а первые две большие статьи по мотивам диплома появились в журналах «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» и «Общественные науки и современность» в 2001–2002 гг.

Ссылки на эти работы (особенно на вторую) до сих пор встречаю в Российском индексе научного цитирования. Опубликованная в одном из первых номеров «Древней Руси» статья прошла серьезное рецензирование и помогла мне поступить в аспирантуру ИРИ РАН в 2001 г.

В институте при секторе по изучению Древней Руси я специализировался по теме, которая была на грани трех проблемных полей: конкретная история, историческая мысль и источниковедение. Подготовленная мной кандидатская диссертация была посвящена особенностям восприятия Руси домонгольского времени в исторической мысли XVI века. Основными источниками по теме послужили «Степенная книга», «Летописец начала царства», Воскресенская, Никоновская летописи, «Казанская история» и некоторые другие памятники. В 2004 году я защитил кандидатскую диссертацию.

М. А.: Вы довольно продолжительное время работали в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Отразилась ли эта работа на Ваших научных изысканиях?

А. У.: Я поступил на работу в Отдел рукописей Российской государственной библиотеке в читальный зал в последние месяцы аспирантуры в самом начале июня 2001 г. В это время я полгода еще шлифовал текст диссертации, приходил за два часа до открытия Отдела рукописей и уходил после восьми часов вечера. До 10.00 я занимался диссертацией, потом выполнял служебные обязанности, а затем еще два часа занимался своей научной работой. Бывали из-за

этого и проблемы с охраной. Один раз меня даже заперли в отделе. Пришлось звонить на центральный пост охраны, чтобы меня выпустили.

После получения диплома о защите диссертации в 2005 г., я устроился в научное подразделение РГБ, в Отдел книговедения, где проработал почти 5 лет — до осени 2010 года. Там я собрал материалы для докторской диссертации, неразрывно связанной с кандидатской. В ней я сосредоточился на книговедческой тематике. Тему помог мне сформулировать заведующий нашим Отделом, ныне покойный Михаил Михайлович Панфилов. Звучала она так: «Степенная книга в контексте книжной культуры Московского царства». На основании изучения этой темы в 2009 году я подготовил монографию «Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария». В ней я рассмотрел уже весь текст данного памятника, углубившись в политический, идейный и книговедческий контекст, а также привлек примерно полторы сотни прочих памятников древнерусской литературы XI–XVII веков. На материале рукописей Чудова монастыря, тесно связанного с митрополичьей кафедрой, изучил процесс работы крупного скриптория этой поры, связи различных книжных центров того времени. Чтобы изучить филигранные бумаги, на которой были созданы древнейшие списки Степенной книги, я просмотрел в нескольких архивохранилищах примерно полторы сотни датированных рукописей и подлинники нескольких десятков актов.

Попутно я издал несколько источников, связанных с Степенной кни-

гой: два малоизученных памятника о князе Владимире — специальную редакцию «Жития князя Владимира» и «Похвалу» ему. Исследователи XIX–XX века упоминали их в своих работах, но полностью они не были изданы. Теперь же полный их текст был опубликован в «Вестнике церковной истории». Была также издана 3-я редакция «Жития митрополита Ионы», которой раньше занимался В. О. Ключевский, издавший лишь небольшой фрагмент памятника.

В поисках решения своих научных вопросов и гипотетических источников «Степенной книги» я обратился к изучению памятников суздальской и владимирской агиографии, и, в частности, к деятельности известного суздальского книжника Григория, жившего и работавшего в середине — второй половине XVI в. Я издал созданные им Жития Иоанна Суздальского и Козьмы Яхромского. Одновременно я пытался выяснить, была ли связь между этими памятниками и «Степенной книгой» и пришел к отрицательным выводам. Наверное, самым большим моим научным разочарованием в годы работы в Ленинке было обнаружение неизданного сочинения 1909 года студента Московской духовной академии, Николая Федоровича Околовича, судя по всему, происходившего из западных губерний Российской империи. Так как архив Московской духовной академии хранится в Отделе рукописей РГБ, мне кто-то предложил на всякий случай посмотреть этот фонд. К своему ужасу, я обнаружил сочинение, специально посвященное источникам «Степенной книги», прежде всего ее начальной части. В нем я обнаружил почти

треть новизны своей кандидатской диссертации. Что мне оставалось? Только покаяться перед исследователями в том, что я пропустил эту работу, невольно присвоив выводы ее автора, и издать ее со своими комментариями. Работа была опубликована в 2007 г. в замечательном издательстве «Альянс-Архео», с которым я сотрудничаю до сих пор. Сейчас ее полный текст размещен в открытом доступе в интернете на моей странице на Academii.

Еще одно разочарование меня постигло, когда я посмотрел также хранящийся в Отделе рукописей РГБ неизданный «Словарь церковных писателей» известного костромского краеведа первой половины XIX века Михаила Диева. Оказалось, что в своем неизданном сочинении он предвосхитил некоторые наблюдения крупнейшего специалиста по «Степенной книге» начала XX века Платона Григорьевича Васенко, на которого я во многом опирался. В результате я издал на страницах «Археографического ежегодника» фрагмент этого словаря, а именно — фрагмент о митрополите Афанасии, который руководил работами по созданию «Степенной книги».

М. А.: Вы в 32 года защитили докторскую диссертацию, став одним из самых молодых докторов наук. Как складывалась Ваша научная деятельность в дальнейшем?

А. У.: Закончив докторскую, посвященную истории древнерусской книжности Московского царства в эпоху митрополита Макария, я задался вопросом о том, что же все-таки происходило за пределами узкого

круга книжников, которые группировались вокруг Всероссийской кафедры. Что происходило в книжной культуре в целом? Ограничивалось ли производство книг крупными книжными центрами, или это было более широкое явление?

Для расширения контекста рассмотрения этой проблемы, я обратился к «Словарю книжников и книжности Древней Руси» и, конечно, многотомной фундаментальной публикации «Книжные центры Древней Руси». Последняя работа посвящена именно крупным книжным центрам, число которых было невелико: порядка полутора десятков. Я задался вопросом, что происходило за пределами этих крупных центров?

В поисках ответа я решил собрать сведения о тех рукописных книгах, которые имеют специальные записи о переписке книг — так называемые *выходные записи*, в которых сообщалось где, когда, по заказу каких лиц и на каких условиях были переписаны те или иные книги. Системно на материале XVI вв. этим никто не занимался. Это связано с тем, что речь идет об огромной источниковой базе — в архивах хранится приблизительно 12–14 тыс. рукописей этой эпохи. Поиски датированных манускриптов я вел примерно в сорока архивохранилищах Москвы, Санкт-Петербурга и еще полутора десятков несколько менее крупных российских городов (Новгород, Ярославль, Кострома, Владимир и др.). Сначала в московских библиотеках были рассмотрены несколько тысяч справочников XIX–XXI веков, а затем работа шла уже непосредственно в архивах. Ранее исследователи

высказывали предположение о том, что из общего массива рукописных книг за период Средневековья около 5–10% являются датированными. В целом это наблюдение подтвердилось: таких рукописей XVI века мне удалось обнаружить 734 — приблизительно 6–7% от их общего числа. Полные тексты их выходных записей я издал во втором томе своего двухтомника 2018 г. «Книгописание в России XVI века». В своей совокупности ранее исследователями они еще не рассматривались.

М. А.: К каким выводам Вы пришли в ходе их изучения?

А. У.: Итоги обобщения этого материала привели меня к интересным выводам, которые во многом расходились с общепринятой картиной истории книжной культуры этой поры. Изучая ее, я сосредоточился на текстах выходных записей 734 привлечённых рукописей (с примерно 97% я работал непосредственно, сведения об остальных были взяты из различных справочников). Особое внимание я уделил социальным аспектам книжной культуры.

Систематизировав материал о местах переписки, я пришел к выводу, что рукописи переписывали не только приблизительно в полутора десятках книжных центров, но в гораздо большем числе обителей. По моим подсчетам, это примерно 92 монастыря. О существовании некоторых из них (например, костромского Шеренского), честно говоря, ранее я даже и не знал. Помимо Москвы, Новгорода и Пскова книги переписывались по меньшей мере еще в 34 городах страны (Шенкурск,

Каргополь, Котельнич, Старая Русса и прочие). Удалось выявить десятки книг, переписанных в сельских приходах. По моей просьбе коллега Алексей Анатольевич Фролов нарисовал карту, отразившую общую географию книжных центров. Она вошла приложением в книгу. Получилось, что география книгописания охватывает всю страну. По количеству сохранившихся книг на первом месте — Москва и ближнее Подмосковье, северо-запад страны (Новгород и Псков), Вологда и Белозерье, Поморье и другие места.

М. А.: Каковы Ваши выводы касательно социального состава писцов?

А. У.: Социальный портрет писца также оказался неожиданным: лишь примерно каждый четвертый из писцов являлся иноком, примерно четверть составляли представители белого духовенства (прежде всего те, кто стоял на низших ступенях иерархии — дьяконы и дьяки). То есть представители духовенства переписали лишь около половины рукописных книг. Другую половину переписали светские лица сравнительно низкого статуса (монастырские слуги, слуги представителей политической элиты, пушкарки и иные). Заказчиками чаще всего выступали представители церковной элиты, как правило, настоятели монастырей. Но не только. Это могли быть авторитетные иноки, представители светской элиты, среди которых были не только члены Боярской думы вроде князей Воротынских, но и сравнительно мелкие служилые люди (например, Априлевы и Скрябины). Результаты своей работы я обобщил

в двухтомнике, который вышел через 9 лет после издания моей большой монографии по «Степенной книге». По иронии судьбы на реализацию этих двух больших проектов у меня ушло примерно одинаковое время — по 9 лет работы. Я надеюсь, что эта же периодичность сохранится в моей научной судьбе, и еще через 9 лет я опубликую новую книгу.

М. А.: Когда этот год наступит?

А. У.: Ну, если отсчитывать от 2018 года, когда я издал свою вторую книгу, то это будет 2027 год. Но, надеюсь, все-таки ранее.

Когда вы погружаетесь в какой-то материал, то на горизонте появляются контуры уже какой-то новой темы. Порой приходится себя одергивать, заканчивая предыдущую. Из «выросших» из «Книгописания в России» тем самой близкой для меня стала церковная элита. Конечно, когда я занимался заказчиками, приходилось обращаться к фактам их биографии, статусу, материальному положению, их связям с представителями политической элиты.

Мне стало интересно разобраться, как был устроен мир церковной элиты. В России раннего Нового времени параллельно действовали две системы управления: церковная и светская. Их сосуществование и взаимная поддержка обеспечивали известную прочность государственного устройства страны еще достаточно рыхлого в политико-административном отношении. И тут я столкнулся с тем, что представители политической элиты достаточно хорошо изучены в трудах Степана

Борисовича Веселовского, Владимира Борисовича Кобрин, Александра Александровича Зимина, Владислава Дмитриевича Назарова, Андрея Павловича Павлова и других исследователей. А церковная элита как некий цельный феномен не изучалась вообще. А ведь это — ни много ни мало — порядка 120 иерархов Русской церкви за один только XVI в., а также сотни настоятелей крупных монастырей и влиятельных соборных старцев.

М.А.: Помимо занятия наукой Вы еще и преподаете. Однако при этом считаете себя кабинетным ученым. За счет чего Вам удавалось реализовать свои научные планы? Это была какая-то грантовая история?

А.У.: Моя научная карьера началась с аспирантуры в секторе изучения истории Древней Руси в Институте российской истории РАН. Как правило, в академическом институте ты занимаешься узкой научной проблематикой. А преподавание в вузе дает определенную широту взгляда на исторический процесс, на явления, периоды, дает возможность заглянуть в другие дисциплины. Это, безусловно, помогает в научном исследовании.

Поэтому, с моей точки зрения, ученый должен являться специалистом многопрофильным. Он должен иметь возможность, в том числе и финансовую, вести фундаментальные научные исследования. С другой стороны, он должен иметь возможность транслировать результаты своих исследований, прежде всего, студентам и более широкой аудитории. Хотя, скажу честно, первое в моей деятельности преобладает над вторым.

За примерно 21 год своей научной деятельности я получил примерно 10 грантов (проигранных заявок, впрочем, больше). В моем активе гранты РГНФ, РФФИ, три президентских гранта (два — молодым кандидатам наук, один — докторам наук). Сейчас я активно работаю по гранту Российского научного фонда. В рамках проекта № 20–18–00218 «Институты управления Русской церковью в XVI в.» я занимаюсь церковной элитой. Руководжу научным коллективом, в который входят около десятка как уже состоявшихся исследователей, так и аспиранты, студенты. Это дает и дополнительную финансовую поддержку, и стимулы, облегчающие научные изыскания. Но грант рассчитан на три года, и поднять за это время на серьезном уровне тему с нуля нельзя. Нынешней темой с разной степенью интенсивности я начал заниматься в 2013 году, а грант получил только в 2020 году. Я собираюсь подать заявку на продление моего проекта. Хотелось бы пожелать, чтобы таких фондов как РНФ в России было значительно больше. Это бы заметно расширило спектр возможностей исследователей.

М.А.: Напоследок я бы хотела задать такой приятный вопрос, как награды и поощрения. Насколько мне известно, в свое время Вы стали одним из самых молодых докторов наук, награжденных премией Президента РФ. Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.

А.У.: Поскольку наука со студенческой скамьи была для меня в приоритете, то первое такое поощрение своих изысканий я получил, когда

учился в Университете. За мою курсовую 4 курса мне присудили медаль Министерства образования за лучшую студенческую работу. Потом за монографию 2009 года мне присудили премию Российской библиотечной ассоциации, так как она была связана с историей книги, а в те годы я работал в Ленинке. Также я получил Макарьевскую премию по молодежной номинации. Но, пожалуй, самая серьезная премия, которую я получил — это была Премия Президента Российской Федерации, полученная мною за цикл работ по книжной культуре XVI века. Правда, я ее получил со второго раза — в 2013 году первым среди гуманитариев. Ранее ее получали лишь физики и химики. За свою вторую большую работу по книгописанию я получил Премию Правительства Москвы. Но надо сказать, что эти награды не про деньги, точнее не только про деньги. В конце концов, если заниматься не наукой, а чем-то иным, то за 8–10 лет можно заработать гораздо больше. Важна оценка труда на высоком уровне. Она очень важна для активно работающего учено-

го, которому порой кажется, что его научные занятия никому не нужны. Награда способствует укреплению мотивации и — к чему скрывать? — позиций в научном сообществе и на работе. Впрочем, здесь есть определенная грань, которую не всякий ученый готов перейти. Не скрою, что после награждения в Кремле главой государства на меня посыпались различные предложения относительно занятия крупных административных по своей сути позиций. Наверное, кто-то подобные предложения принимал. Наверное, кому-то удастся совмещать занятия наукой (сомневаюсь, что слишком активные) с административной работой. На данном этапе это не для меня. Двум богам служить нельзя. Самой яркой иллюстрацией этой истины является судьба, пожалуй, лучшего специалиста по истории Средневековой Руси XX века — Степана Борисовича Веселовского. Директора, деканы и ректоры приходят и уходят. А такие как Веселовский останутся. Навсегда.

М. А.: Спасибо за интервью!

«МОГЛА ЛИ РОССИЯ НЕ СТАТЬ САМОДЕРЖАВНОЙ?»

Интервью с С. Ю. Шокаревым

Видный специалист в области региональной истории, некрополистики и генеалогии Сергей Шокарев рассказывает о своем профессиональном пути и размышляет о том, была ли в далеком прошлом у России альтернатива самодержавию и как исторический выбор великого князя Ивана III в пользу единовластия сказался на будущем нашей страны.

Ключевые слова: москвоведение, краеведение, некрополистика, генеалогия, Сигурд Оттович Шмидт, история России в XV–XVII вв.

Сведения об авторе: Шокарев Сергей Юрьевич — кандидат исторических наук, главный редактор историко-краеведческого альманаха «Подмосковный летописец», ведущий научный сотрудник Сергиево-Посадского музея-заповедника, старший научный сотрудник Лаборатории древнерусской культуры ШАГИ РАНХиГС. Автор более 200 печатных работ, в том числе более 10 книг.

Контактная информация: shokarevs@yandex.ru

Основные публикации: Знаменитые российские фамилии. М.: РОСМЭН, 2004. 344 с., илл.; «...Он жил тогда на Никитском бульваре...». Гоголь в Москве / Отв. ред. В. П. Викулова. М.: Новосибирский издательский дом, 2012. 144 с. (соавт. Д. А. Ястржембский); Повседневная жизнь средневековой Москвы. М.: Молодая гвардия, 2012. 475 с., илл.; Смутное время в Москве. М.: Вече, 2013. 302 с.; Путеводитель по средневековой Москве. М.: Центрполиграф, 2014. 448 с.; Источники по истории московского некрополя XII — начала XX в. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 488 с., ил.; Андрей Большой Углицкий. Судьба и эпоха. Углич: Угличе Поле, 2022. 424 с., 12 л. фотогр., карта

«COULD RUSSIA NOT BECOME AUTOCRATIC?» Interview with S.Yu. Shokarev

A prominent specialist in the field of regional history, history of necropolis and genealogy, Sergei Shokarev talks about his professional path and reflects on whether there was an alternative to autocracy in the distant past of Russia and how the historical choice of Grand Duke Ivan III in favor of autocracy affected the future of our country.

Keywords: Moscow studies, local history, necropolis studies, genealogy, Sigurd Ottovich Schmidt, history of Russia in the 15th–17th centuries.

About the author: Shokarev Sergey — Candidate of Historical Sciences (PhD), chief editor of the local history almanac «Podmoskovnyj letopisec» («Annalist of the Moscow region»), Leading Researcher of The Sergiev Posad Museum-Preserve, senior researcher at the Labora-

tory of Old Russian Culture SASH RANEPА. Author of more than 200 publications, including more than 10 books.

Contact information: shokarevs@yandex.ru

Беседовала М. Ю. Андрейчева

М. А.: Вы интересовались Вашими предками, историей Вашей семьи?

С. Ш.: Мне в отношении семейной памяти повезло. В семье всегда хранились и устная память о предках, и вещественная: фотографии, документы, вплоть до дипломов моего прадеда-врача на разные ордена в Русско-японской войне. В доме сохранились также живописные и графические работы моего прапрадеда-художника, жившего во второй половине XIX века, — довольно известного московского иконописца, академика живописи Василия Вячеславовича Шокарева. Много фотографий, например, моей прабабушки, учительницы Татьяны Петровны Кулагиной, сосланной в Пинегу за революционную деятельность в конце XIX в. Я рос в атмосфере семейной истории. Все всё знали о своих предках и друг другу рассказывали. По всем линиям никаких белых пятен не было. Я думаю, что эта семейная память сформировала мой интерес к истории.

М. А.: Как глубоко Вам известны Ваши корни?

С. Ш.: Я довольно много занимался коммерческой генеалогией, сделал несколько больших проектов, которыми могу гордиться. Но своей собственной родословной начал специально заниматься относительно недавно и не могу похвастаться какими-то глубокими корнями.

Я знаю, что мои предки по мужской линии жили в Москве с 1848 года. Как раз с того момента, когда семья моего прапрадеда-художника Василия Вячеславовича переехала в Москву (видимо, из Подмосковья). По этой линии я состою в родстве с историком и филологом XIX в. Федором Ивановичем Буслаевым, но пока не могу уточнить, в какой степени. По другой линии — где есть дворянские корни — мне удалось найти дело в Российском государственном историческом архиве. Это род Нациевских, очевидно, польского происхождения. Мой предок, прапорщик Александр Гаврилович Нациевский, был участником Бородинской битвы, ранен в сражении под Малоярославцем. Первые сведения об этом роде обнаруживаются в конце XVIII столетия. Это самая дальняя точка, до которой мне удалось дотянуться. Как я уже говорил, в доме есть хороший архив, и я немало знаю о своем прадеде Давиде Владимировиче Розенберге, который служил врачом, был участником Русско-японской войны. Недавно я выяснил, что его могила в Николаеве (он умер в 1934 г.) сохранилась на городском кладбище. Теперь трудно надеяться, что я когда-нибудь ее увижу, но хотелось хотя бы, чтобы могилу прадеда не разбомбили российские войска. По линии матери мои предки — в основном крестьяне. Линии рода уходят в Подмосковье и в Рязанскую губернию. По рязанской линии мне удалось, подключив профессиональные

навыки, уточнить историю рода вплоть до начала XIX столетия, найти предка, давшего происхождение фамилии Харитоновых. Интересным человеком был другой мой предок, прадед по материнской линии, Михаил Александрович Ярцев, — старый большевик, который после революции вышел из партии. Это не спасло его от ареста и обвинений во вредительстве, но — удивительное дело! — он был оправдан по суду, за недостаточностью улик (в 1939 г.). Сейчас я по возможности при помощи коллег стараюсь больше узнать о моих предках, среди которых были представители почти всех сословий дореволюционной России — дворяне, мещане, духовенство и крестьяне.

М. А.: Когда в Вас пробудился интерес к истории? Когда Вы поняли, что хотите получить историческое образование, и что на Вас в этом плане оказало наибольшее влияние?

С. Ш.: Наверное, на меня повлияли несколько факторов и в первую очередь — семейная память. Когда ты живешь в доме, где на стене висит портрет прадеда, написанный рукой твоего прапрадеда, это помогает лучше понять, что такое история. Ко всему прочему я являюсь потомственным историком. Мой отец — известный историк оружия Юрий Владимирович Шокарев. Он много лет работал в Государственном историческом музее в отделе оружия, затем руководил отделом оружия, и я с детства довольно часто бывал у папы на работе. Естественно, бывал в музейном хранении, держал в руках разное старинное оружие, играл в солдатиков Александра II, которые

изображали российскую и французскую армии 1812 года. В результате в четырнадцать лет я понял, что мне очень нравится история, нравится читать летописи и другие древнерусские тексты. Дома в «Библиотеке всемирной литературы» была книга под названием «Изборник» — сборник произведений литературы Древней Руси, подготовленный Дмитрием Сергеевичем Лихачевым в 1970-е годы. Эту книгу я практически до дыр зачитал в свои отроческие годы и понял, что хочу стать историком. Так это постепенно и определилось. Меня также стали привлекать папины исторические книги. Так я и пошел по исторической части. Папа, конечно, хотел, чтобы я стал историком оружия, сформировал семейную династию исследователей оружия, но меня больше интересовали люди, чем материальная культура. В итоге весь мой опыт работы с памятниками материальной культуры был связан с тем, что я всегда в них искал антропологическую составляющую.

М. А.: Когда Вы определились с интересующей Вас профессией, выбрали ли Вы куда поступить? Почему Вы в итоге остановили свой выбор на Историко-архивном институте?

С. Ш.: Это было определено в какой-то степени моим семейным и дружеским кругом. Разные люди посоветовали мне поступать на только открывшийся музейный факультет Историко-архивного института. Я поступил на этот факультет, и в первый же год моего обучения институт был переименован в Российской государственной гуманитарный университет. Так что я имею профессиональное музейное образо-

вание, много работал в разных музеях, например, в Музее Москвы, где я подготовил публикацию собрания надгробий XVI—XVIII вв. Я и в настоящее время работаю в музее — Сергиево-Посадском государственном музее-заповеднике, где в прошлом году мы с коллегами создали выставку «Царственный богомолец: Иван Грозный и Троице-Сергиев монастырь». На мой взгляд, она получилась интересной, удалось представить характер царя и события его царствования через взаимоотношения монарха с Троицкой обителью.

М. А.: Во время учебы в вузе, были ли преподаватели, которые повлияли на Ваш выбор научной специализации?

С. Ш.: Я учился на заочном отделении и, одновременно, работал лаборантом в Центральном музее древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Это было мое первое место работы. Там я познакомился с Владимиром Фотиевичем Козловым — знаменитым москвоведом, председателем Московского краеведческого общества и Союза краеведов России. Он тогда тоже работал в музее Рублева, являясь заведующим комплексным отделом. Как-то я к нему подошел и сказал, что интересуюсь некрополистикой и хотел бы заниматься полевыми работами, описывая некрополи. На это Владимир Фотиевич сказал, что мне необходимо познакомиться с Сигурдом Оттовичем Шмидтом, и дал мне его телефон. К тому моменту я уже знал, что речь идет о выдающемся историке, какой-то колоссальной величине, глыбе. Я ему позвонил, робко представился, и Сигурд Оттович

пригласил меня для разговора к себе в Институт российской истории РАН. Я к нему пришел, и он со своим невероятным очарованием меня принял, обласкал, провел мне экскурсию по кабинетам Археографической комиссии, показал мне стол и кресло М. Н. Тихомирова. С этого момента, благодаря Владимиру Фотиевичу Козлову и Сигурду Оттовичу Шмидту, сложился мой профессиональный интерес к некрополю. Он может показаться странным, такой пристальный интерес к похоронам и покойникам. Но ведь вся историческая наука — это изучение деятельности людей, которые уже ушли. Некрополистика и танатология — это важные научные направления, они касаются значимых проблем, в том числе смертности человека и общей смертности человечества, а в более узком смысле — твоей личной судьбы, которая ожидает тебя за гробом. Поэтому многие мои начинания с середины 1990-х годов так или иначе были связаны с изучением некрополя.

М. А.: В студенческие годы Вы начали заниматься некрополем, и эта работа воплотилась в диплом?

С. Ш.: Совершенно верно. Диплом назывался «Некрополь в музейной деятельности» и был началом моей диссертации, там уже было много источниковедения. Еще когда я продолжал учиться в университете, Сигурд Оттович привлек меня к одному интересному издательскому проекту. Была найдена рукопись 1916 года малоизвестного тогда автора, краеведа и писателя Алексея Тимофеевича Саладина «Прогулки по московским кладбищам». Эта рукопись долгие годы лежала без движения. Ее

обнаружил старший ученик Шмидта Андрей Васильевич Иванкив. Он в какой-то момент ушел в другую сферу, сказав, что ею больше заниматься не будет. Тут подвернулся молодой студент, то есть я. И Шмидт предложил мне подготовить эту книгу к печати. Я прошелся по маршруту Саладина. Половины кладбищ, которые он описал, к тому моменту уже не существовало, но вторую половину я обошел ногами и прокомментировал современное состояние этих некрополей. Это было в 1996 году, спустя 80 лет после написания этой книги. В следующем 1997 году, когда был юбилей Москвы, эта книга вышла с названием «Очерки истории московских кладбищ». Эта очень ценная книга является классикой московской некрополистики. Так, благодаря моей дипломной работе и книге Саладина, сформировался мой интерес к истории некрополя. В итоге я сказал Сигурду Оттовичу, что хочу поступать в аспирантуру. А он всегда и всем выпускникам рекомендовал поступать в аспирантуру. Даже тем, кто вообще не собирался это делать. Мне он тоже посоветовал это сделать. Я же долго не мог определиться: колебался между своими интересами к генеалогии (в основном дворянской) и к некрополю. В итоге чаша весов склонилась к последней теме, и я написал классическую источниковедческую работу по истории московского некрополя. Потом, спустя почти двадцать лет, я ее сильно переработал и в 2019 году издал в виде книги «Источники по истории московского некрополя XII — начала XX вв.».

М. А.: Помимо научного изучения некрополя, у Вас есть еще такой

интересный проект, как журнал «Подмосковный летописец». С чего началось его издание, и какие у Вас планы на его дальнейшее развитие?

С. Ш.: Во времена моей учебы в аспирантуре Владимир Фотиевич Козлов, который к тому времени стал заведующим кафедры региональной истории и краеведения Историко-архивного института, пригласил меня на свою кафедру преподавать. И вот как-то сидим мы на кафедре, заходит человек (тогда охрана в институте была лояльной и пускала всех) и говорит: «Помогите! Мы хотим издать журнал». Мы спросили: «Кто такие “мы”?» В ответ: «Правительство Московской области, Министерство печати Московской области». Идею журнала придумал заместитель министра Николай Павлович Синицын и отправил своего сотрудника к нам на кафедру — искать главного редактора. Тогда Владимир Фотиевич показал на меня и сказал: «Вот Вам главный редактор». Так в 2004 году я стал главным редактором этого историко-краеведческого альманаха. Я проработал в этой должности с небольшими перерывами вплоть до конца 2022 г., но сейчас, с нового года, журнал будет закрыт. Таким образом, он просуществовал 18 лет, что довольно много для краеведческого издания.

В общей сложности мы издали 74 номера (по 4 выпуска в год). Это — научно-популярный журнал, где много публиковалось новых материалов, архивных, многое впервые вводилось в научный оборот. Большинство статей оформлялось с системой сносок, но не отвергались и статьи краеведов, лишённые строгого на-

учного аппарата. Поскольку журнал всегда был красочный, на хорошей бумаге, то важное место занимало обеспечение его хорошими иллюстрациями. И это правильно, ведь краеведение должно быть привлекательным внешне, интересным. У нас не получилось стать действительно популярным изданием, как, например, «Дилетант», рассчитанный на широкую аудиторию. Не было авторов, умеющих размашисто писать о прошлом. Наши авторы — это люди, которые сидят в провинции и занимаются краеведением. Учитывая весьма скромные гонорары, понятно, что по-другому и быть не могло. Зато удалось познакомиться с огромным количеством замечательных подмосковных историков. Мы только что сдали в печать четвертый, последний в году и, как оказалось, последний в истории журнала, номер. В него вошли несколько прекрасных материалов, и, наконец, воплотилась моя давняя идея — опубликовать статью об отце Александре Мене. Она с очень хорошими иллюстрациями, с фотографиями из семейного архива. Я думаю, что этот материал будет интересный.

М. А.: Каково Ваше мнение о подмосковном краеведении как направлении?

С. Ш.: К сожалению, у него не сложилось единой организационной структуры. Существуют люди на местах, есть мощные исследователи, такие как Александр Послыхалин во Фрязино или Евгений Голоднов в Орехово-Зуево. Есть целое «краеведческое гнездо» в Коломне. Это — известный историк и археолог, доктор исторических наук Алексей Борисович Мазу-

ров, историки из Социально-гуманитарного университета Нисон Семенович Ватник, Павел Владимирович Галкин, Александр Юрьевич Никандров, Лилия Нисоновна Соза, другие коломенские историки — Евгений Львович Ломако, Валерий Альбертович Ярхо. Существуют несколько активных краеведческих обществ, которые можно перечислить буквально по пальцам. Луховицкое краеведческое общество, которое возглавляет Андрей Александрович Шаблин, вокруг которого сложилась целая плеяда профессиональных историков-краеведов. Есть мощные общества в Можайске, Видном, Домодедово, Пушкино. Где-то центрами краеведческой деятельности являются музеи (Лыткарино, Вяземы, Звенигород, Мураново) или библиотеки (например, Волоколамск, Клин), активную деятельность осуществляет Солнечногорское отделение ВООПИиК. Кого-то я сейчас, возможно, забыл. Но в других местах никакой активной общественной работы не ведется. Везде очень разный уровень. Где-то люди профессионально не вытягивают исследования в области региональной истории и краеведения. Однако нужно констатировать факт, что какой-то краеведческой деятельности на уровне всей области в целом просто не существует.

М. А.: Насколько мне известно, в рамках Вашей работы в Институте наследия имени Д. С. Лихачева Вы занимались изучением культурных объектов Чукотки. Расскажите об этом, пожалуйста.

С. Ш.: Моя работа по изучению памятников Чукотки связана с участием в Чукотской археологической

экспедиции. Я начал ездить на Чукотку в составе этой экспедиции в 2005 г. Ее начальник — известный археолог, специалист в области древнеэскимосских культур Кирилл Александрович Днепровский. Это были очень увлекательные путешествия и работа в достаточно сложных условиях, в первую очередь, климатических. Постепенно по мере того, как я ездил на Чукотку и участвовал в раскопках древних эскимосов, я задумался над тем, что надо бы исследовать эту территорию доступными мне методами. А поскольку я не археолог, а письменный историк, я начал заниматься историей береговой Чукотки в XX столетии, работал в архиве Чукотского автономного округа, прибегал к устной истории. В результате мои исследования сосредоточились вокруг истории легендарного эскимосского поселка Наукан, неподалеку от мыса Дежнева, жители которого являлись носителями особого науканского языка. В 1958 году этот поселок был закрыт, что стало трагедией для науканских эскимосов, до настоящего времени еще не забытой. Когда в 2016 году возникла идея выдвижения памятников археологии Дежневского массива (а там расположены три древних поселения, хронология которых охватывает все первое тысячелетие нашей эры) на международное признание, я принял участие в ее реализации. В настоящее время мы заканчиваем подготовку документов для выдвижения номинации «Памятники морских арктических зверобоев Чукотки» в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Она уже включена в предварительный список, однако, что будет дальше, сложно предсказать.

М. А.: Ваши научные изыскания не ограничиваются темой некрополя. У Вас есть еще работы, посвященные русской средневековой истории XV–XVI вв.

С. Ш.: Как исследователь я прошел определенную эволюцию. Я начал с исследования генеалогии дворянских родов. Однажды отец привел меня в библиотеку Государственного исторического музея, и мне было позволено в ней рыться. Это потрясающая библиотека, в которой содержатся собрания корифеев отечественной генеалогии с их рукописными пометами: Леонида Михайловича Савелова, Александра Александровича Сиверса. Здесь есть книги, которые были наполовину переделаны Сиверсом, то есть фактически являлись рукописями. Меня все это очень волновало: князья, бояре... Я составлял какие-то собственные научные труды, печатал их на машинке. Это все происходило в школьные и студенческие годы и было, конечно, на любительском уровне. В итоге я и сейчас продолжаю заниматься генеалогическими исследованиями, написал две популярные книги, посвященные российскому дворянству и изучению генеалогии. Уже около тридцати лет (с 1993 года) я являюсь членом Историко-родословного общества.

Благодаря С. О. Шмидту и В. Ф. Козлову, я оказался связан с москвоведением. Для меня это оказалось очень плодотворное направление, большую часть своей научной и организаторской деятельности я провел в москвоведении. Своим главным достижением в этой области считаю книгу «Повседневная жизнь средневековой Москвы», которую я напи-

сал по заказу издательства «Молодая гвардия». Создание этой книги было интересным опытом. Обычно повседневность сводится к классической триаде: пища, одежда, жилище. Дальше автор может до бесконечности рассказывать, как одевались и что ели люди в старину. И автору удобно, и читателю интересно: один, допустим, рыбный стол может занимать десятки страниц с рассказом, что за рыба, как ее готовили, где ловили и как привозили. А в этой книге получилось обойти эти расхожие темы. В ней повседневность дана через другие стороны жизни человека. Материалы представлены от крупного масштаба к мелкому: вначале мы видим город (внешний вид, размеры, топография, численность населения, характер расселения, управление, благоустройство, городские проблемы), потом — более частные вопросы (планировка и размер дворовладения, развлечения, криминал, здравоохранение, мусор), рассказывается о достопримечательностях средневековой Москвы (Царь-пушка, Царь-колокол, зверинец на Красной площади и т. д.). И, наконец, третий уровень — мы оказываемся уже в доме средневекового человека, говорится о его личной и семейной жизни — как было организовано время, как строились отношения в семье, любовь, сексуальная жизнь. Завершается повествование, естественно, некрополем, похоронными традициями, окончанием земной жизни. Эта книга была высоко оценена: она получила Макарьевскую премию — одну из самых значимых премий в исторической науке.

Но на этом роль москвоведения в моей судьбе не исчерпывается. Я десять

лет проработал в редакции «Московской энциклопедии». Это была большая и непростая организационная работа. В вышедшем шеститомнике с двенадцатью тысячами биографий есть мой вклад — как организационный, так и авторский. Сейчас я думаю, что даже слишком много писал туда статей (более двух сотен) и, наверное, лучше было бы искать авторов, чем брать этот труд в таком объеме на себя.

Главным редактором энциклопедии был Сигурд Оттович Шмидт, что дало всем нам, сотрудникам редакции, уникальный опыт общения с великим ученым и выдающимся москвичом, который щедро делился с нами рассказами о тех людях, которых встречал и с которыми общался на своем долгом веку. Например, когда речь заходила о Л. Б. Каменеве, Шмидт неизменно вспоминал, как тот делал зарядку в Крыму, где маленький Сигурд с мамой жили в санатории. Очень хорошо, что часть своих воспоминаний Шмидт все-таки изложил письменно, написав о приемах в Кремле в честь челюскинцев и огромную статью, фактически книгу, о своем отце.

Я так много занимался энциклопедическими делами и популярными проектами, что после защиты диссертации почти забросил научно-исследовательскую работу. Полноценно вернуться к ней получилось уже после смерти Сигурда Оттовича, о чем очень жалею, так как медиэвистические сюжеты, которыми я занимаюсь, входили в область его профессиональных интересов, и с ним я уже не мог посоветоваться по поводу своих исследований. В частности,

я продолжил изучать некрополь, который меня интересовал с практической повседневной стороны. Например, сколько стоили те могильные плиты, которые находят археологи? Мог ли простой человек себе позволить такое надгробие? Как его транспортировали? Во что мертвого человека облачали, когда он лежал в гробу? Меня интересовала экономика и практика похоронного дела. Проблемы сохранения памяти об умерших, мемориальная практика, которая вся была религиозной. А главное — восприятие смерти. Так нарисовалась тема моих научных интересов, которая для меня и сейчас является основной: проблема религиозной коммеморации и исторической памяти в Средние века.

Очень интересен вопрос о поминальной культуре. XVI-й век — это расцвет поминальной традиции. Для исследователя здесь много неясного, например, синодики с набором имен, перечисленных в непонятном порядке. Здесь можно найти как генеалогическую информацию, так и сведения о внутреннем мире человека. Можно проследить влияние на него эсхатологических ожиданий того времени. Таким образом, его отношение к смерти — это одно из окон, которое позволяет нам заглянуть в душу средневекового человека. Недавно я закончил большую статью, посвященную коммеморации весьма богомольного человека, который уделял большое внимание поминовению своего рода и своей души — Малюты Скуратова. В роду Бельских, к которому принадлежал Скуратов, было немало монахов, а сам он пожертвовал в Иосифо-Волоколамский монастырь огромную сумму в 1500 руб-

лей и много церковной утвари, скорее всего, награбленной в Новгороде. Как это все он мог примирить внутри себя — массовые убийства и грабеж церковного имущества и церковную благотворительность? Таким образом, собирается богатый материал для книги, которую можно было бы назвать «Русский средневековый человек перед лицом смерти» по примеру классической работы Филиппа Арьеса «Человек перед лицом смерти». Мои будущие творческие планы сосредоточены на этой теме и связанных с ней источниках.

М. А.: Помимо Ваших научных достижений Вы еще известны как человек, занимающий активную общественно-политическую позицию. В частности, Вы явились одним из организаторов сопротивления строительству памятника Иоанну Грозному в Рузе. Расскажите, пожалуйста, об этом.

С. Ш.: Неожиданно те довольно специфические исторические сюжеты, которыми я занимался, оказались востребованы современной действительностью и как-то включили меня в общественную жизнь, в которой я ранее особенно не участвовал. Речь идет о попытке установить памятник Ивану Грозному в городе Рузе в 2017 году. Поскольку это происходило в Московской области, которую я считал своей краеведческой вотчиной, меня это крайне возмутило, и я проявил неожиданную для себя активность: организовал известных историков подписать протестное письмо губернатору области. В этом приняли участие такие ученые-корифеи, как С. М. Каштанов, А. Л. Хоршкевич, Б. Н. Флора и другие. Бы-

ли обсуждения, мои поездки в Рузу, где я познакомился с прекрасными людьми, работниками местного музея и священниками. Все они очень здраво оценивали Ивана Грозного и были против памятника, который продвигал известный деятель Василий Бойко-Великий, убежденный, что царь — это святой мученик. Тогда оказался актуальным оказался мой интерес к Ивану Грозному, а именно — к истории его покаяния в гибели сына, так ярко и выразительно описанной в Троицкой вкладной книге 1673 г.

В результате все наши усилия сработали, и памятник не стали устанавливать. Я не обольщаюсь по поводу значения историков, думаю, что главную роль сыграла позиция митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, который был против. Но все же это была довольно интересная и впечатляющая кампания, завершившаяся успехом. Сейчас, вспоминая эти события, я думаю, что мог бы и в более важных вопросах, касающихся судьбы страны, быть активнее. И я сам, и все мы, ученое сообщество. Ведь нашлись силы и время бороться с какими-то маргинальными «грознофилами», а все остальное мы, получается, упустили.

М. А.: **Ваша последняя книга посвящена младшему брату Ивана III, князю Андрею Большому Углицкому. Правление московского князя Ивана III считается переломным моментом в развитии русской государственности. Каково Ваше мнение касательно выбранного Вами героя и эпохи, в которую он жил?**

С. Ш.: Мои размышления о сегодняшнем дне неизменно связаны

с анализом прошлого. Мне кажется, важно уйти от линейных сопоставлений, допустим, путинского авторитаризма с самодержавием, несмотря на внешнее сходство. Но тем не менее мы не можем обойти вопрос о том, насколько современное положение в России сформировано ее историческим опытом развития. В какой-то степени свои мысли по этому поводу мне удалось выразить в книге, посвященной младшему брату великого московского князя Ивана III, князю Андрею Большому Углицкому. В первую очередь надо отметить, что эта книга насыщена, в основном, конкретным материалом. О деятелях XV столетия писать трудно из-за скудости источников, поэтому пришлось собрать все, что мы знаем о самом князе Андрее Углицком, Угличе его времени, архитектуре и топографии города, географии удела, придворных и дьяках угличского двора, религиозных деятелях, которые окружали князя и т. д. Приходилось обращаться к поздним источникам, легендам, рассматривать их критически, осмысливать историографию, которая, в основном, характеризует удельного князя с московской точки зрения, т. е., как врага, «мятежника». В ходе этого исследования я вышел на более широкую проблему — пути развития российской государственности в XV столетии. Здесь я счел возможным обратиться к идее Владимира Борисовича Кобриня об альтернативах исторического развития. Эта идея, на которую потом налили любители «альтернативной истории», вполне плодотворна для научного размышления. Речь идет не о каких-то фантастических сценариях, а о тех тенденциях, которым не удалось по той или причине развиваться.

Если мы возьмем XIV и первую половину XV века, то, мне кажется, такой тенденцией, альтернативой была феодальная федерация, где великий князь московский и владимирский был первым среди равных, но не единовластным государем. Во время династической войны XV в. эта структура начала разрушаться, а Иван III ее уничтожил окончательно, и частью этого процесса была его расправа с младшим братом, Андреем Углицким. Я сочувствую князю Андрею и всей идее феодальной федерации в целом (думаю, что, если бы этот путь был реализован, российский путь бы ближе к классическому западноевропейскому феодализму со всеми вытекающими отсюда последствиями), но понимаю, что победа единодержавия (самодержавия) была закономерна и обусловлена. Следует согласиться со всеми историками-государственниками, начиная с С. М. Соловьева, что в те времена по-другому невозможно было выжить по причине постоянной угрозы со стороны татарских ханств. Механизмом формирования единого Российского государства была военно-политическая и экономическая мобилизация (к сожалению, актуальный сейчас термин). Она являлась основой существования страны вплоть до середины XIX в., когда верховная власть начала постепенно демонтировать мобилизационную модель. Таким образом, у современных событий есть исторические корни, но это никак не может оправдать жуткую агрессию против Украины и уничтожение прав человека в России, которые сейчас происходят.

Возвращаясь к Андрею Углицкому, должен сказать, что эту книгу ме-

ня попросил написать мой коллега Алексей Суслов, главный редактор замечательного краеведческого альманаха «Угличе Поле». Я легкомысленно согласился, и в результате оказалось, что на это ушло три года работы. Мне кажется, она удалась. По крайней мере, о ней есть хорошие отзывы специалистов.

М. А.: После начала войны Вы уехали в Америку. Расскажите, пожалуйста, о причинах отъезда, чем Вы сейчас занимаетесь, каковы Ваши планы на будущее.

С. Ш.: Это не совсем так, я приехал в Америку в начале октября. А первые месяцы после войны продолжал работать в Москве, участвовал во всех антивоенных инициативах научного сообщества — это были открытые письма, петиции, посты в социальных сетях. Я нашел взаимопонимание со студентами РГГУ, где преподавал с 1998 г. Они также были потрясены происходящим, участвовали как могли в антивоенном сопротивлении. Как многие из коллег-историков. Но антивоенное движение довольно быстро было раздавлено, люди перестали выходить на митинги. Я получил два административных ареста и тоже был вынужден прекратить выходить на улицу. И эта ситуация, когда ты не можешь открыто выразить свой протест против происходящего, а вынужден ради собственной безопасности сидеть и помалкивать, привела к тому, что мы с женой начали искать работу за границей и нас пригласил для чтения лекций Университет Чикаго. Передо мной поставлена задача объяснить: каковы исторические причины того, что Россия взбесилась и напала на Украину. Сейчас я готовлюсь чи-

тать этот курс, он называется «Roots of War: Historical and Cultural Causes of Russian Aggression in Ukraine» и начнется в январе. В нем мы коснемся и XV столетия, но главное внимание будет сосредоточено на XX столетии и современности. Сейчас я приобретаю новый, интересный опыт и надеюсь, что в ближайшем будущем произойдут перемены, которые позволят России начать новый этап развития, и происходящие ужасные события закончатся.

М. А.: Как Вы думаете? Тот цикл лекций, который Вы готовите, должен воплотиться в какое-то полноценное исследование?

С. Ш.: Пока не могу сказать, потому что там много нового для меня

материала. Самый главный вопрос, который стоит передо мной и слушателями: агрессия России против Украины, этот милитаристический путинизм — это закономерность или «вывих» на историческом пути? Это норма для российской истории? Это предопределено и всегда теперь так будет, или же это только роковое стечение обстоятельств? На него я должен ответить. Могу сказать, что я вижу эти процессы очень сложными и нелинейными. Тут нельзя упрощать и проводить какие-то прямые аналогии. Хотя это и очень заманчиво сказать: почитайте Герберштейна, он уже давно все об этом написал. Нет, этого недостаточно.

М. А.: Большое спасибо за интервью!

«МНЕ ПОМОГ СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ...»

Интервью с О. Е. Кошелевой

Известный историк, специалист в области истории детства и повседневности Ольга Кошелева вспоминает о трудностях научного пути в советские годы и о новых профессиональных возможностях, открывшихся после падения железного занавеса.

Ключевые слова: история России раннего Нового времени, боярская элита XVII века, история частной жизни и повседневности, история образования и просвещения в России XVII–XVIII вв., история детства

Сведения об авторе: Кошелева Ольга Евгеньевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исторической антропологии Института всеобщей истории РАН.

Контактная информация: okosheleva@mail.ru

Основные публикации: Детство в европейских автобиографиях. От Античности до Нового времени. Антология / Ред. сост. В. Г. Безрогов, Ю. П. Зарецкий, О. Е. Кошелева. СПб.: Алетейя, 2019. 618 с.; *Кошелева О. Е.* «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI–XVIII вв.): Учеб. пособие по пед. антропологии и истории детства. М.: УРАО, 2000. 319 с.; *Кошелева О. Е.* Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М.: О. Г. И., 2004. 486 с.; *Кошелева О. Е.* Один из Иванов в эпоху Петра (опыт персональной истории) // Казус-2002. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 4 / Под ред. Ю. Л. Бессмертного и М. А. Бойцова. М.: О. Г. И., 2002. С. 305–328; *Marshall Poe.* The Russian elite in the seventeenth century. In 2 vols. Vol. 1. The consular and ceremonial ranks of the Russian «sovereign's court», 1613–1713 / Marshall T. Poe, Ol'ga Kosheleva [et al.] Helsinki: Finn. acad. of science a. letters, 2004. 469 p.; Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях: Учебно-методическое пособие / В. Г. Безрогов, О. Е. Кошелева, Е. Ю. Мещеркина, В. В. Нуркова; [Под общ. ред. Б. М. Бим-Бада]. М.: УРАО, 2001. 190 с.; *Kosheleva Olga.* To Discipline Those Who Teach: The Penetration of Petrine Educational Reforms into Russian Educational Practice // *Everyday Life in Russian History: Quotidian Studies in Honor of Daniel Kaiser.* Gary Marker, Joan Neuberger, Marshall Poe, and Susan Rupp, eds. Bloomington, IN: Slavica Publishers. 2010. С. 317–328; *Кошелева О. Е.* Современная отечественная историография России предпетровского времени: новые аспекты // *Quaestio Rossica.* Vol. 6. 2018. № 1. P. 269–289; *Kosheleva Olga.* Education as a Problem in Seventeenth-Century Russia // *The State in Early Modern Russia: New Directions* / Ed. P. Bushkovitch. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2019. P. 191–217; *Košeleva Ol'ga.* «Lass nicht zu, dass Du gefoltert wirst...». Die Ermahnung von Verdächtigen durch Geistliche in der Gerichtspraxis in der Provinz in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Band 69 (2921). Heft 3. 2021. S. 420–436.

«A LUCKY CHANCE HELPED ME...» Interview with O. E. Kosheleva

Renowned historian, specialist in the history of childhood and everyday life Olga Kosheleva recalls the difficulties of the scientific path in the Soviet years and the new professional opportunities that opened up after the fall of the Iron Curtain.

Keywords: the history of early Modern Russia, the boyar elite of the XVII century, the history of private life and everyday life, the history of education and enlightenment in Russia of the XVII–XVIII centuries, the history of childhood

About the author: Kosheleva Olga — Doctor of Historical Sciences, Leading researcher at the Center for Historical Anthropology of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: okosheleva@mail.ru

Беседовала М. Ю. Андрейчева

М. А.: Что Вам известно о Ваших предках? Расскажите, пожалуйста, о Вашей семейной памяти?

О. К.: В мои школьные годы, которые прошли в 1960-е годы, и потом студенческие — в 1970-е, я, конечно, кое-что знала о своих предках: бабушка моя была жива, и дедушка был жив, но в молодости не очень этим интересовалась, и это даже в целом не поощрялось. Потому что из прошлого могло вылезти — и оно, в общем-то, и вылезло — всякое разное неприятное в советское время. А вот в 1990-е годы моя мама написала свои воспоминания, бабушка написала еще раньше — где-то в 1970-е.

Ну, начну, наверное, с мамы моей мамы — моей бабушки. Ее отец был прибалтийский немец — барон Николай Эрнестович Цеге фон Мантейфель. Он воевал, был героем штурма Плевны, награжден Анной 4 степени и другими наградами. Потом он был полицмейстером в Калуге и в Козельске. Он был членом Калужского отделения Православного Палестинского общества, его казначеем.

Когда убили великого князя Сергея Александровича, он явился главным инициатором создания под Калугой уникального Сергиева скита. Не так давно мы с мужем туда ездили — хотели посмотреть, что там осталось — сохранилась только водонапорная башня. В 1918 году прадед был расстрелян без суда и следствия заняв-шими Козельск большевиками.

А бабушка была младшей сестрой в этой большой семье. У нее была сестра-двойняшка. Во время Революции им было по 15 лет, и они учились в гимназии. Революция их увлекла, и бабушка оказалась в Москве, где работала «на посылках» в Женском комитете МК РКПб. Она оказалась свидетельницей взрыва в Леонтьевском переулке, который устроили эсеры. Случилось так, что бабушка буквально на несколько минут вышла — там были причины для этого — и погибли все, включая ее ближайшую подругу. После этого она тяжелейшим образом заболела: у нее был нервный срыв, и потом к этому срыву присоединился тиф. Бабушка все время боялась: боялась

своей немецкой фамилии, что отца расстреляли, что присутствовала при этом взрыве и не погибла. Поэтому она сначала работала в Академии архитектуры, а потом старалась просто нигде не появляться со своим паспортом и преподавала английский частным образом.

М. А.: А кем она была в академии?

О. К.: В Московском отделении Союза архитекторов она работала младшим научным сотрудником. Его руководитель Николай Яковлевич Колли неожиданно порекомендовал ей подать заявление об увольнении по собственному желанию, чтобы ее фамилии не было в списках сотрудников академии, которую должна была проверять какая-то специальная комиссия. Увольнение было оформлено задним числом. Колли посоветовал бабушке подождать устраиваться на работу, "не высываться". Калужская гимназия, которую бабушка заканчивала, дала ей хорошие знания языка, и она всю жизнь брала частных учеников и учила их английскому языку. Пенсии у нее не было. После того, как юная бабушка переболела тифом, она вышла замуж. Дед мой был ее постарше: к этому времени он закончил Московское Училище Живописи, Ваяния и Зодчества и был выпускником 1917 года, получив золотую медаль по курсу архитектуры. Его выпускной работой явился проект здания биржи, и он должен был поехать на два года в Италию как стипендиат, но поехал, конечно, как Вы понимаете, в другую сторону. Дед был мобилизован в Красную армию в качестве военного инженера-строителя. Ему пришлось оформлять плакатами ре-

волюционные поезда, и в одном таком бронепоезде он познакомился с сестрой бабушки, женой начальника бронепоезда. Она, узнав о плохом состоянии своей сестры, попросила деда съездить к ней. Он нашел изголодавшуюся, худую, тяжело больную девушку и влюбился в нее. Так они познакомились и позже поженились в 1920 г. В Москве в это время были голод и безработица, поэтому им в то же году пришлось уехать в Туркестан с большой группой художников и архитекторов, где они занимались реставрацией архитектурных памятников. Там дед общался с художником Петровым-Водкиным, который, кстати, по семейной легенде, нарисовал бабушкин портрет. Я пыталась найти этот портрет, однако, вероятно, он был утрачен. Но потом они в январе 1921 г. вернулись в Москву, а в ноябре родилась моя мама. Они жили сначала у друзей, потом поселились в Новодевичьем монастыре в кельях, которые были отданы под жилье артели художников.

Мой дедушка-архитектор, Тарасов Владимир Васильевич, происходил из артистической семьи. Его отец Василий Кузьмич был артистом балета Большого театра. У него был не очень высокий рост, поэтому он, как правило, танцевал такие характерные партии, как Конек-Горбунок. Его супруга, моя прабабушка, тоже танцевала, будучи артисткой кордебалета. У них было восемь детей. Прадед рано вышел на пенсию и преподавал в кадетских корпусах танцы. В частности, в Полтаве, где он скоропостижно умер в 1910 г. чуть ли не на уроке. Не так давно я нашла в Интернете «Полтавские ведомости», где был опубликован подробный ему

некролог. В итоге семья осталась без кормильца. Они жили в Убежище для престарелых артистов императорских театров в Измайлове. Сестры дедушки там закончили гимназию.

Но самое интересное — это то, что я узнала про эту мою прабабушку. Было известно, что она тоже танцевала в Большом театре. И фамилия у нее была немецкая Юлия Генриховна Грингоф. Говорили в семье, что вроде бы она была приемная дочка: какие у нее корни, было непонятно. И вот недавно оказалось, что она происходила из самого низшего сословия, которое только в России могло быть, — была солдатской дочерью. Не знаю, законнорожденной или нет, но более несчастного происхождения, чем дети солдатки, это даже представить себе трудно. Даже крепостные были как-то более благоустроены. И ее, видимо, с детства отдали в балетную школу, и даже тогда, когда были большие сокращения в Большом театре, особенно кордебалета, ее все-таки оставили, то есть она смогла сама там удержаться, self-made, так сказать. И всем детям смогла дать образование. К сожалению, не осталось ее фото.

М. А.: То есть получается, что у Вас в роду преимущественно были люди творческие?

О. К.: Не только. Например, по линии отца были люди из других социальных сфер. Его отец, мой дедушка, был железнодорожником. Он служил на станции Арапово — большом железнодорожном узле под Саратовом, который теперь называется Ковылкино. А мать отца была родом

из близлежащей деревни. В их семье было три сына, из них папа был самый младший. Я некогда была в Саранске и на каждом шагу видела фамилию «Кошелевы». Дело в том, что там был помещик Кошелев, который владел большими именьями, и когда освобождали крестьян, он всем своим крестьянам дал свою фамилию. И, собственно, фамилия моя не дворянская — Кошелева — а как раз крестьянская.

М. А.: Поделитесь, пожалуйста, Вашим личным опытом прихода в историческую науку? Прежде всего периодом школы. Когда Вы поняли, что Вам интересна история?

О. К.: Я училась в 6-й московской спецшколе. Это была отличная, замечательная школа. У нас был очень дружный класс. Поскольку школа была с языковым уклоном, то со второго класса мы очень интенсивно занимались английским языком. В школьные годы, да и намного даже раньше я читала книжки. Я просто не расставалась с книгой: читала, когда обедала, на школьных уроках, в транспорте. Так как мы жили в одной комнате с родителями, то я читала книжки ночью с фонариком под одеялом. Конечно, в этом ничего хорошего не было, потому что это выглядело своего рода наркоманией. И, конечно, к 10-му классу, когда надо было как-то выбирать дальнейший путь, стало понятно, что мне и выбирать не надо — я буду заниматься чем-то, связанным с литературой. Также было ясно, что я буду поступать в МГУ, потому что это было лучшее учебное заведение. Я не была уверена, что поступлю, но все равно пытаться обязательно надо

было. У меня мама по профессии — филолог. Она преподавала русский язык и литературу в институте и меня предупредила: «Если ты хочешь поступать на филологический факультет, то тебе придется заниматься историей языкознания и лингвистикой». Я заглянула в учебник «История языкознания» и поняла, что это сопромат какой-то, и это учить я точно не буду. И тогда я решила, что самый для меня близкий предмет — история. У нас в школе был замечательный учитель истории — Александр Самуилович Завадье. Мы очень любили его уроки, так как он всегда очень интересно рассказывал, много нам читал, фильмы показывал. Таким образом, я решила поступать на истфак. Правда, я сначала думала быть археологом. Влекла романтика: поездки, костер, гитара.

М. А.: В каком году Вы поступили в университет, и легко ли Вам далось поступление?

О. К.: Это было в 1970-м году. Поступить было очень трудно. Мы и в школе занимались, и на дополнительных занятиях с учителями, у меня был также репетитор — аспирант МГУ. Конкурс был 17 человек на место. Мне удалось хорошо сдать экзамены, однако я получила тройку за сочинение. Мне снизили баллы из-за стиля. Об этом я узнала лишь через несколько лет, а иначе могла бы подать на апелляцию. Ведь тогда московским школьникам намеренно занижали оценки, чтобы дать возможность поступить представителями рабочего класса и колхозникам... В итоге я прошла на вечернее отделение. Но это все равно было очень здорово, потому что на вечернем учиться было даже луч-

ше, чем на дневном. Там было больше свободного времени. Занятия были вечером, а днем мы ходили на все факультеты слушать разных известных, знаменитых профессоров. В частности, на филфаке я слушала Сергея Михайловича Бонди про Пушкина, мы ходили на все исторические лекции — на А.Ч. Козаржевского, на Д.В. Сарабьянова, у нас читал Александр Моисеевич Пятигорский буддизм и индологию. Мы слушали лекции философа Мераба Константиновича Мамардашвили. Это все было наше собственное желание, никакими программами это не предусматривалось. Но на третьем курсе я все-таки перешла на дневное отделение.

М. А.: А в студенческое время уже как-то обозначились Ваши научные интересы? Какие педагоги произвели на Вас наибольшее впечатление?

О. К.: Безусловно. На меня огромное впечатление произвел индолог А.М. Пятигорский. Одно время я хотела заниматься Англией, думала изучать русско-английские взаимоотношения. Но мне на кафедре сказали: «Какая Англия? Вы не сможете выехать из Советского Союза, поэтому данной темой заниматься нельзя». На третьем курсе у нас была архивная практика, и архив древних актов на меня очень большое впечатление произвел. Подумывала также заняться русской историей — конечно же, только древней.

Выбор всегда очень тяжелая вещь. В университете помимо учебы я работала лаборантом на кафедре Древнего мира. Туда как-то раз зашел Алексей Константинович Леонтьев, мой будущий научный руководитель,

который и сказал: «Я слышал, что Вы хотите к нам на кафедру феодализма идти. Я был бы очень рад!» В тот момент мне было очень неудобно ответить, что я все-таки к Пятигорскому хочу, и мне пришлось пойти на эту кафедру, о чем я тоже совершенно не жалею: Индию я бы не потянула — санскрит слишком сложный.

М. А.: Скажите, а в итоге Вы с ним защищали дипломную работу?

О. К.: Да, с Леонтьевым.

М. А.: А на какую тему?

О. К.: Тогда у кафедры было такое отделение «Лаборатория истории культуры», которое трудилось над несколькими томами «Истории российской культуры». Изданию нужны были подготовительные материалы. И нам старались давать дипломные темы, с этим связанные. Мне Леонтьев посоветовал заняться сборником «Лекарство душевное» (XVII в.). Это рукопись, богато украшенная миниатюрами. И речь шла о том, чтобы изучить миниатюры в соответствии с методикой Арциховского и выяснить, отражают они реальность или нет. Ответ, конечно же, был отрицательный. Тем не менее работа была написана. Даже удалось сделать некоторые открытия. Так, благодаря диплому, я начала делать первые шаги в работе с рукописями.

М. А.: А Вы сразу же после защиты, после окончания учебного заведения решили, что хотите заниматься наукой?

О. К.: По окончании вуза мне дали от кафедры истории феодализма реко-

мендацию в аспирантуру. Но я сдала на тройку госэкзамен. У нас весь курс сдавал в один день, а я была девушка скромная — все время в конце стояла, и до меня очередь отвечать дошла часов в 10 вечера. К этому моменту без отдыха и обеда я была уже в ужасном состоянии. Мне поставили тройку, и аспирантура прогорела. Тогда это, конечно, меня очень огорчило, и я пошла искать работу. Это был первый год, когда отменили распределение. Мы были совершенно этим ошеломлены. Вначале я нашла работу в Коломенском — экскурсоводом. Но на кафедру пришел наш преподаватель Александр Сергеевич Орлов и сказал: «Какие глупости! Какое Коломенское?! Вы все сейчас быстро собираетесь, я уже договорился, будете работать в РГАДА». И такой поворот судьбы оказался лучше аспирантуры. Я была только со студенческой скамьи и ничего не умела, ничего не понимала и ничего не могла. А мне в РГАДА дали такую работу, которая не по силам и опытному сотруднику. Там был фонд «Рукописное собрание РГАДА», который включал 1700 неописанных единиц хранения. В этот фонд просто складывали те документы, которые переводили из других архивов или приносили дарители. Их складывали в одном месте, в так называемой архивной «клетке». Эта клетка была почти до потолка заполнена. С этим фондом уже год до моего прихода работал выпускник Историко-архивного института Борис Николаевич Морозов. Меня к нему подсоединили, и мы все это описывали два года, он мне первое время очень помогал. В коллекции фонда было буквально все: летописи, богослужебные книги, письма XIX века, тайские таблички

на бамбуковых листах. И со всем этим надо было разобраться, привести в порядок, описать. Это была отличная школа для историка. Я только теперь понимаю, какой это сложный труд. Но мы очень старались и у нас все получилось.

М. А.: Вы в процессе работы там нашли свою стезю?

О. К.: Я отработала в РГАДА два года и вернулась в аспирантуру на свою кафедру. Но теперь я уже умею работать с любыми источниками. Я хотела заниматься русско-английскими отношениями XVII в. по документам Посольского приказа. И даже уже подготовила обоснование темы. И вдруг мне прямо на заседании кафедры, где я собиралась это обсуждать, говорят: «Нет, это не пойдет. Какая Англия? Вдруг кроют все фонды? В РГАДА могут закрыть дела Посольского приказа, и у Вас все провалится. Мы не можем рисковать».

В этот день был какой-то финальный футбольный матч. Все спешили и хотели мой вопрос быстрее решить. И мой научный руководитель Леонтьев говорит: «Вот я читал: боярин был такой — Одоевский Никита Иванович. Сто лет почти прожил. Давайте Вы про него напишите». Я говорю: «Ладно, посмотрю». Я посмотрела, и оказались, что об этой персоне XVII века источников мало. Вдобавок об Одоевском уже была написана исследователем Арсеньевым очень большая статья еще в XIX веке. Я пришла на кафедру и говорю: «Вот, я посмотрела. Что-то не получается». В этот день опять был футбольный матч, и было тяжело обсуждать. Мне на кафедре говорят: «Ну,

если один боярин не получается, то возьмите всю Боярскую думу. И там Вы наберете материал». И так вот я осталась с этой темой.

Я начала работать над ней. Она шла очень тяжело, потому что материала, в общем-то, было очень мало. Я рассматривала Думу при царе Алексее Михайловиче, и, когда вышла на предзащиту, мне сказали: «Как это у Вас такая тема по царям? Такой не может быть. И вообще, это мало. Возьмите еще царя Федора Алексеевича, подсоедините». Я подсоединила, и моя работа стала называться «Боярская дума в начальный период развития абсолютизма». В общем, с кандидатской было много трудностей. Тем не менее эта тема имела очень хорошую практическую реализацию: когда началась перестройка, мы сделали с американцами большой проект — базу данных по Боярской думе, и ее основой стала моя кандидатская диссертация. Мы начали проект в 1991 году, а вышла публикация под именем Маршалла По, поскольку он ее завершал, в 2004 году.

М. А.: А когда Вы защитили кандидатскую?

О. К.: Я почти 8 лет занималась кандидатской и защитилась уже, когда я пошла работать, в 1987 г.

М. А.: Куда Вы пошли работать?

О. К.: Я закончила аспирантуру в 1983 г. и пошла работать в Научно-исследовательский институт теории и истории образования. В него я попала тоже совершенно случайно, буквально потому, что из кармана одного моего знакомого выпала

визитная карточка. Я ее прочитала и поняла: вот куда мне надо. И, более того, этот институт оказался рядом с моим домом — 15 минут пешком. В институте в тот момент готовили академическое издание «История школы и образования СССР с древнейших времен». Туда пришел тогда еще достаточно молодой, замечательный историк-энтузиаст Днепров Эдуард Дмитриевич. Он стал новым заведующим лабораторией «Истории школы и образования дореволюционной России». Днепров посмотрел рукопись книги об образовании в средневековый период, которая была подготовлена до него, и понял, что это — адский кошмар. Он начал искать специалистов, которые бы могли написать на хорошем научном уровне. И тут как раз я и объявилась.

Фактически первые годы я только этим изданием и занималась. Книга вышла в 1989 году, и сейчас, по прошествии многих лет, я могу сказать, что да, я довольна этой работой. Она и сейчас вполне сохраняет свою актуальность.

М. А.: А после кандидатской диссертации какое направление приняли Ваши научные интересы? Не хотелось ли сделать перерыв, подумать? Или появились какие-то новые цели, которые опять же обозначила диссертация?

О. К.: Я считаю свою научную биографию исключительно счастливой. Мне было очень хорошо работать в Институте теории и истории образования. Наш исторический сектор был таким оазисом, где работали очень толковые люди. Мы все дружили и делали интересные работы.

В институте настаивали на том, что мне необходимо защитить докторскую. На Ученом совете была утверждена тема «История российского образования на переломе эпох». Речь шла о Петровском времени, когда средневековая традиция переломилась под напором западного влияния.

Были годы Перестройки, я продолжала как исследователь работать в РГАДА. Мы задумали с моим коллегой Борисом Николаевичем Морозовым заниматься справочно-информационной помощью иностранным аспирантам в архиве. В ходе работы мы познакомились с Рассом Мартином и Маршаллом По, которые предложили со своей стороны сделать базу данных членов Боярской думы.

По этому проекту я получила грант и поехала в Америку в Гарвардский университет. И мы там вместе с Рассом и Маршаллом продолжили работать над этой базой. Параллельно я занималась своей темой, связанной с историей образования. В Гарварде я стала начитывать литературу и поняла, что хочу заниматься историей детства.

Поездка в Америку очень сильно меня изменила в профессиональном плане. Я поняла, что в научном аспекте мы отстали от всего на свете. В гарвардской библиотеке можно было свободно ходить в книгохранилище, там стояли рабочие столы для visiting researchers, оборудованные всем необходимым. Там даже для купальника была сушилка, так как в перерывах между чтением читатели ходили в бассейн. Я начала смотреть на названия книжных разделов, отмеченных на полках: все было

удивительно. Например, в разделе «История детства», который тоже казался необычным, я обнаружила стеллаж под названием «Кормление грудью». Читаю, а там: «Кормление грудью в Месопотамии», «Кормление грудью в Румынии» и т. д. по всем странам. Для меня, советского историка, это был шок: какое «кормление грудью» в исторической библиотеке? Оказывается, история младенчества и вообще историческая демография, которая тогда была в моде, очень сильно зависела от исследования этого вопроса: где была традиция длительного кормления детей грудью, они выживали намного лучше, и, соответственно, демографический рост был выше. И другие для меня были шокирующие открытия: новые направления, такие темы, совершенно потрясающие. И я, когда вернулась в Россию, написала большую статью по историографии истории детства.

Мы тогда вообще очень плохо знали зарубежную литературу. Вы даже представить не можете себе, насколько. Ведь, когда моя диссертационная работа по Боярской думе при Алексее Михайловиче была уже готова, я вдруг узнаю, что вышла книга американского исследователя Роберта Крамми тоже про боярство в XVII веке. Я пришла в ужас: как же я буду защищаться, а тут точно такая же книга? Меня на кафедре успокоили: «Что Вы глупости говорите? Это ж в Америке! Какая разница?! Мало ли, чего они там пишут! И в голову не берите!»

То же самое вышло со статьей по историографии истории детства. Когда я ее написала, то отдала ее в журнал «Советская педагогика». Работу напечатали, выбросив все сноски. Я го-

ворю: «Что это?! Как это?!» Они говорят: «Ну это же зарубежная литература. Кто ее читать будет? Зачем она, только место занимает!» То есть вот такое пренебрежительное отношение было к зарубежной литературе. А поездки на стажировку в США дали мне возможность хорошо познакомиться с англоязычной литературой, спасибо моей школе, давшей свободное владение английским языком.

М.А.: В итоге с каким результатом Вы подошли к защите докторской диссертации?

О.К.: Моя докторская по истории образования не состоялась вообще. В итоге я защитила работу на тему «Повседневность Петербурга петровского времени». А книга называется «Люди Санкт-Петербургского острова». Выросла эта тема случайно из занятий историей детства. Замечательный историк Дмитрий Олегович Серов как-то показал мне в архиве опись молодого Петербурга 1718 года, содержащую перепись дворов и их жителей. Там упоминались женщины, младенцы, прислуга и случайные жильцы. То есть это был такой фотографический снимок повседневной жизни этих людей, но сначала я и заинтересовалась в ней только детьми. После чего я нашла другую опись — и если в первой спрашивали, кто живет в этом дворе? то в этой, созданной на год раньше, спрашивали: какие у Вас постройки во дворе? Какой дом, какие амбары, какие конюшни и т. д.? И еще была третья опись, где спрашивали: Как Вы получили эту собственность? Когда Вы сюда приехали? Кто Вам дал этот участок? То есть получилось, что я знаю все: я вообще могу пройти по этим пе-

тербургским улицам 1718 года и знаю там каждого человека. Я начала привлекать еще судебные дела и увидела жизнь этих людей, конфликты, быт и так далее. Мы обсуждали наши находки с Димой Серовым и дообсуждались до докторской диссертации. В итоге я написала книгу, а потом мне профессор РГГУ Александр Борисович Каменский говорит: «А давай мы ее защитим! Книга-то хорошая!». Я дописала историографию, автореферат. И так получилось, что в отличие от кандидатской, докторская сама как-то родилась.

М. А.: В каком году вышла Ваша книга?

О. К.: Она вышла в 2004 году в издательстве ОГИ. Замечательный издатель Евгений Пермяков, который в скором времени, к сожалению, погиб, сам меня пригласил. А в 2008 году я защитила эту работу в качестве докторской диссертации.

М. А.: Расскажите, пожалуйста, о Вашей связи с Институтом всеобщей истории. Она тоже родилась на базе изучения истории повседневности?

О. К.: Я, когда приехала из Америки (а я потом начала туда часто ездить, как и в Германию), в 1994 году Леонид Иосифович Бородин организовал такую большую школу «Историк и компьютер». Тоже очень много народа из-за рубежа приезжало, очень много связей образовывалось. И кто-то меня позвал в ИВИ РАН к Юрию Львовичу Бессмертному, который начал тоже исторической демографией заниматься. Благодаря ему в институте образовалось направ-

ление, исследующее историю семьи и частной жизни. Сам Юрий Львович был человеком совершенно уникальным. Я стала работать в его семинаре. Появился по его инициативе альманах «Казус», и я стала писать в него статьи. У меня в ИВИ просто открылось второе дыхание. Мне хотелось работать в институте, но там не было ставок. Юрий Львович умер, к сожалению, в 2000 году. А директор ИВИ РАН Александр Оганович Чубарьян мне сказал: «Вот будете доктором — тогда я Вас возьму». И взял меня на работу после защиты. Это было в 2012 или в самом начале 2013 года.

М. А.: А после защиты появились какие-то новые для Вас темы?

О. К.: Вы знаете, я не сказала, наверное, Вам самого главного, как часто бывает. Ведь все это время, о котором мы говорим, я продолжала работать в РГАДА. В аспирантуре я работала там по договору. Потом я работала там на полставки. Я и сейчас продолжаю там работать как сотрудник, это уже почти 40 лет. Я продолжаю описывать там неописанные (или недостаточно хорошо описанные) материалы. Давно работаю с провинциальными воеводскими канцеляриями, то есть документами городских административно-судебных органов, где отражается вся городская жизнь. Я пытаюсь что-то планировать, а жизнь планирует сама. Потому что, когда работаешь в архиве, ты все время встречаешь что-то уникальное!.. «Ну, Боже! Это вообще! Это открытие! Это нельзя пропустить!» И так не только я, так многие сотрудники по архивным коридорам бегают: «Открытие, открытие!!!» Правда, потом бывает «закрытие», и все мы

ищем «Слово о полку Игореве», конечно... Или уже нашли библиотеку Ивана Грозного (улыбается).

По этой причине я нахожусь в постоянном разбросе, потому что у меня в связи с работой в архиве появляется очень много интересных материалов, и всегда хочется об этом рассказать, то я в Екатеринбург еду, то в Париж, то еще куда-то.

Из тематики, которой я продолжаю заниматься на постоянной основе: история городской повседневности и история детства. По этим темам бывают интересные предложения. Например, в этом году предложили выступить с докладом в Петергофе с темой «Детство во дворце». И я: «Нет-нет-нет!!! Не знаю я никаких дворцов. И вообще...» Но все-таки оказалось, что знаю я про детство во дворце, и там уже выступала, и статью сделаю. Ну, и вот так это все иногда неожиданно получается. Не знаю, хорошо это или плохо... Времени уже в жизни мало, книг недописанных много... И еще что важно — мой подход к материалу — микроисторический, в нем мне удобно и интересно работать. В прошлом году открыли новую серию в издательстве НЛО «Микроистория», я вхожу в редколлегию этой серии и активно в ней работаю, надеюсь, что серия получится интересной.

М.А: Видимо, много должно быть тех случаев, о которых Вы рассказываете, чтобы долгие темы, которые Вы наметили для себя, были реализованы? А та современная ситуация, которая сложилась с взаимодействием нашей страны с внешним миром — она сказалась как-то на Ваших планах?

О.К.: Пока никак. Потому что зарубежные коллеги давно стали близкими друзьями. Они нас поддерживают. Вот в начале месяца я по скайпу выступала на конференции в Мичигане. Мы прекрасно пообщались. В том научном сообществе, с которым я имею научные связи, — это и Америка, и Германия, и Франция — в человеческом плане ничего не поменялось. Но проекты... У нас был очень важный для поддержки проектов Германский исторический институт в Москве: совместные проекты шли, они оплачивались, поддерживались, публиковались. И вот сейчас институт, хотя и существует, но практически не может функционировать. Но там у меня был проект, который начался в прошлом году. И мы с моим немецким коллегой его просто сами по себе продолжаем. Потому что разве мы можем его бросить?! Нет, мы его делаем и внешние обстоятельства к нему не имеют отношения. И я думаю, что тут все будет хорошо, и мы его непременно завершим без финансовой поддержки. И с другими тоже так. Но, конечно, с молодежью ситуация очень тяжелая... Им все каналы общения перекрыли. Мне легче, я русист, и я могу в Москве работать с источниками. Были бы у меня документы в каком-то парижском архиве, тогда — плохо дело. ... А потом — в этом возрасте у меня уже столько накоплено во всех отношениях — в смысле связей, и дружбы, и документов, и прочего, что для меня лично ничего не изменилось, кроме тяжелого настроения, конечно. Но это личная моя, видимо, судьба, у многих все намного хуже.

М.А: Спасибо большое за интервью!

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски — 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и англий-

ском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15).

Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25).